

ГОРНОЗАВОДСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ И ЗАВОДЫ ЮЖНОГО УРАЛА (1734–1900)

История
Южного
Урала

История Южного Урала

серия
из 8 книг

История Южного Урала

Восьмитомное издание «История Южного Урала» подготовлено ведущими учеными-историками Южно-Уральского государственного (национально-исследовательского) университета при поддержке ректора ЮУрГУ А. Л. Шестакова и президента вуза Г. П. Вяткина.

В издании на основе обобщения накопленных материалов по археологии Южного Урала и сопредельных территорий представлена история социального, культурного и экономического развития населения региона в эпоху камня, бронзы и в раннем железном веке. Комплексный анализ археологических и письменных источников раскрывает исторические процессы, протекавшие в южноуральских степях с эпохи Великого переселения народов до распада Золотой Орды. Новые данные, полученные в результате архивных исследований и подробного анализа горного законодательства дореволюционной России, представляют Южный Урал в XVI–XIX веках. Современные исследования раскрывают ключевые события истории Южного Урала в XX веке.

- Том 1. В. С. Мосин. Южный Урал в каменном веке
Том 2. А. В. Епимахов и коллектив авторов. Южный Урал в начале эпохи металлов. Бронзовый век
Том 3. А. Д. Таиров. Южный Урал в эпоху ранних кочевников
Том 4. С. Г. Боталов. Эпоха Великого переселения народов и раннее средневековье Южного Урала (II–VIII вв.)
Том 5. С. Г. Боталов и коллектив авторов. У истоков южноуральских народов. Южный Урал в эпоху Золотой Орды (IX– начало XV в.)
Том 6. Г. Х. Самигулов, Д. Р. Маслюженко, М. В. Моисеев. Южное Зауралье (первая треть XV — конец XIX века)
Том 7. В. М. Свистунов, А. Г. Тептеев. Горнозаводская политика России и заводы Южного Урала (1734–1900)
Том 8. И. В. Сибиряков и коллектив авторов. Южный Урал. Век двадцатый

**ГОРНО-
ЗАВОДСКАЯ
ПОЛИТИКА
РОССИИ
И ЗАВОДЫ
ЮЖНОГО
УРАЛА
(1734–1900)**

УДК 94(470.55)
ББК ТЗ(2Р36)
С247

Печатается по решению Ученого совета
Южно-Уральского государственного университета.
Протокол № 4 от 29.12.2018 г.

Руководитель проекта:
Г. П. Вяткин, член-корреспондент Российской академии наук

С247

Свистунов, В. М.

Горнозаводская политика России и заводы Южного Урала (1734–1900) /
В. М. Свистунов, А. Г. Тептеев // История Южного Урала : в 8 т. Т. 7.
Челябинск : Издательский центр ЮУрГУ, 2019. 432 с.

ISBN 978-5-696-05091-1 (т. 7)
ISBN 978-5-696-05081-2

Седьмой том многотомной «Истории Южного Урала» посвящен событиям периода русской колонизации Южного Урала 1734–1900 годов. Комплексный анализ архивных документов и российского горного законодательства XVIII–XIX веков позволил найти ответы на вопросы о причинах подъема металлургического производства на Южном Урале в XVIII веке и его кризисного состояния в XIX веке.

Издание рассчитано на специалистов-историков, студентов, учащихся и широкий круг читателей, интересующихся историей России.

УДК 94(470.55)
ББК ТЗ(2Р36)

ISBN 978-5-696-05091-1 (т. 7)
ISBN 978-5-696-05081-2

© Свистунов В. М., Тептеев А. Г., тексты, 2019
© Шарапов Р. Я., оформление, макет, 2019
© Издательский центр ЮУрГУ, 2019

ТЗ(2)
С247

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт истории и археологии Уральского отделения
Российской академии наук», Южно-Уральский филиал

Горнозаводская политика России и заводы Южного Урала (1734–1900)

Том 7
История Южного Урала

Челябинск
Издательский центр ЮУрГУ
2019

Проект «История Южного Урала» имеет исключительное значение не только для Южно-Уральского государственного университета, который выступил его инициатором и сыграл ключевую роль в его реализации. Значение проекта выходит далеко за пределы локального научного или образовательного эксперимента. Создание многотомной «Истории Южного Урала» — это серьезный шаг в процессе конструирования нового образа региона. Формирование такого образа является сложной и ответственной задачей — политической, экономической, социальной, нравственной. Настоящий том посвящен истории Южного Урала периода русской колонизации XVIII–XIX веков, где ключевую роль сыграла

Оренбургская экспедиция (комиссия) 1734 года под руководством И. К. Кирилова, В. Н. Татищева, В. А. Урусова, И. И. Неплюева. Этот период ознаменовался продолжением петровских реформ на южноуральской земле. Тогда в малонаселенном регионе Южного Урала, где основным занятием башкирского населения являлось отгонное скотоводство, началось интенсивное металлургическое строительство. Новый металлургический район, созданный исключительно частными горнозаводчиками, причем в кратчайшие сроки — с 1744 по 1762 год, является образцом промышленной политики правительства императрицы Елизаветы Петровны в истории России.

Ректор Южно-Уральского
государственного университета
А. Л. Шестаков

Данное издание — это седьмой том большого проекта «История Южного Урала», работа над которым была инициирована Южно-Уральским государственным университетом. В издании представлен принципиально иной подход к освещению событий южноуральской истории XVIII–XIX веков.

Благодаря привлечению новых архивных материалов, детально сопоставлению российского горного законодательства XVIII века с проектом Горного положения 1806 года, действовавшим на всем протяжении XIX столетия, получены выводы, позволяющие заключить, что это два совершенно разных блока законов. Горные законы XVIII века, в основе которых находилась петровская Берг-привилегия 1719 года, были направлены исключительно на развитие черной и цветной металлургии в России. Причем, и это особенно важно подчеркнуть, с широким привлечением частного капитала — как торгового, так и промышленного. Тогда как горные уставы XIX века,

базирувавшиеся на проекте Горного положения 1806 года, преследовали исключительно фискальные сиюминутные интересы казны, не имевшие ничего общего с дальнейшим экономическим процветанием России.

В настоящем издании впервые в научный оборот введены редкие архивные материалы и «забытые» страницы рукописной книги А. С. Ярцова, освещающие малоизученные периоды истории Южного Урала XVIII — начала XIX века. Публикуется также фрагмент рукописи М. Ф. Злотникова, посвященный участию России в континентальной блокаде Великобритании. Иными словами, пытливому читателю, будь то специалист-историк или человек, далекий от архивных изысканий, но интересующийся отечественной историей, предоставляется возможность непредвзятого прочтения истории Южного Урала XVIII–XIX веков.

Президент Южно-Уральского
государственного университета
Г. П. Вяткин

Оглавление

Раздел I. ПРОМЫШЛЕННОЕ ОСВОЕНИЕ ЮЖНОГО УРАЛА
в XVIII веке. ПРОДОЛЖЕНИЕ ПЕТРОВСКИХ РЕФОРМ –
28

1 2

Введение
(В. М. Свистунов) –
13

Глава 1.
Известная Оренбургская экспедиция 1734 года: причины, последствия (В. М. Свистунов) –
29
План Ивана Кирилова — строительство Верхнеяицкой пристани и Оренбургской крепости. «Башкирский вопрос». Планы В. Н. Татищева и А. П. Волынского –
31
Верхнеяицкая пристань –
36
Первая Оренбургская крепость –
36
План А. П. Волынского –
38

Глава 2.
Башкирское восстание (1735–1740) (В. М. Свистунов) –
43
Судьба первого гарнизона Верхнеяицкой крепости (пристани) (по документам Г. Ф. Миллера) –
45
Зимний поход отряда Арсеньева к озеру Чебаркуль. Строительство Чебаркульской (деревянной) крепости (1736) –
51
Летний поход правительственных отрядов 1736 года. Строительство Кызылташской, Миасской, Чебаркульской (земляной) и Челябинской крепостей –
55
План военной кампании 1737 года –
64
Военная кампания 1737 года и строительство Еткульской крепости –
65

Боевые действия 1738 года, строительство второй Верхнеяицкой и Уклы-Карагайской крепостей –
69
Хрупкий мир 1739 года –
76
Восстание Карасакала (1740) –
77
«Зимний поход» 1740 года подполковника Павлуцкого –
78
Поход Павлуцкого –
79
Летний поход правительственных отрядов вглубь Башкирии в 1740 году –
80

3

Глава 3.
Горная свобода
(1744–1776)
(В. М. Свистунов) –
87
Строительство
пограничных линий
и начало формиро-
вания иррегулярно-
го войска. образо-
вание Оренбургской
губернии –
89
Тайный советник
И. И. Неплюев
95
Российское горное
право 1744–1758 го-
дов и металлур-
гические заводы
Южного Урала –
105
Строительство
частных металлур-
гических заводов
в Оренбургской
губернии в 1744–
1754 годах –
116

Оренбургское
горное начальство
1754–1781 годов –
128
Продолжение стро-
ительства частных
металлургических
заводов в Оренбург-
ской губернии
в 1754–1755 годах –
130
Башкирское вос-
стание 1755 года –
131
Продолжение стро-
ительства частных
металлургических
заводов в Орен-
бургской губернии
в 1756–1773 годах –
134
Кусинское
заводское место
147
Формирование
заводского населе-
ния Южного Урала.
Старообрядчество –
160

Раздел II. ОТКАЗ ОТ ПЕТРОВСКИХ РЕФОРМ. СДЕРЖИВАНИЕ И ЗАПРЕТ СТРОИТЕЛЬ- СТВА МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИХ ЗАВОДОВ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ – 166

4

Глава 4.
Царствование
Екатерины II
(1762–1796)
(В. М. Свистунов) –
167
Проект Оренбург-
ского губернатора
Рейнсдорпа
1770 года и Пуга-
чевское восстание
1773–1774 годов –
177
Археологическое
изучение Азяш-
Уфимского завода
в 1996–2004 годах –
182
Запрещение строи-
тельства металлур-
гических заводов
в Оренбургской гу-
бернии в 1776 году –
198
Петропавловско-
Миасский меде-
плавильный завод
(1773–1777) –
199
Кусинский завод-
ское место 1761 года
и сам завод –
201
Губернская реформа
1775 года. Пермское
и Уфимское намест-
ничества (1781) –
202
Отмена Горной
свободы (1782) –
206

5

Глава 5.
Царствование
Павла I (1796–1801)
(В. М. Свистунов) –
217
Противоречивая
попытка восстано-
вления Горной сво-
боды в России –
219
Восстановление
Оренбургской губер-
нии (1796–1797) –
220
1797 год –
220
Луганский завод
и попытка перехода
на минеральное
топливо –
222
Введение кантон-
ного правления
в 1798 году и разде-
ление Оренбургской
пограничной линии
на дистанции –
224
О тептярских
полках –
233
Заводские дела
1798–1801 годов –
234
Международные
дела 1798–1801 го-
дов –
235
Заключение –
238

Оглавление

6

Глава 6. Царствование Александра I (1801–1825) – 241

Оренбургское казачье войско в канун Отечественной войны 1812 года (А. Г. Тептеев) – **243**

Отмена указов Павла I и подтверждение Жалованной грамоты дворянству 1785 года (В. М. Свистунов) – **245**

Упразднение канцелярии Главного заводов правления «второго бытия» в Екатеринбурге в январе — марте 1802 года (В. М. Свистунов) – **247**

Подготовка нового проекта Горного положения (1802–1804) (В. М. Свистунов) – **250**

Продолжение подготовки нового проекта Горного положения и сам проект – **256**

«О порядке управления Горных заводов» (1804) (В. М. Свистунов) – **257**

«... Доклад министра финансов и Проект Горного Положения» 1806 года (В. М. Свистунов) – **259**

Последствия высокого налогообложения частных металлургических заводов в 1800–1807 годах (по Ф. Вирсту) – **263**

Заводы Южного Урала в предблокадный период (1801–1807) (А. С. Ярцов) – **267**

Чугуноплавильное производство XVIII — первой половины XIX века (сравнение доменных печей XVIII века с аналогичными печами первой половины XIX века) (В. М. Свистунов) – **290**

Описание медеплавильного производства первой половины XVIII века (По В. де Геннину) – **299**

Металлургическое производство на Урале в начале XIX века (краткий вывод) (В. М. Свистунов) – **307**

Новоилецкий район: Предыстория и события 1806–1811 годов (А. Г. Тептеев) – **309**

Новоилецкий район 1806–1811 годов (А. Г. Тептеев) – **309**

Участие казаков Оренбургского казачьего войска в войне с Турцией (1807–1812) (А. Г. Тептеев) – **310**

Континентальная блокада (система) Великобритании и присоединение к ней России (1806–1811) (В. М. Свистунов) – **311**

Металлургические заводы Южного Урала в период континентальной блокады 1808–1811 годов и Отечественной войны 1812 года – **312**

Смена владельцев Каслинского, Верхне-Кыштымского, Нижне-Кыштымского, Нязепетровского заводов (1808–1809) (В. М. Свистунов) – **317**

Участие казаков Оренбургского казачьего войска в Отечественной войне 1812 года и заграничных походах русской армии 1813–1814 годов (А. Г. Тептеев) – **328**

Новоилецкий район: События 1817 — начала 1830-х годов (А. Г. Тептеев) – **332**

Златоустовские заводы в начальный период казенного управления (1812–1825) (В. М. Свистунов) – **333**

Златоустовская оружейная фабрика (В. М. Свистунов) – **333**

Каслинский завод в послевоенный период (1815–1817) (В. М. Свистунов) – **334**

Переход и дробление металлургических заводов Южного Урала по праву наследования в период царствования Александра I (В. М. Свистунов) – **335**

7

Глава 7. Царствование Николая I (1825–1855) – 349

Возобновление следственных дел на заводах наследниц Л. И. Расторгуева (В. М. Свистунов) – **353**

Подготовка и утверждение нового положения об Оренбургском казачьем войске. Новолинейный район (1831–1844) (А. Г. Тептеев) – **353**

Новолинейный район (1833–1844) (А. Г. Тептеев) – **354**

Переход и дробление металлургических заводов Южного Урала по праву наследования в период царствования Николая I (1826–1855) (В. М. Свистунов) – **360**

Издание свода учреждений и уставов горного управления (Свод Устава Горного 1832 года) – **363**

Переход и дробление металлургических заводов Южного Урала по праву наследования в период царствования Николая I (продолжение) **365**

Издание «Свода учреждений и уставов горного управления» («Свод Устава Горного 1842 года») – **368**

Переход и дробление металлургических заводов Южного Урала по праву наследования в период царствования Николая I (продолжение) – **369**

Становление художественного литья из чугуна на Каслинском заводе в период казенного управления (1843–1852) – **369**

Кананикольский медеплавильный завод (1841–1848) – **373**

Дружинины и Каслинское художественное литье – **376**

8

Глава 8. Царствование Александра II (1855–1881) (В. М. Свистунов) – 383

Южный Урал: Отмена кантонной системы и переселенческое движение 1860–90-х годов – **386**

Строительство частной Самаро-Оренбургской железной дороги (1874–1876) – **388**

О горной подати. Передача металлургических заводов в министерство Государственных Имуществ – **389**

Металлургические заводы Южного Урала в условиях действия таможенных тарифов 1857, 1859, 1868 годов – **390**

Заводы чугуноплавильные и железоделательные – **390**

Заводы медеплавильные – **395**

9

Глава 9. Царствование Александра III (1881–1894) (В. М. Свистунов) – 399

Строительство западного участка транссибирской железнодорожной магистрали (1885–1892) – **404**

Чугуноплавильные железоделательные заводы Южного Урала в условиях действия таможенных тарифов 1881, 1887 и 1891 годов – **404**

Дружинины и расцвет Каслинского художественного литья – **410**

Медеплавильные заводы Южного Урала в условиях действия таможенных тарифов 1882, 1885, 1886 и 1891 годов – **417**

**Заключение –
427**

Утро. Река Ай.
Фото: С. Арканов

История Южного Урала

7
Том
Введение

ВВЕДЕНИЕ

История Южного Урала периода Нового времени до сих пор остается слабо изученной. Причем как в дореволюционный, так и в советский периоды за редким исключением о металлургической промышленности Северного, Среднего, Южного Урала принято было говорить в целом, не выделяя отдельных регионов. В большинстве случаев историки, бравшиеся, к примеру, за изучение развития металлургии на Среднем Урале, экстраполировали ее — что называется, не глядя — на Южный Урал. Тогда как в действительности характер промышленного развития Южного Урала в XVIII веке имел специфические особенности. Именно здесь крупный горнопромышленный комплекс, в отличие от Среднего Урала, Европейской России и Сибири, был создан исключительно частными русскими горнозаводчиками. И самое главное, строительство металлургических заводов происходило на территории расселения башкирских племен, имевших свое боеспособное войско, способное противостоять не только иррегулярным, но и регулярным армейским частям. На этот фактор по разным причинам мало кто обращал и обращает внимание, а как покажут дальнейшие события, совершенно напрасно.

Нам, ныне живущим в России, еще в школе рассказывали, да и сейчас много говорят, о знаменитом родоначальнике династии Демидовых, его сыновьях и потомках. Смысл этих рассказов зачастую сводится к тому, что основатель династии Никита Демидович Антуфьев, позднее Демидов, его сыновья Акинфий, Григорий и Никита, обладая недюжинными способностями, имея поразительную деловую хватку, сумели добиться в горнозаводском деле выдающихся успехов. Тогда как их наследники только и могли, что бездарно растрачивать не ими нажитые капиталы, продавать заводы, а то и вести аморальный образ жизни. Иногда, в порядке «лирического» отступления, некоторые авторы добавляют замечание, что природа «отдыхает» на детях выдающихся исторических личностей. В качестве подтверждения приводится статистика горнозаводского строительства в XVIII–XIX веках.

Действительно, только за период с 1744 по 1773 год в южноуральском регионе было построено порядка четырех десятков чугуноплавильных, медеплавильных и железоделательных заводов. В середине же XIX века уральская металлургия пришла в полный упадок. Почему? Неужели потому, что в XIX веке не было горнопромышленников с подлинно деловой хваткой? Парадоксаль-

«Ландкарта о ситуации мест вверх по рекам Оби и Иртышу до границы Контайшина, где дворянина... Демидова медные заводы построены...». [Де Геннин. Книга Сибирских горных заводов (рукопись). Списано с оригинала дворянину Григорию Демидову. Часть 2. Архив ЛОИИ АН. Коллекция 115. ОП. 1. КН. 1161. Ч.2. ЛЛ. 161об. – 162]

ность ситуации заключается в том, что до настоящего времени в отечественной историографии нет прямого и ясного ответа на вопрос: в чем истинная причина успешного развития южноуральской металлургии в XVIII веке и ее депрессивного состояния в XIX веке? Все объяснения, связанные первоначально с существованием крепостного права, а потом с его пережитками, при непредвзятом изучении вопроса не выдерживают элементарной критики.

Дело в том, что какими бы талантливыми ни были уральские горнозаводчики, будь они даже семи пядей во лбу, в деле развития металлургического производства им никак нельзя было обойтись без соответствующей эффективной промышленной политики государства. В данном случае важно понять, что в неблагоприятных социально-экономических условиях невозможно запустить в действие ни одно, даже самое незначительное частное металлургическое производство. А на Южном Урале в XVIII веке за неполные три десятка лет было построено порядка сорока частных металлургических заводов!

Известно, что Горная свобода — это государственная система законодательных мер, смысл которой заключается в предоставлении «права первого» всем частным искателям полезных ископаемых, находящимся в здравом уме, твердой памяти, и в объявлении «Горной регалии» (государственной собственности на недра — полезные ископаемые). Благодаря этому, по мнению Любомирова, на Урале и были построены в XVIII веке частные металлургические заводы. В связи с чем возникает главный вопрос: если Горная свобода была столь эффективна, почему ее отменили в 1782 году?

***

Прежде чем переходить к изложению заявленной темы, крайне важно определиться с таким понятием, как «военная угроза на Южном Урале в XVIII веке». Была ли эта угроза, и от кого она исходила? Или же не было никаких противников промышленного освоения южноуральского региона, а все фортификационные земляные сооружения и крепости строили исключительно для удержания в повиновении крепостных крестьян и работных людей, с тем, чтобы они не разбежались с металлургических заводов Урала?

Но крепости и целые оборонительные линии на Среднем и Южном Урале начали возводить задолго до строительства металлургических заводов. В Приуралье, например, первая крепость, Уфимская, была построена, по одним данным, в 1570-е, по другим — в начале 1580-х годов. Мензелинский острог, согласно В. Н. Витевскому, основан в 1584 году. В таком случае с какой целью строились крепости, а затем и укрепленные линии? Ни заводов, ни русских крепостных крестьян, ни работных людей в XVI веке не было на Южном Урале!

Ответ на этот вопрос можно найти в работах В. А. Оборина. Вслед за Л. Е. Иофа и В. Н. Сергеевым он аргументировано доказал, что на раннем этапе русской колонизации Уральского региона основным градообразующим фактором были военно-административные функции уральских городов. Они возникали в условиях внешней опасности. Прежде всего со стороны таких феодальных государств, как Казанское и Сибирское, а также со стороны части проживавшего в крае нерусского (мансийского) населения, у которого в процессе земледельческой русской колонизации были затронуты рыболовные и

охотничьи угодья, и кочевого башкирского населения, у которого была отторгнута часть пастбищных земель. Главный вывод В. А. Оборина: под защитой укрепленных городков-острогов, деревоземляных укреплений, способных выдержать осаду противника, не обладавшего артиллерией и осадными орудиями, только и была возможна на первых порах земледельческая колонизация [5].

После взятия 2 октября 1552 года Казани войском Ивана Грозного для малоземельного населения Московского государства, а также для тех, кто не владел никакими земельными наделами, но являлся лично свободным, открылись пути расселения на восток — в Нижнее Прикамье и далее в Приуралье. После взятия Астрахани московским войском в 1556 году и падения Астраханского ханства, Московскому государству в 1557 году присягнул мурза Исмаил — хан Большой Ногайской орды. Его противники с частью ногаев откочевали на Кубань и объявили себя вассалами крымского хана.

Таким образом, Волга от ее истоков и до устья стала русской рекой. Данное обстоятельство способствовало не только развитию торговых отношений с Ираном и другими восточными государствами, но и расселению вниз по Волге и проникновению в Приуралье русского земледельческого населения. Первоначально это были конные стрельцы и казаки. Причем и те и другие получали основные жизненные средства от занятия земледелием.

В XVI веке их движение в Приуралье осуществлялось вверх по реке Белая Воложка (река Белая), и ориентировочно в 1574 году в месте ее слияния с рекой Уфой была заложена Уфимская крепость, ставшая на долгие годы центром Уфимского уезда — единственного территориального образования Южного Урала. Сообщение с Уфимской крепостью, вынесенной достаточно далеко вглубь башкирской территории, осуществлялось по правому нагорному берегу реки Белой, через небольшие укрепленные селения. В уральской историографии в этой связи упоминают укрепленное село Архангельское-Бирь и село Каракулино. Местоположение Архангельского, как правило, определяется в связи с упоминанием, что в том районе в 1663 году была построена Бирская крепость. Само же село, сожженное башкирами, более не восстанавливалось. Каракулино до сих пор стоит на правом берегу Камы, напротив устья Белой.

В административном отношении Уфимский уезд подчинялся через воеводскую канцелярию приказу Казанского дворца, находящемуся в Москве и ведавшему всеми делами по внутреннему управлению областями, заселенными «инородцами». С образованием в 1637 году особого Сибирского приказа в ведении Казанского дворца остались территории Среднего, Нижнего Поволжья и Уфимского уезда — Башкирии. Причем воеводы инородческих областей, особенно с учетом значительной удаленности их от Москвы, обладали всей полнотой власти в своих воеводствах. В их подчинении находились служилые люди, которые подразделялись на три категории: 1) военные люди царя; 2) слуги приказные; 3) слуги, выбиравшиеся от народа. Кроме прочих обязанностей, возложенных на воевод (дипломатических, финансовых, хозяйственных, судебных), московское правительство, стремясь расширить пределы своих владений, поручало пограничным воеводам покорять соседние области. Такими предприятиями часто занимались воеводы ленские, енисейские, якутские, кузнецкие и уфимские. Как справедливо заметил в свое время И. Андриевский, «завоеванные племена

не тотчас делались покоренными, и для получения с них даней и сборов воеводам приходилось вести постоянную войну» [1, с. 59]. В силу того, что Уфимский уезд продолжительное время являлся пограничным, военным слугам царя во главе с уфимскими воеводами приходилось вести на протяжении почти двух столетий практически перманентные военные действия.

В XVI веке, как известно, часть территории Южного Урала, если точнее — регион Приуралья, был заселен башкирскими племенами, ведущими полукочевой образ жизни. Вся территория расселения башкир была поделена на волости, где земли принадлежали тем или иным башкирским родам или родоплеменным союзам на основе обычного вотчинного права. Это право покоилось на трех основных принципах: межевание, крепость, десятилетняя давность владения. Количество волостей не было постоянным, в силу роста башкирского населения оно постепенно увеличивалось. Это происходило как за счет дробления уже имевшихся волостных земель, так и в результате расширения всего ареала расселения башкир. К примеру, во второй половине XVII века после подавления Уфимским воеводством очередного башкирского восстания часть башкирских родов переселилась в Южное Зауралье, потеснив там сибирских татар, державших в Зауралье промысловые «заимки» для ловли рыбы и охоты на пушного зверя.

В силу того что Южный Урал с незапамятных времен пересекали транзитные дороги, идущие из районов Поволжья в Южную Сибирь и далее в Китай, башкирские волости, как правило, формировались вдоль этих дорог. Именно по этой причине вся территория Уфимского уезда, или, по выражению П. И. Рычкова, «вся Башкирь» была поделена, помимо волостей, на четыре дороги. Дорога, идущая от Уфы в сторону Сибири, поучила название Сибирской, к Казани — Казанской, к пригороду Осе на Каме — Осинской, а дорога к степным народам — Ногайской.

Во главе каждой башкирской волости стоял старейшина, получивший в русских правительственных документах более привычное для русского уха название — «старшина». Через этих старшин Уфимская воеводская канцелярия управляла башкирами, через них же собирала ясак.

Основным занятием башкир в указанное время являлось отгонное скотоводство. В летнее время они кочевали по яйцким степям. Местом же зимовок были территории по рекам Белая, Ик, входившие до падения Казанского ханства в его состав. Точных данных о том, где проходила восточная граница Казанского ханства, в исторической литературе выявить пока не удалось. Из русских письменных источников известно, что граница между территорией проживания башкир и Сибирским ханством проходила на Южном Урале по хребту Уралтау. Западная же граница башкирской территории шла по реке Ик. С падением Казанского ханства все подконтрольные ему территории перешли, хотя и не сразу, под управление Московского государства. Башкирские племена, как и народы Поволжья, став его подданными, обязаны были платить ему ясак. Размер ясака, в отличие от казанского периода, по свидетельству П. И. Рычкова, был значительно меньше, и брали его не с каждого человека, а с каждого двора [10, с. 50]. Уфимская крепость, как отмечалось выше, была построена, помимо прочего, именно для удобства сбора ясака с башкир. «В этом ясаке, — писал один из дореволюционных исследователей, — по преимуществу и выражалось долгое время подчинение этого племени России» [6, с. 2].

Автор монографии «Татищев и его время» Нил Попов, освещая историю военных выступлений башкир в XVII веке, отмечал, что причина частых волнений заключалась не столько в самой колонизации края русскими (колонизация, по его мнению, была незначительной в то период, да и земель пустых было множество), сколько в тех злоупотреблениях, которые приносила с собой администрация Московского государства. «Насилие и различные дурости,— пишет Попов,— которые позволяли себе воеводы и их товарищи, приезжавшие из Москвы, доводили иногда эти столкновения до очень сильных восстаний» [8, с. 162].

Н. Попов, достаточно вникнув в суть вопроса, был убежден, что не все башкирские племена платили ясак. По его мнению, только ближайшие к укрепленным местам (Бирск, Мензелинск, Уфа) тарханы и ясачные люди несли положенную на них тягость. Заселявшие же внутренние районы края, кочевавшие по Яику и степям очень часто не платили податей, и именно из этой среды не плативших поднимались восстания. «Особенно страшны,— добавляет автор,— были для соседних воеводств те возмущения, в которых соединялись непокорные башкиры с киргизами, калмыками и привлекали на свою сторону ясачных башкир» [Там же, с. 163].

К вышесказанному необходимо добавить, что яицкие степи вплоть до 30-х годов XVIII века не только не имели российских пограничных форпостов, но являлись яблоком раздора между башкирами, калмыками, киргизкайсаками (казахами). Порой между ними разгорались кровопролитные стычки за места кочевий. В силу этих противоречий длительных союзнических отношений между башкирами и калмыками, башкирами и киргизкайсаками не существовало. Но объединившись, они превращались в грозную военную силу. Примером может служить Сеитовское восстание (1676–1679), когда восставшие башкиры объединились с калмыками и ногаями. Опытные уфимские воеводы, зная об имевшихся противоречиях, умело играя на них, всячески подогревали тлеющие конфликты. Малоопытные же воеводы порой попадали, что называется, впросак и становились причиной несчастий, о которых писал Нил Попов.

Важным деструктивным фактором, негативно влиявшим на всю социально-политическую ситуацию в регионе, было присутствие на этой территории большого количества сепаратистки настроенных казанских (после падения Сибирского царства) и сибирских татар. Одновременно с приходом татарского населения шло интенсивное распространение ислама. По мнению Н. А. Фирсова, Башкирия была превращена в татарскую колонию [12, с. 553].

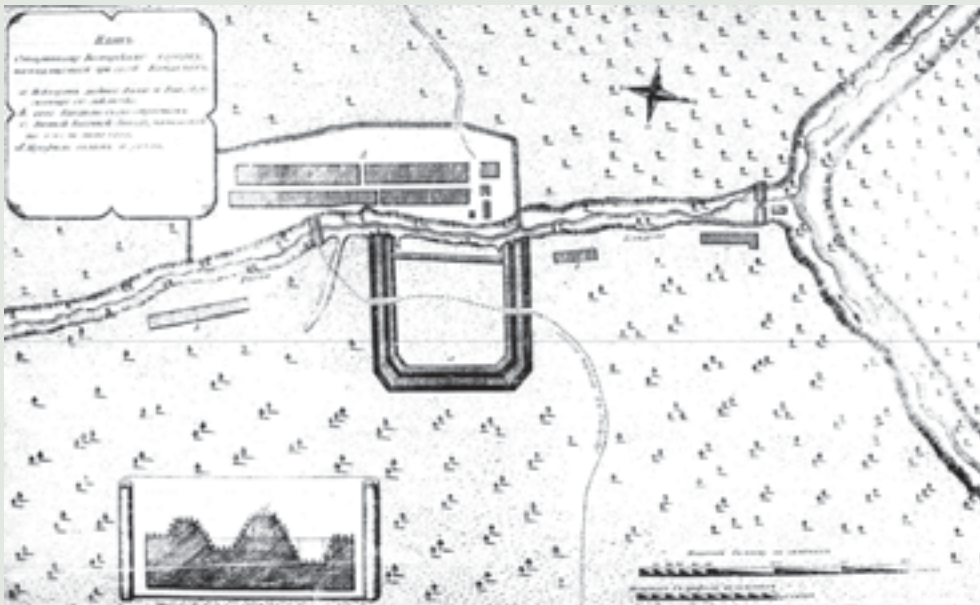
Помимо татар в башкирских ясачных волостях селились на правах припущенников мещеряки, вотяки, мордва, черемисы (марийцы), чувашаи. Они переселялись из Поволжья как отдельными семьями, так и целыми деревнями. В правительственных документах тех лет их именовали сходцами — переселенцами. Фактически среди них были и беглые люди, розыск и возврат которых приводил порой к возмущениям ясачного населения Башкирии. В особенности число самовольно переселившихся стало возрастать со второй половины XVII века. Все это отрицательно сказывалось на ситуации, как в самой Башкирии, так и в приграничных областях и уездах. Тем не менее, с приходом в Приуралье различных по национальному составу групп происходил общий рост численности земледельческого населения «Башкири».

В силу того что они селились в том числе в ясачных волостях на правах припущенников, они и сами становились данниками, платившими ясак Московскому государству. Одновременно с ростом ясачного населения Приуралья происходило проникновение и увеличение (первоначально медленное) численности русского земледельческого населения в Заволжье.

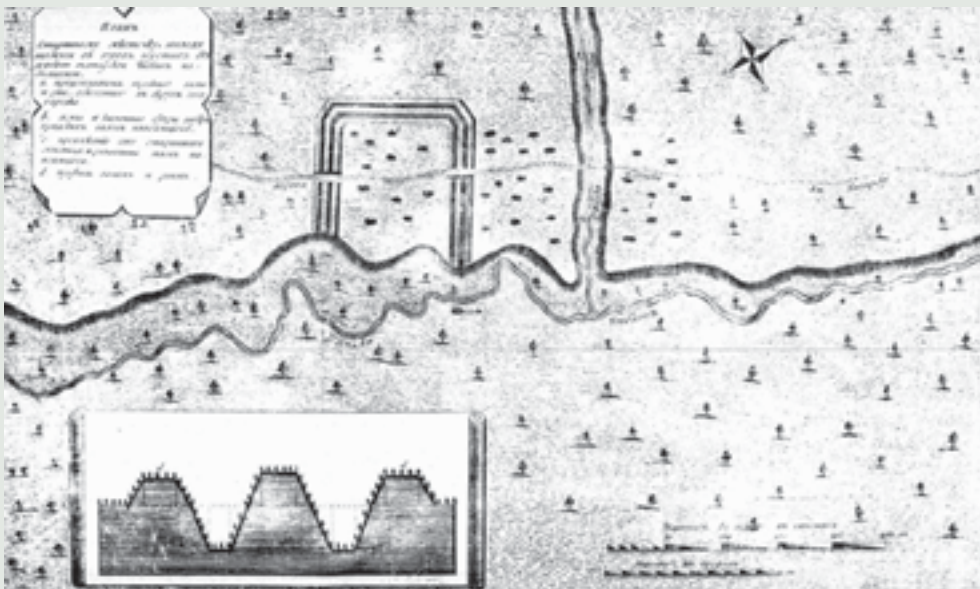
Прямым следствием этого через столетие после падения Казанского царства на территории Заволжья стало строительство русской деревоземляной оборонительной линии. В 1651 году по царскому указу служилые люди составили план ее строительства, а в 1652 году началось возведение городков-острогов и земляных укреплений. В 1657 году все строительные работы завершились. Укрепленная оборонительная линия, получившая в русской историографии название «Старая Закамская линия», или «Старая Закамская черта», протянулась от левого берега Волги (в районе Симбирска) вдоль реки Черемшан на расстоянии 10–15 верст от нее до устья реки Ик. В состав линии, помимо земляных рвов, насыпей и надолбов, вошли следующие городки-остроги: Белый Яр, построенный на левом берегу Волги; Ерыклинский; Тиинский; Билярский (на месте древнего чудского городища); Шешминский (на реке Шешме); Кечуевский (на реке Кечуй); Заинский (на реке Зай); Мензелинский (на левом берегу Камы, в районе впадения в нее Ика), позднее перестроенный и расширенный.

Причем местоположение Старой Закамской линии было выбрано московскими служилыми людьми вполне осмысленно, с учетом двух важнейших факторов. Во-первых, земля, находящаяся в междуречье Черемшана и Камы, отличалась исключительным плодородием. «Земля, будучи черная и при том очень влажная, — отмечал участник академической экспедиции Н. П. Рычков, — для хлебопашества так способна, что нет ни малой нужды удабривать оную по обычаю земледельцев, обитающих во внутренних провинциях российского государства. Места оные населены множеством различных народов, а по тому в пустее и без пользы оставляемой земли очень мало, но вся обработана руками трудолюбивых земледельцев» [9, с. 4]. Во-вторых, в древности по рекам Большой и Малый Черемшан с продолжением до реки Ик уже были построены внушительные земляные укрепления с высокими земляными валами и глубокими рвами.

Вышеупомянутый капитан Н. П. Рычков, следуя в 1769 году по намеченному экспедиционному маршруту от Симбирска до Икского устья, сделал описание целого ряда древних укреплений, а на трех из них снял топографические планы. Он называл эти укрепления то «старинными болгарскими городками», то «чудскими городищами». Им были найдены и осмотрены укрепления у села Кандалы, в районе татарского села Старый Баран, в трех верстах от татарской деревни Чибаш, у татарской деревни Камкиной; поселение Билярского острога занимало часть развалин болгарского города Булимера. Верстах в трех к северу от Билярска Рычков обнаружил развалины чудского городища, недалеко от деревни Чертож на горе — старинное место, также укрепленное валами. По поводу оборонительных валов Рычков особо подчеркнул, что «укрепляя валами жилища свои, наблюдали они (древние народы) всегда, чтобы наружный вал уступал возвышению второго, а оный превосходил бы высотой внутри стоящий вал» [Там же, с. 7]. Отличительной особенностью древних земляных крепостей являлось то, что располагались они на

Чудское городище у села Кандалы. План старинного местечка (литер «В») [Рычков Н. П. «Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям российского государства. 1769 и 1770 гг.» СПб. 1770. с. 3]

Чудское городище у деревни Чибаш. Под литером «С» — план укрепленного места [Рычков Н. П. «Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям российского государства. 1769 и 1770 гг.» СПб. 1770. с. 7]

Чудское городище у деревни Камкиной. План под литером «Д» [Рычков Н. П. «Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям российского государства. 1769 и 1770 гг.» СПб. 1770. с. 8]

господствующих высотах, к тому же древние строители в оборонительных целях искусно использовали рельеф местности.

Н. П. Рычков, будучи сам военным, по достоинству оценил это. Сравнивая же древние чудские городища с укреплениями, построенными в XVIII веке с целью обороны от башкир и киргиз-кайсаков, автор академических записок сделал следующее заключение: «Великое различие можно найти между валами, укреплявшими древних народов жилища, и между теми, которые составляют сию линию¹... не более сорока лет прошло, но уже в некоторых местах едва можно различить бывшие тут валы. Напротив того, древние до сего дня стоят в твердости непоколебимой» [9, с. 26].

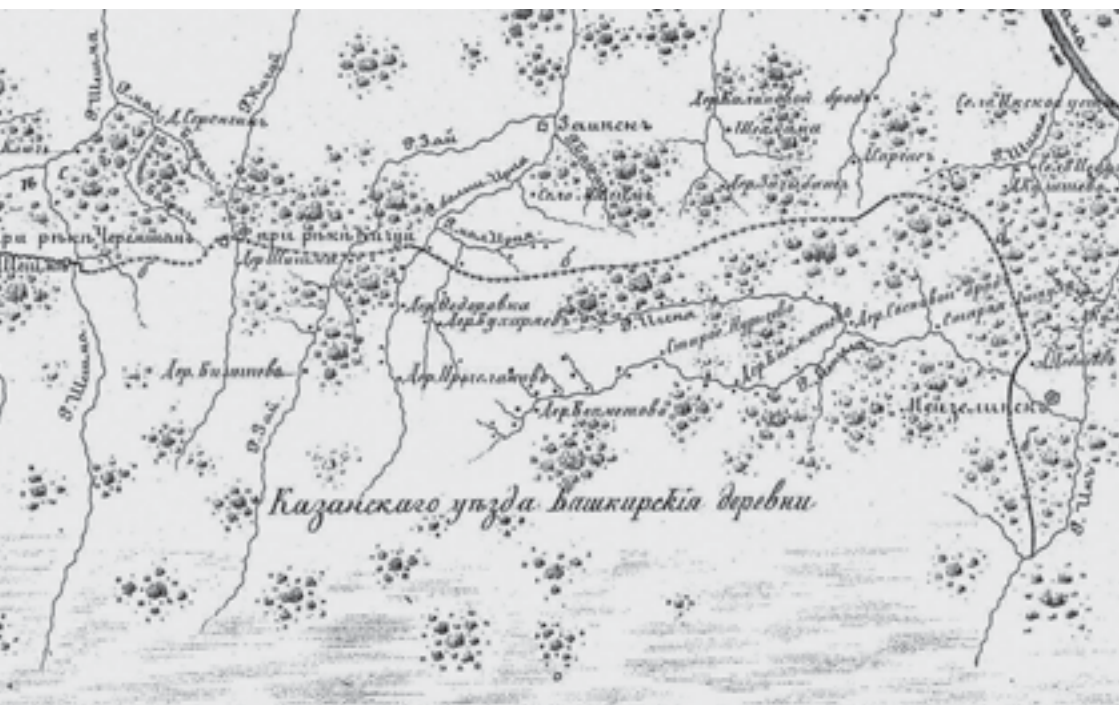
Формирование гарнизонов перечисленных городков-острогов началось в 1653 году путем перевода 50 конных стрельцов с семьями из Ахтачинского острожка и 100 челнинских пашенных крестьян. Из Смоленска после возвращения его в российское подданство и Полоцка в указном порядке в 1654 году были переведены в Тиинск казаки и мелкопоместные шляхтичи общей численностью 141 человек.

Следующий этап возведения пограничных линий крепостей в Заволжье² относится к началу 1730-х годов. Проектировкой и строительством занимался тайный советник Ф. В. Наумов. Сенатский указ от 27 июля 1731 года предписывал ему: «...провести линию, насколько возможно, к верховью реки Зай, а оттуда, к верховью реки Мензель». Тон указа был достаточно миролюбивым. В нем сделана оговорка, чтобы «линии и крепости шли... теми местами... не захватывая башкирские владения» [7, с. 517]. Все укрепления в этот

¹ В данном случае Н. П. Рычков имел в виду Новую Закамскую линию. Ее строили в начале 1730-х годов.

² Строительство Новой Закамской и укрепление Царицынской линий // Полное собр. законов Рос. империи. Т. 8. 1731. № 5808 ; 1732. № 5993.

Общий вид Новой Закамской линии. [Ласковский Ф. «Карты, планы и чертежи к III части материалов для истории инженерного искусства в России». Альбом, лист 8, изображение 1. СПб, 1866]

раз были отнесены от Волги значительно дальше в степь. Новая граница, получившая в отечественной историографии название «Новая Закамская линия», начиналась с Кинельского острога, построенного на левом берегу реки Кинель, в районе ее впадения в реку Самару. Далее она шла на северо-запад до реки Сок и по левому берегу поднималась до ее верховья. После этого делала еще один поворот и, пересекая реку Шешму, доходила до реки Кечуй. Ее общий вид хорошо показан в альбоме Ласковского. Автор отмечает: «...линия, относительно способа укрепления, состояла из двух различных между собой частей, то есть из земляного непрерывного вала и засеки». Расстояние между крепостями составляло от 20 до 30 верст [4, с. 90]. Причем Новая Закамская линия так и не была достроена, так как в среднем течении реки Яик (Урал) в 1735 году началось строительство Оренбургской крепости. История ее строительства неразрывно связана с деятельностью «Известной Оренбургской экспедиции 1734 г.», о чем и пойдет речь в дальнейшем.

Предваряя историю Южного Урала в XVIII века, необходимо вкратце рассказать и о том, что задолго до прихода в этот край не только русского, но и башкирского населения здесь проживал народ, основным занятием которого была добыча полезных ископаемых, в особенности медной руды³. На всей территории Южного Урала сохранилось множество следов его деятельности. В уральской историографии древние горные разработки получили название «чудские копи». В отчетных документах металлургических заводов XVIII века они назывались «ордынскими» или «ногайскими» — в зависимости от места расположения. К примеру, в Каргалах в XVIII веке горные служители называли их не иначе как «ордынскими копиями», а в Нижнем Прикамье — «ногайскими».

³

Если места добычи медной руды известны по документам XVIII века и данным геологических и археологических разведок, то крупные места ее переплавки пока не найдены.

Регион распространения древних медных рудников значительно шире, он не ограничивается территорией Южного Урала. Судя по записям, оставленным другими участниками академических экспедиций XVIII века, «чудские копи» были найдены в предгорьях Саянского хребта, на Алтае, в Восточно-Казахстанской области, Центральном, Западном, Южном Казахстане. Тот же П.-С. Паллас, путешествуя по Алтаю, неоднократно подчеркивал, что горные служители XVIII века, куда бы они ни проникали в поисках медной и серебряной руды, рудного и россыпного золота, всюду встречали следы древних «чудских» разработок. Бывали случаи, когда в сохранившихся древних горных выработках рудокопы XVIII века находили останки древних рудокопов, их каменные и медные орудия труда, а также рукавицы или сумки, сшитые из лосиной кожи.

Н. П. Рычков не только уделил большое внимание древним городищам, но раскрыл тайну долговечности «чудских копей». Так, описывая медные рудники, расположенные по реке Ик, он сделал следующее заключение: «...имея... путь мой по нагорному берегу сея реки, находил я там довольно число разработанных медных рудников, которые принадлежат заводам, находящиеся в сей стране. Некоторые из них, от заводчиков называются старинными копиями. Сказуя, будто бы чудские народы, обитавшие в сих местах, доставали руду из гор, в коих рудные слои находят, да и сам я видел оставшие знаки бывших внутри земли работ. Горное искусство древних народов во всем было отлично от ныне употребляемого: ибо они входили в землю, не делая никаких подстав, а отверстия их подкрепляла та же самая земля, которой верхи выделывали они наподобие свода. Таким образом, проходили они в самые глубокие места, и свод, держащий на себе превеликую тяжесть земли, еще и донныне во многих местах не обрушился» [9, с. 67–68].

Сводчатая форма потолков в древних горных выработках подтверждается еще одним весьма неожиданным письменным источником. Речь идет о рассказе горного инженера Канина, записанном Иваном Ефремовым в начале 1940-х годов и опубликованном под названием «Пути старых горняков». В 1929 году инженер Канин, не имея на руках архивных документов XVIII–XIX веков, вынужден был в летнее время изучать старые медные рудники в Каргалах, ползая по ним с фонарем, компасом и записной книжкой. Канин временно проживал в поселке Горном, где познакомился со старым штейгером Корнилом Поленовым. Тот хорошо знал все подземные горные выработки.

Из рассказа старого штейгера: «...тут, оказывается, большие ордынские работы были. И никто о них ничего не знал. Знаешь, как у ордынцев-то было, ходы узкие, без крепей, трубами, стоят вечно. Труба за трубой спускаются наклонно вниз до большой выработки, где ордынцы богатое гнездо брали. Большая ордынская выработка с хорошую горницу величиной была...»

Из рассказа самого горного инженера: «...проклятая выработка упорно поднималась вверх, казалось, ей не будет конца. Я уже начал было думать, что кости на моих локтях, вылезут наружу, но вот ноги потеряли опору, и я лягушкой выскочил на ровный пол. Это и была та самая подземная горница... Гладкие стены, характерные для доисторической выработки бронзового века, имели овальные очертания, потолок поднимался куполом, а пол углублялся в виде чаши... Осмотрев камеру, я нашел две источенные бронзовые кайлы и несколько медных слитков. Кайлы, один слиток, черепки какой-то посуды-

ны и череп, найденный в смежной орте, были впоследствии отосланы мною в Русский музей в Ленинграде...» [3].

***

Подводя итог сказанному, необходимо отметить следующую важную деталь. Русская колонизация Южного Урала вплоть до 1740-х годов носила исключительно земледельческий характер. Невзирая на то что центральная власть постоянно напоминала воеводам о необходимости поисков залежей медной, серебряной руды и особенно золота, горный промысел в Уфимском уезде не получил никакого развития. Там не было построено и ни одного металлургического завода. Кузницы имелись в русских крепостях, а также в ясачных селениях, но не более того. В то же время, невзирая на протесты старшин, тарханов и ясачных башкир, в Приуралье, пусть медленно, но шел процесс земледельческой колонизации. Под прикрытием Закамской линии крепостей селились не только стрельцы, казаки, польская шляхта, но и пашенные крестьяне.

Почему же русская колонизация продолжительное время носила только земледельческий характер? В чем заключался успех проникновения как русского, так и нерусского земледельческого населения все дальше на Восток — в Приуралье, Южное Зауралье и далее в Южную Сибирь? И почему на всем Урале вплоть до начала XVIII столетия в этом самом рудоносном регионе Евразии не было ни одного продолжительно действующего металлургического завода? Был ли вообще какой-либо механизм, заставляющий двигаться большие массы населения Московского государства на его окраины, или, как утверждала советская историография, это была исключительно стихийная форма классового протеста?

Дореволюционная отечественная историография вполне внятно объяснила, что созданная в Московском государстве в середине XVI века поместная система способствовала не столько организации боеспособного войска, сколько эффективной раздаче земель при условии несения военной и сторожевой службы. Дело в том, что, согласно законодательству, все служилые люди Московского государства были разделены на две категории — служилых людей «по отечеству» и служилых людей «по прибору». Порядок прохождения службы «по отечеству» дворян и боярских детей определялся «Уложением о службе 1556 г.». Служба переходила по наследству, мальчики начинали служить в 15 лет. Формально оклады давались в пределах от 150 до 450 десятин в трех полях. С каждых 150 десятин земли дворяне и бояре должны были выставлять одного воина на лошади и с вооружением.

В службу «по прибору» мог поступить любой свободный человек, но она не была наследственной и считалась низшей по отношению к службе «по отечеству». К «приборным» людям относились стрельцы, казаки, пушкари, воротники, казенные кузнецы. Именно они и несли службу на южных и восточных границах Московского государства. Наиболее распространенной формой их обеспечения были те же земельные дачи, только не индивидуальные, а коллективные, из которых «приборные» люди и получали участки для личного пользования. Все они, согласно условиям поместной системы, получали земельные наделы для того, чтобы могли, кормясь от этой земли, являться на службу по первому призыву государя. Причем служилые люди, «по прибору» и коллективно владея землей, не могли ее продать, заложить, передать

по наследству. Другими словами, земля, раздаваемая казакам, однодворцам под условием службы, оформлялась за ними на праве общинной собственности.

На этом же праве владели землей государственные пашенные крестьяне, которых московское правительство в лице местных воевод приглашало на новые колонизируемые территории, пригодные для ведения земледелия. В этом заключалась причина появления в XVII веке на Среднем Урале, в Западной Сибири и Зауралье русских сел и деревень, более известных в отечественной историографии как «сибирские слободы».

В правительственных документах XVII–XVIII веков в силу еще не оформившихся административных и государственной границ под понятием «Сибирь» подразумевались не только собственно сибирские земли, но и территория Урала и Зауралья. По Указу от 18 декабря 1708 года в Сибирскую губернию вошли ряд городов и населенных пунктов Среднего Урала, а также пограничные остроги Зауралья, расположенные по берегам Исети, Миасса, Багаряка: Мехонский (основанный в 1660 году), Шадринский (1662), Бешкильский (1669), Окуневский (1676?), Арамильский (1677), Чумлякский (1679), Бродоколмакский (1687), Багарякский (1688). В исторической литературе эти остроги в большинстве случаев именуются слободами. А. Дмитриев объяснял сей факт тем, что ввиду постоянной опасности, исходившей от башкир, почти все слободы Зауралья имели укрепления и часто назывались острогами [2, с. 48]. Все они были заселены государственными пашенными крестьянами — сходцами.

Собственно беглый элемент, если можно так сказать, появился в Урало-Поволжском регионе, Сибири, на Алтае и Дальнем Востоке уже после Никонской реформы 1650–60-х годов. Данный факт отмечен как в дореволюционной, так и в постсоветской историографии. В частности, М. Свирелин видел первопричину движения населения на Восток не столько в ужесточении крепостного права в центральных губерниях России, сколько в усилении раскола в XVII и особенно в XVIII веке, который имел не только религиозную, но и чисто экономическую подоплеку. «...Кроме религиозной нетерпимости, — писал М. Свирелин, — по отношению к различным сектам... суровые меры Софьи, реформы Петра I и двойной оклад податей принуждали раскольников бежать из пределов России... Уральские казаки, число которых в XVII–XVIII веках постоянно увеличивалось, большей частью были раскольники...

В то время как правительство, нуждавшееся в людях, хотело парализовать побег (различные пути пресечения побегов в Польшу, Швецию, Эстландию и т. д. — вооруженное сопротивление, поиски, возврат), по отношению к Востоку оно решилось следовать в этом деле иным путем...» [11, с. 180].

Таким образом, возникавшая в середине XVI века поместная система способствовала колонизации новых завоеванных территорий на юге и востоке от Московского государства. Ввиду того что неотъемлемой частью системы являлась раздача земель, в том числе при условии несения военной и сторожевой службы, условное владение землей и стало неотъемлемым свойством русской колонизации, а ее характер до начала XVIII века оставался сугубо земледельческим. Причем в отечественной историографии колонизационный процесс получил название «русский», исходя из того, что его инициатором

являлось русское государство — Московское. Фактически же этот процесс являлся многонациональным и носил массовый характер.

Все попытки правительства на протяжении XVII века заставить сибирских воевод построить тот или иной металлургический завод заканчивались одним и тем же. Через несколько лет работы заводы по разным причинам прекращали свою деятельность. Почему? В чем причина их кратковременной работы? В уральской историографии есть несколько книг, в которых рассказывается о неудачных поисках золота и серебра, строительстве заводов и их закрытии в XVII веке. Но в этих книгах не названа подлинная причина неудач. Объяснения типа «истощение запасов руды» не выдерживают элементарной критики, так как металлургические заводы, построенные в тех же самых местах в XVIII веке, проработали потом больше сотни лет. Более или менее постоянно действовали в XVII веке лишь крестьянские домницы, работавшие на «болотной руде» и выплавлявшие железо сыродутным способом в небольших количествах.

В связи с этим и возникает необходимость найти ответы на поставленные вопросы.

Список литературы

1. Андриевский И. О наместниках, воеводах и губернаторах. СПб., 1864.
2. Дмитриев А. А. Пермская старина. Вып. 8. М., 1900.
3. Ефремов И. Путиами старых горняков. М. : Изд-во АСТ, 2001.
4. Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Ч. 3. СПб., 1866.
5. Оборин В. А. Вопросы формирования русского населения. Пермь, 1978.
6. Перетяткович Т. И. Малороссияне в Оренбургском крае при начале его заселения. Одесса, 1888.
7. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. 8: 1731. СПб., 1830.
8. Попов Н. Татищев и его время. М., 1861.
9. Рычков Н. П. Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям российского государства в 1769 и 1770 годах. СПб., 1770.
10. Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. Уфа, 1999.
11. Свирелин М. Колонизация Оренбургского края в первой половине XVIII в. Б. г., б. м.
12. Фирсов Н. А. Иностранческое население прежнего Казанского царства в новой России до 1762 г. и колонизация Закамских земель. Казань, 1869.

Башкирия. Меж гор долина.
Фото: С. Арканов

История Южного Урала

Том
Гитва

ИЗВЕСТНАЯ
ОРЕНБУРГСКАЯ
ЭКСПЕДИЦИЯ
1734 ГОДА:
ПРИЧИНЫ,
ПОСЛЕДСТВИЯ

Глава 1.

ИЗВЕСТНАЯ ОРЕНБУРГСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ 1734 ГОДА: ПРИЧИНЫ, ПОСЛЕДСТВИЯ

План Ивана Кирилова — строительство Верхнеяицкой пристани и Оренбургской крепости. «Башкирский вопрос». Планы В. Н. Татищева и А. П. Волынского

В 1734 году обер-секретарь И. К. Кирилов составил и подал в Сенат проект под названием «О построении города при... реке Яик для подданных башкирцев и пришедших вновь в подданство киргиз-кайсацкого и каракалпакского народа; о наряде работников для строения, о снабжении оного гарнизона артиллерийскими орудиями, припасами и об определении на сей предмет Уфимских прибыльных доходов сверх прежнего оклада» [7, с. 309]. В этом документе автор изложил свой план расширения русского влияния на Южном Урале и высказал радужные надежды на развитие обширной торговли со среднеазиатскими ханствами и Индией. Тайный советник А. П. Бестужев-Рюмин поддержал проект и дал ему ход. 1 мая 1734 года проект Кирилова был одобрен императрицей. В высочайше утвержденной резолюции говорилось:

Город Оренбург 1734 – 1736 годов. Рисунок Я. Касселя. Подлинник хранится в госу-

дарственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, отдел рукописей

1. Город при устье Орь реки строить и дать ему имя впредь;
2. Пристойную привилегию сему городу написать...;
3. К строению и работе нарядить тепгерей и бобылей...;
4. Для первого случая и содержания города перевести из гарнизонов и из Уфимского полуинфу полка, да из казанского один или два полка;
5. Которые из Уфимского полка взятые в армейские полки, тех для сей экспедиции возвратить...;
6. Из Уфы половины дворянских рот и казаков и недорослей, уфимских и мензелинских взять туда же, а яицких и самарских казаков нарядить сколь возможно;
7. Башкирских тарханов и мещеряков нарядить сколь нужно...;
8. Пушки, мортиры и фальконеты с принадлежностью и с амуницию, также рабочим инструментом... сделать в Екатеринбурге, а порох и свинец отпускать из Уфы и Казани;
9. Уфимских... доходов, кои собираются сверх прежнего оклада, никуда не отсылать, а употреблять для сей экспедиции;
10. Взятых башкирцами киргиз-кайсацкого старшины Букенбая батыря людей, собрав, возвратить, также каракалпака, сосланного в Рогервик, буде не умер, и сына его с Яику отдать;
11. К отправлению всех дел определить обер-секретаря Ивана Кирилова и с ним быть мурзе Алексею Тевкелеву, которых туда отправить немедленно...» [7, с. 317].

В итоге была учреждена особая экспедиция под командованием автора проекта, вошедшая в историю России как «Известная Оренбургская экспедиция 1734 г.»¹. Главной задачей экспедиции было строительство города-крепости в среднем течении реки Яик (Урал). В то время, как уже было сказано, у русских были крепости лишь в Приуральской Башкирии — Уфимская, Бирская, Мензелинская.

По замыслу И. К. Кирилова, крепость в устье Ори должна была закрыть пути в степь и тем самым поставить под контроль все сношения кочевых народов этого региона. *«Могут еще противные резоны произойти, — писал Кирилов, — когда киргизский народ будет под одним российским владением с башкирцами, то бы иногда соединясь с башкирцами, не учинились общими неприятелями... легко могут, успокоены быть сзади каракалпаками и калмыками, а внутри из города нового и с Уфы и яицкими казаками, так, что некуда деваться; буде же бы один, который из них народ поднялся, то легче другими усмирить без посылки российских полков... и так всегда безопасно пребудет, нежели ныне без города, имея отверстую степь к набегам»* [7, с. 316]. Содержание проекта свидетельствует, что автор хорошо понимал геополитическое значение Южного Урала, являвшегося, по выражению Петра I, воротами в Среднюю Азию. Высочайшая резолюция, давшая ход документу, не скрывала, что конечной целью российской внешней политики был выход в Индию через среднеазиатские государства.

Ошибкой Кирилова стала его недооценка боеспособности башкирского войска и степени серьезности исламского фактора. Дело в том, что еще до организации Оренбургской экспедиции 1734 года предпринимались неоднократные попытки усмирения башкирских племен и решения башкирского вопроса. На протяжении всего XVII и первой половины XVIII века на Южном Урале неоднократно вспыхивали башкирские восстания (1662–1664, 1681–1683, 1707–1710, 1721–1724).

1

Это название существовало только при Кирилове. Он умер 14 апреля 1737 года. Когда Оренбургскую экспедицию возглавил В. Н. Татищев (указ о его назначении вышел 10 мая 1737 года), она стала называться Оренбургской комиссией (до образования Оренбургской губернии в 1744 году). Татищев находился на этом посту чуть более двух лет (уволен с должности указом от 17 июня 1739 года).

На Среднем Урале наибольшую опасность башкиры представляли в период начала строительства металлургических заводов (1701–1703), а также в момент закладки Екатеринбургской крепости и завода (1721–1723). Башкирские военные отряды целенаправленно пытались воспрепятствовать строительству заводов. Отдельные военные столкновения на границах Среднего Урала происходили и в периоды башкирских восстаний, вспыхивавших на территории самой «Башкирии». В записке приказчика Уктусских заводов Е. Завьялова верхотурскому воеводе П. И. Травину от 29 июня 1709 года докладывалось, что Уктусский завод подвергся нападению, а Арамилевская слобода была полностью «развоевана» башкирами [4, с. 273].

Работа первых уральских заводов — Уктусского, Алапаевского, Каменского, Невьянского — показала, что они, как и пограничные слободы, могут быть в любой момент атакованы башкирскими воинскими людьми. К примеру, Акинфий Демидов в прошении от 11 июня 1710 года сообщал Сенату, что 8 июня под Невьянским заводом вблизи его укреплений (около рогаток) состоялся бой с башкирами, в результате которого были убиты 13 крестьян Арамилевской слободы. В связи с этим Демидов просил о присылке с Верхотурья на его заводы «для оборежи и караулов, подъездов и проводывания» казаков и солдат, так как из-за малого количества людей и отсутствия военного опыта создавалась угроза потери всего заводского хозяйства [4, с. 275–276].

Ход событий после подавления Башкирского восстания 1705–1710 годов показал, что увеличение военной силы (большее количество солдат регулярной армии, новые оборонительные сооружения и т. п.) в районе сосредоточения заводского строительства — насущная и жизненно важная необходимость. Созданная на Среднем Урале металлургическая база, по замыслам правительственного кабинета Петра I, была рассчитана в первую очередь на удовлетворение нужд армейских частей и казачьих гарнизонов, размещенных в Сибири и на Урале, и только потом — на выполнение других заказов, в том числе мирных.

При строительстве Екатеринбургского завода правительство, пытаясь различными способами выиграть время, старалось убедить башкирских старшин не поднимать восстания. С этой целью из Сената уфимскому воеводе были посланы указы, с тем что-

бы он объявил старшинам, что те земли, на которых будет строиться завод, являются государевыми, в свое время данными по жалованным грамотам Строгановым. По этой причине, по мнению Сената, башкиры не должны были ступать на те земли и мешать строительству завода. При этом подчеркивалось, чтобы уфимский воевода всячески старался не ставить башкир в известность о строительстве одновременно с заводом и крепости, чтобы «к злобе и противности не привести» [1, с. 32–34].

В связи с исходившей от башкирского войска военной угрозой в первой половине XVIII века и встал вопрос об увязке национальных отношений (так называемый «башкирский вопрос») с проблемой индустриального развития страны. На этот фактор не могли не обратить внимания государственные чиновники, управлявшие краем. В 1724 году на имя императора было направлено представление бывшего начальника Главного правления Сибирских и Казанских заводов В. Н. Татищева о причинах башкирских волнений и мерах по улучшению управления башкирами. В «Представлении...» Татищев предлагал через улучшение судопроизводства и открытие русских школ для детей «лутших мурз», а также посредством строительства русских крепостей на Яике и Тоболе постепенно привести башкирские племена к покорности и законопослушанию [5, с. 481–483]. Предложение Татищева в то время не получило поддержки со стороны правительства.

В 1730 году казанский губернатор А. П. Волынский предложил свой план окончательного умирения Башкирии [5, с. 481–483]. Но и его проект не был исполнен, так как требовал применения значительной военной силы. Проект Кирилова, на первый взгляд, выгодно отличался от планов Татищева и Волынского тем, что при масштабности замыслов ограничивался привлечением нескольких иррегулярных полков и не требовал использования армейских частей. У секретаря Сената были на то веские причины. Буквально через год после подачи казанским губернатором записки «О Башкирском вопросе в Российской империи...» в 1731 году в российское подданство была принята по инициативе Абул-Хаир хана Малая Киргиз-кайсацкая орда. Этот факт кардинальным образом мог изменить всю военно-политическую ситуацию на Южном Урале в пользу русского государства. Это и вселило надежду в Кирило-

ва на сравнительно легкий вариант осуществления своих далеко идущих планов.

В преамбуле проекта Кирилов указывал, что Киргиз-кайсацкая орда «никому неподвластная, многонародная и военная, а ныне приходит в подданство Ее Императорского Величества»; что «уже Меньшей орды Абул-Хаир хан с многою старшиною, которых около 30 000 человек совершенно в подданство в 1731 г. приняты и сына и брата своего сюда прислал». «А лучше бы, — говорилось еще в проекте, — еже ли бог допустит в свое владение через вышеупо-

Сей портрет Ермака Тимофеевича покорителя Сибири, сделан в Тобольске в мае 1753 года [Свердловский

историко-краеведческий музей: коллекции и экспонаты. Свердловск, 1992 г. с. 187]

мянутые чужие войска достать и богатство, как из Америки гишпанцы и португальцы получают, сюда вывозить, что при добром начале и прилежном попечении, буде... без движения больших российских войск исполниться может» [7, с. 314]. В качестве характерного примера Кирилов приводил поход Ермака: «...вся великая Сибирь чужая была и в такой же ко владению неудобности в те времена казалась, как ныне о рассыпанных бухарских провинциях, но ее Ермак с шестьюстами человек взял и путь до Китая отворил...» [7, с. 315]. В заключении автор проекта задает вопрос: «...за что же и России терять, когда такой счастливый случай пришел чужими людьми чужое в свою вечную пользу доставить?» И сам же на него отвечает: «...и хотя б... ничего не получим... да ничего же не потеряем... но... от нового города прибыль остается на нашей стороне» [7, с. 315].

Таким образом, из содержания проекта и резолюции к нему следует, что русское правительство планировало посредством строительства города-крепости в среднем течении Яика решить проблему распространения русского влияния на Среднюю Азию, с тем чтобы уже в XVIII веке выйти в Индию. Причем следует особо подчеркнуть, что ни в проекте, ни в резолюции не предполагалось применение армейских частей с целью военно-карательных действий.

Вопрос о воинственных башкирских племенах казался Кирилову в тех условиях уже решенным делом. «Киргизский народ... с башкирцами... легко упокоены быть могут сзади каракалпаками и калмыками, — подчеркивал он, — а внутри из города нового и с Уфы и яйцкими казаками, так что некуда деваться». Более того, Кирилов полагал, что «башкирские тарханы и мещеряки сами... служить могут и почтут за домашнюю службу, да и то не без пользы, что к работе из русских городов и уездов работников не надобно, а пришлыми в башкиры татарами, чувашами, черемисью отправить, хотя им малую часть заработных денег дать» [7, с. 312].

С момента организации Оренбургской экспедиции 1734 года эти планы пришлось кардинальным образом менять, так как главной и основной задачей экспедиции стало усмирение Башкирии, а не парадный въезд в Бухару, Хиву и Бадахшан. Отложено было и строительство флота на Аральском море. Тем не менее, надо отметить, что большая часть замыслов Кирилова все-таки была осуществлена, но это произошло уже в XIX столетии. Ру-

ководителям Оренбургской экспедиции во главе с И. К. Кириловым пришлось вплотную заняться башкирскими делами, так как одновременно с началом движения экспедиционного отряда на реку Орь в Башкирии вновь началась война. Проект Кирилова, предвосхитивший многие исторические события XIX века, не учел ряд конкретно-исторических условий, которые сложились в тот момент на Южном Урале. В первую очередь, не оправдались надежды на использование в своих интересах военной силы киргиз-кайсаков, не говоря уже о военных башкирских отрядах, в особенности их способности к объединению в одно большое войско. Для руководителя Оренбургской экспедиции И. К. Кирилова это стало полной неожиданностью. Его план не предусматривал применение крупных армейских соединений. В условиях военного времени потребовались иные решения, которые имелись в планах Татищева и Волынского, но не было в планах Кирилова. Тем более что существовал уже положительный опыт колонизации степных и лесостепных районов Центрально-Черноземной полосы, Поволжья и Приуралья, сочетавший в себе практику строительства засечных линий, крепостей с переселенческой политикой.

С учетом накопленного опыта в 1732 году была учреждена канцелярия Главной артиллерии и фортификации. Было решено возобновить строительство пограничных линий на юге и юго-востоке, где мало-заселенные лесостепные и степные территории не были защищены от внезапных набегов кочевников. Обезопасить границы было решено путем заселения и освоения степных окраин, замены отдельных крепостей сплошными линиями, состоявшими из ряда укреплений различной мощности и расположенных между ними фортификационных единиц, соединенных сплошными рвом и валом. Так, в 1731–1742 годах была возведена Украинская линия из 16 крепостей и значительного числа редутов. Ее непрерывный вал тянулся на 268 верст от Днепра до Северного Донца [9, с. 20]. Аналогичные действия были осуществлены в Приуралье, где, как уже упоминалось, была построена Закамская линия крепостей.

В хрестоматии по истории Южного Урала (1682–1918) представлен купированный проект Кирилова под названием «Из царской инструкции И. К. Кирилову о задачах Оренбургской экспедиции». В книгу помещены лишь те пункты проекта, которые устра-

ивали ее составителей, но не выражали сути задач Оренбургской экспедиции. По мнению составителей хрестоматии, Кирилов руководил большими научными исследованиями в области географии, экономики и положил начало горному делу в Башкирии [10, с. 14]. Но сказать только это — практически ничего не сказать.

В условиях начавшегося башкирского бунта, целью которого было не допустить строительства Оренбургской крепости, главной и основной задачей Известной экспедиции 1734 года стало усмирение башкир, а не научные исследования, включая составление атласа России. Статский советник И. К. Кирилов² в сложившихся военно-политических условиях вынужден был добиваться высочайшего одобрения новых планов и просить у правительства подтверждения своих полномочий. Дело в том, что, когда Кирилов, несмотря на начавшийся бунт, шел со своим отрядом к Яику, на подавление повстанцев были двинуты правительственные войска, вначале отданные под командование казанскому губернатору П. Мусину-Пушкину. Его ставка находилась в Мензелинске. Затем командование было передано генерал-лейтенанту А. И. Румянцеву, до 12 апреля находившемуся под арестом и следствием. 12 апреля 1735 года он был освобожден из-под стражи и назначен командующим армейскими частями, направленными на подавление башкирского бунта [9, с. 27]. Так совместно с Оренбургской экспедицией стала действовать на юго-востоке Башкирская комиссия, в задачу которой входило усмирение мятежа.

Таким образом, после подтверждения полномочий И. К. Кирилова на Южном Урале образовались помимо Уфимской воеводской канцелярии еще два самостоятельных органа управления Башкирией — Комиссия башкирских дел и Известная Оренбургская экспедиция.

***

Первый исследователь Оренбургского края Петр Иванович Рычков в своих книгах «История Оренбургская» и «Топография Оренбургская» выступил как энциклопедист, знаток истории русской колонизации Южного Урала. Занимая ответственный пост в Оренбургской экспедиции и будучи руководителем Секретной экспедиции, Рычков активно занимался сбором информации естественно-географического характера. По долгу службы он составил обширную историческую справку об Оренбургской губернии, опубликованную в 1759 году в журнале «Сочинения и переводы, к пользе увеселению служащие». Другими словами, будучи очевидцем событий, он хорошо знал, обо всех действиях и передвижениях руководителя экспедиции И. Кирилова. Тем не менее в «Истории Оренбургской» отсутствует девять параграфов, где должны были освещаться следующие события: прибытие Кирилова в 1734 году в Уфу; приготовление к походу на реку Орь осенью 1734 — весной 1735 года; отправка солдат в верховья реки Яик для строительства Верхнеяицкой пристани; задержка экспедиции; поход 1735 года; начало башкирского восстания 1735–1740 годов.

То, что параграфы написал Рычков, не вызывает сомнений. Последовательность изложения в «Истории...» прерывается на 22-м и возобновляется с 32 параграфа, таким образом, отсутствуют параграфы 23–31. По этой причине до нас дошли очень скудные сведения о начальном этапе работы Оренбургской экспедиции. Тем не менее благодаря другим письменным источникам, как опубликованным, так и не опубликованным, вполне реально восстановить хронику событий.

Перед Кириловым во время подготовки экспедиции в Уфе открылась очень неприглядная картина провинциальной жизни. Связано это было в первую очередь с казнокрадством самого воеводы, мздоимством его подчиненных и убийственно низкой, в прямом и переносном смысле, боевой подготовкой гарнизонных полков. Формирование же новых драгунских рот шло при совершенно удручающих обстоятельствах.

Также из донесения Кирилова в Сенат от 21 мая 1735 года становится понятной причина его задержки в Уфе: «Стоим лагерем, ожидая по силе... указов, присланных из Сената и Военной коллегии, Во-

2

В инструкции от 18 мая 1734 года, данной Кирилову, он уже статский советник, а не обер-секретарь Сената. Точно так же и Тевкелев не просто мурза, но полковник. См.: Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. 9. № 6576. С. 323–330.

логодского драгунского полку. Ежели в 10 дней в Уфу не прибудет, то далее ждать время тратить не буду» [5, с. 303]. Как покажут дальнейшие события, эта задержка стоила многим участникам летнего похода к реке Ори жизни.

Помимо далеко идущих планов по линии иностранных дел перед начальником Оренбургской экспедиции правительство поставило задачу вести разведку полезных ископаемых (более подробно об этом говорится в инструкции, данной И. К. Кирилову в указе от 18 мая 1734 года). В состав экспедиции вошли специалисты по горному делу, которые во время движения колонны занимались геологическими изысканиями. Доказательством того, что месторождения (в частности медной руды) были найдены, служит донесение Кирилова от 16 августа 1735 года с красноречивым названием «Об ископаемых богатствах окрестностей города Оренбурга». В нем сообщалось, что на всем протяжении движения колонны от Уфы до устья реки Ори встречались надежные признаки залегания медных и серебряных руд [5, с. 497]. В частности в донесении упоминается случай, когда надзиратель Титов из Екатеринбурга и штейгер Лейхзених с командой офицеров на 480 версте по пути следования нашли значительное месторождение меди [5, с. 498]. Что касается разведки территорий, более отдаленных от маршрута следования, то это в условиях башкирского восстания было невозможно. «А о прежде приисканных между Белой и Ик реками и в других многих местах... и в том, что касается до дальних предприятий,— сообщал Кирилов,— о том ни о чем ныне не приношу потому, что под самыми руками довольного времени и труда требует к приведению в настоящее действие» [5, с. 498].

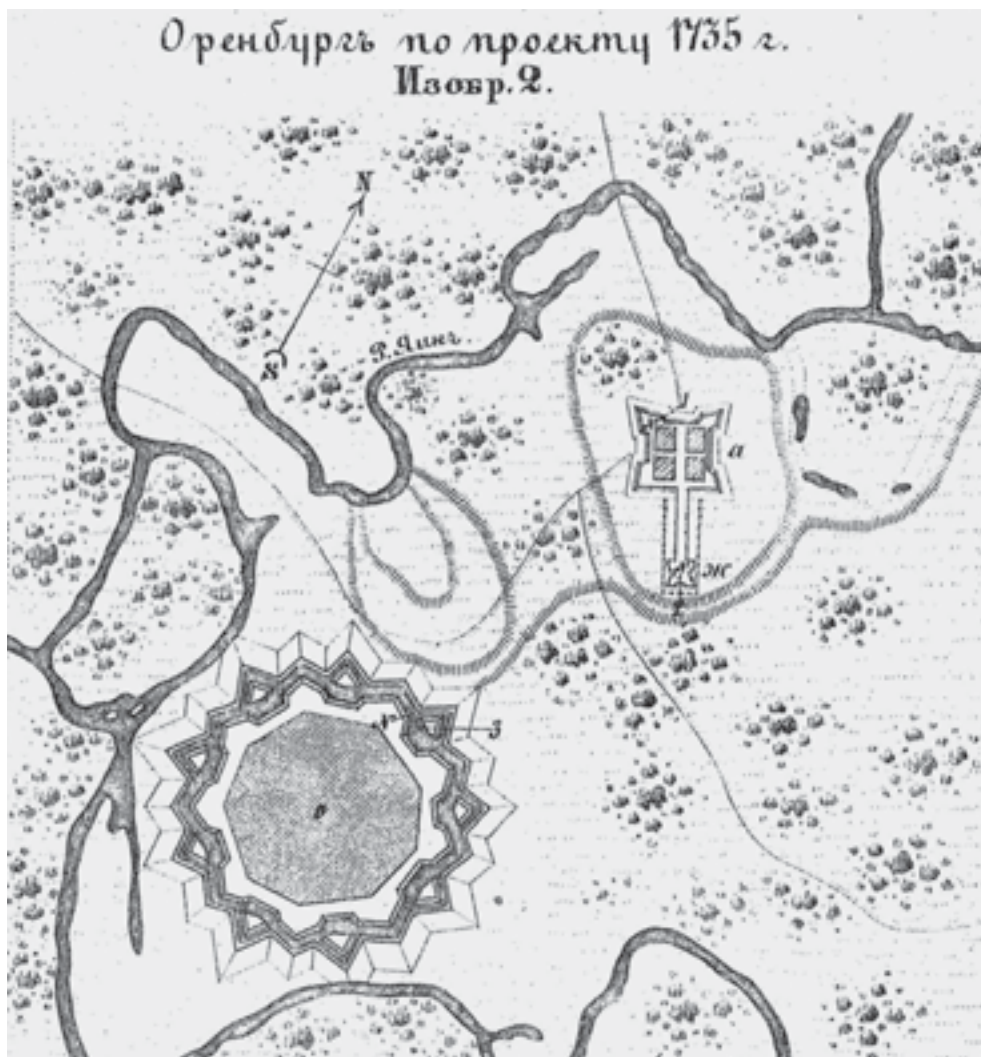
Верхнеяицкая пристань

Известно, что когда 6 августа 1735 года отряд Кирилова прибыл и встал лагерем против устья Ори, пройдя от Уфы 500 верст, Верхнеяицкая пристань с укреплением уже была построена. С этой пристани предполагалось отправлять вниз по Яику продовольствие, разного рода материалы и инструменты, необходимые для строительства в устье Ори нового города. Письменные источники свидетельствуют, что при речной пристани была построена крепость (ее параметры и характер постройки выявить не удалось). Вероятнее всего, строительство пристани и крепости началось ранней весной 1735 года.

Подтверждением тому служит письмо Кирилова В. Н. Татищеву от 30 марта 1735 года, в котором, в частности, говорится: «...пристань Верхояицкая, надеюсь на истинного Бога, утвердится и там первая рота в крепком месте рогатками окинулась, а другая рота и адмиралтейские служители отсюда (из Уфы) пошли 16 марта» [2, с. 11]. Тот факт, что военный гарнизон крепости при Верхнеяицкой пристани состоял первоначально из двух солдатских рот Уфимского гарнизонного полка, подтверждает и П. И. Рычков. «5 сентября (1735 г.) Тевкелев отправился из Верхояицкой пристани в Теченскую слободу,— говорится в его “Истории Оренбургской”,— оставя наставления, прежде бывшего тут командиром капитану Уварову у которого в команде при двух ротах солдатских был поручик Ветошников» [8, с. 19]. Указанная военная команда и ожидала практически все лето 1735 года на укрепленной Верхнеяицкой пристани продовольственные обозы, с тем чтобы отправлять их речными судами вниз по Яику, как было предусмотрено планом И. Кирилова. Из имеющихся письменных источников совершенно не понятно, отправлял ли гарнизон Верхнеяицкой крепости продовольствие по Яику. Но то, что в крепость пришел один обоз с продовольствием из Теченской слободы, а другой был в пути,— документально подтвержденный факт. «На ту Верхнеяицкую пристань прямою степною дорогою из Теченской слободы чрез реки Мияс, Уй и другие — первый обоз с провиантом в 70 подвод отпущен апреля 12, а прибыл благополучно мая 1 числа рано,— писал Кирилов, в упомянутом донесении,— другой обоз, во 100 подвод отпущен 6 мая, о котором прибытии ожидаю ведомости, во сколько дней перейдет... А подлинно тамошние жители объявляют, что летним путем в шестой и седьмой день с тяжелыми возами от оной слободы поспеть могут» [5].

Первая Оренбургская крепость

Место под строительство нового города Кирилов выбрал на левом, киргизском, берегу Яика, при впадении в него Ори. Крепость в четыре бастиона с малой цитаделью, получившая в уральской историографии название первой Оренбургской, была заложена 15 августа 1735 года. Ласковский дал ей следующую характеристику: «Вновь заложенная крепостца

Оренбург по проекту 1735 года.
[Ласковский Ф. «Карты, планы и чертежи к III части материалов для истории инженерного искусства в России». Альбом, лист 9, изображение 2. СПб, 1866]

Первая Оренбургская крепость в четыре бастиона с малой цитаделью (заложена 15 августа 1735 года)
[Ласковский Ф. «Карты, планы и чертежи к III части материалов для истории инженерного искусства в России». Альбом, лист 9, изображение 2. СПб. 1866]

состояла из бастионного четырехугольника на реке Яик, в 2,5 верстах от устья р. Орь и от того места, где предполагалось строить город и настоящую крепость» [3, с. 98]. Известно также, что 30 августа в крепость была введена солдатская команда, а 31 августа — артиллерия.

В донесении от 16 августа 1735 года руководитель Оренбургской экспедиции статский советник И. К. Кирилов, поздравив императрицу Анну с приобретением «новой России», которая, по его выражению, «промыслом божьим взыскана», вынужден был поставить ее в известность о том, что одновременно с началом деятельности экспедиции по всему Южному Уралу началось башкирское восстание. «В самом месте, где Оренбург зачинается, и в самых же внутренних Оренбургских местах находится, — писал Кирилов, — то многим неимоверно покажется, а наипаче под случай учинившагося от башкирцов воровства» [5, с. 497]. Кирилов, приняв участие в закладке камня в фундамент основной цитадели, оставив воинский гарнизон, с основными силами вернулся в том же 1735 году в Уфу. По случаю начавшегося башкирского восстания он был вынужден в срочном порядке отправиться в Петербург.

План А. П. Волынского

Суровые реалии жизни XVIII века были учтены казанским губернатором А. П. Волынским. Его записка «О Башкирском вопросе в Российской империи» заслуживает особого внимания, так как дальнейший ход событий того периода показал, что царская администрация взяла на вооружение не только «Представление...» Татищева, но и планы Волынского. В первых пунктах автор, сравнивая башкирские племена с внешним врагом, подчеркивал серьезность башкирской угрозы. «Уповая, я, что не совершенно известно о состоянии башкирского народа, — писал губернатор, — которых мы внутри государства, почитая себе подданными, имеем; а по моему слабому мнению надлежит оных держать и от них осторожность иметь, паче всякого внешнего неприятеля по многим доказательствам». Серьезной угрозой Волынский назвал иноверческий фактор. По его мнению, башкиры, исповедовавшие ислам, должны были быть христианам неприятелями [5, с. 302].

Другой потенциальной угрозой Волынский считал увеличившийся рост иноверческого населения за счет

беглых казанских, сибирских, темниковских ясачных татар, «мордвы, чувашей, черемисы, вотяков», которые целыми селами и деревнями переезжали в Башкирию из различных уездов Поволжья, Урала и Сибири. «И хотя ныне видим, что башкирский народ является, кроток, — писал Волынский в 1730 году, — однако не возможно сказать, чтоб оной был в совершенном и послушании, понеже беглых принимают, несмотря ни на какие указы, и податей не платят, но живут по своей воле, как сами хотят. И тако не надлежит... им верить, понеже пока руки наши свободны, и не привязаны к которой стороне войною, до того времени и я обнадеживаю, что они будут овцами; когда же... будет продолжаться война, а иначе, не дай всевышний, есть ли случится оборонительная, а не наступательная, да к тому же ежели учинится с турками, то оной народ не только может нанести государству вред, но и великое учинит разорение...» [5, с. 303]. На последний аспект, связанный с турецким влиянием, следует обратить особое внимание, так как он неоднократно сказывался на событиях, произошедших в XVIII веке на Южном Урале.

В целях предотвращения башкирской угрозы Волынский предлагал ряд мер, смысл которых сводился к следующему: для усмирения башкир надо использовать национальные противоречия между каракалпаками, казахами, с одной стороны, и башкирами, калмыками — с другой. Для успешного применения регулярных войск на территории Башкирии необходимо было составить подробные топографические карты. Для этого автор записки предлагал под видом покупки лошадей для драгунских полков выбрать добрых офицеров из дворян, придав им вместо унтер-офицеров хорошо подготовленных геодезистов, которые бы скрытным образом смогли тайно описать места и поселения для составления ландкарты. Таким образом, считал Волынский, можно будет узнать расположение башкирских жилищ, численность населения, а также «подлинно увидеть, прямых ли больше башкирцев или пришлецов вновь поселившихся, и всели оные оружейны, сколько таких будет и сколько земледельцев» [5, с. 304]. Волынский выражал также надежду, что башкиры, увидев приближение регулярных войск, примут на себя немалые подати. Для этой цели, по мнению Волынского, надо было иметь хороший гарнизон в Уфе и на старой Закамской линии, а также держать в ближних местах ре-

гулярные соединения — три драгунских полка и четыре батальона солдат. В заключение автор записки выразил надежду, что со временем ни один живущий в Башкирии иноверец не будет иметь никого оружия под страхом смертной казни.

***

Помимо казанского губернатора башкирским вопросом занимались и другие государственные ведомства, заинтересованные в получении достоверной информации о башкирах и местах их расселения. В 1720-е годы сбором сведений о «Башкири» активно занимался начальник Главного правления сибирских и казанских заводов В. И. де Геннин. По его приказу с ноября 1725 по март 1726 года в Башкирию был отправлен кунгурский бургомистр Юхнев. Под предлогом получения подвод (Волынский предлагал — якобы для покупки лошадей) он объехал практически все башкирские волости и собрал данные о количестве башкирских и небашкирских деревень, дворов и примерном количестве душ мужского пола. В 60 волостях он насчитал 11 655 дворов. В каждой волости в среднем указывал по три деревни. Общее количество душ мужского пола было выведено из расчета по три на один двор, что составило на указанный период времени 85 967 человек (эта цифра расходится с той, что назвал позднее Волынский — 100 000). Все данные, собранные Юхневым, де Геннин передал в правительствующий Сенат [5, с. 483–487].

В представленном Сенату документе кроме статистических данных приводилось краткое описание четырех административных делений (дорог), перечислялись основные занятия населения, указывалась также северная граница башкирских кочевий, проходящая по меже с Кунгурским уездом. «По первой Сибирской дороге, — говорилось в документе, — вдоль оной дороги живут между башкир... мещеряки, чувашаи и черемисы, которые на их башкирской земле живут и им дают корму по две гривны на год из каждого двора. По Уфимской стороне у Уральских гор и по другой стороне Уральских гор с Сибири до Кунгура вдоль межи Сибирской до Кунгурской деревни Иликай, где конец оной дороги, а вдоль оной дороги будет 11 дней езды летом верхом» [5, с. 485–486]. Также там отмечалось, что башкирский народ — воинственный, имеющий на вооружении как холодное, так и огнестрельное оружие: «...оной

народ военный, по их маниру, почитай, в каждом дворе есть панцирь, копьё, лук и сабля, также и ружье, которое “турки”³ зовут» [5, с. 486].

В заключении сенатского представления В. И. де Геннин особо подчеркнул: «...ежели случится, что войну иметь против башкир во время смятения, от чего Боже сохрани, однако... в оной земле свободно с армиею ступать, для той причины пассажей они не задержат, но скоро покинут, а летом, как летучий народ, в степи не поймашь, разве жен и детей их. А зимой способнее для того, что... лошади их в то время плохи. Токмо надлежит заранее учинить в удобных местах магазины с провиантом и сеном. Я мню, без кровопролития, ежели намерение впредь будет для опасения, чтоб они впредь не бунтовали, надлежит их, сколько возможно вывезть в Русь и разделить, и от того в Руси людей умножится, и басурман примут в христианскую веру и потому Башкиры будут от них пусты и на такой доброй земле можно впредь русских поселить» [5, с. 487].

Депортация как мера усмирения башкир была применена царским правительством на практике, но в ограниченных масштабах. Также и сама угроза депортации башкир во внутренние районы России являлась действенным оружием в руках правительства. Этот аргумент играл особенно большую роль в период Пугачевского восстания.

Важным дополнением к тем сведениям, которые собрал бургомистр Юхнев по заданию В. И. де Геннина, являлись реестр и описание башкирских волостей, составленные в 1730 году в Уфимской провинциальной канцелярии. Сбором данных в этот раз занимались камергер Ф. Жилин и уфимские служители С. Третьяков и И. Гавренев [4, с. 135–138].

В сведениях Юхнева и Жилина есть некоторые разночтения, но они в основном касаются количества и названий башкирских волостей. К примеру, Юхнев называет 60 волостей, распределенных по Сибирской, Ногайской, Казанской и Осинской дорогам, а в реестре Уфимской канцелярии указаны — 58 волостей. Тем не менее по реестру Жилина вполне возможно, учитывая данные Юхнева, установить местонахождение той или иной волости.

По сведениям, приведенным в документе, к при-

3

Боевое ружье с кремневым замком турецкого производства. Кто и как доставлял «турки» Башкирскому войску — вот в чем главный вопрос!

меру, в Зауральской Башкирии к началу 1730-х годов были следующие башкирские волости:

1. По Ногайской дороге: «...Телевская по Яику реке, и по Мендяку речке по за Уралу степи, а лесу мало, тележный путь в тех местах по Уралу есть, а до Уралу от Уфы нет; Шуранская за Уралом по озерам живут к Сибирским слободам, степи; леса мало, а с Уфимской стороны Уралу тележный путь с великою нуждою; Бекетинская за Уралом по озерам, больши степи, а леса колками, осинник, березник; Кара-Табынская в Бельских вершинах и по за Уралу в яицких и в Уйских вершинах и по Миассу и по озерам; За Уралом больши степи, леса колками ж; От Уфы до сей волости тележного пути за горами и за лесами нет, а по Зауралью тележный путь свободный; Кубеляк-Табынская по Яику и по Мендяку, больши степи, лесу мало, тележного пути от Уфы до Урала нет за горами и лесами, а по Зауралью тележный путь свободный».

2. По Сибирской дороге: «...Айская по Аю и за Уралом в разных местах по озерам; по Аю горы, леса, поля, а за Уралом больши степи; и от Уфимской стороны тележный путь до Уралу самой нужной, а по за Уралу с Сибирской стороны свободный путь; Мекетинская за Уралом по озерам, больши степи, леса колками; Бала-Катайская — по обе стороны Урала по озерам и речкам; за Уралом больши степи, а леса колками; Челжетуцкая — за Уралом по озерам и по речкам близ Уктусских заводов, где медный завод, степи и леса... Бекетинская — за Уралом по озерам... (эта располагалась и по Ногайской дороге. — В. С.); Сепирянская — за Уралом по озерам, больши степи; Кувакайская — в Айских и Еризинских вершинах, по Садке речке и за Уралом по озерам горы, леса, степи, а больше гор; Бучкурская — за Уралом по озерам, больши степи, а леса колка; Сызгинская — за Уралом по Миассу и по озерам, между колков больши степи, а по Уфе реке между гор и лесов, где обретается пристань, что нагузья Уфимского уезда иноверцы и Кунгурского уезда обыватели в струга хлеб проводят до города Уфы; а расстоянием имеется та пристань от г. Уфы зимнею порою на порожняке езды дней пять, а летом нужной путь на телегах».

В реестре, составленном со слов камергера Ф. Жилина, также приводится продолжительность пути от Уфы до Тобольска и определяется восточная граница Зауральской Башкирии: «Езды от Уфы по Ногайской дороге до Уралу, из которых мест вышла

Белая река и Яик, по Инзеру и по Симу речкам, летом верховую ездой семь дней, а от Урала до Тобола реки семь дней, а от Тобола реки до киргизских жилищ три недели езды. По Белой реке и по другим речкам, кои впали в Белую реку с нагорной стороны, леса и горы превеликие. А по Сибирской дороге от города Уфы до Урала горы, откуда вышла Уфа река, езды 10 дней, а за Уралом до крайних жилищ башкирских езды два дня, а от крайних башкирских жилищ до жилищ Сибирской губернии, до Тобольского уезда верст по 10-ти и по 15-ти» [4, с. 138].

Несмотря на наличие планов и предложений по усмирению Башкирии, исходящих с мест, в правительственном Сенате не было единодушного подхода к решению проблемы. Камнем преткновения, если так можно сказать, был вопрос о беглых. С одной стороны, было понимание необходимости привлечения дополнительных людских ресурсов на вновь колонизируемую территорию, а с другой — довлело законное требование помещиков о возвращении беглых крестьян на прежние места их проживания. За пять лет до начала деятельности Оренбургской экспедиции 1734 года Сенат рассматривал прошение крестьянина Крутихинской слободы Сибирской губернии С. И. Кузнецова о постройке крепости близ озера Чебаркуль. В прошении говорилось: «...а в тех местах для осторожности и охранения в близости крепости не имеется, и для лутчего смотрения и распространения во оной Сибирской стране близь одного Камня Урала надлежит быть крепости и к той крепости для поселения вновь сколько надлежит в переведенцы дворов, а в близости того места Камня Урала у Чебаркуля озера имеют житьельство Долматова монастыря крестьяне, да в Окуневской слободе в устреке семь слобод. А для лутчего к смотрению для... охранения, ежели повелено будет в том месте быть крепости и поселению у того Камня Урала, у Чебаркуля озера на порубежном месте, для своевольных и непостоянных татар-башкирцов и от всяких воровских людей, при той крепости надлежит быть и военным служителем, сколько пристойно» [5, с. 488].

После обсуждения прошения Сенатом было вынесено решение: «...в том ему, Кузнецову, отказать для того: ежели в том месте построить крепость, то могут иноверцы, с которыми велено поступать ласкою, причитать к себе в озлобление, к тому ж не безопасно есть в селении слобод, что будут прини-

мать беглых, а за дальностью туда помещикам ездить и сыскивать будет немочно» [Там же, с. 489]. В резолюции особо обращает на себя внимание высказанная боязнь башкирского недовольства и приема беглых.

Вышеназванные планы утверждения русского влияния на Южном Урале не были случайны. Башкирский вопрос к 1734 году имел уже многолетнюю историю. Одним из первых письменных источников по указанному вопросу является челобитная беломестных казаков и крестьян Тобольского уезда «об ограждении их земельных прав и выселения башкир в Уфимский уезд» (1695). На основе этой челобитной было заведено дело о спорных землях башкир на Сибирской стороне Урала. В результате переписки, возникшей между приказами Казанского дворца и Сибирским, по указу Великого государя и Великого князя Петра Алексеевича боярином князем И. Б. Репниным был сделан запрос стольнику и Тобольскому воеводе К. Ф. Нарышкину. В этом запросе-грамоте требовалось через приказную палату Тобольска, Тюменскую и Верхотурскую приказные избы, а также от старых татар, бухарцев и вогуличей Тобольского, Тюменского и Верхотурского уездов прояснить возникший вопрос: «...в которых годах Уфимского уезда башкирцы от уфимской на сибирскую сторону жить перешли, и от уфимской стороны сибирским землям межа есть ли, и буде есть, в которых местах, а где ныне на сибирской стороне башкирцы живут, лес Еренаков по реке Ревле есть ли, и буде есть, в которых местах, и сколь далеко от Катайского острога и от Уральского камня или тот лес Еренаков и река Ревля на уфимской стороне и сколь далеко от Уфы?» [6, с. 98].

В результате изучения Башкирии различными ведомствами (Сенат, Военная коллегия, Коллегия иностранных дел, Берг-коллегия) к 1734 году был составлен ряд топографических карт, причем, по видимому, каждое ведомство имело свой вариант.

Изучение Башкирии разными государственными ведомствами оказало решающее значение в ее дальнейшем административном устройстве. Поэтому закономерно, что главную роль в основании русских крепостей в Зауралье сыграл не Кирилов, а начальник сибирских и уральских горных заводов В. Н. Татищев. Указ от 4 июля 1736 года, упоминавшийся выше, по сути являлся официальным разрешением ранее запрещаемой русской колони-

зации Зауральской Башкирии. В 1729 году, рассматривая прошение крестьянина Крутихинской слободы Сибирской губернии С. И. Кузнецова о постройке крепости близ озера Чебаркуль, Сенат отказал ему, ссылаясь на боязнь башкирского озлобления и приемки беглых крестьян. В новых, изменившихся военно-политических условиях Чебаркульскую крепость пришлось строить, причем одной из первых в Зауральской Башкирии, и принимать беглых.

Список литературы

1. Геннин В. Описание Уральских и Сибирских заводов. М., 1937.
2. Козлов Ю. Я. В верховьях Урала. 1743–1917. Челябинск, 2008.
3. Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Ч. 3. СПб., 1866.
4. Материалы по истории Башкирской АССР : в 5 т. Т. 1 / отв. ред. А. Чулошников. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1936.
5. Материалы по истории Башкирской АССР : в 5 т. Т. 3 / под ред. Н. В. Устюгова. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1949.
6. Материалы по истории Башкирской АССР : в 5 т. Т. 4, ч. 2 / отв. ред. Н. В. Устюгов. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1956.
7. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. 9: 1733–1736. СПб., 1830.
8. Рычков П. И. История Оренбургская. СПб., 1896.
9. Смирнов Ю. Н. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30–40-е гг. XVIII в. Самара, 1997. С. 50.
10. Хрестоматия архивных документов по истории Южного Урала (1682–1918) / сост. А. И. Потерпеева, В. Е. Четин. Челябинск, 1980.

По дороге в Белорецк.
Фото: В. Свистунов

История Южного Урала

БАШКИРСКОЕ
ВОССТАНИЕ
(1735–1740)

Глава 2. БАШКИРСКОЕ ВОССТАНИЕ (1735–1740)

Судьба первого гарнизона Верхнеяицкой крепости (пристань) (по документам Г. Ф. Миллера)

Документальное описание хода Башкирского восстания в Южном Зауралье (или, следуя терминологии XVIII века, «с сибирской стороны Урала»), хранящееся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА), начинается с изложения сведений о продовольственном обозе, отправленном из Теченской слободы на Верхнеяицкую пристань в июле 1735 года. Краткая история этого описания такова.

По запросу Российской академии наук, сделанному в 1740-е годы, в полковой канцелярии Сибирского гарнизонного драгунского полка был составлен на основе рапортов, промеморий и разного рода письменных сообщений так называемый экстракт (назовем его «документы Миллера»¹). В нем кратко, но емко и порой очень выразительно отражены военные события, происходившие в Южном Зауралье в период с августа 1735 по август 1741 года. Причем в указанных документах отражены действия всех противоборствующих сторон — как башкир, так и российских военных команд, включая мирных жителей сибирских слобод и деревень. «Какие от воров бунтовщиков башкирцев и пришедших для воровства киргиз-кайсаков² российским сибир-

¹ Инициатором запроса являлся профессор Миллер.

² Кайсаки Средней орды во главе со своим ханом Бараком не признавали подданства России и поддерживали восставших башкир. Поэтому и нападали на русские жилища.

ским людям и верным иноверцам причинены разорения,—говорится в предисловии к документам,—напротив же того и над теми ворами от российских людей какие учинены поиски и искоренения и что их побито и в полон взято и завоевано от них лошадей и скота, о том чему со оногo августа 7: 1735 г., да же 1741 г. августа по 29 число во оной полковой канцелярии, а потом при реченной главной команде действительно вид имеетца, значит ниже сего по числам и местам...» [7, л. 185].

На эти числа — исторические календарные даты — следует обратить особое внимание, так как хронология событий 1735–1740-х годов на Южном Урале нуждается в перепроверке и уточнении. Выверенная хронология событий также очень важна для понимания действий, совершенных руководителем Оренбургской экспедиции И. Кириловым и его помощником А. Тевкелевым в ходе подавления башкирского восстания.

Собственно документы Миллера начинаются с изложения рапорта капитана Сибирского драгунского полка Томилова и командированного в Теченскую слободу от Оренбургской экспедиции прапорщика Гладышева. Из рапорта следует, что продовольственный обоз, состоявший из 1078 подвод, был отправлен из Теченской слободы под военным конвоем драгун 17 июля 1735 года [7, л. 185–185 об.]. В рапорте не указывается точное число драгун, лишь кратко упоминается, что «выступили они в марш из Теченской слободы Сибирского полку з драгуны с тремя капральства в комвое» [7, л. 185]. Но как такового марша в процессе движения обоза не получилось, так как все подводчики были из крестьян

и идти в марше не могли. Из-за чего обоз растянулся и шел с большими непредвиденными остановками, теряя, как оказалось позднее, драгоценное время.

Продовольственный обоз, пройдя от Теченской слободы 240 верст, в районе Карагайского озера попал в засаду, устроенную башкирскими военными людьми. В документах Миллера эти события отражены следующим образом: «...до новопостроенной Верхяицкой пристани не дошед верст за 30, напали... вору башкирцы многолюдством и учинили бои и атаковали... со оными ворами башкирцами против их... в камвое драгун недовольно было а подводчики из крестьян не весьма к тому способны, понеже от тогдашнего нападения весьма показались робки, они же и малооружны... и боде башкирцы... нападали... днем и ночью собранием немалым, от чего имели за малолюдством российских военных людей великое опасение...» [7, л. 185 об.].

Башкиры, имея численное превосходство в военных людях, прочно блокировали продовольственный обоз. В документах Миллера не указывается дата их нападения, но дается понять, что в Теченскую слободу от обоза был отправлен гонец, прибывший туда, вероятнее всего, 7 августа 1735 года. В следующем сообщении, от 8 августа, говорится, что «по оному известию того ж августа полковник господин Арсеньев выступил с командою к вышеписанному провиантскому обозу на сникурс» [7, л. 186 об.]. Под командованием полковника Арсеньева находились, помимо драгун и офицеров Сибирского полка и еще 135 городских казаков из русских и татар. Этот сводный отряд общей численностью 465 человек подошел к заблокированному обозу 15 августа 1735 года. В этот же день к обозу вышел и отряд капитана Беланина, состоящий из драгун Вологодского драгунского полка и яицких казаков общей численностью 700 человек. Этот отряд командировал на выручку продовольствия начальник Оренбургской экспедиции И. Кирилов. При подходе к обозу с двух сторон российских отрядов общей численностью более тысячи человек башкиры практически без боя отошли, как сказано в документе от 7 августа, «в крепкие места». Таким образом, продовольственный обоз был деблокирован.

За время сражения за продовольствие для Оренбурга со стороны военного конвоя людских потерь не было, но из крестьян-подводчиков были убиты

Полковое знамя
Оренбургского
драгунского полка

два и ранены 14 человек. Основные потери конвоя составили пять драгунских лошадей (одна лошадь вместе с седлом была отбита башкирами, четыре — ранены). О крестьянских имущественных потерях в военном рапорте сказано так: «...лошадей крестьянских убили и ранили немалое число...». Также башкирские военные люди сумели отбить от обоза 44 телеги казенного продовольствия. Основные потери в живой силе среди российских военных понес гарнизон Верхнеяицкой пристани. По этому поводу в документах Миллера сказано: «...до прибытия российских войск Верхяицкая пристань была от них башкирцев в атаке и чинили вред близ самой крепости. Побито: капрал — один, солдат — 13 человек, да отогнали 70 лошадей» [7, л. 186].

Таким образом, продовольственный обоз, предназначенный для Оренбургской экспедиции, потеряв 44 телеги, 15 августа 1735 года дошел до Верхнеяицкой пристани. В документах Миллера не поясняется, по каким причинам продовольствие не стали грузить на речные суда, а 17 августа в сопровождении капитана Беланина, переправив на правый берег Яика, отправили сухим путем к Оренбургу. Куда он и прибыл благополучно 28 августа 1735 года. Этот факт находит подтверждение в письме Кирилова от 10 сентября 1735 года [Там же]. В тот же день, когда был отправлен в Оренбург обоз с продовольствием, отряд полковника Арсеньева в полном составе ушел с Верхнеяицкой пристани в Теченскую слободу.

Из документов Миллера следует, что гарнизон Верхнеяицкой пристани не имел большого количества солдат. Если же проанализировать утвержденный проект Кирилова, получивший силу указа 1 мая 1734 года, то он не предполагал использование крупных армейских соединений при строительстве Оренбурга. Основные надежды возлагались на Уфимский и Казанский гарнизонные драгунские полки и нерегулярные соединения казаков и дворян

(уфимских, мензелинских). Другими словами, российское правительство, принимая план Кирилова и снаряжая его экспедицию, не предполагало завоевывать Башкирию, наивно полагая, что башкиры, признавшие подданство Российского государства, будут по первому призыву сами участвовать в строительстве Оренбурга. В седьмом пункте резолюции на проект Кирилова однозначно говорится: «Башкирских тарханов и мещеряков нарядить столько, сколько нужда требовать будет» [6, с. 317].

Попытка со стороны башкирских военных людей захватить продовольственный обоз в августе 1735 года ничему не научила руководителя Оренбургской экспедиции. Если Кирилов и сделал какие-то выводы, то они оказались, мягко говоря, не совсем правильными. В частности, это касается его стремления незамедлительно наказать виновников нападения на продовольственный обоз. Тогда как в действительности, не имея на своей стороне превосходства в живой силе, не владея достоверной информацией о численности и боеспособности башкирского войска, начальник Оренбургской экспедиции не должен был начинать никаких карательных операций, тем более на Ногайской дороге.

Кирилов, отправляя 7 сентября 1735 года Тевкелева из новопостроенной Оренбургской крепости в Теченскую слободу, выдал ему инструкцию, смысл которой сводился к тому, чтобы «Сибирской дороги башкирцам кои на обоз... учинили нападение должное отомщение учинить и тамошних башкирцев успокоить и отправить из сибирских слобод другой провиантский обоз» [9, с. 17]. При этом в распоряжении Тевкелева было всего три роты драгун, несколько сот нерегулярных военных людей и около тысячи сибирских мужиков-подводчиков, которых нужно было в целости и сохранности сопроводить до Теченской слободы. Сам же начальник Оренбургской экспедиции, оставив на зиму в Оренбургской крепости значительный гарнизон (чего категорически не следовало делать) и, двинувшись с основными силами экспедиции по Ногайской дороге в Уфу, приступил к проведению карательных операций. По его приказу были совершены показательные казни в Сакмарске, казаками на Ногайской дороге захвачен фураж, взяты в плен женщины, дети, выжжены деревни. Особенно много башкирских деревень было выжжено в районе Табынска.

Кутлу-Мухаммед мурза Тевкелев, будучи челове-

ком умным и дальновидным, имея на руках противоречивую инструкцию, повел себя в этой ситуации по-иному. Двигаясь от Оренбурга к Теченской слободе в сложных погодных условиях (рано выпал глубокий снег и ударили сильные морозы), не имея должного запаса продовольствия, фуража и зимней одежды, он пытался договориться с башкирами Сибирской дороги. Прибыв 20 сентября 1735 года³ на Верхнеяицкую пристань, Тевкелев провел интенсивные переговоры с башкирами. Рычков так освещает эти события: «...в бытность Тевкелева на оной пристани (с 20 по 25 сентября 1735 года.— В. С.) многие из находящихся в замешании Сибирской дороги башкирцев явились с повинною и по приведении их в верность к курану (присяге) отпущены были в юрты со взятъем нескольких штрафных лошадей по тогдашней необходимой нужде...» [9, с. 18–19].

Тевкелев со своим отрядом, пройдя по глубокому снегу сотни верст, потеряв много обозных и драгунских лошадей, но, как пишет Рычков, «без всякого в людях урону», прибыл в Теченскую слободу 8 октября 1735 года. По прибытии им были выполнены почти все указания Кирилова кроме одного — он не стал проводить карательных операций. Вместо этого полковник Тевкелев пытался договориться с башкирами Сибирской дороги о беспрепятственном пропуске к Оренбургу следующего продовольственного обоза. Отдав распоряжения о его формировании, Тевкелев вынужден был ехать в Екатеринбург к В. Н. Татищеву и просить денег (в счет средств на Оренбургскую экспедицию) на покупку зимней одежды для драгун и казаков своего отряда, «к чему действительный статский советник великое вспоможение учинил», по выражению П. И. Рычкова [9, с. 19].

После этого Тевкелев с отрядом ушел в Уфу. «Тевкелев, отправляясь из Теченской слободы к Уфе 26 числа, следовал с командой своей чрез башкирские жилища,— пишет Рычков,— не только беспрепятственно, но и многих по предписанному к присяге привел и на всю драгунскую команду сена добровольно и с охотою ставили и ни в чем никакого недостатка не имели и противностей от них не видел до самой Уфы. Куда он в последних числах ноября прибыл» [Там же]. По пути следования полковник

3

18 сентября 1735 года Кирилов устроил показательную казнь в Сакмарске.

Тевкелев продолжал приводить к присяге башкир, надеясь, что благодаря его личному влиянию башкирские военные люди пропустят обоз к Оренбургу.

По документам Миллера, очередной продовольственный обоз был отправлен из Теченской слободы 2 декабря 1735 года. На этот раз он состоял из 600 подвод. В составе конвоя были две роты солдат из Сибирского гарнизонного полка, рота пеших драгун из Сибирского драгунского полка, а также «мещеряков и татар, ясачных 50, да из крестьян казаков теченских и чумляцких — 50». Этот отряд общей численностью 390 человек с тремя пушками возглавил майор Шкадер.

22 декабря 1735 года второй продовольственный обоз был блокирован башкирами практически в том же месте, что и предыдущий (как сказано в одном из документов, «не допустив за 30 верст до ново-построенной Верхояицкой пристани» [7, л. 187]).

В этот раз башкирские военные люди имели более значительное численное превосходство. В момент нападения их было более одной тысячи человек, и с каждым днем осады обоза число нападавших увеличивалось. Обоз простоял без движения с 22 декабря 1735-го по 23 января 1736 года. За это время погибли три солдата, двенадцать солдат и крестьян получили ранения. Пострадали и обозные лошади (убиты 29, ранены 52). Но наибольшие трудности испытал гарнизон Верхояицкой пристани. «За неимением хлеба претерпевали голод, уже и питались по необходимости падалищем, — говорится в документах Миллера, — да и того уже находить не могли и от того... солдаты... пришли в великую болезнь и многие из постели не встают и от голоду помирают» [Там же].

Для спасения продовольственного обоза 4 января 1736 года были отправлены из Теченской слободы последние резервы Сибирского драгунского полка (707 человек) под командованием полковника Арсеньева. К ним также были прикомандированы 98 (?) крестьян Окуневского дистрикта. На такой рискованный шаг полковник Арсеньев пошел с ведома В. Н. Татищева и согласно присланным из Сибирской губернской канцелярии указам. Но и это не помогло: 12 января Сибирский драгунский полк, не дойдя до заблокированного обоза более десяти верст, был окружен превосходящими силами противника. Против драгунского полка Арсеньева выступило более пяти тысяч башкирских воинов, собранных

с Сибирской и Ногайской дорог. Завязавшийся бой длился до вечера 13 января. Погибло много башкирских воинских людей. Понес потери и Сибирский драгунский полк. Из драгун погибли шесть человек, из крестьян — один. Ранения получили 40 человек (драгун и крестьян). Были убиты 25 драгунских и 10 крестьянских лошадей, ранены соответственно 31 и 22 [7, л. 187 об.].

На состоявшихся вечером 13 января 1736 года переговорах главный командир над башкирскими военными людьми Сибирской дороги Юсуп батыр заявил, что «полковника с людьми до атакованного провианта не пропустят, а буде вперед пойдет, то будут дратца и до... последнего человека все тут на своей земле помрут, а провиант, не токмо до Оренбурга, но и до Верхояицкой пристани не допустят» [Там же, л. 188 об.].

Полковник Арсеньев принял решение отступить. Сибирский драгунский полк 14 января вышел из боя и ушел в Теченскую слободу. Через некоторое время вслед за полковником Арсеньевым вернулся в Теченскую слободу с продовольственным обозом и майор Шкадер. На обратном пути ни тому ни другому башкирские военные люди препятствий не чинили.

Таким образом, гарнизон Верхояицкой пристани был обречен. В документах Миллера об этом говорится кратко: «...24 февраля получено известие, что бывшие на Верхояицкой пристани сказанного гарнизона офицеры и солдаты... ворами башкирцами из крепости выведены обманом под тем видом обнадежа их, чтоб их вывезть в город Уфу и побиты все» [7, л. 189]. В данном случае важно уточнить, что 24 февраля о гибели гарнизона узнали в канцелярии Сибирской губернии. В Уфе же об этом стало известно в январе 1736 года.

Начальник Оренбургского гарнизона полковник Чемодуров имел предписание Кирилова: «...если провиантский обоз не придет, чтоб из гарнизона, сколько возможно людей убавить». Согласно именно этому приказу Кирилова полковник Чемодуров вынужден был отправить 24 ноября 1735 года в Верхояицкую пристань 800 человек⁴. Но те вернулись в Оренбургскую крепость через три дня, при этом

⁴ П. И. Рычков в своей «Истории Оренбургской» утверждает, что «в Верхояицкой пристани провиант был». Поэтому Чемодуров якобы и отправил туда 800 человек.

150 человек получили обморожения, так как не имели зимней одежды. Переменив «ознобленных» людей, Чемодуров отправил 27 ноября из Оренбурга в Сакмарский казачий городок 773 человека. Эти люди без зимней одежды и должного количества продовольствия также были обречены: до конечного пункта из них дошли только 223 человека, 500 человек замерзли в степи между Яиком и Сакмарой.

В отношении полковника Тевкелева следует уточнить некоторые детали. Трагическую новость о нападении на солдат и офицеров из гарнизона Верхнеяицкой пристани и их гибели он узнал, по сведениям П. И. Рычкова, 19 января 1736 года, находясь в деревне Сеянтус Баланчинской волости Сибирской дороги. Это был период зимнего похода, когда его двухтысячный карательный отряд шел по Сибирской дороге из пригорода Бирска на реку Ай. Полковник Тевкелев, имея распоряжение начальника Оренбургской экспедиции Кирилова покарать бунтовщиков (которое он постоянно откладывал), 24 января 1736 года отдал приказ уничтожить башкирскую деревню Сеянтус вместе с ее жителями. «...Близ тысячи человек с женами и с детьми их во одной деревне перестреляно, и от драгун штыками, а от верных башкирцев и мещеряков копьями поколото, — говорится в “Истории Оренбургской”. — Сверх того 105 человек забраны были в один амбар и тут огнем сожжены...» [9, с. 21].

Из зимнего похода Тевкелев вернулся в Уфу только 17 марта 1736 года. Но ненадолго, так как уже 20 марта он снова был в походе. Эта временная передышка использовалась им для встречи с начальником Оренбургской экспедиции И. К. Кириловым, который прибыл из Петербурга в Уфу 11 марта 1736 года [9, с. 22]. По свидетельству П. И. Рычкова, Сибирская дорога стала зоной ответственности военной команды полковника Тевкелева. Осенью 1736 года по приказу генерал-лейтенанта Румянцева ему в помощь был придан армейский драгунский полк полковника Мартакова.

***

Вернувшись 11 марта 1736 года в Уфу, И. К. Кирилов приступил к осуществлению новых планов. Руководством служил именной указ от 11 февраля 1736 года, данный ему и генерал-лейтенанту Румянцеву. Сам указ назван длинно, но его смысл передал П. И. Рычков: «...о строении вновь городков для свободного к

Оренбургу проезду караванов и обозов и лучшего содержания башкир и бухарских сторон в надлежащем подданстве» [6, т. 9, с. 741]. Помимо этого в нем содержались пункты, которые определили основные принципы заселения будущих крепостей, ставшие основой переселенческой политики России на Южном Урале в XVIII веке. Главным же стал пункт 16 указа от 11 февраля 1736 года, который разрешал запрещенную ранее продажу башкирских земель. Все вышеуказанные положения имели далеко идущие последствия. Но обо всем по порядку.

В части указа, касавшейся сооружения новых крепостей, предписывалось возобновить обустройство городка Оса, укрепить палисадами и рвами старые селения по рекам Белая и Кама. Кирилову же предоставлялось право поступать по своему усмотрению. Таким образом, с началом башкирского восстания строительство крепостей стало вестись по всей территории Башкирии: вдоль южных и юго-западных границ, в центре и в Зауралье. Общее руководство строительством осуществлял И. К. Кирилов, предварительно согласовавший свои планы с начальником Башкирской комиссии Румянцевым. Справедливости ради надо сказать, что и содержание указа от 11 февраля 1736 года было согласовано с Румянцевым перед отправкой в Петербург.

С наступлением весны нападения башкирских военных людей на мирных жителей, а также на армейские части заметно активизировались по всей территории Южного Урала. Кирилов, видя разрастание башкирского восстания, вынужден был 24 марта выступить из Уфы в Табынск, откуда он отправлял уже легкие кавалерийские партии. В его отряде помимо яицких казаков и на этот раз состояли вологодские роты. По свидетельству П. И. Рычкова, ими было побито много восставших башкир и сожжено 148 деревень. Весенний поход для самого Кирилова из-за его болезни длился недолго. В начале мая 1736 года, оставив подробные инструкции, он вынужден был вернуться в Уфу. В его отсутствие отряды полковника Протасьева, подполковника Бронского и особый отряд яицких казаков секунд-майора Останкова действовали на Ногайской дороге. В отдаленный же район на реку Дему Кирилов послал подполковника Аксакова с регулярными и нерегулярными формированиями. Наибольшая удача в борьбе с противником сопутствовала яицким казакам во главе с майором Останковым. «Ибо он с теми казаками... 19 мая внезап-

но нашел на ушедших с Демы реки башкирцев,— отмечает в своей “Истории Оренбургской” Рычков,— и в горах между Яиком и Сакмары рек, имел с ними бой, причем, из них воров мужского полу с 600 человек и женского полу немалое число побил. А оттоль пошед далее в Башкирь 113 деревень выжег, где, еще имел с одною воровскою партией, в которой с 1000 человек было, баталию, из оных воров более 200 человек побил, причем, у него убито было казаков 10, да ранено 13. Чрез все то вору великий страх тогда восчувствовали и стали о спасении живота своего рассуждать» [9, с. 24].

Во время болезни начальник Оренбургской экспедиции И. К. Кирилов не терял время даром. Им были отданы все необходимые распоряжения о переводе экспедиции из Уфы в Самару, составлен план строительства крепостей по реке Самаре и определен его исполнитель. Им стал поручик Бахметьев. «И тако в июле и в первых числах августа две крепости заложил,— писал по этому поводу П. И. Рычков,— а именно Красносамарскую и Красноборскую и в них малые гарнизоны оставил» [9, с. 25].

Немного подлечившись, Кирилов 30 июня 1736 года выступил с Вологодским драгунским полком и прикомандированными к нему нерегулярными людьми в новый поход на Оренбург. Обстоятельства этого похода кратко, но емко описал П. И. Рычков:

... 10 июля в Табынск прибыл, где 14 [июля] заложил настоящий земляной город о пяти бастионах, и в нем церковь Вознесения Господня. При том же и медный завод строить определил, назнача, чтоб на оном 9 плавильных печей построить, и посланным в Кабинет от 15 июля доношением обнадежил, что в каждый год имеет, выплавлено быть от 10 до 30 тыс. пудов чистой меди...

Тогда же пришел к Кирилову... майор Останков, при котором имелось яицких казаков 1574 человека и рапортовал, что во время пути его от Сакмарска к Табынску против горы Таратау с 3 по 8 число побито 202, пленных казнено (?) и растыкано в деревнях за рекой Белой, деревень выжжено 12, у Останкова убито 2 и несколько ранено...

По прибытии Кирилова в Сакмарский казачий городок отправил он в Оренбург на смену... подполковника Чемодурова... майора Останкова, которому велено подле Яика при урочище Озерном станицу... из яицких казаков охотников поселить от Сакмарска в 120 в., которая 24 июля им и основана...

По прибытии Кирилова в Самару, бывшие с ним... яицкие казаки (250 человек личной охраны, остальные отправлены на Яик раньше) в дома их отпущены... Сам отправился налегке в Мензелинск к бригадиру Хрущову для совету к конечному прекращению башкирских замешаний. И прибыв учили о всем там согласное определение и план, как и с которых сторон против бунтовщиков действовать. С которого для апробации отправили копию в Кабинет от 23 декабря. Там просили, чтоб с сибирской стороны над военными людьми главную команду поручить дейст. стат. советнику Татищеву, объявляя сколь рассматрительно он с начала бунта... поступал и сам в малолюдстве едва с одними крестьянами, вступая в Башкирию к спокойствию их привел и две крепости в нужных местах к их содержанию сделал, и что в тамошнем отдаленном краю лучшая надежда на него имеется [9, с. 25–27].

***

В Зауралье, как наиболее удаленной от Оренбурга и Уфы территории, в деле возведения крепостей главную роль действительно сыграл В. Н. Татищев. Через двенадцать лет было суждено осуществиться в полной мере его планам по усмирению Башкирии. Указ от 4 июля 1736 года предписывал «вновь городки немедленно основывать и... в пристойных местах строить и сколько возможно военными людьми умножать» [1, с. 123]. Практический опыт предыдущих лет подтверждал, что только такая тактика могла обеспечить русское продвижение в лесостепных и степных районах Южного Урала и Зауралья. Строительство крепостей и целых укрепленных линий по сути своей являлось продолжением русской колонизации Южного Урала.

Отдельные военные походы в глубь Башкирии, которые осуществлялись силами иррегулярных частей на протяжении XVII — первой четверти XVIII века и, как правило, заканчивались полумерами. Башкирия оставалась беспокойной и фактически неконтролируемой территорией. Важным деструктивным фактором, который негативно влиял на социально-политическую ситуацию в Башкирии, являлось то, что ее территория стала ареной интенсивного распространения ислама и сосредоточением большого числа сепаратистки настроенных казанских и сибирских татар. Как это было отмечено ранее,

Башкирия была превращена в колонию татар. Данный факт подтверждает и Кирилов. В его «Изъяснении» от 13 января 1735 года говорится: «...а татара пришлецы из Сибири, а паче из Казани, духовные ахуны, муллы, абызы превосходнее прилежат в свой магометанский закон приводить и обрезать мордву, чуваш и вотяков и воздержным своим житием простаков к себе привлекают, школы имеют и обучают, мечетей множество настроили, чего, ныне хотя нельзя у сего своевольного народа пресечь, но впредь нужно стараться...» [5, с. 493].

Здесь же Кирилов предлагал меры по борьбе с влиянием ислама: «1) ... в службы башкирцы и мещеряки и ясачные к назначенному городу Оренбургу хотя помалу наряжены будут, однако ж которые время там пробудут, то жены без плода останутся, а кого убьют, тот вовсе не возвратится. Как исстари сию политику во всем государстве над татарами во время Швецкой и Польской и Турецкой войн делали, везде их перед войски в первых на пропажу посылали, вменяя в службу, а самим делом, что они в домах не надобны... 2) Воров из Уфы, ежели повелено будет, за всякое воровство ссылать вон, о чем сами башкирцы просят, то немалое число каждой год выбудет... 3) Магометанских духовных, ежели до кого хотя б малое дело в вине коснулось, тех не щадя наказывать и ссылать не только из Уфимского, но из Казанского и других уездов... 4) Всемерно в Уфе надлежит запретить иноверцев в исковых исках отдавать на поруки для платежа иску...» [5, с. 494]. Следующие два пункта касались запрета на шариатский суд и запрета направлять рекрут из «татар, мордвы, чуваш, черемис и вотяков, также русских пермяков» в местные низовые гарнизоны.

Зимний поход отряда Арсеньева к озеру Чебаркуль. Строительство Чебаркульской (деревянной) крепости (1736)

После неудачной попытки освобождения обоза полковник Арсеньев, возвратившись в Теченскую слободу, отправил подробные донесения не только в Сибирскую губернскую канцелярию, но и действительному статскому советнику В. Н. Татищеву. Как известно, в 1736 году Татищев возглавлял Горное правление Сибирских и Казанских заводов в Екатеринбурге и прямого отношения к Оренбургской эк-

спедиции не имел. Тем не менее, в силу территориальной принадлежности Екатеринбургского ведомства к Сибирской губернии и его приграничного расположения Татищев в принципе не мог остаться сторонним наблюдателем. Тем более что военное сопротивление башкир, их объединение в одно большое войско не могло не беспокоить начальника горного ведомства.

К тому же начальник Оренбургской экспедиции И. Кирилов в этой части Южного Зауралья, на границе Сибирской губернии и Башкирии, не имел кроме указа о снаряжении продовольственного обоза более никаких властных полномочий. Даже если бы Кирилов захотел оказать достойный отпор башкирам и наказывать бунтовщиков, то в силу своих ограниченных полномочий он не имел никаких прав и возможностей командовать регулярными и нерегулярными военными соединениями на территории Сибирской губернии. Эта прерогатива принадлежала другим властным лицам. Кирилов также не имел никаких прав и полномочий командовать воинскими отрядами, которые охраняли заводскую границу Екатеринбургского ведомства. Иначе говоря, начальник Оренбургской экспедиции никак не мог повлиять на ситуацию, сложившуюся в Южном Зауралье в конце 1735 — начале 1736 года. Из-за башкирского восстания рушился весь государственный план строительства нового города в устье реки Орь. По вине Кирилова напрасно погибли люди.

По вышеуказанным причинам полковник Арсеньев, обращаясь к В. Н. Татищеву, просил: «...для... атакованного провианта и для искоренения воров башкирцев знатную персону и с ним регулярного войска пяти полков, да и к тому других чинов из всех городов немалого числа конных и оружных и чтоб у всех был порох и свинец со удовольствием немалым...» [7, л. 188 об.].

По истечении двух месяцев просьба полковника Арсеньева была удовлетворена. Было собрано регулярных и нерегулярных военных людей около семи тысяч человек. Все они находились в непосредственном подчинении полковнику Арсеньеву. Сам же полковник с приданными ему иррегулярными отрядами (городовыми казаками и крестьянами, поверстанными в казаки), как следует из документов Миллера, подчинялся непосредственно действительному статскому советнику В. Н. Татищеву. В одном из документов от 13 марта 1736 года говорится: «Госпо-

дин полковник Арсеньев с Сибирским драгунским полком с нерегулярной командой и с ним подполковник Миклашевский и майоры, что ныне подполковники Павлуцкой и Шкадер, по присланным указам и ордерам от действительного статского советника господина Татисчева выступил от Теченской слободы в Башкирию для искоренения бунтовщиков воров башкирцев...» [7, л. 189 об.].

В этот раз к полковнику Арсеньеву помимо Сибирского драгунского полка численностью 827 человек были прикомандированы: 596 солдат Тобольского пехотного полка; 44 драгуна и казака от Оренбургской экспедиции; 522 городских тобольских, тюменских, туринских дворян, детей боярских, служилых русских, татар; 1300 казаков из крестьян (шадринских, окуневских, исетских, ялutorовских); 921 подводчик под драгунский, солдатский провиант, фураж и артиллерию; отряд капитана Жидкова с границы Екатеринбургского ведомства (регулярных — 121, нерегулярных — 2666 человек). «Итого было с ним полковником,— говорится в документе от 13 марта,— в том зимнем по-

ходе регулярных и нерегулярных всех чинов — 6997 человек» [7, л. 189 об.].

Таким образом, из документов Миллера следует, что через два месяца после отступления полковника Арсеньева от Верхнеяицкой пристани, то есть 13 марта 1736 года, в Зауралье началась военная кампания, направленная на подавление башкирского восстания. Выступившая из Теченской слободы команда полковника Арсеньева являлась карательной по сути, так как других способов разрешить возникший конфликт уже не оставалось. И та и другая сторона, что называется, переступили черту. Время переговоров было безвозвратно упущено, чему, без сомнения, способствовали скоропалительные и необдуманные поступки Кирилова на Ногайской дороге в сентябре 1735 года. Также в этой ситуации важно помнить, что административная граница Сибирской губернии, включая границу Екатеринбургского горного ведомства, из-за частых военных возмущений башкир являлась военно-оборонительной. За эту границу из русских населенных пунктов в указанный период была вынесена только Багарякская

Общий план Чебаркульской крепости.
Апрель — май 1736 года
[РГАДА, Ф. 248.
ОП. 160. Д. 240. кн.1133.
Л. 254]

слобода с окрестными деревнями. Других русских слобод и деревень на территории Южного Зауралья не имелось. Попытка построить укрепленную судовую пристань в верховьях Яика, как следует из вышесказанного, закончилась провалом.

Поэтому главной целью зимнего похода полковника Арсеньева помимо карательной операции являлась закладка крепости при озере Чебаркуль. Крайне важно было обезопасить дорогу между Теченской слободой и верховьем Яика. Первым форпостом на этом пути и должна была стать Чебаркульская крепость. Движение отряда Арсеньева из Теченской слободы началось 13 марта 1736 года. В силу того что по пути следования к озеру не было ни одного мирного населенного пункта, в обоз пришлось брать не только продовольствие, но и фураж. Поэтому отряд двигался очень медленно, с большими остановками. К тому же частые столкновения с легкими башкирскими отрядами вынуждали полковника Арсеньева снаряжать аналогичные легкие кавалерийские партии, которые не только ходили вдогонку за нападавшими, но и проводили карательные операции. Так, 25 марта 1736 года на экспедиционный отряд напали около 600 башкир из числа воинских людей. А уже со следующего дня Арсеньев начал отправлять легкие партии с целью разорения и сожжения башкирских деревень. К примеру, 26 марта были отправлены две партии — одна с капитаном Мякининым, другая с поручиком Водяниновым — каждая человек по 200. В документах Миллера не указано, в каких именно местах они жгли деревни, отмечено лишь, что «выжгли, пять деревень (50 юрт, лошадей, людей не было)... воры с женами и з детьми и пожитками бежали в разные места в горы. Только оставили скота, коров, овец, кобыл самых плохих. И того скота кололи лошадей з 200, коров з 300, овец з 200, т. к. за глубокими снегами оного скота гнать было невозможно... того ради, чтоб оным... чинено им вора́м по силе указов разорение» [7, л. 189 об.]. «1 апреля 1736 г. — командировано с капитаном Мякининым драгун и нерегулярных людей 150 человек,— говорится далее в документе. — Действительным набегом побили башкирцев человек з 10, взяли в полон 1. С нашу сторону убито: 2 мещеряка, 1 казак. Да, в другую сторону для сыскания сена командирован поручик Водянинов со 100 человек драгун и крестьян. Поймано: 2 башкирца, 1 мещеряк. 3 — явились подлинно воры. Они казне-

ны отсечением головы и растыканы по кольям на страх другим таким вора́м» [7, л. 191].

И только начиная с 4 апреля 1736 года в документах Миллера указываются конкретные географические названия. Именно 4 апреля основные силы отряда Арсеньева, включая тяжелый обоз, вышли на реку Миасс и начали движение вверх по ее течению к озерам Аргази и Миясово. 13 апреля Арсеньев с отрядом подошел к озеру Чебаркуль и занял деревню Абалакову. На ее месте и была построена первая деревянная Чебаркульская крепость. «Пришли к озеру Чебаркулю в деревню Абалакову,— говорится в документах Миллера»,—она на острове была. На этом острове крепость деревянную построили, по указу действительного статского советника Татищева. Оставили в той крепости с обер офицерами 274 регулярных и нерегулярных, пушек чугунных 4, и прочих материалов» [7, л. 192 об.]. Сколько дней строили крепость, кто именно руководил строительством, в документах Миллера не сказано ни слова. Тем не менее из других выявленных письменных источников известно, что Чебаркульскую крепость строили с 14 по 20 апреля. «На острове где была деревня башкирская Абалакова крепость построили рубленную в вышину 7 аршин и с полевую сторону кругом покрыто,— говорится в донесении полковника Арсеньева В. Н. Татищеву,— а начали строить с 14, а кончили 20 числа, которая по положению места в длину 30, а поперек 18,5 сажен. В которой поделаны по углам четыре башни, казарм 12, офицерская одна изба и поделаны бойницы верхние и нижние. Для положения провианта пять анбаров, и кругом обметали рогатками от стены по 8 сажен» [2, л. 337 об.].

Практически все участники зимнего похода находились в постоянном движении. Одни строили, другие участвовали в карательных операциях, третьи с большим трудом добывали фураж для лошадей. «А лошади тогда казенные, а офицерские и у нерегулярных весьма были выбиты от много труда, и от бескормицы,— говорится в одном из рапортов Арсеньева,— понеж в легких партиях всегда находились, а кормили в последних числах марта, да в апреле месяце за неимением фуража, и за глубоких снегов тальником и березником» [7, л. 196].

С 21 апреля от основного отряда Арсеньева, расквартированного у озера Чебаркуль, начали отходить своими маршрутами значительные воинские

команды. Именно 21 апреля капитан Жидков, возглавлявший воинскую команду численностью 2787 человек, взяв 28 пленных, отправился от Чебаркуля прямой дорогой в Екатеринбург. А 23 апреля Арсеньев командировал майора Павлуцкого со сводным отрядом в район речек Увелка и Коелга, как сказано в приказе, «для поиску и искоренения воров башкирцев» [7, л. 194 об.]. О численности этого отряда данных нет. Тем не менее из рапорта самого Павлуцкого становится понятно, что ему были приданы значительные воинские силы. «Апреля 25 дня по утру, т. е. в торжественный день Светлого Христова Воскресения, — говорится в рапорте, — шли вниз по Увелке речке и повыше Белого Яру при речке Кабанья (?) нашли воровское кочевье вора Букая с семьями и было с ними сильное сражение с утра до самого вечера, и их воров побили человек с полтора, да в полон, взяли мужского и женского полу 51 человека... той партией в разных числах побили их воров человек з 20, да в полон, взяли 16, всего мужского и женского полу взято 73 человека, из того числа на страх другим вора́м повешено — два. Лошадей у воров отбито близ 300, коров 100, овец 300, и оное употреблено на пищу всей команды регулярных и нерегулярных за ревностные службы. С нашу сторону побито в той партии на бое лошадей драгунских казенных 5, собственных 3, ранено казенных 5,

собственных 1. А воров башкирцы з другими кочевьями, которые кочевали впереди вниз по Увелке речке, многие бежали с ношами в даль в разные места за реки Увелку и Уй. И в те места для поиску башкирцев... более идти было невозможно, понеже от Коелги ходили во оные партии более дву сот» [7, л. 195, 195 об.].

Сам же полковник Арсеньев с оставшимися у него силами и обозом начал движение от новопостроенной Чебаркульской крепости в Теченскую слободу. С этой целью 1 мая 1736 года для строительства моста через реку Миасс им был командирован капитан Ранчковский (?). Точная дата переправы в документах Миллера не указывается, но из контекста понятно, что она прошла благополучно. 5 мая 1736 года легкая партия майора Павлуцкого с боем взяла в плен командира айлинских башкир Чавкабая Корлачева. В бою он был сильно изранен, тем не менее по приказу Арсеньева его жестоко казнили — предали четвертованию как «самого пущего вора» [7, л. 196, 196 об.].

Зимний поход закончился 8 мая 1736 года, когда Арсеньев со всей командой прибыл в Теченскую слободу. Но с окончанием похода башкирское восстание не угасло, а приобрело еще более ожесточенный характер, так как в ходе зимней кампании башкирское войско, состоящее из отдельных маневренных

Общий план
Кызылташской крепости.
1736 год
[РГАДА, ф. 248. ОП. 160.
Д. 240. кн. 1133. Л. 269]

отрядов, не понесло какого-либо заметного урона. Восставшие башкиры, заблаговременно уйдя с маршрута, по которому следовал многотысячный отряд Арсеньева, сумели сохранить основную массу домашнего скота и лошадей. Это и позволило башкирским военным отрядам летом 1736 года провести свою карательную операцию, направленную теперь уже против мирных русских и нерусских жителей Зауралья. В ходе стремительных набегов, совершавшихся, как правило, в ночное и предрассветное время, башкирские воины жгли деревни, травили посевы, угоняли лошадей, домашний скот, убивали или брали в плен мирных жителей.

Все последующие события лета 1736 года в Южном Зауралье были связаны с частыми башкирскими и киргиз-кайсацкими набегами. Именно из-за этих набегов летний поход отряда майора Павлуцкого вглубь Зауральской Башкирии откладывался в течение месяца. На этот поход следует обратить особое внимание, так как в ходе его летом и осенью 1736 года были построены на реке Миасс крепости Миасская и Челябинская, а на берегу озера Чебаркуль возведена одноименная земляная крепость. И самое главное, по результатам зимнего и летнего походов офицерами Сибирского драгунского полка были сделаны правильные выводы, имевшие, как покажут дальнейшие события, далеко идущие последствия. Но обо всем по порядку.

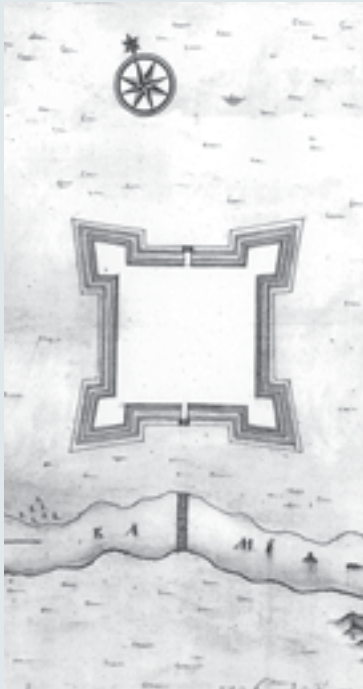
Летний поход правительственных отрядов 1736 года. Строительство Кызылташской, Миасской, Чебаркульской (земляной) и Челябинской крепостей

Указ В. Н. Татищева о начале летнего похода, согласно документам Миллера, датируется 2 июня, дублируется 4 июня 1736 года. Татищев предписывал премьер-майору Сибирского гарнизонного драгунского полка Павлуцкому выступить с тремя ротами драгун из Царева Кургана в Теченскую слободу, с тем чтобы, пополнив отряд военнослужащими из команды майора Шкадера и казаками из теченских и шадринских крестьян, незамедлительно двинуться на реку Миасс.

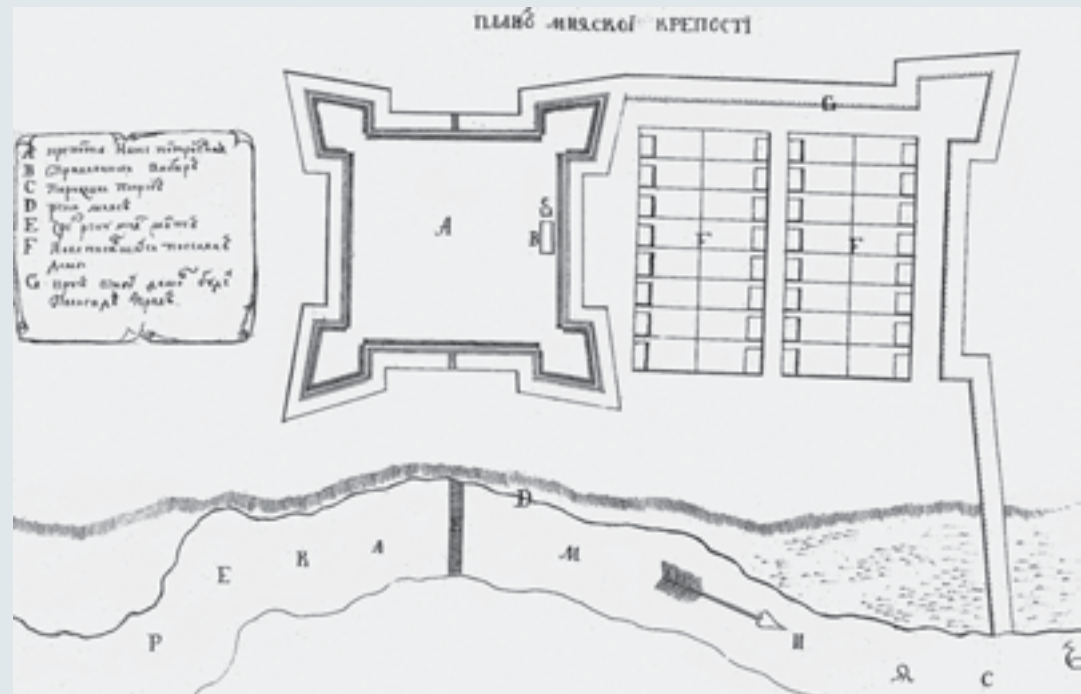
Сам же Татищев, собрав сводный отряд регулярных и нерегулярных людей, в начале июня отправил его через Сысертский завод к озеру Кызылташ, где им

была построена земляная крепость, ставшая на летние месяцы 1736 года его главной военной ставкой. Место для Кызылташской крепости выбрано было неслучайно. Помимо того что это был важный стратегический перекресток Старой Казанской дороги и дороги, идущей по Зауралью вдоль восточного склона Урала, Кызылташ находился на территории Мякотинской волости, часть жителей которой во главе со старшиной оставались верными на тот момент правительственным войскам. В отряде Татищева из регулярных военнослужащих было как минимум шесть солдатских рот. О количестве нерегулярных формирований данных пока нет, известно лишь, что это также были верные правительству мящеряки и служилые татары, действовавшие в Южном Зауралье военными партиями. Их главной целью являлось проведение карательных операций. Причем в этих карательных операциях участвовали оставшиеся верными правительству башкирские воинские люди. По этому поводу в «Истории Оренбургской» Рычкова однозначно сказано: «...разосланными партиями над бунтовщиками знатные действия учинены, а особливо со стороны действительного статского советника Татищева на Сибирской и Осинской дорогах, где обретались с воинскими людьми полковники Тевкелев и Мартаков. Отчего, а, наипаче узнав, что против их многие регулярные и нерегулярные многие люди наряжены и действительно в Башкирь выступили, весь башкирский народ пришел в великий страх и отчаяние... и учили... просить... прощения... Подобно тому во все команды оные воры с повинною являлись, а особливо у действительного статского советника Татищева, который для того нарочно из Екатеринбурга в Башкирь входил и многия в том полезные учреждения учинял. Причем, многое число штрафных лошадей с них взыскано... А оставшие в верности башкирцы, ездя партиями по волостям и деревням бунтовщиков несчадно губили, а главных, так же и их жен и детей в Мензелинск отвозили, предводители воров были казнены, а жены и дети розданы для поселения во внутренних российских городах, кто их взять похотел» [9, с. 24].

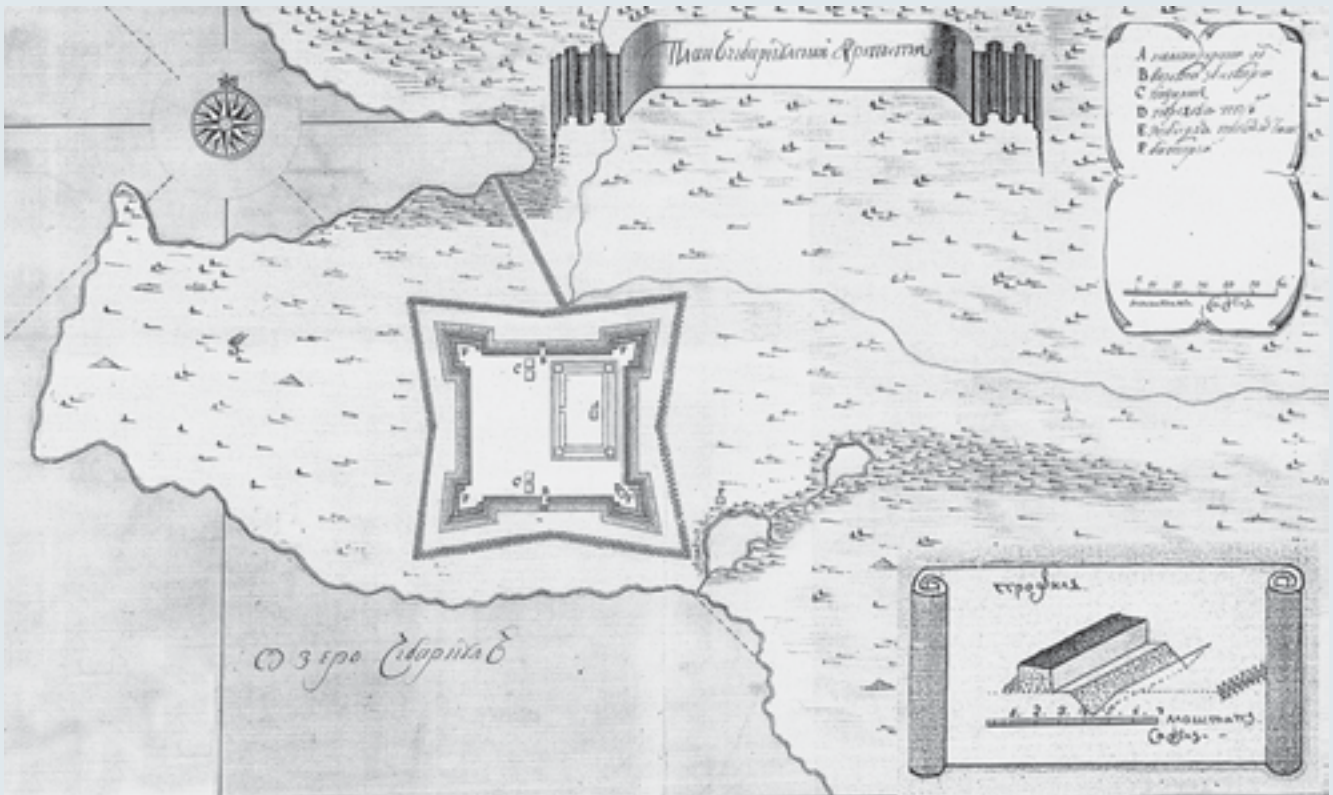
Фактически же из-за частых и разорительных набегов башкир и киргиз-кайсаков на приграничные села и деревни Зауралья Павлуцкий сумел выступить в поход только в июле 1736 года. Дело в том, что за период с 8 мая по 31 июня 1736 года

Общий план Миасской крепости. «1736 год августа 15 числа завершен» [РГАДА, ф. 248. ОП. 160. Д. 334. кн.1532. Л. 465]

Общий план Миасской крепости. 25 августа 1736 года [РГАДА, ф. 248. ОП. 160. Д. 5. кн.139. Л. 172]

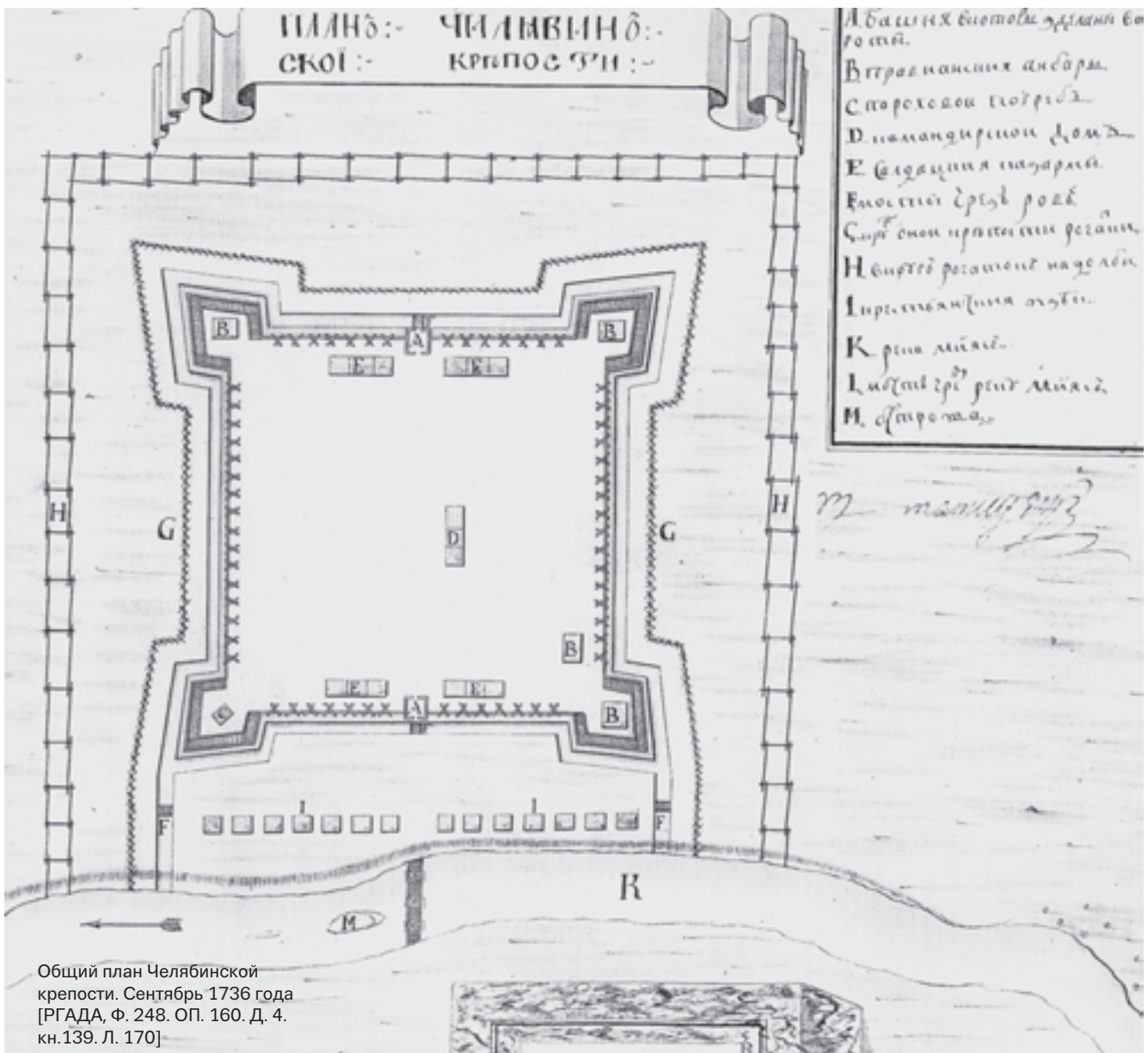
Общий план Чебаркульской (земляной) крепости. Август 1736 года [РГАДА, ф. 248. ОП. 160. Д. 4. кн.139. Л. 169]

военные отряды башкир и киргиз-кайсаков совершили только документально подтвержденных более тридцати нападений. Причем если в мае башкирские военные отряды нападали порядка десяти раз, то в июне их интенсивность возросла вдвое. Порой бои шли каждый день или же в трех-четырёх населенных пунктах одновременно.

К примеру, в рапорте секунд-майора Топоркова, оставленного при команде в Царевом Кургане, говорится: «Того мая 13, 15, 16 чисел вору башкирцы подбегали... дистрикту Царева Кургану к деревне Белого озера и побили мужского полу 14, женского 1, ранили 6, и выжгли 8 дворов. Да от той же деревни, да из Угрюмовой у крестьян отогнали ло-

шадей 40, да из Меньшиковой 150, да из отпущенных из походу разных дистриктов у крестьян 20. Да деревни Меньшиковой крестьян убили 5, ранили 3, да с пашен в полон увели девок две, да Утяцкой слободы на поскотине подполковника Миклашевского денщика ранили. Того мая 20 дня из выше писанной Меньшиковой деревни лошадей и другого скота отогнали. За выше писаными ворами командирована была партия человек с 50 и, догнав, был бой, токмо осилить не могли, потому, что у воров было многолюдно...» [7, л. 197 об.].

В рапорте от 28 мая Майора Шкадера, команда которого была расквартирована в Теченской слободе, события 12 мая освещаются следующим образом:

Общий план Челябинской крепости. Сентябрь 1736 года [РГАДА, Ф. 248. ОП. 160. Д. 4. кн. 139. Л. 170]

«Того де мая 12 дня Теченской слободы деревни Шуранкуля воры башкирцы лошадей крестьянских отогнали, за оными ворами командирован был из Теченской слободы Оренбургской экспедиции прапорщик Гладышев с 34 человеками, и бежали за ними ворами верст с 30, токмо догнать не могли. Того же числа оные воры башкирцы от деревни Калмацкого брода дву лошадей, да от деревни Осолонки овец со 100 отогнали. За оными ворами тех деревень крестьяне бегали и постигли, и был бой, и убили из них 6 человек, и скот весь отбили. С нашей стороны ранили крестьянина одного» [7, л. 199 об.].

«2 июня воры башкирцы пришли под Утяцкой форпост к Грасутскому (?) лагерю человек с 500,— говорится в одном из документов Миллера,— с которыми чинились сильные сражения и отбили их воров от лагеря прочь в степу и требовал, стоящий там подполковник Миклашевский для поиску их сикурсу (?). Того числа по выше писаному требованию отправлено из Царева Кургану на сикурс (?) с майором, что ныне полковник Павлуцкий... 380 человек. И соединясь с подполковником Миклашевским выступили с командой в 650 человек для поиску их воров сакмою, которой пошли от них воры, и догнав подле речки Юргамышу, где их было не малое собрание и учинили сильное сражение. И побили их воров человек с 30, да лошадей отбили от них около 100, а остальные воры по разбитию разбежались по лесам. А с нашей стороны ранено нерегулярных два человека. 2 июня Долматова монастыря из деревни Бугуево воры отогнали 70 лошадей, за оными была команда, но догнать не могли. 4 июня подбегали под деревню Калмацкого брода у табуна убили стоящего в карауле служилого одного, ранили крестьянина 1, лошадей отогнали 69, много прикололи. За ними была погоня, но догнать не могли» [7, л. 201 об.].

В июньских и июльских документах 1736 года все чаще встречается фраза: «За ними была погоня, но догнать не могли». Объяснение же причины этого приводится в рапорте от 15 июля 1736 года: «Царева Кургана села Веденского на пашню набегали воры... легкой партией и крестьян трех человек взя-

«Ландкарта от Красноярской крепости тракту господина полковника Тевкелева с командою по новостроящуюся крепость Чебаркульскую при озере Чебаркуле, который тракт значит красною краскою.

Сочинил 1736 г. сентябре при Чебаркуле прапорщик Михаил Пестриков» [РГАДА, Ф. 248. ОП. 160. Д. 4. кн.139. Л. 168]

ли в полон. За оными была партия, но догнать не могли. А по сакме признано, что были казачьей орды человек со 100, и у каждого было по две, три лошади и бегут они денно и ночью наскоро» [7, л. 205 об.]. Тогда как у преследователей не было ни одной запасной лошади.

Точной даты выступления премьер-майора Павлуцкого в документах Миллера не указано. Там лишь кратко сообщается, что «пошел он Павлуцкой в июле месяце к реке Миясу, а всего команды было с ним Павлуцким с тысячу со 100 человек» [7, л. 201]. «И при Миясе построил крепость земляную,— говорится далее в документе,— и оставя в той Миасской крепости гарнизону регулярных и нерегулярных с 150 человек, сам с остальной командой и с провиантом (обоз состоял из 200 подвод. — В. С.) августа в первых числах пошел к Чебаркульской крепости бездорожницей пустыми местами, и проложили новую дорогу. А прибыв к Чебаркулю, построил около прежней деревянной крепости, другую земляную крепость. При той Чебаркульской крепости по ордеру одного господина тайного советника Татищева приведено их к присяге башкирцов, пришедших с повинною... из воровского собрания 1626 человек. Там главного воров начинателя бунта Юсупа Исабана с ласкою обманом удержал и отослал в Екатеринбург к... господину тайному советнику Татищеву» [7, л. 201].

О действиях отряда полковника Тевкелева в летний период 1736 года, в силу того что он формально подчинялся Коллегии иностранных дел, в документах Миллера нет никаких упоминаний. Тем не менее, в других письменных источниках — как опубликованных, так и неопубликованных — о полковнике Тевкелеве имеется ряд свидетельств. Из них однозначно следует, что он не столько согласовывал с Татищевым все свои действия по усмирению башкир в Зауралье, сколько выполнял его прямые указания, оставаясь при этом в подчинении начальнику Оренбургской экспедиции Кирилова. Именно из донесения Тевкелева Татищеву от 10 сентября 1736 года мы узнаем следующее: «2 сентября на реке Миясе в урочище Челяби от Мияской крепости в 30 верстах заложил город, где оставя для строения одного Челябинского городка и кошения сена надежную команду, регулярную и нерегулярную и несколько мужиков, сентября 10 числа прибыл... с командою моею в Чебаркульскую крепость благополучно...» [3, с. 10].

Подводя итог описанным событиям 1736 года, нелишне будет подчеркнуть, что именно активное вмешательство действительного статского и тайного советника В. Н. Татищева возымело значительное действие на ход событий при подавлении башкирского восстания в Южном Зауралье. Кроме того, на исход событий повлиял арест «главного воров начинателя бунта» Юсупа-батыра, которого захватили хитростью при Чебаркульской крепости. «... У бывшего там с командою полковника Тевкелева около 4 тысяч зауральских башкирцев с повинною явились,— говорится по этому поводу у Рычкова в «Истории Оренбургской»,— в верности купно с главным их предводителем и зачинщиком тамошнего замешания Юсупом батырем Арыковым (который на провиантский обоз нападение чинил) куран целовали, и взятые ими в Верхнеяицкой пристани пушки и солдатские ружья отдали. При чем, помянутый зачинщик бунта Юсуп и с ним главный его товарищ и такой же предводитель Сабак, прозванный безрукий, означенным Тевкелевым под крепкий караул взяты и удержаны при новопостроенной Чебаркульской крепости. Отколь они во всю Зауральскую Башкирь письма от себя разослали, чтоб все башкирцы от бунта унялись и шли с повинною...» [9, с. 28].

Факт задержания Юсупа-батыра при Чебаркульской крепости подтверждается в документах Миллера, но с единственной оговоркой. По документам, Юсупа задержал не Тевкелев, а майор Павлуцкий. Здесь же, в Чебаркульской крепости, имея на руках соответствующие полномочия от тайного советника В. Н. Татищева, Павлуцкий привел к присяге 1626 башкирских воинов, пожелавших прекратить военные действия, а задержанного «ласкою обманом» отослал к Татищеву, якобы в Екатеринбург [7, л. 201]. Справедливости ради надо сказать, что судьбу предводителей башкирского восстания 1735–1740 годов военные и гражданские командиры, участвовавшие в подавлении мятежников, решали по-разному. Одних после захвата в плен предавали лютой смерти, с другими же обращались в высшей степени деликатно, не только сохраняя им жизнь, но и обеспечивая сносные условия проживания в узилище. Военный предводитель башкир Главной (Сибирской) дороги Юсуп-батыр относился к числу тех, кого царские опричники берегли. По свидетельству П. И. Рычкова, за его освобождение ратовали и уфимский воевода Сте-

пан Шемякин, и верные правительству старшины [9, с. 32–33].

Как бы там ни было, но начиная со второй половины июля 1736 года восставшие башкиры, видя бесперспективность продолжения восстания, вынуждены были пойти к командирам карательных отрядов с повинной. Этот «ритуал» давал большинству башкирских воинских людей, участвовавших в боевых действиях, возможность сохранить как свою жизнь, так и жизнь близких родственников. Ибо и начальники Башкирской комиссии, и И. К. Кирилов, и В. Н. Татищев расправлялись в первую очередь с наиболее непримиримыми зачинщиками башкирского «возмущения». Рядовые воины, принявшие присягу на верность русской императрице и откупившиеся лошадьми (штрафная мера), как правило, отпускались на свободу. В дальнейшем, однако, им ничего не мешало вновь примкнуть к возмутителям порядка. Это сознавали обе стороны конфликта, но, как говорится, худой мир лучше хорошей войны...

Справедливости ради надо сказать, что в мирной передышке в не меньшей степени нуждались и правительственные военные соединения, в первую очередь Сибирский гарнизонный драгунский полк. «В вышеписанном 1736 г. за... ворами поисков было чинить неспособно за малолюдством и за худобою лошадей, и за дальностью мест,— говорится в заключительной записке из документов Миллера”,—ибо драгунские лошади после дневного похода (?) были весьма плохи... (лошадей в Сибирском драгунском полку не хватало, драгуны были безлошадны. — В. С.), потому и у нерегулярных... воры людей бьют, и в полон берут, деревни жгут, скот отгоняют... воры имели, когда... по две, три [лошади], когда учиня воровство, бегут денно и ночью... и за вышеписанным, невозможно поиски над ворами чинить... И представлено было о том от Сибирского драгунского полку в Сибирскую губернскую канцелярию, потребовано солдат, дворян, детей боярских и служилых людей конных и оружных и справных немалого числа для охранения и обороны слобод от тех набегов воровских. Понеже, одним Сибирским драгунским полком за многия из одного раскомандирования, наличными малыми людьми и за великою обширностью пограничных мест охранить никак не можно» [7, л. 206, 206 об.]⁵.

5

Запись от 17 июля — последняя за 1736 год.

Итак, из упомянутого выше документа однозначно следует, что Сибирский гарнизонный драгунский полк являлся в 1736 году единственным конным регулярным соединением, действовавшим против башкирского войска «на Сибирской стороне Урала». Указ о формировании второго драгунского полка вышел 7 сентября 1736 года под названием «О сформировании в Сибирской губернии вновь одного драгунского полка и одного пехотного батальона из тамошних дворян, казаков и их детей; об определении в сей отряд войска офицеров, назначаемых из полевых полков к отставке, и о распоряжениях для снабжения оного отряда амуническими вещами и провиантом» [6, т. 9, с. 924]. В миллеровских документах за 1737 год неоднократно подчеркивается, что в летней кампании этого года против башкирских военных отрядов на указанной территории действовал уже не один, а два драгунских полка — Сибирский и Оренбургский. Причем одним из офицеров Оренбургского драгунского полка являлся майор Павлуцкий, состоявший в 1736 году в штате Сибирского драгунского полка и принимавший активное участие в его боевых действиях. Столь оперативное формирование боевой единицы свидетельствовало о понимании серьезности башкирского вопроса и губернатором Сибирской губернии П. И. Бутурлиным, и президентом Военной коллегии графом Минихом. Данный факт заслуживает внимания еще и потому, что подавление башкирского восстания 1735–1740 годов проходило в условиях Русско-турецкой войны 1735–1739 годов, для ведения которой также требовались боеспособные драгунские полки. Но в правительствующем Сенате было принято решение не отзываться армейские части в действующую армию ни от Мензелинска, ни от сибирской границы. В то же время на фоне активных действий государственных и военных чинов Сибирской губернии всех уровней совершенно непонятной становится деятельность уфимского воеводы Шемякина и особенно его участие (или, скорее, неучастие) в формировании Уфимского полка ландмилиции, который был необходим как воздух. Его введение в строй неоправданно затягивалось. В связи с чем, уместно задать риторический вопрос: Не являются ли действия воеводы Шемякина, Башкирское восстание 1735–1740 годов, включая восстание Карасакала, и Русско-турецкая война 1735–1739 годов звеньями одной цепи?

План-карта Уфимской провинции. Мензелинск. Декабрь 1736 года [РГАДА, Ф. 192. Картографический отдел библиотеки МГАМИД, Оренбургская губерния, Д. 5]

В других районах Башкирии боевые действия продолжались с переменным успехом. До полного примирения сторон было далеко. Именно по этой причине в декабре 1736 года в Мензелинске начальник Оренбургской экспедиции Кирилов и командир Башкирской комиссии Хрущов и приняли совместный план действий на 1737 год. Красноречивым подтверждением того, что такой план действительно

существовал, является планкарта Уфимской провинции 1736 года. Она была составлена на основе других, уже имевшихся карт. В ее названии об этом однозначно говорится: «...Уфимская провинция или всему башкирскому жилью и около ононого проложенная Новая линия от Волги до Сибири на 1200 верст, также прежней Земляной линии и прочему. Собрал с разных карт геодезии прапорщик Михаил Пестря-

ков в Мензелинске⁶ 1736; месяца декабря». На самой карте указаны проезжие дороги, старые остроги, вновь построенные крепости, а также те укрепленные пункты, которые были запланированы, но еще не построены.

⁶ В Мензелинске располагалась ставка Башкирской комиссии, которая подчинялась Военной коллегии.

Под литерой «А» указана дорога от Казани в Уфу длиной 650 верст; под литерой «В» — дорога от Уфы к Оренбургу, по которой шел Кирилов к реке Орь (500 верст); под литерой «С» — дорога из Сибири до Оренбурга, по которой шел полковник Тевкелев (580 верст); под литерой «Д» — дорога от Екатеринбурга в Уфу (520 верст); под литерой «Ф» — новая дорога, проложенная из городков, расположенных по Вол-

ге, к Оренбургу (621 верста) и оттуда в Сибирь по прямой линии, то есть по рекам (580 верст); под литерой «G» — дорога от Самары в Яицк и оттуда к Самаре (600 верст). Указана также Закамская линия (200 верст) с крепостями.

План военной кампании 1737 года

Главным содержанием указанной топографической карты являются обозначенные районы действия карательных отрядов правительственных войск в Башкирии на период военной кампании 1737 года. «Командам в то назначенной будущей весной и в лето, — говорится в описании к ландкарте, — 1) главному бригадир и лейб-гвардии майору Хрущеву с Казанской стороны из Мензелинска к Уфе (литер “Z”); 2) С Яицкой стороны Кирилову к Оренбургу и в Зауральской Башкирии (под литером “S”); 3) ... останется в Мензелинске и для линий полковник Бардукевич (литер “K”); 4) В Уфе статскому советнику... Шемякину в Забельской и в Зауфимской стороне... (литер “L”); 5) С Сибирской стороны под ведением действительно статского советника Татищева (литер “M”) [8].

Все указанные в описании лица действительно находились в декабре 1736 года в названных должностях. Статский советник И. К. Кирилов являлся начальником Оренбургской экспедиции. Бригадир и лейб-гвардии майор Ф. С. Хрущов возглавлял Башкирскую комиссию, заменив А. И. Румянцева на этом посту осенью 1736 года. Полковник Бардукевич действительно состоял в штате Башкирской комиссии, а Татищев возглавлял Главное правление сибирских и уральских заводов. Правда, к весне 1737 года из-за смерти Кирилова и продолжавшейся войны с Турцией произошли замены в управлении как Оренбургским краем, так и армейскими частями.

И. К. Кирилов умер в Самаре 14 апреля 1737 года и был погребен при церкви Николая Чудотворца. Указ о назначении на его место В. Н. Татищева вышел 10 мая 1737 года. Бригадир майор лейб-гвардии Ф. С. Хрущов 21 февраля 1737 года отбыл в действующую армию, воевавшую в Украине. До назначения на его место Л. Я. Соймонова пост командира Башкирской комиссии временно занимал полковник Бардукевич.

Соймонов прибыл в Мензелинск 24 апреля 1737 года. До августа 1736 года он командовал прикаспийской крепостью Святого Креста, а затем был

назначен астраханским вице-губернатором с поручением ему калмыцких дел и произведен в генерал-майоры. Л. Я. Соймонов занимал пост начальника Башкирской комиссии почти пять лет. Все свое внимание он сосредоточил на руководстве военными действиями против башкирских военных отрядов и в дела Оренбургской комиссии (экспедиции) практически не вмешивался.

Со смертью И. К. Кирилова Оренбургская экспедиция не прекратила своей деятельности. Дело Кирилова было продолжено его бывшими сотрудниками. Одним из ключевых деятелей Оренбургской экспедиции (комиссии) длительное время являлся П. И. Рычков, больше известный как автор книг «История Оренбургская», «Топография Оренбургской губернии». На самом же деле, и об этом мало кто упоминает, Рычков руководил секретной пограничной экспедицией. Она была создана в рамках Оренбургской экспедиции из-за сложности внешнеполитических задач, вставших перед оренбургской администрацией.

В. Н. Татищев находился на посту начальника Оренбургской экспедиции (комиссии) до июня 1739 года. Указом от 17 июня 1739 года на его место был назначен советник Адмиралтейской коллегии князь В. А. Урусов, произведенный в чин генерал-поручика. С 1742 года начальником экспедиции (комиссии), а затем и первым оренбургским губернатором стал тайный советник И. И. Неплюев.

Вышеназванные военные и государственные деятели, оказавшиеся участниками подавления Башкирского восстания 1735–1740 годов, принадлежали к различным государственным ведомствам. И. К. Кирилов, П. А. Бахметьев и их последователи, действовавшие на юге и юго-западе Башкирии, были подотчетны Сенату и Кабинету. Их ставка первоначально находилась в Уфе, позднее в Самаре. Начальники Башкирской комиссии А. И. Румянцев, Ф. С. Хрущов, Л. Я. Соймонов, действовавшие в центре и на северо-западе Башкирии, подчинялись Военной коллегии. Их ставка располагалась в Мензелинске. На северо-востоке Башкирии, руководившие подавлением восстания В. Н. Татищев и А. И. Тевкелев подчинялись: первый — Берг-коллегии (пока управлял горными заводами), второй — Коллегии иностранных дел. Ставка Татищева располагалась в Екатеринбурге.

Военная кампания 1737 года и строительство Еткульской крепости

Замирение башкир Сибирской дороги в конце лета — осенью 1736 года, как оказалось, носило временный характер. Воспользовавшись мирной передышкой, непримиримые башкирские воины перешли со своими кошами в труднодоступные места Уральских гор по рекам Белая, Инзер, Юрюзань. С мая 1737 года они возобновили набеги не только на сибирские слободы, но и на деревни верных башкир и мещеряков. И это несмотря на то что главный командир мятежных башкир Сибирской дороги Юсуп-батыр находился под арестом. По свидетельству П. И. Рычкова, именно арест Юсупа-батыра и стал причиной военных выступлений башкир в 1737 году.

В июне 1737 года отряд башкирских воинов численностью до 300 человек разорил мещерякскую деревню Улугуш. При набеге башкиры отогнали лошадей и домашний скот. Из мещеряков было убито четыре человека, ранено трое [7, л. 207а]. «Воры башкирцы собранием в тысячу в 300 человек из-за Урала и от Яика реки приходили в жилища верных башкирцов, живущих по... сю сторону Урала,— говорится еще в одном не датированном документе Миллера», — и тех верных малые деревни разорили, скота отогнали и пожитки ограбили множества, да убили одного человека и несколько ранили; верные из воров убили два, поймали одного человека, понеже тогда те верные были по домам своим в разных местах, а не в собрании» [7, л. 215].

Тактика набегов не изменилась. Башкирские карательные отряды, как и отряды киргиз-кайсаков, нападали неожиданно, захватывали домашний скот, лошадей, брали в плен мужчин, женщин, детей, грабили имущество, поджигали дома и хозяйственные строения, после чего уходили кто в степь, кто в Уральские горы. Причем в 1737 году значительная часть нападавших уводила скот и пленных в труднодоступные районы Уральских гор. И достать их там ни драгуны, ни тем более казаки из сибирских крестьян не могли. По этому поводу в документах Миллера в записи от 3 июля 1737 года говорится: «Воры башкирцы подбегали к Чебаркульской крепости ночью, отогнали казенных и офицерских, солдатских и крестьянских лошадей 48, коров 14. Командирована от новостроящейся Еткульской крепости

(коя от Чебаркуля более 80 в.) для поиску оных воров партия регулярных и нерегулярных 310 человек, которые по воровской сакме и ходили от Чебаркульской крепости верст за 40, и сыскать не могли, ибо оные до прибытия их дни за три ушли в горы Уральские, а той партии за малолюдством ийти было за ними далее невозможно...» [7, л. 207а].

С 30 мая по 31 октября 1737 года нападению со стороны башкирского войска и его отдельных отрядов подверглись: слободы Чумляцкая, Песчаная, Верхне-Идерская, Верхне-Суерская, Багарякская; села Кислянское, Воскресенское, Калмыцкий брод; Верхне-Теченская заимка; деревни Мещерякова, Ларионова, Аншукова, Ложенская, Морина, Игриня, Варламова, Окулова, Жукова, Слободчикова; крепости Шаблишская, Коневская; Полевской завод. Из вышеуказанных населенных пунктов наиболее пострадали деревни. Все они были или сожжены дотла, или полностью разорены. Причем только в редких случаях крестьянам сибирских слобод и верным башкирам мещерякам удавалось отбить у нападавших свой скот, лошадей, вернуть пленных. Это происходило по той причине, что Сибирский и Оренбургский полки находились в степи, а не на границе Сибирской губернии.

Когда драгунские полки и казаки из крестьян были расквартированы в районе строительства Еткульской крепости, полковник Арсеньев, командовавший этим соединением, пусть с опозданием, но еще как-то мог реагировать на нападения башкирских воинских людей. Из вышеприведенного документа становится понятно, что именно от новостроящейся Еткульской крепости были посланы драгуны и казаки в погоню за башкирами, которые, отогнав лошадей и коров от Чебаркульской крепости, ушли в Уральские горы. Причем по документу Миллера от 3 июля 1737 года и определяется, что Еткульская крепость строилась в конце июня — начале июля 1737 года драгунами и казаками сибирских слобод. Когда же Еткульская крепость была построена, Оренбургский и Сибирский драгунские полки и находившиеся при них нерегулярные люди из сибирских слобод ушли далеко в степь по Оренбургской дороге и уже не могли оказать никакой помощи приграничным сибирским селениям. «30 августа 1737 г. Исетской провинции из Чумляцкой слободы... Воры башкирцы человек с 30, набрав, на пашне из крестьян дву человек ранили,

да в полон взяли 10 человек,— говорится по этому поводу в документах Миллера,— и над оными ворами поиски чинили, сколько могли, а полки драгунские Сибирской и Оренбургской обретались тогда для строения к Оренбургу крепостей, и для усмирения воров башкирцов от тобольских и миасских форпостов в дальнем расстоянии» [7, л. 209 об.]. Именно этой ситуацией и воспользовались башкирские военные отряды в конце лета — начале осени 1737 года: они могли, порой совершенно безнаказанно, нападать на приграничные селения русских крестьян, мещеряков, верных правительству башкир, отгонять лошадей, домашний скот и уводить в плен мирных жителей.

Самым многолюдным и разорительным для русских пограничных селений стало нападение башкирского войска 30 июня 1737 года на Багарякскую слободу и Шаблишскую крепость. «По утру де 30 июня воры башкирцы в великом собрании приступ чинили к Багарякской слободе,— говорится в документах Миллера от 17 июля и 28 августа 1737 года,— боем ис той слободы били по ним ис пушек и из ружья, а воров было при том человек тысячи три две, а отступя от слободы ими ворами русских людей мужского и женского полу побито и в полон взято на полях, и скота отогнано от слободы и от деревень не малое число, да сожжено две деревни, а именно Жукову з заводом кожевенным, да Слободчикову. Да того ж июня... многолюдное воровское собрание приступали сильно Екатеринбургского ведомства к Шаблишской крепости и оную взять не могли, токмо, стоящие поза крепости обывательские дворы все сожгли, а люди спаслись во оной крепости, а скотину коров... овец от жилья отогнали всю. (28 августа) З заводской границы от майора Угрюмова в сообщенной прописке со сказками от бывшего во плену от воров башкирцев Багарякской слободы жителя Ивана Жукова копии показано: Взят он в полон оными ворами того ж 1737 г. июня 30 из деревни ево Жукова, а тех воров приходило тогда 2270 человек, и деревню ево Жукова и кожевенный завод и мельницу сожгли без остатку и пожитки ево все разграбили, а всего де из заводов пограблено ими на 12 тысяч рублей или больше. Да у оного ж Жукова отогнали лошадей меринов 25, кобыл с жеребятами 8, коров 35, годовых телят 15, овец 365, взяли людей ево Жукова в полон русских баб 2, да мещеряков, живущих у него в работе мужского и женского полу 7, да убили до смерти мужского полу 2, жен-

ска 14. По разорении оной Жуковой деревни оные воры пошед разорили Шаблишскую крепость и были под Окуловой и Зырянской, и Улугушской крепостями, и под которыми из поскотин людей многих побивали до смерти и брали в полон, и Багарякскую слободу атаковали и не малой приступ чинили, точию вреда тут учинить не могли» [7, л. 208, 211 об.].

Нападению подвергались также заводы, слободы, деревни Екатеринбургского ведомства, находящиеся в непосредственной близости от заводской границы. К примеру, из рапорта майора Угрюмова от 26 января 1738 года следует, что при набеге башкирских отрядов на заводские селения 7 августа 1737 года были убиты 24 человека, ранены двое, в плен взяты четверо; сожжено 147 дворов, 30 мельниц, 10 кузниц; отогнано 1254 лошади, 1427 коров, 5601 овца, 137 козлов, а также разграблено крестьянское имущество и поколото много домашней птицы [7, л. 216].

Экстракт, составленный в Военной коллегии о ходе башкирского восстания за июль 1737 года, подтверждает сведения, собранные Оренбургской экспедицией. В частности, там продублированы сведения о нападении башкир на село Крылово и дворцовое село Рождественское Казанской губернии. «Деревни жгли, людей рубили,— говорится в сообщении из Казанской губернской канцелярии,— також и Осинский уезд едва не весь разорили и людей много порубили, покололи, хлеб весь в скирдах и копнах пожгли, а стоящий вытравили и потолочили весь без остатку, а скот пограбили и намерены идти на Арзинскую ясашную волость, на деревню Касаеву и Березовку и на другие закамские деревни» [4, с. 337]. Аналогичные сообщения поступали из Кунгурской воеводской канцелярии, из Пермского горного начальства, от управителя вотчин Строгоновых, из Осы, Екатеринбурга.

Ответными мерами правительственных войск были на тот момент действия карательных отрядов или, как указано в документах, «партий». К примеру, партией под командованием майора Ртищева, действовавшей в Кельчинской волости, было убито 18 человек, взято в плен трое, выжжено семь деревень с 302 дворами, сожжено 95 загонов хлеба и взято 40 лошадей. Остальное население спаслось тем, что вовремя ушло в горы [Там же, с. 335]. «Поручик Сикорский с партией, наехав на реке Маниске, воров

разбил и в полон, взял мужеска и женска 6 человек, да убит один,— говорится в докладе Военной коллегии,— а оные воры были те, которые едущего из С-Петербурга солдата убили и Батемирку деревню разорили, а взятые в полон сказали, ханом у них Буслюман Мулканаев и собирается войска многое число, и хотят Красноуфимскую крепость, Кунгур и Екатеринбург разорить» [там же, с. 337].

В сводном реестре начальника Комиссии башкирских дел Л. Я. Соймонова «О количестве казненных и убитых башкир и об учиненном правительственными войсками разорении башкирских жилищ» от 28 сентября 1737 года приведены следующие данные: «Побито мужеска и женска полу — 303; казненно... где пойманы при набегах — 8; взято живых — 30; пожжено: деревень — 150, в них дворов — 2606; хлеба сжатого загонов — 400, несжатого — 52, телег с хлебом немолоченным — 59; копен сена — 300788; побрано скота: лошадей и жеребят — 117, коров — 93, овец — 16» [4, с. 340]. Из вышеприведенных данных явно следует, что противоборствующие стороны уничтожали в первую очередь продовольственные и фуражные запасы противника, причем правительственные войска наносили башкирам более значительный урон.

План военной кампании 1737 года, разработанный еще при Кирилове, был уточнен и дополнен на совместном совещании генерал-майора Соймонова с В. Н. Татищевым и штаб-офицерами 14 июля 1737 года. Решения этого совещания, получившие в уральской историографии название «Рассуждения Татищева — Соймонова», легли в основу правительственного указа от 13 августа 1737 года. А сам указ стал первым в целой серии законодательных постановлений Сената, направленных на решение башкирского вопроса, причем не только военным, но и экономическим путем. «При сем сообщается экстракт... о скорейшем прекращении башкирских замешаний, из которого Правительственный Сенат усмотреть может... немедленное определение учинить,— говорится в его преамбуле,— 1. Для разделения башкирцев под разные суды и правления в городок Осу, доброго особливого и надежного человека в воеводы определить... 2. Красноуфимскую крепость учредить... и ближние волости и деревни приписать. 3. Об учинении особо Исецкой провинции и в ней провинциального особливого воеводы в Чебаркуле⁷ ... 4. О бытии Пермскому... воеводе

в Кунгуре... 5. Об отправлении в новособираемый в Уфе драгунский ладмилицкий полк на содержание его денежной казны и ружья и амуниции... Воеводам действовать по инструкции генерал-майора Соймонова, а деньги брать на драгунский ладмилицкий Уфимский полк из окладных и неокладных Уфимских доходов и из штрафных башкирских денег...» [6, т. 10, с. 242].

Также следует отметить, что в указе от 13 августа 1737г. нашло отражение решения Татищева — Соймонова о том, чтобы «за неимением в Сибирской стороне надежного командира, понеже полковник Арсеньев стар и слаб... отправить Главным командиром полковника Бардекевича⁸, на место же его на линии... быть полковнику Татищеву, а Сибирскому губернатору накрепко подтвердить, чтоб дворян и служивых, сколько возможно, наиболее к полковнику Бардекевичу выслать, чтоб крестьян, которые имеются для обороны границы, для нужных земских работ, от форпостов уволить» [6, т. 10, с. 242]. Причем, невзирая на столь категорическое заявление по поводу здоровья полковника Арсеньева, он продолжал командовать Сибирским драгунским полком в 1737–1740 годах, принимая активное участие во всех его походах.

В документах Миллера факт проведения совещания Татищева — Соймонова подтверждается, так же как и перевод в Сибирь полковника Бардекевича, ранее командовавшего на линии Нижегородским армейским пехотным полком. «Ибо тогда,— говорится в одном из рапортов, датированных августом 1737 года,— сие Сибирской стороне наипущее от тех башкирцов воровство умножилось...» [7, л. 211]. Другими словами, все категоричные заявления, высказанные как на совещании 14 июля, так и в указе от 13 августа 1737 года, о том, чтобы воров «нынешним летом привести к усмирению», остались лишь заявлениями. Башкирское «возмущение» продолжалось, и ему не было видно конца.

Подводя краткий итог событиям 1737 года на Южном Урале, не лишним будет напомнить причины Башкирского восстания 1735–1740 годов. Тем более что в допросном листе от 28 августа 1737 года, присланном от экипажмейстерского советника Хру-

⁷ С образованием Исецкой провинции воеводскую канцелярию перевели в Челябинскую крепость.

⁸

В других документах — Бардукевича.

Карта Исетской провинции.
Составил И. Красильников.
1755 год

щова, приводятся показания одного из захваченных в плен батыров: «...начали де башкирцы бунтовать для того, что на их вотчинных землях Оренбург и другие крепости стали строить, и к тому бунту главные заводчики... утвердились в том, что города Оренбурга строить и Илецкой соли брать не давать, и по дорогам людей не пропускать и бить и бунтовать до того времени пока все помрут. И о том между собой они присягу учинили, а всего их воров в собрании хотело быть Сибирской, Ногайской Осинской дорог 21 тысяча, да к тому... киргиз-кайсацкие владельцы Абул-Хаир хан, Шемяка, Кусяк (?) и Барак Салтан обещали прислать им в помощь кайсаков по 2 тысячи...» [7, л. 211 об.].

Итак, военным и гражданским командирам, участвовавшим в подавлении Башкирского восстания 1735–1740 годов, в 1737 году стала известна точная

численность башкирского войска — 21 тысяча. Вот уж воистину — лучше поздно, чем никогда! Василий Никитич Татищев, ставший к этому времени тайным советником, следуя коллегиальному принципу управления, в конце 1737 года вновь вынужден был собрать совещание, которое и прошло в Самаре 15, 18, 20 и 21 декабря. Именно здесь был выработан новый, более жесткий и безоговорочный план совместных военно-карательных действий. Причем таких совместных действий, которые лишали башкирское войско возможности любого маневра.

Там же было, наконец, признано, что в зимний период войска должны находиться на зимних квартирах, а не скакать по заснеженной степи в поисках воровских кошей. Во всеуслышание было заявлено, и это нашло отражение в правительственном указе от 15 февраля 1738 года, что наиболее «способное» для боевых действий против башкирских военных отрядов время — весеннее, причем ни в документах

Миллера, ни в правительственном указе не уточнялось, до весенней распутицы или после. Зимой же командиры должны быть обеспокоены только одним — чтобы к весне их драгунские и казацкие подразделения были укомплектованы людьми, обмундированием, лошадьми.

По итогам совещания штабные офицеры составили новую, более подробную карту Башкирии с указанием не только проезжих дорог, укрепленных пунктов, но и башкирских зимовок (деревень). Называлась она «Новая ландкарта Башкирской орды или Уфимской провинции с прибавлением пограничных частей и всей Закамской стороне первой земляной, а потом новой Оренбургской линии. Учтена в Самаре месяца декабря 1737».

Прав оказался Вильгельм де Геннин, когда, анализируя собранные данные о численности и боеспособности башкирского войска, предостерегал о таящейся угрозе: «Оной народ военный, по их маниру, почитай, в каждом дворе есть панцирь, копье, лук и сабля, также и ружье, которое “турки” зовут. Ежели случится, что войну иметь против башкир во время смятения, от чего Боже сохрани...»

Не менее прозорливыми оказались и выводы казанского губернатора Вольнского: «И тако не надлежит... им верить, понеже пока руки наши свободны, и не привязаны к которой стороне войною, до того времени и я обнадеживаю, что они будут овцами; когда же... будет продолжаться война, а иначе, не дай Всевышний есть ли, случится оборонительная, а не наступательная, да к тому же ежели учинится с турками, то оной народ не только может нанести государству вред, но и великое учинит разорение...»

Во время башкирского восстания 1735–1740 годов на Южном Урале активизировала свою деятельность Коллегия иностранных дел. Ее задачей было предотвратить образование военного союза мятежных башкир с казаками (киргиз-кайсаками). Если Абулхаир-хан был настроен доброжелательно к царской администрации, то султан Средней Орды Барак не только враждебно относился к русским, но и всячески помогал башкирам. Из сообщений, которые скапливались в секретной экспедиции, хорошо видно, что военные казахские отряды неоднократно пересекали границу Башкирии и участвовали в набегах на русские селения и крепости, разоряли жилища верных правительству башкир и других инородцев. Так, из показаний пленного Килтеева следует, что он

пришел в Уфимский уезд в составе военного отряда из киргиз-кайсацкой орды на Ногайскую дорогу в Демские вершины «во штитах человек для искоренения верноподданных Ее Императорскому Величеству чуваш, черемис, прочих доброжелательных иноверцев с огненным оружием, луками и в пансырях» [4, с. 339].

В донесении полковника Тевкелева говорится, что Абулхаир-хан «отправил на воров башкирцов своих кайсаков по речкам Нижнему, Среднему и Верхнему Кызылам... по 1000 человек, пониже де на оных по верным известиям воры башкирцы все собрались; Абул-Хаир хан с 60-тью кайсаками сказали, что они разорили воров башкирцов на устье речки Нижнего Кызыла 250 дворов» [4, с. 342].

В результате предпринятых совместных усилий Военная коллегия, Оренбургская комиссия и Иностранная коллегия к концу 1737 года, казалось бы, достигли желаемой цели. Представители 16 волостей Ногайской и Сибирской дорог, Аиткул и Джан-бек прибыли в Табынск с изъявлением полной покорности: «...желают де они все придти с повинностью и быть по-прежнему в подданстве Ее Императорского Величества» [4, с. 347].

Боевые действия 1738 года, строительство второй Верхнеяицкой и Уклы-Карагайской крепостей

Прежде чем переходить к изложению сути вопроса, следует отметить, что в начале 1738 года в управлении Уфимской провинцией и воинскими соединениями с сибирской стороны Урала произошли кадровые изменения. Уфимского воеводу статского советника Степана Шемякина по доносу В. Н. Татищева отстранили от должности, а потом отдали под суд. На его место назначили полковника Мартакова, командовавшего до этого драгунским полком и находившегося в прямом подчинении генерал-майора Соймонова. Полковника Бардекевича отозвали обратно в Мензелинск, а «правление Главной над войсками команды» было поручено полковнику Арсеньеву, командиру Сибирского гарнизонного драгунского полка — тому самому, которого в августе 1737 года публично признали «старым и слабым».

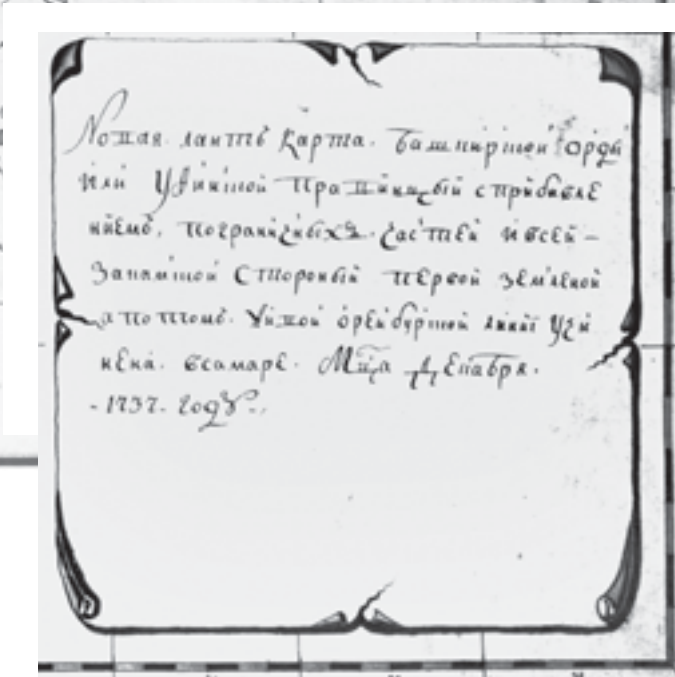
Но самым неожиданным событием февраля 1738 года стало освобождение из под стражи предводителя

«Новая ландкарта Башкирской орды или Уфимской провинции с прибавлением пограничных частей и всей Закамской

стороне первой земляной, а потом Новой Оренбургской линии. Сочинена в Самаре, декабрь 1737 год» [РГВИА. Ф. ВУА. Д. 20618]

башкир Сибирской дороги Юсупа-батыра. Освободил его никто иной как тайный советник Татищев, причем по просьбе и поруке верных башкирских старшин. После нападения на их мирные башкирские деревни более чем двухтысячного башкирского войска, пришедшего с Яика и Приуралья, они убедили начальника Оренбургской комиссии, что после освобождения Юсупа-батыра произойдет всеобщее замирение башкир всех дорог.

Но, как показали дальнейшие события, все произошло с точностью до наоборот. Башкирское восстание, и так не утихавшее всю зиму 1737/38 годов, с наступлением теплого времени приобрело еще более ожесточенный характер. Данный факт находит подтверждение и в документах Миллера. Так, в рапорте от 6 февраля 1738 года говорится, что при возвращении башкирского войска домой на Яик башкирские воинские люди попытались штурмом взять Чебаркульскую крепость, но были отбиты артиллерийским и мушкетным огнем. Тогда они изменили тактику и в течение марта — апреля действовали в окрестностях той крепости небольшими отрядами, то устраивая засады на дорогах, то нападая на крестьян, солдат и казаков, валивших лес в бору. При этом в первую очередь отгоняли лошадей, а потом уже или убивали, или брали в плен лесорубов.

С середины апреля 1738 года башкирские военные отряды вновь начали разорять села и деревни на сибирской границе. В рапорте от 15 апреля говорится по этому поводу следующее: «Екатеринбургского ведомства к Полдневой деревне пришед воры башкирцы многолюдством в ночь и ворвавшись во оную пешие, разорили, сожгли всю (в которой было 46 дворов), да отогнали лошадей 70, коров 49, овец 80, побили до смерти мужского 9, женского 2, ранено мужского полу 12 человек. И на сникурс отправлена была в тою деревню партия регулярных и нерегулярных 120 человек, догнав воров, чинили бой, причем воры у командированных убили 1 лошадь, да ранили четырех лошадей, и ушли на побег» [7, л. 217 об.].

Еще в одном миллеровском документе от 26 апреля 1738 года засвидетельствовано, что «Сибирской губернии Ялutorовского дистрикта (название не читается) слободы с лугу воры... легкие люди отогнали 10 лошадей, за ними послана легкая партия в 30 человек, кои ходили два дня, а достичь не могли, к тому ж оные воры бегут на скоро два конь дено и ночью и меняли своих усталых лошадей, и на

высоких степях разбегаются в разные стороны, а воровские свои тракты скрадывают» [7, л. 217 об.].

С началом посевных работ башкирские набеги стали постоянными. Только по документам Миллера, в мае — июне они повторялись если не каждый день, то через день точно. В основном нападавшие отгоняли лошадей с крестьянских пашен, после чего, будучи двуконными, так быстро уходили, что мало кто из крестьян и казаков мог их догнать. В числе пострадавших в те майские весенние дни были крестьяне Утяцкой, Чумляцкой, Емурзинской, Верхне-Суерской слобод, Варлаковой, Галищевой, Серковой, Коцкой, Белоярской, Челноковской деревень, а также солдаты, драгуны и казаки Грбовой крепости, Царева Кургана, Верхне-Суерского форпоста. По самым скромным подсчетам, только за май 1738 года башкирские воины отогнали с пашен у вышеназванных крестьян порядка двух сотен лошадей. Их безнаказанность происходила по той же причине, что и в прошедшем 1737 году.

Дело в том, что, согласно разработанному в декабре 1737 года плану действий, с наступлением весны на всех границах Башкирии началось движение значительных соединений правительственных войск: в Приуралье 17 мая генерал-майор Соймонов с армейскими и нерегулярными частями выступил из Мензелинска к Табынску, откуда потом действовал силами разных военных партий; в Заволжье начальник Оренбургской комиссии В. Н. Татищев, переправившись с многочисленным войском через реку Самару, 7 июня 1738 года начал движение к Оренбургу. Этот Оренбургский поход, продолжавшийся до 22 сентября 1738 года, стал решающим для самого Татищева и послужил поводом для его отставки, но достаточно результативным в отношении строительства крепостей по рекам Самара и Яик. А в Зауралье еще в конце апреля 1738 года начался летний поход двух драгунских полков с приданными нерегулярными командами во главе с полковником Арсеньевым. Главной целью похода являлось строительство вновь Верхнеяицкой и новой Уклы-Карагайской крепостей. «...Господа полковники Арсеньев и Татищев отступили от границы для прекращения воровства и бунту башкирского, — говорится по этому поводу в полковом рапорте от 26 апреля 1738 года, — и для строения вновь крепости Верхояицкой и Уклы-Карагайской, (кои от пограничных слобод более 300 верст) и с ними подполковники Бахметьев и Павлуцкий...

а в форпостах на Сибирской стороне оставлены были небольшие команды...» [7, л. 218].

Другими словами, расположение армейских и нерегулярных правительственных соединений на Южном Урале, и в частности в Южном Зауралье, весной 1738 года даже внешне не имело ничего общего с событиями весны 1735 года. Следует напомнить: тогда две роты солдат Уфимского гарнизонного полка поочередно, проследовав маршем от Уфы до верховьев Яика, приступили на его левом берегу к строительству судовой пристани и крепости. В то время как Сибирский драгунский полк находился как минимум на расстоянии 300 верст от них, если не дальше. Воистину все познается в сравнении!

В летнем походе войск, расквартированных на сибирской границе, в 1738 году приняли участие те же офицеры, драгуны, солдаты, казаки из крестьян. Ими командовал тот же полковник Арсеньев, в январе 1736 года отдавший приказ об отступлении от осажденной Верхнеяицкой крепости. Именно это отступление и повлекло за собой гибель гарнизона и уничтожение Верхнеяицкой пристани и крепости. Все так — личный состав практически тот же. Но вот войсковое соединение в целом и его боевые возможности, как покажут дальнейшие события, были совершенно иными. Двухлетние походы научили драгун, солдат и казаков из крестьян не бояться превосходящего по численности противника и использовать преимущество ружейного огня и полевой артиллерии. Были случаи в 1737 году, когда казаки и драгуны, оказавшись перед противником в значительном меньшинстве, спешили бросать лошадей и, используя тактику залпового огня, выходили живыми из боя. К тому же у Сибирского воинского соединения весной 1738 года не было растянутых 300-верстных коммуникаций. Их тылы были прикрыты военными крепостями, построенными в 1736–1737 годах в Южном Зауралье.

Сибирский и Оренбургский драгунские полки с приданными иррегулярными отрядами, в числе которых были и верные башкиры, прибыли на Яик только 2 июля 1738 года. С момента отхода от сибирской границы прошло два месяца, и все это время полки находились в степи на марше, действуя отдельными легкими партиями. Из документов Миллера не совсем понятен точный маршрут следования, но известно, что основная команда во главе с полковником Арсеньевым какое-то время находи-

лась на реке Уй. Причем за всеми передвижениями главной команды и ее отдельных партий наблюдали конные разъезды башкир, расставленные в степи по высоким местам. Поэтому при приближении большого количества правительственных войск находившиеся в степи, не замирившиеся башкирские отряды и их кочевые станы имели возможность заблаговременно отходить с пути следования драгунских полков, избегая тем самым гибельных для себя сражений. Основные же силы непримиримо настроенных башкирских воинов скопились в Уральских горах. Данный факт находит подтверждение в документах Миллера. «...С того времени воров во многих местах по горам имели отъезжие караулы,— говорится в рапорте Сибирского драгунского полка от 27 июня 1738 года,— и собрания их воровское в горах Уральских наиболее умножилось. Понеже они ожидали на себя паки партей» [7, л. 221].

Прибыв на место строительства крепости и встав лагерем, Арсеньев отправил в степь на разведку отряд численностью 309 человек во главе с капитаном Постоваловым. Возвратившиеся разведчики привели с собой трех пленных с тремя захваченными лошадьми. Но главное событие произошло в день закладки самой крепости. В рапорте от 4 июля 1738 года говорится по этому поводу следующее: «По заложению... Верхнеяицкой крепости отправлены оттуда в партию в горы Уральские на воров... где их наибольшие кочевья и собрания подполковники Павлуцкой... да Бахметьев с регулярными и нерегулярными в 2432 человек» [7, л. 221 об.]. Именно этот поход и стал решающим в деле прекращения башкирского «возмущения» на Сибирской дороге.

В силу того что в документах Миллера сохранился рапорт подполковников Павлуцкого и Бахметьева полковнику Арсеньеву, в котором изложены главные перипетии того военного похода в горы, вполне оправданно привести его полностью, невзирая на трудности восприятия языка полковой канцелярии. В сущности, рапорт Павлуцкого и Бахметьева — это ключ к пониманию той военно-политической ситуации, которая сложилась на Южном Урале в период Башкирского восстания 1735–1740 годов. Тем более что для предводителей башкирского войска действия драгунских полков и казачьих отрядов в самих горах Урал-тау стали полной неожиданностью. Они до последнего надеялись, что ни драгуны,

ни тем более казаки из крестьян не сунутся в Урал, а все закончится для враждующих сторон обычными полумерами. Дело в том, что до этого ни один командир правительственных войск не решался отдавать приказ о введении в район труднопроходимых Уральских гор драгунских полков⁹.

Итак, из приведенного документа однозначно следует, что замирение башкир Сибирской дороги началось 28 июля 1738 года, причем Юсуп-батыр сыграл в этом замирении главную роль. Именно он 7 июля 1738 года объявил подполковникам Павлуцкому и Бахметьеву, что «желают де они все иттить с повинною Е. И. В. и просили, чтоб их жилищ не разорять, их не рубить». Тем не менее по приказу генерал-майора Соймонова старшина Юсуп-батыр Арыков был вновь взят под стражу и вместе с ранее арестованными старшинами Кильмяком и Акаем по указу от 17 марта 1738 года вывезен из Башкирии. «Чего ради на оного Юсупа генерал-майор Соймонов по разным делам возымел подозрение,— говорится в “Истории Оренбургской” П. И. Рычкова,— и по сношению с тайным советником, паки, прибрав его к рукам купно, с предписанными двумя... Кильмяком и Акаем, по полученному из Кабинета указу в С-Петербург отправлен» [9, с. 33].

Что касается правительственных войск с уфимской стороны Урала, во главе которых стоял сам Соймонов, то и их действия против восставших башкир оказались успешными. Тот же Рычков подтверждает, что башкирские воины во главе с Сеит-баем (Сентбаем?), Елдаж-муллой и Чураш-Майдаром вынуждены были идти с повинной в Табынск к Соймонову.

Осенью 1738 года Л. Я. Соймонов докладывал в Правительствующий сенат о результатах карательной экспедиции, которая проводилась Комиссией башкирских дел с 10 мая по 28 сентября. В докладе говорилось: «Со вступления в поход генерал-майора Соймонова, какое действие над ворами и бунтовщиками башкирцами происходило сего году мая с 10-го сентября по 28 число. Пойманных воров и бунтовщиков и кои намерены были бежать в кайсаки по достоинству вин казненного смертью — 58. Послано в ссылку: годных в солдаты в Отзею — 40, негодных в работу в Рагорвик — 21, в ссылку ж послано в Отзею и в Рогорвик и их жен и малолетних детей — 143;

⁹

Численность драгунского гарнизонного полка по штату 1730-х годов — от 1055 до 1280 человека личного состава.

отдано для поселения во отдаленных российских городах малолетних ребят и женска полу — 20. Командированными партиями побито мужеска и женска — 516. Взятых при поимке и при бое воровских жен и малых ребят розданы тем, кои при поиску и при поимке воров были — 59. Итого искоренено воров и бунтовщиков башкирцев — 857. Разорено и выжжено деревень — 32, в них дворов — 109, кошей — 88, хлеба вытолочено десятин — 12. Скота отбито: лошадей — 166, коров и телят — 138. Всего с повинною

пришло и к присяге допущено 2987; штрафных лошадей взято 1435, да отбито от воров годных под драгун — 44, штрафных же взято и за свадьбы — 12, итого — 1491. С вышеописанных, пришедших с повинною, лошадей взять надлежит 1561, кои и забираются и завсегда приводят; протчим за скудостью и за неимением годных лошадей даются сроки с поруками. Для оногo приему определено: ландмилицкого Шашминского драгунского полку в Табынске капитан Кублицкой, по Сибирской дороге — капитан Стрижев-

Рапорт подполковников Павлуцкого и Бахметьева (июль 1738)

«И репортовано от них: июля 6 числа отправился от него Бахметьева подполковник Павлуцкий на первости 100 человеках, кои и перешед реку Белую наехав воровское собрание более 300 человек, со старшинами Нагайской дороги Терсяцкой волости Ерметем тарханом Бокеевым и протчими, со оными был бой... и побито воров осмнадцать, поймано два человека. С нашу сторону ворами убито: драгун 1, ранено 6, и 7 лошадей казенных. Ис того бою воровское собрание силою дружно прогнали, кои и пошли к кошам своим в горы в лесные и тесные места, а пойманные объявили: что воры кошами стоят в горах и лесах в самых крепких местах, от Белой реки день ходу, а в те места укрылись, в то время как тою следующую с ними с подполковниками партию усмотрели, понеже для ведения до прибытия оной имели они по высоким местам отъезжие летние караулы, и воровским собранием против партии умножилось, о чем и выше сего [июня 22 числа] показано, и он Павлуцкий ходил на их воровские кочевья от реки Белой верст более 40-ка в камни и в самые лесные крепкие места...

И шел высокими камнями, речками и болотами, точию воры со своими кошами до партии ево убрались за сутки. И того ж числа было немалое сражение в лесных и опасных местах, и на том бою побито воров 16, поймано 3. С нашей стороны ворами убит верный башкир 1, ранен 1 человек, а воров было при том более 500 человек. А Бахметьев следовал за ним Павлуцким с оставшейся командой... с немалым трудом от неспособной дороге в горы просекой лесов и воровские деревни жег, а в то время воры немалыми и легкими компаниями в разных местах в лесу оказывались и дошед он Бахметьев до речки Мерли (?) уже остановился, понеже солдатам первым никоими меры идти было не можно. И сход (?) они подполковники возымели у речки Мерли. А при той речке «б» числа в вечеру паки они бунтующие чинили уже на всю команду многолюдное своим собранием нападение, токмо отбиты они прочь и при том воров немалое число было (как видимо) от наших побито. А «7» числа по отходе с того места верст с пять, приезжали к ним подполковникам из воровского собрания башкирский воровской старшина Юсуп Арыков, с товарищи четыре человека,

которые и отбыли от лагеря не в дальней мере и чрез толмача объявили, желают де они все иттить с повинною Е. И. В. и просили, чтоб их жилищ не разорять, их не рубить, а от принесенной до той повинной прислать к ним... указ Е. И. В. и письма от превосходительства господина тайного советника Татищева и генерал-майора Соймонова. И с теми де указами прислать к ним в воровские жилища нарочного уфимского толмача... Которого и послали они оттуда в свои кочевья наскоро и они им вора Юсупу с товарищи объявлено, чтоб они явились к ним подполковникам в лагерь... Ехали к Верхяицкой крепости к главным командирам для подлинного определения без всякого опасения. Где о приходе с повинностью Е. И. В. точию резолюция учинена быть имеет, понеже они господа подполковники имеют о том полное от генерал-майора повеление, и потом им объявил означенный Юсуп и сними главные воры из собрания их старшина Курманай Купеев (?) с товарищи 8 человек, а близь лагеря стояло воровское собрание более 2000 человек. Того ж 11 июля оные подполковники Бахметьев и Павлуцкий и с той партией к команде к заложенной при Яике новой крепости

возвратились. И с ними прибыли от воровского собрания старшин вышеозначенных четыре человека Юсуп с товарищи [кои при их команде везены под частным караулом и с пристойным увещанием] и оные объявили, что воры бунтовщики башкирцы желают быть у Е. И. В. по прежнему в подданстве. И для того те воровские старшины по силе ордеров генералитецких по общему определению командующих господ полковников Арсеньева и Татищева с протчими штаб-офицерами отпущены обратно в воровское собрание. И даны им в воровские волости для объявления о сем прочетные указы со обнадеживанием Е. И. В. высочайшей милости, чтоб они приходили для принесения повинной и учинения в верности присяги к Верхяицкой крепости. И оные воры потом, видя к себе Е. И. В. милость с повинною приходив и в верности присягать начали оногo июля 28 числа. И приведено к присяге тех воров Сибирской стороны при Верхояицкой, Уклы-Карагайской, Чебаркульской и Миасской крепостей з 2000 человек. И определено было брать с них каждого по лошади годной, а прочие воры приведены на Ае реке, в городке Табынске, в Красноуфимской крепости и в других местах...» [7, л. 222–223 об.].

ской и с ним переводчик Уразлин» [4, с. 372–373]. Обращает на себя внимание следующий факт: если в 1737 году в аналогичном документе было указано, что с повинною пришли всего 22 человека, то в 1738 году таковых было уже 2987.

Переход к миру на сибирской стороне Урала, несмотря на заверения Юсупа-батыра о нежелании воевать, наступил не в одночасье. По документам Миллера, нападение небольших башкирских отрядов продолжалось до сентября 1738 года, но их интенсивность заметно снизилась. К примеру, в августе было отмечено только два набега. Первый случился 17 августа. «Сибирской губернии Ялutorовского дистрикта Утяцкой слободы на пашне ворами башкирцами убито крестьян 2, в полон взято 2, да отогнано 3 лошади, — говорится в указанном документе, — за оными командирована партия 81 человек, но догнать не могли». 19 августа: «Оного ж дистрикта Верх Суерской слободы из под деревни Морево отгонено ворами 248 лошадей, за теми ворами была послана партия в 100 человек, но догнать не могли». Последний набег 1738 года в указанных документах отмечен 16 сентября. Где говорится, что «Утяцкой слободы на пашне ворами... убито драгунских детей 2, отгонено 4 лошади, за ними направлена погоня, но догнать не могли» [7, л. 223 об.— 224]. Все неудавшиеся погони в большей степени связаны с тем обстоятельством, что Сибирский и Оренбургские драгунские полки с приданными нерегулярными частями находились в отдалении от сибирской границы.

В имеющихся полковых донесениях точные даты постройки Верхнеяицкой и Уклы-Карагайской крепостей не указана. Тем не менее известно, что «в начале августа 1738 г. господа полковники Арсеньев и Татищев, построив при реке Яике крепость и оставя во оной для содержания гарнизона принадлежащую команду, отступили к озеру Уклы-Карагай и тут крепость же строить начали» [7, л. 223 об.]. А в рапорте от 30 августа 1738 года говорится, что «от ново Уклы-Карагайской крепости командирован... секунд-майор Дмитриев в 400 человек за ворами башкирцами» [7, л. 224].

Таким образом, мы узнаем, что июль — август 1738 года — это время постройки Верхнеяицкой и Уклы-Карагайской крепостей¹⁰ соответственно.

10

Данный факт подтверждает и П. И. Рычков, но при этом добавляет, что в 1738 году одновременно с Уклы-Карагайской была построена и Еткульская крепость [8, с. 41].

Записи же в документах Миллера за 1738 год о башкирских набегах, погонях, боевых столкновениях, человеческих и имущественных потерях с обеих сторон на сибирской границе заканчиваются 18 сентября. Данный факт подтверждает свидетельство П. И. Рычкова о том, что в 1738 году башкиры пошли, причем не в первый раз, с повинной.

Был ли это очередной тактический ход со стороны восставших? Если да, то на что они рассчитывали, на кого надеялись? Судя по целому ряду удачно проведенных военных сражений с регулярными и нерегулярными частями правительственных войск, среди командиров башкирского войска безумцев не было. В связи с этим возникает лишь одно разумное объяснение затянувшемуся башкирскому восстанию 1735–1740 годов — внешний фактор. В данном случае речь идет о Русско-турецкой войне 1735–1739 годов. Именно потребность действующей армии в живой силе не позволяла нарастить группировку правительственных войск на Южном Урале и лишит башкирское войско способности к какому либо маневру.

Также реальной причиной, по которой расквартированные в Уфимской провинции и Сибирской губернии правительственные войска долгое время не могли принудить башкирских воинов к миру, могло стать отсутствие у командного состава единого мнения о методах борьбы с восставшими. Особенно в первые годы восстания превалировала точка зрения, что достичь устойчивого мира возможно посредством переговоров с предводителями башкирского войска: достаточно, мол, разъяснить знатным людям Башкирии конечные цели Оренбургской экспедиции 1734 года!

Другая же часть командного состава придерживалась иной точки зрения: предавший раз предаст снова. Потому с теми башкирскими старшинами и их воинами, кто нарушил присягу, данную на Коране, надо поступать как с клятвопреступниками, то есть предавать самой жестокой и лютой смерти.

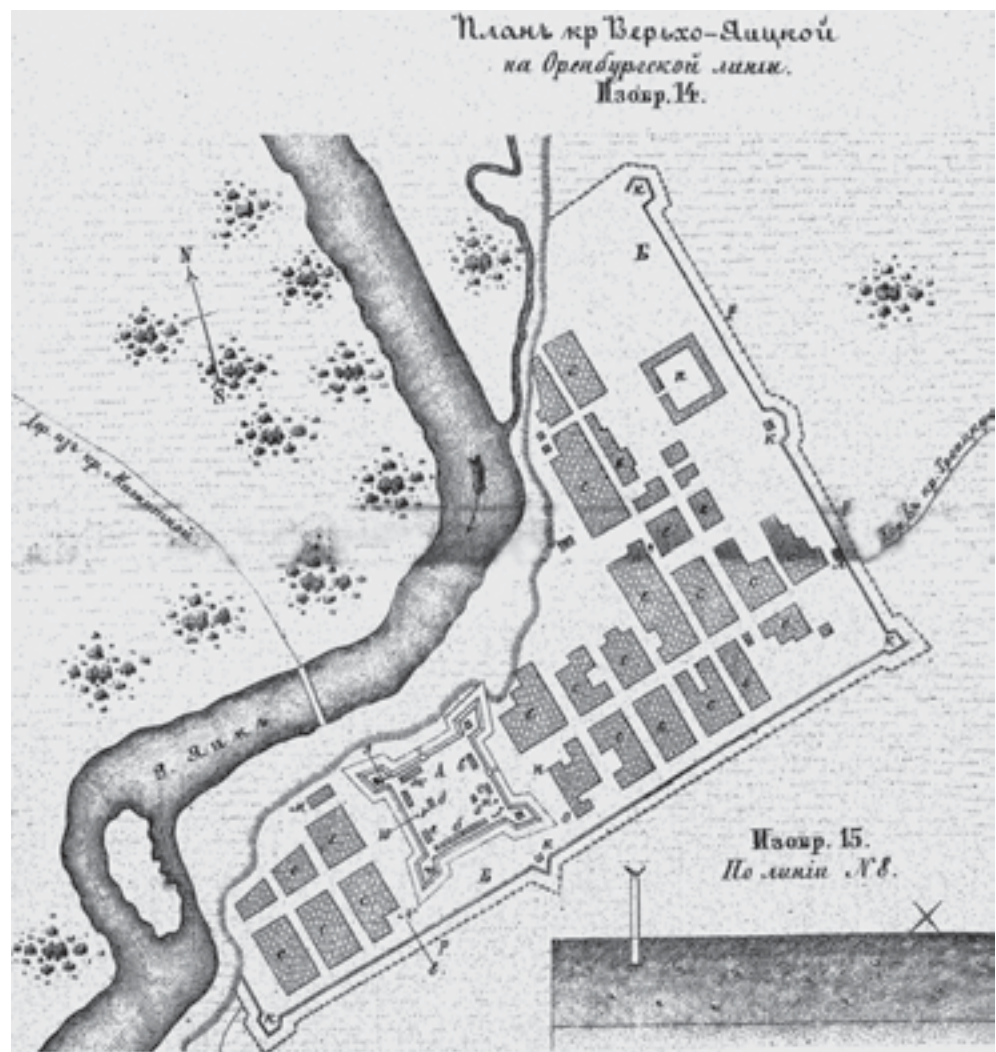
Замирение башкир всех дорог к осени 1738 года давало надежду, что самых крайних мер удалось избежать и жестоких массовых казней не будет!

Хрупкий мир 1739 года

Тем не менее положительные результаты 1738 года, достигнутые в замирении Башкирии, не уберегли тайного советника В. Н. Татищева от ареста и суда. По прибытии в Петербург в начале января 1739 года и после доклада, сделанного при Дворе, его арестовали. Причиной ареста стал донос полковника Тевкелева, также вызванного в Санкт-Петербург. По свидетельству П. И. Рычкова, разногласия между Тевкелевым и Татищевым начались еще в Оренбургском походе 1738 года. Детали самих разногласий автор «Истории Оренбургской», как всегда, не раскрывает, но известно, что по вышеуказанному доносу была учреждена следственная комиссия. По ее решению Татищева и удержали в Петербурге, а на должность начальника Оренбургской комиссии именным указом от 17 июня 1739 года назначили генерал-лейтенанта князя Василия Урусова. Ново-

испеченный начальник Оренбургской комиссии отбыл из Петербурга в Самару в начале июля, на место благополучно прибыл 17 августа 1739 года [9, с. 42].

Единственное, что в этой подковерной войне вселяет некий оптимизм, это то, что инструкции, полученные Урусовым в сентябре 1739 года в виде двух именных указов (от 20 и 26 августа), были составлены на основе январского доклада тайного советника В. Н. Татищева. Иными словами, во всей этой «Оренбургской истории» ощущалась политическая воля Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны, направленная на окончательное решение башкирского вопроса. Причем важно подчеркнуть: у правительства Анны Иоанновны было понимание того, что одной военной силой башкирский вопрос не решить. Именно поэтому в 1739 году и был принят ряд судьбоносных указов, включая Бергерегламент.

Верхнеицкая крепость.
1738 год
[Ласковский Ф. «Карты, планы и чертежи к III части материалов для истории инженерного искусства в России». Альбом, лист 9, изображение 14. СПб. 1866]

Весной 1739 года военно-политическая обстановка в Башкирии оставалась напряженной. Из донесения старшины Абдулина в Уфимскую провинциальную канцелярию следует, что в марте 1739 года в деревне Васкиной Тырнаклинской волости проходило собрание башкир. Общее количество собравшихся, по данным старшины, было около ста человек. Все настроены были достаточно враждебно к русской администрации и полагали, что «для башкирского народа от России доброго не имеетца» [4, с. 341]. Также было высказано мнение, что если в Башкирии будет производиться перепись населения, то с их стороны будет оказано сопротивление. «Хотя взято с нас по одной лошади штрафу, только сайдаки, копыя не взяты,— говорили собравшиеся, обращаясь к присутствующим мещерякам,— а вы мещеряки имейте... согласие с нами по прежнему, ежели не будете, летом вас будем рубить» [Там же. С. 374]. В допросных речах татар Кунгурского уезда Тенева и Имангулова, записанных в Пермской провинциальной канцелярии, показано, что «де киргиз-кайсаки в башкирские жилища приехали и ездят по волостям по 20, 30 и по 40 человек, а большое собрание имеется у них вверх Тоболу реки... Они де татара Аднагул и Ибрай сами видели, что башкирцы собираются подлинно на войну и друг у друга берут добрых лошадей и запас, и наскоре из деревни в деревню переезжают... Да от них же башкирцев слышали, что они говорят между собой, хотя де их поручик и переписывал, и тою де переписью рук и ног им не сковал» [Там же].

Из сентябрьского 1739 года донесения начальника Комиссии башкирских дел Л. Я. Соймонова следует, что летом того года дальше враждебных намерений и собраний, мелких стычек разрозненных групп составших с правительственными войсками дело не пошло. Более того, в августе был схвачен один из предводителей восстания старшина Кудейской волости Толкучюр Алдагулов. Вместе с ним были задержаны сотники Катайской волости Черобаев, Кудейской — Салтангулов. Все они вместе с пойманным ранее Бепеней Трупердиным, предводителем башкир Куваканской волости Сибирской дороги, были казнены в Мензелинске. «Дабы башкирцам сие было памятнее,— рапортовал Соймонов,— и к воровству себе не допускали» [4. С. 375]. В заключение донесения начальник Башкирской комиссии указывал, что за 1739 год была собрана 761 штрафная лошадь, причем все они были распределены в армей-

ские полки: Астраханский, Ямбургский, Нижегородский. Из захваченных участников восстания было отправлено в ссылку 176, из них в «Отзею» в солдаты — 131, в работу в «Рогорвик» — 44, в «матрозы» — 1 [Там же. С. 376].

Вышеназванное донесение в свое время носило секретный характер. Помимо прочего в нем сообщалось, что Соймонов установил повсеместное наблюдение за потенциальным противником. «По указу от 18-го августа повелено мне,— докладывал Л. Я. Соймонов,— о башкирских намерениях проводывать и ежели, где станут о зачатии вновь помешания они между собой советовать и других тому побуждать, то б не допуская их до много собрания в их жилища партии посылать и зачинщиков воровства искоренять» [Там же]. Эта отлаженная система «проводывания» (а по сути дела — военной разведки) и позволила предотвратить разгорание нового широкомасштабного башкирского восстания весной — летом 1740 года, известного в уральской историографии как «восстание Карасакала». В отличие от предыдущих лет оно было подавлено быстро и с особой жестокостью.

Восстание Карасакала (1740)

События ранней весны — лета 1740 года на Южном Урале развивались стремительно и страшно. Провозглашение башкирами в январе 1740 года своим ханом султана Гирея, известного под именем Карасакал («Черная борода»), не просто ставило всю военно-политическую ситуацию на Южном Урале с ног на голову. Провозглашение ханской власти в Башкирии подвергало сомнению легитимность самой российской императорской власти в регионе, что само по себе было недопустимо. В связи с этим все ранее данные обещания предводителям башкирского войска от имени императрицы Анны Иоанновны теряли силу, а новые сложившиеся военно-политические обстоятельства полностью развязывали руки ее Кабинету министров для проведения самых жестоких мер по подавлению башкирского восстания. И эти меры не заставили долго ждать.

Командиры царских войск как с сибирской стороны Урала, так и из Оренбургской и Башкирской комиссий, получив в марте известие от верных башкир о том, что по всем дорогам (волостям) Башкирии идет подготовка невиданного по масштабу восстания, незамедлительно отдали приказ о нача-

ле военных действий. На этот счет им заблаговременно были разосланы соответствующие циркуляры. Несмотря на то что в Уральских горах лежал еще глубокий снег, а в предгорьях начиналась весенняя распутица, вглубь Башкирии — как в отдаленные степные места, так и в Уральские горы — вошли со всех сторон многочисленные военно-карательные команды. Наиболее ожесточенные бои происходили между восставшими башкирскими и царскими военными отрядами в самом Урале, по рекам Сатка, Юрюзань, Ай, Мендяк, Белая и их притокам.

В силу того что в уральской историографии об этом этапе восстания Карасакала мало что сказано, имеет смысл остановиться на нем чуть подробнее. Тем более, именно решительные действия подполковника Павлуцкого, командира сибирских военных команд, и его союзников-старшин из числа верных башкир и мещеряков сыграли решающую роль в подавлении башкирского восстания. Именно их рейды-погоны за отрядом Карасакала в марте — апреле и мае 1740 года и обезглавили новое башкирское восстание в самом его начале, что привело в результате к окончательному подавлению башкирского восстания 1735–1740 годов.

«Зимний поход» 1740 года подполковника Павлуцкого

Полковник Арсеньев, командовавший и в 1740 году всеми войсками с сибирской стороны Урала, и воевода Исетской провинции подполковник Бахметьев, получив в марте известие о начавшемся новом башкирском восстании, приняли весьма дальновидное совместное решение. Они в опережение российских команд командировали два отряда верных башкирских воинов и мещеряков на помощь другим верным башкирам, проживавшим в Куваканской волости и на реке Ай. В первом отряде (или, как сказано в документах Миллера, первой партии) во главе со старшиной Кузямышем Бедкузиным, по их планам, должно было быть до 700 верных башкир и до 200 мещеряков и ясачных татар. Мещеряками тогда командовал старшина Муслюм, ясачными татарами — мулла Иштебан. Маршрут этого отряда лежал через Чебаркульскую крепость в Куваканскую волость. По факту же из-за спешности сбора к Чебаркульской крепости прибыло только 300 человек. «А верных

башкирцов и мещеряков, хотя и наряжено было в первой команде со старшинами Козяшем, Муслюмом и Иштебаном до 900 человек,— говорится в полковом рапорте за март 1740 года,— токмо столько вскоре собраться они не могли, и было их токмо 300 человек, которые его Павлуцкого при Чебаркульской крепости и дождались» [7, л. 227 об.].

Второй отряд во главе со старшиной Юсупом Карабашевым численностью до 600 верных башкирских воинов должен был проследовать на реку Ай.

Подполковник Павлуцкий прибыл в Чебаркульскую крепость 22 марта, опередив откомандированные в его подчинение воинские части, как сказано в документах Миллера, «для скорейшего исправления... к походу нужд». Сами же российские команды подходили к Чебаркульской крепости 22, 23 и 24 марта 1740 года. Павлуцкий в это время проверял и при необходимости исправлял каждое ружье прибывающих драгун, солдат, служилых людей и казаков. Всего же при Чебаркульской крепости собралось 1025 человек: 760 драгун из Сибирского и Оренбургского драгунских полков, 112 солдат пехоты из крепостей, 153 служилых из сибирских городов, казаков из крестьян. Этот боевой сводный отряд, включая команду дождавшихся верных башкир и мещеряков, Павлуцкий поделил на три части: две составляли конные военнослужащие (драгуны, казаки, башкиры, мещеряки), третью — пехота. Затем, сделав необходимые запасы продовольствия на всю команду до 16 апреля 1740 года, фуража — на шесть-восемь дней, он 25 марта отправил на разведку боем первую легкую партию под командованием капитана Полозова. В составе команды находилось две роты драгун и около 300 человек нерегулярных иноверцев. Сам же подполковник Павлуцкий с основной командой и обозом выступил 26 марта и пошел вслед за Полозовым, маршрут которого пролегал через деревни восставших башкир. Причем Полозов действовал не только в окрестностях Чебаркульской крепости, но и в самих Уральских горах по рекам Большая и Малая Сатка, куда 29 марта 1740 года подошла и главная команда во главе с Павлуцким. «Он же подполковник, идучи к капитану на сикурс легкой партией чинил над ворами поиски,— говорится в полковых рапортах от 28, 29 и 30 марта,— четыре деревни выжег, побили воров 12, в полон мужского и женского полу взяли 21 человека. Прибыв, он подполковник на реку Сатку в воровскую Азнабаеву деревню, и оттуда послан-

ными партиями побили воров 34 человека, в полон взяли 35 человек. Командировал он подполковник две партии: первую с капитаном Томиловым вниз по реке Сатке, на кроющихся в горах воров, другую с верными старшинами Козяшем и Кузямышем и прочими верных башкирцев 650 человек по Булану и Ерезаню речкам, а он Павлуцкий пошел вниз по Саткам же и на Ай, а обоз оставлен... в деревне воровской Улюмякуловой с капитаном Седаковым в 420 человек» [7, л. 229].

Его действия, как и весь «зимний поход», в особенности на первых порах, носили ярко выраженный карательный характер. В этом походе Павлуцкий и его подчиненные, выполняя приказы генералитета, уже не вступали ни в какие переговоры. Они методично жгли деревни восставших башкир, захватывали их фураж, лошадей, домашний скот, стреляли и рубили башкирских воинов, нарушивших присягу, и брали в плен членов их семей, включая женщин и детей, которых под конвоем отправляли к Чебаркульской крепости. Захваченных лошадей и домашний скот раздавали верным башкирам и мещерякам, если они в этом захвате принимали участие, с таким расчетом, чтобы «к службе более ревность имели и с верностью поступали» [7, л. 230 об.].

Расчет на верных старшин в опережении действия российских военных команд, сделанный полковником Арсеньевым и подполковником Бахметьевым, оказался верным. Помимо того что башкирские воины и мещеряки, входившие в их команды, не выступали на стороне восставших, они еще и оказали действительную помощь в захвате главных организаторов восстания. Так, посланная на реку Ай партия верных башкир во главе с Козяшем Расмангуловым (?) и Юсупом Карабашевым сумела захватить одного из предводителей нового невиданного башкирского восстания 1740 года. В полковом рапорте от 27 марта того года говорится, что вышеуказанные старшины объявили Павлуцкому о захвате «главного вора и начителя бунта» Аласкянгула¹¹ [7, л. 228 об.]. В аналогичном же рапорте от 7 апреля 1740 года содержится сообщение о том, что пять вер-

ных башкирских старшин, включая Козяша и Кузямышу, указали подполковнику Павлуцкому точное местоположение новоявленного хана Гирея (Карасакала) и его отряда. Сами старшины с их командами не то что взять в плен хана Гирея — надежно блокировать его отряд не смогли. В силу того что текст этого рапорта носит принципиальный характер и раскрывает степень боевой готовности враждующих сторон, включая отряд и окружение хана Гирея, имеет смысл ознакомиться с ним поподробнее.

Поход Павлуцкого

«Писали к нему Павлуцкому посланные от него в партию верные башкирские старшины Зар(л)мангул, Козяш, Кузямыш, Янсан (?) и... (?) тархан с товарищи, что они главного воров возмутителя называющего ханом Султан Гирей (он же и Карасакал), да Мандара с сыном Мажлюмом(?) и их союзников з женами и з детьми атаковали на Нагайской дороге в Катайской волости в деревне Козяшевой и просят, чтоб им в помощь прислать драгун. Понеже они... за малостью у себя огненного ружья, взять тех... воров не могут. Воры между гор для защиты себя сделали крепостцу из досок стоялых... и з двух сторон обошла вода, и они верные хотели при той атаке сикурсу дожидаться и не отступать. Онои Павлуцкой по тому известию сколь возможно с поспешением следовал к ним на сикурс сам, а на перед себя писал к ним, что он на сикурс следует, и они б воров не отпускали. Токмо того ж 7 числа повстречались с ним подполковником близь башкирской деревни Мажитовой, из тех верных старшин Янсан, Кузямыш и Анкуля (?) и прочие, которые держа воров в атаке и чинили с ними бои отступили с командами своими прочь, а Козяш де пошел другой дорогой в свои волости, и потому те старшины Янсан с товарищи объявили, что был у них с ворами великой бои по четыре дни, причем ворами в командах их ранено человек с 30, да убито 2 человека. При той атаке было их верных башкирцев команды пяти старшин с 800 человек, а воров в атаке... с 400, и к ним де в собрание воровское еще сообщались и приставали Нагайской дороги Тарянской (?) и Катайской волостей башкирцы. У воров... де имеетца довольно огненного ружья, а у верных почти у всех только сайдаки и копыя и за тем взять их воров не могли. У верных же иноверцев и у драгун лошади весьма уж выбились, а кормов не имеетца, а из верных

11

Единственно, что вызывает сомнение при прочтении рапорта, — это имя и фамилия пленного. Имя читается как «Аласкянгула», а фамилия вообще не поддается однозначному прочтению. Тем не менее имя Аласкянгул(а) созвучно имени Алазиангулы Кутлугузина, который действительно являлся одним из организаторов башкирского восстания 1740 года.

башкирцев с ранеными и за худобой лошадей пошли многие в дома на разные тракты, а остались при нем Павлуцким башкирцев и мещеряков из степи, которые с ним шли с 400 человек.

(8 апреля 1740 г.) Пошел он Павлуцкий на Ногайскую дорогу в Кубеляцкую волость по речке Мендяку, а на перед послал верных башкирцев и мещеряков для разведывания о ворах, где они имеются. В то время при нем подполковнике имелось на лицо регулярных с 500 человек, ис коих командировал он Павлуцкий... в ближние крепости Верхнеяицкую и Уклы Карагайскую для провозу на лошадей овса, сена. Из тех же крепостей требовал потребное число солдат, також пороху и свинцу, а посланному в Чебаркульскую крепость с пленными капитану Седакову определил, взяв команды з 200 человек и пушку легкую (коя от него Павлуцкого тут была оставлена) и пороху, и свинцу, следовать к нему подполковнику.

(8 апреля 1740 г.) В вечеру уведомил ево подполковника верный старшина Баир тархан, что главные воры с сообщниками своими живут еще в прежнем месте, где атакованы были...

Уведомился он Павлуцкий, что... бунтовщик и возмутитель Карасакал и башкирские воровские старшины... по отступлении от них верных башкирцев из деревни Козяшевой... до прибытия ево... дни за три вышли совсем и пошли по Белой реке вниз в горы. За которыми он с командою следовал денно и ночью со всевозможным... поспешением, и тех воров... догнать не мог, ибо путь стал вешней и весьма труден, и в горах реки частые водой наполнились, что переправлялись с трудом немалым, где перемочено драгунами ружей и патронов немалое число. А 10 числа апреля в вечеру, пришед к реке Яик (при ней воры несколько дней стояли) и при переправе чрез оную несколько гренадер и драгун едва не потонуло, и всей команде чрез ту реку переправиться и за ворами идти никак было не невозможно. Понеже и выше явленные гренадеры, и драгуны, кои были за рекой с ним подполковником, возвратились обратно... в крайней нужде. А на завтра 11 числа она вода весьма разлилась широко и глубоко, и по общему ево со штаб-обер-офицерами согласия определил за оной неспособностью. К тому ж за неимением у драгун и других чинов провианта и за великою худобой и за присталью многих казенных драгунских и у нерегулярных лошадей, и за несыском на корм их фуража, понеж на них не токмо воров дог-

нать, но и до крепостей дошли с великим трудом. К тому ж и от... посланной от команды партии, известия он в то время не получил, и для того возвратился к крепостям Уклы Карагайской (14 апреля) и Чебаркульской (20 апреля 1740 г.) для взятия провианта и отдохновения лошадей.

По ордеру, присланному от полковника... Арсеньева помянутой подполковник Павлуцкий, бывшую с ним в зимней первой партии команду расположил для отдохновения и ради опрвления в корму лошадей (понеже оные от бескормицы и от глубоких снегов весьма выбились) по крепостям, а верных иноверцев отпустил от Чебаркульской крепости в дома для перемены другими. А сам для обстоятельного от партий репортования и для лучшего со оным полковником и подполковником Бахметьевым... общего совету прибыл с малою частью гренадеров и со всем полоном в Теченскую слободу мая 5 дня» [7, л. 231–233 об.].

Летний поход правительственных отрядов вглубь Башкирии в 1740 году

В силу того что основные военные события мая — июля 1740 года вновь разворачивались в степях Южного Зауралья и отрогах Урал-тау, главная роль в предотвращении разрастания нового башкирского восстания была отведена наиболее боеспособным воинским соединениям, во главе которых был поставлен подполковник Павлуцкий.

Местом сбора командированных партий для летнего похода 1740 года на этот раз стала Верхнеяицкая крепость, где заблаговременно были сделаны значительные запасы продовольствия, фуража, боеприпасов. Сюда 22 мая из Теченской слободы и пришел первым отряд драгун и казаков подполковника Павлуцкого численностью 830 человек. В тот же день к Верхнеяицкой крепости подошли команды подполковника князя Путятина из Красноуфимска, секунд-майора Языкова из Уфы, переводчика Уразлина из Мензелинска — всего 1607 человек. Таким образом, общее количество участников похода было доведено до 2437 человек, что по штату 1730-х годов равнялось двум полноценным драгунским полкам. С той лишь разницей, что под выполнение специальных военных и карательных операций в сводную команду Павлуцкого, помимо драгун и казаков, были включены солдаты-пехотинцы (170 чело-

век) и конный отряд иноверцев (до 150 человек). В течение двух дней после прибытия подполковник Павлуцкий на правах главного командира провел осмотр у прибывшего личного состава лошадей и оружия. В результате им была сформирована подвижная кавалерийская команда в 1252 человека. В их число вошли, помимо прибывших с ним регулярных и нерегулярных военнослужащих, вышеупомянутый отряд иноверцев и 300 человек из команды князя Путятина.

Летний поход «для поиска и искоренения вора Карасакала» начался 24 мая 1740 года переправой основных сил на правый берег Яика. После чего Павлуцкий, оставив под началом князя Путятина часть конницы, пехоту и артиллерию, с подвижной кавалерийской командой ускоренным маршем пошел к Чебаркульской крепости. При нем из артиллерии были только две пушки и две мортиры. Команда Павлуцкого, переправившись через реку Кизил и другие каменистые речки, шла без больших привалов весь день 24 и всю ночь на 25 мая. Такая поспешность была связана с полученным известием от верного старшины Баима-тархана. Дело в том, что хан Гирей, уйдя от погони Павлуцкого у Яика в начале апреля 1740 года, перехитрив всех, вновь кочевал со своим ближайшим окружением около озера Чебаркуль. Причем не просто кочевал, а разослав своих людей по башкирским волостям, собирал войско теперь уже под своим собственным началом. Забегая немного вперед, надо сказать, что к этому времени на его сторону перешли башкирские воины девяти волостей общей численностью более двух тысяч человек. По документам Миллера, в число восстановивших волостей вошли: Катайская, Та(е)рсятская, Куваканская, Телевская, Кубыляцкая, Айлинская, Каратавлинская (?), Тарнаклинская (?), Каратабынская [7, л. 234 об.]. Причем их число продолжало увеличиваться с каждым днем.

Решающий бой, предопределивший последующий ход событий, состоялся в ночь с 25 на 26 мая 1740 года. «(25 мая). Поймали вора башкирца, который показал, что вор Карасакал и с ним множество воров сообщников кошами стоят при озере Чебаркуле и близь вершин Кизильских,— говорится по этому поводу в документах Миллера,— и он Павлуцкий с командою легкой партией того ж числа за теми ворами следовал, как возможность допустила за скорейшим поспешением. А секунд майору Языкову

в 300 человеках и с артиллерией наскоро приказал за собою идти. И на оных воров, кочующих между гор по разным местам немалым собранием, больше тысячи дворов нашли часа за два ночи. Тремя эскадронами и с теченскими и уфимскими казаками и верными башкирцами и мещеряками без пушек, прошед по правому берегу озера Чебаркуля, и побили мужского и женского полу с 400, в полон взяли девять человек. И вору по вступлению его Павлуцкого в крайние коши, не допустили их до дальних своих кошей (которые так же, и табуны лошадей отпущая вперед в горы к Яику и другому Нижнему Кизилу), собравшись, например с 800 человек учинили с ними сильное сражение. При котором бою побито их воров немалое число, о чем показано выше, и он не прерывался далее полуночи. И их воров на тот бой более умножилось, чего ради принужден он подполковник в ночи обождать секунд майора Языкова, дабы вору какого вреда ему не учинили, которые и соединились в полночь. И по соединении, не только еще сражение имели, но по ворах из пушек и из мортир палили и их воров отбили и прогнали вдаль в горы. С нашу сторону ранено регулярных и нерегулярных 16, побито 3 человека. Верных иноверцев побито 5, ранено 11 человек. Лошадей казенных побито 5, ранено 11, да отбито при бою из под драгун 2 лошади. А идти за теми ворами вдаль за ночным временем до свету было не можно. К тому ж той ночью побитых похоронили, и для 8 раненых носилки делали» [7, л. 234–234 об.].

После этого боя расположение воюющих сторон вновь изменилось. Восставшие башкирские воины со своими кошами (семьями, кибитками, скотом), убедившись, что их место сбора у озера Чебаркуль раскрыто, начали скрытное движение на Яик с целью соединения с ханом Гиреем. Сам же Гирей со своим ближайшим окружением, заблаговременно уйдя от боестолкновения с отрядом Павлуцкого, ушел от озера Чебаркуль на Яик налегке, тем самым обеспечив себе и свободу маневра, и уход от погони.

Подполковник Павлуцкий, получив вышеуказанные сведения от пленного башкирского воина, вынужден был их проверять, теряя тем самым драгоценное время. Но иначе он поступить не мог. Дело в том, что хан Гирей и боеспособные башкирские отряды могли вновь уйти не на Яик, а в Уральские горы. Только после подтверждения сведений, что «воры идут в степь (в сообщество к вору Карасакалу...

к Яику) разными трактами для укрывательства от партей впереди расстоянием в одном дне», отряд Павлуцкого вновь пустился в погоню за ханом Гиреем.

«И перешед другой Кызыл реку,— говорится по этому поводу в документах Миллера,— следовал он Павлуцкой по праву сторону вниз близ гор.

(25 мая 1740г.) От озера Чебаркуля следовал он Павлуцкой за воров Карасакалом и ево сообщники з скорейшим поспешением денно и ночью, и собрание воровское догнал мая 28 по утру на переправе реке Яику. Чрез коя и тот вор, и с ним, например, тысячи с полторы кибиток до прибытия его за день и в ночь на 28 число переправились. Токмо застали на нашей стороне кои еще не переправились, воров мужского и женского полу с 150 человек, которых и побили, да человек з 20 взяли в полон. Многие тут воры при сражении в реке Яике потонули, прочие ж воры, переправясь немалым собранием из-за реки коя известно широка, и с утра до полуночи держали против нашей партии бои... Токмо тех воров осилили и прогнали обратно за Яик... А лошади их... и верблюдов и скота довольно число, которых воры... за Яик переправить не успели, оных отбили. С нашу сторону при бою побито драгун один, ранено два, лошадей казенных ранено две» [7, л. 235].

После этого боя отряд Павлуцкого, переправившись на левый берег Яика, продолжил преследование хана Гирея. Но тот шел очень быстро, каждый раз уходя от погони. В этом ему оказывали неоценимую помощь башкирские отряды численностью до 150–200 человек, которые с завидным постоянством навязывали Павлуцкому арьергардные бои при переправах через крупные водные преграды, такие как Яик или Тобол. Именно поэтому, когда отряд Павлуцкого подошел к Тоболу, хана Гирея на левом берегу он не застал. Тот переправился за сутки до его прихода. Именно столько времени потеряли драгуны и казаки подполковника Павлуцкого при переправе через Яик. «Придя, он, подполковник на реку Тобол, оного вора Карасакала с его воровским собранием не застали,— говорится по этому поводу в документах Миллера,— ибо он переправился до прибытия ево, по показаниям пойманных воров и по тракту видно за сутки. И оттуда... Павлуцкий в вечер командировал легкую партию с капитаном Кублицким 100 человек» [7, л. 236 об.]. Но, как говорится, к этому времени хана Гирея

и след простыл. Ушел и в этот раз Карасакал от Павлуцкого, причем перебрался на сопредельную территорию киргиз-кайсаков, где ловить новоявленного хана Башкирии было невозможно. Совершенно верно поступил тогда подполковник, что, прекратив преследование и разделив отряд на две партии, разными маршрутами вернулся к Верхнеяицкой крепости. Где полковник Арсеньев, прибыв с резервным отрядом драгун 16 июня 1740 года, готовил заключительный этап военно-карательной операции.

На военном совете, состоявшемся в Верхнеяицкой крепости в период с 16 по 18 июня, совместно с подполковником князем Путятиным был принят план последующих военных действий. Согласно этому плану 19 июня 1740 года полковник Арсеньев отправил в Уральские горы две военно-карательные партии под командованием князя Путятина и секунд-майора Языкова общей численностью 1736 человек. В это число вошли 691 регулярный, 268 нерегулярных военнослужащих, прибывших из Уфы и Красноуфимска, и 777 воинов из верных иноверцев. Им предписывалось: «...следовать в горы Уральские по правую сторону к реке (неразборчиво — Нязе, Уфе?) на Ногайскую дорогу в Катайскую и Тюрлинскую (?) волости...» [7, л. 238 об.]. Третья же карательная партия численностью 1152 человека (742 регулярных, 60 нерегулярных, 350 верных иноверцев) под командованием подполковника Павлуцкого была отправлена 22 июня 1740 года в Уральские горы. Ей предписывалось действовать «по левую сторону через Тамьянскую волость и Белую реку к рекам Уфе, Нязе, Юрезене (?) и по другим местам в помянутые волости и в Куваканскую и Айлинскую» [Там же]. Это, как оказалось в дальнейшем, был наиболее трудный маршрут, пролежавший по гористой, чрезвычайно каменистой и болотистой местности, общей протяженностью до 700 верст. Причем следует особо отметить, что все карательные партии шли в Урал в разгар лета, когда от гнуса, комаров и других кровососущих насекомых ни людям, ни домашним животным не было спасения, по самой крайней необходимости. Но из-за того что значительная часть башкирского населения мятежных волостей, несмотря на неурочное время (в мирных условиях все башкиры в этот период кочевали в яйцких степях), укрылась в Уральских горах именно с той надеждой, что их не достанут ни драгуны, ни казаки, они, драгуны и казаки, туда и пошли.

Перед началом карательных действий старшинам мятежных волостей были разосланы от имени генералитета правительственные указы следующего содержания: «...если они явятца к российским командам, то вины их прощены будут, если же того не учинят, то до сущаго младенца огнем и мечем, погублены быть имеют...» [7, л. 240].

В силу того что в первые две недели карательной операции к командам никто из восставших волостей не вышел, действия вышеуказанных партий в означенный период были наиболее жестокими. Порой за день тот или иной отряд драгун, казаков или верных иноверцев убивал от 150 до 200 человек из числа мятежников, причем совершенно не считаясь с тем, кто был перед ними — мужчина или женщина. К примеру, в рапорте от 5 июля 1740 года говорится: «Командой капитана Кублицкого в горах Уральских побито воров башкирцов мужского и женского полу с 150, да в полон взято 20 человек»; в рапорте от 6 июля 1740 года: «Командою подполковника князя Путятина, секунд майором Языковым в горах Уральских побито воров с 200 человек, да несколько в полон взяли. При бою с ворами убит гренадер один, ранено драгун четыре, верных иноверцев два человека» [7, л. 239 об.]. В полковом рапорте от 7 июля говорится по этому поводу: «Всего особыми партиями, посылаемыми в 1740 г. с подполковником Павлуцким воров башкирцов мужского и женского полу сообщников возмутителя вора Карасакала, кроме других партий, побито 1309, в полон взято 907, итого: 2216 человек. Деревень пожгли воровских в первой и третьей партиях больше 100. Да сверх того в тех двух партиях из команды Павлуцкого... верными (иноверцами) пожжено воровских деревень не малое число, токмо, сколько подлинно того считать было не можно» [7, л. 242].

Люди умирали насильственной смертью с катастрофической быстротой, и командиры мятежных башкирских волостей не могли этого не видеть. Необходимо было принимать кардинальное решение и выходить к карательным командам с повинной, что, собственно говоря, и было сделано в первой половине июля 1740 года. «Первого и второго чисел июля явились к нему подполковнику от воровского собрания с повинною Е. И. В. мужского и женского полу 1098 человек,— говорится в полковом рапорте от 3 июля 1740 года,— кои все и со скотом их приведены... к Верхнеяицкой крепости» [7, л. 241 об.].

С 12 по 16 июля 1740 года как к полковнику Арсеньеву, стоявшему с отрядом у Верхнеяицкой крепости, так и к подполковнику Павлуцкому, бывшему в горах, вышло с повинной 5328 человек (1372 мужчины, 1262 малолетних (младше 15 лет), 2694 женщины). Причем первоначально все пришедшие с повинной были разоружены и собраны вместе с их семьями и скотом у Верхнеяицкой крепости. В документах Миллера это событие нашло отражение в рапорте Сибирского полка от 12 июля 1740 года: «По учиненному общему определению полковников Арсеньева и Пальчикова, подполковника Павлуцкого и прочих штаб офицеров взято из выше писанных пришедших с повинною воров знатных людей под видом аманатов со всех (?) волостей человек с 50 и отданы под крепкий караул. А прочия все з женами и з детьми и со скотом отправлены от Верхояицкой [крепости] с показанным полковником господином Пальчиковым коей прислан был к Верхояицкой [крепости] того ж июля 11 дня от господина генерал-лейтенанта князя Урусова с ландмилицкими драгуны и с яицкими нерегулярными в 800 человек в помощь было к Сибирской команде, точию еще до прибытия ево Пальчикова, воры были уже разорены, в Оренбург к его сиятельству... господину генерал-лейтенанту князю Урусову, окружа их командой, дабы разбежатца не могли. С ним же Пальчиковым отправлены под особливым караулом и означенные главные воры, кои были взяты якобы в аманаты. А в прибавок ево Пальчикова настоящей команды, послано от полковника Арсеньева яицких казаков, кои взяты были из команды капитана Тарбеева, стоящего с ними при озере втором Чебаркуле, для легких разъездов, сто человек, да верных иноверцев со старшинами 210 человек. А ружье у оных посланных воров, кои с повинной явились, все отобрано» [7, л. 242 об.— 243].

Все вышесказанное подтверждает и П. И. Рычков в своей «Истории Оренбургской», причем с добавлением подробностей не только следствия над зачинщиками башкирского восстания 1735–1740 годов, но и их казни. По свидетельству П. И. Рычкова, всех сдавшихся на милость российской государыни (за исключением престарелых) привели к Оренбургу и поставили лагерем в десяти верстах от него, где и продержали до 25 августа 1740 года¹², пока шло следствие.

12

Точной даты организации лагеря для сдавшихся башкирских воинов с их семьями Рычков не называет.

«Производилось следствие... чтоб уведать кто и каким образом к бунту... причастен был,— говорится в “Истории Оренбургской”,— но... розысками о том никоими образами допытаться было невозможно, того ради... собраны были сперва в верности пребывавшие старшины, а именно — главный Сибирской дороги Каратабынской волости Таймас тархан Арык Исенбаев и Ланской (?) волости Кусямыш Беккутжин Асы Карабаев, Бекетинской (?) волости Янгильда Сюнигулов, Ногайской дороги Кубеляцкой волости Баим тархан Кадреев... да мещеряжской волости Ермак Исетлеев. От коих от их присяжной... должности требовано известие, кто из того собрания главные воры и их последователи; почему они о многих объявили. А потом призваны были, взятые... в аманаты Юнус тархан с товарищи и таким же образом были спрашиваны... Почему они также о многих показали и во многом с показанием верных старшин согласно объявили. И тако следствие... началось, и потому 18 августа... был консилиум и о казни действительных воров учинилось определение... И тако по... определению 25 августа объявленным ворами башкирцам, в расстоянии от Оренбурга в 6 верстах на одной горе за Яиком (башкирской стороны при собрании много числа народа и всех верных башкирцев и мещеряков) учинено экзекуция, а именно: по прочтении указу о винах их, главные злодеи и сообщники... Карасакала — Кантул Максимов, Юнус Исмаилов, Джангул Усекеев, Карабаш Утеянов, Якуп Косишев посажены... на кол; оным же подобные 11 человек, в том числе семь есаулов... Карасакала, повешены за ребра; 85 человек повешены; 21 человеку отсечены головы и воткнуты на колья, в том числе и у самого главнейшего возмутителя башкирского Аландзиангула, который Карасакала вымыслил, голова отсечена у мертвого. Ибо он, будучи под караулом и везен в Оренбург, сам себя умертвил тем, что не пил и не ел более 10 дней. А прочим оставшимся злодеям экзекуция была 17 сентября по прибытии его генерал-лейтенанта в Сакмарск. 120 человекам отсечены головы; 50 человек повешено; 301 человек штрафованы отрезанием носов и ушей» [9, с. 49–50]. После этой казни оставшиеся разрозненные отряды башкирских воинов вынуждены были прекратить боевые действия. Кто-то сумел скрыться в Уральских горах, кто-то бежал в степь. К осени 1740 года все было кончено.

Последняя запись о поисках отдельных семей башкир, скрывавшихся в Уральских горах, в документах Миллера датируется 16 сентября 1740 года. О том, что это были небольшие разрозненные и деморализованные группы башкир, свидетельствует тот факт, что на их поиски отправлялись, к примеру, из Верхнеяицкой крепости карательные партии численностью 36 человек [7, л. 243 об.]. В то время как в 1737 году отряд драгун и казаков численностью более 300 человек, отправленный в погоню за башкирскими воинами в Уральские горы, дальше 40 верст от Чебаркульской крепости не уходил. Другими словами, документы Миллера, в большинстве своем представляющие собой рапорты карательных партий, однозначно свидетельствуют об окончательном прекращении башкирского восстания 1740 года. Тем не менее события, произошедшие на Южном Урале в 1740 году, стоят особняком. До сих пор, невзирая, казалось бы, на имеющиеся документы, остается непонятной подлинная причина восстания Карасакала. Кроме того, в уральской историографии нет достоверных сведений о самом хане Гирее. Откуда он пришел? Кто вооружил огнестрельным оружием его отряд? И куда, в конце концов, он сам подевался? Тот же очевидец вышеуказанных событий П. И. Рычков в своей «Истории Оренбургской», образно выражаясь, только разводит руками!

В результате летней военной кампании 1740 года мятежные башкирские волости были полностью опустошены и выжжены, а наиболее активная и независимая часть населения истреблена либо выслана из Башкирии вглубь России или на берега Балтики.

Когда в октябре 1741 года на пост вице-губернатора Уфимской провинции заступил П. Д. Аксаков, он был поражен масштабом нанесенного ущерба. Пользуясь данными ему полномочиями, Аксаков провел расследование наиболее громких и шумевших дел, пытаясь придать им сугубо уголовный характер. Но работавшая с 1745 по 1748 год следственная комиссия по башкирским делам пришла к выводу, что необходимое расследование на местах может вызвать волнение башкир, и признала требования Аксакова неосновательными. Деятельность Аксакова вызвала непонимание и открытое противостояние Л. Я. Соймонова и И. И. Неплюева. По выражению Р. Г. Игнатьева, начался новый в своем роде башкирский бунт, но только вместо пуль и стрел полетели просьбы, доно-

сы и жалобы [4, с. 3–64]. Конечным итогом этой бумажной перепалки стала победа точки зрения Соймонова и Неплюева на башкирскую проблему, которая заключалась в осуществлении жесткой прокириловской политики по отношению к башкирскому населению, но с решением земельного вопроса в пользу башкир. За башкирским населением было сохранено вотчинное право владения землей. На совещании, состоявшемся в Бердске в 1742 году, было выработано совместное определение, известное как «Определение Неплюева — Аксакова 1742 года», ставшее на продолжительное время основополагающим документом в регламентации земельных отводов на территории Башкирии.

Подводя общий итог башкирскому восстанию 1735–1740 годов, следует особо отметить, что его значение в истории Южного Урала трудно переоценить. Правительство Анны Иоанновны, признав вотчинные права башкир на землю, пошло на принятие таких законов в горном деле, на которые не решался и главный реформатор России — Петр Великий! В данном случае речь идет о Берг-регламенте 1739 года и связанных с ним подзаконных актах, провозгласивших отказ от строительства казенных металлургических заводов в Башкирии.

Следует особо подчеркнуть, что правительство императрицы Елизаветы Петровны, взошедшей на российский престол в 1741 году, подтвердив соответствующими указами основополагающие принципы горной свободы, также отказалось от строительства казенных заводов на Южном Урале. Подтвердив тем самым преимущество промышленной политики, проводимой в России в период так называемых дворцовых переворотов XVIII века. На данный факт в отечественной историографии по разным причинам мало кто обращал и обращает внимание, тогда как в действительности промышленная политика периода дворцовых переворотов заслуживает куда большего внимания, чем ей уделялось до сих пор.

Список источников и литературы

1. Буканова Р. Г. Города-крепости юго-востока России в XVIII в. Уфа, 1997.
2. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 626а.
3. Дегтярев И. В. Челябинская старина. Челябинск, 1996. С. 10.
4. Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. М.; Л., 1936.
5. Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 3. М.; Л., 1949.
6. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830.
7. РГАДА. Ф. 189. Д. 481.
8. РГАДА. Ф. 192. Картографический отдел библиотеки МГА-МИД, Оренбургская губерния. Д. 5. (план).
9. Рычков П. И. История Оренбургская по учреждению Оренбургской губернии. Оренбург, 1896.

Облачные тени.
Башкортостан.
Фото: С. Арканов

История Южного Урала

7
Том
Глава
3

ГОРНАЯ
СВОБОДА
(1744–1776)

Глава 3. ГОРНАЯ СВОБОДА (1744–1776)

Строительство пограничных линий и начало формирования иррегулярного войска. Образование Оренбургской губернии

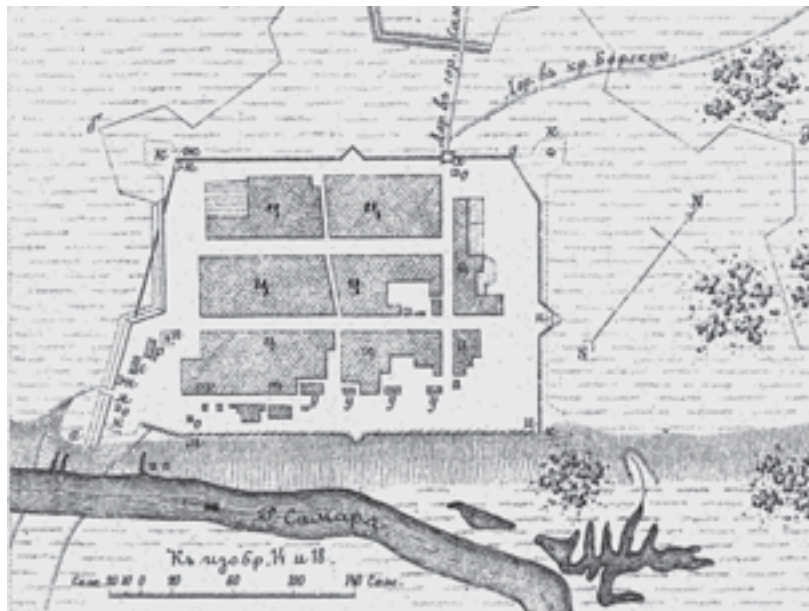
При непредвзятом прочтении Указа от 11 февраля 1736 года становится понятно, что все действия начальника Известной Оренбургской экспедиции 1734 года Ивана Кирилова были направлены на неукоснительное выполнение его предписаний. Да иначе и быть не могло, так как все пункты вышеназванного проекта указа были составлены самим Кириловым совместно с начальником Башкирской комиссии Румянцевым, причем в условиях начавшегося башкирского восстания. В силу того что в планы руководителей двух ведомств тогда не входило строительство крепостей и редутов по всей границе башкирских кочевий, а только «для свободного к Оренбургу проезда караванов и обозов», то в указе от 11 февраля 1736 года этот пункт не нашел отражения. Поэтому в бытность Кирилова на посту начальника Оренбургской экспедиции, крепости были построены лишь внутри Башкирии и по дорогам: 1) от Самары до Оренбургской крепости в устье реки Ори (1735); 2) в Южном Зауралье — от Теченской слободы до Верхнеяицкой крепости (пристани).

«Генеральная карта линий: Оренбургской, Самарской, Уйской, Закамской, дистанции Сакмарской и пограничных укрепленных пунктов в Пермской и Оренбургской губерниях» [Ласковский Ф.

«Карты, планы и чертежи к III части материалов для истории инженерного искусства в России». Альбом, лист 9, изображение 1. СПб. 1866]

К внутрибашкирским оборонительным сооружениям следует отнести Табынскую, Елдяцкую и Нагайбакскую крепости. Все они появились в 1736 году. В закладке Табынской крепости принимал участие сам Кирилов.

Из-за того что дорога из Самары в Оренбург шла сначала по правому берегу реки Самары, затем по левому, две крепости — Красносамарская и Бор-

План Красносамарской крепости. 1736 год [Ласковский Ф. «Карты, планы и чертежи к III части материалов для истории

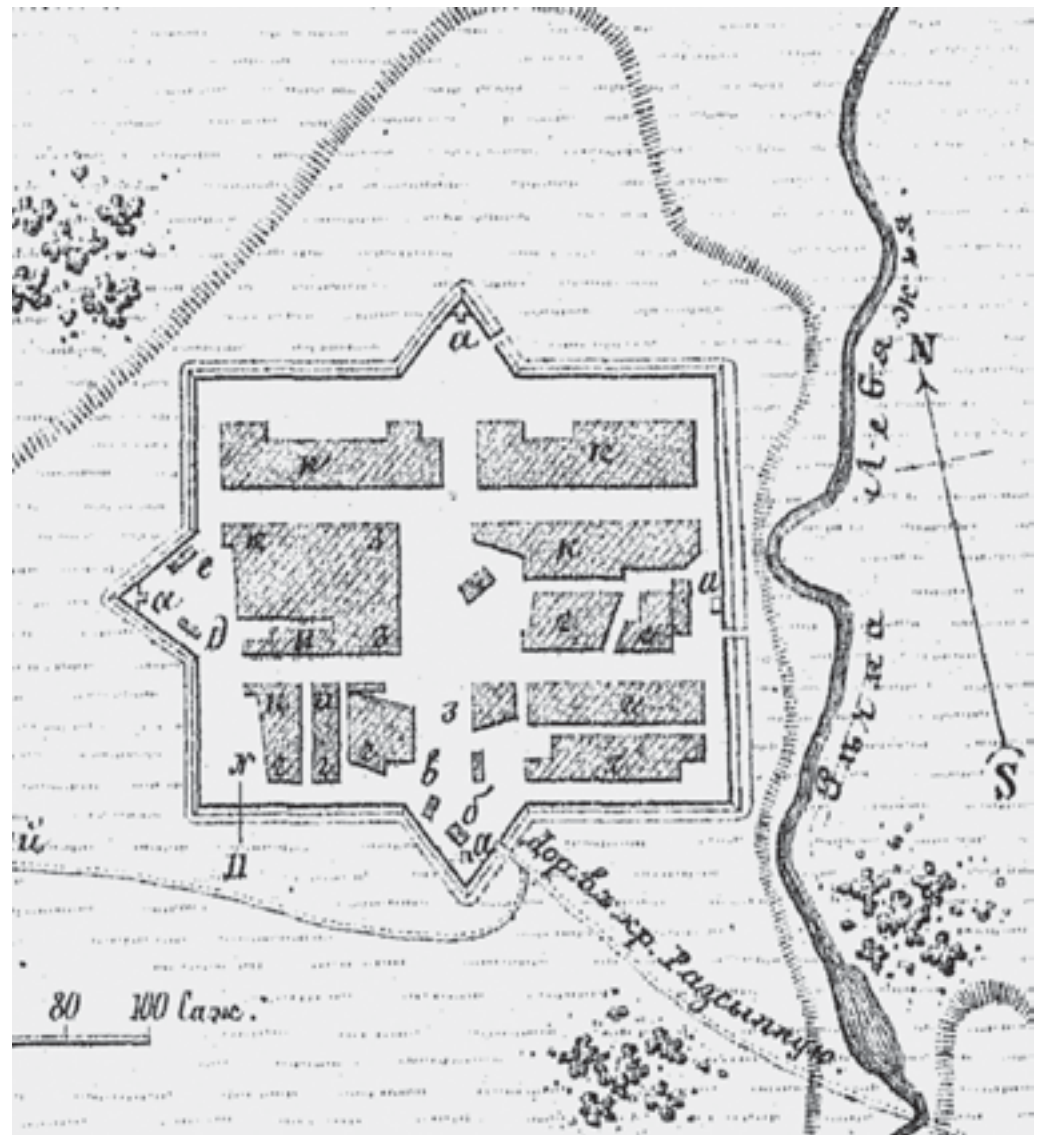
инженерного искусства в России». Альбом, лист 10, изображение 14. СПб. 1866]

ская — были возведены на правом берегу. Год их постройки — 1736-й. Позднее, при Урусове, в 1741 году здесь же заложили Ольшанскую крепость. Остальные крепости — Бузулукская, Тоцкая, Сорочинская — были заложены на левом берегу Самары в 1736 году. Их строительством руководил заместитель Кирилова подполковник Петр Степанович Бахметев. В том же году, во время второго похода Кирилова к Оренбургу, по его приказу были основаны Озерная и Губерлинская крепости. Новосергиевская крепость, расположенная на левобережье Самары, но выше Сорочинской по течению, возможно, появилась уже в 1738 году.

Заселение вновь построенных городков по Самаре и Яику происходило в соответствии с положением, прописанном в пункте 20 Указа от 11 февраля

1736 года: «Для поселения при Оренбурге и в других городах легких войск принять Вам охотников из яицких казаков до 500 человек, да из сибирских ближних городов казачьих и дворянских детей не верстанных, и не положенных в подушный оклад до 1000, и из уфимских служилых мещеряков и при поселении дать им на строение домов денежного жалованья против волжских казаков; а впредь для их содержания под селение и под пашню отвести земли против того, как давано уфимским дворянам и казакам, только оных мещеряков во всех местах селить между русскими» [13, т. 9, № 6890]. Подтверждение вышесказанному есть у П. И. Рычкова. «По прибытии Кирилова в Сакмарский казачий городок, — говорится в его «Истории Оренбургской», — отправил он в Оренбург на смену... под-

План Новосергиевской крепости. 1738 год [Ласковский Ф. «Карты, планы и чертежи к III части материалов для истории инженерного искусства в России». Альбом, лист 10, изображение 15. СПб. 1866]

полковника Чемодурова премьер-майора Останкова, которому велено подле Яика при урочище Озерном станицу явившимся из яицких казаков охотников, поселить... которая 24 июля им, и основана» [17, с. 26]. Упоминания яицких казаков и иноверцев, проживавших в городках по Яику и Сакмаре, встречаются у Рычкова и в «Топографии оренбургской» [18, с. 293]. Вообще необходимо отметить, что в кириловский период активно привлекались к строительству и заселению крепостей по дороге от Самары к Оренбургу яицкие и уфимские казаки, крещеные и некрещеные иноверцы, как и было прописано в правительственных документах тех лет. Ландмилицкие драгунские полки, поселенные на Ново-Закамской линии, вплоть до 1739 года не приводились в движение.

Как отмечалось ранее, строительство зауральских крепостей по Оренбургской дороге между Теченской слободой и верховьем Яика осуществлялось под руководством В. Н. Татищева, когда он с 1734 по начало 1737 года возглавлял Канцелярию главного правления сибирских и казанских заводов. Кирилов отдал приказ только на строительство первой Верхнеяицкой крепости, сожженной башкирами в начале 1736 года. Заселение же Чебаркульской, Миасской, Челябинской, Еткульской крепостей происходило в соответствии с пунктами 20 и 23 Указа от 11 февраля 1736 года. Указом разрешалось помимо гарнизона, состоявшего из солдат, драгун и сибирских казачьих и дворянских детей, селить при крепостях до 1000 сибирских крестьян, предварительно записав их в каза-

ки. Что собственно и было сделано в 1736, 1739 и 1740 годах. Как следует из переписных книг Исетской провинциальной канцелярии, запись в казаки проводили армейские офицеры и полковник Тевкелев. Все записавшиеся добровольно выбирали, при какой крепости им поселится. Для более ясного понимания сути и роли, отведенной вновь набранным казакам из крестьян, важно знать первоначальный состав и численность гарнизонов¹ зауральских крепостей. Для наглядности все данные на 1741 год по шести крепостям приведены в таблице 1, данные по семи крепостям за 1742 год — в таблице 2.

«...Да сверх того имеется записавшихся искрестьян и определенных изрекрут казаков годных к службе в Миасской крепости 204, в Эткульской 206, в Челябинской 342, в Чебаркульской 262, итого казаков 1014 человек» [19. С. 163–164]. Казаков из крестьян и рекрут не надо путать с городовыми казаками из русских и татар Сибирской губернии. В таблице 1 они показаны как «служилые русские и татары». Служилые люди (городовые казаки) были призваны в Зауралье во время Башкирского восстания 1735–1740 годов и несли службу наравне с драгунами и солдатами армейских полков. В 1743 году эта категория

¹ Гарнизоны — воинские части, постоянно занимающие укрепление для охраны и обороны его в мирное и военное время. К гарнизонам относятся населенные пункты с воинскими частями и гражданским населением под управлением военных комендантов. Гарнизоны как войска противопоставляются полевым (активным) войскам, предназначенным для маневренной войны.

Состав и численность гарнизонов зауральских крепостей в 1741 году

Таблица 1

Крепость	Состав гарнизона					
	Солдаты Тобольского пехотного полка	Солдаты Енисейского пехотного полка	Служилые русские	Служилые татары	Драгуны Оренбургского драгунского полка	Драгуны Сибирского драгунского полка
Миасская	15	16	52	24	—	—
Еткульская	27	27	29	—	—	—
Челябинская	42	40	51	5	—	—
Чебаркульская	47	38	34	19	—	—
Уклы-Карагайская (64 солдата, но нет названия полка)	—	—	59	70	68	—
Верхнеяицкая	44	34	88	28	—	65

Состав и численность гарнизонов зауральских крепостей в 1742 году

Таблица 2²

Крепость	Год постройки	Начальник строительства	Характер укреплений	Гарнизон регулярных и нерегулярных военных людей, чел.	Перешедших из крестьян в казаки, чел.	Состав Оренбургск. гарнизонного драгунского полка
Миасская, от Теченск. слободы в 50 верстах	1736	«Майор, что ныне полковник, Павлуцкий»	Земляная с фашинником	85	280	1 рота
Еткульская, от Теченск. слободы в 102 верстах	1737	Полковник Арсеньев	Земляная с дерном	85	278	2 роты
Челябинская, от Теченской слободы в 80 верстах	1736	Полковник Тевкелев	Деревянная	85	395	2 роты
Чембаркульская, от Теченской слободы в 164 верстах	1736 (апрель)	Полковник Арсеньев	Деревянная	85	304	2 роты
	1736 (август)	«Майор, что ныне полковник Павлуцкий»	«Около одной деревянной, построена земляная с дерном и фашинником»			
Уйская, от Теченск. слободы в 214 верстах	1742	—	Деревянная	Назначено 100	«Из поселенцев желающие крестьяне являются»	1 рота
Уклы-Карагайская, от Теченской слободы в 279 верстах	1738	Полковник Арсеньев и Татищев	Земляная с дерном и палисадником	150	12	1 рота
Верхнеицкая, от Теченской слободы в 312 верстах	1738	Полковник Арсеньев и Татищев	Земляная с дерном	150		2 роты

2

Таблица составлена по данным документа № 56 «Ведомость о новопостроенных крепостях Исетской провинции» (1742) [19, с. 164].

служилых людей (358 человек) специальным указом была отпущена обратно в ведомство Сибирской губернии. Возможно, какая-то часть сибирских городских казаков осталась при зауральских крепостях.

По данным двух таблиц видно, что в 1742 году казаки, поверстанные из крестьян и рекрутов, были зачислены в состав гарнизона не четырех, а пяти крепостей за счет поселения в Уклы-Карагайской крепости 12 казаков из крестьян. Причем их общая численность возросла за год с 1014 до 1269 человек, и, как покажут дальнейшие события, тенденция увеличения их численности за счет приема новых поселенцев сохранялась до тех пор, пока строились новые пограничные крепости.

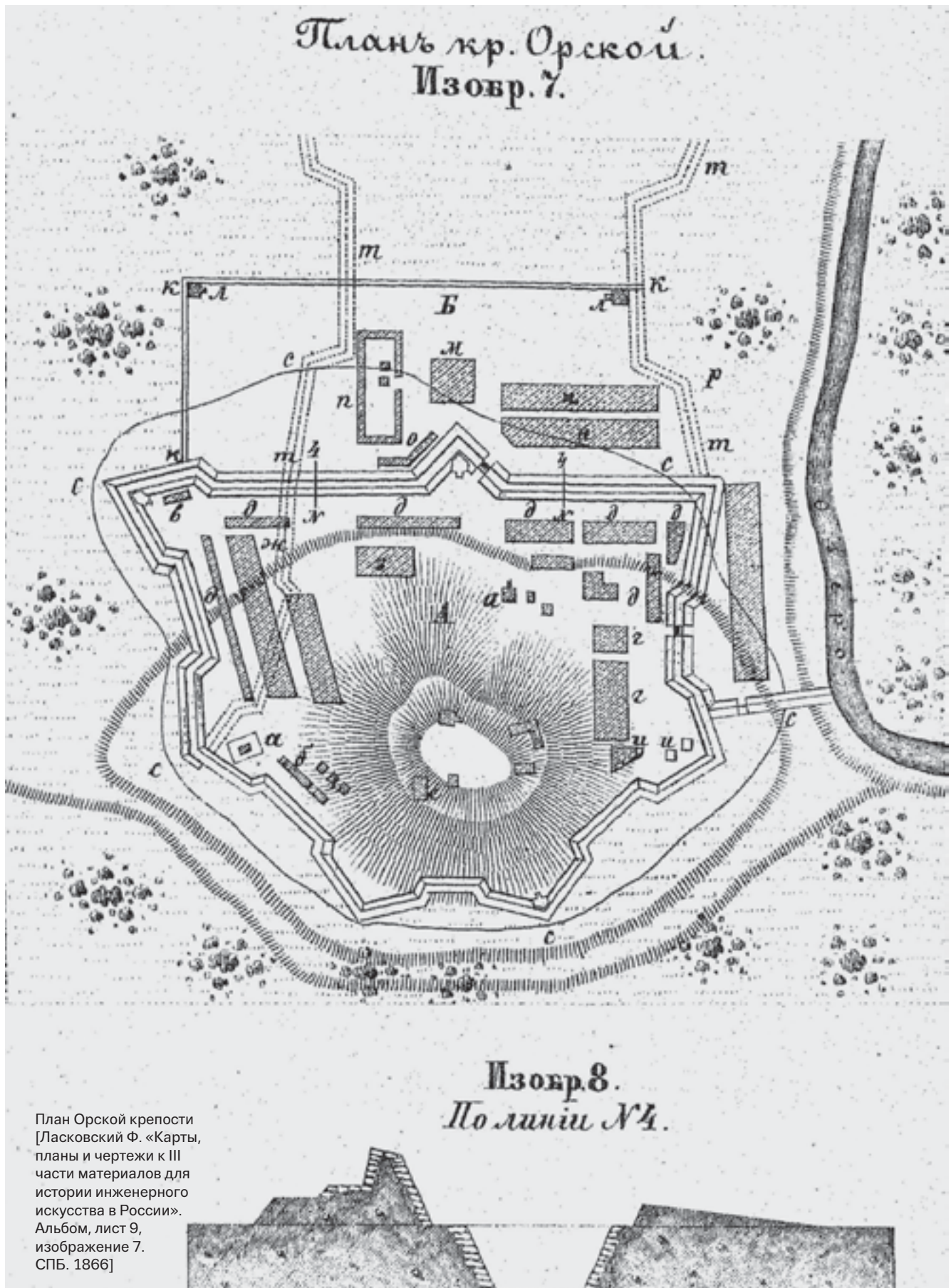
Основная задача казаков из крестьян и рекрутов, первоначально поселенных в Миасскую, Еткульскую, Челябинскую и Чембаркульскую крепости, заключалась в обязательной заготовке сена для драгунских полков и тех конных военных команд, которые следовали по Оренбургской дороге. Вероятнее всего, эта повинность вводилась на период активных военных действий и в случае иных чрезвычайных ситуаций. По крайней мере, по отношению к двум драгунским полкам — Оренбургскому и Уфимскому — в 1748 году она была снята. «А сено на те полки,— говорится в указе от 13 февраля 1748 года,— велеть заготовлять драгунам самим, как... указом от 31 марта 1740 года определено» [13, т. 12, № 9484]. Казаки из крестьян до 1743 года обязаны были также работать на казенной пашне, имевшейся при каждой крепости. После того как ее отменили ука-

зом от 27 апреля 1743 года, каждому казаку было выделено по десять десятин земли под собственную пашню. Эти десятинные наделы раздавались казакам из тех земель, которые отводились зауральским крепостям при их строительстве в период башкирского восстания 1735–1740 годов. Помимо сельскохозяйственных работ казаки участвовали в строительстве крепостей на Уйской пограничной линии, доставляли провиант в отдаленные пограничные крепости, наряжались в пограничные разъезды. Первоначально казаки из крестьян и рекрутов подчинялись непосредственно тем комендантам крепостей, при которых были поселены.

Перевод ландмилицких полков с Ново-Закамской линии в самарские крепости начался при генерал-лейтенанте В. А. Урусове и напрямую был связан с планом В. Н. Татищева по замирению Башкирии. Основные его положения изложены в именном Указе от 20 августа 1739 года, данном Урусову [13, т. 10, № 7876]. Генерал-лейтенанту повелевалось, помимо перевода ландмилицких полков и переноса Оренбурга к Красной горе, построить пограничные крепости по Яику, Ую и Тоболу до Царева городища. Указ содержал также ряд принципиальных положений по проведению переселенческой политики на пограничной линии. Урусову однозначно было предписано селить казаков между драгунскими полками, точно так же, как и Кирилову — селить служилых мещеряков между русскими. «Оренбургский и новообразованный Уфимский драгунские полки... содержать на тех же доходах... — говорится в пункте 14 указа, — а для поселения между оными полками в казаки... выбрать до 2000 человек из сибирских казачьих детей и определить в казаки без жалованья...» [13, т. 10, № 7876]. Указ от 20 августа 1739 года был подтвержден именованным, также данным князю Урусову Указом от 23 января 1740 года, где говорилось: «...о строении Оренбурга на новом месте и крепостей по Яику и Самаре рекам и о поселении во оных крепостях ландмилицких Закамских полков... повелеваем вам учинить по сему нашему указу». Здесь же, в 14 пункте подтверждалось: «О заплате казакам, которые употреблены, будут в городовые работы, по Плакату». А пункт 19 указа производил бухгалтера Оренбургской комиссии Петра Рычкова в «секретаря» [13, т. 11, № 8011]. Другими словами, кабинет министров Анны Иоанновны, заменив В. Н. Татище-

ва на посту начальника Оренбургской комиссии генерал-лейтенантом князем Урусовым, во многом полагался на него, рассчитывая, что все намеченные планы будут выполнены в ближайшее время. Надо сказать, кабинет не ошибся в своих расчетах. Не смотря на восстание Карасакала 1740 года, жестоко подавленное в том же году, князю Урусову удалось действительно начать строительство пограничных крепостей и поселить в них гарнизоны, состоящие из солдат и драгун. И только смерть князя на посту начальника Оренбургской комиссии, последовавшая 22 июля 1741 года, приостановила деятельность его ведомства. П. И. Рычков писал по этому поводу: «...каждое его начинание с... успехом в действо происходило... между которыми совершенное окончание бывших башкирских замешаний ко особливой его чести и хвале приписать надлежит, равно же и начатое им поселение гарнизонных и ландмилицких полков, которое пред его кончиною на фундаментальное поселение в новые крепости были расположены» [17, с. 57]. Назначенный в сентябре 1741 года на его место генерал-лейтенант Л. Я. Соймонов из-за конфликта с уфимским вице-губернатором П. Д. Аксаковым вынужден был задержаться в Мензелинске для ведения следствия, составления отчетов, жалоб и доносов на Аксакова. Поэтому и прибыл Соймонов в комиссию в Самаре только 15 февраля 1742 года. Где, по выражению Рычкова, «занимался комплектованием гарнизонных и ландмилицких полков штаб- и обер-офицерами» [17, с. 60]. И его можно понять, так как к этому времени стало известно, что начальником Оренбургской комиссии назначен тайный советник И. И. Неплюев.

Случайно или нет, но назначение П. Д. Аксакова уфимским вице-губернатором, смерть князя В. А. Урусова, назначение В. Я. Соймонова и попытка Аксакова отдать его под суд из-за расправы над восставшими башкирами пришлись на период междуцарствования, каковым можно назвать время правления Анны Леопольдовны. Со вступлением на престол в результате дворцового переворота Елизаветы Петровны, произошедшего 25 ноября 1741 года, прежний кабинет министров как верховный орган власти утратил свое значение, а Правительствующий сенат не сразу вступил в свои права. В результате прошло еще какое-то время, прежде чем было принято решение о новом начальнике Оренбургской

комиссии. В итоге тайный советник И. И. Неплюев прибыл в Самару, чтобы вступить в свою новую должность, лишь 26 апреля 1742 года.

Попытка уфимского вице-губернатора Аксакова обвинить Л. Я. Соймонова и его подчиненных в совершении уголовных преступлений во время подавления башкирского восстания 1735–1740 годов деморализовала его деятельность на посту командира Оренбургской комиссии. Именно поэтому к приезду Неплюева пограничные крепости на Яике между Орской крепостью³ и Верхнеяицкой пристанью и не были построены. Точно так же, как и крепости на реке Уй. От окончательного паралича в работе Оренбургской комиссии спасло то, что все текущие дела Соймонов передал секретарю П. И. Рычкову.

Тайный советник И. И. Неплюев

Прежде чем продолжить рассказ о событиях, произошедших на Южном Урале в 1740-е годы, важно подчеркнуть, что личность тайного советника Ивана Ивановича Неплюева, уже при жизни ставшего легендой, совершенно неотделима от идеи Петра I сделать Россию передовой и экономически мощной державой. Его деятельность на посту главного командира Оренбургской комиссии, а потом и одноименной губернии в 1742–1758 годах невозможно переоценить. В сущности, это еще одна ключевая фигура в истории Южного Урала Нового времени. Перефразируя известное крылатое выражение, можно сказать, что благодаря его таланту государственного деятеля «железо смогло создать эту страну».

Вполне закономерно, что тайный советник И. И. Неплюев, приняв в мае 1742 года дела у Соймонова, в начале июня отправился в сопровождении внушительной военной команды в свою первую инспекционную поездку по проложенной вдоль реки Самары пограничной линии (она же и дорога из города Самары в Оренбург). В ходе поездки были проверены уже построенные крепости и назначены места под новые крепости, включая Оренбург. В итоге было решено строить новый город не на Красной горе, как планировал В. Н. Тати-

Герб Неплюевых представляет щит, разделенный перпендикулярно на два поля. В красном поле изображены два креста (серебряные), один над другим, над ними золотая корона. В золотом поле – дуб. На щите – дворянский шлем и корона, из коей выходит дуб. Намет красный, подложенный

золотом. Щит держит с одной стороны лев, имеющий в левой передней лапе державу и лавровую ветвь во рту. С другой стороны – прусский одноглавый орел со скипетром в когтях и масличной ветвью во рту. Девиз Неплюевых – «Deus, honor et gloria»

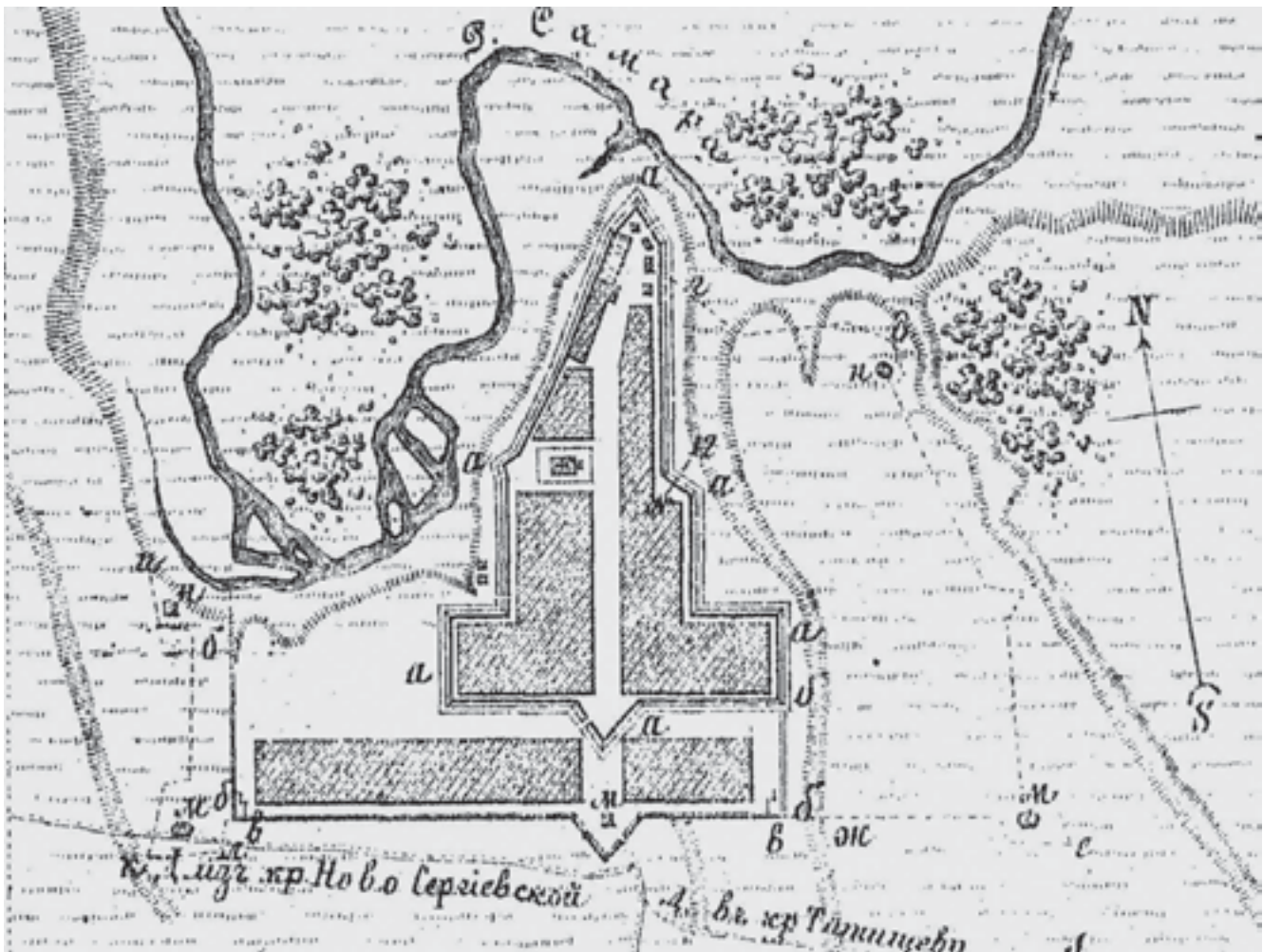
щев, а ближе к устью реки Сакмары. «О нестроении года Оренбурга при урочище Красная гора, — говорится по этому поводу в Указе от 15 октября 1742 года, — и о переносе онога на место именуемо Бердск» [13, т. 11, № 8630].

Строительство на новом месте Оренбурга и крепости в десять бастионов (с двумя полубастионами), начавшееся весной 1743 года, в основном было завершено осенью того же года. Крепостная стена имела форму многоугольника с сухим широким рвом и валом.

На военном совете, состоявшемся во время инспекционной поездки в Переволоцкой крепости, было принято коллегиальное решение о поселении Шешминского драгунского полка в качестве резервного на реке Сакмаре. «Полк поселен только в двух крепостях Пречистинской и Воздвиженской, — пишет по этому поводу Рычков в своей «Топографии...», — а не во многие разделен, как-то с прочими учинено, в том рассуждении, чтоб его для Оренбурга и ближних от него крепостей во время надобно-

3

Орская крепость — бывшая Оренбургская, была переименована после переноса Оренбурга к Красной горе.

План Переволоцкой крепости [Ласковский Ф. «Карты, планы и чертежи к III части материалов для истории инженерного

искусства в России». Альбом, лист 10, изображение 18. СПб. 1866]

сти скорее собрать и яко кор-де-резерв употребить было возможно»⁴ [18, с. 327].

Неплюев, хорошо понимая стратегическое значение Оренбурга, ставшего своеобразным ключом к воротам в Среднюю Азию, продумывал все варианты его военного прикрытия. Именно поэтому он убедил сенат и Татищева, чтобы самарских, алексеевских дворян и казаков, как наиболее подготовленных для несения военной службы, не переводили в низовье Яика [13, т. 11. № 8720]. Он пред-

4

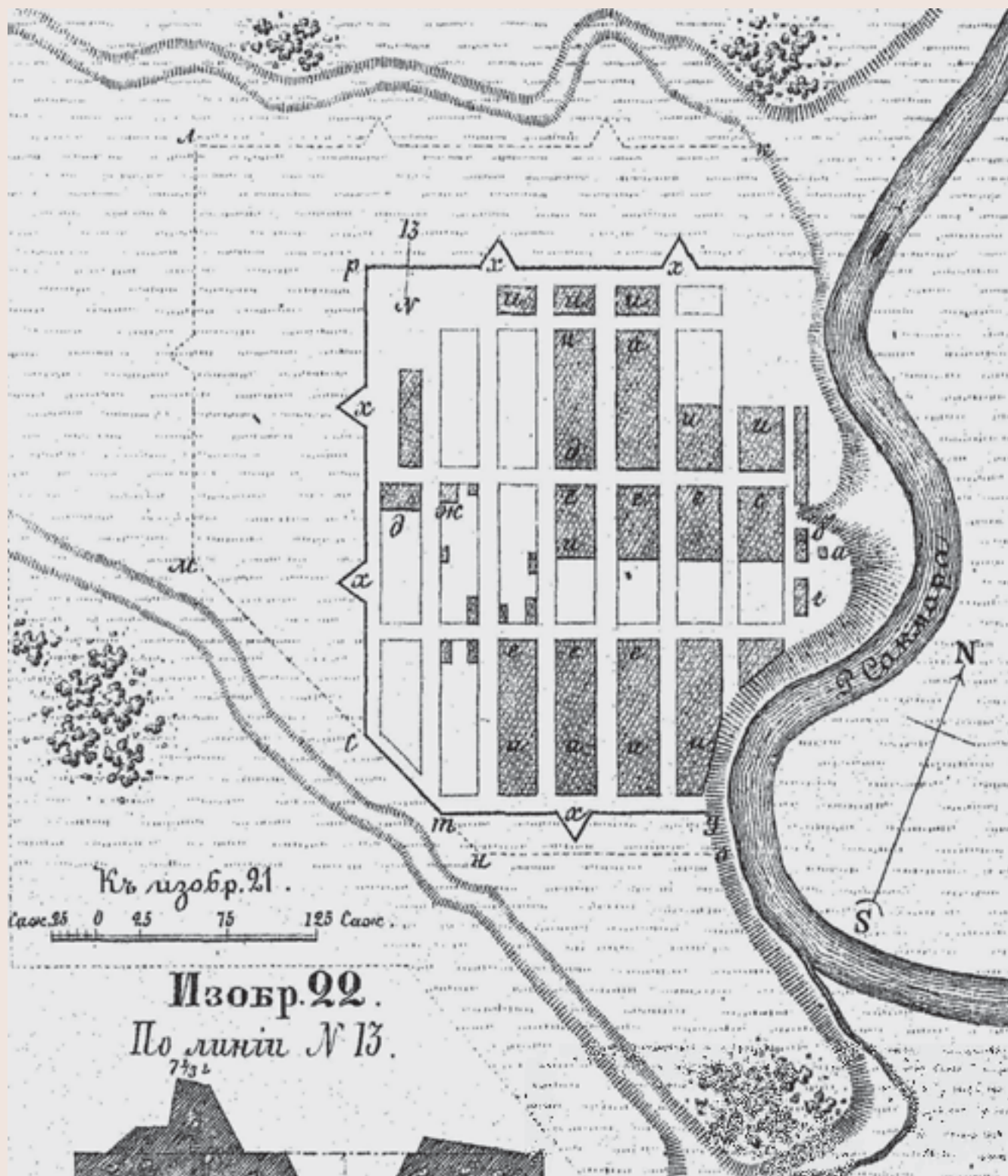
После Неплюева этот резервный драгунский полк перевели на линию, расселив по нескольким крепостям. Отсутствие армейского полевого кавалерийского резерва в ближайших от Оренбурга крепостях отрицательно сказалось на ведении военных действий против волжских калмыков в 1771 году. Они сумели пересечь Оренбургскую пограничную линию и уйти в Джунгарию. Сам полк по Указу от 2 августа 1771 года был расформирован.

ложил поселить их в Оренбурге и Бердской крепости, включив в состав Оренбургского семисотенного нерегулярного корпуса. Что и было исполнено в 1743–1744 годах. Эти самарские, алексеевские дворяне и казаки вместе с уфимскими дворянами и казаками, поселенными между армейскими частями в ближайших к Оренбургу крепостях, были подчинены власти наказного атамана⁵. Сам же наказной атаман должен был подчиняться военной коллегии. Точно так же, как в свое время предписывал Указ от 24 апреля 1735 года: «Атаману Черному быть при самарских и алексеевских казаках под главным же ведомством ландмилицких командиров» [13, т. 9, № 6726].

Целью второй инспекционной поездки тайного советника И. И. Неплюева, состоявшейся в 1743 году, стала Исетская провинция — точнее, изучение на

5

Первым наказным (назначенным) атаманом у казаков Оренбурга был сотник Матвей Шилов.

План Воздвиженской крепости [Ласковский Ф. «Карты, планы и чертежи к III части материалов для

истории инженерного искусства в России». Альбом, лист 10, изображение 21. СПб. 1866]

месте ситуации, которая сложилась с ее управлением после передачи из ведомства Сибирской губернии в ведомство Оренбургской комиссии. Также не менее важной задачей являлось окончательное определение мест под строительство новых крепостей по Яику (выше Орской крепости), Ую и Тоболу до Царева городища. Заблаговременно прибыв с большим отрядом сопровождения в Теченскую слободу, тайный советник, по выражению Рычкова, уже налегке объехал все новопостроенные по Оренбургской дороге крепости. В ходе встречи с сибирским губернатором Сухаревым, состоявшейся в Шадринске в марте 1744 года, были выработаны совместные решения по устройству и управлению Исетской провинцией. Они-то и легли в основу двух правительственных указов от 22 и 30 сентября 1743 года, во многом способствовавших учреждению уже в 1744 году нового административного образования — Оренбургской губернии.

По Указу от 22 сентября 1743 года в управители трех дистриктов, входивших тогда в Исетскую провинцию, назначались девять человек из дворян Сибирской губернии — по три управителя на дистрикт с жалованием «деньгами по 20 рублей, да хлеба, ржи и овса пополам по 20 четвертей». Провинциальное правление, состоявшее из секретаря, переводчика, двух канцеляристов, двух подканцеляристов, четырех копиистов и двух сторожей, во главе с воеводой переводилось в Челябинскую крепость. Воеводой и его товарищем по настоянию Неплюева были назначены, с сохранением полковых должностей и жалованием от Оренбургского драгунского полка, подполковник Бахметев и капитан Агарев. Также по настоянию тайного советника на должность секретаря был определен канцелярист Черемисинов. Для несения караульной и конвойной службы при провинциальной канцелярии была учреждена рота пехоты. В указе по этому поводу сказано: «О наборе одной роты пехотной, на подобие ландмилиции, отставных драгун и солдат, и прежних служб служилых людей, в подушный оклад не положенных детей их, а впредь бы их детьми или охотниками из казачьих комплектовать... А унтер-офицеров против гарнизонных, определяя их из отставных без мундира, ибо будут собственную пашню иметь та же рота, и вместо рассыльщиков служить будет» [13, т. 11, № 8783]. На положение этого пункта указа следует обратить особое внимание. В нем подчеркивается,

что в 1743 году при формировании Исетской провинциальной роты туда набирали только отставных драгун, солдат и служилых людей, а не казаков из крестьян. Там лишь выражалась надежда на охотников из казаков. Вероятнее всего, это связано с тем обстоятельством, что их статус тогда еще до конца не был определен. Подтверждением вышесказанного служит правительственный Указ от 27 июля 1744 года, где предписано: «О бытии беглым, записавшимся в казаки вечно в сем состоянии при крепостях по Оренбургской линии» [13, т. 12, № 9006].

Указ же от 30 сентября 1743 года по своей сути являлся подтверждающим. В нем еще раз повторялось: «Исетская провинция и все три дистрикта... по указу от Сибирской губернии со всеми сборами с 1738 года к Оренбургу отчислена». Но главным в указе являлось положение «О дозволении главному Кригс-комиссару⁶ делать необходимые расходы из имеющегося в Исетской провинции сбора» [13, т. 11, № 8794]. Главной статьёй этих расходов являлось содержание драгунских и пехотных рот, строительство пограничных крепостей и редутов.

Возвращаясь к инспекционной поездке Неплюева, следует отметить, что в 1743 году, осмотрев совместно со штабными офицерами все удобные места под крепости по рекам Тобол (до Царева городища), Уй и Яик (до Орской крепости), он отдал приказ об их строительстве. И только после всех вышеназванных приготовлений 15 марта 1744 года вышел указ об образовании Оренбургской губернии. Первым ее губернатором стал тайный советник И. И. Неплюев. То, что это была его инициатива, не вызывает ни малейшего сомнения. Организация новой административной единицы была проведена таким образом, что особая Уфимская провинция вместе с должностью вице-губернатора (в то время им был Аксаков) упразднились. «Да той же губернии под ведомством состоять по-прежнему Исетской провинции и с зауральскими башкирцами, — говорилось в указе. — Да ныне... подчинить и Уфимскую провинцию со всеми башкирскими делами таким порядком, как в прочих губерниях провинции прописаны. В Уфимскую и Исетскую провинции определить воевод и их товарищей по рассмотрению се-
6

Кригс-комиссариат подчинялся Военной коллегии, занимался вопросами денежного довольствия, обеспечением военнотружущих снаряжением, продовольствием, обмундированием.

Карта Оренбургской губернии, составленная Иоганном Трескоти

натскому... а особой той Уфимской провинции и в ней вице-губернатора не быть, также и Оренбургской комиссии делам быть в той же губернии, а особливою не именоваться». В ее ведомство вошли также все строящиеся крепости со всеми пограничными и киргиз-кайсацкими делами [13, т. 12, № 8901].

С образованием Оренбургской губернии у губернатора Неплюева появилась возможность не только призывать на службу башкир, тарханов и мещеряков, но и снаряжать на строительство пограничных крепостей тептярей, бобылей из Уфимской провинции без каких-либо предварительных согласований с ее руководством. Также на строительство крепостей посылались самарские, уфимские казаки и казаки из крестьян, поселенные при зауральских крепостях. Тем не менее из-за обширности границы,

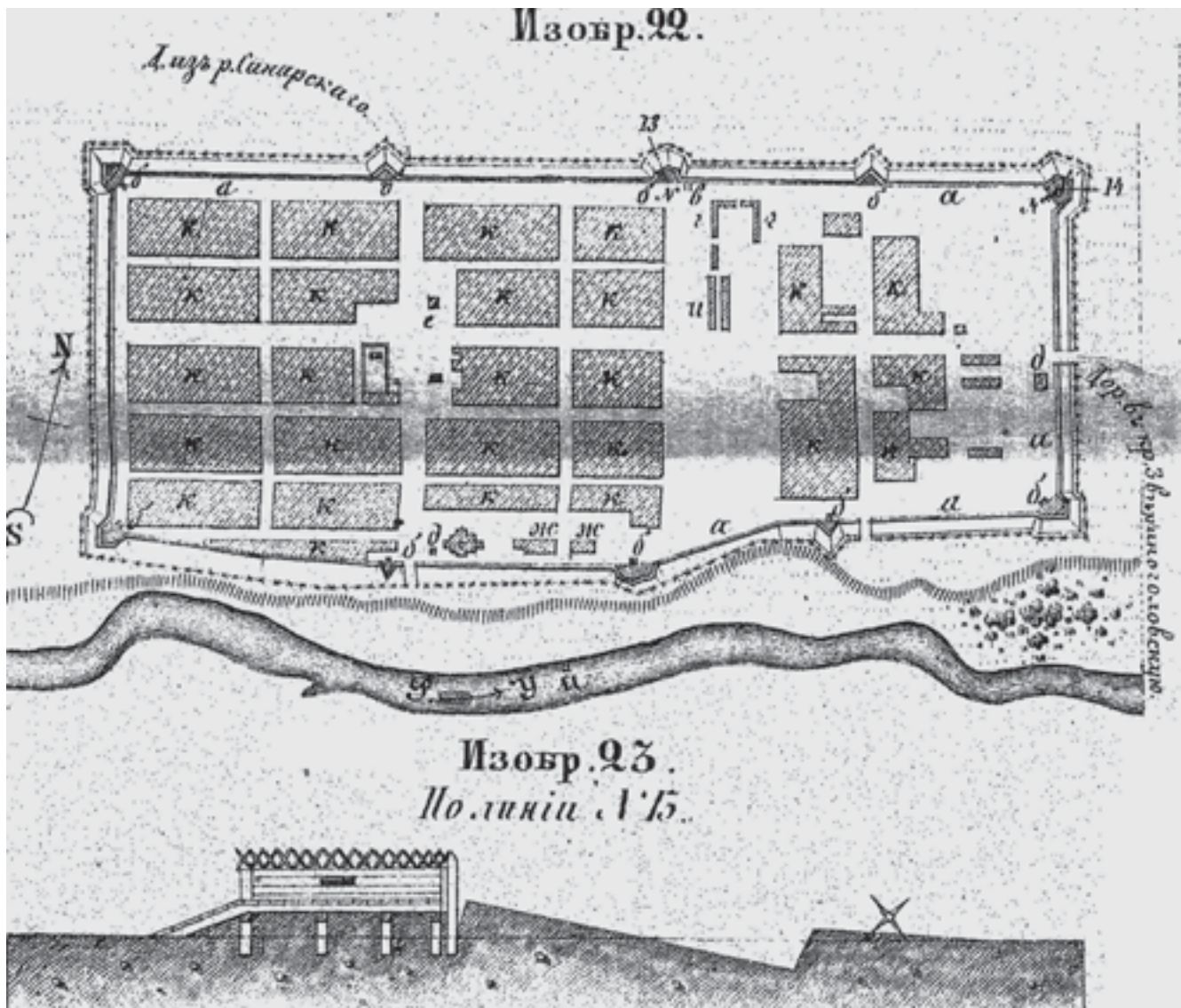
протянувшейся от Орской крепости по рекам Яик и Уй до Тобола, они не могли быть построены в одночасье. Поэтому процесс растянулся на несколько летних сезонов. После 1743 года выше Орской крепости по Яику до Верхнеяицкой были построены Танапыцкая, Уртазымская, Кизильская и Магнитная крепости и Колпацкий, Тереклинский, Орловский, Березовский, Сыртынский, Ангельский, Верхнекизильский, Спасский редуты. По реке Уй — Петропавловская, Степная, Троицкая, Каракульская, Усть-Уйская и Звериноголовская крепости. Между ними возведены Бусаевский, Ключевский, Баларецкий, Березовский, Озерной, Ковалевский, Луговой, Дубровский, Кочардыцкий (Кочердыжский), Прорывной и Озерный редуты.

Помимо пограничных крепостей строились также заштатные, прикрывавшие дорогу из Челябинской крепости на Уйскую пограничную линию. К их числу П. И. Рычков отнес Коельскую крепость, построенную

План Кизильской крепости
[Ласковский Ф. «Карты, планы
и чертежи к III части материа-
лов для истории инженерного

искусства в России». Альбом,
лист 9, изображение 9. СПб.
1866]

План Троицкой крепости
[Ласковский Ф. «Карты, планы
и чертежи к III части материа-
лов для истории инженерного

искусства
в России». Альбом, лист 9,
изображение 22. СПб.
1866]

в 1747 году. Вероятнее всего, такими же заштатными являлись Кичигинская (1748) и Санарская крепости⁷. После этого под их защитой по реке Увельке и ее притокам начали селиться пахотные крестьяне. Они-то и образовали позднее Увельский дистрикт Исетской провинции. В него вошли Нижнеувельская, Верхнеувельская, Кундравинская слободы с деревнями. Причем они, как и другие слободы Южного Зауралья, имели оборонительные укрепления, способные защитить от нападения противника, не имевшего артиллерии.

Важно отметить, что одновременно с возведением крепостей, редутов и маяков оренбургский гу-

7

П. И. Рычков указывает ее как крепость, а не редут [17, с. 366].

бернатор И. И. Неплюев выстраивал и структуру управления иррегулярными военными служащими. Вполне закономерно, что к концу 1740-х — началу 1750-х годов под властью наказного атамана⁸ были объединены и те казаки, которые проживали в Исетской провинции, но подчинялись они атаману Оренбургской губернии не напрямую, а через войскового атамана Исетской провинции. Этот факт подтверждает П. И. Рычков. В своей «Топографии...» он отмечает: «Челябинская крепость... во всей Исетской провинции есть главнейшее место... Служивых казаков состоит здесь 354, при которых для всех в Исетской провинции находящихся нерегулярных людей, войсковой атаман один,

8

Наказной атаман — Василий Иванович Могутов с 1748 по 1777 год.

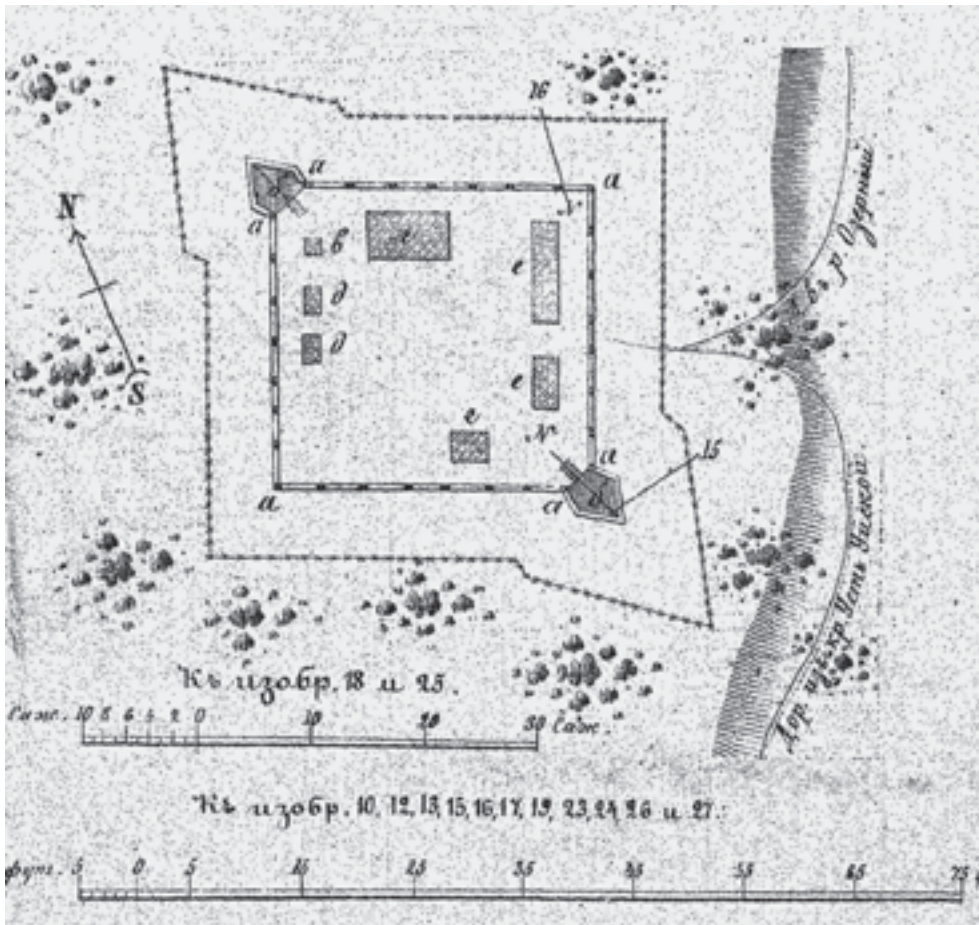
Изобр. 2.
По линии №1-1746 г.

Изобр. 3.
По линии №2-1747 г.

Изобр. 4.
Проф. согиренная въ 1748 г.

План Кочардыцкого (Кочердыжского) редута [Ласковский Ф. «Карты, планы и чертежи к III части материалов для истории инженерного искусства в России». Альбом, лист 9, изображение 25. СПб. 1866]

да старшин 8 жительствоуют». Вероятно, по такому же принципу были объединены и казаки, проживавшие в Уфимской провинции.

В этот же период И. И. Неплюевым было разработано специальное положение об Оренбургском нерегулярном войске с расписанием его штата, который долго оставался не утвержденным. И только в 1755 году штат Оренбургского нерегулярного войска получил одобрение Правительствующего сената. Очевидно, задержка с утверждением была связана с тем, что сенату необходимо было убедиться в жизнеспособности разработанного Неплюевым положения об оренбургских казаках. В его основе лежала идея выделения из среды казачества элитного семисотенного, позднее тысячного полка, изначально сформированного из потомственных самарских, уфимских казаков и кадровых военных из самарских и уфимских дворян, получившего название «Оренбургский нерегулярный корпус». Его штат был у-

План Оренбургской крепости [Ласковский Ф. «Карты, планы и чертежи к III части материалов для истории инженерного

искусства в России». Альбом, лист 10, изображение 1. СПб. 1866]

твержден в 1756 году. «Сверх того состоит в самом городе Оренбурге Казачий корпус в числе 2100 человек и содержит полк из 1090 чинов и казаков, — говорится по этому поводу в Указе от 8 июня 1803 года, — отправляя службу не по примеру других крепостных казаков, но, находясь всегда готовым к выступлению... он получает из казны жалованье по штату 1756 года Правительственным сенатом апробированному...» [13, т. 27, № 20786]. В том же 1756 году по представлению Неплюева, которое он подал в Военную коллегию, сенатским указом от 21 мая оренбургским казакам были пожалованы войсковое знамя и сотенные значки с изображением сияющего креста над городом Оренбургом [13, т. 14, № 10559]⁹.

Пополнение личного состава Оренбургского нерегулярного корпуса происходило из числа тех крепостных казаков, включая уфимских и исетских, кто проявлял себя на службе и во время военных дей-

9 Точнее, всем казакам было пожаловано большое войсковое знамя, а Оренбургскому нерегулярному корпусу — малое знамя и десять сотенных значков.

ствий исключительно с лучшей стороны. Забегая вперед, необходимо сказать, что структура управления нерегулярными людьми Оренбургской губернии оказалась достаточно живучей, она сохранилась и при кантонной системе.

К концу 1750-х годов казаки были расселены в Оренбургской губернии небольшими по численности соединениями — от 25 до 50 и от 50 до 100 человек¹⁰. Наибольшее число компактно проживавших казаков отмечалось в окрестностях самого Оренбурга, а также в Нагайбакской, Красноуфимской крепостях Уфимской провинции и Челябинской, Чебаркульской, Еткульской, Миасской крепостях Исетской провинции. «Легких войск... ныне состоит от Оренбурга вверх и на низ по Яику... в 9-ти крепостях 553 человека... — говорится по этому поводу в Указе от 28 октября 1758 года, — да без жалованья всех чинов по Самаре 545, в Уфимской провинции 1019, в Исетской провинции 1526 человек». Всего нежалованных казаков в 1758 году в Оренбургской губернии проживало 3090 человек. Причем из-за частых разъездов по казенным делам им приходилось надолго отлучаться от ведения своего хозяйства, что приводило порой к его полному упадку. Данное обстоятельство и побудило войскового атамана Могутова еще при Неплюеве обратиться в Военную коллегию с просьбой об уравнивании в жалованье оренбургских казаков с донскими и яицкими казаками. Итогом стал сенатский указ от 28 октября 1758 года, по которому всем казакам Оренбургского войска, командированным за сто верст и более, выдавался провиант, а в зимнее время и фураж для лошади [13, т. 15, № 10894].

Следует особо отметить, что Оренбургское казачье войско, за исключением Оренбургского тысячного полка, продолжительное время использовалось для несения караульной службы внутри губернии и летних разъездов по пограничной линии. Из доклада Военной коллегии от 2 августа 1771 года однозначно следует, что пограничную линию от Яика до Звериноголовской крепости длиной более 1300 верст защищали пять гарнизонных батальонов (четыре были расквартированы в Оренбурге, один в Ставрополе) и три ландмилицких драгунских кон-

ных полка — Сергиевский, Билярский и Шешминский. Все они были распределены по крепостям взамен Оренбургского и Сибирского регулярных драгунских полков. Причем из доклада Военной коллегии следует, что этого количества регулярных войск для надежной защиты границы явно было недостаточно. Коллегия и просила разрешения, расформировав ландмилицкие полки, «прибавить в Оренбургской губернии еще пять гарнизонных батальонов и сформировать три легкие полевые команды, состоящие из трех родов войск: пехоты, кавалерии и артиллерии». Предложения Военной коллегии были утверждены, но, по свидетельству Дубровина, к началу Пугачевского бунта эти части только переформировали, но они остались не обучены и не снабжались всем необходимым.

Кстати сказать, наличие регулярных армейских частей на границе во многом объясняет то ожесточенное сопротивление, которое порой было оказано гарнизонами оренбургских крепостей Пугачеву и его сторонникам во время известных событий 1773–1774 годов. «Нерегулярные же оренбургские войска, — говорится в докладе, — употребляются к разным посылкам и разъездам, как внутри губернии, так и по линии» [4, с. 250, 380]. Аналогичная картина наблюдалась и в начале XIX века. «Местные выгоды заключаются в том, что им (оренбургским казакам. В. С.) позволено торговать и всяким ремеслом промышлять, также имеют они пашенную и сенокосную землю, рыбные ловли и другие угодья, — говорится в другом докладе Военной коллегии от 8 июня 1803 года, — служба оног... состоит в содержании городских внутренних и внешних караулов и в летних по линии разъездах обще с регулярными войсками» [13, т. 27, № 20786].

Из вышесказанного следует, что несмотря на имеющиеся недостатки в организации охраны Оренбургской пограничной линии регулярными войсками благодаря реализации планов тайного советника И. И. Неплюева внутренние крепости Оренбургской губернии и девять линейных крепостей были заселены иррегулярными служилыми людьми. Причем все они были объединены в одно Оренбургское иррегулярное войско под властью наказного атамана, который был полностью подотчетен командованию регулярными пограничными войсками. Это обстоятельство способствовало, с одной стороны, установлению долговременного замирения Башкирии,

10

Из Указа от 28 октября 1758 года следует, что казаки проживали не только внутри губернии, но и на Яицкой и Самарской пограничных линиях в девяти крепостях [12, т. 15, № 10894].

а с другой — развитию приграничной торговли с государствами Средней Азии и меновой торговли с киргиз-кайсаками. Для ее успешного развития в двух главных пограничных крепостях — Оренбургской и Троицкой — практически одновременно с их возведением открылись гостиный и меновой дворы. Кроме того, обустройство и заселение Оренбургской пограничной линии и объединение в 1744 году Исетской и Уфимской провинций под властью губернатора новообразованной Оренбургской губернии стало залогом будущего успешного металлургического строительства.

Российское горное право 1744–1758 годов и металлургические заводы Южного Урала

Крайне необходимым условием для строительства и действия частных (партикулярных) заводов черной и цветной металлургии в XVIII веке на Южном Урале, как это ни покажется странным, являлась не финансовая, а законодательная поддержка государства. Все без исключения горнопромышленники нуждались в том, чтобы такие ключевые направления их деятельности, как получение лесорудных участков, обеспечение металлургических заводов рабочей силой, использование частных капиталов в горной практике, законодательно признавались и соответственно оформлялись государством. Весьма важным обстоятельством являлось условие необратимости сделок с движимым и недвижимым имуществом, а это, как известно, могла гарантировать только верховная власть. Для этих целей в ряде государств Европы и Северной Америки принимались специальные законодательные акты горного права, имеющие общегосударственный (общенациональный) характер. В России XVIII века таковыми актами общегосударственного значения являлись Берг-привилегия от 10 декабря 1719 года, и Берг-регламент, высочайше утвержденный императрицей Анной Иоанновной 3 марта 1739 года.

Берг-привилегия 1719 года содержала семнадцать параграфов, которые определяли политику русского правительства в горнорудной промышленности на протяжении почти двух десятков лет. В ее преамбуле однозначно указывались главные причины на тот период неудовлетворительного развития горного дела в России. Здесь же объявлялось об учрежде-

нии Берг-коллегии и наделении ее всей полнотой судебной власти над всеми участниками горного дела. Тем самым горнопромышленники ограждались от вмешательства в их дела государственных чиновников, в том числе губернаторов и воевод. В то же время Берг-коллегия обязана была оказывать всестороннюю помощь промышленникам и «добрым советом вспомоществовать» в строительстве заводов. Берг-привилегия провозглашала также право свободной продажи железа, олова, свинца и других минералов при обязательной продаже государству золота, серебра, меди и селитры. С целью привлечения квалифицированной рабочей силы Берг-привилегия освобождала мастеровых от рекрутской повинности и подушного налога, гарантируя при этом, что они «за их работу исправную зарплату получать будут» [13, т. 5, с. 761].

Шестнадцатый параграф Привилегии также гарантировал, но теперь уже самим горнозаводчиком, право наследования собственности на заводы, а семнадцатый параграф вводил в горное право понятие «общенародная польза». Причем согласно этому последнему параграфу лица, утаившие сведения о полезных ископаемых и препятствующие их поиску, а также строительству заводов, подлежали телесному наказанию, вплоть до смертной казни с конфискацией «всех имений» [Там же, с. 762].

Несмотря на значимость вышеперечисленных положений Берг-привилегии 1719 года наибольший интерес представляют первый, шестой, седьмой и одиннадцатый параграфы, так как именно они в данном законодательном акте решали главный вопрос горного права. Как известно, вопрос об отношении права на недра к праву на поверхность земли является основой горного законодательства любого государства [20, с. 2]. В зависимости от того, кому принадлежат недра земли — государству или землевладельцам, — выстраивается и вся последующая система подзаконных актов, которая в совокупности с общегосударственными актами образует горное законодательство (горное право) того или иного государства.

Общеизвестно, что землевладельцы (вотчинники) самостоятельно распоряжаются своей землей и всем тем, что находится на ее поверхности (леса, луга, реки, озера, болота и т. п.). При отсутствии в государственном законодательстве специального акта горного права, который бы однозначно указывал, что земные

недра являются собственностью государства, владелец поверхности земли или ее распорядитель (государственный чиновник) имеют полное право, разрешать или не разрешать кому-либо искать или тем более копать, плавить что-либо в его земельных владениях. Если же государство в лице верховной власти (императора, царя, короля, парламента и т. п.) объявляет недра земли своей собственностью, уже верховная власть, а не землевладелец (вотчинник) решает допускать или не допускать кого-либо к разработке полезных ископаемых, причем не только в государственных, но и в частновладельческих землях.

Как же Берг-привилегия 1719 года решала основной вопрос российского горного права? Если в ее первом параграфе говорится, что «соизволяется всем, и каждому дается воля, какого б чина и достоинства ни был, во всех местах, как на собственных, так и на чужих землях искать, плавить, варить и чистить всякие металлы» [13, т. 5, с. 760], то в шестом параграфе декларируется преимущественное право землевладельца перед искателем полезных ископаемых: «Помещики или владельцы тех земель, в которых руды изобрящутся, имеют наперед в сих позволение ко устройению тех заводов, когда заранее о том востребуют» [Там же, с. 761]. Из следующего, седьмого параграфа следует особо выделить два положения: 1) «... ежели владелец не имеет охоты сам строить... то принужден будет терпеть, что другие в его землях руду и минералы искать и копать и переделывать будут...»; 2) «... те промышленники с той земли, на которой построят заводы, повинны заплатить тому владельцу от каждой руды или минерала, готово сделанного тридцать вторую долю от прибыли, без всякого удержания и за прочие места, которые для того завода потребны вновь, также и за надлежащие дрова и лес к строению платить деньгами должны» [Там же]. То есть искатель полезных ископаемых получал полную свободу действий только в том случае, если владелец земли отказывался от их поиска и переработки.

Таким образом, в Берг-привилегии 1719 года горная свобода провозглашалась, но не в полной мере, другими словами, имела не безусловный характер. Также седьмой параграф предписывал промышленникам, которые приступали к переработке полезных ископаемых на чужой земле, платить ее владельцу (вотчиннику) помимо платы за землю, на которой построен сам завод, еще и за пользование лесом

и землей тридцать вторую долю от прибыли, причем не металлами или минералами, а деньгами. В одиннадцатом параграфе Берг-привилегии провозглашалась государственная собственность на недра земли (горная регалия), что обязывало горнопромышленников платить за использование земных недр в государственную казну «десятую долю от прибитка» [Там же].

Все вышеуказанные положения первого, шестого, седьмого, одиннадцатого параграфов Берг-привилегии 1719 года были неоднократно подтверждены именными и сенатскими указами. Данный факт способствовал притоку частных капиталов в металлургическую отрасль, что и ускорило промышленное развитие России в 1720–30-е годы. Подтверждением сказанному может служить еще один общегосударственный акт горного права — Берг-регламент 1739 года. «... Уже поныне немалое число тех подземных сокровищ изобретено,— говорится в преамбуле этого документа,— заводы построены и с пользою в действо производятся, а некоторые рудные места токмо еще обысканы, а заводов на оных не построено, которых об отдаче и для построения на оных заводов охочие люди во владение себе требуют... в Сибири и в других... пространных провинциях немалое число тех заводов медных и железных казенным коштом построено и со оных довольное число меди и железа происходит и не токмо на государственное употребление и на продажу в народ производится, но и в иностранные государства действительно в продажу отпускается» [13, т. 10, с. 734].

Надо признать, что Берг-регламент достаточно объективно оценивает социально-экономическую ситуацию, сложившуюся в конце 1730-х годов в России. К этому времени на Среднем Урале было построено более тридцати казенных и частных (партикулярных) металлургических заводов. Причем частные заводы отличались более высокой производительностью труда, что позволяло горнопромышленникам выплачивать своим мастеровым и работным людям более высокую заработную плату, чем на казенных заводах. Данный факт четко отражен в Берг-регламенте: «Однакож оные казенные наши заводы, для многих околичностей и излишних иждивений, не толь прибыточны и государству нашему полезны, как оные, которые на иждивении партикулярных людей содержатся, ибо партикулярные люди, имея заводы и фабрики в своем собственном владении,

для лучшей своей пользы старание прилагают всяким... образом те заводы и фабрики распространять... Також и подданные наши от того немалое пропитание имеют» [13, т. 10, с. 734].

В связи с чем в кругу пророссийски настроенных высокопоставленных членов Сената и Берг-коллегии прочно укоренилось мнение, причем абсолютно верное, что для дальнейшего развития и процветания металлургической промышленности России крайне необходимо привлекать частный капитал. В свою очередь пришло и понимание, это следует из анализа законотворческой деятельности Правительствующего сената, что для его успешного привлечения необходимо дальнейшее совершенствование актов горного права. Процесс внесения изменений имел следующий характер. Сенат не стал изменять отдельные статьи Берг-привилегии 1719 года. Вместо этого 3 марта 1739 года был принят новый общегосударственный акт горного права — Берг-регламент. Он подтверждал основные положения Берг-привилегии, за исключением его двух параграфов — шестого и седьмого, — в которых, как указывалось, провозглашалось преимущественное право землевладельца перед искателем полезных ископаемых. Вместо этого в Берг-регламент была внесена принципиально новая статья (ст. 3), в которой говорилось: «Ежели кто российский подданный или иностранный, кто б он ни был, найдет какую руду, по тому по его прошению и по осмотру, не токмо дастся к рудокопанию позволение наперед других, но и сверх того, ежели по усмотрению надежда к богатым рудам будет, учинено будет снабдевание заимобразно казенными деньгами и того завода у того заводчика и у товарищей его и наследников не отнимать» [Там же, с. 735].

Таким образом, Берг-регламент изымал преимущественное право у землевладельца и передавал его искателю полезных ископаемых, провозглашая тем самым неограниченную горную свободу в России. Владельцу же земли (вотчиннику) назначалась ежегодная выплата в размере двух процентов от прибыли металлургического производства (ст. 6 Берг-регламента). Продекларированные положения горной свободы и горной регалии первоначально были подтверждены соответствующими статьями самого Берг-регламента 1739 года. В первую очередь они законодательно поддерживали передачу лесорудных участков частным лицам под рудники и заводы

(ст. 5, 7). В статье 12 всем без исключения горнозаводчикам разрешались покупка, перевод и поселение при заводах крепостных крестьян. Этой же статьей мастеровые люди частных заводов освобождались от денежных поборов, солдатской и матросской службы. Берг-регламент гарантировал также неприкосновенность частных капиталов (ст. 4) и подтверждал право наследования металлургических заводов (ст. 3). Горнозаводчикам предоставлялась возможность получения государственной ссуды на проведение наиболее затратных работ в горном производстве (ст. 9). Они же освобождались от уплаты внутренних таможенных пошлин с привозимых на их заводы продовольственных товаров, разного рода припасов и горных материалов (угля, извести, камня и т. п.) (ст. 10). Данный факт в свою очередь способствовал развитию так называемой подрядной системы доставки товаров и продовольствия, что приводило к образованию новых торговых капиталов. Причем их обладателями становились не только лично свободные, государственные, но и собственно крепостные и вечно отданные заводам крестьяне.

Если же проанализировать в совокупности статьи Берг-регламента, включая преамбулу, то проследится общая для всех тенденция, смысл которой сводится, так или иначе, к декларации и законодательному поощрению частной инициативы в горнозаводском деле. Причем частной инициативы не каких-либо случайных лиц, а тех самых искателей полезных ископаемых, которым Берг-регламент передавал преимущественное право перед землевладельцами на полезные ископаемые (ст. 3). Другими словами, Берг-регламент 1739 года провозглашая горную свободу в России полной, тем самым инициировал и законодательно поддерживал развитие частной инициативы в самых важных отраслях промышленности — черной и цветной металлургии, а это, как известно, влекло за собой развитие товарно-денежных отношений, но никак не крепостного права.

Здесь же следует подчеркнуть важную особенность. Законодательная поддержка частной инициативы (горной свободы) стала возможной только после провозглашения в 1719 году и подтверждения в 1739 году государственной собственности на недра земли (горной регалии). В противном случае декларация неограниченной горной свободы в 1739 году не имела бы практического применения, так как

право распоряжаться недрами фактически осталось бы у землевладельцев.

Наиважнейшим фактором, который способствовал распространению первоначально ограниченной, а потом и неограниченной горной свободы, то есть частной инициативы в горном деле, стала налоговая политика, объявленная Берг-привилегией 1719 года, Берг-регламентом 1739 года и последующими именными и сенатскими указами. Без сомнения, по величине налогового бремени, накладываемого на частные горнометаллургические предприятия, можно с уверенностью определить и характер промышленной политики, проводимой тем или иным правительством. Анализ попудных пошлин, взимаемых с частных (партикулярных) заводов, свидетельствует, что почти за два десятка лет, с 1722 по 1740-е годы, они возросли только в полтора раза — с одной в 1722 году до 1,5 копейки в 1740 году [2, л. 30 об.— 34]. Помимо невысоких попудных пошлин (десятины) государство предоставляло горнопромышленникам освобождение от уплаты десятины на срок от трех до четырех лет — на период строительства заводов. В Берг-привилегии конкретный срок урочных лет, или так называемых налоговых каникул, даже не указывался. В одиннадцатом пункте Привилегии было заявлено: «Мы... намерены и оную десятую часть на несколько лет отпустить» [13, т. 5, С. 761]. Для тех же заводчиков, которые строили металлургические предприятия в отдаленных местах Сибири, государство гарантировало в 1727 году: «...от прибыли десятой доли, считая с начала оного промысла, не брать 10 лет» [Там же, т. 7, с. 864].

Следствием такой налоговой политики стали рост частного металлургического строительства на Среднем Урале и образование принципиально нового металлургического района в Алтайском крае. Подобного рода налоговую политику без всякого преувеличения можно назвать либеральной. Тем не менее, к началу 1740-х годов существующая законодательная база и соответствующая ей либеральная налоговая политика не привели к развитию металлургической промышленности на Южном Урале. К началу 1740-х годов здесь не было ни одного вододействующего чугуноплавильного и железоделательного или медеплавильного завода. Попытка построить в 1736–1737 годах Табынский медеплавильный казенный завод закончилась полным провалом. Почему?

Как известно, до 1735 года на Южном Урале единственным административным образованием был Уфимский уезд, именованный с 1719 по 1781 год Уфимской провинцией. Значительная часть территории Уфимской провинции принадлежала башкирским родоплеменным союзам, которые владели ей на основе вотчинного права. Это право, или обычное вотчинное право, покоилось на трех основных принципах: межевании, крепости, десятилетней давности владения. Данный факт был законодательно закреплен Соборным уложением 1649 года и подтвержден рядом подзаконных актов. Так, в грамоте из приказа Казанского дворца уфимскому воеводе Д. Н. Головину от 1694 года однозначно предписывалось, чтобы он «их угодий и земель (башкирских.— В. С.) русским пришлым людям в оброк, в тягло, в службу, отдавать не велел». Эта грамота была составлена в ответ на просьбу башкирских старшин-тарханов и ясачных башкир всех дорог, чтобы русское правительство не велело «впредь пришлым русским людям, татарам и чувашам и черемисам в Уфимском уезде... всяких угодьев и рыбных ловель на откупе и на оброке давать и их теснить» [7, с. 82–83].

Именно по этой причине дальнейшее промышленное освоение территории Южного Урала было в принципе невозможно.

Такое положение сохранялось до начала деятельности Известной Оренбургской экспедиции 1734 года. В разгар башкирского восстания 1735–1740 годов, вспыхнувшего в ответ на действия Оренбургской экспедиции (строительство Оренбургской крепости, Табынского медеплавильного казенного завода и т. п.), российским правительством был принят Указ от 11 февраля 1736 года. Как уже упоминалось, главным был шестнадцатый пункт указа, отменявший все ранее имевшиеся запреты на продажу башкирских земель. Право на их покупку получили дворяне, офицеры и мещераки [13, т. 9, № 6890].

Вне всякого сомнения, указ имел далеко идущие последствия. В особенности он способствовал созданию благоприятных условий для развития на территории Южного Урала частного металлургического строительства. Разумеется, в разгар башкирского восстания ни о каком строительстве не могло быть и речи. Только после замирения Башкирии, что произошло в начале 1740-х годов, отмена всех феодальных запретов на продажу земель в Башкирии спо-

собствовала частному промышленному освоению региона. В данном случае важно подчеркнуть, что только при строительстве и работе частных металлургических заводов землевладельцы, в данном случае башкиры-вотчинники, могли получить от промышленников, согласно Берг-регламенту 1739 года, соответствующий процент от их прибыли. В случае же строительства казенных заводов землевладельцы-вотчинники не получали от государства ни копейки. По этой причине попытка со стороны казны построить Табынский медеплавильный завод закончилась полным провалом. Башкиры сожгли его в 1737 году за ненадобностью.

Данный факт был всецело учтен новым начальником Оренбургской экспедиции И. И. Неплюевым. Представляя в 1744 году в Сенат дело о продаже сгоревшего Табынского завода симбирскому купцу И. Б. Твердышеву, Неплюев высказал мнение, что по иском полезных ископаемых, строительством и содержанием металлургических заводов на территории только что замирившейся Башкирии должны заниматься исключительно частные лица, а не казна. Для этого, по его мнению, каждому горнопромышленнику нужно иметь землю и лес, причем не только для производственного цикла, но и для поселения при заводе рабочих. Представление Неплюева было рассмотрено и утверждено Сенатом. 16 апреля 1744 года вышел указ о передаче сгоревшего Табынского завода симбирскому купцу Твердышеву и о заключении с ним контракта от казны с приложением так называемых кондиций. Именно эти кондиции сенатского Указа от 16 апреля 1744 года, или, говоря современным языком, четко прописанные законодательные положения, стали поворотным пунктом в деле горнорудного и промышленного освоения южноуральского региона. После выхода в свет этого указа на территории Южного Урала началось интенсивное строительство медеплавильных, чугуноплавильных и железоделательных заводов.

Как известно, к моменту его опубликования практически вся территория Южного Урала была включена во вновь образованную Оренбургскую губернию. Указ об ее учреждении был издан 15 марта 1744 года. В состав губернии вошли составными частями Уфимская и вновь образованная Исетская провинции.

Так что же такого было в этих кондициях (законодательных положениях) сенатского указа 1744 го-

да? И чего не было в общегосударственном акте горного права — Берг-регламенте 1739 года? С момента публикации последнего прошло пять лет. За это время на территории вновь образованной Оренбургской губернии было построено всего лишь два металлургических завода (Нижне-Сергинский и Верхне-Сергинский), да и те в непосредственной близости от укрепленной заводской границы Екатеринбургского ведомства. Почему?

Сравнительный анализ сенатского указа от 16 апреля 1744 года и Берг-регламента 1739 года свидетельствует, что Правительствующий сенат, прислушавшись к доводам Неплюева, четкими законодательными положениями, прописанными в этих кондициях, практически дополнил и уточнил ряд статей Берг-регламента. Эти уточнения и дополнения напрямую касались интересов, как частных горнозаводчиков, так и землевладельцев-вотчинников, причем в равной мере. В данном случае следует особо подчеркнуть, что только в такой связке, отстаивая и защищая частные интересы и промышленников, и башкирских вотчинников, сенатский Указ от 16 апреля 1744 года сумел переломить крайне взрывоопасную ситуацию в Башкирии. Вне всякого сомнения, ключевую роль в этом сыграла восьмая статья кондиций: именно она способствовала превращению башкирских вотчинников из ярых противников строительства на их землях военных крепостей и металлургических заводов в его сторонников. В этой статье Сенат гарантировал башкирам: «...за способные места и за надлежащий к заводскому строению лес и дрова имеет заводчик башкирцам платить по настоящей цене; также буде под завод понадобятся отхожие их башкирские уголья, яко лес и другое тому подобное... в том договариваться заводчикам с ними башкирцами, как то и по состоявшемуся в... 1739 года 20 августа именному указу поступать с ними велено; и такие договоры и купчая писать поблизости, где пристойно, потом объявлять и записывать их в канцелярии Оренбургской комиссии (с 1744 по 1753 год — в Оренбургской губернской канцелярии.— В. С.) в чем они башкирцы, довольны оставшись взятъем 2 %, никакой жалобы приносить, не могут» [13, т. 12, с. 83].

Для отчетливого понимания вышеизложенного необходимо пояснить, что именно указ от 20 августа 1739 года был дан генерал-лейтенанту князю Урусову, который возглавлял тогда Оренбургскую комис-

сию (Известную Оренбургскую экспедицию 1734 года). «За взятые у башкирцев под строение крепостей земли, ясак, что надлежит с тех земель по препорции с них снять,— говорится в десятом пункте этого указа,— и для чего оные земли у них взяты, и что ясак за те земли с них башкирцев снимается, о том имеете Вы (начальник Оренбургской комиссии князь Урусов) старшинам их указами нашими объявить и в том их обнадежить...» [13, т. 10, с. 870].

Таким образом, смысл восьмой статьи сенатского Указа от 16 апреля 1744 года сводится в первую очередь к тому, что помимо денежных выплат, которые горнозаводчики обязаны были и платили башкирам за пользование лесом и рудой (2 % от своей прибыли), с башкир частично снимался ясак в пользу Российского государства. Причем его снятие осуществлялось пропорционально взятой под заводскую дачу лесной территории. Поэтому далеко не случайно сделанная в указе приписка гласит: «...они башкирцы довольны оставшись взятъем 2 %, никакой жалобы приносить, не могут».

Справедливости ради надо сказать, что из сенатского Указа от 16 апреля 1744 года не совсем понятно, каким образом осуществлялись эти двухпроцентные выплаты. Тем не менее из других письменных источников можно однозначно установить порядок этих выплат. Например, в шестнадцатом пункте указа было предписано: «...Правительственный Сенат милостиво опробовать позволит, об отдаче во всей Башкирии медных и железных заводов Оренбургской комиссии...» [Там же, с. 735].

Таким образом, после образования Оренбургской губернии все управление металлургическими заводами в Башкирии было передано вновь образованной Оренбургской губернской канцелярии. Данный факт явно противоречил положениям Берг-привилегии 1719 года и Берг-регламента 1739 года о Берг-коллегии — Директориуме. Тем не менее, такое положение сохранялось до момента образования в 1754 году Оренбургского горного начальства, расквартированного в Уфе. Причем оренбургский губернатор И. И. Неплюев самостоятельно принимал решения практически по всем горным делам, а Берг-коллегия только ставилась в известность. Подтверждением сказанному может служить сенатский Указ от 13 октября 1753 года. В нем говорится:

«...Оренбургская губерния (Канцелярия Оренбургской губернии.— В. С.) хотя и не имея у себя

в ведомстве берг-офицеров, но как в прииске руд, так в отводе под заводское строение мест, и в построении заводов позволения дает и контракты заключает от себя, а в Берг-коллегию токмо представляет во известие» [13, т. 13, с. 906].

Знание факта о руководящей и направляющей роли Оренбургской губернской канцелярии в деле строительства и управления заводами Оренбургской губернии с 1744 по 1753 год объясняет и ту посредническую роль, которую Сенат возложил на канцелярию во взимании с заводчиков и передаче башкирам 2 % выплат. В Правительствующем сенате было решено, что горнопромышленники, построившие свои заводы на башкирских землях, должны отдавать 2 % своей прибыли не напрямую башкирам, а первоначально в Оренбургскую губернскую канцелярию, причем вместе с десятинными деньгами. И только после этого губернская канцелярия передавала эти платежи башкирам-вотчинникам. Подтверждением вышесказанному служат как правительственные решения, так и содержание преамбулы и второго пункта контракта на строительство Каслинского завода, заключенного между Я. Р. Коробковым и Оренбургской губернской канцелярией в 1746 году. «На что касается... 2 % платежа в Башкирии,— говорится в преамбуле контракта,— то по имевшимся в Оренбургской губернской канцелярии, також и в государственной Берг-коллегии, вышеозначенных рассуждениях определено и Правительствующим Сенатом опробовано, оной 2 % платеж башкирам не платить, а иметь оной (от) заводчиков в казну... как то заводчику Твердышеву платить велено, а башкирцы хотя и имеют свои земли, но не суть... такие владельцы, как русские помещики...» [4, л. 30 об.]. И самое главное, подытоживая эту мысль, второй пункт контракта уже однозначно предписывал «за... землю, которая под тот... железный завод... также и за все те места, где им Коробковым рудники приисканы и впредь приищутся вотчинников той земли (башкир) по силе указов дозволять Оренбургской губернской канцелярией, а не ему Коробкову...» [Там же, л. 32]. Подтверждением этому законодательному положению служит рапорт Исетской провинциальной канцелярии, отправленный в Оренбургскую губернскую канцелярию 29 августа 1746 года. В рапорте по этому поводу говорится: «...по указу... из Оренбургской губернской канцелярии по десятому пункту

того определения из башкир вотчинников призваны... старшина Янгильда Собхангулов с лучшими людьми к высылке их в Оренбургскую губернскую канцелярию для надлежащего за те места удовольствия, но оные просят, что им за нынешним рабочим временем от домов своих отлучаться будет немалое отягощение, понеже... хлеба свои не сняли, сено еще не ставили, и чтоб де повелено было отсрочить, а послать их после деловой поры, того ради... и буде оные вскоре не востребуютца, то вышлютца с нижеписанного числа чрез один месяц (то есть 29 сентября 1746 года.— В. С.)» [4, л. 67–67 об.].

По поводу 2 %-ных выплат необходимо отметить, что это была продуманная система передачи денежного вознаграждения башкирам-вотчинникам за пользование их лесом и землей, так как снятие с них по пропорции ясака осуществлялось Оренбургской губернской канцелярией в соответствии с Указом от 20 августа 1739 года. Неслучайно сенатский Указ от 16 апреля 1744 года предписывал «договоры и купчие (между башкирами и заводчиками.— В. С.) писать поблизости, где пристойно, а записывать их в канцелярии Оренбургской комиссии» [13, т. 12, с. 83].

Данный аспект был просто необходим, так как Оренбургская канцелярия вела как документальный учет не только передаваемых заводчикам башкирских земель, но и размера взимаемого с них ясака. Особенно это стало актуально в процессе снятия ясака частями, по соответствующей пропорции, зависящей от площади лесных угодий, передаваемых под заводские дачи.

Забегая несколько вперед, следует отметить, что после образования в 1754 году Оренбургского горного начальства и передачи ему всех функций управления заводами, включая сбор десятины и 2 % денег, взимание с башкир ясака Указом от 16 марта 1754 года было отменено и заменено соляным налогом. Это отступление от устоявшейся десятилетней практики вознаграждения башкир за пользование их лесом и землей помимо прочего привело к очередному башкирскому восстанию 1755 года, известному в уральской историографии как восстание Батырши. О некоторых его важных аспектах будет сказано ниже.

Возвращаясь к теме защиты частных интересов горнозаводчиков, следует сказать, что Указ от 16 апреля 1744 года гарантировал им отвод башкирских земель и лесных угодий как под сами заводы, так и под их лесные дачи с указанием конкретных

расчетов и размеров, которые со временем изменялись и уточнялись. Также законодательно подтверждалась возможность для горнозаводчиков возводить оборонительные сооружения вокруг их металлургических заводов (ст. 2 кондиций указа). Предусматривались в сенатском указе и земельные отводы под крестьянские дома и необходимые для крестьян земельные, лесные и другие угодья (ст. 4 кондиций). Здесь же определялось точное количество крестьянских дворов (50), необходимых для производства одной тысячи пудов чистой меди, из расчета по четыре работника в каждом дворе. Статья пятая кондиций однозначно подтверждала содержание первых семи параграфов Берг-регламента 1739 года. Все они, как отмечалось ранее, были направлены наощрение горной свободы в России.

Подводя общий итог сравнительному анализу сенатского Указа от 16 апреля 1744 года и Берг-регламента 1739 года, следует особо подчеркнуть, что главной отличительной чертой указа является то обстоятельство, что государство, предоставляя преимущественное право на недра искателю полезных ископаемых перед землевладельцем-вотчинником, максимально полно учло специфику земельных отношений в Башкирии. Российское государство в лице Сената, исходя из общенациональных интересов, встало на защиту частных интересов — как горнозаводчиков, так и вотчинников-башкир, — причем в равной степени. И до тех пор, пока соблюдался этот баланс интересов, горнозаводское производство на территории вновь образованной Оренбургской губернии, без преувеличения, интенсивно развивалось. Другими словами, в сенатском Указе от 16 апреля 1744 года статьи, защищающие интересы горнозаводчиков, не претерпели каких-либо принципиальных изменений в сравнении с Берг-регламентом. Разумеется, эти уточнения имели значение для частного интереса в горном деле, но не более того. Тогда как статья восьмая кондиций этого указа, причем единственная отстаивающая интересы башкир, имела, по сути, революционный характер. В ней башкирские вотчинники признавались, несмотря ни на что, равноценными и равнозначными участниками как горных отводов, так и всей купли-продажи земли в Башкирии.

В связи с этим необходимо признать, что отводы башкирских земель под горнозаводское строительство в период неограниченного действия горной

свободы в России носили организованный и взаимовыгодный, а не хищнический характер. Все они осуществлялись в соответствии с общегосударственными актами горного права России — Берг-привилегией 1719 года, Берг-регламентом 1739 года и связанными с ними подзаконными актами. В силу того что вышеуказанные акты стимулировали в горном деле частную инициативу, прямым следствием их воздействия стало развитие частной предпринимательской деятельности в таких областях экономики России XVIII века, как промышленность, торговля, кредитно-финансовая сфера. А они, как известно, являются основой основ буржуазных, но никак не феодальных отношений.

Доказательством того, что горные отводы и строительство металлургических заводов на Южном Урале осуществлялись в полном соответствии с вышеуказанными актами горного права, служат архивные документы XVIII века, освещающие историю строительства металлургических заводов. По архивным делам южноуральских заводов, которые хранятся в региональных (ГАСО, ОГАЧО, ГАПО, ГАОО) и центральных (РГАДА, РГИА) архивах Российской Федерации, вполне реально если не по дням, то помесячно и по годам проследить все перипетии поистине грандиозного историко-технического процесса — строительства в малообжитых районах Южного Урала частных (партикулярных) металлургических заводов. Причем такого исторического процесса, который осуществлялся в интересах всех проживающих на Южном Урале народов.

В качестве конкретных примеров могут служить контракты на строительство металлургических заводов, заключенные частными лицами (купцами, посадскими людьми, заводчиками) с Оренбургской губернской канцелярией в период с 1744 по 1753 год. Как известно, в этот период именно Оренбургская губернская канцелярия управляла строящимися на Южном Урале и вошедшими в действие заводами. Все контракты на строительство составлены таким образом, что каждое положение, изложенное в них, было подтверждено соответствующими статьями Берг-привилегии и Берг-регламента, указами Сената и Берг-коллегии. К примеру, в контракте на строительство Каслинского завода говорится: «...по имеющимся в прошлом 1744 года мая 13 числа в... Берг-коллегии реченного тайного советника (Неплюе-

ва.— В. С.), обще с той коллегией рассуждени... о даче симбирскому купцу Ивану Твердышеву к строению медного завода позволение определено... в 16 пункте... обще с той коллегией заключено: в Уфимской провинции и Зауральских местах (Исетской провинции.— В. С.) от пределов Оренбурга с его местами железные и медные и другие руды и минералы найдутся и к производству и строения заводов достойны и на то охотники будут... отдавать, и заводы заводить по Берг-привилегии и Регламентам и по поставленным в том определении кондициям допускать надлежит, токмо Берг-Коллегия о тех горных и заводских произведениях должна ведение и верховное надзирание иметь» [15, л. 29].

С отстранением Оренбургской губернской канцелярии от управления заводами и передачей их в 1754 году в непосредственное управление Берг-коллегии и ее горному начальству контракты на строительство заводов были заменены так называемыми указами с прочетом. Эти указы, выдаваемые исключительно Берг-коллегией (только они были действительны), составлены таким образом, что каждое решение по тому или иному вопросу было подтверждено, как и в контрактах, соответствующими статьями Берг-привилегии, Берг-регламента, указами Сената и Берг-коллегии. Так, на просьбу строгановского приказчика Ивана Швецова дать разрешение на строительство Саткинского завода Берг-коллегией был выдан 15 ноября 1756 года именно такой указ с прочетом. В нем помимо прочего говорится: «...о вышеписанном данном ему господину барону Строганову... дозволении, в Уфимскую и Исетскую провинциальные канцелярии сообщить указами и велеть ведомства упомянутых канцелярий Айлинской и Куваканской волостей к башкирским старшинам подтвердить накрепчайшими указами, чтоб они в силу состоявшихся именных Берг-привилегии и Регламента и указов в строении и производстве оных заводов, в прииске руд и всяких... тех заводов содержанию надобностях помешательства запрещенія никакого и поселившихся для заводских работ крестьянам обид и утеснения ни в чем отнюдь не чинили, а чинили б всякое вспоможение» [10, л. 96 об.— 97].

Если проследить по заводским документам XVIII века, какие именно положения Берг-привилегии 1719 года, Берг-регламента 1739 года, именных и сенатских указов применялись в контрактах и указах

с прочетом в качестве законодательного обоснования при строительстве других южноуральских металлургических заводов в период с 1744 по 13 июля 1776 года, то легко можно убедиться, что это были те же самые статьи Берг-привилегии, Берг-регламента, именных и сенатских указов, анализ которых приведен выше. В данном случае важно подчеркнуть, что до тех пор, пока основополагающие принципы горной свободы, продекларированные и утвержденные Берг-привилегией 1719 года и Берг-регламентом 1739 года со всеми подзаконными актами имели юридическую силу, до тех пор и происходило, без всякого преувеличения, интенсивное развитие частной горнометаллургической промышленности в Оренбургской губернии, которая, как известно, занимала с 1744 по 1781 год практически всю территорию Южного Урала.

После выхода сенатского Указа от 16 апреля 1744 года строительство частных металлургических заводов стало осуществляться на всей территории новообразованной Оренбургской губернии и, особенно в местах, удаленных как от заводской границы екатеринбургского ведомства, так и от заселенных уездов и провинций Казанской и Сибирской губерний. Как уже упоминалось, в вышеназванном указе помимо уточняющих пунктов положений Берг-регламента были конкретно определены размеры земельных участков, отводимых под рудники и сам завод. «На обретенные руды, и которые впредь найдены, будут,— говорится в первом пункте кондиций,— отводить долготою и широтою 250 сажен... и тамо... руду и минералы, что обрящет под землей, копать и потребное строение строить». Во втором пункте земельная площадь под металлургический завод определялась следующим образом: «На завод... плавильный надлежит отводить, смотря по пространству места, ситуации, свободности и по величине завода, плотины, фабрик и всякого заводского и хоромного строения в длину и ширину до 500 сажен и более, да на выпуск, рассчитывая того места на 100 четвертей, что под завод будет по 50 десятин». В этом же пункте предусматривалось, что «те заводы с их строением надлежит, для опасности в случае неприятельского нападения укрепить по регулу фортификации небольшим валом, палисадами и рвом».

Бывший Табынский медеплавильный завод новые владельцы перенесли на более удобное с производственной точки зрения место на реке Тор (пра-

вый приток Нугуша, впадающий справа в Белую). В 1745 году этот завод, получивший название «Воскресенский», был запущен. Здесь имелось семь медеплавильных печей, выпускавших чистую штыковую медь. В 1745 году началось строительство на речке Кургулак, вытекающей из озера Большие Касли и впадающей в озеро Иртяш, Каслинского чугуноплавильного и железоделательного завода. Контракт на его строительство был заключен 10 апреля 1746 года между Оренбургской губернской канцелярией и посадским человеком из Тулы Яковом Коробковым. В 1746 году Оренбургской губернской канцелярией было дано разрешение Петру Осокину на строительство Нязепетровского завода. Контракт заключен 13 марта 1747 года. В том же году (по другим данным, в 1748-м) симбирские купцы И. Б. Твердышев и И. М. Мясников с разрешения все той же Оренбургской канцелярии приступили к строительству Преображенского медеплавильного завода на реке Зилаир (Урман-Зилаир). В 1748 году (1749?) промышленники Мосоловы заложили Кано-Никольский медеплавильный завод. По планам Мосоловых, на этом заводе предполагалось построить шесть медеплавильных печей для производства чистой меди.

В силу удаленности заводов от обжитых мест и заводской границы Екатеринбургского ведомства практически все предприятия испытывали острый недостаток в квалифицированной и неквалифицированной рабочей силе. Также из-за слабой разведанности месторождений железной и медной руды их производственные мощности были загружены не в полной мере. К примеру, на Нижне-Сергинском заводе из-за недостатка годной к переплавке железной руды работала только одна доменная печь из двух построенных, а Нязепетровский завод с одной доменной печью действовал с остановками. Аналогичные трудности испытывал и Каслинский завод. Там из-за «малолюдия» и низкого уровня воды в заводском пруду пришлось остановить работу почти на два года (завод бездействовал в 1750 и 1751 годах).

Тем не менее указанные трудности, являясь издержками роста, а не признаками упадка, были успешно преодолены в кратчайшие сроки. При этом если технологические (беспрерывная работа доменной печи, оптимальный состав шихты и т. п.), технические, гидротехнические вопросы решались горноза-

водчиками самостоятельно, то проблема рабочей силы в принципе не могла быть решена без деятельного участия Правительствующего сената и Берг-коллегии. Использование башкирского населения в качестве рабочей силы в металлургическом производстве из-за того, что это население, за редким исключением, занимаясь отгонным скотоводством, вело полукочевой образ жизни, не представлялось возможным. Тогда как только для работы одной доменной печи и двух кричных молотов требовалось, с учетом заготовки угля, дров, руды и перевозки их на заводы, 640 мужчин. В данном случае важно понять, что покупка, перевод на частные заводы Оренбургской губернии крепостных, приписка государственных крестьян, прием на заводы беглых старообрядцев осуществлялись не потому, что металлургические заводы по своей природе являлись порождением внеэкономических отношений, а потому, что вольнонаемных работников в слабо населенных районах Южного Урала просто негде было взять. Использование крепостного труда на южноуральских заводах было вынужденной необходимостью. Данный факт хорошо понимали в Сенате, поэтому в интересах интенсивного развития металлургического производства разрешались покупка, перевод крепостных и приписка государственных крестьян к заводам. «Кому, сколько заводчикам и фабрикантам надлежит крестьян еще прикупить, оным в том по их желаниям не воспрещать,— говорится в Указе от 12 марта 1752 года,— також и к покупке полного по нынешнему положению числа, фабрикантов и заводчиков для представленных Берг и Мануфактур-Коллегий резонов не принуждать, а оставить... на волю самих тех заводчиков и фабрикантов для того, что как Правительствующим Сенатом из вышеписанных ведомостей усмотрено, многие заводчики и фабриканты заводы и фабрики свои производят не столько покупными крестьянами, как вольными наемными людьми, из чего следует и впредь следовать может немалая подлому народу от найма оных к заводам и фабрикам польза» [13, т. 13, № 9954].

В связи с чем горнозаводчики, строящие и имеющие заводы в Оренбургской губернии, обращаясь в Берг-коллегию и Сенат, настоятельно просили не денег на строительство или содержание заводов, а правительственных разрешающих указов на покупку, перевод крепостных и приписку к заводам го-

сударственных крестьян. Государство в лице Сената и Берг-коллегии, имея на тот момент политическую волю, было крайне заинтересовано в обеспечении заводов Южного Урала рабочей силой, с тем чтобы построенные металлургические заводы как можно быстрее выходили на проектные мощности по производству железа и меди. Для этого в период с 1739 по 1758 год был издан ряд разрешающих покупок и приписку крестьян указов, которые и позволили частным горнозаводчикам безбоязненно продолжать строительство металлургических заводов в слабо заселенных районах Южного Урала. В этот ряд вошли именнные сенатские указы, имеющие общероссийское значение, а также указы о приписке государственных крестьян к отдельно взятым заводам. К указам общероссийского значения относятся: Берг-регламент 1739 года; Инструкция о ревизии от 16 декабря 1743 года; Указ от 12 марта 1752 года, который однозначно определял количество покупаемых крепостных крестьян для чугуноплавильных и медеплавильных заводов; Указ от 13 мая 1754 года «О возвращении беглых их владельцам и об ответственности держателей, приемщиков и укрывателей оных»; Указ от 30 декабря 1755 года «О невысылке с казенных и партикулярных Сибирских и Пермских заводов пришлых после 1724 года мастеровых и рабочих людей; о приписке их к волостям тех заводов вечно»; Указ от 17 октября 1758 года, разрешавший приписку государственных и покупку крепостных крестьян к заводам.

Необходимо отметить, что 1750-е годы стали самым благоприятным периодом для частного горнозаводского строительства в Оренбургской губернии. Вслед за разрешающим Указом от 12 марта 1752 года, который точно определял количество крестьян, покупаемых на заводы, 13 октября 1753 года вышел сенатский указ, предписывающий «во всей Оренбургской губернии казенных железных и медных заводов... Берг-коллегии не заводить, а крайнее старание прилагать железные и медные заводы размножать одним партикулярным людям» [13, т. 13, с. 907].

Именно для этого Сенат и изменил кардинальным образом свою таможенную и налоговую политику. «...По... указу... от декабря 20 1753 года повелено: внутри государства таможенных... сборов во внутренние таможи не собирать, и те все таможи, имеющиеся внутри государства, кроме порто-

вых и пограничных, уничтожить,— говорится в судьбоносном сенатском Указе от 6 апреля 1754 года,— собираемых в Берг-коллегию с железа внутренних пошлин по 5 копеек, а накладных по 10 копеек с платежного рубля ныне по силе... указа не собирать; отныне с тех железных и медных заводов и доменного десятинного сбора в Берг-коллегию не брать, а вместо того десятинного сбора при портовых и пограничных таможах с отпускаемого за море и за границу железа и меди брать, а именно: с железа по 2 копейки, а с меди по 30 копеек с пуда, а внутри государства с продаваемой меди и железа уже никакого платежа не спрашивать» [13, т. 14, с. 47–48].

Также сенатский указ от 6 апреля 1754 года предписывал «платить... в портовые и пограничные таможи внутренних пошлин с назначенной цены единственно с каждого рубля по 13 копеек, да вместо десятины с железа по 2 копейки, а с меди по 30 копеек с пуда, кои Коммерц-коллегии из тех портовых и пограничных таможен отсылать в Берг-коллегию на содержание той коллегии» [Там же, с. 48].

Другими словами, взимаемая ранее налоговая сумма с железа, состоящая из 5 копеек внутренней пошлины и накладных по 10 копеек с платежного рубля, осталась за государством. Но платить эти 15-копеечные сборы с 1754 года стали в портовых и пограничных таможах только те частные горнозаводчики, которые вывозили железо за границу. Те же горнопромышленники, что не вывозили железо за границу, торговали им внутри России беспошлинно, не платя доменного десятинного сбора в Берг-коллегию. Аналогично обстояло дело и с частными производителями меди. Внутри России медью торговали беспошлинно и без платы десятины, но при вывозе за границу горнозаводчики платили в пограничные и портовые таможи по 30 копеек с пуда меди [Там же, с. 48].

В качестве компенсации за предоставляемые таможенные и налоговые льготы государство требовало от заводчиков, чтобы «как для поставленной здесь в отпуске за море умеренной цены, так и для того, что с продаваемого внутри империи железа их уже ничего брано не будет, должны сделанное на своих заводах железо на здешний расход обывателям продавать против прежнего со уменьшением; також, когда в казну медь потребна, будет, тогда им заводчикам оную ставить и отдавать по 5 рублей пуд» [13, т. 14, с. 49].

Все перечисленные выше льготы в таможенной и налоговой политике Сенат предоставлял частным заводам и фабрикам с целью увеличения их численности и улучшения качества выпускаемой ими продукции, с тем чтобы «сделанные на оных товары из России в другие государства по способности в цене наиболее отпускались, и от того б как в казну... в пошлинном сборе пополнение было, так содержатели тех заводов и фабрик свободный капитал, а... работные люди довольное пропитание себе приобрести могли» [Там же, с. 47]. На это положение Указа от 6 апреля 1754 года следует обратить особое внимание. В сущности, это ключевой аспект промышленной политики правительства Елизаветы Петровны, направленный на создание самых благоприятных условий для развития не только легкой промышленности Европейской России, но черной и цветной металлургии Южного Урала. Причем исключительно рыночными способами, да еще в интересах частных промышленников-старообрядцев. Ибо все частные южноуральские заводы в XVIII–XIX веках принадлежали или тайным, или явленным старообрядцам.

В начале 1750-х годов Правительствующий сенат, увеличив объем вывозимых за границу российских товаров по сниженным, но выгодным для частных производителей ценам, преследовал как минимум две цели. С одной стороны, с увеличением экспорта повышались и таможенные сборы в государственную казну; с другой — снижение цены на продаваемое за границей качественное уральское железо делало его наиболее конкурентоспособным. В этом случае за счет увеличения объемов и уменьшения сроков продаж предполагалось ускорить процесс образования свободных частных капиталов в российской промышленности и завоевать английский рынок железа, вытеснив с него шведскую продукцию.

По свидетельству Василия Крамаренкова, в 1750 году в Сенате всерьез рассматривался вопрос о подрыве шведской торговли железом на английском рынке. Крамаренков не называет выходные данные этого указа, но достаточно подробно пересказывает все обстоятельства этого дела. В то же время факт существования такого сенатского указа косвенно подтверждает архивный документ: «Дело по покупке и размежеванию земель и постройке железоделательных заводов графом Строгановым и заводчиками Твердышевым и Мясниковым» [11].

В этом архивном документе говорится, что «по указу из... Сената от 14 августа 1750 г. ... велено Берг-коллегии немедленно и обстоятельно рассмотреть каким... образом железо на всех заводах возможно пред прежним умножить и до коликого числа и на котором, також для придания охоты к покупке и отпуску за море того железа, с какою умеренною прибылью в заморской отпуск от нынешнего порта продавать возможно и невозможно ль каждому заводу, а особливо партикулярным положить препорцию сколько с которого завода того железа оставлять на внутренний расход и сколько... для лучшего распространения коммерции ставить к тамошнему порту и положи ту препорцию иметь за ними крепкое смотрение...» [11, л. 91].

Также, по свидетельству Крамаренкова, Иностранной коллегии было поручено составить аналитическую записку о торговле железом в Англии и высказать свои предложения, «невозможно ли отпуском российского железа в Англию подорвать отправляемый туда торг сим же изделием из Швеции?» [2, л. 26]. Через находившего в Лондоне графа П. Г. Чернышева была собрана вся необходимая информация. После чего Иностранная коллегия подала в Сенат докладную записку, где было высказано следующее мнение: «... есть ли бы цена со здешнего железа уменьшена была и оное бы делано было по таким образцам, каковы английской посланник... с собою привез, то бы Россия гораздо больше, как торгу железом умножила, так и от того и прибыли получила, а Швеция всем торгу оной лишиться и в бессилие притти должна б была... Швеция в Англию железа более российского привозит в четверть от того, что российскому цена высока и делают его не так, как в Англии надобно, а есть ли б цена была уменьшена и железо делано противу образцов присланных, то считал он (П. Г. Чернышев.— В. С.) вместо получаемого из Англии тогда з железа денег получила б Россия двумя третьми больше» [Там же, л. 26–26 об.].

Мнение графа Чернышева было учтено, и Сенат по инициативе графа П. И. Шувалова при поддержке теневого правительства А. П. Бестужева-Рюмина принял в 1754 году решение об отмене внутренних таможенных и пошудных пошлин (Указ от 6 апреля 1754 года). В 1755 году был принят новый таможенный устав. Эта поощрительная налоговая и тамо-

женная политика продолжалась до тех пор, пока А. П. Бестужев-Рюмин оставался у власти.

Результатом всех вышеуказанных совокупных мер российского правительства в лице Сената, Берг-коллегии и частного капитала стал факт создания целой отрасли черной и цветной металлургии в слабозаселенных районах Южного Урала. Отмена внутренних таможенных пошлин и пошудных сборов (десятины) способствовала тому, что на Южном Урале в 1750-е — начале 1760-х годов было построено наибольшее количество частных металлургических заводов: в 1751 году — Иштерьяковский, Нязепетровский, Кананикольский; в 1752-м — Каслинский, Богоявленский; в 1753-м — Архангельский; в 1754-м — Троицкий (Верхний), Архангельский (Шаранский); в 1755-м — Авзяно-Петровский (Верхний); в 1756-м — Авзяно-Петровский (Нижний), Вознесенский; в 1757-м — Благовещенский, Верхне-Кыштымский, Нижне-Кыштымский, Катав-Ивановский, Покровский; в 1758-м — Саткинский; в 1759-м — Верхоторский, Богословский; в 1761-м — Саранинский, Симский, Уфалейский, Златоустовский, Усень-Ивановский, Троицкий (Нижний), Шермяитский; в 1762-м — Спасский; в 1763-м — Курганский, Юрюзанский; в 1764-м — Усть-Катавский; в 1767 году — Белорецкий.

Строительство частных металлургических заводов в Оренбургской губернии в 1744–1754 годах

Верхне-Сергинский железоделательный завод. Введен в строй 26 октября 1743 года; в 1744–1781 годах находился в составе Оренбургской губернии. «В 25 верстах от Гробовой крепости, от Билимбаевского завода в 43, от Кунгура в 212, от Екатеринбурга в 93 верстах. На реке Серге, впадающей в реку Уфу в Башкирии, на покупной земле у башкирцев Терсятской, Упейской волостей... по указу Канцелярии главного заводов правления [1740 года], дворянином Иваном Демидовым¹¹ построены два завода... в 3-х верстах один от другого. На Верхне-Сергинском заводе построено: две молотовые фабрики и с 6-тью молотами и 12 горнами, пильная мельница о 2-х рамах, кузница с 4-мя горнами, две слесарные фабрики, где делают весы, гири, другие инструменты, судовая пристань на реке Серге, лесопильная

11

Старший сын статского советника Н. Н. Демидова.

мельница 2-х станов, мучная мельница о 2-х поставах на речке Кубе...» [6, с. 220].

Нижне-Сергинский чугуноплавильный и железоделательный завод. Введен в строй 13 ноября 1744 года; в 1744–1781 годах находился в составе Оренбургской губернии. «На Нижне-Сергинском заводе построено: две домны, три молотовых фабрики с двумя запасными молотами, 16 горнов на этих трех фабриках, две кузницы с 7-ю горнами, меховая фабрика, пильная мельница (в 6-ти верстах от Нижне-Сергинского завода на речке Атиге) о 2-х рамах, мучная о 2-х поставах на той же плотине... На двух заводах приписано государственных крестьян 2340 [душ] Кунгурского уезда, мастеровых работных людей 1476 душ (как собственных крепостных, так и отданных по указам). Чугуна на Нижне-Сергинском заводе выплавляется ежегодно до 150 000 пудов. По меньшему указному положению полосного железа ежегодно 64 000 пудов при Нижнем, и 48 000

пудов при Верхне-Сергинском заводах выковано быть должно» [Там же].

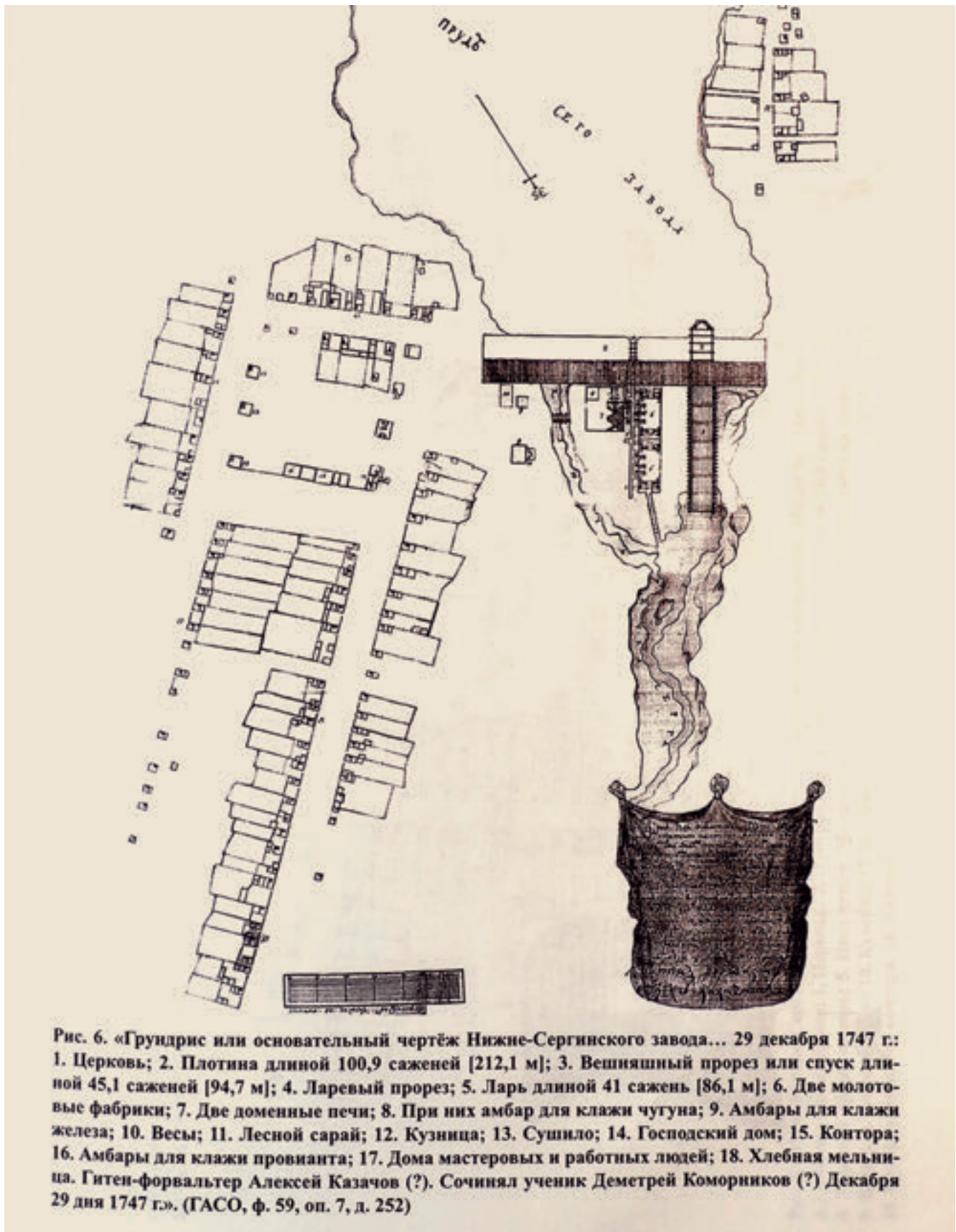
Воскресенский медеплавильный завод. «...В 11 верстах от Верхоторского завода на той же речке Торе в 1745 года по указам из Оренбургской губернской канцелярии построен Воскресенский медеплавильный завод. Завод сей по установлении Оренбургской губернии первый заведен в башкирских землях заводчиками Твердышевым и Мясниковым... В нем одних медеплавильных печей 7. Четыре горна для перечистки меди и 9 кузнечных, мусорная толчея о 5-ти пестах, при том пристроена изрядная пильная мельница и мучная, так же и меховая фабрика. На нем чистой меди в год выплавляется до 11 000 пудов. Собственных крестьян на нем до 300 дворов, 135 душ из приписанных непомнящих родства¹². Укрепление на нем сходствует с... помя-

12
«Непомнящие родства» — еще одно название старообрядцев в XVIII веке.

Рис. 7. «Грундрис или основательный чертёж Верхне-Сергинского Демидова железного сво заводу, при оном фабричному домовому и прочему строения значит ниже сего литеры: 1. Церковь; 2. Плотина длинной 105 сажень [220,5 м], шириной 15 сажень [31,5 м]; 3. Вешняный прорез и спуск большой воды длинной 45 сажень [94,5 м]; 4. Ларевый прорез; 5. Ларь длинной 17,25 сажень [36,2 м]; 6. Две молотовые фабрики, в конях по два действующих и одному запасному молоту; 7. Пильная мельница; 8. Слесарная; 9. Кузница; 10. Меховая; 11. Сушяло; 12. Заплат прежнего двора; 13. Амбары для клажи железа; 15. Дом господский; 16. Дом прежний господский; 17. Амбар для клажи провианта; 18. Дома мастеровых и работных людей; 19. Кирпичный сарай. Гиттен-форвальтер Алексей Казачов(?)». (ГАСО, ф. 59, оп. 7, д. 248)

План Верхне-Сергинского завода [ГАСО. Ф. 59. ОП. 7. Д. 248]

План Нижне-Сергинского
завода
[ГАСО. ф. 59. Оп. 7. Д. 252]

План Воскресенского
медеплавильного завода
коллежского ассистора

и завододержателя
Твердышева. [ГАСО Ф. 101.
ОП. 1. Д. 947. Л. 46]

нутыми заводами [Верхоторским, Богоявленским, Архангельским]. Как Верхоторский, так и Воскресенский завод довольствуется рудами с Каргалинских рудников...» [Там же, с. 50].

Преображенский медеплавильный завод. «...От Оренбурга в 190 верстах по почтовой из оного в Селябинск дороге¹³, в 1750 года построен... Твердышевым и Мясниковым медеплавильный завод в Усергинской волости на речке Урман Зилаир (правый приток Сакмары.— В. С.), по которой он Зилаирским, а по церкви Преображенским называется. На сем заводе нет никакого укрепления, как на других... заводах, но сие место природой укреплено, отовсюду его окружают высокие каменные утесы. На нем медеплавильная фабрика одна с 6-тью [медеплавильными] печами. Для перечистки меди — один горн сплейсофенной, один гармахерский

13
Она же Ногайская дорога. Через пять лет здесь вспыхнет еще одно башкирское восстание!

и один для перелития в куски [штыковой], два молота, как для разбивания крепких руд, так и для флюсового камня, толчея о 6-ти пестях... и пильная мельница о 2-х станах (рамах.— В. С.). Строения до 200 дворов. Руду получают с Каргалинских рудников. Чистой меди на оном заводе выплавляется до 6000 пудов» [Там же, с. 70].

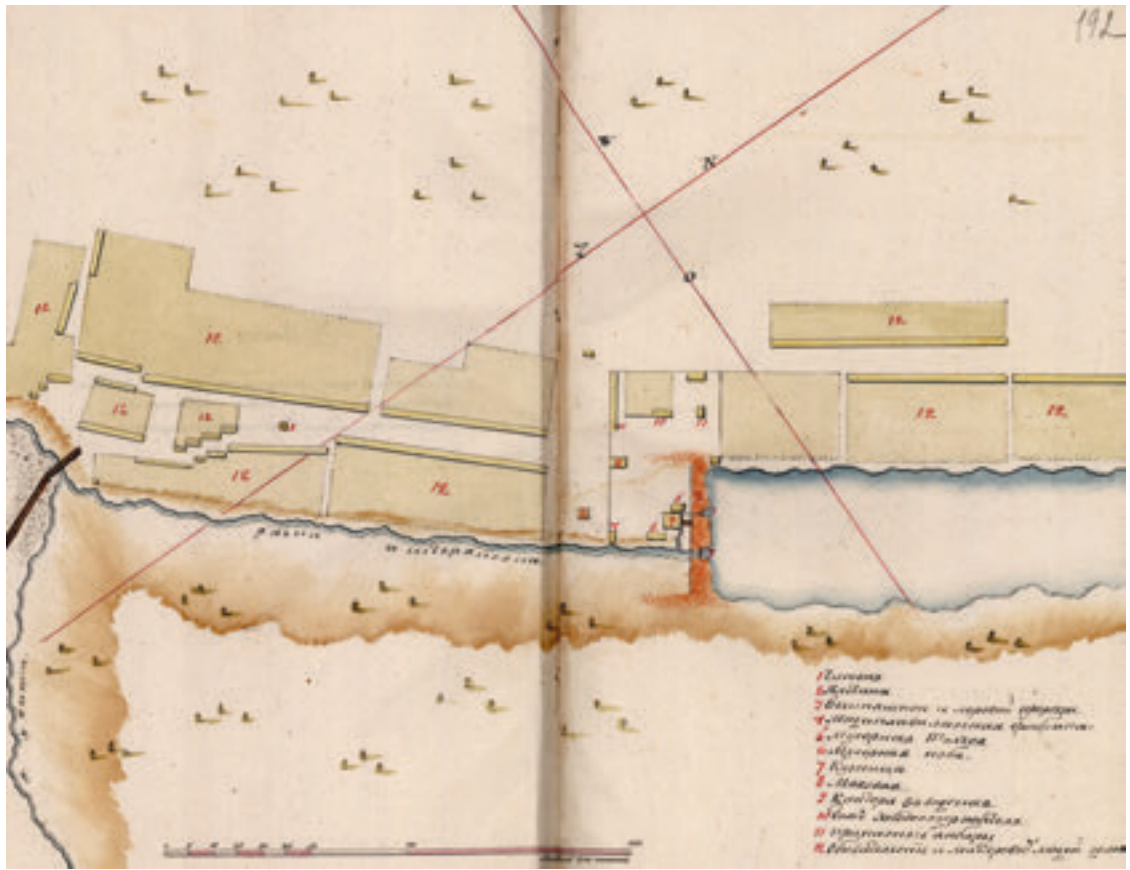
Иштерьяковский медеплавильный завод. Построен Семеном Еремеевичем Иноземцевым в 1751 году в Уфимской провинции Оренбургской губернии, на реке Байряш¹⁴, в 50 верстах к югу от Мензелинска.

Нязепетровский чугуноплавильный и железоделательный завод. Построен в 1751 году. «Завод Ураим состоит в Оренбургской губернии в Исетской провинции на покупной у башкирцев Катайской

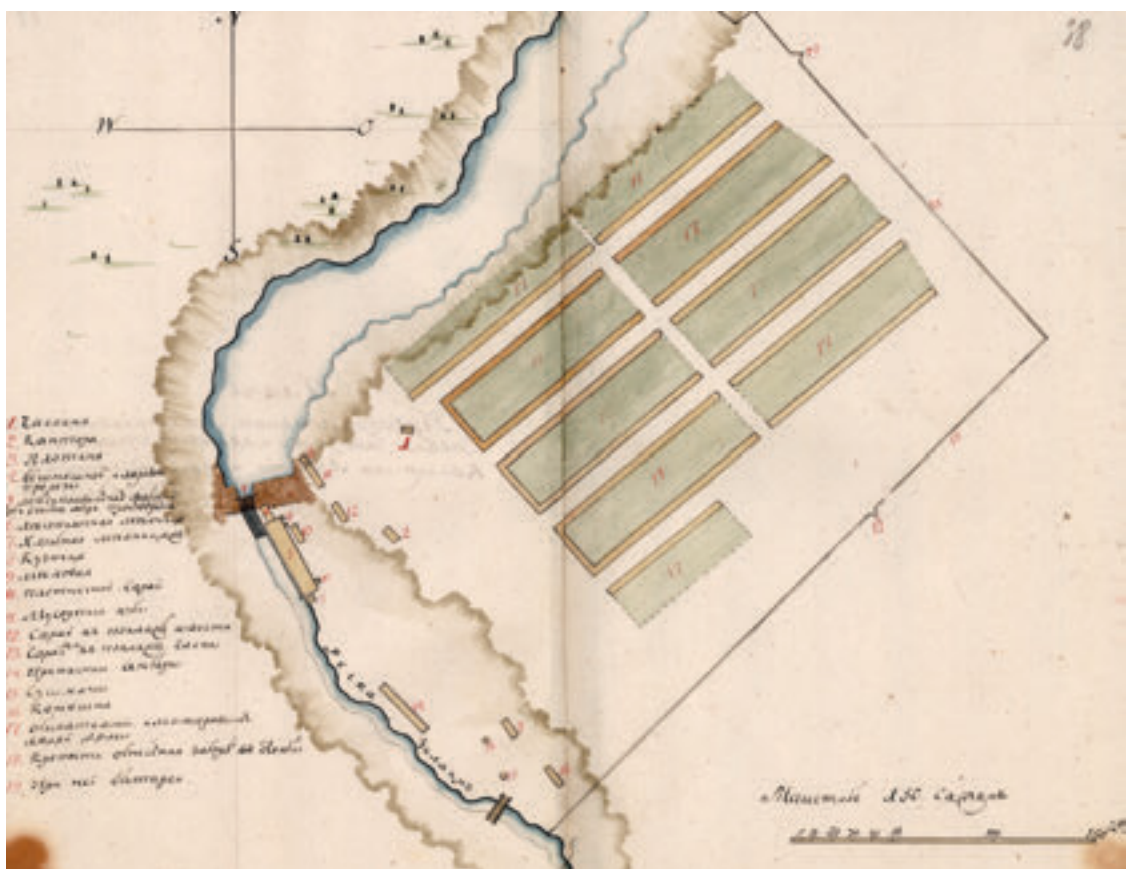
14

На современных картах этого названия уже нет, но есть речка Иштерьяковка, впадающая в речку Казанчинку, а последняя — в реку Ик с правой стороны. Точных данных о заводском производстве на момент пуска предприятия нет. В современных энциклопедиях используются сведения, относящиеся лишь к началу XIX века.

План Иштерьяковского медеплавильного завода заводосодержателя купца Иноземцева. [ГАСО. Ф. 101. ОП.1. Д. 947. Л. 192]

План Преображенский медеплавильный завод коллежского ассестора и заводосодержателя Твердышева. [ГАСО Ф. 101. ОП. 1. Д. 947. Л. 38]

волости земле. От Екатеринбурга до него почитается 140, от Каслинского завода Демидова 100, от Полевского Турчанинова 100 верст. Ураимом прозван башкирцами по речке Ураим, которая выше завода впадает в Уфу. Собственно завод сей, стоит на реке Нязе, которая также соединяется с Уфой. На нем построена изрядная деревянная церковь Во имя Петра и Павла, откуда он и Петропавловским или Нязепетровским называется. Он зачат строить в 1747 году, а в 1751 году приведен в действие. Пост-

роитель его был заводчик Мосолов¹⁵, ныне состоит за заводчиком Яковом Петровым. На нем доменная с одною домной, где приделана палатка для литья чугунной посуды, две молотовые фабрики при 6-ти действующих и 2-х запасных молотах и 12 горнах. Пильная мельница о 2-х рамах, кузница с 6-тью горнами, меховая фабрика. Мастеровых и работных

¹⁵ Первый владелец и строитель — купец Петр Игнатьевич Осокин.

людей, купленных с заводом 250 душ, отданных от Пермской провинциальной канцелярии незаконнорожденных и непомнящих родства 106, от Уфимской провинциальной канцелярии причислено 24 души, всего 380 душ. Чугуна на заводе выплавляется до 60 000 пудов, а по числу молотов, по меньшей мере, надлежит выходить 24 000 пудов. Продукты сего завода отпускаются по реке Уфе» [6, с. 268–269].

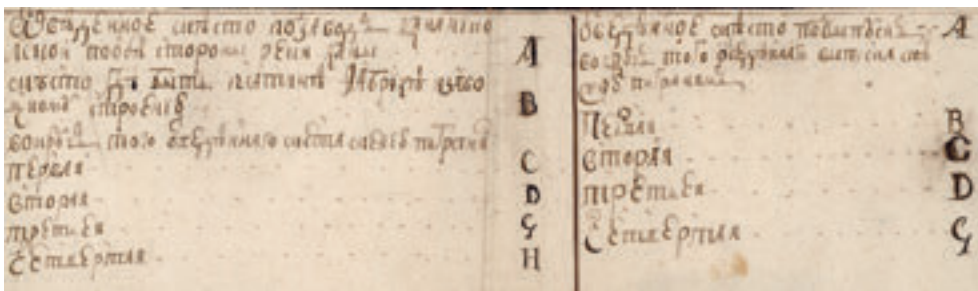
Кананикольский медеплавильный завод. Построен в 1751 году. «От Вознесенского завода паки принуждены были оставить реку Белую за непроходимыми дорогами и пробираться на самый Урал, куда хотя худая, однако проложена была дорога на завод Кананикольский. До сего завода от Вознесенского около 50 верст, которое расстояние все занято лесами, между коими более изобилует лиственница. Завод сей, принадлежит тулянину Ивану Мосолову, заведен на реке Кане, впадающей в реку Белую, в 1751 г. в Бурзянской волости на купленной

у башкирцев земле, от Оренбурга в 220, а от Уфы в 309 верстах. На нем медеплавильная фабрика с 6-тью печами, три горна, один для перечистки меди, другой для переливания в куски (штыки.— В. С.), а третий сплейсофенный. Особливая колотушечная фабрика с двумя печами и тремя молотами и одним горном для кусковой меди. Особливая мусорная толчея о 10-ти пестах, пыльная мельница об одном стану, кузница для дела и починки заводских инструментов с 4-мя горнами и меховая фабрика. Руды добываются по Сакмарским отметям, коих матку составляет тонколиственный шифер, перемешанный с микой (?). Из них самая выходящая руда дает из 100 пудов до 2,5 пудов меди. По пробам на заводе сем выплавлять положено ежегодно чистой меди по 3955 п. 34 ф., но когда завод сей, действует безостановочно, то выплавляется до 8500 п. Строения на заводе до 250 дворов и изрядная деревянная церковь. Работных и мастеровых людей по переписи

План местности, отведенной под Кананикольский медеплавильный завод. [ГАСО. Ф. 59. ОП. 7. Д. 322. 1751 год (фрагмент)];

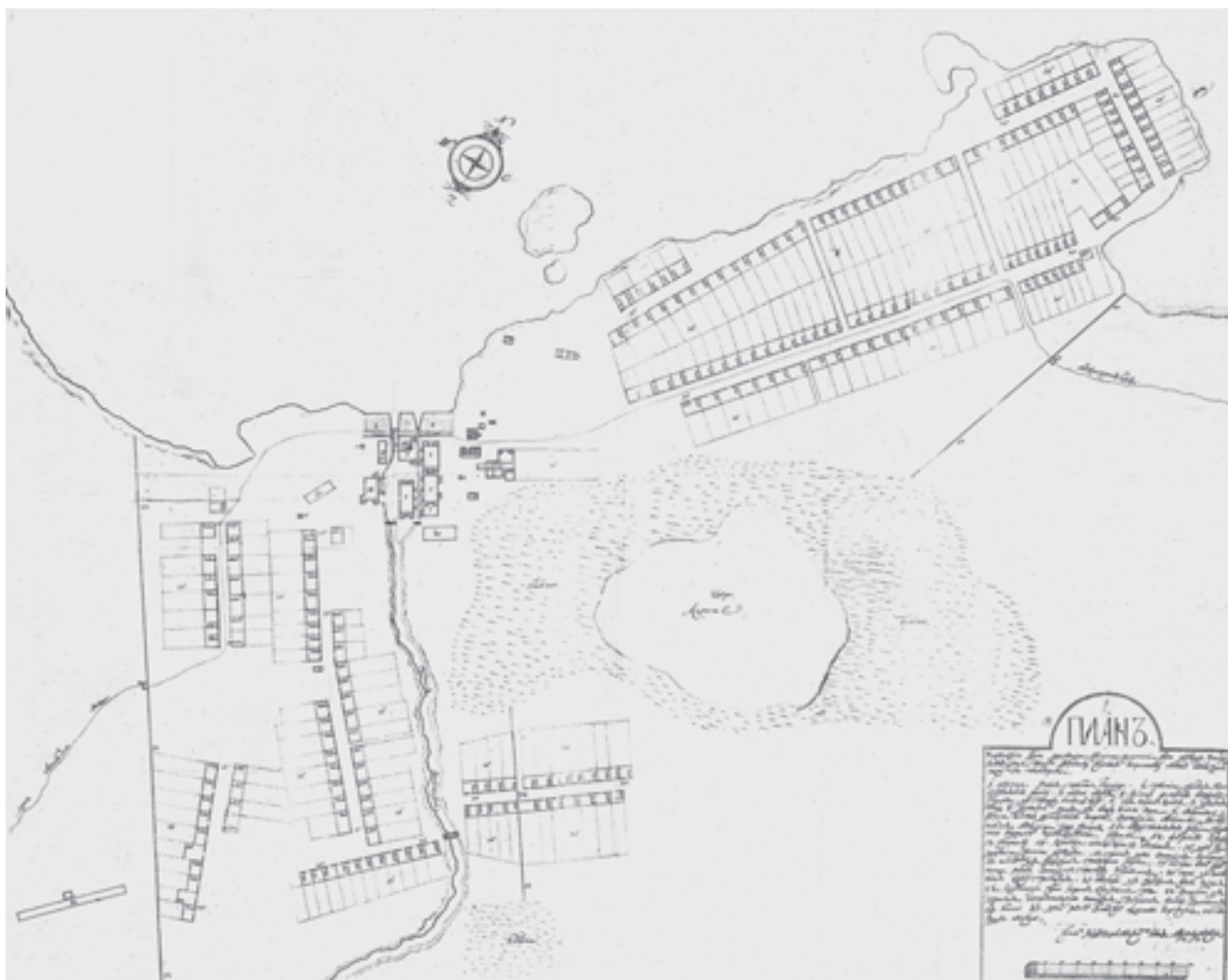
б) Обозначение плана местности [ГАСО. Ф. 59. ОП. 7. Д. 322 (фрагмент)];
в) Кананикольский медеплавильный завод заводчика Ивана меньшого Мосолова [ГАСО. Ф. 101. ОП. 1. Д. 947. Л. 168 (план)]

сям 294 души, да приписных от Уфимской провинциальной канцелярии по желаниям 20 душ. Прочие же заводские работы выполняются вольнонаемными [людьми]... Башкирцы... за малую цену возят руду и другия заводские потребности... В Оренбургской губернии живущая мордва и чуваша охотно нанимаются для добывания руд, также не из большой платы, а особливо, когда они задатчены будут. В 4-х верстах от сего завода на речке Куртлы находится старинная или так называемая чудская копь... Наша чудская копь казалась нам быть доказательницею и того, что древние сея страны, обитатели промышляли и высокие металлы (золото.— В. С.)» [6, с. 95–97].

Каслинский чугуноплавильный и железоделательный завод. Постоянно действовал с 1752 года. «В 30 верстах от Кыштымского завода, от Челябинска в 120, а от Екатеринбурга в 110, в Мякотинской волости Исетской провинции на покупной у башкирцев земле построен Каслинский завод. Между сим заводом и Кыштымским находится озеро Кизил Таш (Красный камень), обширностью верст с 25 составляющий. Из которого вытекает река Писима (Теча), соединяющаяся с рекою Исетем

выше Шадринского городка. Близь самого завода есть другое озеро Иртяш, которое в округе своей верст с 40 составляет, и, приняв в себя соединенные между собою озера Касли, Сунгуль и Аллаки, соединяется не весьма широким рукавом с Кизил Ташем.

Каслинский завод наименование свое имеет от озера Касли на протоке которого, Маук (Кургулак, по другим источникам.— В. С.) прозываемом, заведен был заводчиком Коробковым, и в 1751 г. продан помянутому Демидову. Завод сей, окружен деревянным оплотом и все строения в нем деревянные. Его можно почесть и железоделательным и медным плавильным заводом. Для плавки чугуна выстроена одна домна, три молотовые фабрики для полосного железа, в которых ходит 8 действительных молотов и три запасных, также и 16 горнов. [Выстроены при заводе:] Особливый медеплавильный анбар с двумя печками, одним горном для перечистки меди и одним для литья в куски, кузница с четырьмя горнами и лесопильная мельница о 2-х рамах. Чугуна при заводе сем, выплавляется в полном... действии до 133 000 пуд. Итак, на 8 молотах должно бы выковано до 80 000 пудов, но ныне по бедности железных руд, которые почти пресекаются и мало выгодны, становятся, предписанного числа

План Каслинского завода
[РГАДА. Ф. 271
ОП. 3. Д. 455]

выставить на сем заводе не можно. А медеплавильные печи совсем стоят без действия за неимением руд.

Мастеровых и других заводских людей 727 душ, в числе коих 162 (?) души пришлых и отданных по указам Правительствующего сената и Оренбургской губернской канцелярии. Сверх сего, по указу же Правительствующего сената в 1757 г. из разных сел и слобод, как к Каслинскому, так и к Кыштымскому заводу для добывания и вывозки руд, рубления дров и жжения [угля]... Сибирской и Оренбургской губерний, приписано 7667¹⁶ душ из государственных крестьян, которые по плакату подушные зарабатывают

16

Число приписных государственных крестьян, как и «вечноотданных по указам», отличается от аналогичных данных, опубликованных в «Материалах по истории Башкирской АССР» [7, с. 250].

деньги. Железо и чугунные припасы отпускаются по реке Уфе» [6, с. 179–181].

Синарский рудник¹⁷. «Синарский железный рудник также стоит внимания. Он находится против самой деревни Казаковой (Чайкиной, ныне территория Свердловской области. — В. С.) на противу лежащем... синарском берегу саженьях в 20-ти от речного течения. Руда лежит в нем стеною и в глубину около 3-х сажен. Редко можно видеть ее отделение, но вся как бы из одного слита кабана, выключая многие пустоты, которые, а особливо при солнечном сиянии, весьма узористы кажутся. Белый кварц, увал составляющий, и в самой руде, занимая себе гнезда, к красоте подземной породы способствует. Он в рудных пустотах, где собравшиеся в кристаллы разной величины, представляет разные изображения. Пустоты

17

Рудник находился против устья реки Багаряк, был отведен к заводам Демидовых.

тоты руд повторяли нам, паки мнение о рождении железных кровавиков от осадки, отвердевшей разведенной охры. Ибо всякая пустота внутри, как бы нарочно облита была тонкою от прочей руды отменною струистою кровавиковою пленкою, которая и кварцевым кристаллам вместо прикрепы служила» [6, с. 189].

Богоявленский медеплавильный завод. Построен в 1752 году. «На первом от ключей повороте, расстоянием в 3-х верстах находится медеплавильный завод... Твердышева и Мясникова. По речке Усолке Усольским, а по приходу Богоявленским прозываемый. Он построен в Юрматынской волости на наемной у башкирцев земле в 1752 г. На нем две медеплавильные фабрики, каждая о 4-х печках, пильная мельница, кузница с двумя горнами, три

молота, как для разбивания крепких руд, так и флюсу и расковки меди, горн сплейсофенный, гармахерский и два для брусчатой меди (штыковые.— В. С.). Завод укреплен так же, как и Архангельский (деревянным оплотом с башнями и раскатами, которые снабжены пушками.— В. С.). Строений для заводских служителей с лишком 200 дворов и место, как для заводских надобностей, так и для работных людей, весьма выгодно: ибо оно окружено пространными полями, на которых заводские жители с... успехом отправляют хлебопашество. Руду на завод привозят также с Каргалинских рудников. Меди чистой выплавляется до 1000 пуд» [6, с. 23].

Стерлитамакская пристань. «В 50 верстах от Табынска на реке Стерле, впадающей в реку Белую в 1767 года по именному... повелению синбирский купец, а ныне коллежский советник Тетюшев, построил пристань, с которой по реке Белой весной отпускаются суда с Илецкой солью, которая до сего места из Илеку ставится гужем. На какой конец многие тептярские волости приписаны. Тут кроме соля-

Демидовская судовая пристань на реке Уфе 1752 г. (в дальнейшем перенесена район Нязепетровского завода и более известна как Сорокинская пристань) [ГАСО. Ф. 59. ОП. 7. Д. 325 (план)]

План ограниченным лесам к Богоявленскому заводу [ГАСО. Ф. 101. ОП. 1. Д. 947. Л. 34]

Богоявленский медеплавильный завод коллежского ассистора и завододержателя Твердышева [ГАСО Ф. 101. ОП. 1. Д. 947. Л. 33 (план)]

ного отпуска делаются и коломенки, а годной на строение лес пригоняют водою верст за 300 из Уралу. Кроме много строения, на сем месте построена, изрядная лесопильная мельница, от оной до реки Белой 5-ть верст считается. В 11 верстах от Стерлитамакской пристани по нагорному берегу реки Белой видна последняя из высочайших гор близ Оренбургской дороги в Уфу, Тура Тау (Городковая гора) прозываемая» [Там же, с. 31].

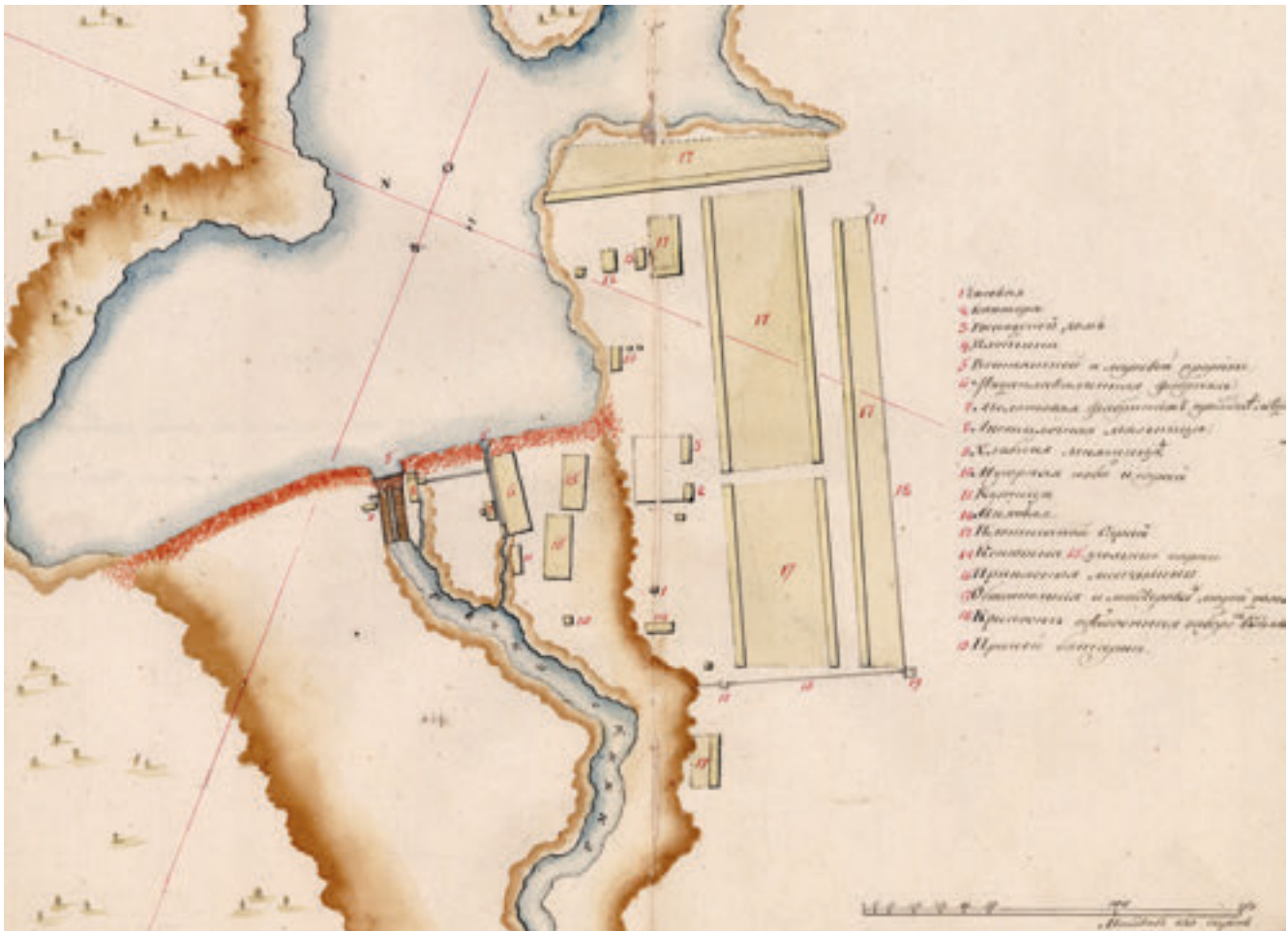
Архангельский медеплавильный завод. Построен в 1753 году. «В 50 верстах от Табынска по Екатеринбургской дороге в Туршевской (?) волости на реке Аксуне (Аскын, Аксын (?), левый приток реки Инзер.— В. С.) на покупной у башкирцев земле в 1753 года построен медеплавильный завод... Твердышевым и Мясниковым, прозываемый по приходу Архангельский. При оном поселено собственных их крестьян до 150 дворов, построена одна медеплавильная фабрика с 4-мя печками и 4-мя горнами, из которых один для перечистки меди, другой для пережигания чугуна, третий для разливки меди [в штыки], а четвертый

для нагревания, когда бывает расковка меди. Два молота, один для расковки меди, а другой для разбивания флюса, толчея для мусора и лесопильная мельница. Руду на завод привозят с лишком за 300 верст с реки Каргалы, которая различного бывает разбору. Самая богатая руда содержится в крепком камне и дает до 5 процентов, которая по твердости своей никогда одна не плавится, но всегда с примесом или глинистой или шиферной рудой. На заводе сем, выплавляется в год до 4500 пуд чистой меди, если не бывает остановки в воде от засухи.

Бывшия башкирския беспокойства заставили заводчиков быть всегда в осторожности: почему завод сей, укреплен деревянным оплотом с башнями и раскатами, которые снабжены пушками» [6, с. 18–19].

План Архангельского медеплавильного завода

и завододержателя Твердышева [ГАСО Ф. 101. ОП. 1. Д. 947. Л. 23]

Оренбургское горное начальство 1754–1781 годов

Через десять неполных лет правительство Елизаветы Петровны отстранило-таки Оренбургскую губернскую канцелярию от самостоятельного управления металлургическими заводами края в соответствии с буквой и духом горного права тогдашней России. Указом от 13 октября 1753 года «О заведении и размножении в Оренбургской губернии железных и медных заводов одним только частным людям...» решались как минимум две главные задачи. Во-первых, частным горнозаводчикам сообщалось, что «во всей Оренбургской губернии казенных железных и медных заводов... Берг коллегии не заводить... велеть железные и медные заводы размножать одним партикулярным людям». В сущности это был указ, подтверждающий ранее взятые обязательства. К подобной практике российское правительство прибегало и ранее, когда ему требовалось удостоверить граждан в серьезности и долгосрочности своих намерений. Надо признать, что данное обстоятельство успокаивающее действовало на частный капитал и не отпугивало, а привлекало его в важнейшую отрасль российской промышленности — черную и цветную металлургию. Во-вторых, в Оренбургской губернии, занимавшей тогда обширнейшую территорию Южного Урала, губернская канцелярия отстранялась от самостоятельного принятия решений по горнозаводской промышленности и учреждалось профессиональное низовое звено управления частной промышленностью — Оренбургское горное начальство, значение которого трудно переоценить. Тем не менее, по ряду причин, как в дореволюционной, так и в советской историографии ему мало уделялось внимания. В связи с чем имеет смысл хотя бы кратко рассказать, как оно образовывалось и какие именно задачи выполняло.

Процесс образования нового горного начальства с момента выхода Указа от 13 октября 1753 года с учетом переписки между горными ведомствами растянулся где-то на год. Берг-коллегия изначально планировала создание Оренбургского горного начальства как подразделение Канцелярии главного правления заводов, причем со штатом, основу которого должны были составить берг-офицеры этого же горного ведомства. Именно поэтому по

Указу Берг-коллегии от 28 января 1754 года Канцелярия главного правления Сибирских, Казанских заводов и командировала из Екатеринбурга в Оренбург своего горного офицера гитенфорвалтера Степанова с небольшим штатом сотрудников, предоставив им соответствующие полномочия и инструкции. На месте они должны были, тщательно освидетельствовав все имеющиеся в губернии металлургические заводы и рудники, сделать их подробную опись, приложив к описи чертежи и планы действующих и строящихся заводов и рудников, и отослать в Берг-коллегию. Гитенфорвалтеру Степанову персонально поручалось составить штат будущего Оренбургского горного начальства. Также в его обязанность входило проведение пробных «верных» доменных плавок чугуна на каждом заводе, действовавшем в Оренбургской губернии, с тем, чтобы установить суточный выпуск чугуна каждой печи. По понятным причинам эта работа не могла быть выполнена в одночасье. Из Указа от 25 мая 1754 года «О дозволении желающим отыскивать в Оренбургской губернии руду... на казенных и частных землях...» следует, что в конце мая 1754 года Оренбургского горного начальства как такового еще не было, а его функции продолжала выполнять Оренбургская губернская канцелярия. С той лишь разницей, что после Указа от 13 октября 1753 года она без позволения Берг-коллегии в горнозаводском деле и шагу не могла ступить. «Понеже в Оренбургской губернии... учреждено быть имеет Горное начальство,— разъяснялось в майском решении правительства,— ...до учреждения того горного начальства, кто... новые металлы, минералы обрящет, оные с описанием объявлять в Оренбургской губернии, а той губернии те... руды... для пробы и дачи... к устройению заводов дозволения, присылать в Берг коллегию» [13, т. 14, № 10244, с. 169].

Официально же в этот переходный период должность гитенфорвальтера Степанова именовалась как «смотритель за состоянием медных и железных заводов в Оренбургской губернии» [3]. По понятным причинам в этот период, когда один орган государственной власти в Оренбургской губернии уже полноценно не мог действовать, а другой еще не был учрежден, строительство и ввод в строй новых металлургических заводов замедлилось. Когда же в начале 1755 года Оренбургское горное начальство при-

ступило к выполнению своих прямых обязанностей, частные горнопромышленники, убедившись в серьезности намерений российского правительства, уже безбоязненно продолжали вкладывать свои капиталы в строительство металлургических заводов на Южном Урале.

Прежде чем переходить к пояснению задач, которые выполняло вновь созданное в Оренбургской губернии горное начальство, следует особо подчеркнуть, что вся полнота судебной и исполнительной власти над горнозаводским населением Урало-Поволжского и Сибирского регионов с 1734 по 1781 год была сосредоточена в Канцелярии главного правления заводов, расквартированного в Екатеринбурге. Оренбургское горное начальство периода 1755–1781 годов по своей структуре являлось ее уменьшенной копией. С той лишь разницей, что во вновь созданном горном начальстве тогда не было конторы, связанной с золотодобычей, а все письменное делопроизводство выполнялось меньшим количеством берг-офицеров и служителей. Сама же канцелярия состояла, как и все государственные учреждения тех лет, из «присутствия» и делопроизводственных контор (судных и земских дел; комиссарской; казначейской; екатеринбургской заводской; денежных дел; пристанской; таможенной; ревизионной; золотых производств; заводской полиции). При ней имелись также лаборатория, архив, госпиталь, аптека и школа. Для охраны и конвоирования была прикомандирована рота солдат.

Круг обязанностей Оренбургского горного начальства периода 1755–1781 годов охватывал весь спектр судебной и исполнительной власти на местах. С учетом обширности административной территории, где учреждалось начальство, эти обязанности порой казались трудновыполнимыми. Тем не менее, поставленные задачи решались, а заводы строились и успешно работали. О наиболее важных из них следует сказать. В первую очередь это касалось разбросанных по всему Южному Уралу медных и железных рудных приисков и их отводов ко вновь строящимся заводам. Общеизвестно, что от благонадежности отведенных рудников зависела дальнейшая судьба любого металлургического завода — точно так же как и от выбора места под заводскую плотину. Архивные документы южноуральских заводов XVIII века свидетельствуют, что горные офицеры Оренбургского горного началь-

ства не единожды переносили места, выбранные горнозаводчиками под тот или иной завод, на другие, более удобные в производственном отношении территории. И как показывали дальнейшие события, порой это спасало не только от напрасной траты сил и средств, но порой и от полного разорения промышленников.

На особом месте стоял отвод лесов под заводскую дачу. Именно из-за принадлежавших башкирам-вотчинникам лесных территорий, отводимых к тому или иному заводу с составлением купчих крепостей, иногда разгорались нешуточные страсти. Причем споры возникали как между самими горнозаводчиками, так и между горнозаводчиками и башкирскими вотчинниками. Иногда сами вотчинники продавали один и тот же лесорудный участок по несколько раз. Все эти и иные споры неизбежно становились предметом разбирательств вновь образованного горного начальства. По этому случаю следует особо подчеркнуть, что до тех пор, пока у российского правительства была политическая воля, направленная на развитие черной и цветной металлургии в Оренбургской губернии, все споры успешно разрешались Оренбургским горным начальством.

В сущности, со времен царствования Петра Великого в Российском государстве к середине XVIII века путем проб и ошибок все-таки была создана достаточно эффективная структура управления горнозаводской промышленностью — как казенной, так и частной. Она носила трехступенчатый независимый от местных и губернских властей характер и подчинялась только верховной власти. Берг-коллегия, находившаяся с 1742 по 1760 год в Москве, подчинялась Кабинету и Правительствующему сенату; Канцелярия главного правления сибирских, казанских и оренбургских заводов, образованная в Екатеринбурге, была подотчетна только Берг-коллегии. Горные начальства — Пермское, Казанское, Оренбургское — являлись профессиональными низовыми подразделениями Канцелярии главного правления заводов. В их непосредственном подчинении находились конторы казенных и частных металлургических заводов, устройство которых повторяло структуру вышестоящих горных начальств.

Свою эффективность эта структура управления доказала тем, что в России XVIII века за несколько десятков лет было построено столько металлургических заводов, сколько ряд европейских стран

вместе взятых не построил и за двести лет. Причем в середине 1750-х годов сохранялась устойчивая тенденция к увеличению их числа за счет ввода в строй все новых металлургических заводов, строящихся в Оренбургской губернии. И в дальнейшем не было никакой нужды нарушать этот процесс, повышалась лишь квалификация горных офицеров.

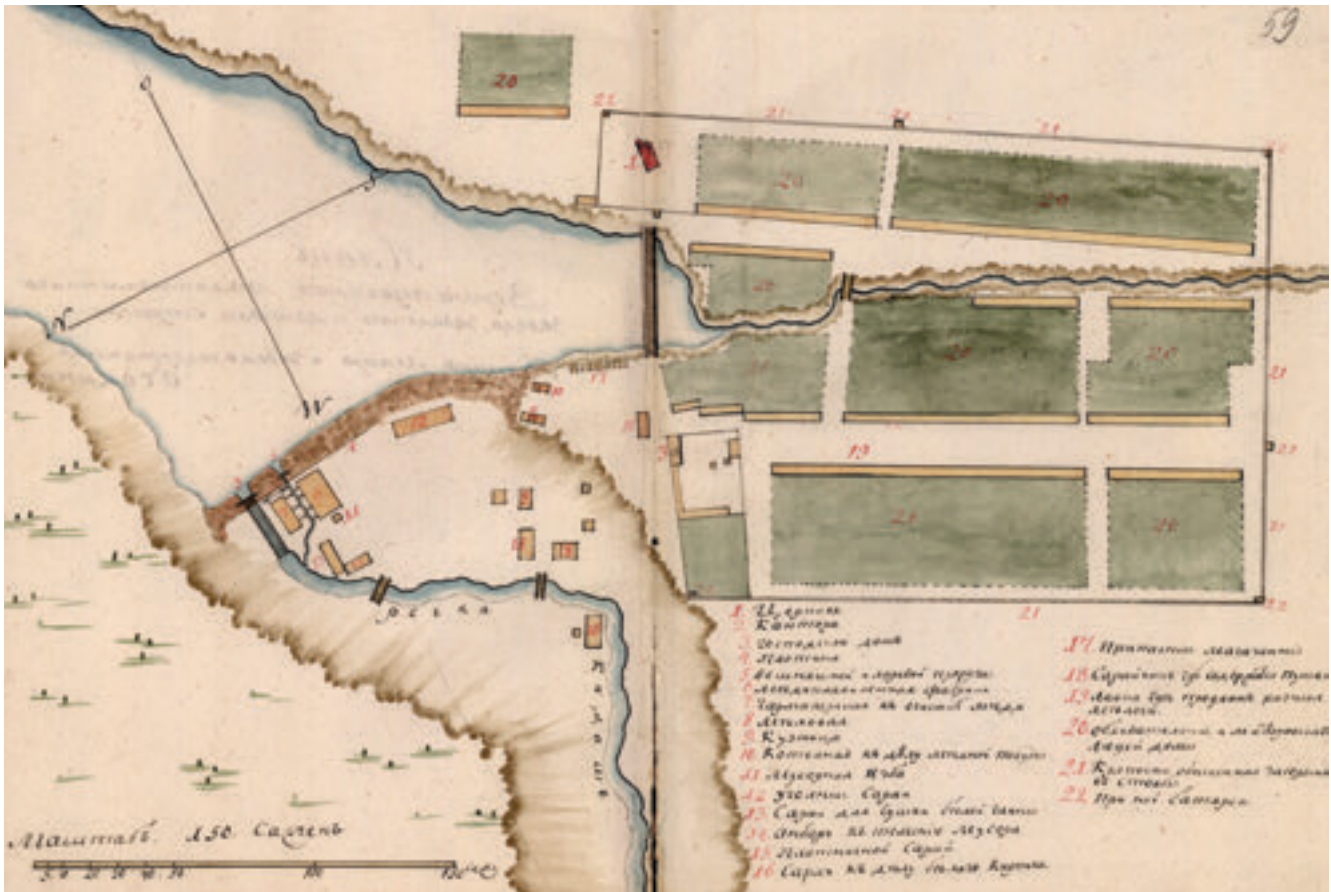
Продолжение строительства частных металлургических заводов в Оренбургской губернии в 1754–1755 годах

Троицкий (Верхний) медеплавильный завод. Построен в 1754 году на реке Кидаш (приток Ика и Камы). «Расстоянием от Уфы 160, от Оренбурга 290 верст. При трех заводах (Верхне- и Нижне-Троицком, Усень-Ивановском.— В. С.) заводчиковых и приписных крестьян 367». «На реке называемой Кидаш, находится медный завод... [Троицкий Верхний] Ивана Осокина. В нем четыре плавильные печи, гармахерский горн и расковочный молот, что все устроено с отменным искусством и рачением. Сверх обыкновенных заводских дел находится в нем особливая фабрика, где делают разную медную посуду, как, то чайники, кунганы, кастрюли, котлы

и все то, что нужно для обитающих в сей стране народов. Сей завод укреплением своим превосходит многие уездные города, ибо вокруг его обнесена крепкая деревянная стена, где находится несколько башен и довольно число пушек на них поставленных. А вне заводского строения есть порядочно построенные батареи, и также снабжденные артиллериею. Причина сему укреплению была объявленная и ныне еще продолжающаяся война с турками. Жители сего завода, находясь в великой опасности от татар и от других магометанских народов, вокруг их обитающих, запаслись всеми орудиями, дабы в случае нужды могли защищать себя от... неприятелей. Посреди заводского селения, которое составляют 60 обывательских домов, находится каменная церковь и несколько деревянных лавок, где продают нужное для вольных работников, которых число до 600 человек простирается. Крестьяне при заводе живущие, имея разные выгоды от порядочного учреждения заводских дел, содержат множество скота и пчел. А в хлебопашестве совсем не упражняются, но покупают хлеб в самом заводе, где по воскресным дням бывает обыкновенно базар, и жители оковых мест, съезжаясь, продают все свои избытки» [18, с. 103].

Троицкий медеплавильный завод Ивана Осокина, какая при оном заводе имеется крепость и в ней строение. О том явствует ниже сего под литерами, а именно: 1. Крепость забрана в столбах бревнами кругом домов обывательских высотой одну сажень, один аршин; 2. Из оной крепости проезжие ворота; 3. Около заводчикова дому и прочего строения забрано в столбах бревнами высотой одну сажень с половиной; 4. Батареи крыты скатом; 5. Башня на горе и высоком месте; 6. Плотина; 7. Сливной мост; 8. Ларь; 9. Плавильная фабрика; 10. В ней плавильные печи; 11. Гармахерская и расковочная фабрика; 12. В ней горна гармахерский и расковочный; 13. Мучная мельница; 14. Угольный сарай; 15. Контора; 16. Сени; 17. Амбар; 18. Котельная фабрика; 19. Кузница; 20. Меховая; 21. Сушило; 22. Дом заводчиков; 23. Обывательские дома» [ГАСО. Ф. 115. ОП. 1. Д. 27 (план 1756 года)]

Троицкий (Верхний) медеплавильный завод премьер-майора и заводосодержателя

Осокина [ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 947. Л. 59 (план 1782 года)]

Архангельский (Шаранский) медеплавильный завод. Построен в 1754 году на реке Шаран (приток Сюза, Белой). «Заводчика Григория Красильникова. Расстоянием от Уфы 120, от Оренбурга 330 верст».

Авзянопетровский (Верхний) чугуноплавильный и железоделательный завод. Построен в 1755 году. «В 9-ти верстах от Кагинской молотовой фабрики отстоит Авзянопетровский завод, прозываемый по реке Авзяне. Две реки, на которых сей завод, построен, имеют сие наименование. Одна называется Большой Авзян, а другая Меньшой [Авзян]. Обе речки, соединяясь в одну, составляют обширный пруд, который между горами стеснен, природные имеет укрепления. Завод сей, построен в 1753¹⁸ г. по указу Берг-коллегии на наемной у башкирцев Тамьянской и Тонгаурской волости земле, от Оренбурга в 330, от Уфы в 250, от Табынска во 100, от Вознесенского завода вверх по реке Бе-18

В 1753 году вышел только указ Берг-коллегии, разрешающий строительство, сам же завод был построен и пущен в 1755 году.

лой, также в 100 верстах. Прежде принадлежал он... графу Андрею Петровичу Шувалову, а ныне состоит за дворянином Евдокимом Демидовым. На нем выстроены две изрядные домны и два анбара молотовые, в которых 12 молотов, 6 действующих, 6 запасных и 12 горнов. Якорная фабрика... с 2-мя горнами и одним молотом. Тут же заведены два горна для переделывания железа в сталь и один горн для беления железа. Особливо выстроена, как для делания разных инструментов, как, то топоров, кирок, ломов и пр., кузница с 10 горнами. Одна слесарная, для которой особливых два горна, мельница мучная и меховая фабрика» [6, с. 117–118].

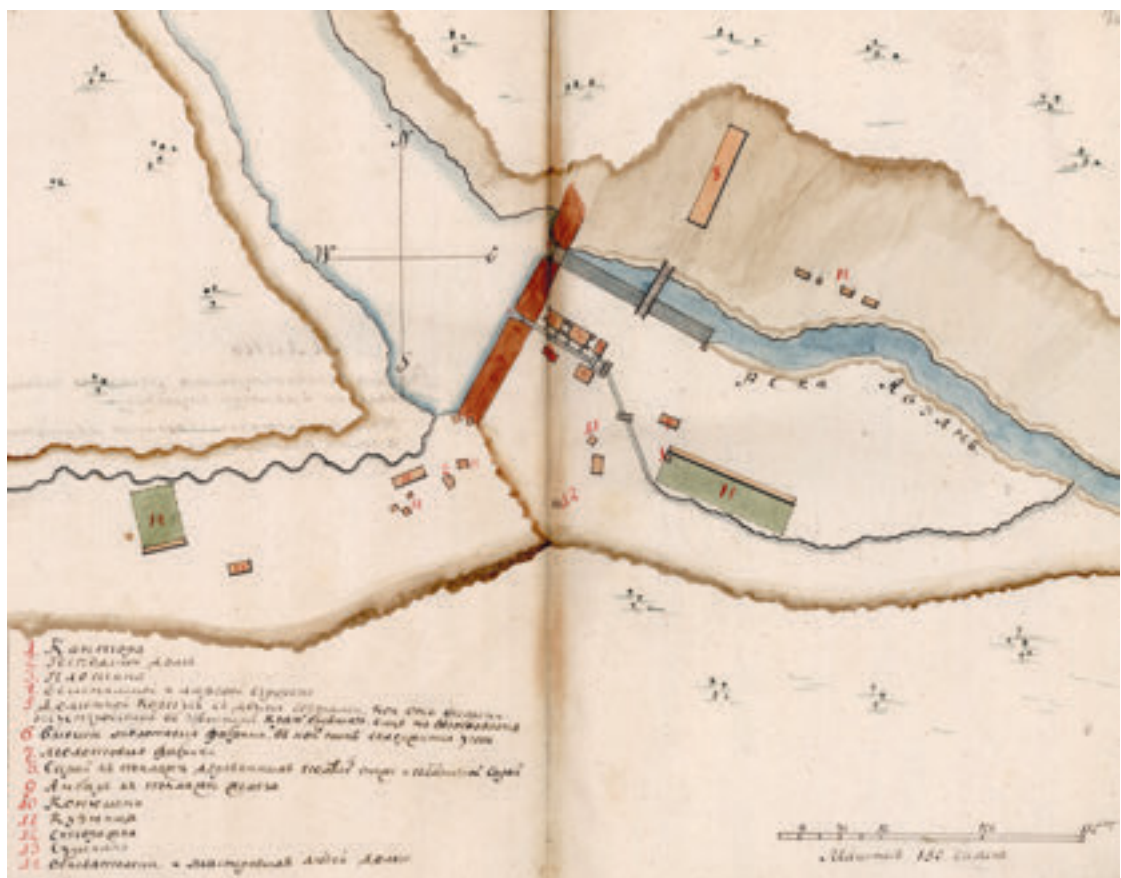
Башкирское восстание 1755 года

В процессе образования в 1753–1754 годах Оренбургского горного начальства и передачи ему всех функций управления заводами в Исетской и Уфимской провинциях, входивших тогда в состав Оренбургской губернии, взимание с башкир ясака Указом от 16 марта 1754 года было отменено. По этому указу ясак был заменен соляным налогом, что влекло за собой

Архангельский
(Шаранский)
медеплавильный
завод заводчика
купца Краси́льни-
кова [ГАСО. Ф. 101.
ОП. 1. Д. 947. Л.183
(план)]

Авзянопетров-
ский Верхний
завод покойного
дворянина Евдо-
кима Демидова,
а ныне наследни-
ков его [ГАСО.
Ф. 101. ОП. 1.
Д. 947. Л. 124
(план)]

изменение земельных отношений в Башкирии. Помимо отступления от устоявшейся десятилетней практики вознаграждения башкир за пользование их лесом и землей отмена ясака ставила под сомнение само вотчинное право башкир на владение землей. Что, собственно, и привело в 1755 году к очередному башкирскому восстанию, известному в уральской историографии как «восстание Батырши».

Мещерякский мулла Али-Улы Батырша (настоящее имя Габдулла) самим восстанием не руководил. Его причастность к этим событиям заключалась в распространении призыва к вооруженному восстанию всех мусульманских народов Среднего Поволжья и Приуралья. Находясь уже в заключении в Петербурге и ожидая приговора, Батырша написал императрице Елизавете Петровне письмо, в котором изложил причины восстания в Башкирии в 1755 году: «Соль, которую... брали из гор и озер запретили брать оттуда и заставили брать ее из русских складов. Также насильственным образом отменили ясаки, которые уплачивались нами законно за наши земли, которыми мы владели с давних времен... после этого у нас не осталось никаких доводов и ответов, чтобы зацепиться за наши земли и воды...» [1, л. 20–21].

Восстанием же руководили, причем только на первом этапе, старшина (?) Джилян Иткул и мулла Худайберды. Началось оно в середине мая 1755 года нападением башкирских воинов на горную команду Брагина, занимавшуюся разведкой полезных ископаемых в Бурзянской волости Ногайской дороги и разорением Сапсальского почтового стана на Исетском тракте. Но быстро и широко перекинуться на другие районы (дороги) Башкирии восстанию не было суждено.

Благодаря решительным и даже жестоким действиям оренбургского губернатора И. И. Неплюева, сумевшего незамедлительно командировать в Бурзянскую волость два значительных по численности воинских отряда солдат и казаков, башкирские воины были рассеяны, а их предводители вынуждены пуститься в бег. Часть восставших башкир скрылась в соседних волостях, другие тайными тропами ушли со своими семьями на территорию киргиз-кайсаков Среднего жуза. Старшины же, которые остались верны царской власти в крае, были направлены со своими воинскими командами на Ногайскую дорогу в качестве карателей. Также в Оренбургскую губер-

нию были стянуты из Европейской России несколько армейских полков.

Решительное применение военной силы со стороны царской администрации края внесло раскол в ряды восставших. Большинство башкирских старшин заняло выжидательную позицию и не приняло участия в набегах на мирные мещерякские деревни, русские крепости и заводы. Тем не менее, отдельные военные отряды непримиримо настроенных башкир сумели обойти крупные военные соединения царских войск и в августе 1755 года напасть на ряд заводов. Особенно уязвимыми оказались строящиеся заводы, на которых еще не было никаких оборонительных сооружений. Так, Покровский завод графа А. И. Шувалова, находившийся в стадии строительства, башкиры выжгли дотла, убив при этом около двухсот работных людей. В рапорте Оренбургского горного начальства в Берг-коллегию от 21 августа 1755 года эти события освещаются следующим образом: «... в обеденное время... башкирцы старшины Шайлы сотник Бек-Булат да сотник же Куватко с множеством башкирского народа оружны, с копьями, саблями, луками и стрелами и со знаменами, окружа тот завод, зажгли кирпичные сараи, работничьи шалаши, а потом часовню и все святые образа с церковною утварью и колоколами сожгли, а потом плотину заводскую, хлебные запасные амбары и заводскую ж кантору и находящихся на том заводе людей, которых в то время было более 400 человек, побили из луков и, набегаая, кололи копьями и саблями... Имеющеюся при том заводе денежную казну и всякую нажить пограбили и с собою забрали, а скот весь без остатку угнали... Вчерашнего ж дни, прибывшие сюда в Оренбург с того ж завода работные люди объявили, что де на том заводе еще за побегом осталось некоторое строение, а особливо хлеб, обгоря, состоит многое число в целости; и при том между мертвых тел живые, пораненные и по лесам от ран лежат люди без всякого призрения» [7, документ № 13, 1755 г.].

Действующие же заводы, оказавшиеся в центре военных событий, пострадали в меньшей степени: оборонительные сооружения, оснащенные артиллерией, сумели уберечь их от полного уничтожения. Но в отношении их восставшие башкиры использовали иную тактику. Задавшись целью остановить работу заводов, они с ожесточением принялись

уничтожать заводские припасы, необходимые для производства меди или железа. К примеру, 11 августа 1755 года башкирские воины, не сумев пробиться на территорию Преображенского медеплавильного завода (у которого, кстати, не было стандартных укреплений), но имея возможность беспрепятственно разъезжать по заводским окрестностям, сожгли на лесных делянках весь заготовленный на зиму древесный уголь и нарубленные дрова. Заготовленное заводскими жителями на зиму сено также было передано огню. «Все пожжено без остатку,— говорится в рапорте заводской конторы Преображенского завода от 19 августа 1755 года,— и плавки меди уже не имеется» [7, документ № 12, 1755 г.].

Из других донесений, поступавших в тот период в Оренбургское горное начальство, однозначно следовало, что «прочие де заводы оные башкирцы намерены вскоре все выжечь и людей побить, как то уже и начинаемое нападшество от оных воров тому заводу (Вознесенскому, фон-Сиверса.— В. С.) учинилось, а именно сего августа 12 дня табун лошадей весь отогнан, отчего состоит при том заводе за малолюдством не малая опасность, ибо имеющиеся при том заводе работные люди все в робость пришли и к побегу, склонность имеют» [7, документ № 12].

С учетом обширности территории Оренбургской губернии, на которой только-только начиналось строительство металлургических заводов, а также катастрофической нехватки рабочих рук как для строительных, так и для заводских работ, такая тактика восставших могла полностью парализовать всю производственную деятельность в малонаселенном пограничном крае.

В создавшихся условиях правительством Елизаветы Петровны тогда были приняты правильные меры. При активном участии оренбургского губернатора И. И. Неплюева в кратчайшие сроки вышел сенатский указ «О всемилостивейшем прощении башкирцев, которые, учинив разные злодейства, бежали с женами и детьми, если добровольно из бегов возвратятся». Этот Указ от 1 сентября 1755 года, невзирая на грозную риторику о погибели и разорении бунтовщиков, которые не вернуться в установленные сроки на прежние места своего проживания, в сущности подтверждал вотчинные права башкир на свои земли. Тем самым был восстановлен статус-кво в области земельных отношений, существовав-

ший до отмены ясака и введения соляного налога, а также сохранялся механизм получения башкирами двухпроцентных выплат (процентных денег) за использование земных недр горнозаводчиками. Что, в свою очередь, привело, в сочетании с решительным применением военной силы, к очередному всеобщему замирению в Башкирии.

Данное обстоятельство и позволило продолжить строительство металлургических заводов в опасном пограничном, но очень перспективном регионе Российской империи.

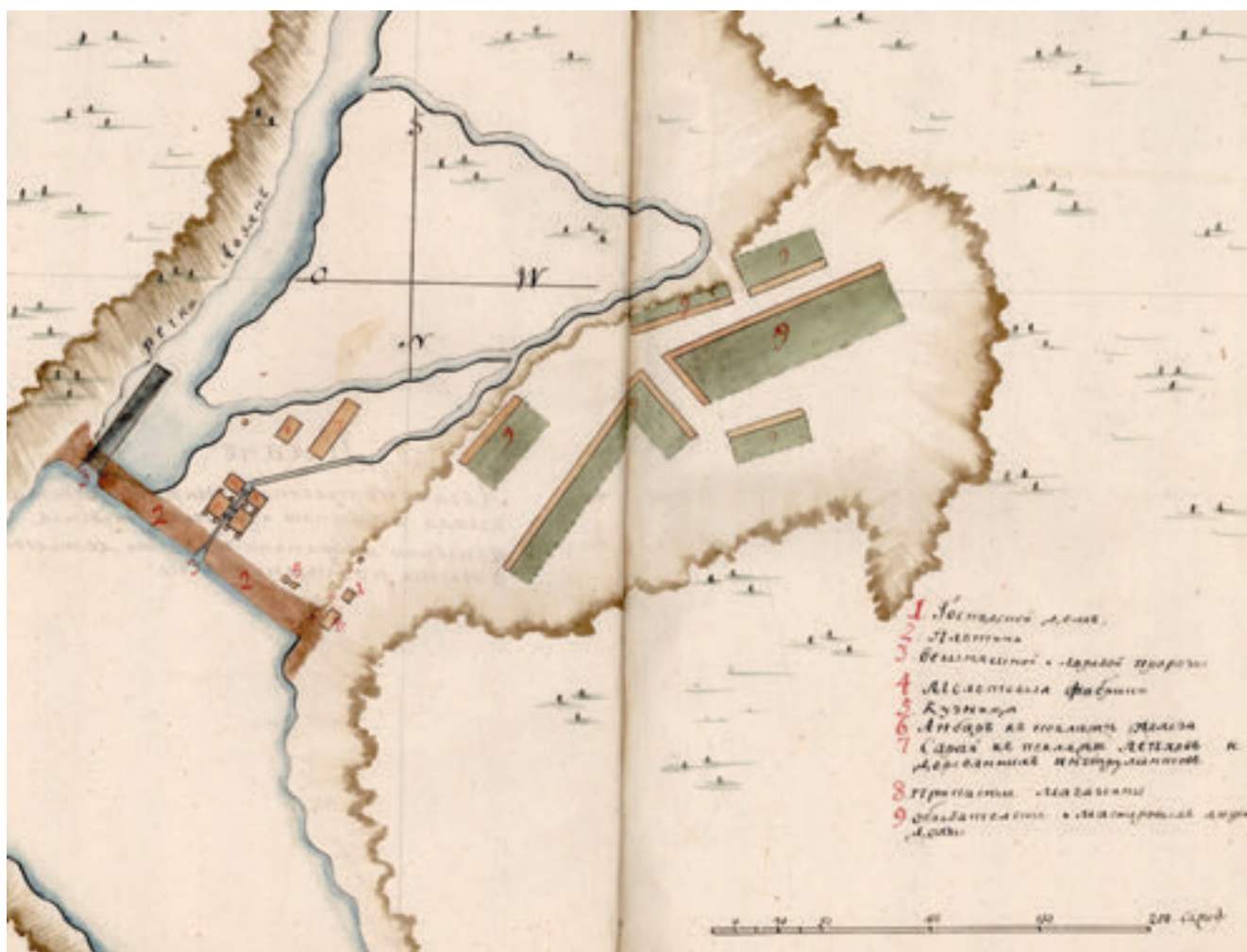
Продолжение строительства частных металлургических заводов в Оренбургской губернии в 1756–1773 годах

Авзяно-Петровский (Нижний) железоделательный завод. Построен в 1756 году. «...Близь на устье Авзяна построена другая фабрика под именем Нижнего Авзянского завода. Где также два анбара, в которых 12 молотов, 6 запасных, 6 действующих... Построена изрядная пильная мельница о 2-х рамах, одна кузница с осмию горнами. Немалая выгода сего завода состоит в отпуске своих продуктов: ибо Белая река, близь которой завод построен, весною большие поднимает коломенки, нагруженные железом. А из [реки] Белой беспрепятственный путь в Каму и далее до С-Петербурга, как всякому известно. Чугуна на сем заводе выплавляется до 300 000 пуд. По числу молотов не трудно вычислить, сколько на сем полосного железа выковано, быть может. На каждый молот по указной цене кладется выковать в год 8000 пуд, однако... выковывается от 10 до 12 тыс. пудов. Итак, если возьмем среднее число, и на каждый молот положим по 10 тыс. пудов, в год выйдет полосного железа 160 тыс. пудов.

К сему заводу приписано из Казанского уезда разных сел и деревень государственных крестьян 3708 душ. Да из одного же уезду по указу... Сената 1753 г. из государственных черносошных крестьян для обучения заводских рукоделей 1002 души, отданных по указу из Казанской губернской канцелярии 32 души. Собственных покупных переведенных [крестьян] из вотчин 274.

Государственные приписные крестьяне заводские работы исправляют, зарабатывая подушные свои деньги по утвержденным особливо на то законам... В 1769 г. по именной... конфирмации,

Авзянопетровский Нижний завод покойного дворянина Евдокима Демидова, а ныне

наследников его [ГАСО. Ф. 101. ОП. 1. Д. 947. Л. 132 (план)]

состоявшемся... от Сената докладе, все, в казенном ведомстве состоящие крестьяне, сверх подушного 7-ми гривенного сбора, в казну платят оброк с положенной по последней ревизии м. п. души по 2 руб. в год, то плакатная и плата по мере сего возвышения умножена. По прежнему... положению платилось в летнее время мужику с лошадей по 10 коп., без лошади по 5 коп. В зимнее с лошадей по 6 коп., без лошади по 4 коп. на день. По возвышенному же плакатному положению конному в летнее время по 12 коп., пешему по 6 коп., зимою пешему по 5 коп., конному по 8 коп. на день. По которому узаконению приписные крестьяне к заводам зарабатывают свой подушный оклад по прежним положениям, то есть по 1 руб. по 73 коп. за каждую душу. А остальной наложенный оклад платят деньгами в тех городах, к которым они приписаны» [6, с. 118–119, 122–123].

Вознесенский медеплавильный завод. Построен в 1756 году в Бурзянской волости Ногайской дороги. «Отправился на казенный медеплавильный завод Вознесенский называемый, который отстоит от Красной мечети в 45 верстах. Дорога к сему заводу лежит подле реки Ика. Вышина гор... излучистое течение реки Ика, впадающие небольшие в него при дороге... речки Магрыш, Шишимашь, Пшале, Шеланча на 46 версте заставили нас иметь 12 переправ, два раза через речку Кусеюкю, и 10 раз через Ик. Сей затруднительный путь не малые издержки причиняет заводам, как в содержании мостов, так и в провозе руды и съестных припасов.

Сам завод построен между высокими горами близ реки Белой на речке Иргизле в 1755 г. От Оренбурга до оног... с 200 верст, а от Уфы 300. Сначала завод принадлежал его сиятельству графу фон Сиверсу, а ныне принадлежит казне и выплавляемая на оном медь, употребляется на денежное

План Вознесенского казенно-гомедеплавильного завода
[ГАСО. Ф. 101. ОП. 1. Д. 947. Л. 7]

План ограниченным лесам
к Вознесенскому заводу
[ГАСО. Ф. 101. ОП. 1. Д. 947.
Л. 9]

дело. В нем 7 печек плавильных, два горна, один для переливки меди в куски, 4-е кузнечных горна, мусорная толчея и два молота, пильная мельница. В частном содержании на заводе выплавлялось чистой меди до 6000 п., а ныне за пресечением рудников гораздо меньшее число выплавляется. Сверх сего и людьми он не достаточен. На все заводские работы приписано из Казанской губернии 2319 душ, по чему за недостатком заводских припасов почти половинное число печек не в ходу» [6, с. 76–77].

Благовещенский медеплавильный завод. Построен в 1757 году. По определению Берг-коллегии от 11 декабря 1755 года дозволено было заводчику Матвею Семенову Мясникову «построить... медеплавильный, именуемый Благовещенский завод Оренбургской губернии в Уфимском уезде, по Осинской дороге в Кульяминской волости (по течению реки Белой по правую сторону, ниже Абызовых гор, от Уфы в 35 верстах) на речке Укашле, Потехина тож...

Прошлого 1757 года сентября 2... из Оренбургского горного начальства репортами объявлено [на основе рапорта из Благовещенской заводской конторы]... августа 9 числа первая медеплавильная печь совсем к действию изготовлена и з божиею помощью плавкою меди... пущена. ...При оном заводе... в 1757 года выплавлено... чистой штыковой меди... 388 п. При оном заводчиковых крепостных крестьян 267» [7, с. 345–347].

Верхне-Кыштымский чугуноплавильный и железоделательный завод. «...Построен в Исетской провинции по указу... Берг коллегии в 1757 года на покупной земле у башкирцев Шуранской и Чирлинской волостей на речке Кыштыме от Челябинска по прямой дороге в 80 верстах, а от Екатеринбурга в 140. Завод сей, принадлежит дворянину Никите Демидову. Заводское строение, как то фабрики [кричные, доменная] складены из кирпича

и покрыты чугунными досками. На нем одна доменная фабрика с двумя домнами, три молотовые фабрики дляковки железа с 12-тью молотами, из которых 9-ть почитается действительных и три запасных. Тут же пристроено 18 горнов, особливая каменная кузница с 8-мью горнами, в которой ходит вододействуемый молот, для делания стали, с принадлежащими к нему двумя горнами» [6, с. 178].

Нижне-Кыштымский железоделательный завод. Построен в 1757 году. «На той же речке Кыштыме в 4-х верстах сделана другая плотина и выстроена молотовая фабрика под именем Нижне-Кыштымский завод. На котором одна фабрика молотовая с тремя действительными молотами, при которых по два горна, особливая фабрика дляковки железа кровельного, одна кузница с двумя горнами и пильная мельница о двух рамах...

Мастеровых и работных людей считается 748 душ, из которых 701 душа собственных и 47 отданных от ревизии в заводскую работу из числа непомнящих

План Благовещенского медеплавильного завода [ГАСО. Ф. 101. ОП. 1. Д. 947. Л. 175

План Верхне-Кыштымского завода [РГАДА. Ф. 271. ОП. 3. Д. 485]

родства и незаконнорожденных. Железная руда дает от 30 до 40 процентов [чугуна]. Чугуну выплавляется, когда домны беспрепятственно ходят, до 190 000 пуд. Итак, положив среднее число, на сих заводах железа выковано, быть может 120 000 пуд» [6, с. 178–179].

Катав-Ивановский чугуноплавильный и железоделательный завод. Построен в 1757 году. «В 47 верстах от Симского завода отстоит Катав-Ивановский завод, к которому пробирались избивильными лесами, однако угористыми дорогами. Завод... построен в 1757 года по указу... Берг коллегии в Трухменской волости на покупной у башкирцев земле на речке Катаве, которая выходит из горы Чеберги неподалеку от Емань Тау и соединяется в 25 верстах ниже завода с рекою Юрезенем. Завод сей, также обведен деревянным оплотом с башнями и раскатами, на которых поставлены пушки. На оном одна каменная доменная [фабрика] с двумя домнами, 5-ть молотовых анбаров, в которых 15 молотов, из них 12 действующих, 3 запасных...

и 12 горнов; особый горн для разрезывания листового железа; особливый горн для разрезывания листового железа; особливая фабрика с 2-мя горнами для делания молотов и якорей; фабрика, где делают и лудят посуду; стальная фабрика с одним горном; фабрика для делания кос с 2-мя горнами; особый анбар для белого железа с горном; лесопильная мельница с особливою плотиною о 2-х станах, изрядная мучная мельница. Все заводское строение деревянное, включая церковь и доменную [фабрику], но ныне все фабрики заложены кирпичные. Чугуна на заводе выплавляется до 160 000 пудов, а по числу молотов по указному положению надлежит в заводе... выковано быть железа 96 000 пудов» [6, с. 249].

Покровский медеплавильный завод. Построен графом А. И. Шуваловым в 1757 году. «...Недавно (в 1768 году.— В. С.) купленный [Твердышевым и Мясниковым] Покровский завод у... генерал-фельдмаршала и кавалера Александра Ивановича Шувалова, построенный по указу... Берг коллегии в 1755 г. во 190 верстах от Оренбурга на реке Большой Ик в Куван-Кипчакской и Усергинской волости. Куда он по разорении башкирцами в 1756 г. пе-

План
Нижне-Кыштым-
ского завода
[ГАСО. Ф. 59. ОП. 7.
Д. 1736]

План Катав-
Ивановского
железного завода
[ГАСО. Ф. 101. ОП. 1.
Д. 947. Л. 93]

реведен. На нем 7-мь медеплавильных печек, два горна, один для перечистки меди, другой для переливания в куски, две толчеи каждая о 4-х пестах, молот для разбивания руд и флюсу, кузница с 4-мя горнами и меховая фабрика. Строения на нем до 150 дворов. Меди на нем выплавляется до 8000 пуд» [6, с. 71].

Саткинский чугуноплавильный и железодельный завод. Построен в 1758 году. «Саткинский завод наименование свое получил от двух речек, Сатки прозываемых, из которых первая выходит из озера Журяк¹⁹, а другая поблизу завода из высокой горы. Обе сии речки соединяются под заводом в обширный пруд, который по количеству тогдашних дождей, разлившись, был верст 12-ть в окружности. Сшедшие со всех сторон горы, составляют крепкие и природные берега. Стесненный между гор переше-

19

Озеро Зюраткуль. Из него вытекает река Большая Сатка.

Саткинский железный завод тульского купца и заводо-держателя Лугинина [ГАСО.

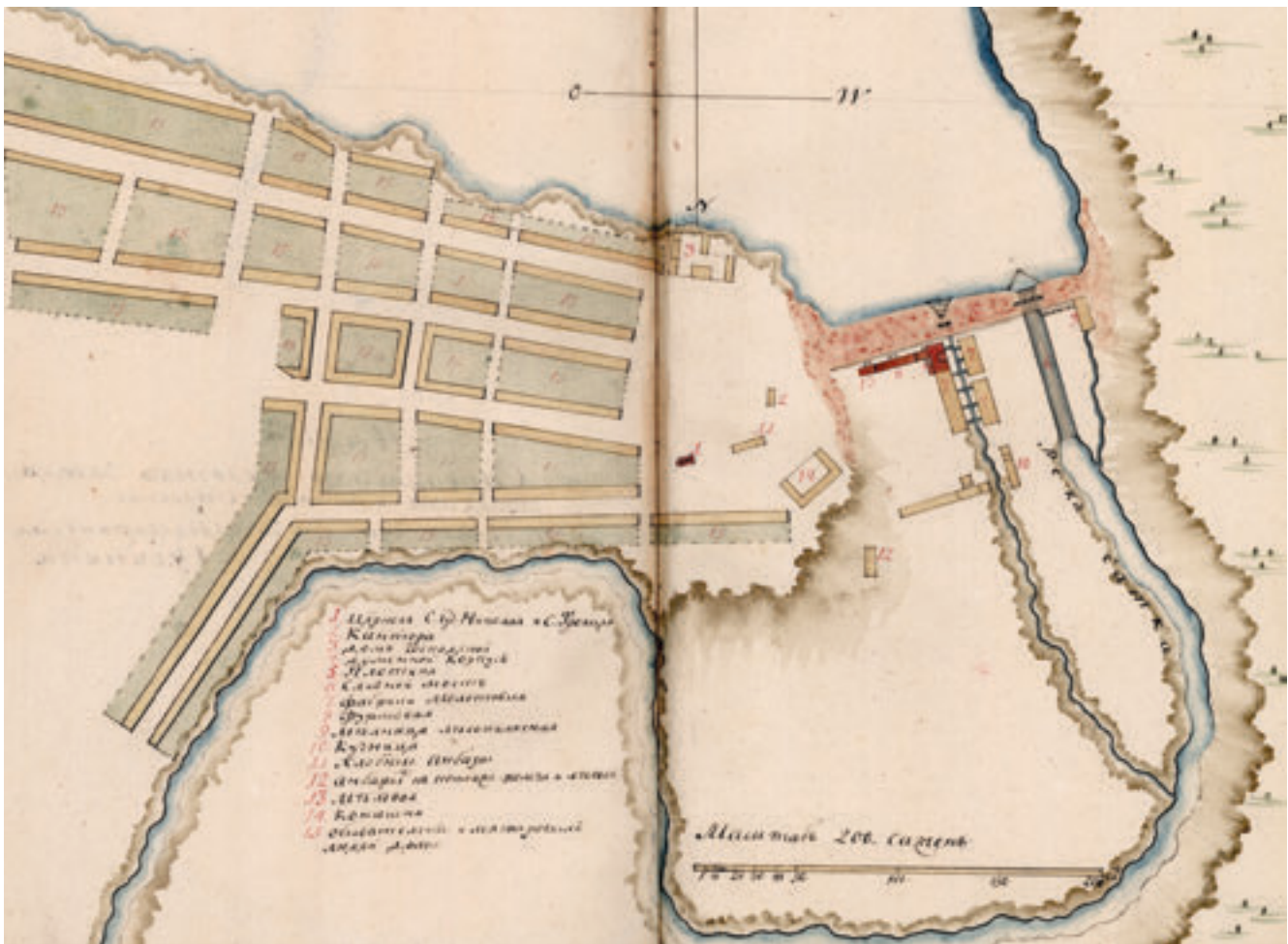
Ф. 101. ОП. 1. Д. 947. Л. 153 (план)]

ек, небольшое оставляет пространство для укрепления плотинного... Речки Сатки из сего пруда общим устьем впадают в реку Ай, а не в Белую.

Саткинский завод принадлежал прежде графу А. С. Строганову, а ныне стоит за тулянином Ларионом Лугининым. Он построен в 1756 г.²⁰ по указу из... Берг коллегии в Исетской провинции в Куваканской волости на покупной той волости у башкирцев земле. От Екатеринбурга считается 255, от Уфы 154, от Оренбурга 250 верст. На нем одна доменная [фабрика], в которой две домны, одна действующая, а другая запасная, в которой также 1 молот и горн находятся для делания укладу. Три молотовых фабрик, в которых 9 действительных молотов и 3-и запасных, также 9 горнов. Особливая кузница с 6-тью горнами, из которых два употребляются для делания вновь и починки старых молотов. Фабрика, в которой делают и обжигают фурмы и болваны к литью чугунной посуды и заводских припасов. Пильная

20

В 1758 году.

мельница о 2-х станах, мучная мельница о 2-х поставах, меховая и медеплавильная [фабрика] для пробы руд с одною печкою. Чугуна на заводе сем выплавляется до 120 000 пуд, из которого в год, считая, по 8000 пудов на молот, должно выковано быть железа на 9 молотов 72 000 пудов. Мастеровых и рабочих людей на заводе считается 1628 душ» [6, с. 258–260].

Железный рудник. «В 15 верстах от завода вниз по реке Ай находится богатый сего завода железный рудник. Рудник сей в рассуждении уральских рудников можно почесть главою. Рудная жила стоячая и в глубину сажен на 20 простирается. Руда сливная и для твердости рвут ее порохом... В сем руднике руда чем идет глубже, тем богаче содержанием становится от 50 до 60 даст процентов» [Там же, с. 260].

Верхоторский медеплавильный завод. Построен в 1759 году. «В 45 верстах от Хазиной, что от Оренбурга во 170 верстах состоит, в Тамьянской на по-

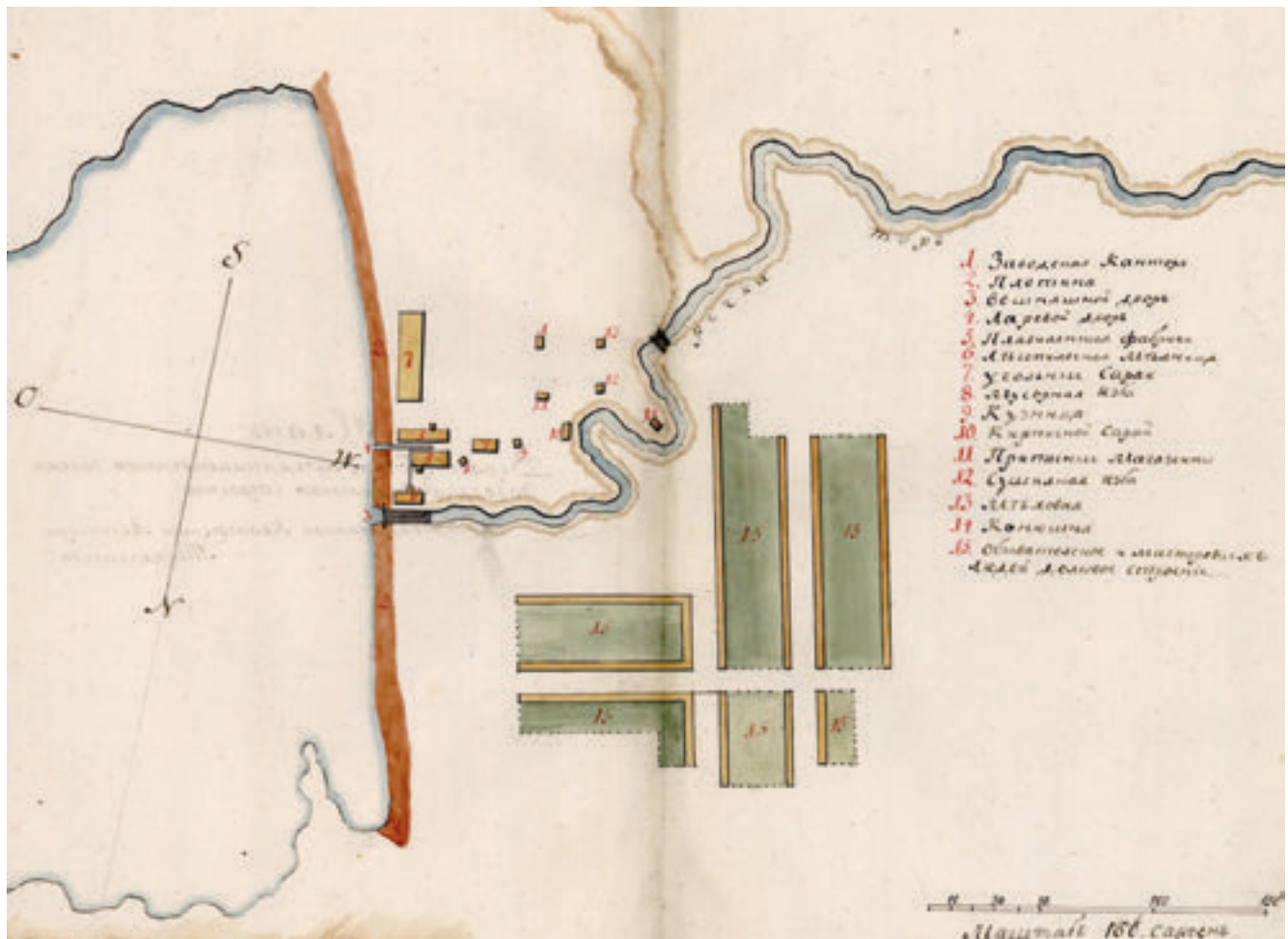
купной у башкирцев земле в 1756 г. по указу Берг коллегии близь вершины реки Тор, заведен, выше помянутый Твердышева и Мясникова медеплавильный завод. По вершинам речки Торы Верхоторским прозываемый. На оном выстроены две фабрики: в одной из оных три медеплавильных печи, толчея о 5-ти пестах для мусора, молот для разбивания крепких руд и флюсу. В другой сплейсофенный горн, гармахерский, два горна для литья меди в куски (штыки.— В. С.) и один для зеленой меди. Также вододействующая лесопильная мельница о 2-х станах (рамах.— В. С.). Чистой меди в год на оном заводе выплавляется по 4500 пудов...

Он также укреплен деревянным оплотом и снабжен пушками. Жила на нем до 150 дворов считается» [6, с. 49].

«Описав [медеплавильные] заводы... Твердышева и Мясникова, остается сказать, что по пробе на сих заводах меди выплавлять положено по рассмотрению Берг коллегии... прежде покупки Покровского завода, на 28 печей — 17400 п. 18 ф., а на

Верхоторский медеплавильный завод коллежского ассесора и заводоуправителя

Твердышева [ГАСО. Ф. 101. ОП. 1. Д. 947. Л. 52 (план)]

34 печи [с Покровским] — 21112 п. 26 ф. И сия есть самая малая препорция, когда заводы ходят безостановочно, кои из выше означенного явствует... Известное количество на выплавку меди не только узаконено для поощрения заводов, но и для казенных выгод. Всякий заводчик обязан ставить в казну на денежное в Екатеринбург дело три части выплавленной меди, а $\frac{1}{5}$ — продавать по своему усмотрению. И буде он положенное число меди выставит, то за каждый пуд получит по 5 руб. 50 коп. В случае не выставки, только по 5 руб. Когда заводчик остальную свою часть пожелает отдать на казенные же потребности, тогда платится ему по 6 руб. 50 коп. Сверх сего в силу... повеления от 15 декабря 1763 г. со всех... заводов с 1 января 1764 г. собирается по 5 руб. на год с каждой медеплавильной печи, да по указу... Берг коллегии от 9 мая 1764 г. по высочайшей... конфирмации, каждый заводчик обязан $\frac{1}{10}$ часть выплавленной меди отдавать в Екатеринбург на денежное дело. С железоделаемых заводов по силе... упомянутых указов, собирается в казну по 100 руб. на год с каждой домны, да по 4 коп. с пуда чугуна. По нынешним обстоятельствам на время, заводы обложены двойной податью, то есть с каждой медеплавильной печи платится по 10 рублей, с домны по 200 руб., с пуда чугуна по 8 копеек» [6, с. 71–72].

Богословский медеплавильный завод²¹. Построен Герасимом Глазовым по указу Берг-коллегии от 16 апреля 1758 г. на реке Кичуй, впадающей в Шешму (приток Камы) в 1759 году в полуверсте от Кичуйской крепости. Земля под заводскую дачу была куплена у старшины Надыра. «...При оном заводе заводчиковых крестьян 260. Расстоянием от Уфы 350 верст». Первоначально планировалось построить шесть медеплавильных печей и два горна — гарматерский и штыковой. В 1768 году на заводе действовала только одна медеплавильная фабрика при четырех печах и двух вышеупомянутых горнах.

Саранинский железоделательный завод (Осокина). Построен в 1761 году. «В 15 верстах ниже Красноуфимской крепости на реке Саране, где прежде наилучшие бывали красноуфимских казаков рыбные промыслы, в 1760 года по указу Берг коллегии заведен железный завод, Саранинский прозываемый. На оном одна молотовая с 4-мя молотами,

из которых 3 действующих, один запасной, с 6-тью принадлежащими к тому горнами, кузнечная в которой и слесарная работа отправляется, с 4 горами; пильная мельница о 2-х станах и меховая фабрика. Мастеровых и работных людей, переведенных с Иргинского оного же Осокина завода, считается 193 души. Хотя по указному положению, считая, на каждый молот по 8 тысяч пудов, надлежало в год выходить с сего завода полосного железа 32 000 п. Однако на нем показанного числа не бывает, ибо привозимый чугун с Иргинского завода не редко делает остановку в работе, а собственных рудников к сему заводу еще не отыскано» [6, с. 241].

Симский железоделательный завод. Построен в 1761 году. «Симский завод прозывается по реке Симу, на которой он в 1759 года по указу... Берг коллегии построен в Дуван-Кудейской волости на покупной у башкирцев земле, принадлежит коллежским ассессорам Твердышеву и Мясникову и укреплен деревянным оплотом. На нем три молотовые фабрики, в которых 12 молотов, 9 действительных и три запасных. По числу 9 молотов построено 18 горнов, особливая якорная фабрика с одним горном, где особливый складен горн для нагревания и особливый горн для обжигания железа. Жила на нем до 100 дворов, к которым еще вновь пристраиваются для переведения свежих заводских служителей. От Уфы почитается до него 147, а от Оренбурга 340 верст.

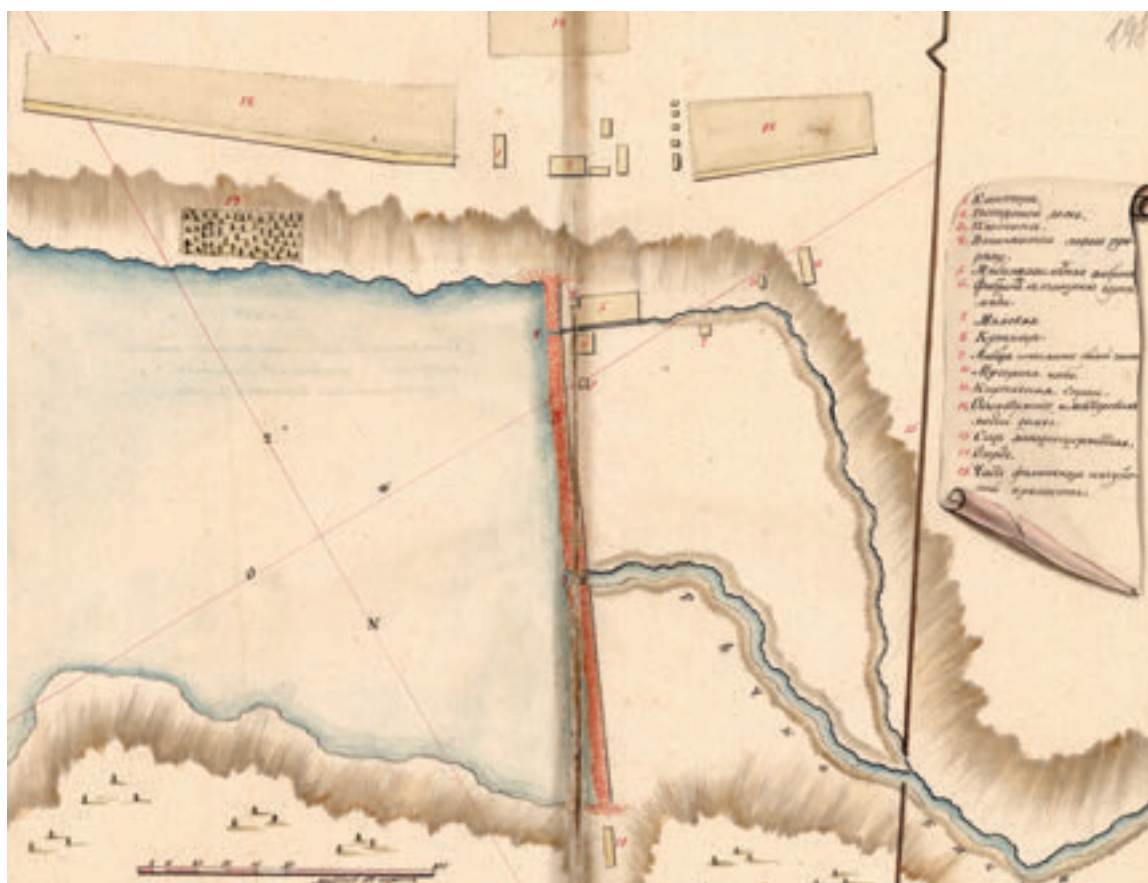
Хотя Уральские наклоны и отроги почти везде изобилуют железом, однако на Симском заводе чугуна не плавится, но привозят оной или с Катавского или с Юрезенского заводов. Но ныне по обысканию в окружности руд, строится и для выплавки чугуна доменная [фабрика] с одною домною, также и изрядная каменная церковь. По числу казенного расчисления должно на сем заводе ежегодно выковано быть на 9 молотов 72 000 пудов железа. Железо с сего завода отпускается по реке Симу, которая чрезмерно быстра и извилиста. По ней самые лучшие и употребительные растут леса, состоящие из ельника, дубняка, сосняка и пихтовника» [6, с. 248–249].

«Дворы [Симского завода], принадлежащие заводским людям, лежат на левой стороне реки Сима и ниже плотины выстроены и разделены на правильные улицы, числом до 160 (на 20 мая 1770 года. — В. С.). Около молотовых [фабрик] оставлено пустое

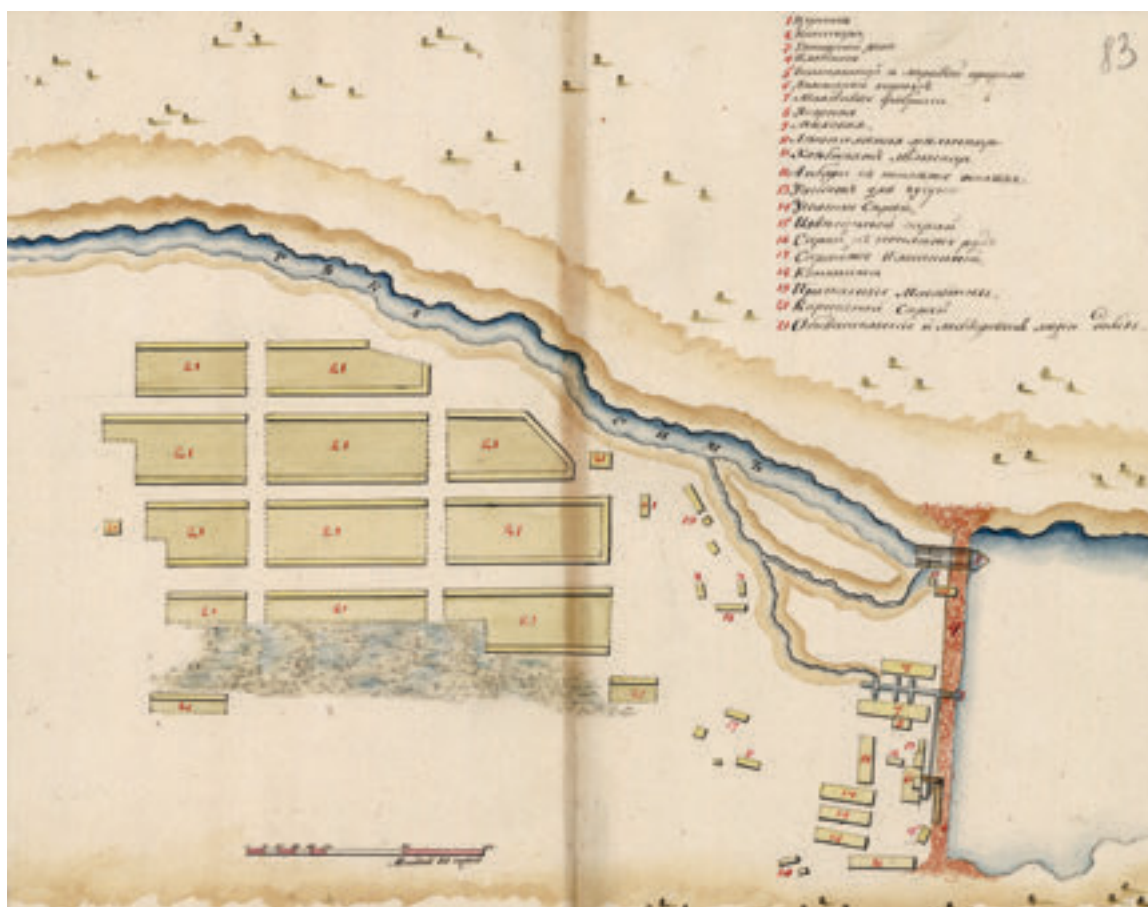
21

Ныне село Кичуй в 30 километрах от города Альметьевска Республики Татарстан.

Богословский медеплавильный завод заводосодержателя корнета Глазова [ГАСО. Ф. 101. ОП. 1. Д. 947. Л. 198 (план)]

Симский железный завод [ГАСО. Ф. 101. ОП. 1. Д. 947. Л. 83 (план)]

место²², на коем стоят новопостроенная каменная церковь, не худой жилой деревянный господский дом с садом и заводская контора. Для безопасности от могущих, произойти со стороны башкирцев беспокойств, все место укреплено некоторым ограждением из лежащих брусьев. Оно в длину до 300, а в ширину до 150 сажений простирается» [12, С. 34].

Деревня Ерал. «За 8 лет пред сим (в 1770 году. — В. С.), заведенная в 20 верстах отселе (от горы Джигертау. — В. С.) на впадающей в Сим реке Ераль, лежащая большая российская деревня к Твердышевским железным заводам принадлежавшая. В деревне выстроено до 130 дворов, расположенных в четыре прямые с перекрестками и довольно широкие улицы, кои для укрепления обнесены деревянным оплотом» [Там же, с. 39].

Уфалейский чугуноплавильный и железоделательный завод. Построен в 1761 году. «В 40 верстах от Ураима в Исетской провинции в Китайской волости на покупной у башкирцев земле, от Екатеринбурга во 100, от Челябины во 130, от Каслинского завода в 45 верстах, в 1762 г. на реке Уфалее²³... построен заводчиком Иваном Мосоловым железоделательный завод, по реке Уфалейским прозываемый. На нем одна доменная печь, молотовая фабрика, в которой 3 действующих и один запасный молот и 6-ть горнов, пильная мельница о двух рамах. При доменной фабрике 2 анбара для литья чугунных припасов и фурм. Мастеровых и работных крепостных людей, купленных у разных помещиков 144, отданных от Пермской провинции незаконнорожденных и непомнящих родства 75...

Чугуна на заводе сем в год выплавляется до 40 000 пудов, а железа по числу действующих молотов ежегодно должно быть 24 000 пудов, по крайней мере. Но как на сем заводе, так и на Ураиме положенного числа не выплавляется. Причиною тому заводское малолюдство, ибо окольные жители все приписаны к заводам, и за тягость себе считают положенный на них заводской урок, и в другие работы наниматься совсем не имеют времени. Итак, на сих заводах по недостатку людей всегда недостаток бывает и в за-

водских припасах, и потому на заводе половинное отправляется действие. Например, когда ходит домна, стоят молоты, когда молоты, действуют, надобно выдуть домну.

Мыслящие [люди] всегда о размножении заводов могут иметь в сих 2-х заводах пример. Если рассуждать по множеству железных руд в Урале, то смело, можно сказать, что еще вдвое числом заводов в Урале построить можно. Но недостает к тому способных речек и выгодных мест. Но надобно оглянуться на леса, которые у нас поистине не бесконечны. Ныне уже вздыхают по ним наши соседи шведы, и начинают почитать их свыше железа. Надобно рассмотреть и окольных жителей число и их состояние, надлежит предвидеть и то, чтоб другие, которые наших земных недр сокровищами пользуются, не предписывали нам цену оных, но чтоб мы могли им продавать по нашей воле» [6, с. 269–271].

Златоустовский чугуноплавильный и железоделательный завод Максима Мосолова, Василия Мосолова — Лариона Лугинина (1751–1769). В первоначальной истории Златоустовского (Косотурского) чугуноплавильного, железоделательного и медеплавильного завода есть ряд событий, которые приоткрывают подлинную природу происхождения южноуральской промышленности XVIII века. Поэтому крайне важно на некоторых аспектах этих событий остановиться подробнее.

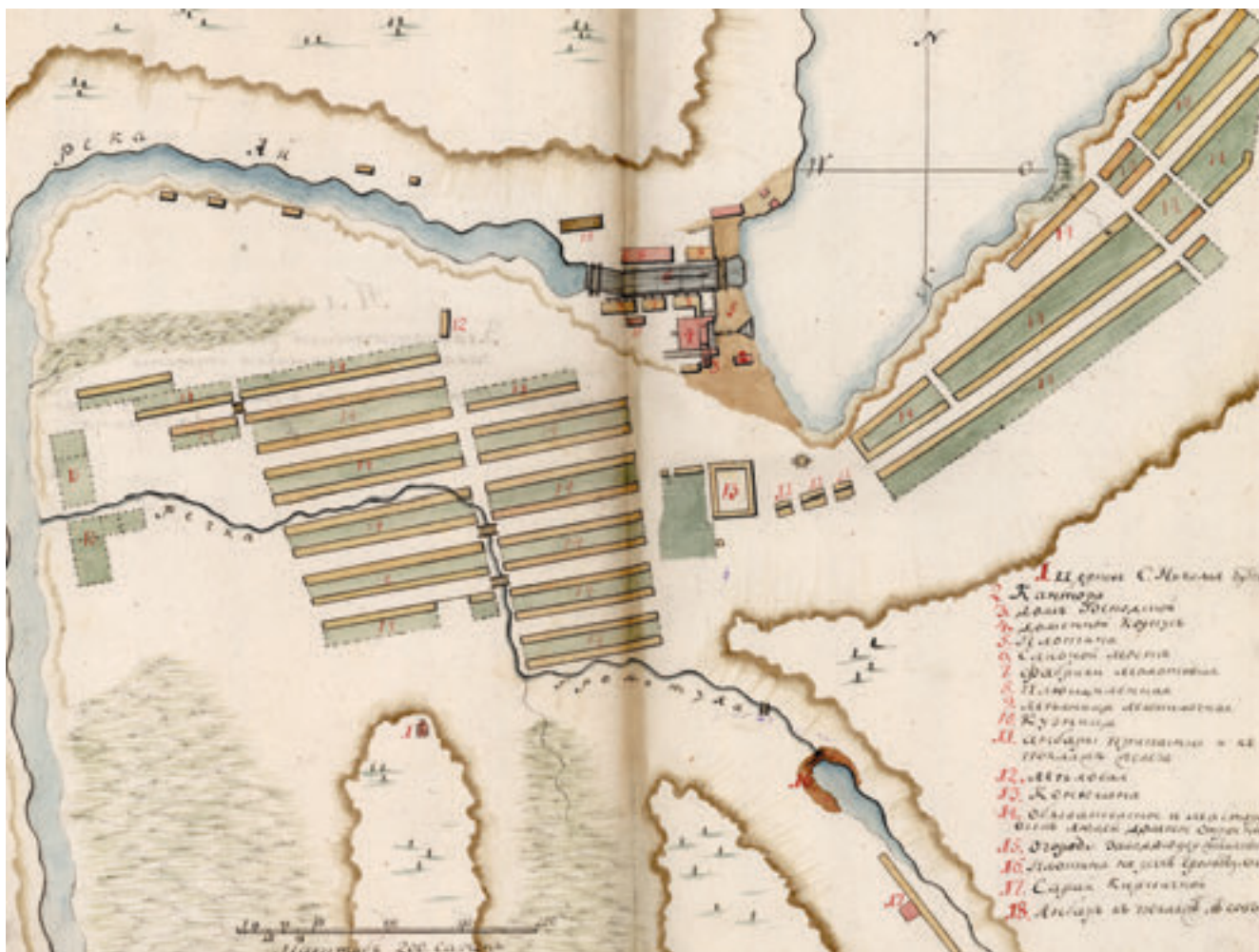
Датой основания Златоустовского завода официально считается 31 августа 1754 года [5, с. 101]. В предисловии к описи фонда «Златоустовская контора... заводов Мосолова, Лугинина, Кнауфа» эта дата упоминается в связи с отводами земли под строительство завода [8]. С формальной точки зрения, в этой ситуации все верно: первоначально отвод, затем строительство. А фактически — все не так. Дело в том, что строительство завода началось в 1751 году, а закончилось в 1761-м. Но, по условиям контракта, любой заводовладелец, вне зависимости от происхождения, обязан был построить завод в три, максимум четыре года. И если кто-то из заводчиков не укладывался в эти сроки, попадал под штрафные санкции. Поэтому заводоладельцам выгоднее было построить завод гораздо раньше указанного срока, с тем чтобы в оставшееся время до конца «урочных лет» не платить попудные пошлины с выплавленного чугуна и подоменный налог. В связи с чем и возникает вопрос: почему Златоустовский завод в нару-

22

Заводская площадь.

23

Правый приток Уфы. Лепехин ошибочно указывает, что Уфалей впадает в Чусовую.

Златоустовский железный завод тульского купца и завододержателя

Лугинина [ГАСО. Ф. 101. ОП. 1. Д. 947. Л. 150 (план)]

шение всей практики заводского строительства, причем законодательно утвержденной, строился так долго — с 1751 по 1761 год?

Изучение архивных материалов фонда Златоустовской конторы дает возможность выявить по крайней мере две причины, по которым строительство не было завершено в установленные контрактом годы.

Первой причиной стал Указ Правительствующего сената от 13 октября 1753 года, по которому все построенные в Оренбургской губернии заводы передавались из ведения Оренбургской губернской канцелярии в ведение Берг-коллегии. В ходе этой бюрократической процедуры, если так можно сказать, образовался период безвластия, из-за чего не были своевременно совершены землеотводы под заводскую дачу и под сам Златоустовский завод. Из архивных документов следует, что ввиду сложившейся

ситуации, образовавшейся не по вине заводчиков, они и медлили со строительством. Когда же в 1754 году вопрос об отводе заводской дачи получил официальное разрешение, Мосоловы приступили к ускоренному строительству Златоустовского завода.

Но главной причиной долгостроя стал другой правительственный указ, теперь уже от 18 сентября 1755 года, когда до конца официально отведенного периода строительства оставалось всего два месяца. По этому указу все движимое и недвижимое имущество Мосоловых подлежало описанию и равноправному разделу между ними. Указ был принят после жалобы (челобитной), поданной Иваном Алексеевичем Мосоловым на имя императрицы Елизаветы Петровны в 1755 году.

История разделов горнозаводских имений на Урале в XVIII веке — отдельная тема. В идеале она заслуживает самого пристального и серьезного исследования. Пока же важно отметить, что в результате раздела движимого и недвижимого имущества

Мосоловых сложилась достаточно уникальная ситуация в российской горной практике того времени. Дело в том, что в состав недвижимого имущества, подлежащего разделению на паи, вошли не только действующие заводы с их лесными дачами, но и так называемые заводские места с лесными территориями, где заводы еще только предполагалось построить. Это, в свою очередь, и позволило в дальнейшем не только передавать заводские места по наследству, но и продавать их другим частным лицам. Этот факт для ряда заводов имел решающее значение.

Сам процесс раздела из-за бесконечных споров и ссор между заводчиками затянулся почти на пять лет. К каким только средствам и ухищрениям не прибегала созданная разделительная комиссия. Дело доходило даже до содержания всех участников раздела под арестом. В одном из правительственных указов говорилось по этому поводу: «...велеть им всем... учинить росписание по согласию их на части, и по тому росписанию з жеребья разделится между собою без всякого прекословия и доколе они действительно то окончат, держать их под караулом и накрепко к тому понуждать...» [10, л. 14 об.]. И держали! Правда, в документах комиссии ничего не говорится о длительности и месте этого заключения.

Следствием вышесказанного стал упадок всего горнозаводского хозяйства Мосоловых. Наибольший урон понесли металлургические заводы, расположенные в Оренбургской губернии, как наиболее удаленные от Европейской России. Было прекращено и строительство Златоустовского завода. В одном из заводских документов 1760 года об этом говорилось следующим образом: «...[Златоустовский завод] во окончание еще не приведен не за ленностью или нерадением, но за воспоследовавшим вскоре потом по силе именного... высочайшего указа, состоявшегося в 1755 года сентября 18 дня между ими разделом... и по описи движимое их имение все было запечатано, и не имея за оным оставшего капитала в своих руках, заводская коммуникация почти пресечена была...» [Там же, л. 17 об.].

Только под угрозой, причем весьма реальной, лишения всех заводов и мануфактур Мосоловы вынуждены были пойти на принудительный по своей сути раздел. Он состоялся 17 марта 1760 года [Там же, л. 15 об.], но из-за решения формальной сторо-

ны дела затянулся до 13 апреля. Златоустовский недостроенный завод по жеребьевке отошел во владение Максима Перфильевича Мосолова. К этому времени на его строительство уже было потрачено более десяти тысяч рублей.

Описание недостроенного Златоустовского завода было сделано обергитенфорвальтером Иваном Яковлевым²⁴ в марте 1760 года по указу Берг-коллегии от 26 октября 1759 года. В доношении отмечалось, что «мастеровых и работных людей при том заводе налицо нисколько не имеется, а находятся только одни (как на посланном запросе от Златоустовской конторы подпискою объявлено) собственные крепостные крестьяне, присланные от самих заводчиков Мосоловых для охранения одного строящегося заводу и домов их девять (десять? — В. С.) человек...» [14, л. 851 об.].

В силу того что завод долго не могли достроить, отведенные к нему лесные территории стали оспариваться другими горнозаводчиками, среди которых были и очень влиятельные в правительстве лица. Тем не менее, недостроенный Златоустовский завод с лесной дачей остался за Мосоловыми. Мало того, так называемое Кусинское заводское место было присоединено к даче Златоустовского завода, получив при этом возможность как передаваться по наследству, так и стать предметом купли-продажи. Возникает вопрос: как такое стало возможным? Известно, что в XVIII веке на Южном Урале невозможно было, купив или тем более арендовав у башкир лесную территорию с удобным заводским местом, но не построив там завода, продать эту территорию другим горнозаводчикам. Такие земельные операции, а точнее спекуляции, запрещались законом. По Берг-привилегии 1719 года и Берг-регламенту 1739 года металлургический завод с лесной дачей и рабочей силой (мастеровыми и работными людьми, крепостными) составляли одно единое целое. Ни сам завод, ни земля, ни рабочая сила в отдельности не могли стать предметом купли-продажи.

Изучение архивного дела под названием «Раздельная опись заводов и имущества заводчиков Мосоловых за 1755–1769 гг.» дает вполне внятный ответ на поставленный вопрос. Во исполнение именного Указа

24 К тому времени И. Яковлев состоял в штате Оренбургского горного начальства, которое и отправило в Берг-коллегию вышеуказанную опись вместе с доношением от 18 марта 1760 года.

за от 18 сентября 1755 года специальной раздельной комиссией был составлен общий список всего движимого и недвижимого имущества Мосоловых. В него и вошел ряд уже отведенных до их раздела заводских мест с лесными угодьями. Из описи можно выделить лесные дачи будущих Уфалейского и Кусинского заводов. Затем, когда общий список был поделен на четыре части владения (по числу участников раздела), были оговорены разного рода условия и обязательства к отведенным заводским местам [10, д. 5, л. 24].

Необходимо также отметить, что в вышеуказанной росписи лесные дачи, отведенные Мосоловым до их имущественного раздела, распределялись по частям владения не механическим путем. В ней оговаривались реальные возможности, позволявшие действительно построить несколько заводов [Там же, л. 22]. Другими словами, составители имущественного раздела Мосоловых исходили тогда еще из интересов дальнейшего развития черной и цветной металлургии на Южном Урале.

Из имущественной росписи также однозначно следует, что недостроенный, а потому маломощный Нязепетровский завод был выкуплен в 1751 году у промышленника П. Осокина с одной-единственной целью — производить чугунные литые припасы и железо, так необходимые при строительстве новых металлургических заводов на Южном Урале — в Оренбургской губернии.

По завершении процедуры раздела Максим Перфильевич Мосолов приступил к строительству Златоустовского завода. На место стройки были направлены работные люди во главе с приказчиком Григорием Степановым. Приказчику были выданы деньги (об их количестве в документе не говорится) и дано строгое распоряжение, чтобы наемным работникам выплачивалась повышенная заработная плата. Из прошений (челобитных) М. П. Мосолова 1760 года хорошо видно, что он вновь надеялся быстро достроить завод и пустить доменные печи уже в 1760 году. Правда, при этом оговаривался: «...если к тому какого препятствие не будет...» Вероятнее всего, возникшие сложности с доставкой качественного горнового камня и задержали вновь окончательную достройку доменного корпуса и пуск завода в 1760 году.

Златоустовский завод начал свою работу 14 августа 1761 года действием одной доменной печи.

Кусинское заводское место

Предыстория так называемого Кусинского заводского места и самого Кусинского завода началась в первой половине 1750-х годов и связана с деятельностью балахнинского купца и промышленника Петра Игнатьевича Осокина. По его инициативе в 1753 году по берегам реки Кусы была проведена разведка железорудных месторождений. В ходе поисковых работ было найдено три места, удобных для строительства чугуноплавильного и железодельного завода. В архивных документах Златоустовской заводской конторы не называются имена и фамилии тех, кто непосредственно проводил те поисковые работы. Там только кратко упоминается: «...сысканы коштом хозяина моего...» [10, д. 3, л. 144 об.]. Сам же П. И. Осокин вряд ли мог принимать участие в разведочных работах, так как в 1751 году уже находился в преклонном возрасте [Там же, л. 147]. Согласно Указу от 28 января 1754 года взятые образцы железной руды были отправлены в Берг-коллегию. «Кои апреля 10 дня при доношении в Берг Коллегии объявлены и опробованы,— говорится в одном из документов от 10 июня 1754 года,— а по пробе явились, годны...» [Там же, л. 139]. В связи с чем 23 марта 1754 года вышел указ канцелярии Главного заводов правления в Екатеринбурге, который предписывал осокинскому приказчику Ивану Швецову «в Уфимском уезде в Айлинской волости железные руды осмотреть и разработать, и о том для ведома в реченную канцелярию рапортовать... и до рассмотрения на то в тех местах в добыче руд и в строении заводов не вступать...» [Там же, л. 144 об.].

Иван Швецов командировал в летний период 1754 года на реку Кусу своих работных людей. В числе их, без сомнения, находился и специалист-практик, знающий горное дело, так как разработка руды предполагает помимо грубой физической силы еще и знание правил ее проведения и описания. Одновременно с разработкой кусинских рудников П. И. Осокин подал прошение в Берг-коллегию о разрешении строительства металлургического завода. В нем в частности говорилось: «...в прошлых де годах построил он в Кунгурском уезде два вододействуемых медеплавильных завода Иргинской да Бизярской... а ныне желает он построить вновь вододействуемый для плавки чугуна иковки железа завод с одной

доменной, да с двумя молотовыми фабриками... а под строение того завода изысканы им удобные места Оренбургской губернии в Уфимском уезде в Айлинской волости в кортомленных им у башкирцов местах на речке Кусе» [10, д. 3, л. 139]. Рассмотрев прошение, Берг-коллегия приняла тогда решение: «...означенную речку Кусу и место, где... Осокин завод построить желает, освидетельствовать и под строение отвести земли... в длину и ширину до 500 сажен, да на выпуск 50 десятин...» [Там же, л. 143].

Указ об этом был направлен из Берг-коллегии в Оренбургское горное начальство 1 июля 1754 года [Там же, л. 144]. Причем с П. И. Осокина была взята подписка о том, что чугуноплавильный завод с одной доменной печью и двумя кричными фабриками на реке Кусе будет построен через четыре года. Первоначально Осокину предписано было построить завод в три года. Но, ввиду того что «под завод место отведено будет в самых пустых башкирских местах», ему разрешили «в строении того завода дать сроку от сего числа (28 июня 1754 года.— В. С.) в четыре года» [Там же, л. 144].

Таким образом, по всем расчетам, Кусинский завод должен был вступить в строй не позднее 28 июня 1758 года. Тем не менее, успешные действия П. И. Осокина были пресечены другим прошением, поданным со стороны Мосоловых на имя императрицы Елизаветы Петровны. Само прошение, составленное приказчиком новостроящегося Златоустовского завода Лукьяном Терентьевичем Мосоловым, является весьма информативным источником по истории горного дела на Южном Урале в XVIII веке. В настоящий момент важно выделить те положения, которые аргументированно лишали Осокина каких-либо перспектив в строительстве Кусинского завода. Так, во втором пункте прошения Лукьян Мосолов сообщал: «...в прошлом 1751 года октября 1 дня оной заводчик Петр Осокин за старостью и дряхлостью своею и... сын ево Михайло Осокин за пьянственною слабостью, заводов содержать не в состоянии, о чем от него Осокина в судебные места объявлено и построенных и зачатых им Осокиным заводов за немалые деньги и знатную сумму продал хозяевам моим, а проданные им Осокиным железные рудники²⁵ за рукою ево Осокина даны хозяевам кондиции,

которыми он тем обязался, что ему Осокину, жене, детям и наследникам ево во оных местах железных заводов не строить...» [10, д. 3, л. 147, 147 об.].

Л. Т. Мосолов констатировал и тот факт, что лесная территория по берегам Кусы, взятая Осокиным у башкир в аренду, уже находилась в собственности Мосоловых. В создавшейся ситуации Берг-коллегия предписала канцелярии Главного заводов правления командировать на место предполагаемого строительства горного чиновника и помимо совершения лесного отвода вменить ему в обязанность документальную проверку всех обстоятельств этого спорного дела. Для выполнения задания были посланы из Екатеринбурга унтершихтмейстер Гаврила Попов и плотинный мастер завода цесаревны Анны Иван Русаков. Причем им было предписано: «...как отсюда (из Екатеринбурга.— В. С.) до показанного места (реки Кусы.— В. С.), так и до Уфимской провинциальной канцелярии и обратно ехать на коште Осокиных и о даче двое подвод дать им подорожную...» [10, д. 3, л. 156 об.].

Попов и Русаков справились со своим заданием. На основании рапорта Г. Попова от 31 января 1755 года, подтвердившего ключевые моменты прошения Мосоловых, горное ведомство приняло решение отведенное Кусинское заводское место с лесной дачей оставить за Мосоловыми. В этом споре сыграло свою роль то обстоятельство, что Мосоловы первыми купили у башкир Кусинское место, а унтершихтмейстер Попов и плотинный Русаков это подтвердили.

Окончательная точка в этом спорном деле была поставлена только в 1761 году. Канцелярия Главного заводов правления подтвердила специальным Указом от 20 марта 1761 года результаты имущественного раздела Мосоловых по части владения Кусинским заводским местом [9, д. 3, л. 189 об., 190 об.]. В третьем пункте указа говорилось: «по прошению... Ивана Мосолова для владения и знания об отведенных к Златоустовскому заводу из оных по разделу, принадлежащих ему с братом... землям и лесам (по берегам Кусы.— В. С.) со учиненных чертежа и описания дать им... при указе засвидетельствованные копии и о том в... Берг-коллегию отрепортовать, а в Оренбургское горное начальство послать указ...» [Там же, л. 190 об.]. Кусинское заводское место, согласно так называемым прибавительным пунктам к отдельной описи, вошло в третью владельческую часть, которая после жеребьевки отошла

25

Имеются ввиду три железных рудника на горе Косотур и один на реке Ай.

во владение Ивана Алексеевича и Григория Алексеевича Мосоловых. Известно, что от имени Ивана Алексеевича 31 января 1761 года было подано в Берг-коллегию прошение, в котором он просил разрешения на строительство Кусинского завода.

Следует обратить внимание на время составления раздельной описи, а также на дату заключения с башкирами купчей крепости на лесную территорию, отведенную будущему Кусинскому заводу. Если опись имущества датируется 1755–1769 годами, то купчая на землю была составлена 21 октября 1754 года, то есть значительно раньше времени фактического строительства Кусинского завода, а также значительно раньше выхода указа 1776 года, запрещающего строительство металлургических заводов в Оренбургской губернии (читай — на Южном Урале). Раздельная опись всего имения Мосоловых после жеребьевки получила высочайшее утверждение и была принята Берг-коллегией к исполнению, то есть получила силу закона. Причем результаты жеребьевки в дальнейшем не отменялись никакими правительственными указами и не подпадали под запрещающие меры, в том числе и под действие указа 1776 года. Именно эти обстоятельства и позволили новому владельцу Златоустовского завода, купившему Кусинское заводское место, построить Кусинский железоделательный, а потом и чугуноплавильный завод, причем через много лет после фактически данного разрешения на его строительство.

Итак, на время продажи Златоустовского завода Лариону Лугинину Кусинское место оставалось за Иваном и Григорием Алексеевичами Мосоловыми. Этот факт был оговорен в Указе Берг-коллегии от 5 августа 1769 года. В нем подчеркивалось, что «в тех купчих и записи заключено и продано вечно, исключая по Златоустовскому заводу, надлежащего по разделу Ивану Алексееву... Мосолову часть...» [9, л. 15 об.].

После смерти Максима Перфильевича Мосолова его владельческая часть в 1768 году подверглась еще и добровольному («полюбовному») разделу. Его сыновья, договорившись между собой, поделили отцовское наследство. 24 июля 1768 года Василий и Антип Мосоловы объявили, что «они между собой полюбовно оставшееся после смерти реченного отца их Максима Мосолова имение разделили». Берг-коллегия решением от 10 октября 1768 года этот раздел утвердила [9, л. 7].

Василию Мосолову во владение вновь отошел Златоустовский завод. Только после этого раздела он и продал Златоустовский чугуноплавильный, железоделательный и медеплавильный завод Лариону Лугинину. Фактически сделка состоялась 27 марта 1769 года.

Указ Берг-коллегии, подтверждающий продажу Златоустовского завода, вышел 5 августа 1769 года. Одновременно Берг-коллегия подтверждала продажу графом Строгановым Саткинского завода и покупку указанных заводов Ларионом Лугининым. С этого времени началась более чем столетняя совместная история Златоустовского и Саткинского заводов. В отдельной челобитной грамоте Лугинин просил: «...как по вышепрописанным продажам оба помянутые завода и со всякими принадлежностями входят в единственное... владение, то и дабы повелено было записать их и числить по близости за ним Лугининым вообще» [9, л. 10]. Указом Берг-коллегии от 5 августа 1769 года данная просьба была удовлетворена. В одном из пунктов указа говорилось по этому поводу: «...Златоустовский и Троицко-Саткинский заводы по объявленной их от предписанных заводчиков тулянина Василия Мосолова и графа Строганова продаж, а купца Лугинина по покупке и желанию ево по близости один от другого расстоянием числить за ним Лугининым и за наследниками ево во обществе одним заводом» [9, л. 14].

Таким образом, с 5 августа 1769 года начался «лугининский» период владения Златоустовским заводом. С этого времени Ларион Лугинин и его наследник Максим Лугинин становились полноправными владельцами этого металлургического предприятия. Тем не менее, как свидетельствует все тот же Указ Берг-коллегии от 5 августа 1769 года, Василий Мосолов окончательно не отошел от дел. Он, согласно пункту 4 Берг-регламента 1739 года, остался «участником и товарищем» Лугинина в заводском деле. В Указе от 5 августа 1769 года данное условие было оговорено следующим образом: «...но токмо с тем, чтоб ему Василию во оном заводе, не чиня из оног... и принадлежащих к нему людей и крестьян, земель и угодий для нераздробления²⁶ никакого отдели и особливо производства, остаться в том заводе 26

²⁶ Дробление горнозаводских имений в XVIII веке — это еще один удар по российским частным горнозаводчикам, так как в конечном итоге это снижало конкурентоспособность их железа при продаже на английском рынке металлов.

в людях и во всяких касающихся до оногo принадлежностях и угодах и в оставшейся ево в том заводе собственной капиталной пяти тысячной рублей сумме, по силе Берг-Регламента 4-го пункта, участником и товарищем, а взял он Василей у него Лариона Лугинина за оной свой завод... денег 85.000 рублей; заводское все действие он Лугинин и ево наследник должны производить своим капиталом, а от него Василья и от наследников ево... оставленной в том заводе из всей прибыльной суммы, единственно покуда он участником быть пожелает, брать ему Василью и по смерти ево жене и наследникам ево от него Лариона, жены и наследников ево в каждой год по 500 руб., а ежели он Василей, в том участие быть... не пожелает, то взять ему Василю у него Лугинина или по смерти ево жене ево или... кому приказано будет, за тот оставшейся ево в заводе капитал, денег 5 тыс. руб. и впредь... требования не иметь» [9, л. 10 об.— 11].

Также между заводчиками было заключено соглашение о поставке из Златоустовского завода в Тулу Василю Мосолову шести тысяч пудов полосового железа начиная с 1771 года. Причем оговаривалось, что «по 6 тыс. пудов отдать с получением за оное железо с него Василя цены, с уменьшением против продажной гуртовой цены, у каждого пуда по 5 коп.» [9, л. 11].

В случае нежелания со стороны Мосолова или его наследников получить в тот или иной год указанное количество железа или недоставки его заводчиком Лугининым последний обязан был, по условиям договора, выплачивать Мосоловым денежную сумму в размере 300 рублей в год. «Для продажи того железа в городе Туле во всяком ряду в пристойном месте дать ему Василю по смерти ж ево лавку,— говорилось в заключительных пунктах соглашения,— а буде он Ларион, показанной лавки ему Василю ежегодно давать не будет, то должен он Ларион и наследники ево в каждой год на наем вместо оной лавки, давать ему Василью по смерти же ево Василья по 10 руб. в год...» [9, л. 11 об.].

Таким образом, исходя из пунктов договора, причем законодательно утвержденных Указом Берг-коллегии от 5 августа 1769 года, Василий Мосолов и его наследники превращались из владельцев Златоустовского завода в его «участников и товарищей». Это участие, в свою очередь, предполагало безусловное получение начиная с 1771 года ежегодных

дивидендов в размере как минимум 810 рублей. О подобного рода российских «кумпаниях» и мечтал Петр Первый!

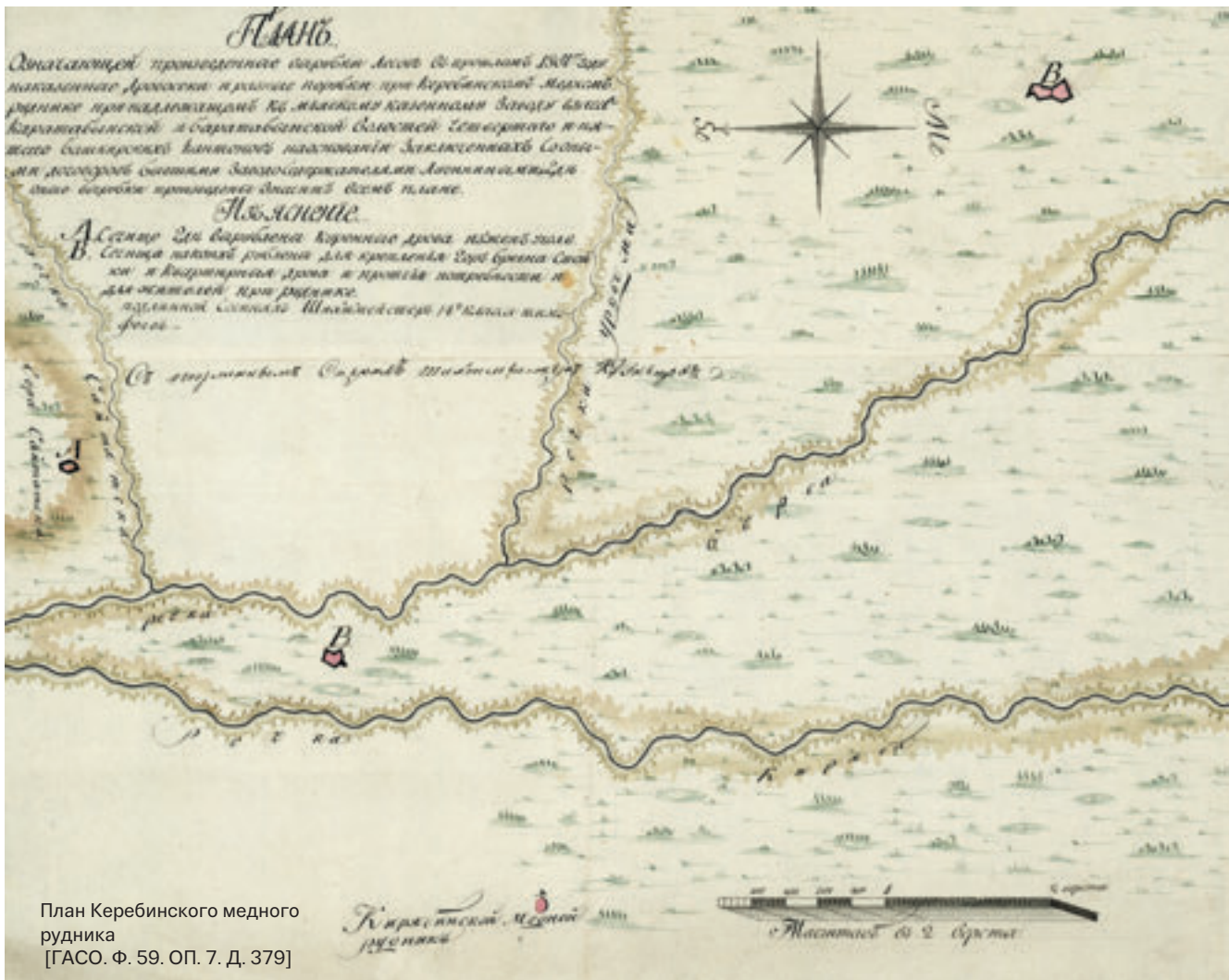
Данный факт принципиален и заслуживает внимания еще и потому, что предыдущие разделы движимого и недвижимого имущества Мосоловых, приведшие к появлению новых, менее конкурентоспособных мелких собственников, не закончились подобного рода соглашениями и договорами. Именно принудительный раздел 1760 года привел к дроблению некогда единого и все разраставшегося горнозаводского имения Мосоловых.

Забегая чуть вперед, необходимо отметить, что Василий Мосолов не мог долго оставаться юридически оправданным «участником и товарищем» Лугинина в заводском деле. С отменой основополагающих актов (Берг-привилегии 1719 года и Берг-регламента 1739 года) горной свободы, последовавшей в 1782 году, четвертый пункт регламента, на котором зиждился договор о «кумпании», потеряв юридическую силу, не получил дальнейшего развития.

Керебинский медный рудник. «Отъехав верст с 15 от горы Аваляк, первое встречу был... Керебинский рудник, принадлежавший к Златоустовскому заводу [Лугинина]... На сем руднике работают около 12 лет и сказывают, что с начала весьма богат был медною рудою. Но оные ныне совсем почти пресеклись. Он разработан по горным правилам: самые глубочайшие шахты не более 10 сажен составляли. Точного положения жил так же сказать не можно потому, что наши рудокопатели только знают гнаться за своею жилою, без дальних о ея наклонении примечаний, сколько из штолен и сторонних пробоев заключать можно было. Жила имела понурное положение, соответствующее наклонению уральских отрогов... Рудную матку составлял местами белый кварц, а более косо слоистый шифер, избилующий микою. Содержание руды было различное. Сначала давала по пять процентов, а ныне и одного не составляет. Между вершинами сих рек продолговатой и высокой горы находится хребет Прентиком (?) прозываемый, который, однако, небольшую только производит речку Шартым, впадающую в Уй. Но сей недостаток в реках награждает обширным озером в округе своем верст восемь, который башкирцы Ак Кулем (Белым озером) называют» [6, с. 155–156].

Слобода Кундравинская. «1770 года июля 13.

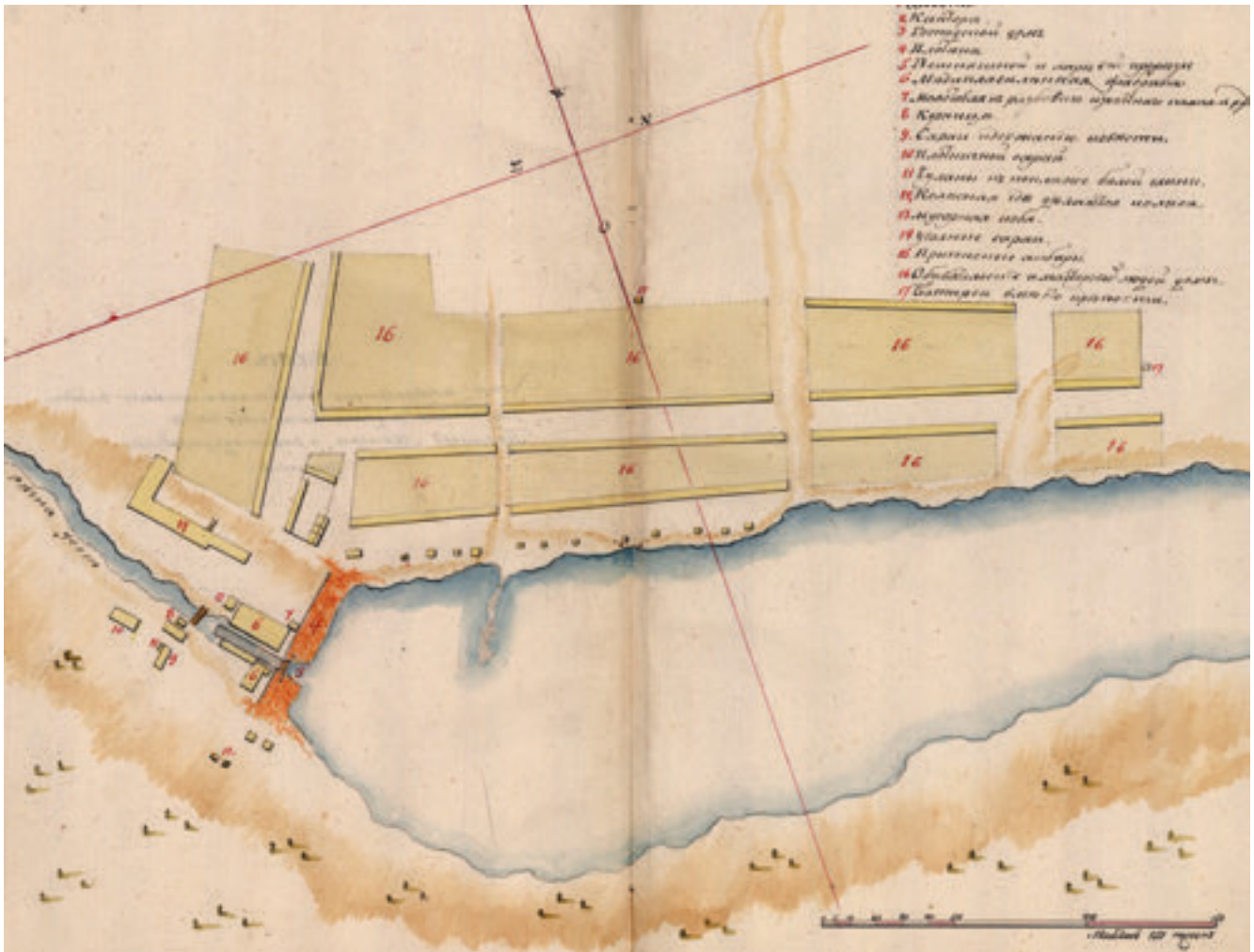
Слобода Кундравинская обнесена деревянным оплотом с тремя воротами и одною башнею» [Там же, с. 176].

Чебаркульская крепость. «Крепость Чебаркульская положение свое имеет на высоком и выпуклыми камнями израженном берегу, на северо-восточной стороне залива озером Чебаркулем производимого. Она обнесена деревянною стеною, рогатками, надолбами и имеет для проезда две башни с присокупленными раскатами для пушек. Жилья здесь более 260 домов, а казаков снаряжных, управляемых атаманом, есаулом и сотником до 315 человек. В крепости имеется две деревянные церкви, одна летняя, другая зимняя» [12, с. 120].

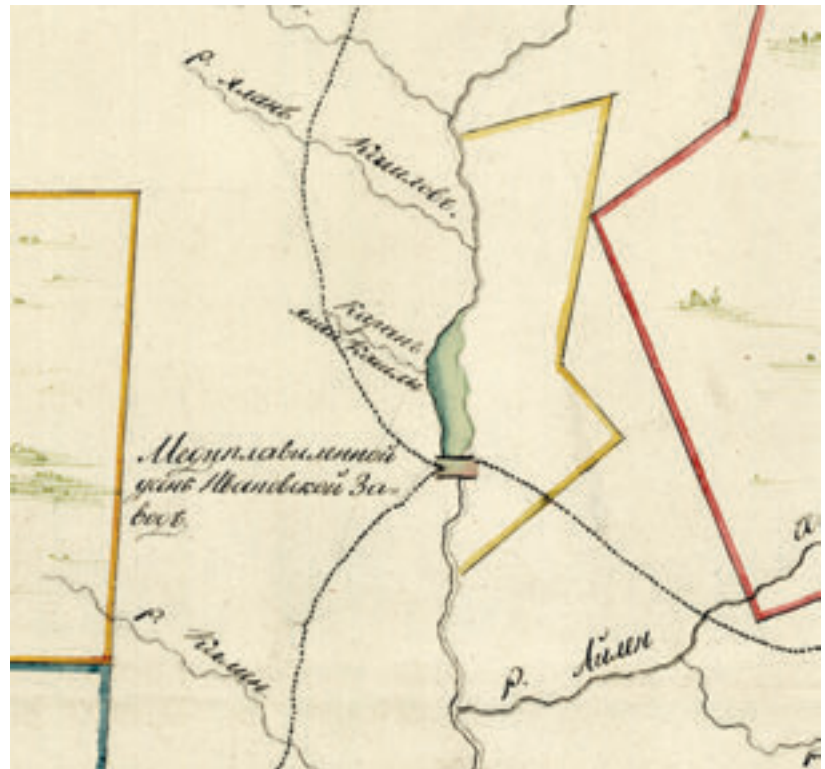
Усень-Ивановский медеплавильный завод. Построен в 1761 году на реке Усень (приток Ика, Камы). «Директора Ивана Осокина. При тех трех заводах (Верхне-, Нижне-Троицком, Усень-Ивановском) за-

водчиковых и приписных крестьян 367. Расстоянием от Уфы 130, от Оренбурга 330 верст». «В вершинах реки Усень в 60 верстах от сих заводов (Троицких.— В. С.) есть еще медный завод его ж Осокина, и есть лучший из всех... [заводов Осокина], ибо в нем 8 плавильных печек, которые почти всегда действуют безостановочно. На всех оных заводах выплавляют в каждый год меди от 10 до 11 тысяч пудов, и одну часть из оной разбивают на листы, которые обыкновенно отвозят для продажи в Москву и в другие места. Река Ик, текущая в 15 верстах от Троицкого завода, служит к легчайшему отправлению выплавляемой ими меди, и первый изобретатель водяного ходу по сей реке есть управитель сих заводов нижегородский купец Петр Заев» [16, с. 103–104].

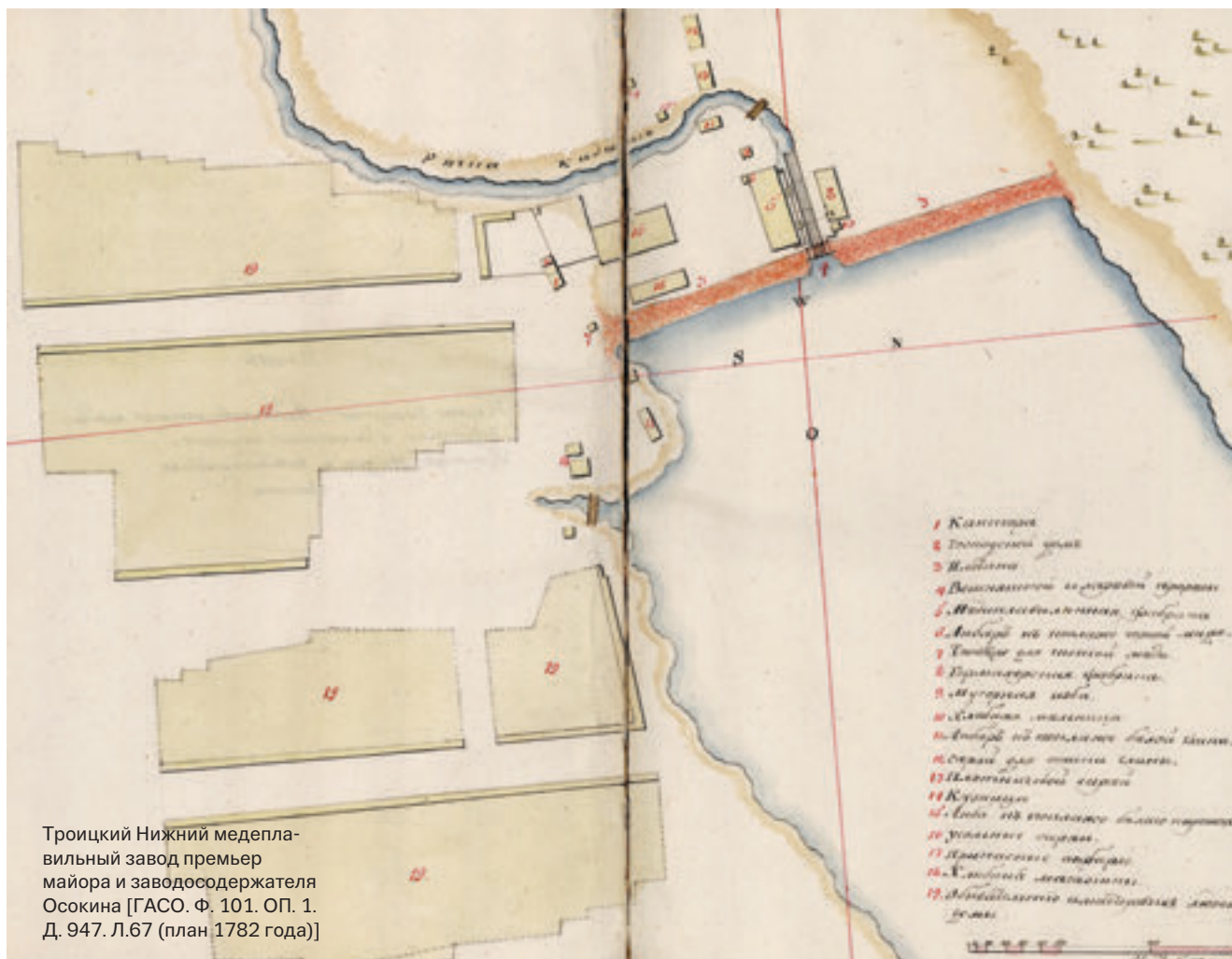
Троицкий (Нижний) медеплавильный завод. Построен в 1761 году на реке Кидаш (приток Ика, Камы). «Директора Ивана Осокина. Расстоянием от

Усень-Ивановский медеплавильный завод [ГАСО. Ф. 101. ОП. 1. Д. 947. Л.75 (план)]

План заводской дачи Усень-Ивановского медеплавильного завода (фрагмент) [ГАСО. Ф. 59. ОП. 7. Д. 373 (копия с плана 1762 года)]

Троицкий Нижний медеплавильный завод премьер-майора и завододержателя Осокина [ГАСО. Ф. 101. ОП. 1. Д. 947. Л.67 (план 1782 года)]

Верхне-Троицкого завода в 4-х верстах, от Оренбурга 290 верст». «В 5-ти верстах от Троицкого [Верхнего] находится еще завод Нижним называется. Он, как числом плавильных печек, так и во всем подобен первому, но превосходит оной пространством и глубиною запруженной воды, а потому заводские машины действуют с большею силою противу первых» [Там же, с. 103].

Шермяитский медеплавильный завод. Построен в 1761 году генерал-аншефом А. И. Глебовым на реке Шермяитке на башкирских землях в Кунгурской округе. В 1769 году продан Савве Яковлеву (Собакину).

Спасский медеплавильный завод. Построен П. И. Рычковым в 1762 году на реке Шайтанке, при селе Спасском²⁷. Действовал до 1767 года.

²⁷

В настоящее время село Спасское Бугульминского района Республики Татарстан. Находится в 18 километрах от Бугульмы.

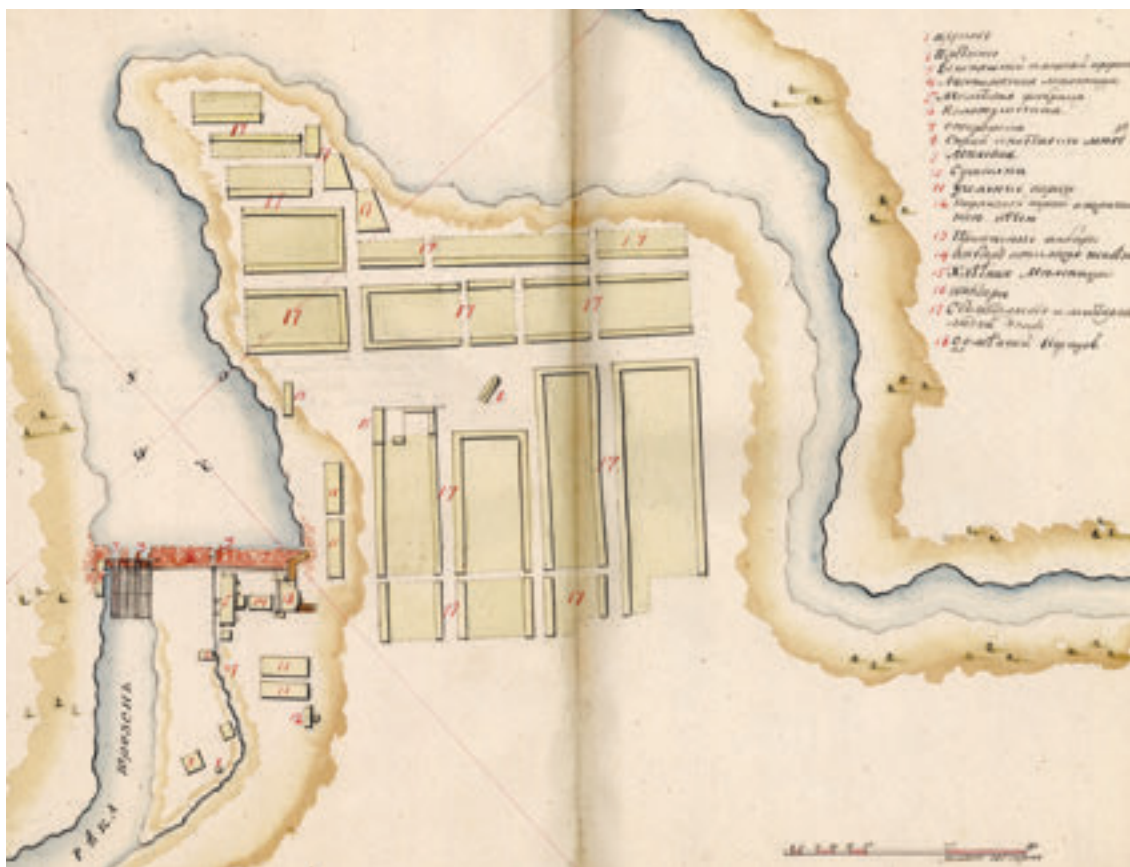
Курганский медеплавильный завод. Построен графом С. П. Ягужинским в 1763 году на реке Курган (приток Чермоза, Ика, Белой), в 20 верстах от Белебея. Действовал до 1768 года.

Юрюзанский чугуноплавильный и железоделательный завод. Построен в 1763 году. «В 15 верстах от Катав-Ивановского завода, в Кудейской волости на реке Юрезене в 1758 г. по указу Правительственного сената построен железный завод их же Твердышева и Мясникова на покупной у башкирцев земле, по реке Юрезене Юрезенским прозываемый. На нем доменная [фабрика] с одною домною, два молотовых анбара, в которых 6 действительных молотов и 3 запасных с 6-тью горнами; особый горн для разрезки железа на плющение; горн для расковки кровельного листового железа; особый якорная фабрика с двумя горнами, пильная мельница о 2-х рамах, мучная мельница, ветренная мельница, фабрика для делания кос, для разрезки и плющения железа. Чугуна на заводе сем выплавляется

Курганский
медеплавильный
завод Его сия-
тельства графа
Сергея Павлови-
ча Ягужинского
[ГАСО. Ф. 101.
ОП. 1. Д. 947
Л. 13. (план)]

Юрюзань
Ивановский
железный
завод [ГАСО.
Ф. 101. ОП. 1.
Д. 947. Л. 111
(план)]

до 130 000 пуд, из которого по числу молотов должно выковано быть 48 000 пудов. Как с Катавского, так и с Юрезенского заводов, выделяемое железо отпускается по реке Юрезеню» [6, с. 250].

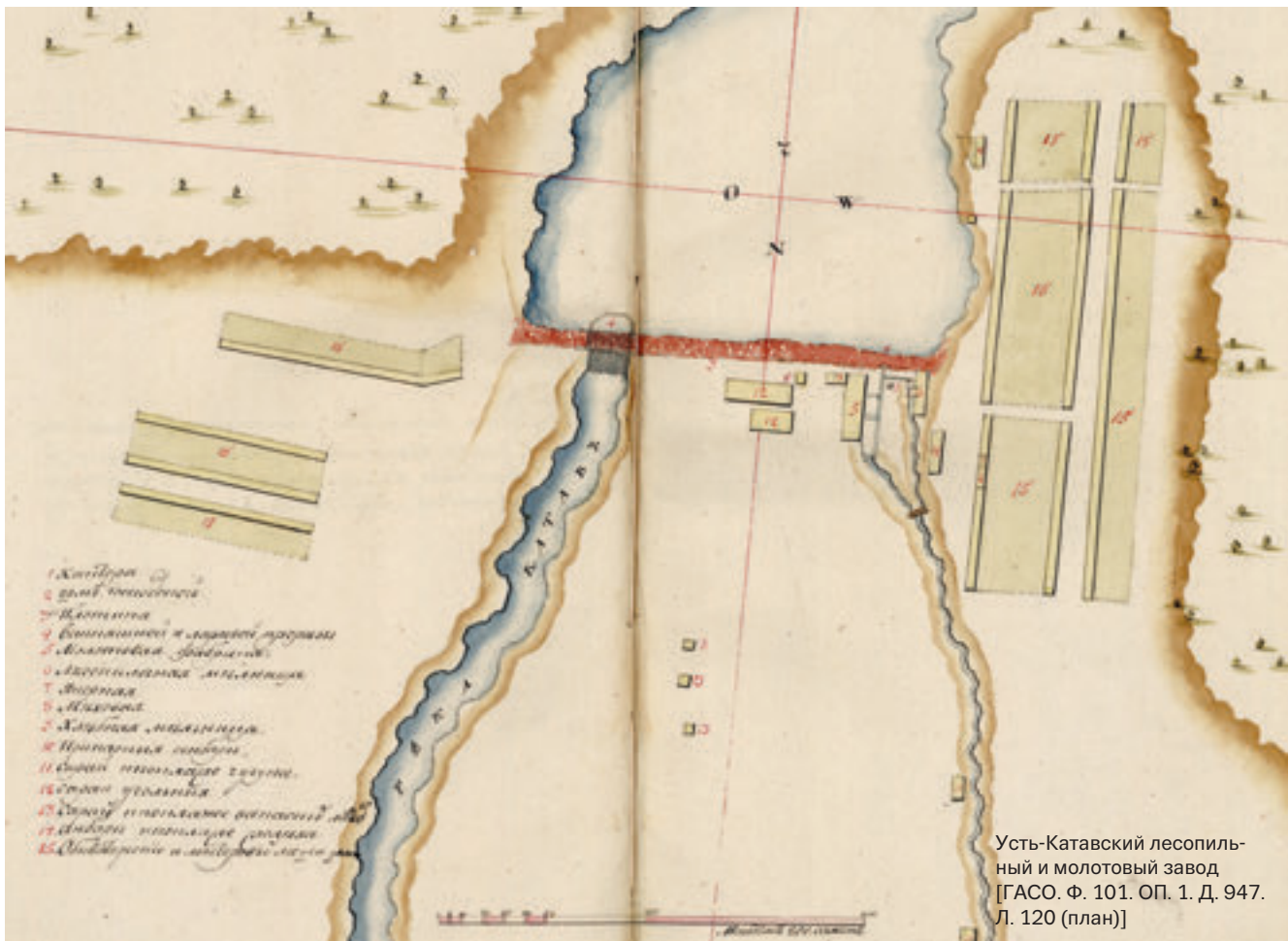
«Положение места [Юрезанского завода] очень приятно и много соответствует Катавскому. Заводские строения поставлены на низком левом берегу плотины, прочее ж жилье числом до 120, каменная церковь и заводская контора лежат на плоском бугре, окруженном с одной стороны прудом, который почти на версту длиною простирается, с другой оплотом с бойницами...» [12, с. 45–46].

Усть-Катавский железоделательный завод. Построен в 1764 году. «...На такой конец (для отпуска железа. — В. С.) при устье Катавском сделана судовая пристань и плотина, на которой стоит лесопильная мельница о 2-х рамах. Тут же построена и молотовая фабрика для перековки остального, выплавляемого на Катавском и Юрезенском заводах чугуна в железо, в которой действуют 3 молота и один запасной; 7 горнов, из которых один для нагревания и плюще-

ния железа; особливая якорная фабрика с двумя горнами. По указному положению на заводе сем должно быть выковано железа 24 000 пудов.

И сей, был последний завод... Твердышева и Мясникова, при которых вообще, как медеплавильных, так и железоделательных, по переписи почитается собственных крестьян 7288 душ. Прочие же заводские работы отправляются редко вольнонаемными [людьми], а большей частью крестьянами на заводах поселенными под именем их сродственников. Но как сии заводчики собственных имеют крестьян, то и особое рачение о воспитании малолетних крестьянских детей у них видно. На каждом заводе учреждены для малолетних училища, где обучают российской грамоте, и по успехам их определяются в разные отменные заводские должности» [6, с. 251].

Белорецкий чугуноплавильный и железоделательный завод. Построен в 1767 году. «Белорецкий завод принадлежит коллежским ассессорам Твердышеву и Мясникову и построен в Катавской

волости Уфимского уезда по указу Берг коллегии... 1762 года на покупной у башкирцев земле. От Оренбурга... почитается 500 верст, а от Верхнеяицкой крепости 60 верст. Завод сей, по обыкновению... укреплен деревянным оплотом. Жительства на нем до 200 дворов. Одна домна для плавки чугуна, четыре молотовых фабрик, в которых 6 действующих и 2 запасных молотов, 6 горнов для расковки железа, 2-е печи. Одна для нагревания в расковку кровельного железа, а другая для плющения и разрезки железа. Особливый горн для литья вновь и починки молотов, изрядная лесопильная и мучная мельницы. Руду на сей завод, добывают в разных местах. Самые ближайшие рудники почитаются при речке Тирляне, что от завода верстах в 20. Кроме сих рудников к заводу сему подписана и вся Магнитная гора в 124 верст от завода при реке Яике находящаяся...

Хотя некоторые из наших писателей магнит почитают за богатую железную руду, что, как мне кажется, и помянутых заводчиков побудило магнит употреблять на выплавку железа, но все в металлургии, искусившиеся противное находят и знают, что магнит весьма мало, да при том и хрупкое дает железо. Можно без всякой сказки сказать ошибкой, что магниту приписывать надлежит тот недостаток в выплавке чугуна, какой завод сей, с начала претерпевал. Ибо в 1767 г. завод был в своем действии, а чугуна выплавлено только 3940 пуд, из которого выковано железа 185 пуд. Напротив того, другая руда дает чугуна от 45 до 50 процентов.

Итак, надлежит в год выковывать железа по указной мере на 7-ми молотах 40 000 пуд, при полном заводе действии. Выгоды сего завода не меньше Авзянопетровского, лесу около завода довольно, водою его можно почесть самым богатым из всех уральских заводов. Сверх сего и отпуск... железа весьма удобен. Сама та река, на которой он стоит, весной по-

Белорецкий завод [ГАСО.
Ф. 101. ОП. 1. Д. 947. Л. 104
(план)]

дымет нагруженные железом коломенки» [6, с. 136–137].

Гора Емань-Тау. «Верстах в 50-ти от Белорецкого завода отстоит гора Емань Тау (злая, худая гора). Гора сия принадлежит к Ногайской дороге, между высочайшими хребтами почитается и для всегдашнего снега, верх горы покрывающего, злую прозвана от башкирцев... Верх горы сея составляет болото и большие лужи. Из нее выходят пять немалых уральских рек. На запад течет река Юрюзень, которая склоняется, потом на полдень и соединяется с Уфою. Верстах в 30-ти повыше Ельдяцкой крепости, между западом и полуднем протекают два Юрюзеня, Большой и Малой, которые соединясь... и поворота на восток, верстах в 40 от Табынска, впадают в реку Сим, излив свои воды в реку Белую, между Табынском и Уфою. В северную сторону текут реки Ню и Тирхат (?), которые соединяются с рекою Белою» [6, с. 138].

Ирн(л)янский медеплавильный завод. Построен П. И. Рычковым в 1766 году на реке Ирляне (приток

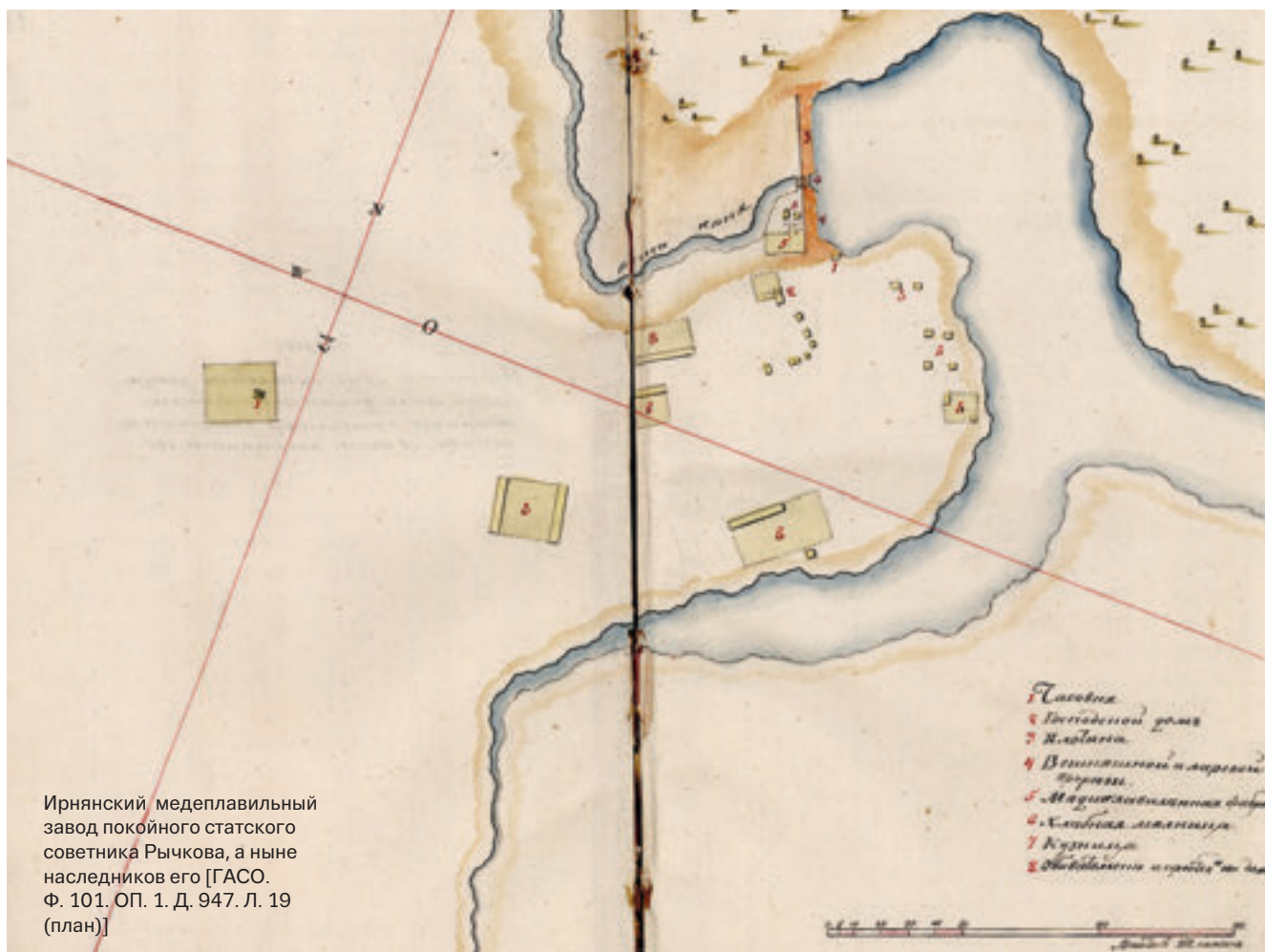
Степного Зая, Камы), в 50 верстах от Бугульмы. Действовал до 1772 года.

Кагинский железоделательный завод. «Июня 11 числа были мы уже на устье реки Каги, на котором в прошедшем [1769] году заведен молотовый железный завод дворянином Евдокимом Демидовым. Завод сей можно почтить пристройкою к Авзянопетровскому заводу²⁸, ибо выплавляемый на оном заводе чугуны, перевозится на Кагинскую молотовую фабрику, где действительно ходят 4-е молота и еще к ним вскоре присовокуплены будут два. Река Кага никогда водою не оскудевает, окольные горы изобилуют лесом: и так для заводчика со всех сторон в сем месте великая выгода» [6, с. 117].

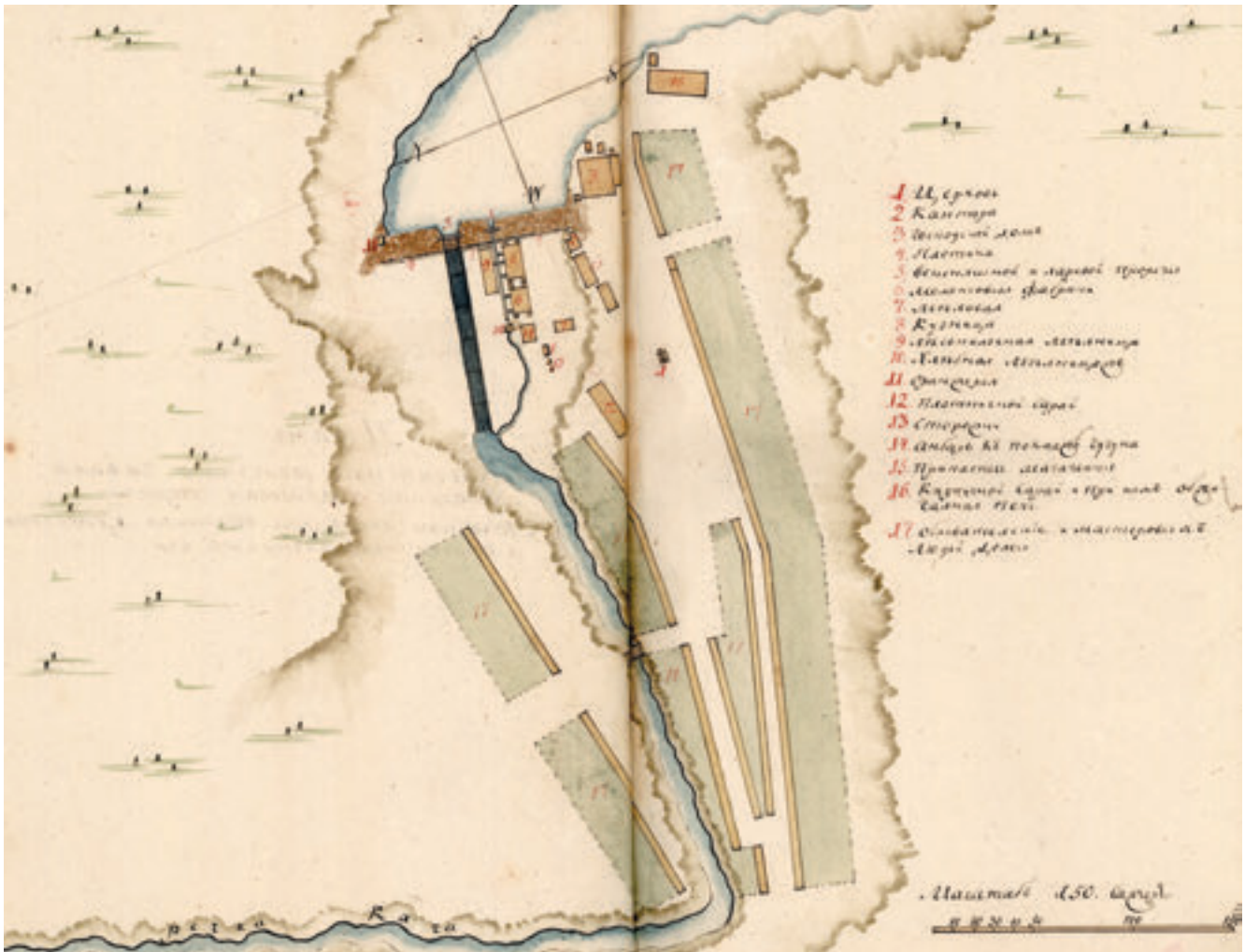
Кухтурский чугуноплавильный и железоделательный завод. Строительство велось дворянином

28

«В 9-ти верстах от Кагинской молотовой фабрики отстоит Авзянопетровский завод, прозываемый по реке Авзяне...» [6, с. 117].

Ирнянский медеплавильный завод покойного статского советника Рычкова, а ныне наследников его [ГАСО. Ф. 101. ОП. 1. Д. 947. Л. 19 (план)]

Кагинский железный завод покойного дворянина Евдокима Демидова, а ныне наследников его [ГАСО. Ф. 101. ОП. 1. Д. 947. Л. 144 (план)]

План ограниченным лесам к Кагинскому заводу. [ГАСО. Ф. 101. ОП. 1. Д. 947. Л. 146]

Евдокимом Никитичем Демидовым в 1769–1773 годах на реке Кухтур (приток Белой), в 60 верстах от Белорецка. Не было закончено из-за пугачевских событий.

Из анализа налоговых сборов, количества построенных металлургических заводов и произведенного ими металла однозначно следует, что Российское государство в 1740–50-е годы путем понижения налогов стимулировало развитие частной инициативы в горном деле, увеличивая тем самым производство металла и вывоз его за границу. Данный факт хорошо просматривается по тем цифрам, которые приводит Василий Крамаренков (табл. 3).

Таким образом, сопоставление результатов анализа позволило определить, что в период действия горной свободы — с 1744 по 1762 год — на Южном Урале купля-продажа и сдача в аренду на длительный срок лесорудных участков, покупка, перевод крепо-

стных, приписка государственных крестьян осуществлялись на основе Берг-привилегии 1719 года, Берг-регламента 1739 года и соответствующих подзаконных актов. Следует особо подчеркнуть, что основополагающие акты горного права (Берг-привилегия, Берг-регламент), провозглашая неограниченную горную свободу (государственную собственность на недра земли и «право первого»), в действительности и в широких масштабах привлекли частный капитал в горнометаллургическую промышленность России. Благодаря чему на Южном Урале и было построено в указанный период 35 частных металлургических заводов. Всего же в допугачевский период, с 1744 по 1773 год, на Южном Урале действовало и находилось в стадии строительства порядка сорока металлургических заводов, причем все они принадлежали частным горнопромышленникам. Их фамилии достаточно широко известны в уральской историографии: Твердышевы и Мясниковы, Короб-

Ведомость об отпускном за море железе... всех портовых и пограничных таможен 1731–1765 годов

Таблица 3

Год	Весом			
	Железа		Меди	
	Пуды	фунты	Пуды	фунты
1731	600	–	–	–
1735	2 142	–	–	–
1741	12 709	20	–	–
1742	15 847	–	–	12,5
1743	4 670	–	80	25
1744	86	20	–	2
1745	210 115	10	619	18
1746	316 764	29	–	–
1747	327 697	25	–	–
1748	169 914	35	322	35
1749	545 648	21	14	19
1750	1 235 864	35	63	36
1751	684 943	26	3 777	25,75
1752	998 475	21	11 669	13,5
1753	607 264	28	13 781	39,5
1754	693 921	20	5 503	25

Год	Весом			
	Железа		Меди	
	Пуды	фунты	Пуды	фунты
1755	920 785	27	7 231	4
1756	502 075	3,25	116	37,75
1757	453 993	39	–	–
1758	653 394	16	3	26,5
1759	937 946	4,25	90	18
1760	876 630	14	1	31,25
1761	1 082 910	10	3	1,5
1762	1 015 799	21	7	21,5
1763	1 186 950	31	3 770	12
1764	1 428 311	39	323	37
1765	1 975 123	30	3 491	29

ковы и Демидовы, Осокины, Мосоловы, Лугинины. Именно этим фамилиям принадлежало большинство металлургических заводов на Южном Урале в XVIII веке. Как показывает анализ биографических данных и ряда исторических свидетельств, представители указанных фамилий в действительности были приверженцами старой веры. Если говорить более определенно, то именно они являлись теми тайными, а некоторые, как, например, Осокины, явными старообрядцами, кто не побоялся и направил свои торговые и промышленные капиталы в развитие металлургического производства Южного Урала в XVIII веке. На данный факт следует обратить особое внимание, так как именно это обстоятельство сыграло решающее значение в формировании прослойки старообрядческого населения на заводах Южного Урала. Что и способствовало, в свою очередь, образованию в начале XIX века на ряде металлургических заводов региона новых и достаточно влиятельных старообрядческих центров. Факты свидетельствуют, что как только могущественный покровитель старообрядчества уходил из жизни или его лишали всех гражданских прав по суду, для старообрядцев, проживавших при его заводах, наступали трудные времена, связанные с религиозными преследованиями и назойливыми попытками их «обращения» в официальное православие.

Формирование заводского населения Южного Урала. Старообрядчество

История старообрядчества Южного Урала XVIII–XIX веков неразрывно связана с историей уральской металлургии. В силу того, что вышеуказанные акты горного права стимулировали в горнозаводском деле частную инициативу, прямым следствием этого явилось развитие частной предпринимательской деятельности в таких областях экономики России XVIII века, как промышленность, торговля, кредитно-финансовая сфера. Именно вышеуказанными обстоятельствами, причем в полной мере, и воспользовались наиболее яркие и талантливые представители старообрядчества России. Значительную роль в их самоорганизации сыграла круговая порука, помогавшая приверженцам старой веры успешно противостоять духовному угнетению. Она же помогала и в формировании как торговых, так и промышленных капиталов. Чем сильнее становилось финансово-экономическое положение купцов и промышленников — старообрядцев, тем большее влияние и авторитет они завоевывали в среде своих единомышленников, а также тех, кто не противился церковной реформе патриарха Никона.

Вне всякого сомнения, экономическая независимость старообрядческих общин способствовала расширению сфер их влияния в Российском государстве. Это прекрасно понимали идейные противники

старой веры. Тем не менее в силу государственной важности горнозаводского дела, которая придавалась ему в самых высших политических кругах России, начиная с Петра I и до начала 1760-х годов, светская власть не возбуждала против горнозаводчиков — покровителей старой веры следствия по старообрядческим делам и в открытую не обвиняла их в расколе. Она находила иные способы влияния, которые в конечном итоге приводили к финансово-экономическому ослаблению старообрядчества. Разумеется, духовная власть вела негласный надзор и посредством тайных осведомителей собирала компрометирующие материалы, но довести дело до судебного разбирательства было практически невозможно. Приверженцы старой веры не принимали личного участия в протестном движении урало-сибирских старообрядцев.

Одним из способов ослабления старообрядческих капиталов, соответственно и ряда старообрядческих общин, стал принудительный раздел движимого и недвижимого имущества. Пока невозможно однозначно утверждать, что отмена петровского указа «О единонаследии», произошедшая в 1731 году при Анне Иоанновне, была совершена именно с такой далеко идущей целью. Как бы там ни было, но в последующие десятилетия XVIII века указом об отмене единонаследия активно пользовалась светская власть для принудительного дробления горнозаводских имений, принадлежавших промышленникам-старообрядцам. Первый такой раздел произошел в 1745 году. После смерти Акинфия Никитича Демидова все его металлургические заводы, невзирая на имеющееся завещание покойного, были в принудительном порядке поделены между его наследниками. Тем самым значительный вред был нанесен не столько старообрядческим общинам Невьянска и Нижнего Тагила, хотя пострадали и они, сколько конкурентоспособности демидовского железа, продаваемого на английском рынке металлов. Последовавшие в 1755 и 1758 годах два крупных имущественных раздела раздробили металлургические заводы Мосоловых и статского советника Демидова, что также отрицательно сказалось на их конкурентоспособности.

Тем не менее, до прямых массовых розысков по старообрядческим делам на заводах Южного Урала еще не доходило. Данное обстоятельство было связано с тем, что в период с 1744 по 1758 год светская

власть была заинтересована в том, чтобы податное население, включая тайных старообрядцев, не разбегалось, а приходило и селилось в слободах и поселках при металлургических заводах. Значительную роль в этой кампании сыграла вторая ревизия тяглого населения России.

Указ о генеральной ревизии (переписи) купечества, крестьянства, прочих разночинцев, вышел 16 декабря 1743 года. «Во все губернии, провинции и города, — говорилось в указе, — отправлены генералитета штат и с ними обер-офицеры по инструкции». Пункт 16 указа гласил: «Ежели при генеральной ревизии явятся разночинцы и незаконнорожденные²⁹ люди боярские, отпущенные из домов с отпусковыми вечными пашпортами, а никого себе помещиков поныне не сыскали и в подушные оклады ни за кем не записаны, а ни у каких Е. И. В. дел не обретаются, таковых всех и с детьми по желанию их, ежели которые имеют торговые промыслы или ремесла, писать в посады и в цеха, а протчих, кои годны будут, в службу писать в солдаты и отсылать в Военную коллегию, а кто в посаде и цехах, и в службе быть не пожелают, а пожелают быть у помещиков, таковых всех писать к помещикам и вотчинникам, и на фабрики, кому они во услужение итти пожелают, и кто их из платежа подушного окладу взять похочет, дабы ни один без положения не остался».

Этим пунктом указа и воспользовался И. И. Неплюев, поддерживаемый Сенатом и Берг-коллегией, при составлении контрактов на строительство заводов в Оренбургской губернии. Горнозаводчикам было разрешено: «...ежели, какие люди найдутся, и которых по указам к заводам вновь приписывать повелено, о том... позволено просить в канцелярии генеральной ревизии». Этим положением воспользовались И. Б. Твердышев и И. С. Мясников, строившие медеплавильные заводы в Уфимской провинции, а также посадские люди Коробковы и промышленники Осокины, строившие Каслинский и Нязепетровский заводы в Исетской провинции. В связи с чем на вновь построенных заводах этих промышленников образовались две категории насе-

29

Старообрядческое население России XVIII века подпадало под это определение. Дело в том, что старообрядцы, не признавая официальную церковь, крестили новорожденных детей по своим обрядам. Соответственно в метрических книгах официальных церковных приходов не делались записи ни о рождении, ни о крещении.

ления, получившие в официальных документах тех лет названия «незаконнорожденные» и «не помнящие родства». Как показывает анализ ряда архивных документов, люди, вошедшие в эти категории, не имели при себе «отпускных вечных паспортов», как это было предусмотрено пунктом 16 инструкции. Тем не менее, во всех официальных документах тех лет их нейтрально называли «пришлыми» и по силе 16-го пункта селили при заводах. В действительности это были беглые люди, выходцы из разных уголков Урала и России. В дальнейшем, эти две категории были объединены в одну и Указом от 30 декабря 1755 года были «навечно» оставлены при частновладельческих заводах.

Тот факт, что «незаконнорожденные и не помнящие родства», получившие по указу 1755 года название «вечноотданные», на момент прихода на вновь строящиеся заводы уже являлись старообрядцами, точно подтверждается перепиской между Оренбургской губернской канцелярией, канцелярией Главного заводов правления и Берг-коллегией. Так в рапорте, направленном из Оренбургской губернской канцелярии в Государственную Берг-коллегию от 16 декабря 1751 года помимо прочего было представлено обоснование того, что пришлые люди, оставленные при заводах по указам, должны работать там постоянно, а не за один подушный оклад. Чиновники канцелярии полагали, что отданные по указам к тем или иным заводам должны числиться, согласно пункту 5 все той же Генеральной ревизии, как крепостные. Также они настаивали на разъяснении этим заводским жителям, чтобы они себя не причисляли к государственным крестьянам приписных сел и деревень. «...Жители находящиеся не токмо при оных Петра и Ивана Осокиных, но и при всех партикулярных заводах, по силе вышепрописанным именных указов, всегда при работах находится безотлучно должны,— говорится в продолжении рапорта,— не сравнительно приписным к заводам из государственных крестьян селам и деревням, ибо они с прежних жилищ сошли и при заводах поселились из своей воли, а не по переводу или какой-либо приписке и по... силе указов... утверждены тут быть для работ заводских, а не для других каких промыслов. К тому же из них есть многие раскольники, каковых по указу из кабинета 1735 г. велено употреблять в заводские работы...»

Вот так. Когда только принимали беглых к заводам, их именовали «пришлыми», «незаконнорож-

денными», «не помнящими родства». Когда речь зашла о «вечном» прикреплении к заводам, то — раскольниками. Несмотря на явное ограничение личной свободы, лишь незначительная часть заводских жителей из этой категории пустилась в бег. Большинство осталось при заводах. Почему? Дело в том, что на тот момент светская власть добивалась выполнения только экономических требований. К тому же это было в интересах частных горнозаводчиков. Именно с подачи демидовского приказчика Блинова началась кампания по закреплению беглых людей при частных заводах Оренбургской губернии. Но главным являлось то обстоятельство, что в 1740–50-е годы на южноуральских заводах не проводилось массовых следствий по старообрядческим делам. Тогда как в государственных селах и деревнях Исетской провинции, других ведомствах Сибирской губернии шли повальные розыски, связанные с расколом. На некоторых аспектах этих розысков следует остановиться чуть подробнее.

Дело в том, что указы от 15 декабря 1743 года (о второй ревизии) и от 31 августа 1744 года призывали тайных старообрядцев безбоязненно записываться в двойной подушный оклад. В то же время Указ от 13 мая 1745 года отменял многие положения Указа от 31 августа 1744 года, который старообрядцы уже успели причислить к «милостивым царским указам». Но указ от 13 мая 1745 года подтверждал положение об отмене всех следствий во время ревизии по старообрядческим делам. В связи с чем часть старообрядцев и решила воспользоваться этой возможностью и легализовать свои религиозные убеждения. В результате по итогам второй переписи в двойной подушный оклад³⁰ в Тобольской епархии, куда входила территория Исетской провинции и демидовские заводы Среднего Урала, записалось около десяти тысяч старообрядцев. Число записавшихся в раскол так возмутило Сибирскую духовную консисторию, что она объявила результаты переписи незаконными. Указом от 18 мая 1750 года консистория добила всеобщего розыска по старообрядческим делам. В первую очередь церковь стремилась путем прямого полицейского насилия изменить в свою пользу результаты записи в раскол по второй реви-

30

Четкий признак, указывающий на явных, а не тайных старообрядцев!

зии. С этой целью всех записавшихся в двойной подушный оклад принялись с немалым ожесточением «обращать» в православие. В то же время когда в ходе следствия находили тайных старообрядцев, им ставилось в вину то, что они не записались в двойной подушный оклад. После чего чиновники духовной консистории открывали новые следственные дела. Другими словами, преследовали и тех, кто записался, и тех, кто не записался в раскол. Самых упорных, не желавших «обращаться», хватали, заковычивали в кандалы и увозили в Тобольск. В застенках Тобольской консистории «увещевания» чередовались с дыбой и физическими пытками. Тех, кто «обращался», отпускали по домам. Тех же, кто стоял на своем и не переходил в официальное православие, забивали до смерти и закапывали на задворках духовной консистории, «яко падаль».

В конце 1750 года Сибирская консистория сняла всякие ограничения в следственных делах и потребовала «увещевать и разыскивать» всех записных старообрядцев независимо от времени записи и прочих обстоятельств. В центре внимания следователей, таким образом, оказались: методы деятельности руководителей раскола, организация тайных приходов, заключение браков, крещение детей, старообрядческие тайники для укрытия беглых крестьян, солдат. Розыски тайных старообрядческих центров и их руководителей охватывали многие десятки людей, но гораздо больший массовый характер они приобрели по отношению к двум вопросам, касавшимся каждой старообрядческой семьи: о записи в раскол по второй ревизии; о незаконных старообрядческих требах, включая венчания и крещения. Другими словами, официальная церковь своими полицейско-увещательными действиями пыталась создать невыносимые условия существования для старообрядческих семей и тем самым принудить их перейти в православие. В результате епархиальным чиновникам даже отчасти удалось достигнуть некоторых успехов в этих насильственных «обращениях».

Тем ужасней был ответ, последовавший со стороны как явных, так и тайных старообрядцев на все эти коварные действия церковников. Ответ был такой силы, что заставил светскую власть, ужаснувшись, отказаться от этой полицейско-увещательной кампании. Старообрядчество Зауралья и Западной Сибири прибегло к самому радикальному

методу протеста — коллективному самосожжению. В огне гибли как женщины, старики и дети, так и работоспособное мужское население. Эти факты документально подтверждены Н. Н. Покровским. По имеющимся у него источникам, в 1750–1753 годах старообрядцы Исетской провинции, Тюменского, Ялуторовского и других ведомств Сибирской губернии 25 раз собирались для самоуничтожения. Только дважды властям удалось предотвратить гари. Покровский отмечает характерную особенность самосожжений в начале 1750-х годов: старообрядцы уже не дожидались открытого нападения солдат, чтобы зажечь огонь; сам розыск они считали обстоятельством, которое оправдывало самосожжение, и оно признавалось уже не самоубийством, а защитой свободы веры. Именно эти страшные события и спровоцировали массовые побеги старообрядцев из государственных сел и деревень Исетской провинции на заводы Южного Урала. Где, как известно, требовались в больших количествах не только рабочие руки, но и свободные капиталы для ведения торговли и доставки разных припасов и материалов, необходимых для металлургического производства. Не менее прибыльным делом являлось заключение подрядов на доставку продовольствия в пограничные крепости, не говоря уже о винных откупах.

Также в начале 1750-х годов на заводах Среднего Урала, ранее принадлежавших Акинфию Демидову, Сибирская консистория разгромила несколько скитских центров. Среди них был и монастырь уральских беспоповцев-поморян, находившийся на окраине Невьянского завода. Часть скитников была арестована, но большинство разбежалось. Следы некоторых из них обнаружили на Каслинском и других заводах Оренбургской губернии. Справедливости ради надо сказать, что не все старообрядцы селились при заводах. Какая-то часть становилась скитниками, причем в самых диких и необжитых районах Уральских гор, где они и вели скрытый образ жизни. При этом сами скиты и организация скитской жизни строились таким образом, чтобы не терялась связь с родственниками, поселившимися в заводских слободах и поселках. А отправиться в скит на богомолье для заводского жителя являлось чрезвычайно важным событием в его жизни! Поэтому-то с ростом старообрядческого заводского населения росло и количество скитов на Южном

Урале. Что в свою очередь делало южноуральский регион еще более привлекательным для приверженцев старой веры, проживавших в других регионах России.

Все вышесказанное в сочетании с тем, что заводладельцы Оренбургской губернии (читай — Южного Урала) являлись покровителями старообрядческих общин в своих же заводах, и привело к образованию уже в предпугачевский период во всех металлургических заводах Южного Урала очень влиятельной старообрядческой прослойки населения. На данный факт следует обратить особое внимание, ибо он является ключом к пониманию дальнейших событий, произошедших на Южном Урале в 1773–1774 годах, более известных в отечественной историографии как восстание под предводительством Емельяна Пугачева.

Список источников и литературы

1. Архив ЛОИИ РАН. Ф. 276. Оп. 1. Д. 167.
2. ГАСО. Ф. 101. ОП. 1. Д. 411.
3. ГАСО. Ф. 115. ОП. 1. Д. 3.
4. Дубровин Н. Пугачев и его сообщники. СПб., 1884.
5. Козлов А. В. Златоуст — город крылатого коня. Златоуст, 2004.
6. Лепехин И. Дневные записки путешествия доктора и Академии Наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1770 году. СПб., 1802.
7. Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 4, ч. 2. М., 1956.
8. ОГАЧО. Ф. И-227. Оп. 1.
9. ОГАЧО. Ф. И-227. Оп. 1. Д. 15.
10. ОГАЧО. Ф. И-227. Оп. 1. Д. 3, 5.
11. ОГАЧО. Ф. И-227. Оп. 1. Д. 6.
12. Паллас П. С. Путешествие по разным местам Российского государства по повелению Санкт-Петербургской императорской академии наук : в 3 ч. : в 5 кн. Ч. 2, кн. 1. СПб., 1786.
13. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830.
14. РГАДА. Ф. 271. Кн. 727.
15. РГАДА. Ф. 411. Оп. 1. Д. 4.
16. Рычков Н. П. Журнал, или Дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям российского государства в 1769 и 1770 годах. СПб., 1770.
17. Рычков П. И. История оренбургская. Оренбург, 1896.
18. Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887.
19. Самигулов Г. Х. От Долматова монастыря до Чебаркульской крепости. Чебаркуль ; Челябинск, 2011.
20. Штоф А. Горное право: сравнительное изложение горных законов. СПб., 1892.

Златоуст. Зима.
Фото: С. Арканов

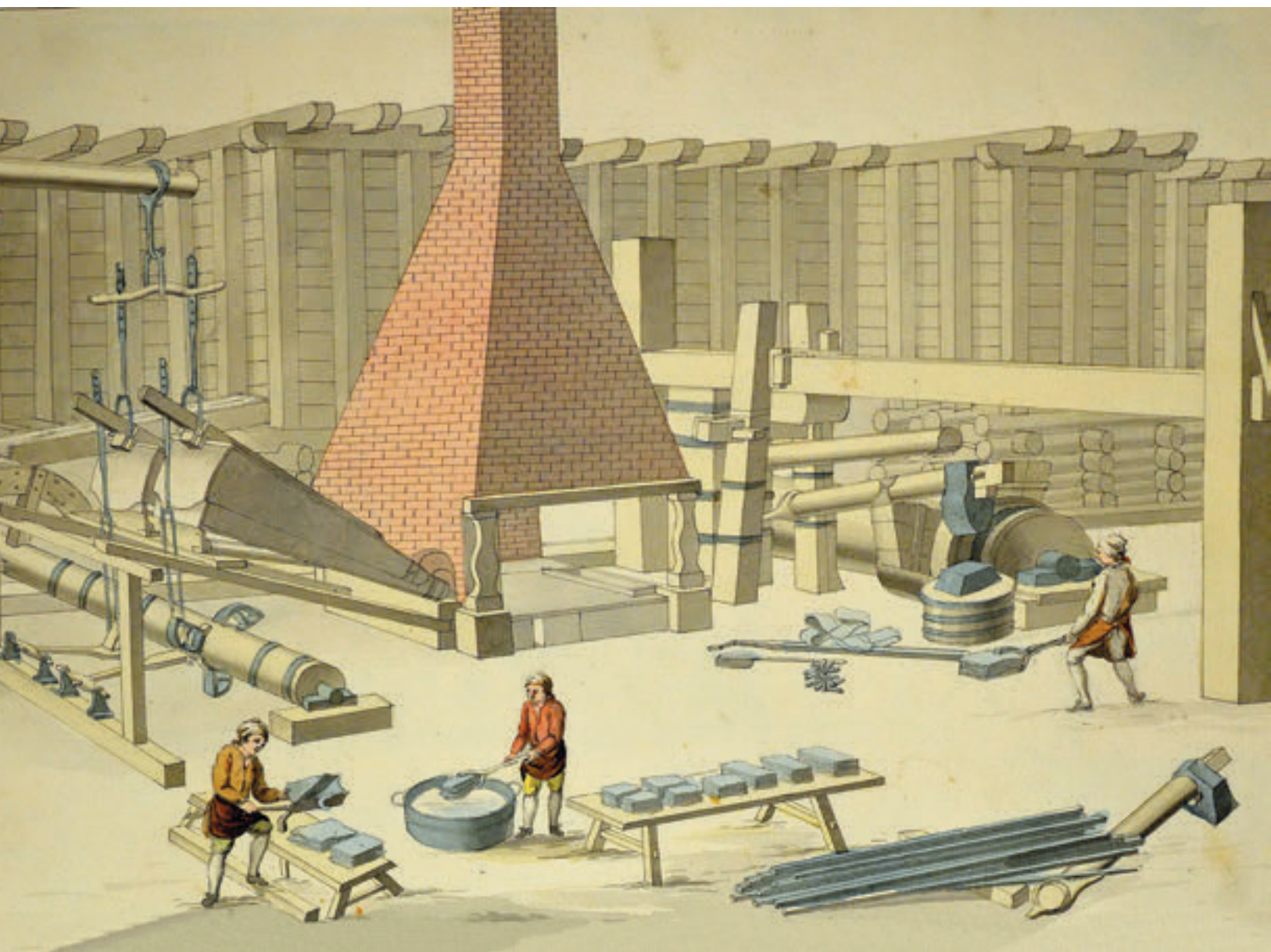

История Южного Урала

ЦАРСТВОВАНИЕ
ЕКАТЕРИНЫ II
(1762 – 1796)

Глава 4. ЦАРСТВОВАНИЕ ЕКАТЕРИНЫ II (1762 – 1796)

Алексей Петрович Бестужев-Рюмин, руководивший до 1758 года внешнеполитическим ведомством России, несмотря на происки своих явных и тайных недругов, твердо придерживался курса сближения не с Францией, а с Австрией. Данное обстоятельство и сыграло роковую роль не только в судьбе самого А. П. Бестужева-Рюмина, но и России в целом. В результате многоходовых придворных интриг, где не последнюю роль сыграла принцесса Ангальт-Цербстская, некогда всемогущий канцлер впал в немилость императрицы Елизаветы Петровны. В результате манифестом от 27 февраля 1758 года за оскорбление Ее императорского величества канцлер был лишен всех чинов и достоинств и отправлен в ссылку. С его уходом с политической арены претерпела изменение не только внешнеполитическая линия, но и промышленная политика России. Дело в том, что, невзирая на многочисленные обвинения во взяточничестве, Бестужев-Рюмин проводил свой внешнеполитический курс исключительно в интересах России. При его поддержке была предпринята в 1750-е годы попытка вытеснения шведского железа с английского рынка металлов. Для снижения себестоимости российского и особенно уральского железа были отменены внутренние таможенные пошлины. Претерпела изменения и налоговая политика. Для снижения себестоимости вывозимого за границу железа, а значит, и продажной цены на английском рынке, был отменен

Работа у кричного горна.
Де Геннин. Книга Сибирских
горных заводов (рукопись).
Списано с оригинала дворя-

нину Григорию Демидову
[Часть 2. Архив ЛОИИ АН.
Коллекция 115. ОП. 1. КН.
1161. Ч.2. Л. 39]

Екатерина II Гравюра Г. Шмидта
по оригиналу Л. Токке. 1761 год (фрагмент)
[Родина. 1993, №1, С. 89, 97]

сбор попудных пошлин с выплавляемого чугуна на всех металлургических заводах России.

Указанные обстоятельства шли в разрез с интересами тех российских сенаторов, которые брали взятки от иностранных, в частности, шведских дипломатов, не считаясь с национальными интересами России. В результате более чем двухлетней «подковерной» борьбы в российском Сенате, с минимальным перевесом¹ победила группа сенаторов, воз-

1 Н.И. Павленко в первых редакциях учебника истории для десятого класса средней школы утверждал, что перевес в пользу Трубецкого был в один голос. В редакции учебника 2008 года это уточнение уже вымарали.

главляемая князем Никитой Юрьевичем Трубецким. Осенью 1760 года Н. Ю. Трубецкой выступил в Сенате с предложением об отмене запрета на сбор попутных пошлин с металлургических заводов России. Определением Сената от 12 октября 1760 года было решено поручить действительному статскому советнику Шлаттеру выработать соответствующие предложения. В свете новых веяний перед Шлаттером ставилась задача: «Представить свое мнение

о том, каким наилучшим образом наградить потерю до того упущенной десятины...» [5, л. 35 об.]. Это мнение было представлено сенату 11 июня 1761 года. В силу того что оно носило, по сути, программный характер с далеко идущими последствиями, имеет смысл привести его пункты дословно.

Из приведенных пунктов мнения Шлаттера однозначно следует, что организаторы отмены запрета на выплату десятины планировали вернуть ее, как ми-

«1. Чтоб как с меди, так и с железа восстановить десятину по-прежнему согласно с Берг Регламентом 1739 г. ...и все заводы положить по прежней препорции следующим порядком за все действующее время, исключая из того только остановки законными причинами... как то происходящие от прорыва плотин, от по-жаров, от наводнения... с тем, чтобы всякой за-водчик по количеству выплавляемого у него чугуна в казну платил, а не те одни, кои за море только железо свое отпускают, а установив, таким образом, десятину по силе Берг Регламента, уже все прочия с железа и со всякого рода делаемых из оного вещей и припасов, внутренняя и прочия пошлины сложить, а оставить только те одни до-менные деньги, тако единственную и действительную десятину, которая должна вступить в казну Берг Коллегии дабы отягощения излишним сбором заводчиков не сделать им препятствия в отпуске за море железа;

2. ...частных заводчиков заводы, на которых домны по силе Берг Регламента уже прежде были обложены, оставить до будущего вновь обложения в том самом окладе, какой с них до 1754 г. действительно за вычетом остановочного времени собирался, так... и прежде бывшие казенные, а с 1754 г.

в партикулярное содержание отданные и вновь с того 1754 г. построенные кои еще в окладе не состояли, немедленно обложить и тот оклад числить с того времени как указ последует;

3. с тех заводчиков кои свое железо внутри государства продавали, в чужие края не отпускали и пошлин никаких не платили, считая с пресечения платежа десятины, т. е. с 1754 г. взыскать в казну со всего того количества, какое у них на заводах во все неплатежное время было выплавлено, исключая только то одно, за что они буде докажут при отпуске за море пошлиною заплатили;

4. Обложение заводов десятиною производить через каждые три года и для того дабы каждого завода ежегодно приращение видно было, держать заводчикам верные книги, а сверх того на каждом заводе с казенной стороны для надзирания приставить по одному берг офицеру;

5. Для пользы общества железа для внутренней... в городах продажи установить известную цену, а именно: железу, кованному под большими молотами по разным образцам по 60 коп. пуд; колотушечного, перекованного... резаного в машине и плющильного по 80 коп.; укладу по 81 коп, стали по 2 руб., жести ординарной луженой по 62 коп; лист двойной по 13 коп.,

проволоки разных рук по 6 руб. пуд; досок крышечных и обрезков дощатых и жестяных по 1 руб. 50 коп. пуд; чугунных припасов, котлов... таганов и пр. по 90 коп. пуд; досок чугунных по 73 коп. пуд, а делаемой внутри России по 50 коп. пуд, с тем что ежели... кто выше той цены продавать будет, у таковых все оставшееся за продажей в том месте, где кто продавал, конфисковать и о том, как для народного сведения, так и наблюдения губернаторам и воеводам публиковать указами;

6. Ограничить количество делаемого железа так, чтоб излишество и неумеренность оно не могли делать подрыва в ценах при продаже за море, а сколько в каждый год наделявать о том для наблюдения и постановлению препорций Берг Коллегии сношение иметь с Коммерц Коллегией;

7. В рассуждение того, что все заводы обложены, будут равною податью, установить, кто... из заводчиков... уже не обязаны были в казенные места ставить железо по указанной цене, а те места покупали бы уже железо сами по уговорной цене у заводчиков;

8. С меди учредить с партикулярных заводчиков десятину так, что сколько у кого оной в год выплавится, то брать десятой пуд хотя бы оная заводчику с прибылью или убытком обошлась,

так как оная десятина и до 1754 г. по Берг Регламенту в казну собиралась и заводчикам для записи выплавляемой меди давать ежегодно от канцелярии Главного за-водов правления за шнуром и печатью книги и сверх того для надзирания определить на каждой завод по одному берг офицеру, ежели те по окончании года по свидетельстве окажется у кого утайка, за то заводы описывать в казну, впрочем, всю остальную медь за взятъем десятины от всякой уже пошлины освободить при отпуске за море ничего в казну не брать;

9. Сколько с 1754 г. выплавленной на заводах у частных заводчиков по 1761 г. меди не взято, десятины за исключением только той, с которой взята при отпуске в чужие края пошлина, оную всю со всех заводчиков по расчету взыскать, так равно ежели кому и казенные заводы отданы или вновь построены, то и оные к платежу десятины обложить, и напоследок,

10. На оставшуюся от внутренней продажи медь равномерно установить продажную известную цену, а именно: за штыковую по осми рублей, а за расковочную по осми рублей по 15 коп. и о сем также обнародовать указами» [5, л. 35 об.— 36 об.].

нимум в прежних размерах, обязав при этом выплачивать десятину с 1754 года тех заводчиков, которые не вывозили медь и железо за границу. Особый интерес вызывает стремление организаторов этой кампании взять под контроль не только цены на все виды железа, но и его производство. «Ограничить количество делаемого железа так, чтоб излишество и неумеренность оно не могли делать подрыва в ценах при продаже за море, — говорится в шестом пункте мнений, — а сколько в каждый год наделять о том для наблюдения и постановлению преполюции Берг Коллегии сношение иметь с Коммерц Коллегией» [5, л. 36 об.]. К чему это могло привести при возвращении к практике взимания десятины и увеличении ее размера, а также введении нового подоменного налога, который, как и десятина, был удвоен на период войны с Турцией? Вполне ожидаемо, что при увеличении только налогового бремени неизбежно должен был произойти рост цен на все виды железа и меди как на внутреннем, так и на внешнем рынках. А если еще сократить производство железа, как это предлагал Шлаттер?

Факт повышения налогов и сборов подтверждается правительственными указами периода 1762–1782 годов и архивными документами из фондов заводов Южного Урала за 1782–1794 годы. Для краткости все данные по налогам и сборам собраны в таблице 4.

Приведенные в таблице количественные показатели десятины, подоменного сбора и портовой таможенной пошлины практически идентичны данным, которые приводит Василий Крамаренков в разделе «О зборе десятины» [5, л. 29 об.— 38 об.]. Имеющиеся расхождения не носят принципиального характера. Анализ правительственных указов подтверждает вывод Крамаренкова о повышении налогообложения с металлургических заводов России. За период с 1762 по 1794 год оно повысилось вначале в два, а затем в четыре раза.

Как и следовало ожидать, за налогами поднялись и цены на железо. В Указе от 21 декабря 1765 года по этому поводу говорится: «...сенат, имея рассуждения, что полосовое и сортовое железо на внутреннее употребление от промышленников и других тор-

Налоги и сборы с заводов черной металлургии в 1762–1794 годах

Таблица 4

Дата выхода указа	Денежный сбор с пуда чугуна в год, коп.	Сбор металлом	Сбор с домны в год, руб.	Портовая пошлина с пуда чугуна в год, коп.	Примечание
01.06.1762	—	$\frac{1}{10}$	—	13	Указ от 9 августа 1762 подтверждал указ от 1.06.1762 г.
09.08.1762	—	$\frac{1}{10}$	100	13	
15.12.1763	—	$\frac{1}{10}$	100	13	Подоменный сбор вводился с 1.01.1764 г.
15.04.1764	4	—	100	13	«Брать со всех партикулярных заводов с 1.06.1762 г.»
18.06.1764	4	—	100	13	
30.10.1769	8	—	200	13	«Брать с 1.01.1770 г.»
05.03.1772	8	—	200	13	«О взыскании с заводов по 6 % за неплатеж в срок десятинной подати»
17.03.1775	4	—	100	13	
06.11.1794	6/8	—	200	13	

гующих оным людей, против продажи в заморский отпуск, продается весьма неумеренно дорогою ценою, того ради, в отвращение сего приказали: в Берг-коллегию послать указ и велеть, имеющееся в ведомстве ее казенное железо, не токмо для отпуска за море, но и на внутреннее употребление продавать по справочным ценам, почему оное в заморский отпуск продается, прилагая только к тому торговую пошлину» [24, т. 17, с. 467]. В указе от 23 сентября 1773 года с характерным названием «О непродавании привозимого с Гороблагодатских заводов железа в одне руки более 10 пудов вдруг» отмечается, что «хотя в прошлом 1767 г. ...к уменьшению по городам и уездам цен на железо, вследствие учиненного в... сенате 1767 г. 2 мая определения, посланным в Берг Коллегию указом, в отвращении того, что во внутренних городах обыватели от дорогих продажных заводчиками цен железу, несут не малую тягость; и велено... Гороблагодатское железо развозить в Москву и во внутренние города... сверх истинных заводских цен, провоза и содержания на месте магазина, с прибавкою прибыли от 25 до 30 коп. Которая продажа поручена городским канцеляриям и магистратам... а смотрение поручено самим губернаторам, не смотря однакож на сие к пользе народной сделанное учреждение, нашлись такие люди, которые... забирая все то по городам развозимое железо большим количеством в немногие руки, развозят сами по уездам, накладывая на оное большие барыши, продают уже весьма по неумеренным ценам» [24, т. 19, с. 833]. В целях предотвращения спекулятивной торговли казенным железом правительство Екатерины II и выпустило вышеназванный указ, заблаговременно вынеся свое решение в его заголовок: «О непродавании... железа в одне руки более 10 пудов...»

Следует отметить, что если указы, подтверждающие факты повышения налогов и цен на железо, удалось выявить в «Полном собрании законов Российской империи» (ПСЗ), то правительственных решений в виде именных, сенатских указов, которые предписывали бы прямое сокращение производства железа, до настоящего времени найти не удалось. Тем не менее, по свидетельству Крамаренкова, мнение Шлаттера было утверждено Екатериной II. Он пишет: «По сему представлению поднесен был Е. И. В. от сената доклад, который в высочайшее... в сенате присутствие августа 21 дня 1762 г. подтвержден» [5, л. 36 об.]. Если это так, то все десять пунктов до-

кумента Шлаттера, получив высочайшее одобрение, должны были получить статус закона и подлежать исполнению. В тоже время Крамаренков, казалось бы, подтверждая конфирмацию этого мнения, цитирует Указ от 9 августа 1762 года, опубликованный в ПСЗ. Но в этом указе подтверждается только факт возврата к взиманию десятины с металлургических заводов, причем металлом, а не деньгами. Тогда как Шлаттер высказывался о взятии десятины натурой и только с медеплавильных заводов. Также в Указе от 9 августа 1762 года нет ни слова о других пунктах, включая шестой, в котором автор предлагал в указанном порядке ограничить производство железа в России. Очевидно, что другие пункты, составляющие мнение Шлаттера, не были включены в доклад, предназначенный для высочайшего утверждения, из-за разногласий в Сенате. Они так и остались на какое-то время на уровне пожеланий и устремлений Н. Ю. Трубецкого и его окружения. Факт конфронтации внутри Сената подтверждается именованным указом от 6 июня 1763 года. Его заголовок гласит: «О прекращении в оном междоусобного несогласия, вражды и раздела на партии» [25, т. 16]. Для окончательного решения данного вопроса необходимо иметь неопровержимые доказательства существования или отсутствия Указа от 21 августа 1762 года. Тот факт, что его нет в ПСЗ, еще ничего не доказывает. К примеру, в определении Берг-коллегии от 28 мая 1764 года имеется ссылка на Указ от 22 августа 1762 года, запрещавший приписку к частным заводам государственных крестьян [10, с. 374]. Тем не менее данного указа нет в ПСЗ, а факт запрета на приписку государственных крестьян общеизвестен.

Как бы там ни было, из вышеизложенного следует, что мнение Шлаттера стало не только отправной точкой в изменении налоговой и промышленной политики России. Как показывают дальнейшие события, десять пунктов мнения Шлаттера стали своеобразным программным документом, которым руководствовался ряд сановных высших лиц государства и членов Сената во главе с Н. Ю. Трубецким. Именно Трубецкой и его окружение при поддержке первоначально Петра III, затем Екатерины II изменили внутривнутриполитический курс сообразно самым одиозным пунктам документа Шлаттера. Начиная с правления Петра III промышленная политика России уже не отвечала ее общенациональным интере-

сам. В соответствии с измененным политическим курсом смотрится по-другому и тот факт, что одновременно с отменой запрета на выплату десятины была запрещена покупка крепостных крестьян на заводы. Указы 1762 года — от 29 марта и подтверждающий его от 8 августа — негативно не только сказались на интересах частных промышленников, строивших новые металлургические заводы на Южном Урале, но и имели далеко идущие последствия.

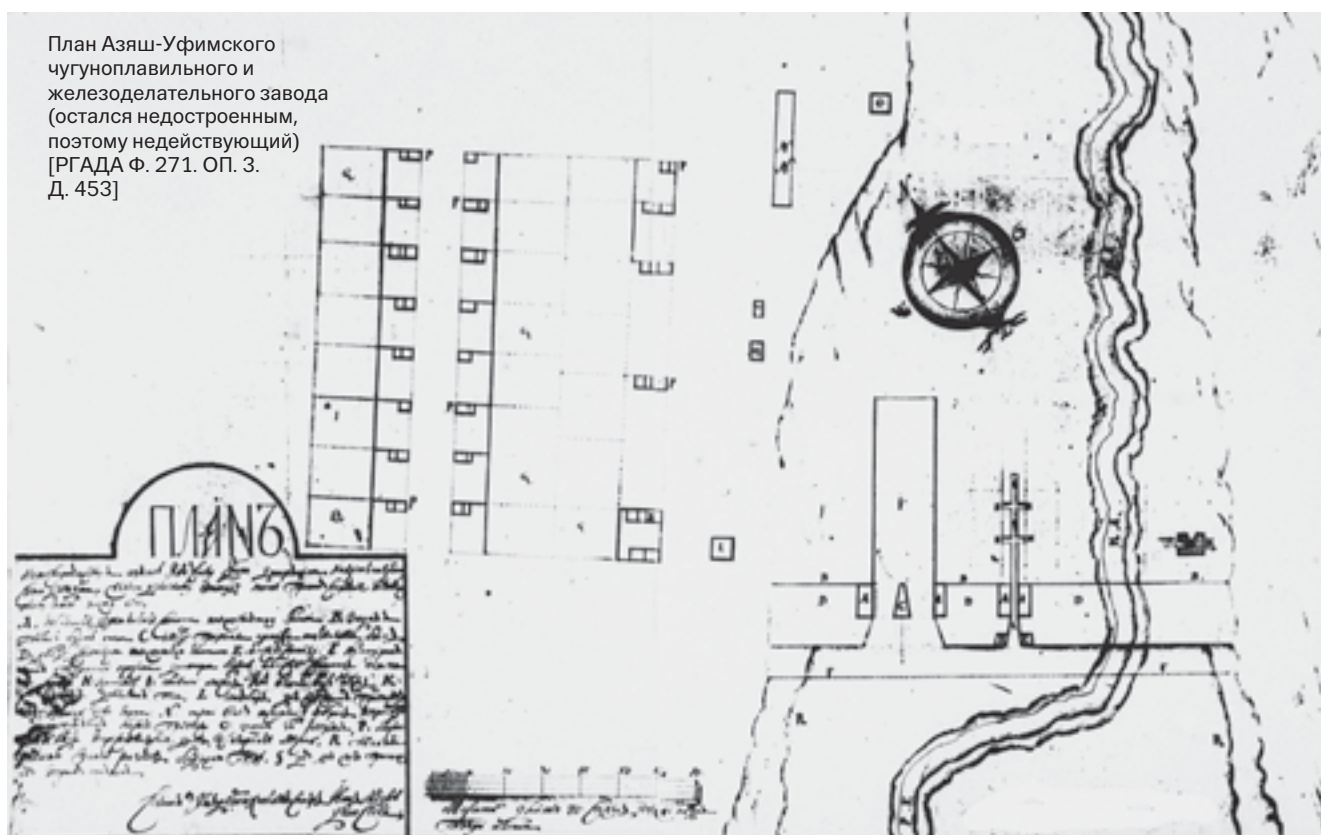
Общеизвестно, что в XVIII веке наибольший прирост металлургического производства достигался экстенсивными методами. Чем больше вводилось в строй металлургических предприятий, тем большее количество железа и меди давала эта отрасль. В России же 1750-х — начала 1760-х годов наибольший прирост металлургического производства наблюдался в Оренбургской губернии, занимавшей тогда всю территорию Южного Урала. В этой связи правомерно говорить об образовании в указанный период нового южноуральского металлургического района, принадлежавшего исключительно частным горнопромышленникам. За период с 1744 по 1762 год на Южном Урале было построено 34 частных чугуноплавильных, железоделательных и медеплавильных заводов, и сохранялась тенденция к их увеличе-

нию.

К примеру, только дворянин Демидов должен был ввести в строй в 1763–1764 годах Азяш-Уфимский, Кеолимский чугуноплавильные, Шемахинский железоделательный заводы. На первых двух предполагалось построить, аналогично Златоустовскому заводу, по две доменные печи и по три кричных фабрики. Разрешение на их строительство дворянин Н. Н. Демидов получил в 1759–1760 годах.

В действительности же дворянину Н. Н. Демидову удалось начать возведение только Азяш-Уфимского чугуноплавильного и железоделательного завода. Земля под заводскую дачу была куплена у башкир Шуралинской, Чирлинской и Айлинской волостей в районе слияния рек Азяш и Уфа. Первоначально промышленник хотел построить на Азяше две домны и 12 молотов. Но на плане, составленном Иваном Медведевским в ноябре 1761 года, были указаны только одна строящаяся доменная печь и две молотовые фабрики с восемью молотами.

Строительство завода началось с сооружения плотины, которая планировалась в длину по верху 109 сажений (228,9 м), а в основании 83 сажени (154,3 м). Проектная высота должна была составить 13 аршин 8 вершков (9,6 м). Работа по ее отсыпке

началась, вероятнее всего, весной 1761 года, так как в ноябре этого года насыпь была поднята по бокам от «вешняшного» прореза на две сажени и два аршина (5,62 м), а от горы Высокой до ларевого прореза — на две сажени (4,2 м). Ровно через год, 14 ноября 1762-го, высота плотины на этом участке была доведена до семи аршин (4,97 м). Ее длина оказалась 105 саженей (220,5 м) при ширине 15 саженей (31,5 м). Заводского пруда не было, так как русло реки еще не было перекрыто. «Только чрез реку заимкой не занято, — говорилось в ведомости от 14 ноября 1762 года, — в ней коренные и откосные свинки до верху все срублены, также и шиты, ларевым тесом все забраны. В той плотине вешняк в два прореза со всем наготове и в их прорезах запоры по надлежащему доверху зделаны». Также из основных конструкций плотины практически были готовы к работе водопроходной вешняк, находившийся слева от русла Уфы, длиной 107 саженей (224,7 м)

и шириной 15 саженей (31,5 м) и заводской ларь для пропуска воды на боевые колеса будущих молотовых фабрик длиной 27 саженей (56,7 м). Из заводских сооружений были возведены только кирпичные стены доменного корпуса высотой 10,5 аршина (7,5 м). Молотовые фабрики не были построены. Для их фундаментов были забиты только сваи, установка которых производилась двумя копрами, причем один был с чугунной, а другой с деревянной «бабой» [10, с. 249].

При заводской плотине находились вспомогательные цеха: кузница, инструментальный сарай, меховая изба. Здесь же размещались продовольственные амбары и сараи для хранения строительных материалов. На территории будущего завода был сооружен кирпичный сарай, в котором налажено производство красного и белого кирпича. Красный обожженный кирпич шел на кладку стен доменного корпуса, белый — на кладку доменной

Спорный Кеолимский участок [ГАСО. Ф. 59. ОП. 7. Д. 179]

трубы. Одновременно со строительством велась работа по заготовке необходимых строительных материалов (леса, пиломатериалов, горнового и трубного камня, кирпича, дегтя, смолы и т. п.), а также железной руды и древесного угля.

Понятно, что с выходом указов от 29 марта и 8 августа 1762 года дворянин Демидов, как и другие частные горнопромышленники, строившие заводы на Южном Урале, лишился одного из важных источников пополнения рабочей силы. Попытка приписать государственных крестьян к вновь строящимся заводам также закончилась ничем. Запрет начала 1760-х годов на покупку крепостных и приписку государственных крестьян сказался самым неблагоприятным образом на развитии металлургического производства в Оренбургской губернии (на Южном Урале). Ставка на свободную рабочую силу, как это предписывали указы от 29 марта и 8 августа 1762 года, в условиях удаленности региона от обжитых районов Приуралья и Запад-

ной Сибири оказалась неэффективной. По свидетельству контор южноуральских заводов, было просто невозможно найти нужное количество вольнонаемных рабочих с паспортами, необходимых не только для металлургического строительства, но и для действующего производства. «Малолюдие», если следовать терминологии тех лет, являлось сдерживающим фактором развития металлургического производства на Южном Урале. С выходом указов, запрещавших приписку государственных и покупку крепостных крестьян, темпы роста металлургического строительства и соответственно производства резко упали.

В этой связи совершенно по-другому, в русле нового курса, направленного на сдерживание металлургического производства в России, смотрится и указ от 17 июля 1762 года «О запрещении дворянину Н. Н. Демидову строить заводы на Азяше и Кеолиме» [17, л. 100]. Формально появление этого указа было вызвано тем, что значительная часть лесных дач, отведенных горным ведомством Азяш-Уфимскому и Кеолимскому заводам, вдруг оказалась спорной территорией. И все бы ничего, спорные дела в горной практике возникали и раньше. Но чтобы через два года после подачи утвержденного Берг-коллегией прошения на строительство, да сразу двух чугуноплавильных заводов — такого еще не было никогда! А жалобу на дворянина Демидова подали в канцелярию Главного заводов правления в 1762 году неизвестные Максим Перфильевич Мосолов и Иван Мосолов-младший — владельцы Златоустовского и Уфалейского заводов соответственно. На что надеялись эти промышленники, подавая эту весьма сомнительную жалобу, возможно, мы не узнаем никогда. В конечном-то итоге проиграли все! Дворянин Н. Н. Демидов какое-то время не терял надежды выиграть спор, но дело так заволокнули, что оно растянулось, как показывают архивные документы, на целое столетие, переходя по наследству вместе с заводами от одного владельца к другому. А то, что Указ от 17 июля 1762 года «О запрещении дворянину Н. Н. Демидову строить заводы на Азяше и Кеолиме» являлся политически мотивированным, говорит тот

2

Занимался так называемым кеолимским делом Григорий Васильевич Дружинин, имевший доверенность от Марии Львовны Харитоновой на управление заводами Кыштымского горного округа. Множество отдельных поручений Григория по этому делу выполнял его младший брат — Александр Васильевич Дружинин.

факт, что спорный Кеолимский участок² новые владельцы Кыштымского завода все-таки отсудили в свою пользу. Правда, произошло это в 1860-е годы, когда участников тех событий уже давно не было в живых!

Тот факт, что мнение Шлаттера стало основой нового курса на разрушение прежней промышленной политики, подтверждается и другими актами горного права, изданными в период с 1762 по 1794 год. Правительственные указы, регулирующие такие сферы металлургического производства, как наем рабочей силы, отвод лесорудных участков заводам, выдача разрешений на их строительство, были сведены к банальным запретам и ограничениям. И это помимо налогов и сборов с металлургических заводов, которые были повышены к 1794 году в четыре раза. В создавшихся условиях источниками пополнения контингента мастеровых и работных людей стали переводы по дворянской привилегии крепостных крестьян и прием беглых старообрядцев на заводы. Из-за того что эти два источника пополнения рабочей силы имели теневой характер, они не могли в нужное время и в полном объеме обеспечить возросшие нужды металлургического производства. По этой причине формирование необходимого штата мастеровых и особенно работных людей, занятых на вспомогательных заводских работах (рубке дров, выжигании угля, перевозке руды и т. п.), затягивалось на неопределенный срок, что также сдерживало, а то и прекращало рост производства. К тому же Указ от 29 марта 1762 года, помимо запрещающих мер, оказал негативное влияние на социально-политическую обстановку в регионе. С его выходом приписные крестьяне в массовом порядке оставляли заводские работы и расходились по домам³. В указе от 9 апреля 1763 года по этому поводу говорится: «...злоумышленные между ними (крестьянами.— В. С.) подали повод некоторыми истолкованиями сенатского указа от 21(29) марта 1762 года о непокупке... фабрикантам и заводчикам деревень и чтоб оные довольствовались вольными работниками. А к тому нашлись еще такие бездельники, которые в подтверждение тому и манифест сами, сочинив, между крестьянами публично

3

В сущности, это был акт неповиновения, не более. Тогда как в советской историографии этот факт преподносился как движение приписных крестьян начала 1760-х годов, якобы переросшее позднее в Пугачевское восстание.

вали, и крестьяне, как простой народ, тому и другому... поверив, не токмо пришли в непослушание, но и в некоторое возмущение... причем, Берг Коллегия имеет всем заводчикам объявить, что крестьяне яко не сами к ослушанию причиною, но по простоте своей поверили людям злоумышленным и потому работу якобы по указу покинули...» [24, т. 16, с. 215].

На факт ложно понятых указов следует обратить особое внимание. В новой истории России подметные письма, ложные манифесты, двусмысленно составленные правительственные указы играли далеко не последнюю роль в возникновении народных возмущений, вооруженных восстаний и массовых неповиновений. Этим приемом пользовались все самозванцы и самозванки. Указанное массовое неповиновение приписных к заводам крестьян 1762–1764 годов не стало исключением. В результате этих событий и было принято решение правительства о запрещении новой приписки государственных крестьян к частным металлургическим заводам.

Указом от 27 мая 1769 года «О вновь положенных плакатных ценах» были подняты расценки труда тех приписных крестьян, которых правительство оставило работать при заводах за подушный оклад [29, т. 18, с. 896]. Эти обстоятельства также не могли не сказаться на повышении себестоимости продукции металлургических заводов Южного Урала и повышении цен на железо в России.

Если проанализировать указы 1760-х годов, которые регулировали таможенную политику, то и они подтверждают антинациональный прошведский характер политического курса правительства Екатерины II. Подтверждением является Указ от 30 апреля 1768 года о ввозных и вывозных таможенных пошлинах в Рижском порту. Обер-инспектор Даль, видя ущемление интересов российских промышленников в торговле железом в Риге, предложил: «...для поощрения коммерции несколько пошлину сбавить, чем русские промышленники и заводчики туда железо в лучшем качестве и более возить поощрены будут; а дабы казна не была в убытке, оную сбавку на ввоз и торг шведского наложить» [24, т. 18, с. 534–535]. Нетрудно предположить ответную реакцию российского правительства на такое пророссийски настроенное предложение таможенного инспектора. Правительство Екатерины II, формально прикрываясь интересами пополнения казны, фактически нанесло еще один, пусть не смертельный, но

весьма болезненный удар по торговле уральским железом в Рижском порту. «Что ж принадлежит до сбавки с российского отпускаемого из Риги за море железо пошлин, а вместо того о наложении на привозное в оную из Швеции,— говорится в заключительной части Указа от 30 апреля 1768года,— то в рассуждении маловажного оног оттуда привоза, а от сбавки с российского железа пошлин казенного убытка, не чинить» [24, т. 18, с. 535]. Для правильного понимания ситуации следует пояснить, что к 1768 году шведское железо привозилось в Ригу уже в немалых объемах и составляло все возрастающую конкуренцию уральскому железу. Из-за чего обер-инспектор Даль и подал прошение о снижении пошлин на российское железо.

Итак, в качестве краткого итога следует отметить, что в течение 1760-х годов правительство Екатерины II восстановило, а потом и повысило сбор налогов со всех металлургических заводов России. Данное обстоятельство привело к росту цен на российское железо как на внутреннем, так и на внешнем рынках. Также из-за медленного увеличения объемов поставляемого качественного уральского железа на английский рынок шведское железо, поставляемое туда в больших объемах и по более низким ценам, все больше его занимало. Тем не менее этих сдерживающих мер оказалось недостаточно для того, чтобы Швеция окончательно вытеснила Россию с английского рынка металлов. Тогда-то правительство Екатерины II и предприняло попытку прямого запрещения строительства заводов на Южном Урале.

Проект оренбургского губернатора Рейнсдорпа 1770 года и Пугачевское восстание 1773–1774 годов

Начало кампании по запрещению строительства заводов в Оренбургской губернии (на Южном Урале) было положено проектом оренбургского губернатора И. А. Рейнсдорпа от 11 января 1770 года. Его восьмой пункт автор начал со слов, что содержание и доходы горных заводов Оренбургской губернии надлежит почесть за одну из самых больших и прибыльных ее статей [10, с. 483]. Но, по мнению Рейнсдорпа, если и дальше развивать строительство заводов, то может наступить полное истребление лесов. Он полагал, что небольшая и известная прибыль от излишнего умножения заводов сделает немалый

вред и принесет ущерб государству. Главной мыслью губернатора было утверждение, что якобы имевшееся на 1770 год в Оренбургской губернии количество чугуноплавильных и медеплавильных заводов (до сорока) является достаточным, и на этом надо остановиться. «Недовольно сего, чтоб рудные места старательно сыскивать и... производить их плавку,— заключал автор проекта,— но надлежит хранить притом и леса, в великом множестве употребляемые на жжение угля...» [10, с. 483]. Предложение Рейнсдорпа о прекращении заводского строительства было рассмотрено в Берг-коллегии. Однако окончательного решения тогда не было принято. Запрет на строительство металлургических заводов в Оренбургской губернии был объявлен после подавления Пугачевского восстания. Указ Сената от 13 июля 1776 года окончательно запрещал строительство чугуноплавильных, железоделательных и медеплавильных заводов на территории Оренбургской губернии (Южного Урала) [11, с. 512–513].

Для четкого понимания Указа от 13 июля 1776 года необходимо знать всю его предысторию, включая не только содержание проекта Рейнсдорпа, но и ход Пугачевского восстания. Как это ни покажется парадоксальным, но между его проектом и пугачевскими событиями с участием башкирского войска прослеживается прямая взаимосвязь. В данном случае не лишне напомнить, что в отечественной историографии нет четкого объяснения того, кто и почему сжег практически все частные металлургические заводы в Оренбургской губернии весной — летом 1774 года. И это далеко не случайно. Пугачевское восстание 1773–1775 годов стало своеобразным камнем преткновения как для дореволюционных, так и для советских историков. Дореволюционная историография не могла объективно изучить тему Пугачевского восстания, так как продолжительное время на ней стоял гриф секретности. Советская историография, зашоренная идеологическими рамками и заикленная на теории классовой борьбы, в силу противоречивой роли, которую сыграло башкирское войско в движении Пугачева, органически не могла изложить события в их истинном свете. Тогда как ключом к пониманию причин уничтожения частных металлургических заводов в Оренбургской губернии является признание того, что башкирское войско находилось на стороне Пугачева только до весны 1774 года.

Пугачев и его сторонники были крайне заинтере-

сованы в военно-политическом союзе с башкирами. Именно поэтому значительный процент воззваний, призывов и манифестов был написан на арабском языке, так как все они предназначались в первую очередь духовным служителям ислама (муллам, ахунам), имевшим большой авторитет среди башкирского населения. Пугачев — Петр III, обращаясь ко всему башкирскому народу, не скупился на обещания и жаловал им практически все, что они себе желали. Наиболее характерным обращением такого рода являлся манифест от 1 декабря 1773 года. «Я уже вас всех пожаловал сим награждением, — говорится в манифесте, — землю, рыбными ловлями, лесом, бортями, бобровыми гонами и протчими угожьями... вольностью». Именно эти пожалования в той же последовательности, с добавлением иногда о жаловании солью, Пугачев — Петр III и повторял, как мантру, практически во всех указах и манифестах, обращенных к башкирскому народу. Ему было крайне важно привлечь на свою сторону башкирских воинов и их предводителей, что собственно ему и удалось на первом этапе восстания.

Следует также особо подчеркнуть, что с начала восстания и до весны 1774 года все горнозаводское насе-

ление Южного Урала, проживавшее при заводах, точно так же, как и башкирское население, признав власть Пугачева — Петра III, объявило себя его подданными. В этом случае, с учетом уже интересов старообрядческого населения заводов, в указах и распоряжениях новой власти сыпались обещания о награждении «древним крестом и молитвою», что означало беспрепятственное житие в старообрядчестве. Значительно чаще встречалось понятие «крестом и бороною», то есть предоставлялось беспрепятственное право ношения старообрядческого креста и бороды.

По архивным материалам, относящимся к Пугачевскому восстанию, хорошо прослеживается влияние старообрядцев на весь ход событий. Мятежники заставили заводских священников под страхом виселицы совершать церковную службу по старообрядческим канонам [1 л. 12]. Именно в этот период заводское население Оренбургской губернии просило и получало от имени вновь явленного «императора» так называемые охранные грамоты. Как правило, их выдавал сам Пугачев или его наместники. Эти охранные грамоты запрещали башкирским военным людям нападать на заводских жителей, разорять и жечь заводы. До тех пор, пока в Оренбургской

Пугачевъ (С гравюры, изданной за границей). Императрица Екатерина II, шутя, в письмах к Вольтеру

называла самозванца: «Le Marquis de Pougatshew

Емельян Пугачев. С редчайшей гравюры С. F. Letellier, сделанной с рисунка художника J. C. de Mailly. Из

собрания П. Я. Дашкова [Дмитриев-Мамонов А. И. Пугачевский бунт в Зауралье и Сибири. СПб, 1907]

губернии, включая башкирские волости, оставались пугачевские наместники и подвластные им военные отряды, о массовых заводских поджогах не было и речи. В качестве документального подтверждения вышесказанного служит рапорт жителей Саткинского завода башкирскому старшине Юлаю. «Как неизвестно Саткинскому заводу, что соседственные заводы и прочие окрестные башкирские жительства Его Величеству Петру Федоровичу приклонились и имеют охранные от Его Величества указы,— говорится в документе,— а на Саткинском заводе указов поныне в присылке не имеется. ...Просим... Саткинский завод от разорительных грабительских партий защитить».

И именно по причине военно-политического союза заводских жителей и башкир воевода Исетской провинции Веревкин и хотел для выполнения карательной миссии призвать военные отряды киргизкайсаков (казахов). В рапорте генералу Деколону от 27 февраля 1774 года он так излагал свою точку зрения: «Исетскую провинцию на линии множество крепостей... заграждают... а все русские селения преклонились самопроизвольно воровской злодейской толпе. Прошу... от всех крепостей... снять со всеми их гарнизонными командами и вывести внутрь провинции, на сей же случай, призвав киргизкайсаков и послав на все те бунтующие слободы разорение...» [8, с. 66].

Инициатива уничтожения мятежных заводов, жители которых добровольно перешли на сторону Пугачева, была поддержана правительством Екатерины II, но с некоторыми оговорками. Вместо открытия границы и призыва казахских военных отрядов было решено использовать в качестве полицейских войск башкирские военные отряды. Через преданных правительству Екатерины II старшин, мулл, ахунов военные предводители башкир были поставлены перед выбором: они или добровольно переходят на сторону Екатерины II и выполняют все ее приказы и получают прощение за участие в восстании, или, в случае отказа, всем башкирам грозит гибель или депортация во внутренние районы России. В обращении к восставшим башкирам говорилось: «Ныне вам последнее пишем и просим... скорее придти в прежнее своей... государыни повиновение и послушание, а находящихся у вас русских разбойников всех... выдать или самим приводить в города и крепости... без промедления... чем, ко-

нечно загладите свою вину и в принесенном повиновении почувствуете милость и оставлены не будете без довольного награждения. Затем, непокорные, когда... нашего письма не послушаете, то вскоре увидите себя от идущих со всех сторон российских войск во всей погибели и разорении...» [8, с. 85]. В сущности, вышеприведенное обращение к башкирам является ультиматумом, высказанным в форме дилеммы.

Помимо лояльно настроенных к Екатерине II башкирских старшин и служителей ислама для «уговоров и увещевания» в башкирские волости Оренбургской губернии был направлен бывший воевода Исетской провинции подполковник Лазарев. В апреле 1774 года, следуя с военным отрядом из Екатеринбурга в Челябинскую крепость, подполковник докладывал, что «приводит к повиновению и присяге тамошних жителей» [12, с. 118].

В результате угроз и обещаний башкирское войско было повернуто против русского горнозаводского населения губернии. При этом на башкирские военные отряды была возложена исключительно карательная миссия. Они должны были сжечь те заводы, население которых «добровольно и бес спору» перешло на сторону Пугачева. В противном случае их самих ждала подобная участь. В силу того что большинство жителей южноуральских заводов встречало Пугачева и его атаманов хлебом-солью, башкиры и сожгли почти все металлургические заводы Оренбургской губернии (Южного Урала). Уцелели только три завода – Благовещенский, Верхне-Кыштымский и Богословский. В Благовещенском заводе тогда находились екатерининские регулярные войска, а Верхне-Кыштымский и Богословский отстояли сами жители. Причем, отстояли не только перед военной силой башкир, но и перед екатерининскими чиновниками, доказав им, что не все население их заводов добровольно преклонилось перед Пугачевым — Петром III. По крайней мере, так смотрятся события марта 1774 года в воспоминаниях Якова Никитича Сырейщикова — очевидца Пугачевского восстания в Кыштымском заводе. «Несчастливые жители Кыштыма подвергались в числе прочих грабегам и разным истязаниям не за то, что они кормили их хлебом, да и возможно ли огромную толпу накормить,— говорится в воспоминаниях Сырейщикова,— а за то, [что] зная самодержавную и монархическую власть, к которой с древнего вре-

мени существования Руси, народ русский с любовью был предан своим царствующим князьям, царям и императорам, что они упорно защищались и никак не могли принять Пугачева за выдающего Петра III».

И как бы подытоживая эту мысль, Яков Никитич продолжает: «На дороге между Нижне-Кыштымским и Верхне-Кыштымским заводами, в половине расстояния... была также деревянная стена, как и с северной части по Ямской дороге к реке тракту и Азяш-Уфимскому заводу... Эти укрепления были устроены вследствие того, что по некоторым данным известно, будто б сам Пугачев предварительно приехал с немногочисленным отрядом своих мятежников в Кыштымский завод, выдавая себя за императора Петра III и обещая всевозможные льготы народу. Но народ настолько был благоразумен и предан в то время царствующей императрице Екатерине II, а также и своим владельцам, редкий продался ему и соглашался на его фальшивые обещания⁴. Самая малая часть, предавшаяся ему и держась за стремяна седла его, во время проезда его по заводу, величала его Императорским Величеством и отцом, прося у него всякой милости и льготы. С этим небольшим предавшимся мастеровым людом, руководя коими, был на стороне Пугачева управляющий в то время заводом приказчик Селезнев. За что потом был предан суду, которого по указу Ее Императорского Величества за измену, по приговору суда лишили жизни чрез повешение. Казнь Селезневу была произведена немедленно на заводской площади. После совершения казни над Селезневым был объявлен указ Е. И. В. о помиловании приказчика Селезнева, от страха, предавшегося Пугачеву. Но указ этот, как говорит предание, по просьбе преемника Селезнева на... [его] должность управлять богатыми заводами, был удержан с той целью, что б Селезнев, получив помилование, не мог заступить опять на прежнюю должность управлять заводами» [16, л. 2об., 3, 3об., 4 об., 5, 5 об., 6, 7 об., 8, 8 об., 9].

Правительственные войска, стянутые к весне 1774 года в Оренбургскую губернию, не препят-

4

Кыштымский завод находился на стороне Пугачева с января по март 1774 года. Для следствия важно было установить, «бес спору ли» жители Кыштыма перешли в лагерь Пугачева? Поэтому автор «Описания...» и обращает внимание читателя на вышеуказанные обстоятельства. Установив, что спор между жителями был, Кыштымский завод не сожгли. Гагрин повесил только приказчика Селезнева, который и присягал Пугачеву — Петру III.

ствовали уничтожению заводов. Неслучайно премьер-майор Гагрин, внявший просьбам жителей Верхне-Кыштымского завода и спасший его от сожжения, был разжалован и отдан под суд.

Документальным подтверждением факта уничтожения башкирами южноуральских заводов является ряд архивных дел, связанных с деятельностью комиссии статского советника И. Е. Глебовского и надворного советника Н. В. Перфирьева. Часть из них отложилась в РГАДА, одно дело «О ликвидации последствий разрушений заводов Пугачевым за 1774г.» выявлено в ОГАЧО [14]. В деле содержится ведомость «О таких заводах, которые сожжены и пограблены совсем». С аналогичными ведомостями в свое время работал Кашинцев. На их основе он опубликовал сводную таблицу разрушенных и сожженных заводов [9, прил. 9] с приложением, в котором содержатся выписки-цитаты из разных дел фонда Берг-коллегии, где, в свою очередь, указываются даты остановки заводов и их перехода на сторону Пугачева, даты сожжения заводов башкирами, а также конкретные сведения о причиненном ущербе. При их перепроверке путем сопоставления с архивными данными (ОГАЧО), оказалось, что приведенные в выписках-цитатах даты и факты совпадают с ними, причем в некоторых случаях дословно. И самое главное, вновь выявленные архивные документы подтверждают содержание выписок-цитат Кашинцева о том, что практически все металлургические заводы, население которых «добровольно и бес спору» перешло на сторону Пугачева, в мае — июне 1774 года были сожжены башкирскими военными отрядами.

Как выясняется, не так уж трудно установить причастность башкирского войска к уничтожению заводов Южного Урала. Для этого достаточно поднять архивные дела соответствующего периода. В связи с чем возникает еще один, но главный вопрос: по чьему именно указанию башкирское войско весной — летом 1774 года уничтожало частные металлургические заводы Оренбургской губернии (Южного Урала)? Для того чтобы верно определить, кто именно приказал сжечь заводы, Пугачев или Екатерина II, существует как минимум два пути. Первый сводится к тому, чтобы выявить в архивах документальные свидетельства, которые бы прямо указывали на организаторов акции. Но ввиду антигосударственного антинационального

характера процесса уничтожения заводов в Оренбургской губернии в мае — июне 1774 года представляется весьма проблематичным обнаружение таковых письменных источников. Поэтому более эффективным в данном случае представляется второй путь. Смысл его сводится к тому, чтобы по ответной реакции правительства Екатерины II на предложенную башкирам дилемму определить истинных вдохновителей сожжения металлургических заводов. Нелишне напомнить содержание этой дилеммы: в случае предательства Пугачева и его сторонников и быстрого перехода башкирских отрядов на сторону Екатерины II все башкиры, включая военных предводителей, получали прощение и «довольное вознаграждение». Именно в такой последовательности: предательство — вознаграждение. В случае отказа «скорее придти в... повиновение и послушание» всем башкирам предрекались гибель, депортация.

Итак, что предприняло правительство Екатерины II, после того как Пугачев и его верные сторонники были казнены, а частные металлургические заводы Оренбургской губернии сожжены? Предводителям башкирского войска — Юлаю, Салавату и другим — были сохранены жизни. Неслучайно в сводной ведомости колодников, содержащихся в Тайной экспедиции, была сделана запись о том, что ни один из башкирских предводителей не был подвергнут физическим наказаниям. Данный факт совершенно закономерно оспаривался советскими историками, но убедительных доводов так и не было приведено [6, с. 21]. Советскими историками замалчивался и тот факт, что Салават Юлаев умер своей смертью 26 сентября 1800 года в Балтийском порту [27, л. 49]. Тогда как казаки из ближайшего окружения Пугачева были казнены с особой жестокостью. Помимо самого Пугачева в Москве был четвертован яицкий казак Афанасий Перфильев. В Уфе принял смерть через отсечение головы и сжигание тела вместе с эшафотом яицкий казак Иван Чика (Зарубин). К смертной казни через повешение были приговорены яицкий казак Максим Шигаев, оренбургский казачий сотник Подуров, оренбургский неслуживый казак Василий Торнов. Другие казаки приняли наказание кнутом, плетью, им поставили клейма, вырвали ноздри и отправили кого на каторгу, кого на поселение. Из всех казаков, участвовавших в восстании, были освобождены от

наказания только девять человек. Их имена названы в Указе от 10 января 1775 года [24, т. 20, с. 7]. В то же время в этом указе нет даже упоминания об участии на стороне Пугачева башкирского войска.

В данном случае следует особо подчеркнуть, что никто из башкирских воинских людей, принимавших участие в Пугачевском восстании и уничтожении заводов Южного Урала, не понес никакого наказания. Более того, через два года после казни Пугачева все отличившиеся в карательных действиях башкирские воины были представлены к правительственным наградам. В Указе от 22 ноября 1776 года было предписано, что «...Ее Императорское Величество... удостоя высочайшим рассмотрением, оказанную во время минувшего возмущения службу, описанных в... экстракте башкирцев и татар... повелеть соизволила, по краткому реестру учинить всем им отмеченное противу каждого имени награждения» [24, т. 20, с. 455]. В качестве вознаграждения указ предусматривал: «1. Всех тех из татар и башкирцев, против имени которых назначено награждение офицерскими чинами, призвав в Сенат... и привести по их закону к присяге; 2. Которым назначено получить денежное награждение, тем оное выдать из штатс-конторы, из числа оставшихся у господина генерал-аншефа... графа Панина суммы. 3. Коим полагается меньшей пропорции по... штемпелю золотые и серебряные медали, сделать оные Берг Коллегии в Монетном департаменте; 4. О тех башкирцах и татарах, которые по реестру назначены выключению из подушного оклада вечно, коих положено уволить... на четыре года, которым полагается сделать позволение в торговом промысле, в заведении заводов и в переселении... все они на рассмотрение генерал-прокурора; 5. ...до пожалованных иным из татар и башкирцев на кафтаны сукон и сабель, то оные купить за сукно не более 5 рублей за аршин, а за саблю 30 рублей каждую, и отдать им оные от Е. И. В. имени в сенате» [24, т. 20, с. 455].

В одном из прошений башкирских депутатов, поданном в 1793 году императрице, перечисляются дарованные башкирам после 1774 года царские милости: «...народ, словущий башкирцы, через нас приносит тебе благодарение: 1. за создание... народу нашему мечетей; 2. за установление по закону нашему Духовного собрания; 3. за учреждение народу нашему муфтия; 4. что закон наш исполнять по своему обряду и вере дана нам полная... воля;

5. что из башкирских полков, служащих в минувшую войну под шведом, многие награждены чинами, медалями» [11, с. 567]. В этом перечислении благодарностей нет только упоминания о том, что с 1776 года на территории Оренбургской губернии было прекращено отчуждение башкирских вотчинных земель под заводы. В тоже время смысл прошения как раз

и сводился к подтверждению прав на вотчинную землю. «Сверх того, земли, которые все милостивейшее пожалованы предкам нашим,— говорится в документе,— утвердить в непоколебимое, вечное и потомственное владение наше» [11, с. 568]. В сущности, здесь перечислены все требования Батырши 1755 года.

Археологическое изучение Азяш-Уфимского завода 1996 – 2004 годы

В настоящее время Азяш-Уфимский руинизированный завод находится на территории Нязепетровского и Карабашского административных

районов Челябинской области, в 30 км к западу от города Кыштым. Завод расположен в верховьях реки Уфы, в 30 км от ее истока (озеро Уфимское) и в 0,7 км ниже устья речки Шигир, левого притока Уфы. На чертеже 1759 года эта речка показана

как приток речки Азяш, впадающей в Уфу. Поэтому название завода дано по Азяшу, а не по Шигиру. На современных картах речка Азяш обозначена на 6 км выше по течению реки Уфы, на планах XVIII века река в этом месте не показана.

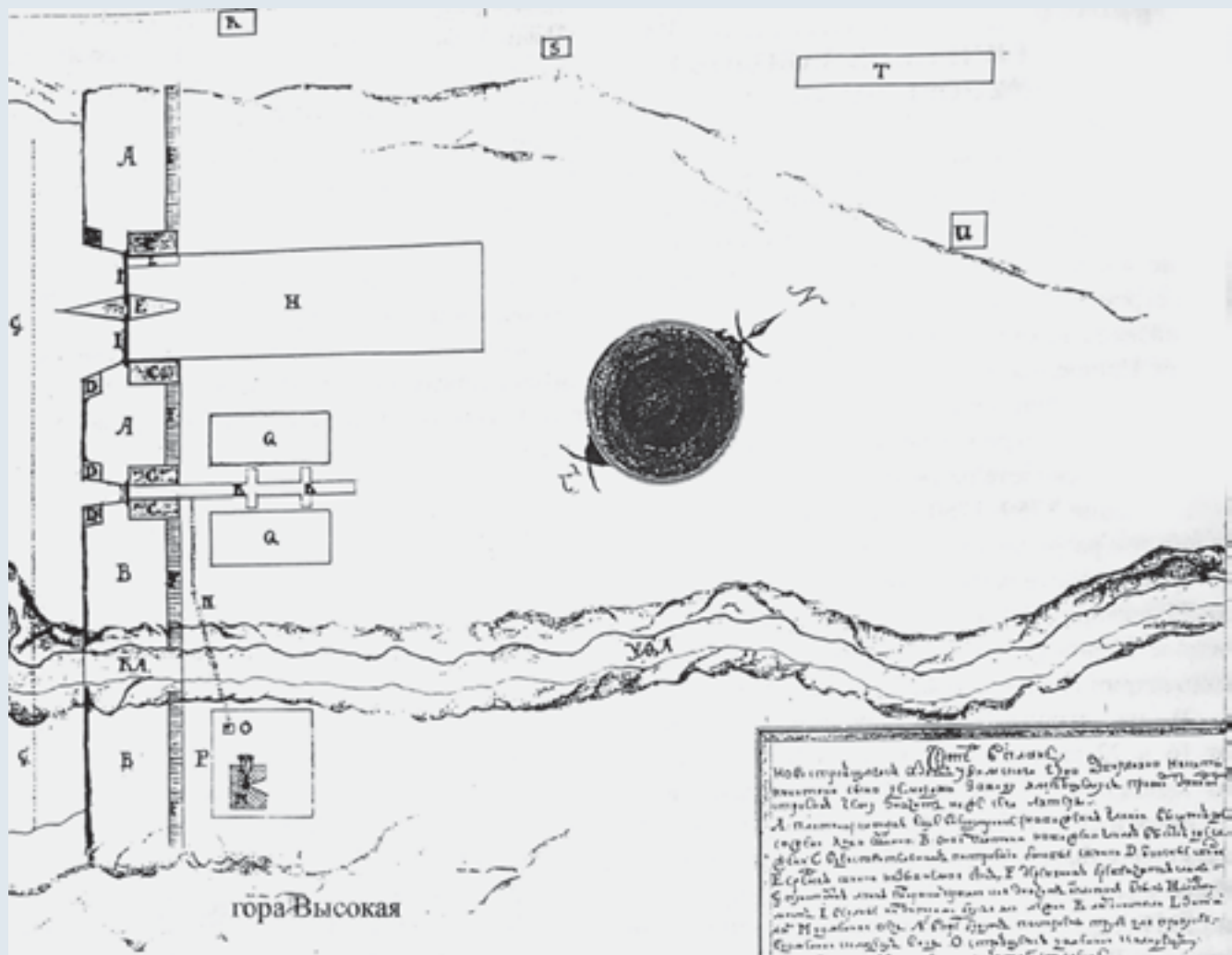
Важным ориентиром, позволяющим точно определить местоположение завода, являются две сопки, расположенные в направлении север – юг на правом берегу реки Уфы. Русло реки, огибая сопки, совершает повороты под углом почти в 90° , образуя правильную

Карта с показанием границ участка, купленного дворянином Н. Н. Демидовым у башкир под строительство Азяш-

Уфимского завода. Литером «А» обозначено «место удобное под строительство завода» [ОГАЧО. Ф. И-172. ОП. 1. Д. 21]

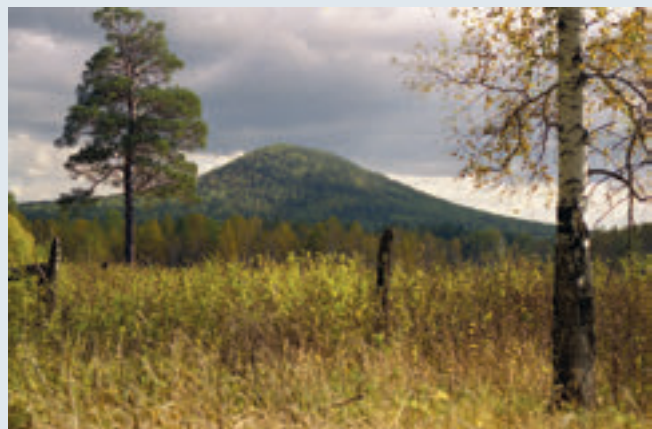

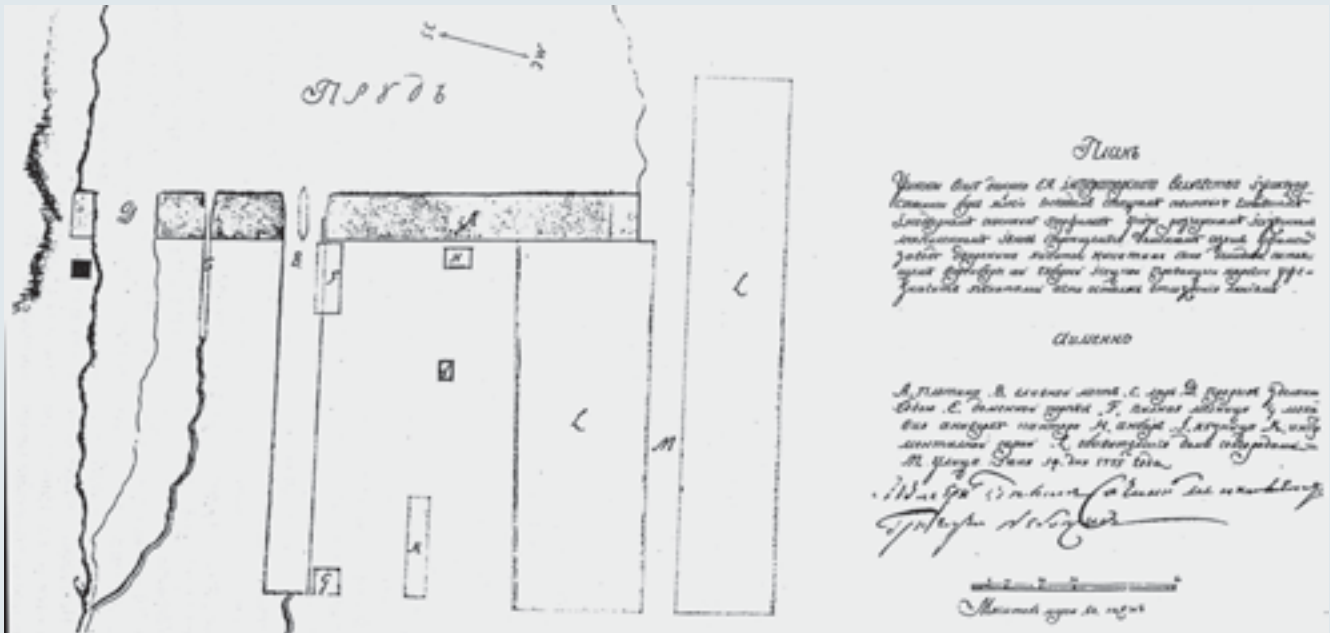

Топографический план современного состояния территории Азяш-Уфимского завода (съемка Н. М. Меньшенина)

Чертеж в плане... Азяш-Уфимского дворянина Н. Н. Демидова заводу... [ОГАЧО. Ф. И-172. Оп. 3. Д. 517]

Вид на Шигирские сопки. На переднем плане Малая Шигирская сопка. Фото: С. Арканов (1999)

План... разоренному и сожженному лесопиленному и вновь строящемуся доменному Азяш-Уфимскому заводу дворянина Н. Н. Демидова [РГАДА. Ф. 271. ОП. 3. Д. 1023]

П-образную фигуру. Высота южной сопки составляет 571,8 м, северной – 491 м над уровнем Балтийского моря. Заводская плотина была сооружена у подошвы северной сопки. На плане 1761 года эта возвышенность обозначена как гора Высокая, сейчас она называется Малой Шигирской сопкой. В 3 км к северу от завода проходил участок Старой Казанской (Уральской)

Современное русло реки Уфы, восточная оконечность плотины Азяш-Уфимского завода. Фото: С. Арканов

дороги. По ней можно было проехать из Уфы в Челябинскую крепость.

В 1996–2004 годах отрядом Археологического научного центра (Челябинск) было проведено разведочное обследование территории Азяш-Уфимского завода, выполнено археологическое исследование некоторых объектов, снят его общий план.

Съемку плана, как и выявление отдельных объектов, затрудняло расположение завода в пойме реки: в настоящее время практически вся площадь памятника покрыта густым лесом, кустарником, упавшими деревьями.

Обследование выявило значительное количество объектов, не указанных на планах 60–70-х годов XVIII ве-

ка. Южнее плотины (вверх по течению реки) на склоне террасы правого берега и на террасе левого берега было обнаружено множество небольших карьеров для добычи глины. Ещё южнее, на террасе левого берега, найдены открытые выработки по добыче кварца. На левом берегу отводного канала для сброса вешних вод, кроме бревенчатого фундамента пильной мельницы, указанной на плане 1775 года, выявлено еще десять объектов, как углубленных в землю, так и наземных.

Наиболее крупным и хорошо сохранившимся объектом

Стратиграфия разреза плотины Азяш-Уфимского завода. Фото: С. Арканов

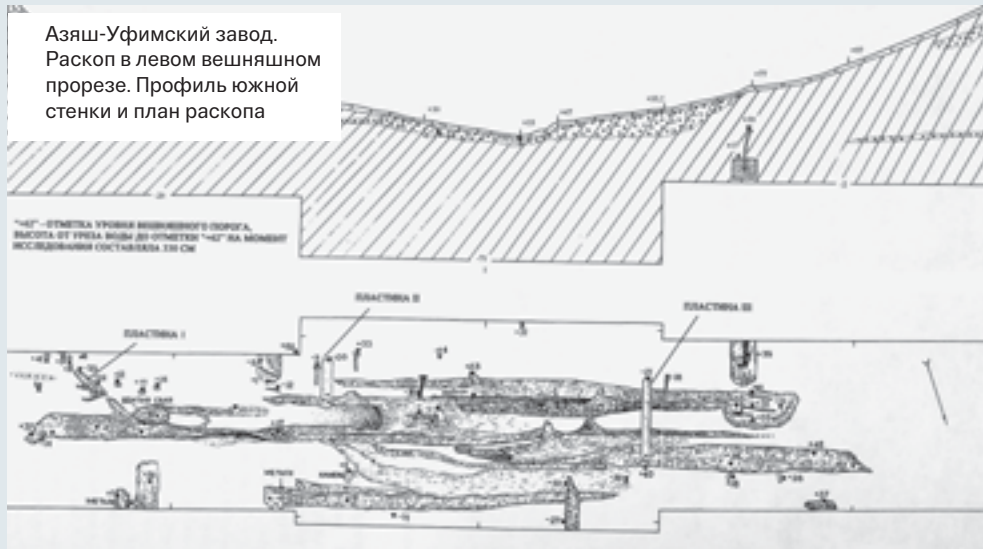

заводского комплекса является плотина. Ее основная часть, располагающаяся в пойме, имеет длину 210 м, ширину по основанию 35–38 м, высоту 8–9 м над уровнем поймы. Эти параметры соответствуют архивным описаниям 1761–1762 годов: длина плотины – 105 сажень, ширина – 15 сажень, высота – 4 сажени и 1,5 аршина. Западный участок плотины имеет продолжение на береговой террасе длиной 180 м, шириной 8–12 м, высотой 1,0–2,5 м над уровнем террасы.

В пойменном центральном участке тела плотины расположены вешняшный (спаренный, состоящий из двух водопропускных каналов, в дальнейшем они обозначены

Азяш-Уфимский завод.
Шурф в левом вешняшном прорезе

Азяш-Уфимский завод.
Раскоп в левом вешняшном прорезе. Профиль южной стенки и план раскопа

ны как левый и правый по ходу воды прорезы) и ларевой прорезы. В восточной половине существует проран шириной 14 м, длиной 35–40 м, по которому в настоящее время проходит основное русло реки и параллельно ему – непроточная старица шириной 7 м. На правом берегу за прораном сохранился участок плотины длиной 15 м. Иначе говоря, современная ситуация совпадает с той, что показана на плане 1775 года.

Вешняшные прорезы (вешняжки) находятся в 35 и 50 м к востоку от бровки террасы левого берега реки. Ширина прорезов по основанию 8–9 м. Оба имеют характерное сужение до 5 м в районе расположения затворов. Дно прорезов находится на высоте 2,5 м над уровнем поймы. На их дне обнаружены параллельно лежащие бревна, ориентированные поперек створа. В центре левого прореза вешняка металлоискателем и раскопками были обнаружены две железные пластины шириной 12 см, толщиной 1,4 см. На осевой линии пластин имеются сквозные отверстия, расположенные с интервалом 20–22 см, в которые вставлены железные костыли (кованые гвозди) длиной 25–30 см. Пластины залегали под углом 40–60°. На дне правого прореза вешняка на глубине 5–10 см от поверхности зафиксированы многочисленные костыли, вбитые в бревна, другие металлические изделия.

На участках плотины между вешняшным и ларевым прорезами расположены ровные прямоугольные площадки, ограниченные контрфорсами. На углах

Вешняшный (левый) прорез плотины Азяш-Уфимского завода. Вид с северо-запада

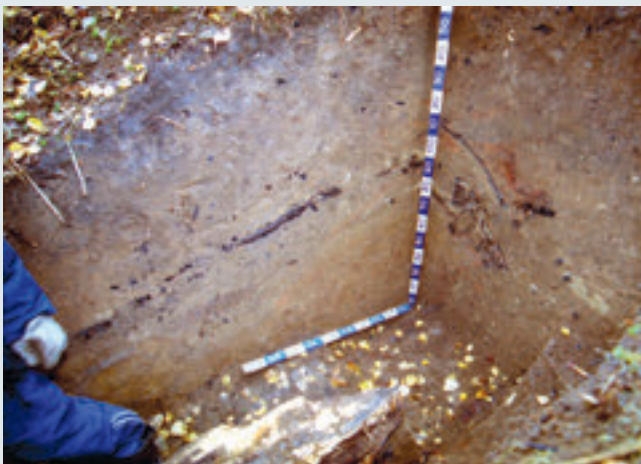
площадок зафиксированы узкие Г-образные ровики глубиной 0,2–0,4 м. Очевидно, это границы откосных свинок – специальных бревенчатых срубов, построенных в наиболее уязвимых местах плотины. С целью определения места расположения вешняшного порога, как наиболее важного участка плотины, в левом вешняшном прорезе был заложен археологический раскоп площадью 11,87 кв. м.

С его помощью предполагалось идентифицировать остатки деревянной конструкции, обнаруженной под тонким слоем дерна и древесных улей на дне левого прореза.

При первоначальном осмотре конструкция имела вид хорошо подгнившего ствола массивного дерева с четко выраженными следами обработки.

В пользу того, что обнаруженная деревянная конструкция является искомым порогом, свидетельствует ряд косвенных признаков. Главные из них – наличие неглубокого (0,2–0,4 м) рва, проходящего через боковые стенки и дно прореза, и двух упомянутых выше железных кованых пластин, выступающих из земли в средней части левого прореза

Азяш-Уфимский завод. Профиль южной и западной стенок раскопа в вешняшном прорезе

и расположенных по линии рва. Ров правильной формы мог образоваться из-за разрушения деревянных конструкций – открылков стеклового ряда, стоявшего на мертвом брус. По технологии строительства плотин открылки должны были уходить в тело плотины на ширину боковых свинок. С помощью железных пластин могло быть усилено соединение коренных и хрящевых стоек с вешняшным порогом. Вслед за объектом исследования длина раскопа была доведена до 8,2 м, то есть почти на всю ширину левого прореза, причем раскоп велся от центра к его бокам. Расчищенный раскопом фрагмент левого вешняшного прореза оказался не обычным бревенчатым основанием (лежнем) сливного пола, а составной, достаточно сложной деревянной конструкцией. Несмотря на то, что дерево пролежало в сгоревшем и обвалившемся прорезе более 200 лет, его сердцевина сохранилась и видны следы обработки древесины. Наиболее характерными являются углубления правильной прямоугольной формы (0,7 × 0,15 м и 0,6 × 0,1 м), расположение которых соотносится с местом залегания двух кованых железных пластин. Расстояние между пластинами I и II составляет 1,95 м, а между

прямоугольными углублениями – 1,43 м. Подобное углубление находится и рядом с железной пластиной III, но оно не имеет четкой прямоугольной формы и может рассматриваться как обычная трещина в древесине.

Длина сохранившейся деревянной конструкции равна 7 м, ширина в центральной части – 0,8 м, по краям – 0,2 м; наибольшая высота, также в центральной части, составила 0,9–1,0 м. В процессе расчистки конструкции, производившейся, как указывалось, от центра прореза к его краям, шло постепенное ее сужение. Эта бревенчатая конструкция не достигает боковых стен прореза, но в южном и западном профилях раскопа хорошо просматриваются угольные прослойки, вытянутые по длине исследуемого объекта и уходящие в обвалившийся левый край вешняка.

В связи с этим вполне допустимо предположение, что расчищенная деревянная конструкция ранее уходила в бока прореза, имела с ними жесткую связку и утратила ее только в результате пожара 1774 года.

Еще одним аргументом, свидетельствующим о функциональной роли исследуемого объекта, является наличие

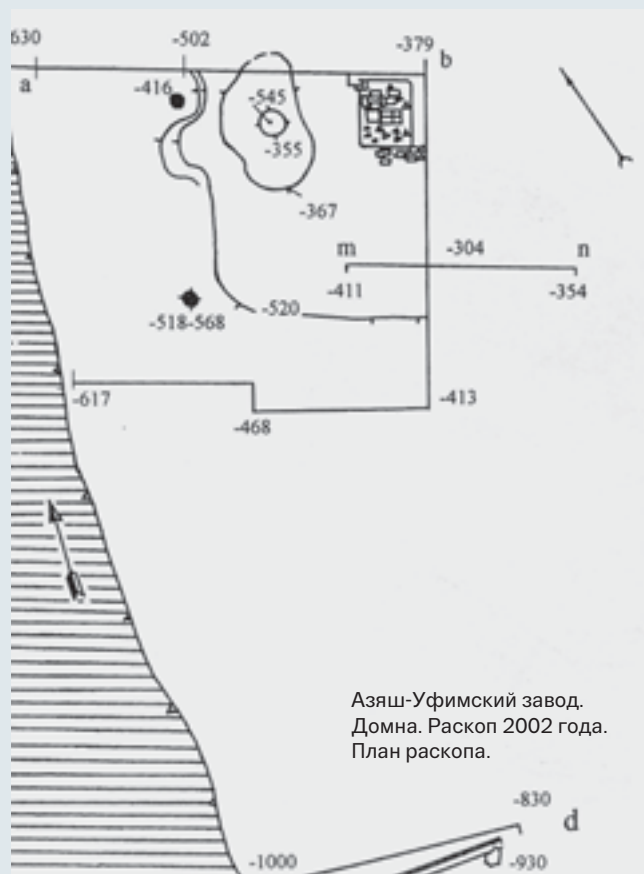
Вешняшный левый прорез. Гнездо крепления шипа стойки стеклового ряда

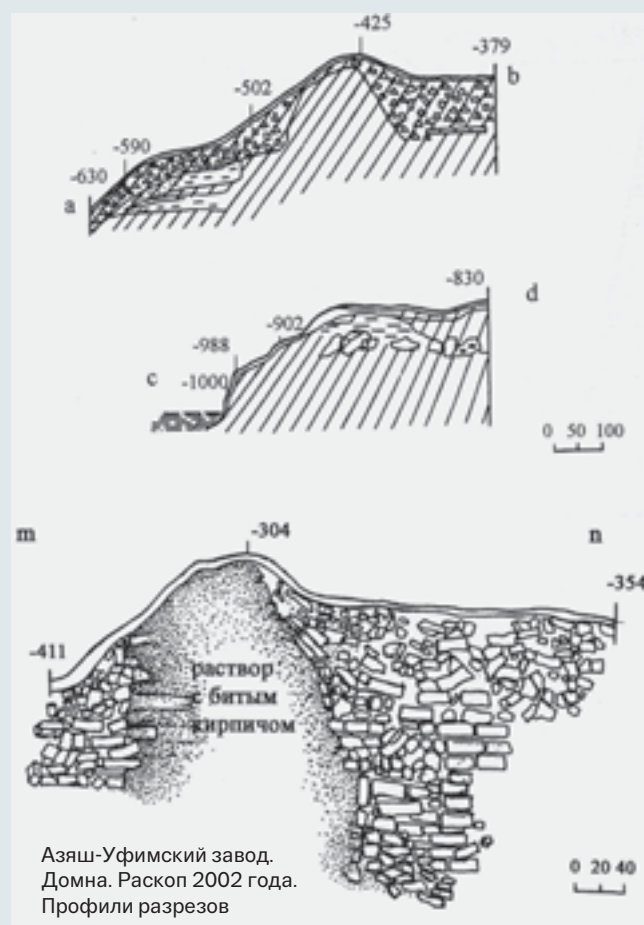
войлока, обнаруженного в местах полного или частичного разрушения верхней части составной бревенчатой конструкции, в которой были проделаны прямоугольные углубления. Данная верхняя конструкция, если использовать терминологию плотинных мастеров XVIII–XIX веков, может интерпретироваться как подпорожный брус. Именно его помещали а мертвый брус в целях предотвращения повреждений последнего, которые могли произойти от ударов тяжелых ставней-затворов. Указанные брусья соединялись в шип, подгоняемый тщательнейшим образом и, в местах соединений, согласно технологическим описаниям XIX века, прокладывались сермяжным сукном, вымоченным в проваренной смоле. Судя по технологическим описаниям XIX века, в мертвом брус вырубались углубления – «гнезды», предназначенные под стойки стеклового ряда. Согласно технологии строительства плотин, указанные стойки соединялись с ним в шип, имевший длину, как минимум 17,8 см. Причем, коренные стойки изготавливались из бревен самых больших размеров и в поперечном сечении были квадратными (62,3 × 62,3 см). Мякотные стойки также врубались непосредственно в мертвый брус.

Средние стеклянные стойки (хрящевые), квадратные в сечении (53,4 × 53,4 см), устанавливались на просмоленной кошке (войлоке) к стыку полов, но в этом случае шип не зарубался, так как они помещались около средних водорезных стоек и схватывались с ними двумя железными болтами. Еще одним фактом, подтверждающим, что в районе кованных железных пластин располагались стойки стеклового ряда (коренные, стеклянные стойки), является их одинаковое наклонное положение. У двух пластин (II и III), находящихся в центре прореза, угол наклона составил 40–45°, у третьей (I), там, где, предположительно, сохранилось основание одной из стоек, угол составил почти 60°. Данное обстоятельство может быть результатом произошедшего пожара, когда мертвый и подпорожный брусья вместе с так называемым красным брусом, отгорев от боков прореза, под тяжестью массивных стоек оказались вывернуты со своих мест. Сами стойки, ввиду их массивности (длина доходила до 7–8 м), утратив строго вертикальное положение, которое им придавалось первоначально посредством соединения в шип с красным и подпорожным брусьями, могли просто переломиться в основании. Тем более что нижний шип зарезался в вершине дерева, из которого изготавливалась коренная или стеклянная стойки. Это происходило из-за того, что указанные стойки верхними концами выводились наружу плотины и должны были как можно дольше противостоять перепадам температур и атмосферным осадкам. Для этой цели комли деревьев, как наиболее крепкие (просмоленные) части, выводились наружу, а вершины врезались в нижний шип. Когда

стойки сохраняли строго вертикальное положение и были жестко закреплены в конструкции, угрозы их повреждения не возникало. При отклонении же от вертикали всего стеклового ряда на 45–60°, вероятность слома массивных стоек в нижних шипах становилась реальной, что, очевидно, и произошло со стойкой, располагавшейся в районе кованой пластины I. При расчистке конструкции, в правильном прямоугольном углублении (0,6 × 0,1 м) был зафиксирован вертикально стоящий фрагмент бруса (высотой 0,4 м) со следами слома в верхней части. Данный фрагмент наиболее подходит под определение шипа – основания стойки стеклового ряда. Здесь же, по направлению наклона кованных пластин и на одной линии с вертикальным фрагментом бруса, раскопом был расчищен край другого бруса, уходящего в северную бровку (расчищено только 0,4 м его длины). Были хорошо видны следы именно слома, а не распиловки. По всей вероятности, этот горизонтально лежащий брус и есть сломанная в нижнем шипе стойка стеклового ряда. В пользу того, что изучаемая бревенчатая конструкция является внешним порогом левого прореза, свидетельствует и тот факт, что в обычную лагу (лежень) забивались гвозди одного размера (26,7 см). Они крепили ларевые доски сливного пола и понурого моста, одной, строго фиксированной толщины (13,35 см). Исследуемая же бревенчатая конструкция, помимо вышеуказанных особенностей, обладает повышенным содержанием кованных железных гвоздей разной величины. Их залегание прослеживается на всех глубинах раскопа. Стратиграфия участка расположения данной бревенчатосоставной конструкции зафиксирована в южной

Азяш-Уфимский завод.
Домна. Раскоп 2002 года.
План раскопа.

Азяш-Уфимский завод.
Домна. Раскоп 2002 года.
Профили разрезов

стене раскопа (профиль): 0–3 см – дерн; 3–15 см – глина и древесный уголь (в центре раскопа уголь залегает линзой длиной 1,75 м; в юго-западной части – двумя линзами 0,25 и 0,6 м длиной); 15–62 см – глина (в центре раскопа, прореза); 15–95 см – глина (по краям раскопа, ближе к бокам прореза). Основной составляющей профиля археологического раскопа данного участка плотины является чистая, без каких-либо твердых примесей глина, в которой достаточно хорошо сохранились деревянные детали конструкции. На расстоянии 0,85 м к западу от отметки +33 в профиле зафиксирован прямоугольный брус сечением 8 x 10 см с вбитым в него кованым костьюлем. Брус направлен в сторону предполагаемого пруда. Исходя из вышесказанного, с большой долей вероятности можно сказать, что вышеописанная составная конструкция является порогом левого вешняшного прореза. Сам порог, как и следует из технологических описаний XIX века, состоит из подпорожного и мертвого брусьев, залегающих на высоте 3,3 м (по верхнему краю) от уреза воды в старом русле реки Уфы.

Руины доменного корпуса Азяш-Уфимского завода до археологических раскопок 2002–2004 годов представляли собой прямоугольную в плане возвышенную площадку шириной 12 и длиной 18 м. Насыпь была хорошо задернована, поросла редким кустарником и деревьями. Высота насыпи составляла 1,5–2,0 м над уровнем поймы, и, на первый взгляд, площадка выглядела как естественное возвышение. На ее поверхности было зафиксировано пять небольших впадин глубиной около 1 м. Впадина, расположенная в центре площадки, имела форму правильного круга

диаметром 4 м, что соответствовало размещению домны на плане завода 1761 года. На этом плане, составленном Иваном Медведевским, собственно доменная печь имела размеры 13,2 x 15,4 м, доменный двор – 35,2 x 35,2 м, причем его территория захватывала и доменный колодец, который должен был располагаться на расстоянии 10–11 м к северо-западу от домны. В ноябре 1761 года он был обозначен как строящийся. На другом плане, не имеющем даты, но также составленном унтершихтмейстером Медведевским, та же доменная печь имела размеры 13,23 x 15,12 м, диаметр доменной трубы составлял 3,78 м. Принимая во внимание, как погрешности, допущенные при замерах «оплывших» руин доменного производства, так и погрешности, образовавшиеся при копировании вышеуказанных планов, вполне допустимо, что размеры (ширина – длина) доменной печи Азяш-Уфимского завода находились в пределах 10–14 м. В ходе археологических раскопок территории доменного корпуса в 2002–2004 годах Чугунный брус, выломанный из свода доменной печи Азяш-Уфимского завода

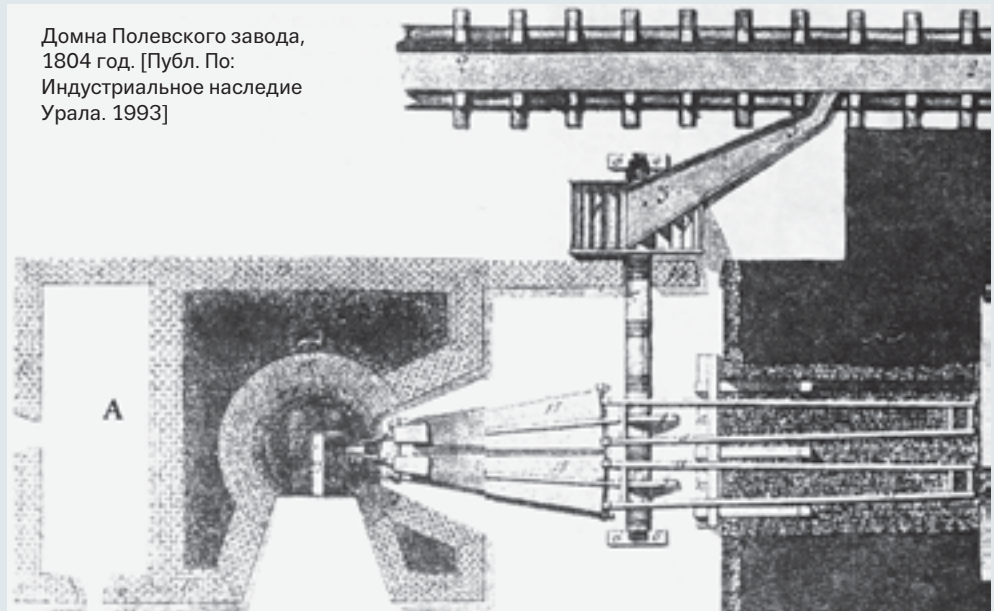
были определены более точные параметры доменной печи. После расчистки от кустарника и мелких деревьев ее размеры по осевым линиям составили 14,5 x 10,7 м. У южной стены, обращенной к плотине, зафиксировано помещение из кирпича длиной 7,5 и шириной 4,5 м. Его стены были сложены на фундаменте траншейного типа, имеющем в сечении стреловидную форму. Кладка фундамента, состоящая из бутового камня, сложенного на глине, прослежена на глубину только 0,6 м, поэтому пока нельзя однозначно сказать – было под этим фундаментом свайное основание или нет. Раскопом обнаружены только две деревянные конструкции, похожие на сваи, в 3 метрах от берега

реки Уфы, на глубине –518 и –416 см. Пол кирпичного помещения был сделан из кирпича, положенного в восемь рядов, и залит толстым слоем известкового раствора. Сохранившаяся часть кирпичной стены, высотой и толщиной 2,1 м, имеет бутово-известковое наполнение.

Данное сооружение, вероятнее всего являлось составной частью доменного корпуса. На плане, который приводит Де Геннин, а также в атласах Нижне-Шайтанского завода 1847 года и Полевского завода, подобные помещения показаны в монолите домны как технологические. Предназначались они, как следует из документа XVIII века: «для роздыху рабочих», «покою мастеровым».

Домна Полевского завода, 1804 год. [Публ. По: Индустриальное наследие Урала. 1993]

Южнее доменной печи, в 10,5 м от ее южной стены и в 1,5 м от берега реки, раскопом был расчищен чугунный брус, имеющий длину 3,85 м и сечение 18 × 22 см. Его поверхность гладкая, без каких либо раковин и сколов, с ровно отлитыми гранями.

На противоположном от берега конце бруса сохранились фрагменты доменной кладки. Исходя из размера и сечения бруса, с большой долей уверенности можно утверждать, что данная металлическая конструкция

Азяш-Уфимский завод.
Руины доменного цеха.
Рисунок А. М. Федорова

предназначалась для поддержания одного из двух доменных сводов. Вероятнее всего, расчищенный раскопом брус был выломан из чела горна или из свода над меховой фурмой, так как другие чугунные связи, используемые при строительстве этой и других аналогичных домен, были больших размеров.

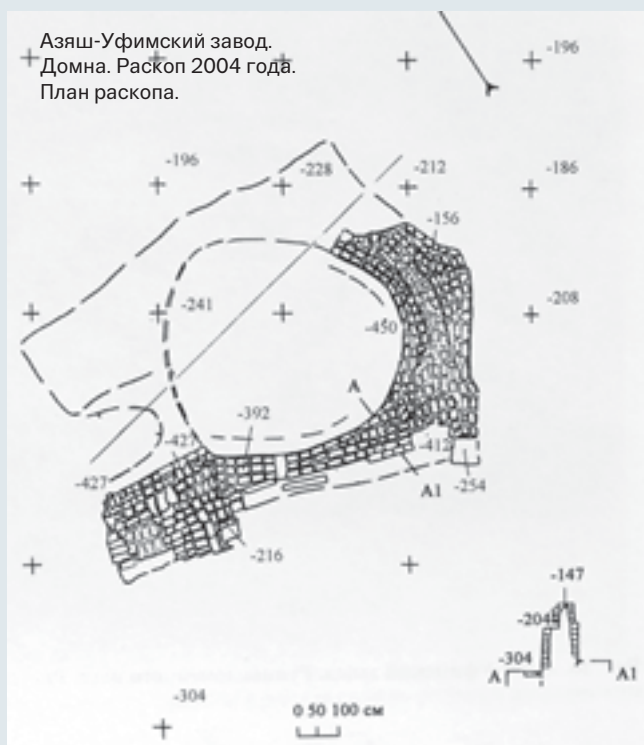
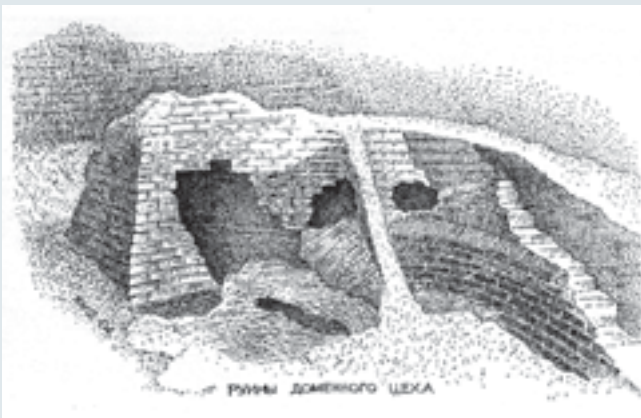
В ходе полевого сезона 2003 года археологическим раскопом была исследована практически вся территория между домной и плотиной. Необходимо было установить наличие или отсутствие каких-либо строительных

конструкций моста, который должен был соединять предположительно проезжий верх плотины с верхним доменным двором. Такие мосты предназначались для подвоза руды на колошник доменной печи со стороны плотины. В результате исследования было установлено, что между домной и плотиной не только отсутствуют какие-либо фрагменты моста, но нет даже следов столбовых ям, в которые должны были вкапываться опоры моста.

Отсутствие каких-либо следов подъездного моста еще раз подтверждает, что доменная печь Азяш-Уфимского завода не была пущена в ход. Высота домны, очевидно, так и оставалась какое-то время на отметке 7,455 м. После того, как из домны были вынуты, по утверждению Н. К. Чупина, все металлические связи, верхняя кладка могла рухнуть сама по себе, или же

ее могли «уронить», возможно, при помощи порохового заряда. Последнее предположение отчасти подтверждается тем, что при расчистке руин встречается очень много битого, колотого кирпича. Прежде чем переходить к описанию всех обстоятельств исследования внутренней части доменной печи, необходимо остановиться на принципиальной особенности доменных конструкций XVIII – первой половины XIX века. Домны указанного периода состояли из двух важных конструктивных элементов: собственно доменных стен и доменных горнов с трубами. Доменные стены, как правило, выкладывались из красного кирпича и являлись конструкцией долговременного использования. На них держались два доменных свода и верхний доменный двор с кровлей.

Кованый крюк, найденный на территории Азяш-Уфимского завода

Последняя крепилась (по Де Геннину) на больших чугунных крюках, которые встраивались в стены на высоте 9 аршин (6,39 м) и стягивались железными связями. Окончательное закрепление крюков осуществлялось дальнейшей кладкой кирпича еще на 0,71 м. Вполне вероятно, что случайно найденный на территории Азяш-Уфимского завода большой крюк, правда не чугунный, а железный, и являлся одним из десяти больших крюков, на которых должна была крепиться крыша домны.

Доменные горны и трубы в силу того, что в них непосредственно шел процесс плавки железной руды на чугун, периодически (раз в полтора–два года) перекладывались. Строительство их осуществлялось внутри доменных стен на территории трубного двора из огнеупорных материалов. В XVIII–XIX веках для этих целей использовался «горновой камень» и белая глина, хорошо выдерживавшие высокие температуры. На заводских планах, особенно в XVIII веке, доменные печи обозначались, как правило, конфигурацией трубных доменных стен. Если же выбранный масштаб плана позволял, то указывался и диаметр трубного двора, имевший очертания круга.

Раскопки внутренней части доменной печи были предприняты осенью 2004 года. Степень ее разрушения превзошла все ожидания. В этой связи было принято решение о выемке завала только в непосредственной близости от сохранившейся кладки доменных стен, для того, чтобы зафиксировать их контуры. В результате расчистки удалось проследить только контуры половины части доменных стен. Они были сложены из красного, хорошо обожженного кирпича на известковом растворе. Их наиболь-

Внутренняя часть домны

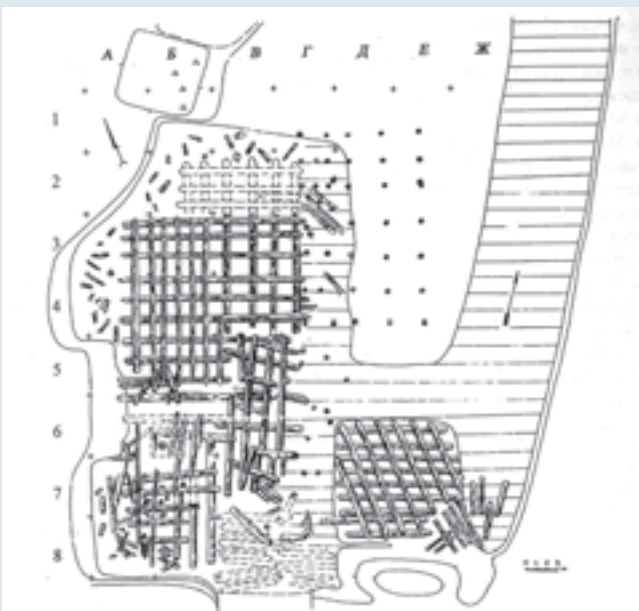

Следы извлечения металлических элементов конструкции доменной печи

Расширение кирпичной кладки стен домны

Свайно-реевое основание
сливного моста

шая высота составила 2,0–2,5 м от расчищенного узкого слоя внутри домны, при ширине стен 0,8–1,0 м. Крепкая кирпичная кладка, образовавшая полукруг части трубного двора, к внешнему периметру доменной печи постепенно переходит в бутовую, где с известью были перемешаны битый кирпич и камень. В силу трудоемкости работ не удалось выявить четкие внешние контуры домны, но внутренние, полукруглые, даже

ближе к овалу, стены $\frac{1}{2}$ части домны были расчищены на глубину 3 м от верхнего края кладки. Расчистка завала производилась внутри домны сверху вниз, неукоснительно вслед за очертаниями крепких кирпичных стен. В северо-восточном сегменте внутренней части домны были выявлены два крупных, соединяющихся между собой, разлома. Ширина первого, уходящего вглубь кладки, составила 1,0 м, при высоте

Азяш-Уфимский завод.
Режевый фундамент пильной
мельницы (?) и водосливного
моста. План

1,0–1,2 м. Общая ширина двух разломов составила 2,0–2,5 м. В южной части внутреннего сегмента домны, на глубине –204 см от условного ноля было зафиксировано правильное расширение диаметра кладки красного кирпича. Данное расширение может быть определено как заплечик, который выкладывался внутри домны в том месте, где доменный горн переходил в доменную трубу. Подводя краткий итог опи-

санию расчистки доменной печи, необходимо особо подчеркнуть, что, как внутри, так и снаружи доменных стен, не было обнаружено ни одной вмонтированной железной или чугунной связи. Согласно технологическим описаниям, которые приводят Де Геннин и Махотин, помимо вышеупомянутых чугунных брусьев, в доменной печи должны быть, как минимум, две чугунные плиты, перекрывающие душники под горном, чугунные плиты, которыми выстилался верхний доменный двор, и уже упоминаемые чугунные или железные большие крюки с железными в виде полос связями.

Данный факт весьма важен, так как он подтверждает свидетельство Н. К. Чупина о том, что из домны были выломаны и увезены все железные связи. О наличии бывших железных связей в домне Азяш-Уфимского завода свидетельствуют разломы кладки домны на уровне колошникового ряда, а также находка шестигранной шайбы – наиболее распространенной детали крепления на фасадах построек.

Молотовые фабрики, построенные, судя по документам, в центре заводского комплекса, сегодня представляют собой уплотненные, прямоугольные в плане возвышения, расположенные на правой стороне от ларя, размерами 20 × 25 м, высотой до 1,5 м, хорошо задренованные и поросшие густой травой. На левой стороне от ларя – площадка ровная, без каких-либо рельефных возвышений.

Фундаменты заводских строений сохранились на территории водосливного моста и пильной мельницы. Они располагаются в котловане, вытянутом в продолжение канала затопленном водой. Высокий уровень воды в водоотводном канале и в котлованах цехов

Свайно-реевое основание после расчистки

установлен бобровой плотиной, находящейся в 300 м к северу от плотины заводской. Параметры котлована – 24 × 45 м, глубина от

уровня воды – 1,5 м, от современного уровня поймы – 2,5–3 м. Дно котлована твердое, каменистое, то есть при строительстве мягкие суглинки поймы в этом месте были выбраны до твердого

галечного слоя. В центре западной стенки котлована существует грунтовый выступ шириной 11 м, длиной 8 м, разделяющий лесопильный цех на два помещения: «северное» и «южное».

Бревенчатые фундаменты занимают значительную часть площади котлована (720 из 1080 кв. м) и отстоят от основания плотины и стенок котлована на 2,5 м.

Фундаменты представляют собой несколько решеток из круглых бревен диаметром 40–50 см с клеткой размерами 1,5 × 1,5, 1,5 × 2,0 и 2,0 × 2,0 м. Мощность фундаментов – 4 наката. Бревна верхнего четвертого наката перекрыты брусьями прямоугольного сечения размерами 20 × 30 и 15 × 25 см.

Брусья лежат с интервалом в 1–1,5 м.

Пространство между фундаментом и западной стенкой котлована, а также вдоль северной стенки котлована заполнено короткими, часто обожженными бревнами диаметром от 15 до 30 см, обломками горбыля и тесаных досок. Мелкие обломки деревянных конструкций (в большинстве случаев об-

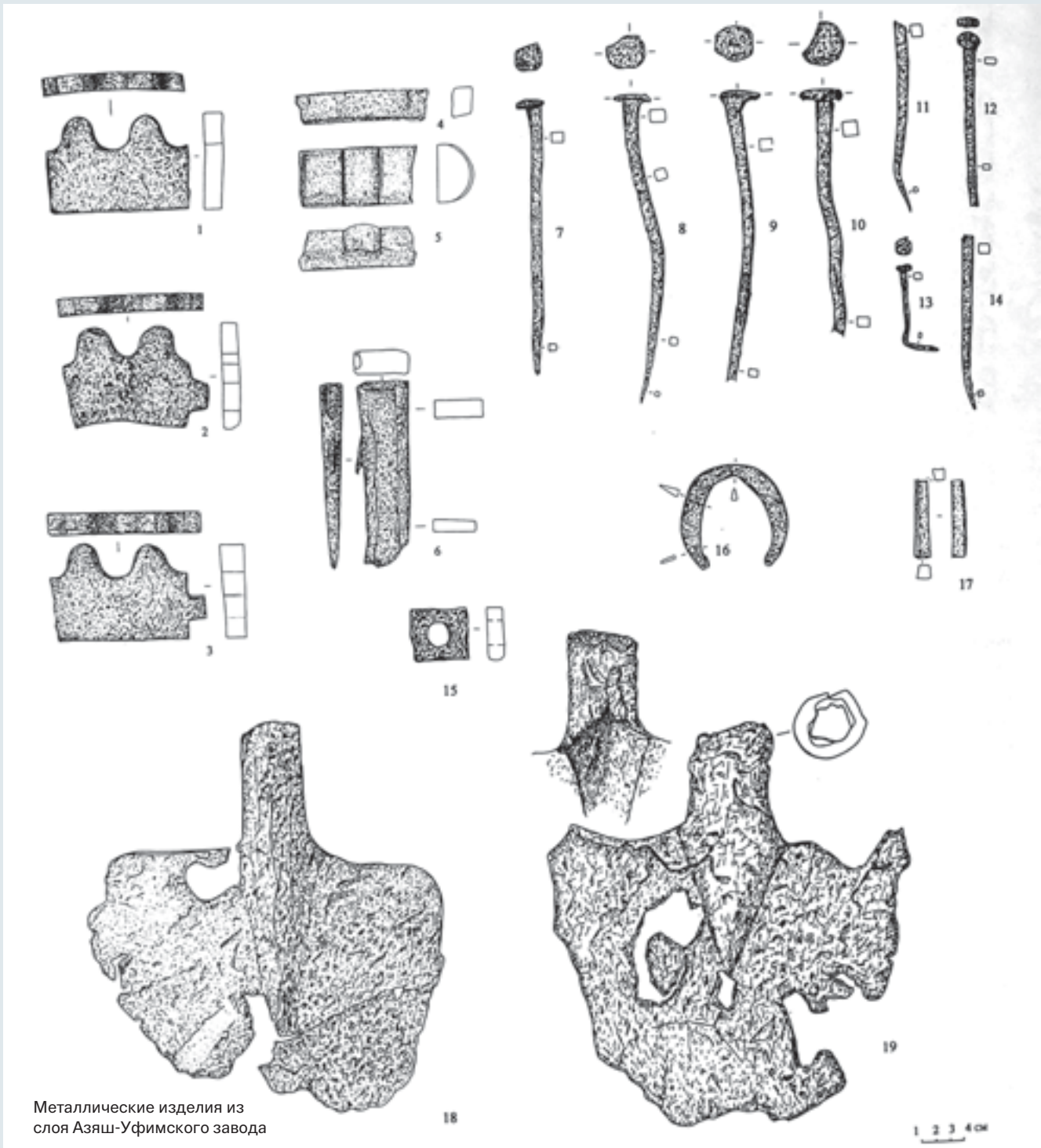

Деревянные клинья и обломок рукоятки орудия, найденные в районе режеевого фундамента Азяш-Уфимского завода

Заводское клеймо

Металлические изделия из слоя Азяш-Уфимского завода

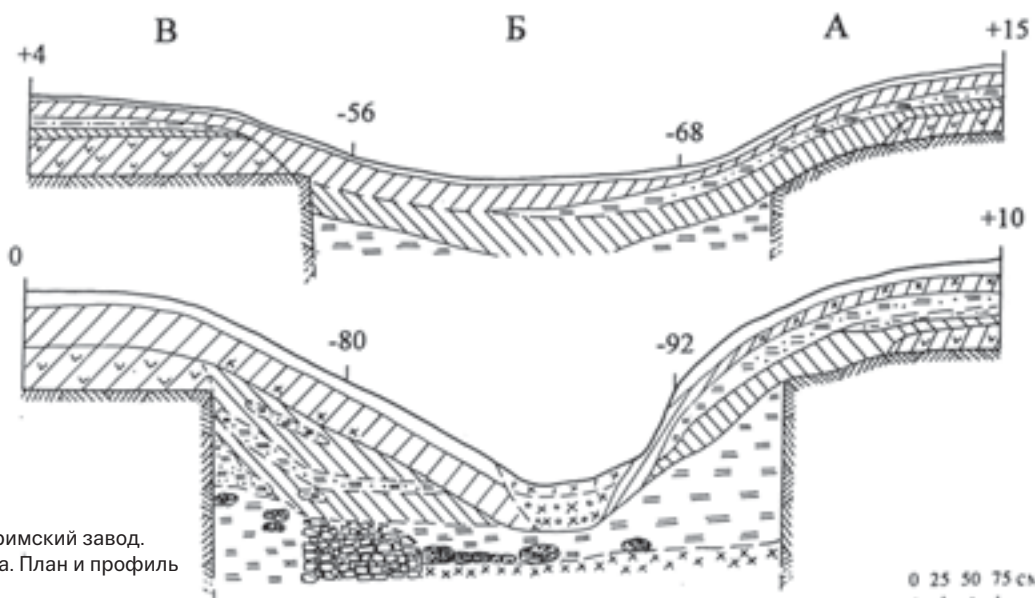
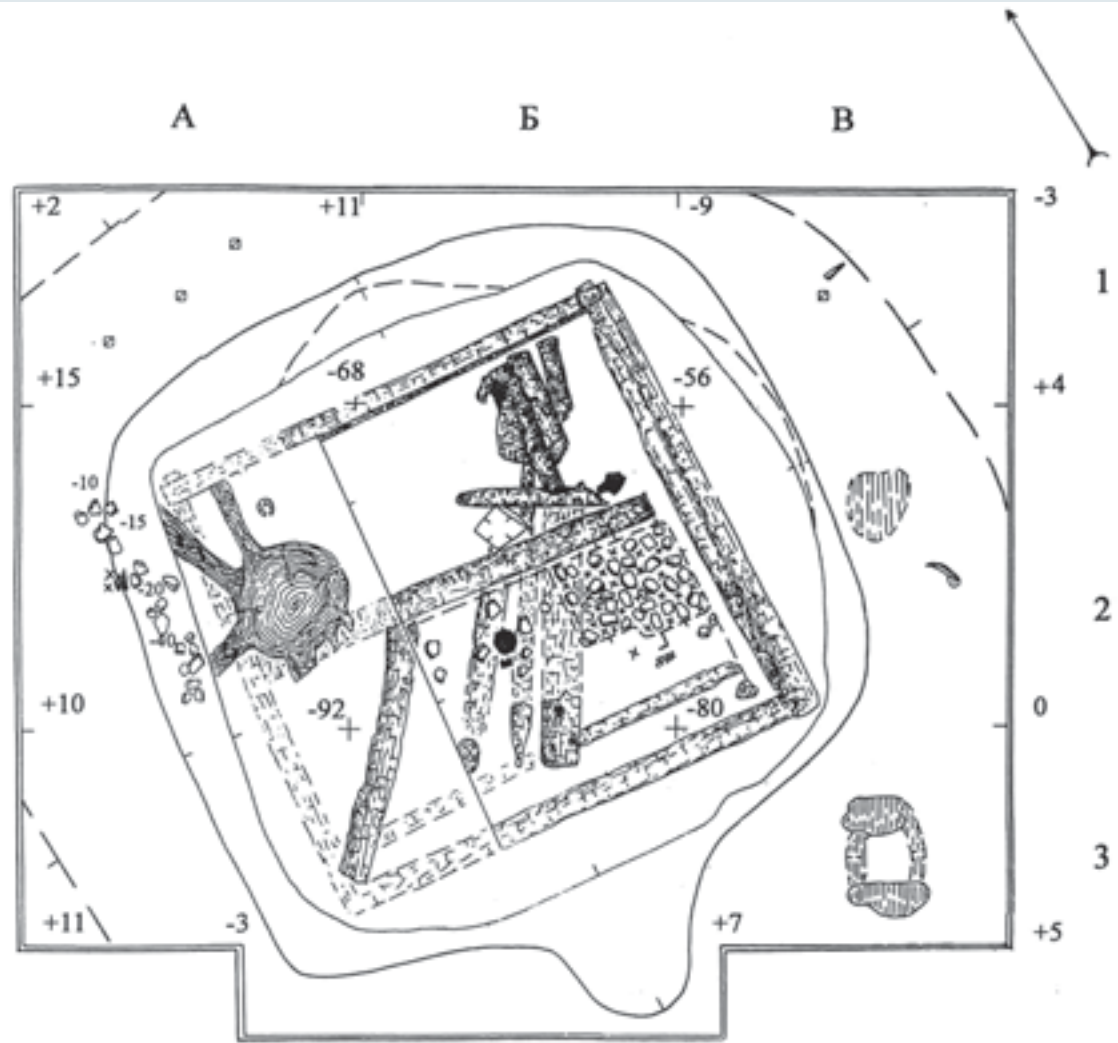
Металлические изделия из слоя Азяш-Уфимского завода

горевших) залегают также в центральных клетках фундамента. Южный фундамент пильной мельницы был очищен от растительности и слоев пожара на площади 250 кв. м. В трех точках зафиксировано жесткое скрепление венцов решетки костылями, расчищен прямоугольный участок,

незанятый бревнами фундамента на всю глубину. Место расположения участка показывает, что здесь могло быть установлено водяное колесо, а южнее колеса – лесопильный стан. В этом месте на глубине 0,4 м ниже уровня воды зафиксирована куча крупных опилок высотой 1,0 м. В опилках обнаружены

деревянные клинья различных размеров и хорошей сохранности, обломок деревянной рукояти. Металлоискателем на поверхности выступа западной стенки были обнаружены мелкие обломки литых и кованых железных изделий. Характер изделий в настоящее время не выяснен.

Самым распространенным типом находок являются кованые гвозди разных размеров. Из вспомогательных построек завода сохранились задержанные руины меховой избы «с конторой наверху» – курганообразное подквадратное возвышение размерами 7 × 7 м, высотой 0,9 м,

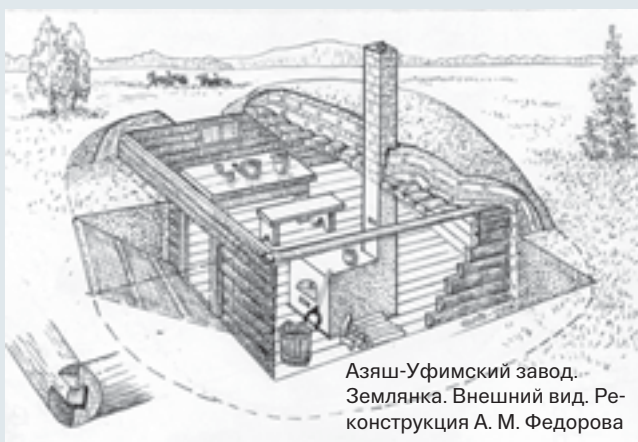
Азяш-Уфимский завод.
Землянка. План и профиль
раскопа

Азяш-Уфимский завод.
Расчищенные конструкции
землянки

Азяш-Уфимский завод.
Землянка. Вид изнутри.
Реконструкция А. М. Федорова

Азяш-Уфимский завод.
Землянка. Внешний вид. Ре-
конструкция А. М. Федорова

с углублением в центре. На участке, где на плане завода отмечена «ручная кузница», зафиксированы три впадины, расположенные в ряд на бровке террасы с интервалом в 10 и 5 м, на месте «сарая для припасов» – впадина размером 10 x 5 м, глубиной 1,5 м. Остатки жилых построек обнаружены на площадке первой надпойменной террасы левого берега реки. Раскопки впадин 1 и 3 позволяют идентифицировать их как остатки жилых построек. Впадина 1 (землянка) может быть реконструирована следующим образом. Сруб с углами в шип, размерами 4,5 x 4,5 м, ориентированный по сторонам света, заглублен в землю на 1,8–2 м. Земля от входа, вероятнее всего, выбиралась

Землянка рабочий момент

в виде пандуса для дверей. Наличие с западной стороны сооружения кирпичного лома, выброшенного из помещения, и расположение отдельных обнаруженных предметов, позволяет предположить существование здесь смотрового окна. Со стороны окна, по-видимому, также располагался земляной пандус. Бревенчатая крыша покрывалась толстым слоем глины (мощность 0,5–0,3 м), служащим для гидроизоляции, затем несколькими чередующимися слоями глины и гумуса. Внутри землянки, в юго-восточном секторе располагалась печь с основанием прямоугольной формы. В основание печи (размеры 1,0 x 1,2 м) засыпался крупный гравий, перемешанный с глиной, затем из кирпича выкладывалось тело печи. Площадка с впадинами

Землянка. Разрез развала печи

являются периферией заводской слободы. Как уже указывалось, основная часть площадки занята покосом, бывшей пашней. Возможно, основная часть жилищ была домами на фундаменте или постройками, незначительно углубленными в землю, а следы впадин на их месте оказались нивелированы многолетней распушкой. По крайней мере, сейчас не зафиксировано остатков 20 домов, расположенных правильной улицей, которая показана на плане Ивана Медведевского. Слой содержит фрагменты керамической и металлической посуды.

Подводя итог описанию руинированного завода, на данный момент можно утверждать:

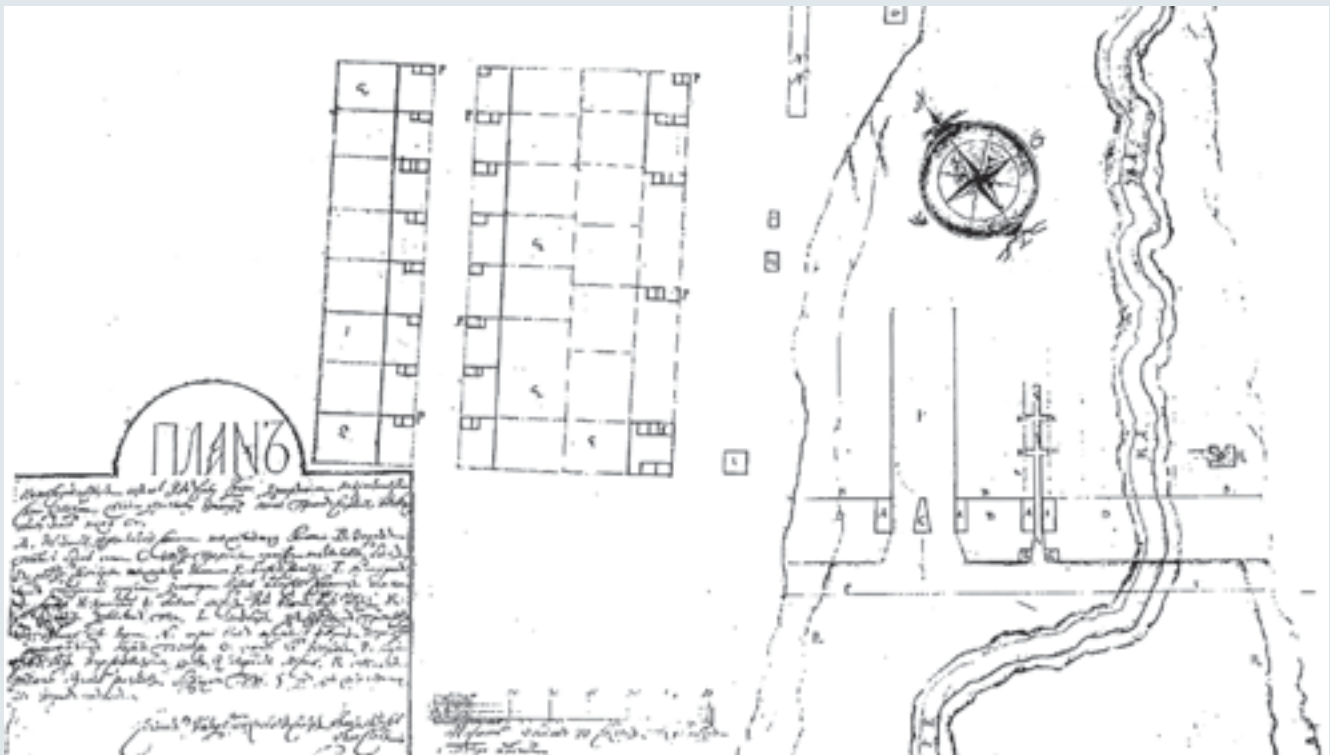
1. Полученные результаты визуального обследования и рекогносцировочных раскопок подтверждают данные заводской ведомости от 14 ноября 1762 года, составленной приказчиком

ограничена с юга «хвостовой» частью плотины, с востока – поймой реки, в которой расположены руины завода, с запада – грунтовой дорогой, с севера – заболо-

План Азяш-Уфимского завода. [РГАДА. Ф. 271. ОП. 3. Д. 453]

ченной низиной. Размеры площадки – 75 x 150 м. Значительную ее часть в настоящее время занимают покосы (бывшая пашня). Свободная от леса площадь поляны имеет размеры 0,7 x 0,8 км. Руины жилых построек зафиксированы в виде одиночных земляночных

впадин, расположенных с большим интервалом друг от друга. Также остатками жилой постройки, возможно, является площадка подквадратной формы размерами 6 x 6 м, выявленная на северном краю террасы. Обнаруженные жилищные впадины, скорее всего,

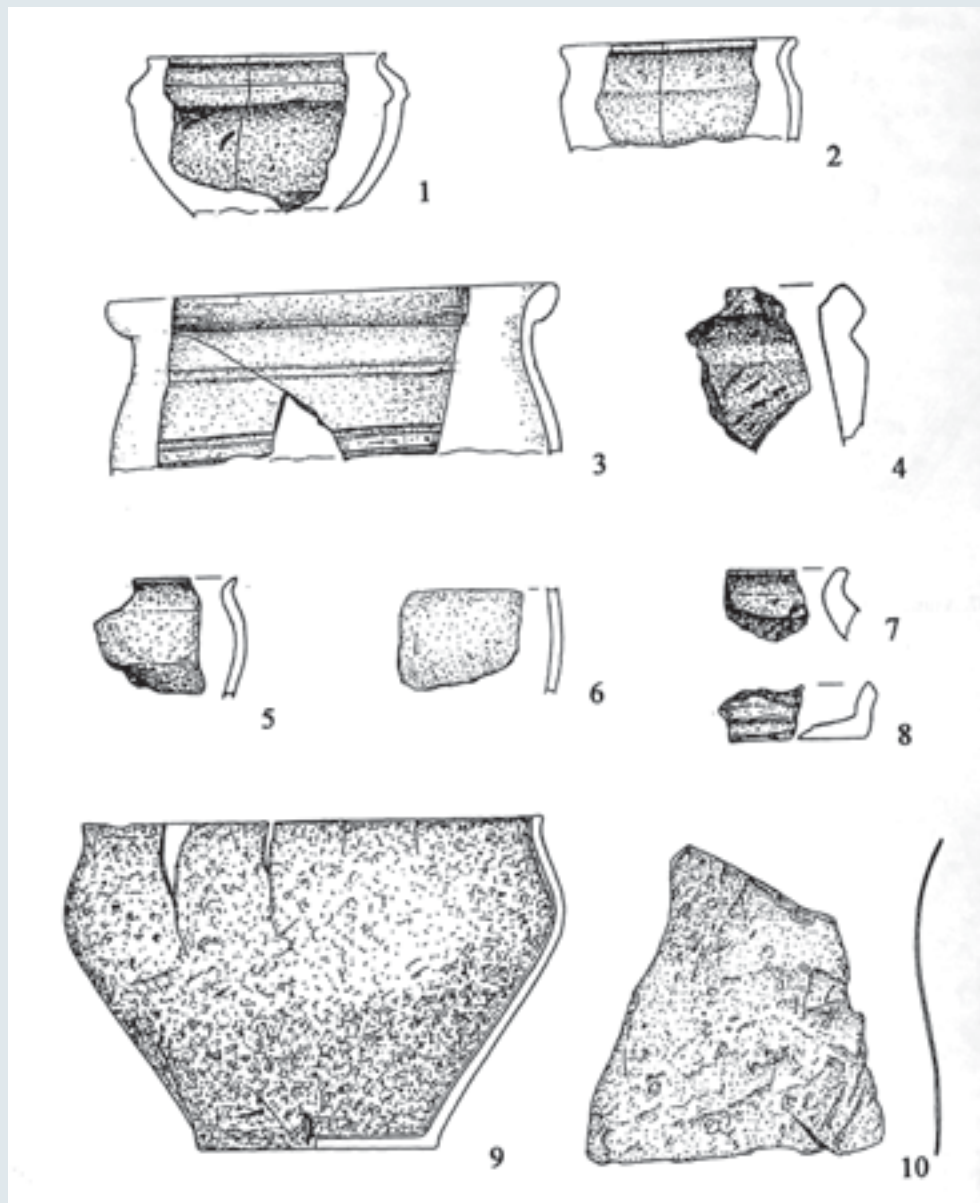
Кыштымского завода Иваном Селезневым. По его свидетельству, из всех заводских объектов производственного характера высокой степенью готовности отличались только заводская плотина и доменная печь, но и они в 1762 году не были достроены окончательно;

2. Исследования руин доменной печи подтверждают сведения Н. К. Чупина о том, что «В 1802 году, по распоряжению демидовских приказчиков, одобренному заводчиком, из азяш-уфимской домны были выкопаны и увезены все железные связи, чтоб не достались соперникам Губиным». Результатом изъятия этих железных связей, возможно, и стало разрушение доменных стен. При этом их высота изменилась с 7,5 до 2,1 м. В силу этого, поэлементное изучение доменного производства Азяш-Уфимского завода становится практически невозможным.

3. Исследование свайно-режевого фундамента с остатками сгоревшего лесопильного цеха подтверждают и тот факт, что «В 1773 году тут еще не было ни одной заводской фабрики, а только находились: заводская плотина с пильной при ней мельницей для распиловки леса на барки, водопроводный ларь для предположенных фабрик и несколько обывательских домов.

В Пугачевский бунт... пруд был выпущен, плотина разрушена, а пильная мельница, плотинные прорезы, ларь и все дома сожжены...» [Чупин Н. К. Географический и статистический словарь Пермской губернии. Пермь, 1873. С. 9].

Таким образом, наиболее информативным объектом исследования остается заводская плотина, в глиняном теле которой сохранились деревянные конструкции. К тому же, надо особо подчеркнуть, что основной

движущей силой металлургических заводов XVIII века являлись довольно сложные и трудоемкие гидротехнические сооружения. От того, насколько технически грамотно они возводились, зависела степень эффективности того или иного металлургического производства. Особая важность заводских гидросооружений XVIII века не вызывает ни малейшего сомнения, в сущности, это аксиома.

Посуда (фрагменты) из слоя Азяш-Уфимского завода:

1 – 8 – керамика;
9 – 10 – фрагменты чугуновой, железной посуды

Запрещение строительства металлургических заводов в Оренбургской губернии в 1776 году

Строительство новых заводов в Оренбургской губернии влекло за собой на законных основаниях, прописанных в Берг-привилегии 1719 года (далее — Берг-привилегия) и Берг-регламенте 1739 года (далее — Берг-регламент), отвод новой башкирской территории с лесами и рудными месторождениями. Если бы существовал запрет на новые лесные отводы — ради сохранения лесов, принадлежавших башкирам на вотчинном праве, — то вопрос строительства заводов отпал бы сам собой. Указ Сената от 13 июля 1776 года это и выполнил. В связи с тем что этот указ мало где был опубликован, имеет смысл привести его текст дословно.

«Указ Е. И. В. самодержицы всероссийской из Правительствующего Сената Берг Коллегии. По указу Е. И. В. Правительствующий Сенат по репортам оной коллегии и господина Оренбургского губернатора и кавалера Рансдорпа (Рейнсдорпа), касательно до учинения в Оренбургской, Казанской и Сибирской по сию сторону Тобольска губерниях всем лесам надлежащего измерения, и притом представляла как о нестроении в Оренбургской губернии вновь заводов, так и в даче позволения желающим заводить оные, мнения своего положить не может, определила на главное рассмотрение Правительствующего Сената, приказали: как Оренбургский губернатор между прочим представляет, что по Оренбургской губернии таковое довольствие лесов как находящегося ныне строельного и дровяного леса на 100 лет станет, не считая того, который в сие время вырости может, и что заводчики, ныне в той губернии горные заводы имеющие, для своих надобностей в принадлежащая казне леса не въезжают, да и какое распоряжение для учинения положения к предохранению в Оренбургской губернии предварительно сделать нужно, о том от Берг Коллегии по представлению Оренбургского губернатора, к ея рассмотрению от Е. И. В. отосланному, поднесен от нея доклад, в которой однакожеще не подтвержден; то в разсуждении того, как и в ожидании на тот доклад высочайшего повеления, поныне построенные в Оренбургской губернии горные заводы и оставить в их действии... июля 13 дня 1776 г. ...»⁵[11, с. 512–513].

Анализ Указа от 13 июля 1776 года свидетельствует, что в его содержании нет прямого предписания на запрет строительства заводов в Оренбургской губернии. Тем не менее это не означает, что указ не является запрещающим. Он лишь отсылает к проекту оренбургского губернатора И. А. Рейнсдорпа от 11 января 1770 года, который и предлагал ради сохранения лесов прекратить дальнейшее металлургическое строительство в Оренбургской губернии. Другими словами, понимание Указа от 13 июля 1776 года достигается только в том случае, если точно знать смысл предложения Рейнсдорпа. Заключительная же формулировка указа («...поныне построенные в Оренбургской губернии горные заводы и оставить в их действии...») означает, что построенные, затем сожженные и снова восстановленные металлургические заводы Оренбургской губернии (Южного Урала) могут оставаться в действии, но других, новых заводов быть не должно. После этого ни центральная, ни местная власть больше не делали попыток к его пересмотру.

Таким образом, указ Сената от 13 июля 1776 года дезавуировал основополагающие акты горного права (Берг-привилегию, Берг-регламент) на отдельно взятой территории — в Оренбургской губернии (на Южном Урале) еще до отмены государственной собственности на недра земли, которая произошла в России в 1782 году. Тем самым через 15 лет после провозглашения десяти пунктов Шлаттера была достигнута их главная цель — прекращение роста металлургического строительства, а значит, и прекращение роста металлургического производства в России.

***

В уральской историографии мало что известно об Указе от 13 июля 1776 года. Современные же историки по разным причинам предпочитают о нем вообще не вспоминать. В качестве довода приводился и приводится тот факт, что в Оренбургской губернии (читай — на Южном Урале) и после 1776 года металлургические заводы как строились, так и про-

5

Текста этого указа нет в ПСЗ. Не упоминается он и в заводских архивных документах. Горнозаводчики в послепугачевский период с подачей прошений на утверждение земельных участков, купленных у башкир, вели себя точно так же, как и до пугачевских событий. Складывается впечатление, что они не знали об этом указе!

должали строиться, и никакой запрещающий указ им не был помехой. Так ли это?

Петропавловско-Миасский медеплавильный завод (1773–1777)

Значительным событием в жизни Лариона Лугинина после покупки Златоустовского и Саткинского заводов стало строительство медеплавильного завода на реке Миасс. Место под Миасский медеплавильный завод было выбрано в границах той лесной территории, которая еще в 1750-е годы была отведена к даче Златоустовского завода. Доказательством этого факта является архивное дело под названием «Документы об освобождении Златоустовских заводов от двойного оброка за выплавленный чугун за сентябрь — ноябрь 1794 г.». В силу того что материалы

дела напрямую относились к вопросу о налогах и сборах, все используемые в нем документы (контракт 1751 года, купчие на землю 1754 года и т. п.) имели на тот момент реальную юридическую силу. Поэтому неоднократно повторяемое положение, что заводы Лугининых — Златоустовский и Петропавловско-Миасский — стояли в пределах 50-верстной окружности, отведенной к Златоустовскому заводу, является юридически заверенным историческим фактом [21, л. 1, 24].

Прошение на строительство Миасского медеплавильного завода Л. Лугинин подал 20 августа 1773 года [18, л. 22], то есть накануне известных пугачевских событий. 7 ноября 1773 года вышел указ Берг-коллегии, который предписывал канцелярии Главного заводов правления «послать нарочного горного офицера и с ним геодезии или маркшейдерского ученика на коште ево Лугинина... на речке Миясе место освидетельствовать» [17, л. 198]. Также в указе пред-

Миасский медеплавильный завод заводосодержателя тульского купца Лугинина

[ГАСО. Ф. 101. ОП. 1. Д. 947. Л. 162 (план)]

писывалось: «...взяв из рудников штуфы... прислать в Берг-коллегию, а по свидетельству, есть ли окажется то место для построения завода способно и река 10... печек содержать может... в таком случае оной... завод на отысканном... месте построить дозволить...» [Там же, л. 199].

Из вышесказанного следует, что указ Берг-коллегии не давал безусловного разрешения на строительство, а оговаривал ряд условий, в том числе и надежность месторождений меди. Но на тот момент это была обычная, отработанная десятилетиями, проверенная практика горных отводов, исходившая из понятий целесообразности и здравого смысла, а не запрещающих мер. Дальнейшей работе горных чиновников весной — летом 1774 года помешали пугачевские события.

В прошении Лугинина от 20 августа 1773 года излагались обстоятельства, требовавшие строительства нового медеплавильного завода. К моменту подачи прошения на Златоустовском и Саткинском заводах уже было построено десять медеплавильных печей, но из-за большого расхода воды в заводских прудах их приходилось постоянно останавливать. Большая часть рабочей воды расходовалась на железоделательное производство, которое было основным на этих заводах. Также постоянно возникали трудности с поставкой медной руды. Рудники находились на значительном удалении, причем поставке руды на заводы препятствовали горные перевалы. В связи с чем цена провоза руды становилась выше обычной. По этой причине Лугинину даже пришлось остановить в 1771 году на Саткинском заводе им же самим построенные медеплавильные печи.

Из прошения Лугинина следует выделить и положение о том, что строительство десяти медеплавильных печей при заводе должно было осуществиться только при условии уничтожения десяти таких же печей, имевшихся, как указывалось, на Златоустовском и Саткинском заводах.

После Пугачевского восстания возобновление всех работ по организации и строительству медеплавильного завода было положено так называемым определением канцелярии Главного заводов правления от 27 марта 1775 года [23, л. 27 об.]. На место будущего строительства был командирован унтершихтмейстер Рязанов. Из его рапорта, адресованного канцелярии Главного заводов правления, следует, что «под

строение медеплавильного для 10-ти печек завода место оное освидетельствовал, которое состоит... на реке Миясе, где прежде на оном была ево Лугинина мушная мельница и которая башкирцами в бывший бунт сожжена в расстоянии от Златоустовского завода в 34 верстах...» [Там же, л. 27]. В рапорте указывался также перечень работ, необходимых для восстановления поврежденной плотины. Причем Рязанов рекомендовал «поправить погоревшие в прорезах сливные мосты, ларь; повысить плотину, а в ширину присыпать, берега ж у оной мягкие, глинистые к повышению ровные и подошва оной крепкая» [Там же, л. 27]. Из вышесказанного следует, что уцелевшая плотина, предназначенная для работы мучной мельницы, оказывалась пригодной для действия медеплавильного завода в десять печей. И, пожалуй, последнее, что заслуживает внимания в рапорте унтершихтмейстера, — это факт уже осуществившейся купли-продажи лесного участка, предназначенного под строительство Миасского завода. Рязанов подтверждал, что «заводское место... у башкирцев... уже куплено, но точно еще не утверждено...» [Там же, л. 27]. Кстати, после 1776 года самым трудноразрешимым делом для промышленников оказалось получение в провинциальных канцеляриях подтверждающих законность сделки документов на уже купленные у башкир земельные и лесорудные участки.

Таким образом, из вышесказанного следует, что строительство Миасского медеплавильного завода осуществлялось уже на подготовленной строительной площадке, находящейся на земле, купленной у башкир, еще до запрещающего указа 1776 года. Данный факт и способствовал тому, что медеплавильное производство было пущено в августе 1777 года. «Рапортом... канцелярия Главного заводов правления доносит, — говорится в одном из архивных документов Златоустовской конторы, — что объявленный завод Лугининым построен, из числа 10 складены 4 медеплавильных печи и 2 гормахерских горна, и все оные печи в действие пущены сего 1777 г. августа 12 дня...» [Там же, л. 23].

Кусинское заводское место 1761 года и сам завод

Как уже было отмечено, окончательная точка в спорном деле о так называемом Кусинском месте была поставлена в 1761 году. Канцелярия Главного заводов правления подтвердила специальным Указом от 20 марта 1761 года результаты имущественного раздела Мосоловых по части владения Кусинским заводским местом [17, л. 189 об., 190 об.]. В его третьем пункте говорилось: «...по прошению... Ивана Мосолова для владения и знания об отведенных к Златоустовскому заводу из оных по разделу, принадлежащих ему с братом... землям и лесам [по берегам реки Кусы] со учиненных чертежа и описания дать им... при указе засвидетельствованные копии и о том в... Берг-коллегию отрапортовать, а в Оренбургское горное начальство послать указ...» [Там же, л. 190 об.].

Из архивных материалов фонда «Златоустовская контора Мосоловых, Лугинина, Кнауфа...» следует, что Кусинский завод «строением начат с 1787 г.». Причем на 25 июня 1794 года он являлся только молотовым и работал на привозном златоустовском чугуне. По этому поводу в указанном деле говорится, что «железа выковывается из полученного со Златоустовского завода чугуна до 45 000 пудов» [19, л. 46 об.].

Из другого архивного дела «О постройке заводчиками Лугиниными Кусинского чугуноплавильного завода...» следует, что «заводчики Лугинины по ея (Уфимской казенной палаты.— В. С.) дозволению в 1788 г. 17 мая данному, устроили доменной и молотовой завод в Троицком уезде на реке Кусе, на собственной их земле под названием Кусинской» [3, л. 1].

Таким образом, Кусинский завод был основан «на собственной их земле». Это означает, что раздел имения Мосоловых имел юридическую силу и после запрещающего указа 1776 года и отмены горной свободы в России в 1782 году. Другими словами, лесная территория по берегам реки Кусы, отведенная в 1754 году и предназначенная исключительно под строительство металлургического завода, стала предметом купли-продажи точно так же, как действующий металлургический завод в XVIII веке на Урале. По большому счету, сила запрещающего указа 1776 года на земельную сделку 1754 года не имела никакого значения, так как фактически его действие было направлено на сохранение тех лесов, которые остава-

лись в ведении башкир, а не тех лесов, которые уже были отведены к заводам, в том числе еще не построенным.

Также из архивного дела «О постройке заводчиками Лугиниными Кусинского чугуноплавильного завода...» следует, что единственная доменная печь была пущена 22 марта 1797 года, то есть почти через девять лет после выхода разрешающего Указа от 17 мая 1788 года. В 1798 году вновь образованная Берг-коллегия обратилась в Оренбургскую казенную палату с требованием объяснить причины такого длительного строительства. На что последовала универсальная отписка, составленная в духе екатерининского времени и не имеющая ничего общего с понятиями государственной и общенародной пользы. «По каким же обстоятельствам медлилося так долго строение того завода палате сие известно,— сообщила Оренбургская казенная палата,— а как в высочайшем манифесте 1782 г. июня 28 дня сказано, чтоб все рудные промыслы в дачах к собственности владельцам принадлежащие были совершенно вольные, а не принужденные, то за сим палате к скорейшему строению того завода заводскую контору и не было резону понуждать...» [Там же, л. 1 об.].

В 1789 году Златоустовские заводы перешли, согласно завещанию покойной Татьяны Терентьевны Лугининой⁶, к ее малолетним внукам Ивану, Лариону, Николаю Максимовичам Лугининым. Из архивного документа «О выделении приказчику... С. Маршалову денег для поддержания состояния заводов после смерти Л. И. Лугинина за 1789 г.» следует, что к 20 ноября 1789 года Лариона Ивановича и его жены Татьяны в живых уже не было. Главным опекуном их малолетних внуков являлся тогда именитый гражданин П. М. Гусятников [20, л. 7].

В дальнейшем, по сведениям Уральской экспедиции, долги принудили наследников Лариона Лугинина сначала отдать Златоустовский, Саткинский, Кусинский, Артинский и Миасский заводы в аренду московскому купцу Кнауфу, а через два года (в 1798-м) продать их Государственному ассигнационному банку за 1800 тысяч рублей ассигнациями [23, с. 1]. Из архивных данных Златоустовской конторы следует, что эта продажа состоялась в 1799 году [22, л. 4 об.].

6

Жена тульского купца и заводовладельца Л. И. Лугинина.

В 1801 году Государственный ассигнационный банк вновь сдал заводы, кроме Миасского, в вечное арендное содержание тому же Кнауфу. К этому времени в окрестностях Миасского завода было открыто месторождение рудного золота. В 1811 году Златоустовский, Саткинский, Кусинский и Артинский металлургические заводы вновь перешли в ведение казны.

***

Таким образом, ввод в действие Миасского и Кусинского заводов после 1776 года не является доказательством слабости и второстепенности сенатского Указа от 13 июля 1776 года. Как показал анализ землеотводов, его действие не распространялось на эти заводы, поскольку правовая сторона вопроса о лесной территории была решена задолго до выхода запрещающего указа. Строительство же металлургических заводов на Южном Урале после 1776 года, а потом и манифеста 1782 года стало внутренним делом владельцев заводских дач, что и подтвердила Оренбургская казенная палата в 1798 году, заявив: «...как в высочайшем манифесте 1782 года июня 28 дня сказано, чтоб все рудные промыслы в дачах к собственности владельцев принадлежащие были совершенно вольные, а не принужденные, то за сим палате к скорейшему строению того завода заводскую контору и не было резону понуждать...»

Причем после 1776 года владельцы чугуноплавильных заводов только и могли, что строить железоделательные фабрики, да и то не во всех своих заводских дачах. Их строительство, как правило, осуществлялось на той заводской территории, где еще в 1750–60-е годы были запланированы, но не построены железоделательные заводы. Ввод в действие новых доменных печей без дополнительных лесных отводов для горнозаводчиков был в принципе неприемлем, так как это приводило к фактическому истреблению лесов в их собственной заводской даче. Нарушать этот принцип никто из промышленников Южного Урала XVIII–XIX веков не захотел, да и вряд ли им это позволили бы надзорные органы. Они довольствовались только теми лесами, что были отведены к их заводам в период с 1744 по 1776 год.

Таким образом, можно без сомнения констатировать, что Указ от 13 июля 1776 года, несмотря на его

намеренно безграмотное и невнятное изложение, имел юридическую силу и фактически препятствовал металлургическому строительству на Южном Урале вплоть до 1917 года.

Губернская реформа 1775 года. Пермское и Уфимское наместничества (1781)

В продолжение темы запрещения строительства заводов в Оренбургской губернии следует отметить, что Указ от 13 июля 1776 года, в силу того что входил в явное противоречие с основополагающими актами горного права России — Берг-привилегией и Берг-регламентом, — сам по себе существовать долго не мог. В идеале его должны были или отменить или подтвердить другими, более действенными законодательными актами. Что, собственно, и произошло в ходе губернской реформы 1775–1785 годов.

Начало 1775 года помимо казни Емельяна Пугачева было «ознаменовано» Указом от 15 января «О переименовании реки Яика Уралом, казаков при оной поселенных Уральскими и города Яика Уральском». Главным мотивом этого действия стало желание высокопоставленных лиц государства во главе с Екатериной II предать полному забвению «сего на Яике последовавшего несчастного происшествия» [24, т. 20, № 14235]. В сущности, «Сентенция о наказании... самозванца Пугачева и его сообщников» [Там же, № 14233], сама казнь, совершенная с показной жестокостью, в сочетании с географическим переименованием реки Яик в Урал стали своеобразным предупреждением о грядущих переменах в послепетровской России.

Основные положения губернской реформы 1775–1785 годов изложены в Указе от 7 ноября 1775 года «Учреждения для управления губерний Всероссийския империи часть первая». Проводилась она в несколько этапов и была связана с административной, судебной и сословной реформами. Обо всем ее содержании говорить нет смысла, но ключевые аспекты и законодательные акты назвать необходимо.

Началась она манифестом от 17 марта 1775 года, в котором помимо всеобщей амнистии, отмены налогов, введенных на период войны с Турцией, и отмены подушной подати с купцов объявлялось прощение всем, кто участвовал в Пугачевском восста-

нии 1773–1774 годов⁷. Вместе с прощением объявлялся и запрет на ведение следственных дел, связанных с разграблением имущества в период восстания. «Всем... людям во внутреннем бунте 1773–1774 гг. участвовавшим... наше прощение,— говорится в манифесте,— повелеваем, производство следствий и взыскание вытей... о произошедших разграблении и ополчении не токмо в Оренбургской, но и прочих губерниях... оные следствия и взыскания уничтожить и отставить, повелеваем ныне предать... на вечное время забвению и глубокому молчанию» [24, т. 20, № 14275]. Его логическим продолжением стал манифест от 31 марта 1775 года, по которому Московским дворянским банком учреждались три экспедиции (в Оренбурге, Казани, Нижнем Новгороде) с капиталом по 500 000 рублей в каждой для «раздачи из оных в займы денег на вспоможение... претерпевших разорение» [Там же, № 14285]. Как известно, в ходе пугачевских событий в мае – июне 1774 года башкирскими военными отрядами в Оренбургской и частично Казанской губерниях были полностью сожжены 32 металлургических завода. Чем, собственно говоря, был нанесен колоссальный материальный ущерб металлургической промышленности региона. Двумя вышеназванными манифестами правительство Екатерины II, запретив дальнейшее расследование причин их уничтожения, выделило на восстановление всех сожженных заводов и возмещение иного материального ущерба всего 1,5 миллиона рублей в качестве однопроцентного займа сроком на три года и трехпроцентного займа сроком на семь лет. «Производить все заемные суммы на 10 лет,— говорится в шестом пункте манифеста,— и брать первые три года с оных выданных денег токмо по одному проценту... остальные же семь лет брать ежегодно с выданных в займы капиталов по три процента на год...» Тогда как промышленники просили на восстановление заводов выдать им беспроцентные кредиты. Причем в пятом пункте этого же манифеста провозглашалось, что «выдавать пропорцию денег... на заводы, фабрики вдвое противу того, какое число на котором годового обращения (капитала.— В. С.) до разорения было» [29, т. 20, № 14285]. Возможно, при таких условиях кредитования пострадавшие промышленники справились бы

и с этой напастью, без каких либо далеко идущих тяжелых последствий. Им не пришлось бы в дальнейшем ни закрывать, ни продавать заводы. Но помимо того что заемных денег на восстановление заводов дали меньше, чем обещали, в указанном манифесте для промышленников при просрочке платежа капитала или процентов по нему были прописаны еще и особые условия: запись в секвестр⁸ и продажа заводов за долги или самими должниками в полугодовой срок, или губернскими властями с аукциона. Тогда как при задолженности с дворянскими именьями предписывалось поступать «по узаконению о том данному в Дворянском банке...» [Там же, № 14285].

Положение манифеста от 17 марта 1775 года об отмене подушной подати с купечества было уточнено Указом от 25 мая 1775 года «О сборе с купцов вместо подушных [денег], по 1 проценту с объявленного капитала, и о разделении их на гильдии» [24, т. 20, № 14327].

В Указе от 7 ноября 1775 года «Учреждения для управления...» предусматривалось изменение административно-территориального деления губерний, но без учета какой либо исторической специфики. Тогда как прежнее деление учитывало не только историческую специфику, но и особенности экономики и национальный состав губерний. Провинции упразднились, вводилось механическое деление на уезды с населением 20–30 тысяч человек. Основной административной единицей становилась губерния с населением 300–400 тысяч человек во главе с губернатором. При губернаторе учреждалось губернское правление, которое контролировало деятельность всех других губернских учреждений (казенной палаты, приказа общественного призрения, полиции) и подчинялось императрице и Сенату. Его власть не распространялась далее той губернии, где оно было учреждено. О самой казенной палате в Указе от 7 ноября 1775 года заявлено, что она «не что иное есть, как соединенный Департамент Камер и Ревизион-Коллегий... С такою против Камер-коллегии отменою, что Казенная палата никого не судит, но производит требования свои о делах, о которых спора быть не может... О прочих делах, кои не бесспор-

7

В манифесте пугачевские события называются «внутренним бунтом 1773–1774 годов».

8

Секвестр — запрет, устанавливаемый органами государственной власти на использование или распоряжение каким-либо имуществом.

ны... приносит свои жалобы в судебных местах чрез губернского стряпчего казенных дел». А о палатах вообще (глава XXIX второй части указа) отмечено, что «палаты ни что иное суть, как департаменты коллегий и для того кроме Императорского Величества и сената ни от кого не принимают законов и указов... 2. Власть палаты далее той губернии, где учреждены, не распространяется...» [24, т. 20, № 14392].

Судебная реформа предусматривала отделение судебной власти от административной путем создания системы судебных органов для каждого сословия. «Сие наше постановление,— говорится в преамбуле указа,— судебные места отделяет от губернских правлений, предписывает каждому месту должности и правила» [Там же, № 14392]. Для дворянства в каждой губернии учреждался верхний земский суд, а в каждом уезде — соответственно уездный суд. Нижний земский суд, нижняя и верхняя расправы — для государственных и дворцовых крестьян. Также реформа разделяла уголовное и гражданское судопроизводство. Для этого в губерниях были учреждены уголовные и гражданские палаты. Ратуши сохранялись только в посадах, в городах же были городские магистраты. При каждом городском магистрате учреждался сиротский суд. Образован был и всесословный совестный суд, который разбирал дела, связанные с колдовством, суевериями, бродяжничеством, преступлением малолетних детей.

Одновременно с ломкой областных учреждений образца 1727 года, малочисленных по штату, но гибких в управлении, и созданием новых более громоздких учреждений с большим штатом чиновников шел процесс ликвидации центральных отраслевых коллегий (Вотчинной, Мануфактур-, Коммерц-, Юстиц-коллегий). Верховная власть сохраняла за собой только полномочия, связанные с финансами, армией, флотом, внешней политикой и надзором за соблюдением законов. Берг-коллегия с канцелярией Главного правления заводов в Екатеринбурге и горными начальствами также подлежали ликвидации. Но это произошло не сразу, а после того как были разработаны инструкции-наставления для ведения дел в казенных палатах и образованы Пермское⁹ и Уфимское наместничества.

9

Указ от 27 января 1781 года предписывал образовать Пермское наместничество в октябре 1781 года.

Что же представляла собой Берг-коллегия с подведомственными ей горными начальствами на период слома (1775–1781)? Нелишне будет напомнить, что в первую очередь это была полностью независимая от уездных и губернских властей структура управления металлургической и горнодобывающей промышленностью, объединенная в силу специфики производства XVIII века понятием «горнозаводская промышленность». Более того, областные власти в горнозаводском деле продолжали играть сугубо подчиненную роль. На губернские правления возлагалась обязанность принимать заявления о находке железной, медной руды и других полезных ископаемых и пересылать их в Берг-коллегию [24, т. 9, № 7086]. Берг-коллегия, как центральный орган управления, подчинялась исключительно Правительствующему сенату и императору (императрице) и являлась высшей судебной инстанцией для нижестоящих горных учреждений — Канцелярии главного правления заводов в Екатеринбурге, а также Пермского¹⁰, Казанского¹¹, Нерчинского¹² (до 1760), Оренбургского (с 1754) и Гороблагодатского¹³ (с 1763) начальств.

В отношении Канцелярии главного правления заводов следует напомнить, что находившиеся в ее подчинении вышеназванные горные начальства были разбросаны на обширнейшей территории от Среднего Поволжья до Южной Сибири, включая территории Прикамья, Среднего и Южного Урала. По своему положению Канцелярия главного правления заводов приравнивалась к губернским канцеляриям, соотносясь с ними промемориями¹⁴, и состояла, как и все государственные учреждения тех лет, из присутствия и собственно канцелярии.

10

Пермское горное начальство в г. Кунгуре, имеющее в своем правлении находящиеся в Перми заводы // Архив ЛОИИ РАН.Ф.36.Оп.1.Д.639.Л.23 об. [5].

11

«Казанское горное начальство для управления... в Казанской губернии горными заводами, кои все учреждены по табели... 1723 г. ... 1734 г.» [Там же, л.23 об.].

12

«Нерчинское горное начальство в Даурии или Аргуне, учреждено по представлению Татищева и по определению Берг коллегии в 1722 г.» [Там же, л.24].

13

«В Кунгуртском уезде при Кушвинском железном заводе... генерал-поручику Ирману, в 1763 года марта 13 дня, инструкции» [Там же, л.24].

14

Промемория — буквально, памятная записка.

В ее штат входили: гитенфорвальтер, два маркшейдера, два шихтмейстера и механик. В подчинении канцелярии, как уже было сказано, находились: Екатеринбургская заводская контора, Екатеринбургская контора судных и земских дел, Казначейская контора (для ревизии счетов), Контора денежного дела, Контора ротных дел, полиция, Контора Чусовских казенных пристаней, таможня. Канцелярия главного правления заводов имела также свою лабораторию, библиотеку и архив. Все эти конторы и повывтия возглавлялись управителями и повывчиками, причем их штат, за исключением «Ревизии... заводских счетов», был на удивление невелик (от двух до шести человек) [26]. Подотчетные ей горные начальства, включая Оренбургское, находившееся в Уфе, имели аналогичную структуру, но с еще меньшим числом горных чиновников. Подобная же картина с уменьшением штата наблюдалась и в конторах как казенных заводов Среднего Урала, так и частных металлургических заводов Южного Урала. К примеру, штат конторы Верх-Исетского завода в 1758 году состоял из управителя, двух унтер-шихтмейстеров, канцеляриста, подканцеляриста, четырех копиистов, писаря, двух целовальников и сторожа [4, л. 135; 32]. Для сравнения: Исетское провинциальное правление во главе с воеводой в 1744 году состояло из секретаря, переводчика, двух канцеляристов, двух подканцеляристов, четырех копиистов и двух сторожей.

По своей структуре заводские конторы, как казенные, так и частные (партикулярные), повторяли устройство вышестоящих горных начальств, так как и тем и другим приходилось решать специфические вопросы, связанные с горнозаводским производством и не менее специфической его отчетностью. В связи с этой спецификой горнозаводского производства важно подчеркнуть, что из всех государственных учреждений России XVIII века только государственная Берг-коллегия с ее горными начальствами обладала штатом квалифицированных горных офицеров. Этот штат государственных горных служащих, причем весьма малочисленный по сравнению с другими чиновниками гражданской и военной службы России, выполнял чрезвычайно важную функцию в государстве. Он занимался поиском полезных ископаемых, совершал горные и лесные отводы в местах строительства металлургических заводов, обеспечивал их рабочей силой, контролировал покупку и перевод к заводам крепостных, приписку

государственных крестьян. Опираясь на российское горное право, ограждал частных горнопромышленников, вкладывавших свои капиталы в развитие черной и цветной металлургии, от произвола государственных чиновников всех уровней и в первую очередь от губернских и уездных властей. И самое главное, квалифицированно разрешал все спорные вопросы, возникавшие в процессе строительства и работы заводов как между промышленниками, так и между промышленниками и собственниками земли. Справедливое разрешение земельных споров особенно актуально было для Оренбургской губернии, где владельцами земли являлись родоплеменные союзы башкир. И здесь роль горных офицеров и служащих Оренбургского горного начальства была просто неоценима. Так как именно они, владея специальными знаниями, совершали горные и лесные отводы башкирских земель к металлургическим заводам, причем опираясь на букву и дух горного права тех лет. Так кому, как не им и было разрешать возникавшие споры? Что собственно и происходило в период с 1744 по 1776 год в Оренбургской губернии (на Южном Урале). Причем Берг-коллегия, являясь высшей апелляционной инстанцией по горнозаводским делам, неизменно выполняла функцию беспристрастного судьи между истцом и ответчиком, вне зависимости от их происхождения, звания и служебного положения. Но, это важно особо подчеркнуть, все вышесказанное относится исключительно к периоду 1744–1776 годов, когда на территории Оренбургской губернии действовали Берг-привилегия и Берг-регламент.

Структура губернских казенных палат и подробные инструкции по ведению дел в них были утверждены Указом от 24 марта 1781 года «Об утверждении наставления для производства дел в Казенных палатах». Все без исключения казенные палаты в губерниях разделялись на семь экспедиций: «1. Экономии; 2. Таможенных дел; 3. Горных дел; 4. Соляных дел; 5. Ревизии книг; 6. Губернского казначея; 7. Дела по мостам и перевозам» [24, т. 21, № 15141].

Экспедиция горных дел, как следует из указа, занимала третье по значению место в иерархии областного управления. Ей передавались: «...все заводы, как казенные, так и партикулярные той губернии, какого бы рода они ни были». «Главное ее попечение,— говорится в пятом отделе наставлений,— дабы со всех заводов... положенные в казну доходы

всегда исправно доходили». Экспедиция в лице ее советника обязана была: «Наблюдать, дабы на заводах, как казенных, так и партикулярных, леса порядочно употребляемы были и понапрасну не истреблялись...». Также Экспедиции горных дел предписывалось поощрять рудоискателей к открытию приисков полезных ископаемых, «пещись о доставлении... с казенных заводов металлов или вещей, куда, что определено», контролировать их финансовые расходы и отчитываться в этом перед вышестоящим начальством [24, т. 21, № 15141]. Следует отметить, что конкретными из всех предписаний являлись лишь два: «1. О передаче Горной экспедиции всех заводов губернии; 2. Сбор с них в казну необходимых доходов». Все остальные положения носили достаточно неопределенный характер. К примеру, в наставлениях говорится, что «...буде усмотрит (советник), что заводы не с такою силою производятся, то представлять Казенной палате с примечаниями, какие в том меры приняты, быть должны» [Там же]. В связи с чем возникает как минимум два вопроса: почему специализированная в горном деле экспедиция сама не могла распорядиться, чтобы исправить выявленные недостатки? и почему именно Казенная палата, не искушенная в горном деле, должна была принимать окончательное решение?

Как бы там ни было, но после того как эти наставления получили силу закона, в октябре 1781 года было образовано Пермское наместничество. В его состав вошла территория упраздненной Пермской провинции Казанской губернии, часть Тобольской провинции Сибирской губернии и северные районы Уфимской и Исетской провинций Оренбургской губернии. Они и образовали две области — Пермскую и Екатеринбургскую — с разделением на уезды.

А 23 декабря 1781 года вышел указ «Об учреждении Уфимского наместничества из двух областей, Уфимской и Оренбургской, и о разделении оных на уезды». Официальное открытие Уфимского наместничества состоялось в апреле 1782 года. В Уфимскую область вошли Уфимский, Бирский, Мензелинский, Бугульминский, Бугурусланский, Белебеевский, Стерлитамакский и Челябинский уезды. В составе Оренбургской области оказались Оренбургский, Верхнеуральский, Бузулукский и Сергиевский уезды.

Отмена горной свободы (1782)

Завершающим череду запрещающих указов 1760–1776 годов (но не самым последним) стал манифест Екатерины II от 28 июня 1782 года «О распространении права собственности владельцев на все произведения земли на поверхности и в недрах ее содержащиеся» [24, т. 21, № 15447]. По поводу запрещающих указов необходимо уточнить, что все они касались в первую очередь основополагающих актов горной свободы — Берг-привилегии и Берг-регламента. В преамбуле манифеста о праве полной собственности говорилось, что он принят исключительно для того, чтобы «ознаменить 20-летие царствования... выгодами подданным нашим в рудокопных их промыслах». Там же подчеркивалось, что правительство не могло раньше предоставить подданным право полной свободы «по состоянию тогдашнему управлению в губерниях и областях, изобилующих богатствами в земле сокровенными».

В первом пункте манифеста провозглашалось право собственности каждого владельца поверхности земли на ее недра¹⁵. В третьем пункте предписывалось, чтобы все горные работы на частных землях совершались только с согласия собственника земли. Пункты 13 и 14 манифеста подтверждали действие Указа от 13 июля 1776 года. «Запрещается инако основать заводы,— говорилось в 13-м пункте,— как или на собственной земле или по добровольному условию с другим¹⁶, следовательно, никто не должен требовать для того больше земли, нежели он име-

15

«Если вы представите землевладельцам разработку рудников, то тем самым провозгласите полный упадок горной промышленности,— говорил докладчик Д'Эперси, обращаясь к депутатам французского собрания,— предприятия обширных размеров стали бы невозможными, металлы поднялись бы в цене, мануфактуры уменьшили бы свою производительность, наша промышленная деятельность погибла бы, наши деньги перешли бы за границу, и мы убедились бы слишком поздно в сделанной непоправимой ошибке. Все люди имеют на полезные ископаемые одинаковые права! Они могут принадлежать только всем, и нация имеет право ими распорядиться, регулировать их употребление... просвещеннее, нежели частный интерес, она будет направлять пользование ими к общему благу. Сохраните за нею это право — и вы дадите твердое основание благосостоянию частному, как и общественному» [28].

16

«...Разработка в обширных размерах ископаемых не сильна одному человеку, а если она производится в компании с кем-либо, то требует полного согласия, которое возможно только тогда, когда недра принадлежат государству...» [28].

ет» [24, т. 21, № 15447]. Следующий, 14-й пункт запрещал требование отвода казенных лесов. Каждый, по мнению законодателей, должен был пользоваться своими собственными или по договору отведенными лесами. Другими словами, манифест накладывал вето на башкирские земли.

В 16-м пункте предписывалось: «...чтоб Казенные палаты и прочия места и начальства в управление и распоряжение заводов и промыслов частных людей не вступались». Семнадцатый, заключительный пункт манифеста объявлял, что «все противные выше означенным статьям прежние установления сим отменяются» [24, т. 21, № 15447].

Таким образом, Указ от 13 июля 1776 года был подтвержден манифестом от 28 июня 1782 года о полном праве собственности на землю и ее недра, так как он не был противен вышеозначенным статьям, а Берг-коллегия с ее горными начальствами, как

специализированный и профессиональный орган управления горной частью, в силу того что она противоречила означенным статьям, упразднена. С выходом манифеста от 28 июня 1782 года казенные палаты Уфимского и Пермского наместничеств стали полноправными управителями казенных, при показном невмешательстве в дела, частных заводов.

«При открытии Уфимской казенной палаты в ее заведывание поступило заводов,— говорится в одном из «Обзрений Уфимского наместничества за 1787 г.»— из числа разоренных — 1 — Вознесенский медеплавильный казенный завод, партикулярных доменных железных — 12, медеплавильных — 18. В том числе не действующих доменных заводов — 1, медеплавильных — 3» [2, л. 448]. Таким образом, «Обозрение... за 1787 г.» подтверждает, что все действующие на тот момент в наместничестве металлургические заводы принадлежали исключительно

Ведомость (1783-1785) о состоящих в Уфимском наместничестве партикулярных медеплавильных, железоделательных, сколько и какого при них именно выплавляется металла, делается железо и прочего (25)

Таблица 5

№	При чьих и каких именно заводах в прошлых 1783, 1784, 1785 гг. выплавлялись металлы	Сколько состоит медеплавильных печей	Сколько выплавляется меди (в пудах и фунтах, золотники упускаются)	Сколько с меди берется десятины	За взятием десятины поставляется половинной части на денежный передел по 5 руб. 50 коп.	Остается заводам на вольную продажу	При них купленных крестьян, из них в мастерствах	Приписанных государственных крестьян
1	Благовещенском 1783 г. Хлебникова	8	9805 п. 17 ф.	980 п. 21 ф.	4412 п. 17 ф.	4412 п. 17 ф.	572	Нет
	1784 г.		8365 п. 25 ф.	836 п. 22 ф.	3764 п. 21 ф.	3764 п. 21 ф.		
	1785 г.		7722 п. 12 ф.	779 п. 9 ф.	3475 п. 1 ф.	3475 п. 1 ф.		
2	Каноникольском 1783 г. капитана Мосолова	6	1763 п.	176 п. 12 ф.	793 п. 14 ф.	793 п. 14 ф.	417	Нет
	1784 г.		4000 п.	400 п.	1800 п.	1800 п.		
	1785 г.		4320 п.	432 п.	1944 п.	1944 п.		
3	Воскресенском 1783 г. Пашковой	7	9092 п. 30 ф.	909 п. 11 ф.	4091 п. 29 ф.	4091 п. 29 ф.	При четырех заводах крестьян показано вообще мастеровых	Не помнящих родства, отданных по указу Сената 86
	1784 г.		13774 п. 19 ф.	1377 п. 17 ф.	6198 п. 20 ф.	6198 п. 20 ф.		
	1785 г.		10537 п.	1053 п. 28 ф.	4741 п. 26 ф.	4741 п. 26 ф.		

№	При чьих и каких именно заводах в прошлых 1783, 1784, 1785 гг. выплавливались металлы	Сколько состоит медеплавильных печей	Сколько выплавлялось меди (в пудах и фунтах, золотники упускаются)	Сколько с меди берется десятины	За взятием десятины поставляется половинной части на денежный передел по 5 руб. 50 коп.	Остается заводам на вольную продажу	При них купленных крестьян, из них в них в мастерствах	Приписных государственных крестьян
4	Верхоторском 1783 г. Дурасовой	3	3409 п. 16 ф.	340 п. 37 ф.	1534 п. 9 ф.	1534 п. 9 ф.	и рабочих 3649 душ	
	1784 г.		5893 п. 9 ф.	589 п. 12 ф.	2651 п. 38 ф.	2651 п. 38 ф.		
	1785 г.							
5	Богоявленском 1783 г. полковницы Бекетовой	8	9990 п.	999 п.	4495 п. 20 ф.	4495 п. 20 ф.		
	1784 г.		8848 п. 23 ф.	884 п. 34 ф.	3981 п. 34 ф.	3981 п. 34 ф.		
	1785 г.		12185 п.	1218 п. 20 ф.	5483 п. 10 ф.	5483 п. 10 ф.		
6	Архангельском 1783 г. статской советницы Бекетовой	4	7059 п. 15 ф.	705 п. 37 ф.	3176 п. 28 ф.	3176 п. 28 ф.		
	1784 г.		7733 п. 14 ф.	773 п. 13 ф.	3480 п.	3480 п.		
	1785 г.		6917 п. 37 ф.	691 п. 31 ф.	3113 п. 2 ф.	3113 п. 2 ф.		
7	Преображенском 1783г. заводчика Красильникова	6	6888 п. 30 ф.	688 п. 35 ф.	3099 п. 37 ф.	3099 п. 37 ф.	510	Нет
	1784 г.		6580 п. 20 ф.	658 п. 2 ф.	2961 п. 9 ф.	2961 п. 9 ф.		
8	Миасском 1783 г. заводчика Лугинина	8	3736 п. 2 ф.	От платежа десятины уволен в 1777 года на 10 лет.	1681 п. 8 ф.	1681 п. 8 ф.	409	Нет
	1784 г.		4064 п. 5 ф.		1828 п. 34 ф.	1828 п. 34 ф.		
	1785 г.		2929 п. 20 ф.		1318 п. 11 ф.	1318 п. 11 ф.		
9	Подполковника ОсокинаТроицком Верхнем	4	Данные этого и ниже следующих заводов за 1783 и 1785 гг. не скопированы. Показатели за 1784 года отображают производительность за 1783 и 1785 гг., так как их отличие незначительно.				249	Нет
	1784		3478 п. 11 ф.	347 п. 33 ф.	1565 п. 8 ф.	1565 п. 8 ф.		
10	Нижнетроицком 1784 г. его же	4	3499 п. 24 ф.	349 п. 39 ф.	1574 п. 37 ф.	1574 п. 37 ф.	228	Нет
11	Усень-Ивановском его же 1784 г.	8	2387 п. 18 п.	238 п. 29 ф.	1074 п. 14 ф.	1074 п. 14 ф.	272	Нет

12	Иштерьяковском 1784 г. заводчика Асафа Иноземцева	2	529 п. 15 ф.	52 п. 37 ф.	238 п. 8 ф.	238 п. 8 ф.	175	Нет
13	Архангельском 1784 г. Петра Красильникова	4	871 п. 30 ф.	87 п. 7 ф.	392 п. 11 ф.	392 п. 11 ф.	88	Нет
14	Богословском 1784 г. корнета Глазова	4	1171 п. 10 ф.	117 п. 5 ф.	527 п. 2 ф.	527 п. 2 ф.	215	Нет
15	Шильвинском 1784 г. Петра Красильникова	4	830 п. 7 ф.	83 п.	373 п. 23 ф.	373 п. 23 ф.	177	Нет

№	Выплавлялись металлы при следующих заводах	Сколько состоит при них доменных печей	Сколько выплавляется в год чугуна	Сколько с чугуна по 4 коп. с каждого пуда в сборе денег	Сколько выковывается в год железа, и какого								При них душ	
					полосного	Связного	плющильного	сортового	кровельного	укладу	стали	якорей	мастеровых	Приписных
16	Катав Ивановском статской советницы Козицкой 1783 г.	2			*	7 541 п.	-	29 613 п.	-	-	36 п.			852
	1784 г.		134468 п. 20 ф.	5 378 руб. 74 коп.										
17	Усть Катавском Козицкой, с Катав-Ивановского завода чугуна выковано железа в 1784 г.				255 п.	-	-	22 570 п.			-	126 п.		312
18	Юрюзань Ивановском майорши Дурасовой 1784 г.	2	100 162 п. 10 ф.	4 006 руб. 49 коп.		1 652 п.	2 163 п.	41 127 п.	-	-	104 п.	46 п.		374
19	Симском полковницы Бекетовой 1784 г.	2	109 049 п.	4361 руб. 96 коп.	-	-	-	16 801 п.	-	-	-	59 п.		306
20	Белорецком ассесорши Пашковой 1784 г.	2	116 677 п. 13 ф.	4 667 руб. 9 коп.	59 759 п.	-	-	24 232 п.	-	-	42 п.	53 п.		392
21	Узянском дворянина Ивана Демидова 1784 г.	2	85 957 п.	3 438 руб. 28 коп.	16 430 п.	-	-	3 233 п.						

№	Выплавлялись металлы при следующих заводах	Сколько состоит при них доменных печей	Сколько выплавляется в год чугуна	Сколько с чугуна по 4 коп. с каждого пуда в сборе денег	Сколько выковывается в год железа, и какого								При них душ		
					полосного	Связного	плющильного	сортового	кровельного	укладу	стали	якорей	мастеровых	Приписных	
22	Кагинском его же Молотовом				28 469 п.	-	-	7 859 п.				28 п.			
23	Верхне-Авзяно-Петровском его же 1784 г.	2	2 479 п.	99 руб. 16 коп.	21 297 п.							39 п.			
24	Нижне-Авзяно-Петровском его же Молотовом 1784 г.				23 310 п.										
25	Лугинина Златоустовском 1784 г.	2	212 892 п.	Уволены в 1778 года на 10 лет		*	12 324 п. 30ф.	24 561 п. 7ф.	15000 п.	14 237п.29ф.	122 п.	601 п.	1 731	69 незак. рожд.	
26	Саткинском его же Лугинина 1784 г.	1	138 160 п.	от платежа десятины	*		53 989 п.				109 п.		878		

* В оригинале документа указано количество полосного железа, но из-за сшитого переплета цифры невозможно рассмотреть.

но частным лицам. Их производительность в первой половине 1780-х годов еще была достаточно стабильной. Об этом красноречиво свидетельствует «Ведомость о состоящих в Уфимском наместничестве партикулярных медеплавильных, железных заводах...».

Все вышеприведенные показатели производительности медеплавильных, чугуноплавильных и железоделательных заводов новообразованного Уфимского наместничества первой половины 1780-х годов относятся к периоду относительно умеренного налогообложения. Когда манифестом от 17 марта 1775 года было объявлено, что «...сборы, наложенные в прошедшую войну... оные действительно отрезаем и повелеваем оных не собирать и не платить, а именно... 6. Сбор с железных заводов с каждой

домны по 100 рублей... отрезаем и повелеваем оно не собирать и не платить. 7. Сбор с медеплавильных печей с каждой по 5 рублей... отрезаем и повелеваем... не собирать и не платить. 8. Сбор с чугуна, выплавляемого с каждого пуда по 4 копейки... отрезаем и повелеваем... оно не платить. 9. Сбор с меди, выплавляемой натурою 10-й пуд, отрезаем и повелеваем... не платить» [24, т. 20, №14275]. Другими словами, налогообложение было возвращено на тот уровень, который существовал до Русско-турецкой войны 1768–1774 годов. Сказать, что это была победа горнопромышленников над теми, кто проводил антинациональную промышленную политику в России в предпугачевский период, будет в корне неверно. Скорее это была вынужденная уступка, вызванная желанием екатерининских высших

сановников как можно быстрее сокрыть ряд неблагоприятных поступков, совершенных правительством Екатерины II в период Пугачевского восстания. При этом из таблицы хорошо видно, что три завода Лариона Лугинина — Миасский, Златоустовский и Саткинский — даже были освобождены от уплаты десятины на десять лет. Если бы это была полная победа, то десятину должны были отменить всем заводам, а не только трем из них. Тем не менее данное обстоятельство позволяло заводам Южного Урала в послепугачевский период первые десять лет действовать достаточно успешно. По крайней мере ни о каких долгах и продаже заводов еще речи шло. Причем Златоустовский завод выпускал все виды железа, а некоторые из них даже в большем количестве, чем другие заводы. Так, помимо полосного железа, им в 1784 году было произведено связного — 12 324 пуда 30 фунтов, плющильного — 24 561 пуд, сортового — 15 000 пудов, кровельного железа — 14 237 пудов 29 фунтов. Сталь же на всех без исключения заводах выпускалась в незначительных количествах.

Но период относительно умеренного налогообложения частных металлургических заводов Южного Урала длился лишь с 1775 по 1794 год. И дело здесь не только и не столько в очередной Русско-турецкой войне 1787–1791 годов. Суть происшедшего заключалась в том, что правительство Екатерины II, манифестом от 28 июня 1782 года формально провозглашая невмешательство казенных палат и прочих начальств в дела и управление частными заводами, фактически продолжало политику сдерживания металлургического производства в России. Тезис, провозглашенный Шлаттером в начале 1760-х годов («Ограничить количество делаемого железа так, чтоб излишество и неумеренность оно не могли делать подрыва в ценах при продаже за море...»), оставался актуальным для Екатерины II и ее окружения и в послепугачевский период. А действовали они старым проверенным способом — повышением налогов. Только в этот раз очередным поводом для этого явилась сословная реформа 1785 года, ставшая завершающим этапом губернской реформы 1775–1785 годов и перечеркнувшая практически все начинания Петра I. С принятием двух жалованных грамот от 21 апреля 1785 года — «Грамоты на права, вольности и преимущества благородного дворянства» и «Грамоты на

права и выгоды городам Российской империи» [14, т. 22, №16187] — произошел окончательный и бесповоротный отказ от продолжения петровских реформ.

В сущности грамоты, жалованные дворянству и купечеству в 1785 году, являются двумя частями единого законодательного акта, который в первую очередь подтверждал целый ряд правительственных указов 1760–80-х годов. Так, параграф 17 раздела «О личных преимуществах дворян» подтверждал указ Петра III от 18 февраля 1762 года «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству» [24, т. 15, №11444]. Параграф 33 этого же раздела подтверждал Указ от 28 июня 1782 года, а значит, и Указ от 13 июля 1776 года. В нем однозначно было заявлено: «Подтверждается благородным право собственности, дарованное милостивым указом от 28 июня 1782 г., не только на поверхности земли... но и в недрах той земли... ему принадлежащих, на все сокровенные минералы... и на все из того делаемые металлы, в полной силе и разуме...» Здесь же подтверждался Указ от 22 сентября 1782 года¹⁷ [24, т. 21, №15518] на право собственности на леса, растущие в их дачах, и на свободное их употребление [Там же, т. 22, №16187].

В то же время в соответствии с положением «Грамоты на права и выгоды городам...» никто из купцов трех гильдий совершенно не получил никаких прав на владение даже минимальным клочком земли. Только именитым гражданам (ученым, художникам, композиторам, а также банкирам и капиталистам с определенным имущественным цензом) дозволялось иметь загородные дворы и сады [Там же, №16187. С. 381].

Таким образом, после выхода Указа от 21 апреля 1785 года дворяне, причем только потомственные, получили из рук Екатерины II исключительное право на владение землей и ее недрами в Российской империи. И это после того, как в соответствии с государственными актами горного права 1719–1782 годов той же Российской империи горнозаводчики, как дворяне, так и не имевшие дворянства, выкупили или арендовали на длительный срок у башкирских вотчинников к своим частным металлургическим заводам значительные по площади лесорудные участки! Также в соответствии с Берг-при-

17

Он отменял монополию государства 1719 года на леса.

вилегией и Берг-регламентом осуществлялись покупка, перевод крепостных и приписка государственных крестьян. Причем в этих основополагающих и связанных с ними подзаконных актах горной свободы покупка земли и лесов под строительство и действие металлургических заводов, как и обеспечение заводов рабочей силой, трактованы как полезное общенародное дело. Помимо единовременных выплат горнозаводчики продолжали платить башкирским вотчинникам и двухпроцентные деньги — природную ренту. Эти выплаты продолжались до тех пор, пока не были отменены Берг-привилегия и Берг-регламент.

Если ранее Екатерина II при принятии непопулярных мер, ведущих к искажению петровской промышленной политики, еще как-то прикрывалась именем Петра Великого или же замалчивала подлинные причины содеянных поступков, то с принятием жалованной грамоты 1785 года на петровских реформах открыто ставился большой жирный крест. Предоставив потомственному дворянству немислимые льготы в экономике и социально-политической жизни государства, Екатерина II и ее окружение обрели в его лице могущественного союзника, с которым не смог справиться император Павел I. Разумеется, вернуть Россию конца XVIII столетия в допетровскую Русь им в любом случае не удалось бы, но максимально замедлить развитие частной металлургической промышленности, злонамеренно создав неравные возможности в экономике путем избирательного повышения налогов, оказалось вполне по силам.

Повышение попудных и подоменных сборов с чугуноплавильных и медеплавильных заводов было осуществлено именованным Указом от 23 июня 1794 года, причем неравным для горнозаводчиков образом. Опираясь на положения жалованной грамоты дворянству 1785 года, его составители выделили две категории владельцев металлургических заводов. К первой было предписано отнести тех, кто построил заводы «без всякого от казны пособия», ко второй — чьи заводы «заведены частными людьми с пособием от казны». Чугуноплавильные заводы, построенные без казенного пособия, облагались дополнительным сбором в 2 копейки (всего 6 копеек). С медеплавильных заводов этой же категории предписывалось «сбирать сверх платимой ныне десятины, еще по 5 рублей». Тогда как построенные с пособием облагались двойной податью

и обязаны были платить 8 копеек с пуда чугуна и по 20 рублей со 100 пудов меди. В пятом, заключительном пункте указа предписывалось: «С оброчных домен собирать с каждой по 100 рублей, а с медеплавильных печей по 5 рублей с каждой сверх платимой ими ныне подати» [24, т.23, №17225]. Необходимо особо подчеркнуть, что в правительственных указах и заводских документах 1744–1782 годов не было определений «пособие от казны» и «без всякого от казны пособия». Роспись всех заводов Урала на эти две категории осуществили Уфимская и Пермская горные экспедиции, как было отмечено ранее, подчинявшиеся Уфимской и Пермской казенным палатам.

Таким образом, заводы Уфимского наместничества (Катав-Ивановский, Архангельский — Е. И. Козицкой; Юрюзань-Ивановский, Верхотурский — А. И. Дурасовой; Симский, Богоявленский — И. И. Бекетовой; Белорецкий, Воскресенский — Д. И. Пашковой; Златоустовский, Саткинский, Кусинский, Миасский — И. М. Лугинина¹⁸; Благовещенский — Н. П. Хлебникова; Верхнетроицкий, Нижнетроицкий, Усень-Ивановский — И. П. Осокина; Преображенский — П. М. Гусятникова; Каноникольский — М. А. Мосоловой; Иштерьяковский — Иноземцевых; Богословский — А. Г. Глазова) стали платить полуторную подать [13, с. 66]. Ранее находившийся в Оренбургской губернии Нязепетровский чугуноплавильный завод И. Я. Хлебниковой, после административно-территориального раздела 1781–1782 годов оказавшийся в Пермском наместничестве, также был причислен к этой группе заводов. Остальные заводы Уфимского наместничества — Узьанский, построенный в 1777 году вместо Кухтурского доменного завода И. Е. Демидова, Преображенский (с 1794 года — Гусятникова), Архангельский (Шаранский, закрытый в 1795 году) П. Г. Красильникова, Шильнинский (с 1797 года — А. М. Подъячева) — обязаны были платить двойную подать. Другие металлургические заводы бывшей

18

Внуки Иван, Ларион и Николай тульского промышленника Лариона Лугинина стали дворянами. В качестве доказательства принадлежности к дворянству были представлены патенты Военной коллегии от 21 апреля 1785 года на чин капитана для каждого из братьев. См.: Бочкарева Е.С. Формирование Златоустовского горного округа в период владения рода Лугининых (1769–1799гг.): дис. канд. ист. наук. Екатеринбург, 2017. С. 45.

Оренбургской губернии, но вошедшие в Пермское наместничество — Верхне- и Нижне-Кыштымский и Каслинский дворянина Н. Н. Демидова, Уфалейский (с 1792), Нижне- и Верхне-Сергиенский (с 1789), Нижне- и Верхне-Авзянский (с 1796) М. П. Губина, — также облагались двойной податью.

Примечательно, что в первой половине 1790-х годов конъюнктура на внутреннем рынке металлов складывалась в пользу владельцев частных металлургических заводов, так как при всеобщем подорожании продуктов питания и промышленных товаров в России цены на все виды металлов также держались высокими, и это при умеренном налогообложении. Казалось бы, можно порадоваться за своих подданных, но данное обстоятельство и явилось главным раздражителем для правительства Екатерины II. «...С возвышением всеобщим цен, возросли оные несравненно на железо и медь в прибыль хозяевам заводов, — говорится в преамбуле манифеста, — В сем уважении, для пособия государственным надобностям, признали... мы за благо предпринять...» И далее идет речь о повышении государственных податей с частных металлургических заводов [24, т. 23, №17225].

В сущности, с повышением в 1794 году налогов на железо и медь в металлургической промышленности Южного Урала сложилась ситуация, аналогичная той, которая уже была при возвращении к практике взимания десятины с чугуна и меди в первой половине 1760-х годов, когда высокопоставленные сановники, предвидя неминуемое прекращение получения высоких прибылей от владения металлургическими заводами, начали их продавать обратно в казну или же частным лицам. К тому же в 1790-е годы произошла не только смена ряда владельцев заводов, но и полная остановка производства Архангельского (Шаранского) медеплавильного завода П. Г. Красильникова и продажа в казну Златоустовского, Саткинского, Миасского заводов наследников Лугинина. По поводу продажи в казну лугининских заводов следует отметить, что ее подлинные причины до конца не ясны. Пока же большинство историков сходится на том, что накопившиеся долги по налоговым отчислениям и обременительные непроизводительные расходы из-за личных долгов И. М. Лугинина и стали причиной продажи предприятий.

Но помимо высоких налогов тех лет явным препятствием к свободному развитию горнозаводского

производства были большие судебные издержки. На этих издержках имеет смысл остановиться подробнее, так как они напрямую связаны с деятельностью казенных палат и теми порядками, которые возникли с их учреждением в 1781–1782 годах.

Как известно, на основании Указа от 17 июля 1762 года «О запрещении дворянину Н. Н. Демидову строить заводы на Азяше и Кеолиме» возникло судебное разбирательство, затянувшееся на сто лет. Его участниками с одной стороны стали Мосоловы — владельцы Златоустовского и Уфалейского заводов, с другой — дворянин Н. Н. Демидов. С продажей Златоустовского завода Л. И. Лугинину, а Уфалейского М. П. Губину, соответственно им и их наследникам перешло по наследству и кеолимское дело. Возможно, при сохранении Берг-коллегии и территориальной целостности Оренбургской губернии это судебное дело нашло бы свое разрешение еще при Ларионе Лугинине. Но после административно-территориального раздела и образования Уфимского и Пермского наместничеств ситуация с его разбирательством приобрела абсурдный характер. Спорный Кеолимский участок оказался на территории этих двух наместничеств. Из-за продолжающихся споров владельцы Златоустовского завода, их приказчики, служители и поверенные, в соответствии с правительственными указами, подавали свои жалобы как в Уфимское наместническое правление, так и в Екатеринбургский уездный суд. Демидовские приказчики, служители и поверенные, в свою очередь, подавали челобитные на Лугининых в Пермское наместническое правление и Троицкий нижний земский суд Уфимского наместничества. И все бы ничего, но судья уездного суда в Екатеринбурге получал богатые подарки от приказчиков Демидова, а чиновники Уфимского наместничества — еще более щедрые подношения от служителей наследников Лугинина. «По спорному же с Лугиниными делу, — говорится в коллективном письме приказчиков Демидову от 29 апреля 1795 года, — есть ли бы в Екатеринбурге по уездному суду такой траты не сделать, какова значит в Кыштымском рапорте под № 10, то воля Ваша, истинного такого Постановления нам не видать, каково Вам уже известное по объяснению прикащика Блинова сделано. Но господин Олышев, узнав после Лугининские чрезвычайные подарки, еще и тужит гораздо, что мало взял» [25, л. 53 об.].

Вообще же в горном деле Южного Урала XVIII века практика подношения подарков началась с башкирских вотчинников. В статье расходов любого металлургического завода 1740–50-х годов встречается запись: «На подарки вотчинникам». Тот же Ларион Лугинин уже в послепугачевский период истратил значительные суммы на подношения землевладельцам-башкирам, чтобы завершить начатые Мосоловыми земельные сделки с ними. С учреждением же казенных палат Уфимского и Пермского наместничеств эта практика получила всеобщий характер. Разного рода поборы губернских чиновников с частных металлургических заводов стали обычным делом. В вышеупомянутом письме Демидову его приказчики достаточно точно обрисовали сложившуюся ситуацию: «От угощений хриославщиков с товарищи, приезжающих на здешние Ваши заводы, без чего батюшка, миновать нет отнюдь средства, и тем самым портить могут большие и важные дела, держаться имеем точных слов и силы Ваших предписаний» [15, л. 53 об.].

А как же обстояли дела в самих казенных палатах двух уральских наместничеств и подотчетных им Уфимской и Пермской горных экспедициях? Вполне внятный ответ на этот вопрос есть в специальной исторической справке, подготовленной Андреем Федоровичем Дерябиным по повелению Александра I. Сама по себе справка достаточно пространна и охватывает период российской горной истории с ее возникновения до начала XIX века. Тем не менее крайне необходимым для заявленной темы является ее раздел, посвященный анализу причин плохой работы казенных уральских заводов в период правления казенных палат. Где вольно или невольно А. Ф. Дерябину пришлось коснуться темы взаимоотношений начальников и подчиненных внутри казенной палаты Пермского наместничества. А так как часть заводов

бывшей Оренбургской губернии была причислена к Пермскому наместничеству, вполне оправдано привести его рассказ и об этом органе управления уральской промышленностью. Тем более что во всех других наместничествах, включая Уфимское, все дела, включая и горные, вершились по единому для всех Генеральному регламенту, «то есть тем порядком, который в управлении горных дел столько же уместен, сколько при командовании армией против наступающего со всех сторон неприятеля», по едкому замечанию Дерябина [7, с.70].

«Историческое описание горных дел в России...» А. Ф. Дерябина примечательно еще и тем, что после его прочтения непроизвольно останавливаешь внимание на том, что оно всецело посвящено проблеме улучшения управления казенными заводами, но при этом о частных металлургических заводах не сказано ни слова. Как будто их к тому времени уже не было в России. На это обстоятельство следует обратить особое внимание, так как игнорирование частного интереса в «Историческом описании...» А. Ф. Дерябина не случайно. За более чем тридцатилетний период правления Екатерины II в металлургической промышленности Южного Урала из-за высоких налогов, понесенного колоссального материального ущерба в период Пугачевского восстания и чиновничьих поборов так и не образовались свободные промышленные капиталы, необходимые для дальнейшего расширенного капиталистического воспроизводства. Создав к концу XVIII века тяжелый налоговый навес, массу производительных расходов и административных барьеров, противники петровских реформ смогли ввести частную металлургическую промышленность Южного Урала в состояние стагнации, катастрофически замедлив тем самым общее экономическое развитие России.

Историческое описание горных дел в России... 1807 года. Дерябин А. Ф.

III эпоха

С. 22. «...С установлением Берг Коллегии издана была Берг Привилегия, которая частным людям открыла обширное поле к снисканию себе богатства и к обогащению государства земными

сокровищами. Можно сказать, что с сего только времени началось настоящее Горное право в России и действительно новая эпоха (Третья) Рудных дел». Горное право и действительно новая Третья эпоха Рудных дел закончились с отменой Берг Привилегии и Берг Регламента в 1782 г.

IV эпоха

С. 24. «...Горные дела перешли в заведывание Казенных палат и губернаторов, по губерниям. Ведомости же о металлах и отчеты поступали в экспедицию о Государственных доходах, где учреждена была особенно Горная экспедиция. С начала управления заводов Казенными палатами

началась новая IV эпоха в Заводских и Горных делах. Сколь она ни коротка была, но управление сие, как ниже будет показано, будучи ни мало не сообразно с существом дел Горных, сделало в заводах такие перемены, которые на весьма долгое время останутся печатью и памятником оною». С. 68. «...Когда Горная экс-

педия Пермской Казенной палаты получила в управление заводы [казенные] Уральского хребта, то с самого начала действие некоторых заводов уменьшилось... но после того почти все вообще заводы ее ведения весьма много упали...»

С. 69. «...Главнейшее бедствие сих заводов состояло в том, что все фабричные и другие заводские строения оставались без поправления, пришли в крайнюю ветхость. Казенная палата имела попечение о выплавке металла, но не могла иметь... попечение об устройении и поправлении фабрик, а без сего не могла быть увеличена выплавка металла. Никакого лица в упущениях таковых винить было не можно, но единственно образ правления, не соответственный существу Горных дел, был тому главною причиною. Ни генерал-губернатор, ни губернатор, ни вице-губернатор, который был ближайший хозяин заводов, не знали надлежащего

положения и обстоятельств заводских, поелику они никогда прежде... ими не занимались». «...Горная экспедиция, хотя и составлена была из советника и асессора, которым горные дела должны быть ведомы, но сии два чиновника, будучи связаны строгостью канцелярского обряда... не могли действовать надлежащим образом. Поелику хозяйственный обряд, с обрядом канцелярским и с голосами и мнениями многих судящих, совсем неместен...»

С. 71. «...Ежели вице-губернатор и советник Горной экспедиции были люди... знающие свое дело, то и они не могли столько делать в пользу заводов... ибо они лицами своими не могли мешаться в Горные дела в надлежащей степени, и не имели распорядитель-

Неправда, лицо известно! Во всех учебниках по истории России XVIII века можно прочитать, кто именно инициировал, асписывал, претворял в жизнь губернскую реформу 1775–1785 годов. А потом в письмах сие лицо хвалилось перед вольнодумцами Запада!

ной и хозяйственной власти собственно от своего лица, а должны были все делать через Казенную палату и Горную экспедицию, следовательно, определениями и протоколами по Генеральному регламенту, в которых часто могли случаться противоречия членов, останавливающие течение дел в совершенный вред заводам...»

С. 72. «...В числе бедственных важнейших причин упадка заводов было и то, что тотчас по открытии Губерний все лучшие, а потом и самые последние горные офицеры, выключая малое число, оставили горную службу и определились к статским делам по губернии... Притом, сия служба... вдруг осталась без всякого уважения... даже самой мундир уничтожился... Горные офицеры имели новый повод оставить службу, которая сопряжена с большими трудностями, [была] подвержена многим отчетам и при всем том, лишилась уважения...»

С. 73. «...Иногда же Горная экспедиция Казенной палаты, как будто желая того, чтоб занимали места управительские... люди без знаний, без воспитания, без опытности, но более всего без голоса, поелику не имели офицерских чинов. Таковым управителям подчинена была большая часть самых важнейших заводов. Сии заводские управители, не имевшие... весу по своим знаниям, а еще меньше по своим чинам... Они принуждены были просить разрешения во всяком малом случае от Казенной палаты...

Иногда же, палата давала такие решения, от которых заводы чрезвычайно много терпели».

С. 74. «...Существующая школа при Канцелярии главного заводов правления, которая, при всем несовершенстве, дала столь многих горных чиновников для всех сибирских заводов, была уничтожена... Сии обстоятельства довели многие [казенные] заводы до крайнего разрушения...» [7].

Список источников и литературы

1. Архив Каслинского историко-художественного музея. Ф. 1. Д. 1.
2. Архив ЛОИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 488.
3. ГАСО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 23.
4. ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 493.
5. ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 411.
6. Гвоздиков И. М. Салават Юлаев. Уфа, 1982.
7. Дерябин А. Ф. Историческое описание горных дел в России // Высочайше утвержденные доклады и другие сведения о новом образовании Горного начальства и управления горных заводов : в 2 ч. Ч. 1. СПб., 1807.
8. Дмитриев-Мамонов А. И. Пугачевщина в Сибири. М., 1898.
9. Кашинцев Д. История металлургии Урала. М., 1939.
10. Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 4, ч. 2. М., 1956.
11. Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 5. М., 1960.
12. Мукомолов А. Ф. На Южноуральских заводах. М., 2001.
13. Неклюдов Е. Г. Уральские заводчики в первой половине XIX века: владельцы и владения. Нижний Тагил, 2004.
14. ОГАЧО. Ф. И-170. Оп. 1. Д. 1.
15. ОГАЧО. Ф. И-172. Оп. 1. Д. 90.
16. ОГАЧО. Ф. И-172. Оп. 1. Д. 436.
17. ОГАЧО. Ф. И-227. Оп. 1. Д. 3.
18. ОГАЧО. Ф. И-227. Оп. 1. Д. 10.
19. ОГАЧО. Ф. И-227. Оп. 1. Д. 27.
20. ОГАЧО. Ф. И-227. Оп. 1. Д. 72.
21. ОГАЧО. Ф. И-227. Оп. 1. Д. 87.
22. ОГАЧО. Ф. И-227. Оп. 1. Д. 93.
23. Отчет Уральской экспедиции для исследования хозяйства казенных горных заводов : в 2 ч. Ч. 1. СПб., 1888.
24. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830.
25. Разные сведения о плавильных заводах в России XVIII в. // Архив ЛОИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 640.
26. Тулисов Е. С. История управления горнозаводской промышленностью Урала на рубеже XVIII и XIX вв.. Екатеринбург, 1999.
27. ЦГИА ЭССР. Ф. 29. Оп. 1. Д. 42.
28. Штоф А. Сравнительный очерк горного законодательства в России и Западной Европе. Ч. 1. СПб. : Тип. М. Стасюлевича, 1882.

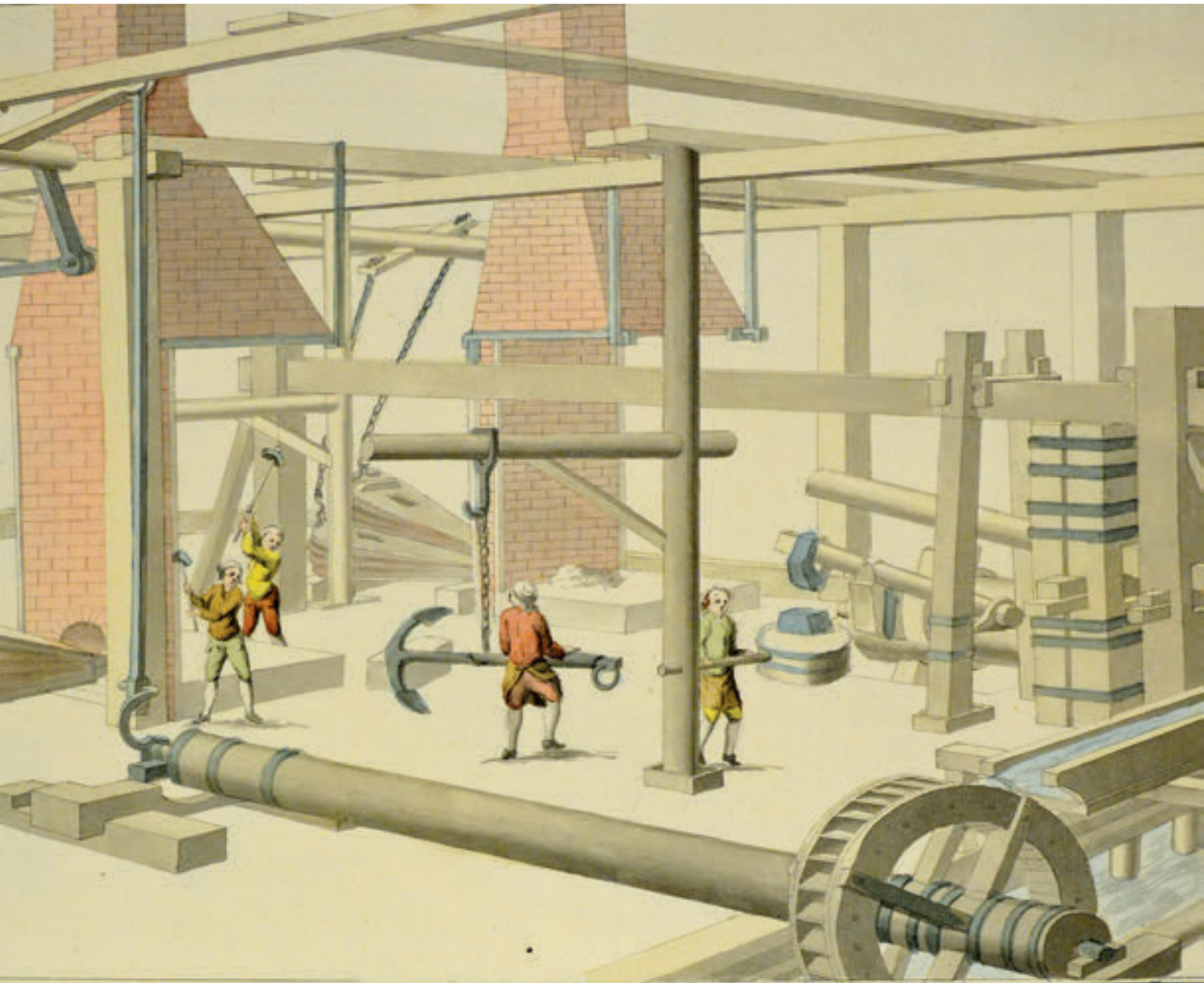
Верхний Уфалей.
Фото: С. Арканов

История Южного Урала

ЦАРСТВОВАНИЕ
ПАВЛА I
(1796 – 1801)

Глава 5. ЦАРСТВОВАНИЕ ПАВЛА I (1796 – 1801)

Противоречивая попытка восстановления горной свободы в России

Манифест о кончине императрицы Екатерины II и вступлении на российский престол императора Павла I вышел 6 ноября 1796 года. Одним из первых решений Павла I, положивших начало перечню указов, отменявших постановления его матери, стал Указ от 18 ноября 1796 года «Об оставлении, впредь до указа¹ исполнения по общему тарифу, изданному 16 сентября 1796 г.». По нему предписывалось брать пошлины с вывозимых и ввозимых товаров за границу «как до издания того тарифа было» [6, т.24, №17563].

По поводу указов, отменявших постановления Екатерины II, следует сразу сказать, что их появление было связано с той непростой социально-экономической ситуацией, которая сложилась в конце ее правления. В первую очередь это касалось расстроенных российских финансов, большого государственного долга, раздутых и чудовищно неэффективных органов как местного, так и областного управления. Особенно от дурного управления казенных палат страдала казенная металлургическая промышленность. А частные металлургические заводы были обложены высокими государственными налогами и частыми поборами чиновников тех же казенных палат. Не получила логического завершения и

¹ Новый тариф был принят Указом от 12 октября 1797 года [29, №18202]

Якорная фабрика. Де Геннин. Книга Сибирских горных заводов (рукопись). Списано с оригинала дворянину

Григорию Демидову [Часть 2. Архив ЛОИИ АН. Коллекция 115. ОП. 1. КН. 1161. Ч.2. Л. 43]

Павел I. Гравюра И. С. Клаубера по оригиналу Ж.-Л. Вуаля. 1797 год [Родина. 1993, №1, С.105]

судебная реформа. Судебная власть так и не была отделена от административной, так как губернские судебные палаты остались подотчетны губернаторам. Под размытой формулировкой о том, что губернатор «есть оберегатель законов, а не судья» [5] и была оставлена лазейка для влияния на губернских судей.

Следующим аналогичным решением стал данный Сенату именной Указ от 19 ноября 1796 года «О восстановлении Берг, Мануфактур, Коммерц Коллегий...», где, казалось бы, речь шла о восстановлении Берг-привилегии и Берг-регламента. «Возобновить бывшие пред сим Берг-Мануфактур-Коммерц-кол-

легии, — говорится в его преамбуле, — на тех самых основаниях, законах и регламентах, на коих находились они до 1775 г.». Но оговорка о сохранении действия жалованных грамот дворянству и купечеству исключала возможность полного восстановления Берг-привилегии и Берг-регламента [29, т. 24, № 17567]. Причем дальнейших указов, разъясняющих это противоречие, ни при Павле I, ни тем более при Александре I так и не последовало. Останься Павел I в живых и на императорском престоле, возможно, оно нашло бы свое решение. Тем не менее, сама Берг-коллегия была восстановлена в кратчайшие сроки. Указ о ее открытии вышел 22 декабря 1796 года [Там же, № 17678]. Подведомственны ей были Берг-контора в Москве (восстановлена 4 января 1797 года [6, т. 24, № 17711]), канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства (3 марта 1797 года [6, № 17862]), канцелярия Главного заводов правления в Екатеринбурге (13 августа 1797 года [Там же, № 18096]). Примечательно, что одновременно с восстановлением Берг-коллегии Павел I осуществил и новое административно-территориальное деление.

Восстановление Оренбургской губернии (1796–1797)

Оренбургская губерния в числе других была восстановлена именным Указом от 12 декабря 1796 года «О новом разделении Государства на губернии». Причем об ее границах в указе не сказано ни слова, только констатировано: «Повелеваем отныне состоять нижеписанным губерниям... Оренбургской, что до сего была Уфимская» [6, т. 24, № 17634]. Другими словами, Оренбургская губерния в 1796 году была восстановлена в границах бывшего Уфимского наместничества. Северо-восточные территории бывшей Оренбургской губернии 1744 года, отошедшие в 1781 году к Пермскому наместничеству, уже не были возвращены в ее состав. Таким образом, Нязепетровский чугуноплавильный завод И. Я. Хлебниковой, Верхне- и Нижне-Кыштымский, Каслинский заводы дворянина Н. Н. Демидова, Уфалейский, Нижне- и Верхне-Сергиенский заводы М. П. Губина по новому административно-территориальному делению оказались в Пермской губернии.

Всего Павлом I было образовано 34 губернии, их штаты утверждены Указом от 31 декабря 1796 года. Оренбургская губерния в списке стояла девятнадца-

той, между Киевской и Симбирской губерниями [6, т. 24, № 17702]. Согласно именному мартовскому указу от 1797 года Оренбург вновь стал губернским городом [Там же, № 17888].

1797 год²

Начало 1797 года было ознаменовано попыткой перехода к более рациональному ведению финансового хозяйства, чем при Екатерине II. Манифестом от 20 января 1797 года объявлялось «вместо существующей до сего серебряной... монеты 72 пробы, повелеть бить монету превосходнейшую... 83 $\frac{1}{3}$ пробы, содержащую в рубле... 50 штиверов³ с долями, бить червонцы 94 $\frac{2}{3}$ пробы, медные же деньги делать по-прежнему по 16 рублей из пуда». Мотивом выпуска манифеста стало стремление правительства Павла I к расширению торговли и укреплению внутреннего и внешнего доверия к российским деньгам [6, т. 24, № 17748]. Указом от 9 февраля 1797 года была открыта при Ассигнационном банке контора для покупки металлов (меди, серебра, золота), с тем чтобы наладить обмен бумажных государственных ассигнаций на монеты и оздоровить российские финансы [Там же, № 17795]. Осуществление финансовых преобразований было поручено князю Алексею Борисовичу Куракину⁴, занимавшему посты генерал-прокурора (глава Сената, осуществлявший надзор за законностью) и директора Ассигнационного банка.

Не менее обнадеживающим событием для частных горнозаводчиков стал трактат от 10 февраля

²

В 1797 году Павел I Актом от 5 апреля установил порядок престолонаследия по мужской линии (от отца к старшему сыну, от старшего к младшему сыну). Обнародовав этот документ в день своей коронации в Успенском соборе Московского кремля, Павел I подписал себе смертный приговор.

³

Штивер (стювер) — нидерландская серебряная монета низкой пробы, равная 1/20 гульдена, впоследствии медная монета. Российская серебряная монета 72-й пробы содержала 36 $\frac{1}{2}$ штивера. В октябре 1797 года серебряная монета вновь была возвращена к этому содержанию, но более высокая проба 83 $\frac{1}{3}$ была сохранена.

⁴

Старший брат Алексея Куракина — князь Александр Борисович Куракин был назначен в 1796 году Павлом I вице-канцлером. Братья Куракины — племянники графа Никиты Ивановича Панина, служившего при великом князе Павле Петровиче воспитателем.

1797 года, заключенный между Российской империей и Великобританией, о торговле и мореплавании. До этого действовала конвенция от 25 мая 1793 года. «Стороны согласились, чтоб сей договор, продолжался восемь лет, — говорится в статье XXVI трактата, — а по истечении сего срока, могут они между собою согласиться о возобновлении и продолжении оногo» [6, т. 24, №17796]. Английский рынок металла продолжал оставаться главным для сбыта качественного уральского железа. Иными словами, начало правления Павла I, несмотря на имеющиеся противоречия в законодательстве, все-таки давало надежду на лучшее будущее экономического развития России.

В апреле 1797 года Павел I утвердил проект монетного двора при Ассигнационном банке в Петербурге. Причем деньги на его строительство были выделены из финансовых средств, ранее предназначавшихся на закупку металлов (меди, серебра, золота). А они, в свою очередь, были взяты из прибыли, поступавшей от «Банковых заводов» [6, т. 2 4, №17932].

В 1791 году Ассигнационный банк выкупил у наследников М. М. Походяшина Петропавловский и Богословский медеплавильные и Николае-Павдинский чугуноплавильный заводы. Они-то и получили для краткости название «Банковые заводы». А в 1797 году в российском правительстве всерьез рассматривался вопрос о покупке «Особой экспедицией Ассигнационного банка по его хозяйственным оборотам» металлургических заводов наследника Лариона Лугинина. С 12 января 1797 года единоличным владельцем Златоустовского, Саткинского, Кузинского чугуноплавильных, Артинского железоделательного и Миасского медеплавильного заводов являлся Иван Максимович Лугинин [3, с.109]. В это же время и началась борьба за его заводы между Ассигнационным банком и московским купцом первой гильдии Андреем Андреевичем Кнауфом. Пока в правительстве Павла I принимали окончательное решение о покупке, Кнауф предложил И. М. Лугину за пять заводов 1,8 миллиона рублей. Сделка была заключена 26 ноября 1797 года. Оговоренную сумму А. А. Кнауф должен был выплачивать частями в течение десяти лет [Там же, с. 110].

В продолжение темы уместно будет сказать, что вопреки всему в Сенате было принято решение забрать заводы в управление Берг-коллегии, а с Кнауфом «учинить надлежащий расчет». 22 июня 1799 года Златоустовские заводы были выкуплены Ассигна-

ционным банком [Там же, с.113]. Но находились они в государственном управлении недолго. Кнауф настоял на своем, доказав правительству и Павлу I неэффективность казенного содержания заводов, и именным указом от 30 сентября 1800 года «Лугининские рудокопные заводы», за исключением Миасского, были отданы (проданы) ему «в вечное содержание» [6, т. 26, №19583]. Тем не менее в 1811 году заводы Кнауфа вновь были отняты в казну, теперь уже правительством Александра I. Произошло это в период действия континентальной системы, причем осуществлено самым бесчестным образом.

Возвращаясь к теме финансовых преобразований, проводимых Павлом I, необходимо назвать его манифест от 3 октября 1797 года, подтвердивший производство серебряной монеты пробы $83 \frac{1}{3}$, полагая в рубле внутреннего достоинства по $36 \frac{1}{2}$ штиверов. То есть указ повелевал делать из фунта лигатурного серебра по 19 рублей 75 копеек с долями. Из этого же соотношения предписывалось бить и мелкие серебряные деньги — полтины, полуполтинники, гривенники и пятикопеечники. И это вместо 50 штиверов с долями, как предписывалось Указом от 20 января 1797 года, при сохранении производства золотой монеты пробы $94 \frac{2}{3}$ и медной монеты по 16 рублей из пуда [6, т. 24, №18178].

Именной Указ от 3 октября 1797 года «Об уменьшении податей с партикулярных медных заводов...» полностью «милостивым» назвать нельзя, так как он уменьшал государственные подати лишь с медеплавильных заводов. Уменьшая себестоимость производства меди, он мог способствовать увеличению получаемой прибыли от медеплавильного производства. При повышении же закупочной цены меди с 5 рублей 50 копеек до 7 рублей за пуд ее обязательная сдача в казну становилась привлекательнее для частных горнозаводчиков. «1. Вместо положенных по указу от 23 июня 1794 г. ... в казну нашу по 15-ти на 100 с выплавляемой меди, — говорится там, — брать по прежнему с них только десятину⁵. 2. С тех медных заводов, которые имеют приписных к ним казенных крестьян, вместо... двойной десятины, собирать только по 15-ти на 100. 3. За половинную часть выплавляемой меди... платить впредь по 7 рублей за пуд» [6, т.24, №18179].

5

Другими словами, вместо 15 рублей со ста пудов меди брать только 10 рублей.

Следует обратить внимание на весьма важный аспект Указа от 3 октября 1797 года, который не сразу бросается в глаза. В отличие от Указа от 23 июня 1794 года в нем нет даже упоминания о так называемых «пособиях от казны» или еще более витиеватого понятия «посессия», как не было их и в период действия горного права, основанного на статьях Берг-привилегии и Берг-регламента. Формулировка «с... медных заводов, которые имеют приписных к ним казенных крестьян... собирать только по 15-ти на 100» не является случайной. Разумеется, и здесь не обошлось без лукавства, но указ предписывал взимать повышенную полуторную подать лишь за приписку к заводам государственных крестьян! Других причин для взимания 15 рублей со ста пудов меди указ не называет. Доказательством того, что понятия «пособие от казны», «без пособия от казны», «посессия» имеют иную природу происхождения, чем статьи Берг-привилегии, служит указ Павла I от 18 октября 1797 года «О свидетельствовании казенных земель и прочих посессий к частным фабрикам и заводам приписанных». В нем генерал-прокурору только поручалось «учинить повсеместно свидетельство о казенных землях и прочих посессиях к частным фабрикам и заводам приписанных, точно ли оные употребляются для тех надобностей... для которых... приписаны» [6, т. 24, № 18211]. И совсем не факт, что при живом Павле I это свидетельство о казенных землях и прочих посессиях (владениях) стало бы основой будущего посессионного права. Интрига заключалась в том, что при безоговорочном восстановлении Берг-коллегии 1796 года на тех самых основаниях, законах и регламентах, на коих находилась она до 1775 года, жалованная грамота дворянству 1785 года со всеми привилегиями была бы автоматически отменена. В этом случае недра вновь стали бы государственной собственностью. Промышленники продолжали бы платить государству десятину, а земельные собственники получать от них природную ренту. Именно в этом случае исключались всякие причины введения неравного налогообложения. Но произошло ровно то, что произошло.

Правительство Павла I, пытаясь произвести оздоровление российских финансов, казалось бы, действовало в нужном направлении. В конце 1797 года манифестом от 18 декабря был учрежден Государственный вспомогательный банк для дворянства [6, т. 24, № 18274]. Указом от этого же 18 декаб-

ря объявлялось об открытии с 1 марта 1798 года учетных и страховой контор при Ассигнационном банке. Здесь же публиковались их уставы. В уставе учетной конторы было заявлено, что она учреждается для усиления и помощи в ремеслах и торговле «преимущественно российским купцам, заводчикам и фабрикантам, имеющим в деньгах нужду на срочное время для полезных их оборотов». «Для исполнения сих обязанностей Учетная контора делится на две части,— говорится в преамбуле устава,— первая выдает деньги свои под вексели, вторая под товары собственного российского продукта и под золото и серебро». Причем в учет принимались только те векселя, «коим сроки к платежу конечно не далее девяти месяцев» [6, т. 24, № 18275].

Луганский завод и попытка перехода на минеральное топливо

Еще одним событием во время правления Павла I, о котором крайне важно хотя бы кратко рассказать, является предыстория строительства Луганского завода. На первый взгляд, она, как и учреждение Американской торговой компании⁶, далека от истории Южного Урала. Но Луганский завод интересен тем, что он изначально задумывался как чугуноплавильный, действующий исключительно на минеральном топливе. Тема же перехода российской металлургической промышленности вообще и уральской в частности на использование каменного угля вместо древесного чрезвычайно актуальна для истории XIX века. Тем более что «кампания» по сохранению лесов началась не где-нибудь, а в Оренбургской губернии, занимавшей, как известно, всю территорию Южного Урала. Как было сказано выше, Екатерина II издала специальный Указ от 13 июля 1776 года, который якобы ради сохранения лесов запрещал строительство заводов в Оренбургской губернии. Павел I же при восшествии на престол всерьез подошел к проблеме сохранения лесов и начал активно прорабатывать вопрос применения каменного угля как в промышленности, так и для отопления городов, включая Петербург. Ключевым правительственным документом в этом от-

⁶ Именным указом Павла I от 5 августа 1797 года существующие и вновь учреждаемые Американские торговые компании переводились в ведение Коммерц-коллегии [29, т. 24, № 18076].

ношении стал доклад директора Берг-коллегии Соймонова «О достройке Луганского литейного завода в Донецком уезде», одобренный Павлом I в феврале 1797 года. Его пятый пункт гласил, что на разработку каменного угля для завода закладывалась сумма не ниже 100 000 рублей. При этом Соймонов ссылался на авторитетное мнение Гаскойна⁷. «Сего мнения нельзя, кажется отвергнуть,— говорится в докладе директора Берг-коллегии,— а по сему... не отпускать ли эту сумму Гаскойну... которая по разработке и добыче [каменного угля], поступая в продажу, без сомнения возвращаться, станет... в казну...» [6, т. 24, № 17832].

Документом Павла I, подтверждающим начало разработки минерального топлива в России, является именной Указ от 21 августа 1797 года «О разработке и введении в общее употребление земляного [бурого] угля...». В его пояснительной части говорится, что «Советником Львовым еще в 1786 г. под Боровичами⁸ и по правому берегу реки Мсты... в обильном количестве находящийся земляной уголь, по доставлении в Петербург водою, пробован был в горном училище... и в других местах. И по опыту признан годным на разное хозяйственное и заводское употребление. Такое обретение... не только послужит к соблюдению в государстве лесов, но заменить может и знатные суммы, ежегодно на иностранный уголь⁹ из государства выходящие» [6, т. 24, № 18104].

Нетрудно предположить ответную реакцию правительства Екатерины II. Положительный опыт, полученный советником Львовым, тогда не был применен на практике. О нем под разными предлогами постарались забыть на десять лет. Каменный уголь как для отопительных нужд царского двора, так и для промышленности Петербурга продолжали закупать в Англии. Поэтому именным указом Павел I и предписал: «Поручить в особое

руководство и попечение [советника] Львова, как дальнейшее... земляного угля разработывание вольными людьми, так и введение в общее употребление по всем статьям, где оный... заменить может расход лесу... а сенату повелеваем предписать, кому следует [советнику] Львову... подавать всякую законную помощь» [6, т. 24, № 18104].

Наибольшую же помощь действительному статскому советнику Николаю Александровичу Львову во всех его начинаниях оказывал сам император. Три сентябрьских именных указа 1797 года, вышедших один за другим, свидетельствуют о многом. В сущности, Павел I выступил в роли покровителя Н.А. Львова. Так, в именном Указе от 22 сентября «О разработывании земляного Боровицкого угля», адресованном Соймонову, он прямо предписывал ему: «...повелеваем вам над производством той работы иметь наблюдение, руководствуя его Львова в нужных случаях вашими наставлениями, и подавая всевозможную помощь к успеху сего полезного дела» [6, т. 24, № 18148]. Сам же советник Львов к поиску надежных залежей бурого каменного угля относился ответственно: он докладывал императору, что для определения настоящей цены как угля, так и труда работников ему необходимо исследовать угольные флещи всеми известными на тот момент способами. Также, понимая все трудности, связанные с новизной промысла угольной ломки, советник предлагал: «...отдать оный на отчет знающему делу сие и доверенность заслуживающему человеку, которому вверить или образом ссуды, или на основании банкового 20-летнего займа... и под ведомством Директора [Берг-коллегии] производить безоборочно добычу угля на казенных землях, а добровольною ценою на владельческих...» [Там же, № 18148].

Вышеприведенная дословная цитата из доклада Н. А. Львова наглядно демонстрирует и проблему, которая моментально проявилась с восстановлением Берг-коллегии на условиях 1796 года, с признанием жалованной грамоты дворянству 1785 года. Чрезвычайно важно обратить внимание на то, что Львов вынужден был делить земли на казенные, где он свободно мог добывать каменный уголь, имея разрешения от самого императора, и владельческие, где по жалованной грамоте дворянству от 1785 года они вместе с новгородским губернатором и самим императором только и могли, что просить у землевладельцев разрешения на ломку угля в их недрах! А те, в свою

⁷ Гаскойн Карл Карлович (англ. Charles Gascoigne; 1737–1806) — шотландец, приглашенный Екатериной II в 1786 году в Россию. По специальности литейщик. В России руководил строительством нескольких чугунолитейных заводов, включая Луганский.

⁸ Город Боровичи расположен на реке Мсте, в 175 километрах от Новгорода. В 1786 году в устье реки Крупы (?), притока Мсты, была пробита штольня для добычи бурого угля.

⁹ Каменный уголь доставлялся из Англии, причем английскими кораблями!

очередь, заламывали такие несусветные цены, что любая концессия на добычу угля на их землях сразу же становилась убыточной!

С гибелью Павла I советник Н. А. Львов лишился могущественного покровителя со всеми вытекающими отсюда последствиями. К тому же образовалась еще и интрига, связанная с запретом Англии отпускать в Россию своих угольных мастеров. «Англичане попытаются сбавить и цену с угля их и подтвердить запрещение выпускать угольных мастеров, — говорится в докладе Н. А. Львова, — но когда у нас будут свои, не будет нам в посторонних нужды. А привозной уголь покупать и тогда не выгодно, когда бы оной и дешевле здешнего становился, поелику деньги, остающиеся в отечестве, послужат к обогащению края и рабочих людей» [6, т. 24, №18148].

Тем не менее события сентября 1797 года развивались пока благоприятно для советника Львова и его угольного дела. Еще одним именованным Указом от 22 сентября 1797 года было разрешено отпускать ежегодно на жалованье определенным к разработке каменного угля мастерам и прочим должностным людям по 4500 рублей [Там же, № 18149]. А указ от 23 сентября того же года назначал награду тому, кто первый откроет каменный уголь [Там же, № 18152].

Для того чтобы «удобнее учредить разработку найденного в России каменного угля и поспешнее ввести оный в общее употребление», именованным Указом от 24 августа 1798 года, данным Сенату, было предписано: «...оставя до времени прочие прииски, ограничить разработку каменного угля на продовольствие только Наших столиц на коммерческом основании, поруча производство дела сего в особое... управление... советника Львова, который получа ассигнованную для сего указом... от 28 июля сумму, имеет хозяйственным... распоряжением устроить в двух по удобности выбранных им самим карьерах...» Также для удешевления добычи каменного угля четвертый пункт указа разрешал его разработку на казенных землях без платежа оброка, а на частных землях — без согласия землевладельцев [6, т. 25, № 18638].

Таким образом, в области разработки каменного угля в России действие Берг-привилегии и Берг-регламента (горной свободы) было восстановлено в полном объеме. Данное обстоятельство и позволяет предположить, что Павел I стремился и мог вернуть горную свободу в России без каких-либо усло-

вий и оговорок, но для этого он должен был как минимум остаться в живых.

Следующим именованным указом от 24 августа, данным уже Соймонову, Павел I поручал заказать на Александровском пушечном заводе две паровые машины, которые требовал советник Львов для этих двух угольных карьеров [Там же, № 18639].

В «Исторії міста Луганськ» (Украина) особо подчеркивается, что 16 октября 1800 года правлением Луганского завода¹⁰ была представлена первая продукция: «...ядро, бомба, граната, которые суть первые посредством кокса в сей империи отлитые». В связи с чем и возникают как минимум два риторических вопроса. Почему же после убийства Павла I на Луганском заводе отказались от получения чугуна путем плавки железной руды на коксе и перешли на привозной уральский чугун? И почему только через семьдесят с лишним лет разрешили, причем англичанину, построить здесь же, в Донецком уезде, чугуноплавильный завод, действующий на минеральном топливе — коксе? Тогда как плавка железной руды на коксующихся углях была освоена в Европе уже в начале XIX века!

Введение кантонного правления в 1798 году и разделение Оренбургской пограничной линии на дистанции

При восстановлении Оренбургской губернии в 1796 году Павел I, вернув из опалы генерала Отто Игельстрома¹¹, назначил его военным губернатором вновь образованной губернии. Как известно, в силу ее пограничного положения для управления еще при Екатерине II произошло разделение властей и учреждены должности военного губернатора (в его ве-

¹⁰ Правление Луганского литейного завода было открыто по сенатскому Указу от 14 августа 1798 года на основе именованного указа [29, т. 25, №18624].

¹¹

В дореволюционной историографии более известен как Осип Андреевич Игельстром (1737 – 1823 гг.). В словаре Брокгауза и Эфрона – Иосиф Игельстром, барон, затем граф, сын лифляндского дворянина. В 1784 – 1791 гг. занимал пост симбирского и уфимского генерал-губернатора. В 1794 г. – командующий русскими войсками (или некоторую часть войск) в Польше и полномочный посол Екатерины II в Варшаве. Весной 1794 г. во время польского восстания Т. Костюшко, Игельстром с большим трудом вышел из осажденной Варшавы с остатками русского гарнизона и на дальнейший ход событий уже повлиять никак не мог. За что и был отправлен в отставку

дении находились и пограничные дела) и гражданского. При вступлении в должность генерал Игельстром объявил, что командование Оренбургским казачьим войском переходит под его непосредственное начало как оренбургского военного губернатора.

Нелишне будет напомнить, что после его отправки в 1790 году в действующую армию¹² регулярные армейские войска, размещенные на Оренбургской пограничной линии, были переданы во временное ведение «правителя дел Уфимского наместничества и Уфимской губернии губернатора» генерала Александра фон Пеутлинга. Ему же были переданы дела иррегулярных Оренбургского и Башкирского войск. Управление гражданского губернатора, как известно, осуществлялось через Уфимскую казенную палату по единому для всех регламенту. Правом же исполнять решения губернского правления, казенной палаты, верхних и уездных судов обладал нижний земский суд в лице земского исправника (капитан-исправника) [1, с. 7].

По поводу размещения армейских частей в Оренбургской губернии следует особо подчеркнуть, что их значительная часть, в отличие от исетских, уфимских и самарских казаков и Башкирского войска, была расквартирована в линейных крепостях, находящихся на самой границе. Постоянным местом дислокации четырех гарнизонных батальонов пехоты являлся Оренбург. В пяти линейных крепостях — Озерной, Кизильской, Верхнеуральской (Верхнеяицкой), Звериноголовской, Троицкой, — а также Ставрополе постоянно было размещено по одному пехотному батальону. В Красногорской, Ильинской, Губерлинской, Орской, Таналыкской, Уртазымской, Магнитной, Карагайской, Петропавловской, Степной, Каракульской, Крутоярской, Усть-Уйской, Илецкой, Нижне-Озерной, Татищевой и Чернореченской крепостях находилось по одной роте пехоты. Причем распределялись они по указанным крепостям из ближайших мест постоянной дислокации батальонов. К примеру, в Крутоярской и Усть-Уйской крепостях были поселены роты Звериноголовского батальона, а в крепостях Нижнеуральской дистанции — Илецкой, Нижне-Озерной, Татищевой и Чернореченской — по одной роте из

12

В.С. Боже, ссылаясь на Н.М. Чернавского, называет дату отъезда Игельстрёма — 7 декабря 1789 года. См.: Руководители города и края // Челябинск : энциклопедия. Челябинск : Камен. пояс. С. 1095.

оренбургских батальонов. Местом расположения трех легких полевых команд стали Оренбург, Орская и Троицкая крепости. Внутри линии, помимо Ставропольского батальона, было размещено по одной роте пехоты — в Шадринске, Куртамыше, Уфе, Зелаирской и Бузулукской крепостях. В Самаре же находились две роты пехоты Ставропольского гарнизонного батальона. В трех легких полевых командах общая численность солдат составляла 1623 человека, а в десяти гарнизонных батальонах — 8040. Всего было 9663¹³ человека [4, с. 396–398].

Именным указом от 14 декабря 1784 года князю Г. А. Потемкину было предписано: «...чтоб из находящихся там гарнизонных батальонов составлены были полевые батальоны, сколько возможно по числу людей в тех гарнизонах... а из двух полевых батальонов один драгунский полк» [29, т. 22, №16111]. В дальнейшем драгунский полк общей численностью 1122 человека, получивший название «Оренбургский», был расквартирован в линейных крепостях (Верхнеозерной, Орской, Кизильской, Верхнеуральской, Троицкой) между Оренбургом и Троицком. В 1798 году Оренбургский драгунский полк был заменен двумя пятисотенными тептярскими полками, о которых будет сказано ниже.

Именным Указом от 9 января 1797 года гарнизонные батальоны были переименованы в гарнизонные полки по званиям их командиров. Из этого же указа известно, что четыре батальона, расквартированные в Оренбурге, получили название «Четырех батальонный Оренбургский полк Трейдена» [6, т. 24, № 17720]. Звериноголовский гарнизонный батальон стал называться «гарнизонным генерал-майора Ангелара полком» [8].

В начале 1797 года в подчинение оренбургского военного губернатора было переведено и Башкирское войско. Тем не менее генерал Игельстром, проведя весь 1797 год в инспекционных поездках по линейным и внутрилинейным крепостям, пришел к заключению, что одного причисления иррегулярных войск к военному ведомству недостаточно. Необходимо было сломать укрепившуюся во время

13

Данные о количестве солдат армейских частей взяты из доклада Военной коллегии 1771 года, утвержденного Екатериной II 31 августа 1771 года. Текст доклада Н. Дубровин опубликовал в приложении к первому тому своей книги «Путачев и его сообщники» (СПб., 1884). Вероятнее всего, десять гарнизонных батальонов и три легкие полевые команды оставались на границе в неизменном виде до 1784 года.

гражданского управления порочную практику отправки в летние разъезды на пограничную линию малоимущих бедных башкирских воинов и казаков. Дело в том, что богатые, зажиточные башкиры и казаки, воспользовавшись продажностью земских исправников, просто откупались от несения службы на линии. В итоге богатые становились богаче, а бедные еще беднее, так как от их длительного отсутствия их домашние хозяйства приходили в еще больший упадок. И главное, страдала сама линейная служба, так как по бедности они прибывали на линию с плохим или неисправным оружием и на мало пригодных к разъездам лошадях. Исправить сложившуюся ситуацию мог только продуманный правительственный указ. Поэтому генералом и был составлен специальный проект кантонного управления казаками, башкирами и мещеряками, получивший 10 апреля 1798 года силу закона.

«От злоупотребления при нарядах со стороны башкирских старшин и земских начальников происходит то, что высылаются по большей части бедные и неимущие, — говорится в Указе от 10 апреля 1798 года, — следственно неисправные ни оружием, ни ло-

шадьями и часто вовсе неспособные к военной службе, ибо богатые и лучшие откупаются... И от нехорошо устроенного домоводства казаков, происходит, что часто наряжается бедный и неисправный ни оружием, ни лошадью и, по несмотрению в его отсутствии за хозяйством, придет в совершенную бедность» [6, т. 25, №18477].

Для того чтобы все вышеизложенное не повторялось впредь, указ предписывал юртовым начальникам и старшинам, как башкирским, так и казачьим, чтобы все без исключения в свою очередь снаряжались на линейную службу. А также: «1. Сделать точное исчисление башкирцев, казаков и калмыков в состоянии нести службу, считая по летам от 20 до 50 лет, и разделить их по кантонам и в рассуждении нарядов наблюдать крепко, чтобы ближние кантоны отправляли службу по ближней их дистанции на линии. 2. Самую линию, в рассуждении службы по кантонам, разделить на пять дистанций: 1. От Усть-Уйской крепости до Верхнеуральской; 2. От Верхнеуральской до Орской; 3. От Орской до Оренбурга; 4. От Оренбурга до города Урала; 5. От города Урала до Гурьева».

Список именной назначаемым при расписании иррегулярных войск, отправляющих службу по Оренбургской линии на кантоны, к управлению оными кантонным начальникам и их помощникам, кои определяются только у башкирского и мещеряцкого народа

Ставропольском калмыцком	
1	Войсковой сего войска атаман, не имеющий армейского чина, Дербетев
Башкирских Пермской губернии	
1	Составленном из уездов Пермского и Осинского.
2	Из уездов Шадринского и Екатеринбургского
Оренбургской губернии	
3	Из уезда Троицкого. Кантонной начальник, юртовый старшина, не имеющий армейского чина Абдрешитов, помощник его походный старшина Заитов
4	Из уезда Челябинского. Кантонной начальник, юртовый старшина, не имеющий армейского чина Дербишев, помощник его походный старшина Кучуков
5	Из Бирского уезда. Кантонной начальник, юртовый старшина, не имеющий армейского чина Чептарзяков, помощник его юртовый старшина Хабибуллин
6	Из Верхнеуральского уезда. Кантонной начальник, юртовый старшина подпоручик Бектемиров, помощник его юртовый старшина Абдулвагапов
7	Из Уфимского уезда. Кантонной начальник, юртовый старшина, не имеющий армейского чина Якупов, помощник его походный старшина Ампрханов

8	Из Стерлитамакского уезда. Кантонной начальник, бывшего 3 Башкирского полка полковник капитан (?) Акчулпанов, помощник его юртовый старшина Муртазин
9	Из Оренбургского уезда. Кантонной начальник, юртовый старшина подпоручик Куватов, помощник его юртовый старшина Бикиняков
10	Из Бугульминского уезда. Кантонной начальник, юртовый старшина поручик Юсупов, помощник его походный старшина Мунасыпов
11	Из Мензелинского уезда. Кантонной начальник, юртовый старшина поручик Султаков, помощник его походный старшина Абзелилев
Мещерякских	
1	Из уездов Троицкого и Челябинского. Кантонной начальник, юртовый старшина, не имеющий чина Махмутов, помощник его юртовый старшина Бектемирев
2	Из уездов Бирского и Мензелинского. Кантонной начальник, юртовый старшина, поручик Максютов, помощник его юртовый старшина Мендиев
3	Из Стерлитамакского уезда. Кантонной начальник, юртовый старшина, подпоручик Султамратов, помощник его походный старшина Абдусалаямов
4	Из Уфимского уезда. Кантонной начальник, юртовый старшина, не имеющий чина Мавлютов, помощник его юртовый старшина Темирбаев
5	Из Бугульминского уезда. Во оном кантоне кантонной начальник и его помощник не назначены еще, по неизвестности о достоинстве тамошних юртовых старшин

Ведомость, показующая количество башкирского народа, обитающего в Пермской и Оренбургской губерниях и разделения оно на кантоны для отправления службы по дистанциям Оренбургской линии

Звание старшин, имеющих команды свои по душам	Число душ	Из них по удобности куда именно и по сколько выкомандировать каждого года на службу по линии	
		Крепости	Число людей
1-й. кантон Башкирский. Пермской губернии, Пермского уезда: Не имеющих у себя старшин, но управляемых, старостами, выбираемыми в селениях по очереди Осинского: Иртуганова Балгасева Аладинова Сотника Ермакова Итого: Всего:	566	1. Дистанция. Звериноголовскую На Сибирскую линию в годовую службу Итого:	265 30 295
2-й. кантон Башкирский. Шадринского (уезда) Катерметева Екатеринбургского [уезда]. Ерембетева Имашева	597 478		

Звание старшин, имеющих команды свои по душам	Число душ	Из них по удобности куда именно и по сколько выкомандировать каждого года на службу по линии					
		Крепости	Число людей				
Таликаева Шукаева Абдуллина	427 480 647	Усть-Уйскую	15				
Сотников. Кильдегулова Табыкаева Емангулова Калибетева	69 96 212 92						
Итого: Всего:	2676 3273						
Мещеряков по всей оной губернии [Пермской]: Сии мещеряки присоединены ко 2 Башкирскому кантону в рассуждении малого количества их душ	224						
3-й кантон Башкирский. Оренбургской губернии, уездов:	Число дворов			Крутоярскую Каракульскую Троицк На Сибирскую линию в годовую службу Итого:	128 128 84 100 440		
Троицкого:							
Тоймасова Тупаева Амангельдина Епарова Евалакова Кулбакова Игимухамметева Алагузина Исекеева Абдрешитова Кущекаева	311 285 238 297 277 113 143 122 183 110 91						
Итого:	2170						
4-й кантон Башкирский						В Троицк На Сибирскую линию в годовую службу Итого:	232 70 302
Челябинского:							
Яукова Султаналина Леватова Муртазина Дербишева Темирова Кармышакова Мустафина Абдрешитова Итого:	264 182 162 152 145 135 180 116 146 1482						
Итого:	1482						
5-й кантон Башкирский Бирского:		Троицк Степную	54 54				
Чептарзятова Кадыргулова Зяпгерова Юсупова	138 115 132 93						

Кулчуева	295	Петропавловскую	226
Масегутова	164		
Сейтпулова	172	Карагайскую	50
Кильметева	115		
Кутлюкова	247	На Сибирскую линию в годовую службу	10
Хабибуллина	110		
Смаилова	176		
Мустаева	217		
Муслюмова	158		
Шарыпова	112		
Юсупова	128		
Миклигулова	142		
Абдулменева	272	Итого:	394
Старшинских помощников.			
Кузикаева	113		
Куракова	134		
итого:	3033		
6-й кантон Башкирский Верхнеуральского:		2. Дистанция.	
Иджимясова	273	Верхнеуральск	200
Абдулгагапова	245	Магнитную	101
Аккучукова	168	Кизильскую	220
Абишбаева	198	На Сибирскую линию в годовую службу	130
Исятева	235		
Кунакбаева	189	Итого:	651
Ижбулдина	227		
Баязитова	180		
Яксеитова	124		
Юмалузина	70		
Аликатева	403		
Старшинского помощника			
Калмурзина	221		
Сотника Юлдатова	197		
Хорунжего Ильмяшева	172		
Писаря Муслюмова	295		
Итого:	3197		
7-й кантон Башкирский Уфимского:			
Алибаева	91	Кизильскую	50
Таирова	95	Уртазымскую	217
Абубакирова	95	Таналыкскую	204
Кусяпова	160	На Сибирскую линию в годовую службу	100
Шиганаева	86		
Туманчина	272		
Нуруешва (?)	128		
Калманкулова	97		
Мещерова	185		
Ашюнева	176		
Кармангулова	186		
Абдулхаирова	82		
Калмураива	86		
Юнусова	155		
Банирова	36		
Зиимбетева	165		
Якупова	132		

Звание старшин, имеющих команды свои по душам	Число душ	Из них по удобности куда именно и по сколько выкомандировать каждого года на службу по линии	
		Крепости	Число людей
Абдулхаирова	82		
Калмураива	86		
Юнусова	155		
Банирова	36		
Зиимбетева	165		
Якупова	132		
Москова	78		
Кулчумова	76		
Ибрашева	150		
Абдулгазина	108		
Кусякова	41		
Сарбаева	49		
Сотника Балтина	111		
Хорунжего Кулшатева (Култашева?)	15		
Итого:	2941	Итого:	571
8-й кантон Башкирский Стерлитамакского:		3. Дистанция.	
Темирбаева	210		
Каипова	235		
Муртазина	157	Орскую	384
Ибрагимова	118		
Мрадымова	180		
Абрыхманова 1	182		
Абрыхманова 2	164		
Кутлина	233		
Макшигулова	221		
Мехатрахимова	157		
Абрыхманова 3	214	Губерлинскую	198
Сайрянова	291		
Калчинаева	266		
Юмакаева	116	Ильинскую	178
Непяшева	250		
Сеитбабива	273		
Муашева	158	На Сибирскую линию в годовую службу	130
Гумерова	139		
Хасанова	211		
Бакирова	178		
Курмекеева	112		
Зиянбешева	92		
Кусякова	14		
Абдуллина	76		
Темирова	45		
Якупова	132		
Итого:	4423	Итого:	890
9-й кантон Башкирский Оренбургского:			
Кувашева	267	Ильинскую	117
Бакирова	180		
Галиева	189	Верхне-Озерную	194
Супхангулова	93		
Смакова	131	Оренбург	312
Мушаева	111		
Худайгулова	111	На Сибирскую линию в годовую службу	118
Сейткулова	152		
Султанаева	73		

Баишева Старшинского помощника Тойгунова	94 144	Итого:	741
Итого:	2614		
10-й кантон Башкирский Бугульминского:		Красногорскую	186
Юсупова	80		
Асанова	164		
Баязинова (?) Сарбаева	145 106		
Сотников:		Итого:	186
Яркеева	170		
Мухамметева Хорунжего Култашева	93 12		
Итого:	770		
11-й кантон Башкирский Мензелинского:		4. Дистанция.	
Султанова	291	Чернореченскую	130
Юзеева	189	Татищеву	160
Мосеева	175	Рассыпную	100
Амирова	153	На Сибирскую линию в годовую службу	90
Темирова	247	Итого	480
Максютова	107	Всего на Оренбургскую линию	4513
Арапшазова (?)	175	На Сибирскую линию	900
Шарыпова	242	ИТОГО:	5413
Муслюмова	141		
Имангулова	194		
Ишалина	181		
Итого:	2095		
Всего по Пермской губернии душ	7539		
Всего по Оренбургской губернии дворов	22725		

Ведомость, показывающая количество мещеряцкого народа, обитающего в Оренбургской губернии и разделения оно на кантоны для отправления службы по дистанциям Оренбургской линии

Звание старшин, имеющих команды свои по дворам	Число дворов	Из них по удобности куда именно и по сколько выкомандировать каждого года на службу по линии	
		Крепости	Число людей
1-й кантон Мещеряцкий. Оренбургской губернии, уездов Троицкого:			
Юмакаева	42	Кизильскую	117
Юсупова	82		
Итого:	124		

Звание старшин, имеющих команды свои по дворам	Число дворов	Из них по удобности куда именно и по сколько выкомандировать каждого года на службу по линии	
		Крепости	Число людей
Челябинского:			
Бектемирова	226	Итого:	117
Махмутова	25		
Апгарова	104		
Итого:	355		
Всего:	479		
2-й кантон Мещерякский			
Бирского:			
Янышева	267	Верхнеуральск	170
Максютова	188		
Мендеева	192	Магнитскую	80
Сулейманова	128		
Якупова	102	На Сибирскую линию в годовую службу	40
Аитова	75		
Шарыпова	198		
Альмаметева	8		
Итого:	1158		
Мензелинского:			
Москова	51		
Всего:	1209		
3-й кантон Мещерякский Стерлитамакского:		3. Дистанция.	
Салтамрашева	366	Орскую	186
Абдусалымова	125		
Сулейманова	136	Итого:	186
Ахмерова	136		
Мрясова	50		
Альметева	53		
Итого:	866		
4-й кантон Мещерякский Уфимского:		Верхне-Озерную	91
		Красногорскую	44
Аблеева	187	Оренбург	250
Сулейманова	188		
Калмуллина	156	На Сибирскую линию в годовую службу	60
Муслюмова	269		
Беклеева	151		
Баязитова	162		
Мавлютова	115		
Мратова	70	Итого:	445
Темирбаева	129		
Баталбая Зитова	66		
Салтемератова	144		
Киреева	68		
Альмаметева	91		
Выборного Ибрагимова	29		
Итого:	1825		

5-й кантон Мещерякский. Бугульминского:		4. Дистанция.	
Кунакбаева	125	Нижнеозерную	65
Султамратова	83		
Минкеева	6		
Киреева	61	Итого:	65
Альмаметева	48		
Итого	323	Всего на Оренбургскую линию	1003
		На Сибирскую линию	100
Всего:	4702	Итого	1103

Также указ содержал специальный «Ордер, данный башкирским и мещерякским кантонным начальникам», где однозначно повелевалось, что «командирующиеся на службу люди, наряжаемы были не иначе, как по очереди, и снабжаемы оружием, одеждою, лошадьми и съестными припасами от всего общества». Дата выступления иррегулярных войск на линию осталась прежней. Они должны были нести службу с 16 мая по 16 ноября. В отношении же судебных дел и разрешения земельных споров «Ордер...» предписывал, что «тяжбы о землях и тому подобном, принадлежат рассмотрению гражданского правительства» [6, т. 25, № 18477]. Таким образом, Указ Павла I от 10 апреля 1798 года вводил управление и военного, и гражданского ведомств над Башкирским войском.

***

В связи с тем, что по Указу от 23 марта 1797 года Оренбург стал вновь губернским городом, военный губернатор барон Игельстром с согласия гражданского губернатора тайного советника князя Баратаева подал Павлу I свои предложения об образовании в губернском городе полиции. Ввиду того что Оренбург и соответственно одноименная губерния у Павла I были на особом счету, указ «Об учреждении полиции в Оренбурге» не заставил себя долго ждать, 10 апреля 1798 года он был опубликован [6, т. 25, № 18478].

На начало 1798 года Оренбург представлял собой город-крепость с казачьим предместьем, состоящий из 1281 двора горожан и казаков, причем казачьих дворов было 437. Помимо того что Оренбург являлся линейной крепостью, здесь находилась главная перевалочная продовольственная база, снабжавшая гарнизоны других линейных крепостей. Здесь же располагались главные соляные склады. Первоначально соль привозилась из Илецкой защиты, а по-

том уже развозилась по городам губернии. «В летнее же время есть в здешнем меновом дворе мена и торг разным российским и азиатским товарам,— говорится в донесении Игельстрома,— на каковой случай стекается сюда из разных мест не малое число народа» [6, т. 25, № 18478].

Другими словами, Оренбург являлся уже тогда ключевым городом региона, и не было никакой нужды переносить ни до, ни после губернское правление в Уфу. Достаточно было оставить там горное начальство. Тем более что и степь с сопредельным казахским кочевым народом находилась рядом, через реку Урал (бывший Яик). Тогда как до Уфы вести из степи доходили с большим опозданием. А там события разворачивались не самым благоприятным образом для царского правительства. Наиболее тревожащим из них являлось народное движение, возглавляемое батырем Сырымом Датовым, начавшееся в 1778 году. После убийства хана Ишима, совершенного в марте 1797 года сторонниками батыря Сырыма, в степи, по выражению А. Ф. Рязанова, воцарилась полная анархия. Выражалась она не только в межродовых усобицах и бармте¹⁴, но и в нападении на пограничные линии и торговые караваны, следовавшие из Средней Азии к Оренбургу. В свою очередь, от нападения на пограничные линии в большей степени страдало мирное русское и инородческое население, так как сопровождалось оно похищением людей и угоном скота. Все вышесказанное и стало одной из главных причин введения в 1798 году кантонного правления, с тем чтобы усилить охрану границы и предотвратить дальнейшее разорение мирных жителей.

¹⁴

Бармта (барымта, баранта) — возвращение силой угнанного скота; набег с целью насильственного захвата чужого имущества (скота).

О тептярских полках

Указом от 18 апреля 1790 года «Об оставлении обитающих в Уфимском и Вятском Наместничествах тептерей и бобылей...» было предписано сформировать один тептярский полк. По этому поводу там было сказано следующее: «1. Оставить их в настоящих местах и в прежнем окладе по 80 копеек с каждой души, и более того с них оклада не брать и не требовать. 2. В селениях их быть им по-прежнему под ведением... сельских старшин и сотников... 3. При таковом облегчительном... состоянии, набрать из них пятисотенный казачий полк, который лошадьми и одеждою от них снабден быть, ружья и сабли из казны получают, да и впредь из них же комплектуем быть долженствует. 4. Сей полк, когда он из губернии, где они жительство имеют, выступит в поход на службу нашу, имеет получать жалованье, провиант и фураж против того, как все оное на Донское и прочия нерегулярные войска производятся... О посылке от войска Донского старшин и казаков для формирования полка указ... генералу... князю Г. А. Потемкину... дан» [6, т. 23, №1 6856]. Указом от 23 июля 1791 года было велено называть этот полк Уфимским казачьим [Там же, №16974].

Второй тептярский полк был образован на основе первого тептярского (Уфимского) казачьего полка двумя указами — от 12 июля 1798 года «О разделении Тептерского полка на два, и о наполнении оных вновь избираемыми из того же народа людьми» и от 11 октября 1798 года «О(б) учреждении полка из тептерей и бобылей для занятия Оренбургской границы. — С приложением штата» [Там же, т. 25, №18580, 18701].

Заводские дела 1798–1801 годов

Обнадеживающим событием для уральских горнозаводчиков из купеческого сословия, причем в лучших традициях петровской Берг-привилегии, стало решение Павла I отменить запрет на покупку крестьян к металлургическим заводам, введенный Екатериной II еще в 1762 году. Кстати, для большинства горнозаводчиков Южного Урала это было очень запоздалое решение. Так как за более чем тридцатилетний период владельцы частных металлургических заводов всеми правдами и неправдами, в обход запрещающего указа сумели самостоя-

тельно решить проблему нехватки рабочих рук на заводах. Тем не менее Указ от 16 марта 1798 года «О дозволении покупать к заводам и фабрикам крестьян...» имел положительное влияние в горнозаводской среде и оказал или мог оказать действительную помощь тем заводчикам — не дворянам, кто хотел или только что купил металлургический завод на Урале. Особенно обнадеживающе звучало заявление Павла I: «...признали Мы за благо... к вящему умножению в Империи Нашей всякого рода заводов и фабрик, запрещение сие отменить, и покупку к заводам и фабрикам крестьян с землею и без земли дозволить...» [6, т. 25, № 18442]. Казалось бы, вслед за заявлением об умножении заводов и фабрик должны были последовать и подтверждающие указы, направленные на преодоление административных и сословных барьеров, созданных в бытность Екатерины II — с 1762 по 1796 год. При чем у составителей именного указа было понимание, что «многие из купцов заводчики и фабриканты, желая распространить свои заводы на пользу собственную...» приносят и государственную пользу [6, т. 25, № 18442]! Оставалось лишь заявить, что подлинный государственный интерес заключается не только в получении прямой фискальной выгоды!

Но ничего подобного не произошло. В августе 1798 года вышел указ, который препятствовал умножению в России всякого рода заводов и фабрик. На основе доноса, сделанного от Адмиралтейств-коллегии, Павел I запретил отдавать в аренду частным заводчикам казенные леса и потребовал пресечь подобные злоупотребления, сберегая леса на казенные надобности. В самом доносе говорилось, что «в Вятской губернии по разным рекам растущие леса приписаны к заводам поручика Мосолова, и что за оные получается в год кортомы по 78 рублей 20 копеек, за каковую плату должно бы позволить вырубить не более 70 дерев, но напротив того опустошаются все отведенные леса, и казна чрез то теряет свою пользу и выгоду» [6, т. 25, № 18641]. А тот факт, что все металлургические заводы Казанской, Пермской, Оренбургской и Сибирской губерний работа-

15

С 1 января 1798 года по 31 декабря 1809 года российское правительство обязано было выплатить амстердамским банкирам Гоге и компании 88 300 000 голландских гульденов [6, т. 25, № 18326a].

ли на древесном угле, получаемом в результате массовой вырубке тех самых «дерев», и доносители, и сам император как будто бы забыли.

Осенний указ 1799 года «О сборе с заводчиков, сверх платимой ими подати...» расставил, что называется, все точки над «i». Правительство Павла I, воспользовавшись предоставленным правом покупать для заводов крестьян, повысило налог с частных чугуноплавильных предприятий. По указу от 27 октября горнозаводчики, имевшие от казны пособие, обязывались платить по четыре, а не имеющие пособия — по две копейки с пуда выплавляемого чугуна. В итоге для первых попудный сбор составил 12 копеек, для вторых — 8 копеек. Побудительным мотивом для повышения налогов стало следующее рассуждение директора Берг-коллегии Соймонова: «Все классы верноподданных... участвуют в пособии государственным нуждам¹⁵... Заводчики же пользуясь... дарованными им привилегиями, а особливо правом покупать к заводам крестьян, получают чрез то чрезвычайные прибитки, так что капитал, употребляемый ими на производство, приносит от 70 до 100 и более процентов. Подать же на них прежняя». И добавляет, что «уделить столь малейшую часть из столь чрезмерных прибитков... требует самая беспристрастная справедливость... казна же Вашего Величества... приобретает будет ежегодно по 180 000 рублей». Предполагаемую «прибыль» Соймонов просил у Павла I употребить «для снабжения горного училища... пособиями, для... рудоискательских издержек... для ободрения... изобретших, чтолибо к пользе горной... для пенсий состарившимся в сем многотрудном роде службы верным... слугам твоим» [6, т. 25, № 19164]. Несколько предвосхищая события, следует отметить, что львиная доля полученной «прибыли» была истрачена уже правительством Александра I, причем на что угодно, но только не на обозначенные Соймоновым благородные цели.

Противоречивость принимаемых Павлом I решений по заводским делам обозначилась и в вопросе передачи (продажи) из казны бывших Лугининских и Походяшинских металлургических заводов частным горнозаводчикам. Казалось бы, 19 мая 1800 года на Государственном совете было принято окончательное решение об отдаче Лугининских и Походяшинских рудоплавильных заводов в вечное и наследственное содержание партикулярным людям. К тому же доводы Кнауфа о неэффективности, а порой и убыточности государствен-

ного управления металлургическими заводами убедили Госсовет во главе с императором.

Тем не менее Указом от 30 сентября 1800 года проданы были московскому купцу А. Кнауфу только бывшие Лугининские чугуноплавильные и железодельные заводы [6, т. 26, № 19583]. Петропавловский, Богословский, Миасский медеплавильные и Николае-Павдинский чугуноплавильный заводы, вопреки здравому смыслу и решению Госсовета от 19 мая 1800 года, так и остались в казенном управлении.

Международные дела 1798–1801 годов

При вступлении на всероссийский престол Павлу I удалось избежать участия в первом коалиционном союзе против Франции. Тем более что из-за ряда поражений тот окончательно распался в 1797 году. Австрия, как главный противник Франции на континенте, была вынуждена подписать мирный договор с генералом Бонапартом в Кампо-Формио [7]. Тем не менее дипломатам Великобритании удалось втянуть Россию в новую — Вторую антифранцузскую коалицию. Первоначально в нее вошли Великобритания, Австрия, Турция, Неаполитанское королевство. Де-юре Россия присоединилась к новой военной коалиции после подписания 23 декабря 1798 года оборонительного договора с Турцией [6, т. 25, № 18797]. А буквально перед этим манифестом от 16 декабря Павел I объявил «О восприятии... звания Великого Магистра ордена Святого Иоанна Иерусалимского¹⁶ и о местопребывании оного ордена» [Там же, № 18782]. По настоянию союзников во главе войск антифранцузской коалиции Павел I вынужден был поставить А. В. Суворова, сказав ему перед отправкой в Вену: «Воюй, как умеешь!» Что он, собственно, и сделал, освободив от французов за весну и лето 1799 года Северную Италию и сохранив свои войска в швейцарском походе. Примечательно, что Александр Васильевич в этой последней в своей жизни военной кампании так и не встретился в бою с генералом Бонапартом. Тот еще находился в египетском походе и о потере Северной Италии узнал только осенью 1799 года.

Недружественные действия России по отношению к Французской Республике, ее подданным и со-

¹⁶ Мальтийский орден.

юзникам де-факто начались сразу после захвата Наполеоном острова Мальта, то есть в июне 1798 года. И длились они с разной степенью интенсивности до начала 1801 года, когда именным указом от 8 февраля Павел I восстановил торговые отношения с Францией [6, т. 26, № 19746].

Собственно военные действия России против Франции закончились еще раньше — в конце 1799 года, когда император Павел I, убедившись в предательстве союзников и разорвав ряд союзнических договоров, вернул экспедиционный корпус Суворова и эскадру Ушакова домой в Россию. После чего он и вступил в личную переписку с Наполеоном, ставшим, как известно, после 10 ноября 1799 года (19 брюмера) единоличным правителем Франции.

За период с июня 1798-го по 11 марта 1801 года произошло много важных событий, но главными из них, вне всяких сомнений, явились объявление Россией военного нейтралитета и разрыв торговых отношений с Великобританией. Формальным поводом для столь радикальной смены внешнеполитического курса стал захват теперь уже англичанами в сентябре 1800 года острова Мальты. Что послужило подлинной причиной такого решения, в настоящее время трудно сказать. Но то, что оно никоим образом не отвечало общенациональным интересам России, не подлежит сомнению. Серьезную угрозу это событие представляло для частной железодобывающей промышленности России в общем и для Южного Урала в частности. Дело в том, что английский рынок железа с 1740-х годов являлся главным для России. Вывоз русского железа в другие страны также производился из портов Балтийского моря. Внутренний же российский рынок не был еще столь емким, чтобы поглотить всю железную продукцию и тем самым возместить потерю иностранного рынка [2, л. 582].

Для понимания сути произошедшего необходимо назвать указы, ставшие причиной не только бурных, но и трагических событий весны 1801 года в Европе и России.

Как видно из таблицы, запрещающие указы Павла I касались не только импорта товаров из Великобритании и торговли ими в России, но и российского экспорта. В то же время, если внимательно присмотреться к датам указов, то становится понятным, что они наносили урон в первую очередь английским купцам, торговавшим в России. Так

как в этот период времени (с конца октября 1800-го по март 1801 года) ни о какой отправке российских грузов из портов Балтики и речи быть не могло. Как и ввоза английских товаров. А причина одна — отсутствие навигации: Балтийские порты замерзают в зимний период. К тому же в Указе от 11 марта 1801 года однозначно заявлено, что запрещение действительно лишь «до особого Высочайшего повеления»! Другими словами, у Павла I не было стремления навредить российским купцам и промышленникам.

В европейских международных делах начала XIX столетия Павлу I крайне важно было вынудить англичан пойти на ряд уступок, выгодных в первую очередь России. И здесь уместно напомнить содержание Конвенции о морском вооруженном нейтралитете, заключенной Россией и Пруссией 6 декабря 1800 года. Причем следует отметить, что эта конвенция была крайне непопулярна в дореволюционной историографии. По этой причине о ней мало говорилось и в советский период. В ее преамбуле было заявлено, что цель введения вооруженного нейтралитета¹⁷ — «восстановить право ходить по морю и торговать свободно и независимо от временных интересов воюющих сторон» (Великобритании и Франции). Определив содержание контрабанды (от пушек до конских седел и узд), конвенция запрещала контрабанду своим подданным в пользу какой-либо из воюющих держав. Оговариваясь при этом, чтоб «всякая другая торговля была и оставалась совершенно свободной. Всякой корабль может ходить свободно из порта в порт и у берегов воюющих народов». При этом особо подчеркивалось, что товары подданных воюющих держав свободны на нейтральных кораблях. Сами же нейтральные корабли не подлежали аресту, если офицер, командующий боевыми кораблями сопровождения торговых судов, заявлял, что «его конвой не имеет на борте... заповедного товара». Причем в третьей статье конвенции объявлялось, что одного этого заявления офицера — командира конвоя достаточно для предотвращения осмотра на его борту.

17

«Первый вооруженный нейтралитет» — союз России, Дании и Швеции 1779–1783 годов, во время войны североамериканских колоний за независимость, был направлен на защиту мореплавания нейтральных государств.

Павловские указы, запрещавшие торговлю с Великобританией и ее союзниками*

Таблица 6

№ указа	Дата выхода Указа	Название	Примечание
1800 год			
19 685	13 декабря	О запрещении привозить сталь из-за границы	Небольшой указ, который начинается с заявления: «По достаточному количеству выделяемой в России стали превосходнейшей работы...» Что уже само по себе является неправдой. Отставание России в производстве высококачественной стали обозначилось еще в 1770-е годы и с каждым годом все увеличивалось
19 697	23 декабря	О запрещении привоза из-за границы шелковых, бумажных, льняных и пеньковых материй	
1801 год			
19 747	9 февраля	О распространении на все порты запрещения на выпуск товаров из России в Пруссию	Указ разъясняет, что «...общая мера, принятая... к пресечению вывоза товаров в Англию и основанная на достоверном сведении, что Англия, по разрыве... ее торговли с Россией, расположилась вести оную чрез посредство других наций. А потому и распространяется сие запрещение повсеместно на все Балтийские и прочие порты, к... пресечению видов, англичанами принятых»
19 755	18 февраля	О запрещении российским иностранным купцам, торгующим в российских портах переводить товары на английских купцов	Указ выполнял повеление Павла I: «...дабы пенька от российских портов ни под каким видом и ни чрез какую нацию не была отпускаема в Англию... Российским купцам объявить, что ежели таковой перевод... открыт будет, то все количество сего товара будет... конфисковано в казну без всякого им платежа»
19 756	19 февраля	О конфискации графа Воронцова имения, за пребывание его в Англии	Указ выполнял повеление Павла I: «... за недоплаченные лондонскими банкирами Пителем и Броденом казне принадлежащие деньги 499 фунтов стерлингов, 14 шиллингов и 5 пенсов, конфисковать на такую сумму имения... графа Воронцова, прочее же его имение, за пребывание его в Англии взять в казенный секвестр»
19 775	11 марта	О не выпуске из Российских портов никаких российских товаров	Указ выполнял повеление Павла I: «...чтобы из Российских портов и пограничных сухопутных таможен и застав никаких российских товаров выпускаемо не было без особого Высочайшего повеления, и чтоб те семь кораблей, о выпуске коих объявлены были повеления февраля 12 и 20, удержат и не выпускать впредь до особого Высочайшего разрешения»

* Перечисленные в таблице указы вошли в 26-й том ПСЗ.

И последнее, но чрезвычайно важное заявление. Конвенция (статья 4) заверяла, что «Российский император доставит торговле и мореплаванию прусских подданных покровительство... такое же покровительство флагу прусскому изъявлено будет от военных датских и шведских кораблей... соответственно с началами вооруженного нейтралитета» [29, т. 26, № 19676]. Кстати, объединение российского, шведского и датского военных флотов в период «Первого вооруженного нейтралитета» 1779–1783 годов обеспечило безопасность мореплавания нейтральным государствам, что и стало для Павла I побудительным мотивом организации «Второго вооруженного нейтралитета» 1800–1801 годов.

Все сказанное выше было воспринято правительством Великобритании как прямая и явная угроза ее интересам в Северной Европе. Поэтому британское правительство и решило послать ранней весной 1801 года в Балтийское море свою военную эскадру. Ей была поставлена задача, до того как Балтика очистится ото льда и русская, шведская и датская эскадры смогут объединиться, разгромить их по отдельности в портах зимовки.

Во время штурма Копенгагена, предпринятого с моря англичанами под командованием адмирала Нельсона, датское правительство узнало об убийстве императора Павла I. Оно произошло в ночь с 11 на 12 марта 1801 года по старому стилю. Эта новость, стремительно облетевшая все европейские столицы, стала причиной не только скорейшего заключения перемирия между Великобританией и Данией. Она способствовала и развалу «Второго вооруженного нейтралитета». Так как последующие действия правительства Александра I уже не имели ничего общего с планами Павла I как в отношении соблюдения вооруженного нейтралитета, так и в сфере морской торговли с Великобританией.

Заключение

Итак, анализ именных указов периода 1796–1801 годов свидетельствует, что император Павел I со дня вступления на российский престол пытался восстановить экономические законы, существовавшие в России до 1775 года. Но камнем преткновения в восстановлении Берг-привилегии и Берг-регламента стала жалованная грамота дворянству 1785 года. Эта грамота, подтверждая Указ от 28 июня 1782 года о распространении права собственности дворян-землевладельцев на недра земли, препятствовала действию горной свободы на частных землях. Отменить ее Павел I или не сумел, или не успел. Поэтому Указ от 19 ноября 1796 года «О восстановлении Берг, Мануфактур, Коммерц Коллегий...» и распространил действие Берг-привилегии только на казенные земли. Так же жалованная грамота дворянству 1785 года оставляла в силе действие Указа от 13 июля 1776 года, запрещавшего строительство металлургических заводов в Оренбургской губернии (на Южном Урале). Это в свою очередь особенно болезненно сказалось на частных металлургических заводах.

В итоге частные металлургические заводы Южного Урала к началу XIX века оказались в очень непростой финансово-экономической ситуации. С одной стороны, после 1776 года из-за запрета на строительство металлургических заводов экстенсивные методы увеличения производства железа для частных горнозаводчиков стали в принципе невозможны. С другой стороны, из-за высоких налогов, понесенных материальных и финансовых затрат на восстановление заводов, сожженных башкирами в 1774 году, а также значительных непроизводительных расходов, связанных с судебными издержками и поборами губернских чиновников, образование свободных промышленных капиталов на Южном Урале так и не произошло. А они были крайне необходимы для дальнейшего расширенного воспроизводства качественного уральского железа, которое более полувека успешно продавалось на английском рынке металла, но к началу XIX века стало заметно вытесняться железом, произведенным в самой Англии. К тому же цена полосового железа с 1760-х годов возросла в России более чем в 2,6 раза, тогда как в Англии она снижалась. Это снижение стало следствием начавшегося в 1780-е годы технического переворота в английской промышленности. Его неизбежно связыва-

ют с применением паровых машин, заменой древесного угля коксом при плавке железной руды и с введением пудлингования железа [2, с. 576, 581].

Прямым следствием вышесказанного и стало все убыстряющееся технологическое отставание частных южноуральских металлургических предприятий от аналогичных заводов Англии и Швеции. Другими словами, частная металлургическая промышленность Южного Урала со своим качественным, но дорогим железом в начале XIX века стояла в шаге от полной потери богатого и очень емкого английского рынка металла.

Список литературы

1. Абрамовский А. А. Реализация на Южном Урале судебной реформы Екатерины II. Челябинский нижний земский суд // Вестн. Юж.-Урал. гос. ун-та. Сер. Социал.-гуманит. науки. 2014. Т. 14, № 2.
2. Архив РАН. Ф. 908. Оп. 1. Д. 93. Л. 582.
3. Бочкарева Е. С. Переход Златоустовских заводов в казенное владение в конце XVIII в. // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2015. №14 (369). История. Вып. 64. С. 109–115.
4. Дубровин Н. Пугачев и его сообщники. СПб., 1884.
5. Мигунова Т. Л. Административно-судебная и правовая реформы Екатерины Великой (историко-правовой аспект) : дис. ... д-ра юрид. наук. Владимир, 2008. 630 с.
6. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830.
7. Тарле Е. В. Наполеон. М., 1941.
8. Хуртина Т. П. История земли целинной. Куртамыш, 2004.

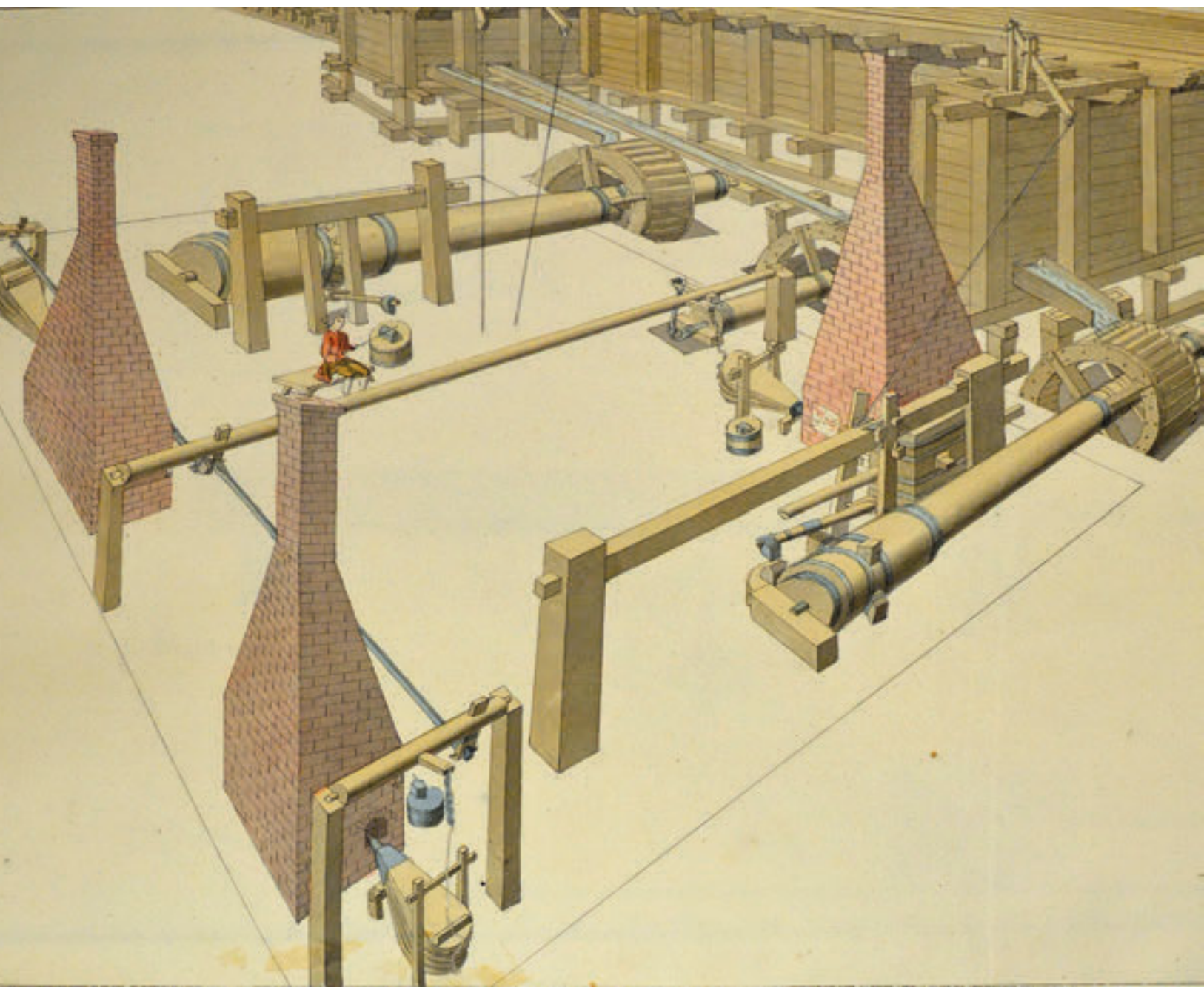
Озеро Банное.
Фото: С. Арканов

История Южного Урала

7
Том
Глава
6

ЦАРСТВОВАНИЕ
АЛЕКСАНДРА I
(1801–1825)

Глава 6. ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСАНДРА I (1801–1825)

Оренбургское казачье войско в канун Отечественной войны 1812 года

Именным Указом от 9 сентября 1801 года «О восстановлении пяти губерний и о подчинении пограничных губерний военным губернаторам» было подтверждено, что Оренбургская губерния в числе других пограничных территорий по-прежнему остается под управлением военного губернатора [16, т. 26, № 20004]. На момент выхода указа оренбургским военным губернатором был генерал-майор Н. Н. Бахметьев, заменивший в 1798 году барона О. Игельстрома.

В 1802 году в двух конных тептярских полках, сформированных из тептярей и бобылей Оренбургской и Вятской губерний, числилось 1030 человек [19, с. 62]. О тептярских полках необходимо напомнить, что первоначально Указом от 18 апреля 1790 года «Об оставлении обитающих в Уфимском и Вятском Наместничествах тептярей и бобылей...» было предписано сформировать один тептярский полк. Указом от 23 июля 1791 года велено полк этот называть Уфимским казачьим. Второй тептярский полк был образован на основе первого тептярского (Уфимского) казачьего полка уже при Павле I 1798 году. Оба полка тогда же были размещены в линейных крепостях между Оренбургом и Троицком — Верхнеозерной, Орской, Кизильской, Верхнеуральской, Троицкой.

Устройство кричной фабрики [стены только прочерчены] Де Геннин, Книга Сибирских горных заводов (рукопись). Списано с оригинала дворя-

нину Григорию Демидову. Часть 2. Архив ЛОИИ АН, коллекция 115, Оп.1. кн. 1161. Ч.2. Л. 43

Александр I. Гравюра по оригиналу Е. Лебрена. Начало XIX века [Родина. 1993, №1, С.111]

Указом от 5 марта 1802 года из-за «неудобности городу Оренбургу быть губернским городом» губернское управление было переведено в Уфу [16, т. 26, № 20170]. Заменивший генерал-майора Н. Н. Бахметьева в 1803 году на посту оренбургского военного губернатора князь Г. С. Волконский, как и его предшественник, оставил резиденцию ге-

нерал-губернаторства в Оренбурге. Он так же, как и Н. Н. Бахметьев, помимо должности военного губернатора получил в свои руки и управление гражданской частью Оренбургской губернии. В его же подчинении находились Оренбургская пограничная комиссия, с 1799 года выполнявшая функции исполнительного и распорядительного органа по управлению пограничными землями, и Оренбургская инспекция по инфантерии [12, с. 33–34]. По поводу последней необходимо пояснить, что «инспекции» были учреждены в 1796 году и имели значение что-то наподобие военных округов [Там же, с. 42]. Оренбургскую инспекцию составляли армейские части (пехота, кавалерия, гарнизоны), расположенные на Южном Урале. В ведении этой же инспекции находились и казачьи войска. По гражданской части казаки должны были подчиняться гражданскому губернатору на общем основании с прочим населением губернии. А так как оренбургский военный губернатор «заведовал» и гражданской частью Оренбургской губернии, он являлся полновластным правителем и военного, и гражданского населения этой губернии. Другими словами, в его руках была сосредоточена неограниченная власть целого пограничного региона Южного Урала с прилегающими казахскими степями, не уступающего по территории крупному европейскому государству. Причем следует помнить, что оренбургские степи являлись своеобразными воротами в Среднюю Азию, где внешнеполитические интересы России сталкивались с еще более далеко идущими интересами Великобритании. Поэтому не случайно молодой генерал-майор князь Н. Н. Бахметьев, назначенный на эту должность Павлом I, был заменен более лояльным императору Александру I князем Г. С. Волконским.

Вполне закономерным выглядит и Указ от 8 июня 1803 года, изданный на основе высочайше утвержденного доклада Военной коллегии «Об устройстве Оренбургского казачьего войска¹ и о штате онога». Его первый пункт предписывал: «Оренбургское Казацкое войско оставить по прежнему в заведывании Оренбургской Войсковой канцелярии, которую учредить во всем по образу тому, как

таковые в войсках Черноморском и Уральском, по... 25 февраля... 1802 года указу установлены. То есть, чтобы она [войсковая канцелярия.— В. С.] по делам воинским зависела от инспектора Оренбургской Инспекции, а по части гражданской, чтобы состояла в ведомстве тамошнего губернского начальства, и особенно управляющего губерниею» [16, т. 27, № 20786]. В сущности, Указ от 8 июня 1803 года преследовал ту же цель, что и Указ от 25 февраля 1802 года, где все повеления были направлены на то, чтобы «соображая... необходимую надобность в учинение твердого для внутреннего их управления постановления» [Там же, № 20156]. Иначе говоря, правительство Александра I стремилось установить полный и безоговорочный контроль над Уральским и Оренбургским казачьими войсками. Для этой цели вновь назначенный оренбургский военный губернатор князь Г. С. Волконский подходил как никто другой. Руководством для его дальнейших действий и стали утвержденные императором доклад Военной коллегии от 8 июня 1803 года и специальная инструкция, выданная Г. С. Волконскому перед отъездом из столицы. В ней вновь назначенному генерал-губернатору предписывалось: «1. Обратит внимание на... усилившиеся хищничества киргиз-кайсаков на линии и на неоднократные разграбления... караванов, проходящих по степи; 2. тщательно расследовать причины недовольства киргиз и строгими, но справедливыми мерами устранить усиление злобы и вражды; 3. исследовать, соответствует ли положение и устройство кантонов своей цели, надлежащим ли порядком отправляется служба в кантонах и нет ли каких злоупотреблений; 4. изыскать меры для усиления поселений на линии, чтобы лучше обеспечить границу, не привлекая излишнего числа регулярных войск, требующих больших издержек на продовольствие и другие служебные надобности; 5. обратить внимание на внутреннее положение губернии и пресечь злоупотребление земской полиции, не допуская недоразумений между гражданским и военным начальством; 6. возможно чаще доставлять... министрам полные и обстоятельные сведения...» [19, с. 64–65].

Как видно из содержания инструкции, перед военным губернатором князем Г. С. Волконским ставились не только внешне и внутривнутриполитические задачи — он должен был проверить на месте эффек-

1

В 1803 году в Оренбургском войске числилось 227 служащих старшин, 517 урядников, 7506 казаков, 3001 отставной, 9976 малолетних, а всего 21 227 человек [16, т. 27, № 20786].

тивность самой кантонной системы, введенной бароном О. Игельстромом при деятельном участии императора Павла I.

Особое внимание заслуживает четвертый пункт инструкции, который предписывал «изыскать меры для усиления поселений на линии, чтобы лучше обеспечить границу, не привлекая излишнего числа регулярных войск». По сути, здесь обозначается политическая линия правительства Александра I, направленная на то, чтобы охрану государственной границы со всеми ее финансовыми издержками в конечном итоге возложить на население, проживающее в линейных и внутрилинейных крепостях и поселениях при них, то есть на казаков Оренбургской губернии.

Отмена указов Павла I и подтверждение жалованной грамоты дворянству 1785 года

Манифест о кончине императора Павла I и вступлении на российский престол Александра I вышел 12 марта 1801 года. В нем торжественно объявлялось, что «Судьбам Вышнего угодно было прекратить жизнь... императора Павла Петровича, скончавшегося скоропостижно апоплексическим ударом в ночь с 11 на 12 число сего месяца» [16, т. 26, № 19779]. Тогда как в действительности всем было известно, что императора убили заговорщики, во главе которых стояли граф П. П. Пален, граф Н. П. Панин, барон Л. фон Беннигсон, князь Платон, Николай, Валерьян Зубовы и ряд высокопоставленных гвардейских офицеров. Причем сами они не только не скрывали своего участия в преступлении, но и на первых порах даже бравировали содеянным. Никто из них не понес никакого наказания.

В самом манифесте помимо объявления о смене монархов и текста присяги новому императору недвусмысленно провозглашалось, что дальнейшее управление государством будет осуществляться по законам императрицы Екатерины Великой. С тем чтобы «возвести Россию на верх славы и доставить ненарушимое блаженство всем верным подданным Нашим...» [16, т. 26, № 19779]. Вся последующая законотворческая деятельность правительства Александра I, за исключением периода континентальной системы, явное тому подтверждение. Поэтому-то со вступлением Александра I на российский престол

и началась отмена законов, принятых Павлом I. Благо, что он не успел отменить и половину того, что требовалось. Примечательно, что Александр I, возвращаясь к законам своей монаршей бабки, надеялся возвести Россию наверх славы. Тогда как Павел I, отменяя екатерининские законы, надеялся вернуть Россию на путь экономического процветания.

Как и следовало ожидать, в преддверии навигации на Балтийском море Указом от 14 марта 1801 года первыми были сняты запрещения на вывоз из России разных продуктов и товаров [16, т. 26, № 19783]. Указом от 16 марта 1801 года сняли запрещения и на ввоз в Россию иностранных товаров: фарфора, фаянса, стекла, стальных инструментов, шелковых, бумажных и полотняных материй [Там же, № 19791]. Именным указом от 24 марта того же года подтверждалась отмена запрещения на вывоз за границу хлеба и вина [Там же, № 19803]. Вне всякого сомнения, то же самое сделал бы и Павел I, с той лишь разницей, что он сперва дождался бы воссоединения русской, датской и шведской военных эскадр на Балтике, а уже потом снял бы все запреты на вывоз за границу и ввоз товаров из-за границы. В этом случае балтийские морские торговые пути перешли бы под контроль государств, присоединившихся к конвенции о морском вооруженном нейтралитете, а значит, и России. А так вся морская торговля на Балтике по-прежнему оставалась под контролем Великобритании. В качестве доказательства того, что англичане по-прежнему являлись полновластными хозяевами положения в Северном и Балтийском морях, служит факт беспрепятственного прихода английской военной эскадры к Ревельскому порту в начале мая 1801 года. И только именным Указом от 6 мая 1801 года «О снятии эмбарго с кораблей английских купцов и об освобождении имущества их от секвестра» предотвратил бомбардировку и штурм Ревеля [16, т. 26, № 19857]. Ранее Указом от 26 марта 1801 года было прекращено действие Петербургской ликвидационной конторы [Там же, № 19804], которая, как известно, была учреждена после Указа Павла I от 22 ноября 1800 года «Об остановлении платежа долгов англичанам и о секвестре английских товаров в лавках и магазинах».

Логическим завершением всей этой «эпопеи» с англичанами и стала конвенция «О взаимной дружбе», заключенная между Россией и Великобританией 5 (17) июня 1801 года в Петербурге [Там же, № 19907]. Причем на самых выгодных для Великоб-

ритании условиях. И это не удивительно, ведь уполномоченным вести переговоры с англичанами с российской стороны был назначен граф Никита Панин, один из участников заговора и убийства императора Павла I. В сущности, конвенция «О взаимной дружбе» отменяла другую конвенцию — о морском вооруженном нейтралитете от 6 декабря 1800 года. Ее четвертая статья провозглашала «право осматривания купеческих судов, принадлежащих подданным одной из договаривающихся Держав и под прикрытием военного той Державы корабля плавающих, предоставлено было единственно военным кораблям воюющей стороны... (Великобритании.— В. С.)». Под тем предлогом, чтобы воюющая держава (Великобритания) не понесла убытки от морской торговли под нейтральным флагом [16, т. 26, № 19907]. Тогда как конвенция о морском вооруженном нейтралитете 1800 года объявляла, что товары подданных воюющих держав свободны на нейтральных кораблях. Сами же нейтральные корабли не подлежат аресту, если офицер, командующий боевыми кораблями сопровождения торговых судов, заявит, что «его конвой не имеет на борте... заповедного товара». Причем в третьей статье конвенции объявлялось, что одного этого заявления офицера — командира конвоя достаточно для предотвращения осмотра корабля [Там же, № 19676].

Девятая же статья конвенции «О взаимной дружбе» недвусмысленно предписывала императору Александру I «немедленно пригласить... Короля Датского и... короля Шведского приступить к настоящей Конвенции, и в то самое время возобновить и подтвердить взаимные их по торговле договоры с... королем Британским». Также, в этой статье было прописано, что Дания и Швеция получают обратно завоеванные у них земли и области только в том случае, если эта конвенция будет ратифицирована. Ратификация была подписана Александром I 23 декабря 1801 года в Петербурге.

Таким образом, заверения Павла I о том, что российский император доставит торговле и мореплаванию прусских подданных покровительство и такое же покровительство изъявлено будет от военных датских и шведских кораблей, так и остались на бумаге. О несостоявшемся втором морском вооруженном нейтралитете в Петербурге постарались быстрее забыть, надеясь на то, что и дальше будут получать дивиденды от заморской торговли с Великобританией.

Ключевым же законодательным актом Александра I, который обрушил и без того противоречивую законодательную деятельность Павла I по восстановлению Берг-привилегии и Берг-регламента, стал манифест «О восстановлении жалованной дворянству грамоты» от 2 апреля 1801 года. «Положив во всем следовать по стезям Ея [Екатерины II],— говорится в манифесте,— и... Сами удостоверены в справедливости, святости и неприкосновенности преимуществ дворянства, Мы первою обязанностью... признали сим торжественно утвердить их, восстановить и удостоверить... и напротив отменяя, уничтожая и отлагая все, что противно оной или в ослабление ея силы... постановлено было... повелеваем всем... признавать и почитать... Наше постановление коренным и непрелагаемым законом империи...» [16, т. 26, № 19810].

С принятием манифеста 1801 года «О восстановлении жалованной Дворянству грамоты», в силу того что Берг-привилегия и Берг-регламент по своей сути были ему противны, ломка каменного угля на частных землях, только-только получившая в России полную свободу, вновь оказалась под запретом. Добывать же каменный уголь в Европейской России только на казенных землях без права доступа в частные угодья было в принципе невозможно. В итоге закрытие двух действующих в России карьеров по его добыче оказалось делом решенным, что, собственно, и произошло после выхода Указа от 31 марта 1806 года «О упразднении Правления учрежденного для Боровицкой угольной ломки...». Объявление в указе, что владельцы на своих землях могут добывать каменный уголь без дозволения Берг-коллегии, а на казенных землях — только с дозволения Берг-коллегии, не возымело никакой силы. В сущности, указ от 31 марта 1806 года вслед за манифестом от 2 апреля 1801 года повелевал: «...силою сего отменяется прежнее в 1798 года сделанное постановление, чтобы и в собственных дачах оные разрабатывать и добывать без воли и согласия владельца [земли]» [16, т. 29, № 22079].

Также после восстановления жалованной грамоты дворянству 1801 года Россия окончательно лишилась своего независимого горного законодательства. Дело в том, что горное право, основанное на законах Берг-привилегии и Берг-регламента, этой жалованной грамотой было полностью отменено, а новое еще не написано!

Вслед за жалованной грамотой дворянству была восстановлена «Грамота на права и выгоды городам Российской империи 1785 г.». Ее восстановление было осуществлено другим манифестом от 2 апреля 1801 года «О восстановлении Городового положения и грамоты, данной городам». В нем категорично было заявлено, что «Городовое положение и грамоту городам данную... всем... подданным признавать положение сие одним из главных, непреложных и неприкосновенных государственных постановлений» [16, т. 26, № 19811]. Указом же от 12 декабря 1801 года «О предоставлении купечеству, мещанству и казенным поселениям приобретать по купке земли» жалованная грамота городам 1785 года была не только подтверждена, но и расширена в части прав. «Желая дать новое поощрение земледелию и промышленности народной... — говорится по этому поводу в Указе от 12 декабря 1801 года, — признали Мы... право приобретения... земель без крестьян и владения всем тем, что на поверхности и в недрах их находится распространить на всех Российских подданных, кроме тех, кои причислены к помещичьим владениям». Причем право покупки земли без крестьян было предоставлено не только купцам, мещанам, свободным городским жителям, но и казенным поселениям² всех ведомств, включая бывших крепостных крестьян, получивших вольную от помещика [16, т. 26, № 20075].

В конечном итоге отменив большую часть указов Павла I, относящихся к управлению горнозаводской промышленностью, правительство Александра I оказалось перед необходимостью создания не только новых учреждений, но и новых правил управления как казенной, так и частной металлургической промышленностью. Да вот только все новое оказалось даже не совсем хорошо забытым старым...

2

Также по Указу от 22 сентября 1802 года казенные крестьяне Симбирской, Саратовской и Оренбургской губерний получили право наделения 15 десятинами земли, причем не только из излишков тех земель, что принадлежали ранее казенным крестьянам, но и из тех, что были «в пусте» [16, т. 27, №20426].

Упразднение канцелярии Главного заводов правления «второго бытия» в Екатеринбурге в январе — марте 1802 года

Прямым следствием манифеста Александра I от 2 апреля 1801 года «О восстановлении жалованной дворянству грамоты», отменившего павловский вариант Берг-привилегии и Берг-регламента в России, стала ликвидация канцелярии Главного заводов правления в Екатеринбурге. Ее главный начальник действительный статский советник А. С. Ярцов, назначенный Павлом I на эту должность в январе 1797 года³, был отправлен в отставку. Произошло это также в январе, но 1802 года. «Поелику Канцелярия главного заводов правления, вследствие помянутых указов⁴, более существовать не должна, — говорится в «Высочайше утвержденной Инструкции главному Начальнику Екатеринбургского Горного начальства... Герману», — то и имеее оную упразднить, а вместо [н]ее открыть Горное Начальство о двух Департаментах, в коих вам председательствовать...» К первому департаменту этого начальства инструкцией были отнесены Екатеринбургский железодельный медеплавильный завод, золотые промыслы с золотопромывальными заводами (Березовским, Пышминским, Уктусским и Екатеринбургским), Каменский чугуноплавильный пушечный завод, Нижнеисетский строящийся завод, Уткинская казенная пристань с пильной мельницей, Миасский вновь учрежденный золотопромывальный завод, Банковский Миасский медеплавильный завод, старый недействующий Вознесенский завод.

«Во втором Департаменте оного Начальства, — говорится в четвертом пункте «Инструкции...», — состоять имеют все партикулярные... медные, железные и прочие заводы: в Пермской, Оренбургской, Вятской, Казанской и Тобольской губерниях, так как они от Канцелярии Главного заводов правления зависели и впредь на основании вышеупомянутых указов, именно от 9 ноября и... сената от 16 марта должны зависеть» [16, т. 27, № 20112].

3

Назначен указом от 4 января 1797 года «О возобновлении Берг Конторы в Москве и о чиновниках, в оную определенных» [Там же, т. 24, №17711].

4

Именные указы от 20 ноября 1801 года, от 9 ноября 1800 года, сенатский от 16 марта 1801 года.

Оставшиеся казенные заводы с ликвидацией канцелярии Главного заводов правления были поделены между Гороблагодатским и Пермским горными начальствами. К Гороблагодатскому начальству отошли Кушвинский, Туринский, Баранчинский, Нижне-Туринский, Серебрянский и Камские Ижевский и Воткинский металлургические заводы. К Пермскому начальству были отведены Верхне-Юговский, Нижне-Юговский, Мотовилихинский, Пыскорский, Аннинский, Висимский и Ягошихинский заводы.

Согласно «Инструкции Главному Начальнику Гороблагодатского и Пермского горных начальств... Дерябину» от 26 февраля 1802 года Гороблагодатское горное начальство было открыто в Кушвинском заводе, а Пермское — в Юговском заводе. Оба они подчинялись уже напрямую Правительствующему сенату и Берг-коллегии [16, т. 27, № 20160].

Таким образом, с ликвидацией канцелярии Главного заводов правления «второго бытия» казенные и частные металлургические заводы не были переданы обратно в управление горным экспедициям казенных палат, а подчинены вновь созданным Екатеринбургскому, Гороблагодатскому и Пермскому горным начальствам. Данное переподчинение не стало положительным явлением для горнозаводской промышленности Урала, так как неизбежно потребовало нового горного права, по которому должны были действовать вновь созданные начальства, включая и сами металлургические заводы. Но парадокс сложившейся ситуации заключался в том, что с отменой Берг-привилегии и Берг-регламента с их подзаконными актами, которые в своем единстве и составляли тогда горное право России, другого горного права еще не было даже в проекте. То есть металлургические заводы, как частные, так и казенные, продолжали действовать на территории России и производить металл, изделия из него. Даже для их управления были созданы горные начальства, но горного права, которое регулировало бы правовые, земельные и производственные отношения в российской металлургии, не существовало! Поэтому «Инструкции...», выданные начальнику Екатеринбургского горного начальства Герману 16 января 1802 года, Гороблагодатского и Пермского горных начальств Дерябину 26 февраля 1802 года, а также начальнику Колыванских заводов 21 января 1786 года, оказались на тот момент единственными действующими законодательными актами в области горного права в России.

На первый взгляд, все вышеуказанные переподчинения и образования новых горных начальств, причем созданных на базе упраздненной канцелярии Главного заводов правления, носили исключительно хаотичный и отчасти даже бессмысленный характер. Но при внимательном прочтении «Инструкций...» становится понятным, что ликвидация канцелярии Главного заводов правления «второго бытия» с последующим дроблением ее на более мелкие горные начальства преследовала вполне конкретную цель — лишение органа управления горнозаводской промышленностью независимой от губернских чиновников исполнительной и судебной власти. «Упразднением Канцелярии Главного заводов правления,— говорится в восьмом пункте “Инструкции... Герману”,— уничтожаются Счетная ея Экспедиция и Контора судных и земских дел...» [16, т. 27, № 20112]. Тем самым некогда крупные и независимые от губернских властей подразделения канцелярии Главного заводов правления были сведены до уровня «особого стола» первого департамента Екатеринбургского горного начальства.

Само же это Екатеринбургское горное начальство во главе со своим главным начальником оберберггауптманом четвертого класса Германом, согласно все той же «Инструкции...», вынуждено было делить оставленную в ее руках власть над заводами с земской полицией и так называемым «гражданским правительством». То есть все с теми же Пермской, Оренбургской, Вятской, Казанской и Тобольской казенными палатами. «...Всякого рода следствия и суд по делам криминальным принадлежать имеют по общим узаконениям до Земской полиции,— говорится по этому поводу в вышеуказанном документе,— так как и случающиеся между самими заводчиками и между приписными к казенным и партикулярным заводам крестьянами о праве собственности тяжбы подлежат уже должны разбору и суждению Гражданского Правительства» [16, т. 27, № 20112].

По поводу власти над казенными заводами в «Инструкции... Герману» сказано достаточно конкретно. «Горного Начальства 1-й Департамент по казенным заводам,— подчеркивается в указанном документе,— производить имеет все дела, до внутреннего их действия и хозяйства касающиеся, и состоять под единственным вашим управлением и руководством, и без согласия вашего никакое определение действия свое-

го иметь не может. То же самое относится и до Монетной Экспедиции» [Там же].

В отношении же частных металлургических заводов «Инструкция... Герману» не была так однозначна. С одной стороны, ее фискальная часть производимых дел 2-го департамента была как никогда тщательно прописана. Вплоть до того, что в отдельный пункт выделялось «получение и расчет прибавочной по оным заводам с чугуна собираемой подати». Также подробно были расписаны следственные и спорные дела, связанные с горнозаводской спецификой, такие как насильственное завладение рудниками и приисками, тайный увоз чужой добытой руды, насильственное и незаконное завладение лесами, их вырубка и тому подобные дела.

Тем не менее в инструкции, данной Герману, есть ряд положений, связанных с манифестом от 28 июня 1782 года о праве собственности на поверхность и недра земли, которые там никак не разъясняются. К примеру, перечислив все фискальные дела, которыми должен заниматься 2-й департамент Екатеринбургского горного начальства, «Инструкция...» особо подчеркивает, что «не упуская, однако ж, при всем вышеписанном из вида... Манифеста 1782 года июня 28... о праве собственности». В связи с чем и возникает вопрос: а какая связь между десятинной и прибавочной податью, с одной стороны, и манифестом о праве собственности 1782 года — с другой? Еще пример. В пункте 11 речь идет об указании Герману: «...приложить старание привести... в ясность, как казенные, так и к партикулярным заводам отведенные леса, и заметить, где есть излишество и где недостаток, употребляя к измерению оных способных по сей части людей...» И здесь же следует оговорка: «...в ведомстве Екатеринбургского начальства состоят заводы в партикулярном содержании двоякого рода, одни на разных с казною обстоятельствах, и имеют леса казенные, а другие напротив и заводы и леса собственные, то при помянутой разверстке и отводе лесов и рудников, в сохранении права собственности поступать по точной силе... Манифеста 1782 года июня 28... и жалованной Дворянству грамоты» [16, т. 27, № 20112].

Таким образом, «Инструкция... Герману» от 16 января 1802 года, заботясь о сохранении права собственности, прописанном в манифесте 1782 года и подтвержденное жалованной грамотой дворянству 1785 года, предопределяет неравное налогооб-

ложение между горнозаводчиками-дворянами и не дворянами. Она также является, по сути, отправной точкой создания в России так называемого посессионного права, на основе которого и было создано другое горное право, кардинально отличающееся от петровской Берг-привилегии, тем самым наглядно демонстрируя устанавливаемую «Инструкцией... Герману» 1802 года зависимость частного владения металлургическими заводами от «гражданского прavitельства», то есть от губернских властей.

Она же, «Инструкция... Герману» от 16 января 1802 года, провела четкую разделительную грань между петровским горным законодательством — Берг-привилегией, Берг-регламентом и манифестом 1782 года о праве собственности вкупе с жалованной грамотой дворянству 1785 года. В чем именно она заключалась? Да в том, что если Берг-привилегия и Берг-регламент провозглашали государственную собственность на недра, то манифест 1782 года о праве собственности, подтвержденный жалованной грамотой дворянству 1785 года, отменив государственную собственность на недра, передал право владения ими собственнику земли, то есть дворянству.

Таким образом, с выходом «Инструкций...» 1802 года правительство Александра I начинает создавать другое горное законодательство, опираясь уже на статьи манифеста 1782 года о праве собственности, а не на статьи петровской Берг-привилегии, что не единожды было подтверждено в вышеуказанном документе от 16 января 1802 года. Причем, и это крайне важно подчеркнуть, такой поворот событий крайне негативно сказался на развитии частной металлургической промышленности Южного Урала. В силу того что манифест 1782 года о праве собственности, подтвержденный жалованной грамотой дворянству 1785 года, оставлял в силе действие Указа от 13 июля 1776 года, дальнейшее строительство новых металлургических заводов на Южном Урале и в начале XIX столетия осталось под запретом.

Официально открытие Екатеринбургского и Пермского горных начальств было подтверждено сенатским Указом от 28 июня 1802 года. «Правительственный Сенат слушали два рапорта Берг коллегии, которыми доносит, что во исполнение... Инструкции... Герману... и... Дерябину,— говорится по этому поводу в выше названном указе сената,— Канцелярия главного заводов Правления, Счетная ея Экспедиция и Контора судебных и земских дел упразднены, и вместо оных

открыты: 26 марта Екатеринбургское Горное Начальство о двух Департаментах, а 3 апреля сего года Пермское Горное Начальство [16, т. 27, № 20300].

Гороблагодатское горное начальство было открыто 7 мая 1802 года, а официально подтверждено сенатским Указом от 24 сентября 1802 года [Там же, № 20431].

Подготовка нового проекта Горного положения (1802–1804)

С упразднением канцелярии Главного заводов правления, ее счетной экспедиции и конторы судных и земских дел вполне ожидаемыми оказались и следующие шаги правительства Александра I.

Именным Указом от 31 июля 1802 года «О покупке крестьян к заводам и фабрикам из расположенных к оным мест по близости» формально ограничивалась покупка крепостных крестьян к металлургическим заводам, но фактически для большинства уральских заводов указ ее запретил. В первую очередь это касалось чугуноплавильных и медеплавильных заводов Южного Урала, расположенных на значительном удалении даже от Казанской губернии, не говоря уже о внутренних губерниях Европейской России. Так, если в первом пункте указа разрешалась покупка крестьян на определенном основании из расположенных поблизости мест к заводам, то второй пункт из-за дальности проживания крестьян ее полностью запрещал. «Покупку крестьян к заводам, в отдаленности от оных расположенным, — говорилось в Указе от 31 июля 1802 года, — где необходимо... переселение, предполагающее неизбежное крестьянам разорение⁵, вовсе запретить, предоставив таким заводам единственно наймом вольных работников исправляться...» [16, т. 27, № 20352]. Тем самым указ Павла I от 16 марта 1798 года, разрешивший всем состояниям — то есть как дворянам, так и купцам — покупать к заводам крестьян с землей и без земли, по сути, потерял свою силу.

Справедливости ради надо сказать, что на этот павловский указ еще какое-то время ссылались, но уже на другую его статью, связанную с наблюдением губернских начальств за частными заводами.

5

Лживое утверждение, так как население частных металлургических заводов Южного Урала XVIII–XIX веков, включая и принудительно переселенных крепостных крестьян, составляло самую зажиточную часть крестьянского населения Урала.

По этому поводу даже был издан сенатский Указ от 15 апреля 1804 года «О бытии заводам и фабрикам по прежнему в ведении губернских начальств», где содержалась прямая ссылка на Указ от 16 марта 1798 года [Там же, т. 28, № 21264].

Как известно, манифестом от 8 сентября 1802 года правительство Александра I объявило об учреждении министерств. Все управление государственными делами разделялось на восемь самостоятельных отделений: военных сухопутных сил, морских сил, иностранных дел, юстиции, внутренних дел, финансов, коммерции, народного просвещения. При этом если должность министра коммерции, управлявшего Коммерц-коллегией, регламентировалась прежде изданными государственными указами, то Берг-коллегия, как сказано в манифесте, «со всеми ей подчиненными местами», лишилась какой-либо самостоятельности и перешла в подчинение министру финансов [16, т. 27, № 20406]. Данная подотчетность министерству финансов означала, что все ранее изданные указы, на основании которых и действовала Берг-коллегия, кроме тех, которые регулировали налоговые и таможенные сборы, с подтверждением жалованной грамоты дворянству 1785 года окончательно утратили свою юридическую силу. Что в свою очередь предопределило и судьбу самой Берг-коллегии. Вопрос о ее ликвидации стал делом времени. В высочайше утвержденном проекте Горного положения от 13 июля 1806 года в его специальном разделе «О Берг-коллегии и об открытии вместо оной Горного Департамента при Министре Финансов» было предписано: «...оставить действие ея (Берг-коллегии. — В. С.)... до открытия Пермского⁶ и Московского Горных Правлений...» [16, т. 29, № 22208].

В тоже время в Берг-коллегии накопилось много спорных дел по частным металлургическим заводам, часть из которых тянулась аж с 1763 года! Причем действовавшие при Берг-коллегии две «экспедиции», учрежденные именно для решения старых спорных дел, и в начале XIX века не могли приступить к рассмотрению некоторых из них. Не говоря уже о том, чтобы вынести по ним справедливые решения. «Многих дел еще по сие время не доставлено в Экспедицию, — говорится по этому поводу в докладе министра финан-

6

Пермское горное правление (май 1807 — сентябрь 1831).

сов за 1806 год,— многие из доставленных истерлись от пересылки, другие отчасти сгнили от давнего лежания в архивах, многие нужные справки и сведения... не могут быть собраны и доставлены, по причине перемены обстоятельств, места и времени, по причине перемены управляющих мест и лиц, по причине даже смерти многих чиновников, по причине запутанности дел по архивам при столь частых переменах в управлении, по причине сгорания даже дел⁷ в некоторых местах...» [Там же, с. 478]. К этому можно добавить, что в 1806 году уже не было в живых и многих уральских горнозаводчиков, которые инициировали эти самые судебные разбирательства в некогда всесильной Берг-коллегии XVIII века.

В силу того что манифестом от 8 сентября 1802 года Лесной департамент также был передан Министерству финансов, «Проект Устава о лесах» подготовил не кто иной, как сам министр этого ведомства (утвержден 11 ноября 1802 года). Его первым и ключевым положением являлось следующее предписание: «Все казенные леса, в России состоящие... приписанные или не приписанные к Адмиралтействам, или к казенным или частных людей заводам и фабрикам, находящиеся у временных владельцев по разным правам и привилегиям, (исключая собственность дворянскую и других людей, кои имеют право по прежним узаконениям свободно пользоваться лесами) должны состоять в... управлении и распоряжении Лесного Департамента» [16, т. 27, № 20506]. Как видно из вышесказанного, дворянская собственность на леса имела исключительную привилегию и не подпадала под управление Лесного департамента. То есть дворяне могли обращаться с лесным богатством по собственному усмотрению вплоть до его полного истребления. Не лишне будет напомнить, что исключительность дворянской собственности находилась под защитой манифеста от 28 июня 1782 года о праве собственности и была подтверждена жалованной грамотой дворянству от 21 апреля 1785 года. Причем жалованная грамота дворянству, в свою очередь, подтверждала Указ от 22 сентября 1782 года на право собственности в лесах, растущих в дворянских дачах, и свободного их употребления. Сам же Лесной департамент наделялся властью наравне с государственными коллегиями, а его директор имел полное право ни от кого, кроме

императора, Сената и министра финансов, не принимать указов и повелений, включая и Берг-коллегию. Тогда как ранее именно Берг-коллегия управляла всеми заводскими лесами.

По отношению к лесам частных металлургических заводов чиновники Лесного департамента должны были руководствоваться второй главой «Устава...», составленной из статей вальдмейстерской инструкции XVIII века. Причем надзор за соблюдением правил вырубki лесов указ повелевал отдать в собственное наблюдение волостных правлений, с тем чтобы «каждое селение или волость (завод или фабрика.— В. С.) вырубали из оных не более определенной для годового продовольствия лесосеки». В противном случае параграфами 45, 46 и 47 предписывалось взыскивать положенные штрафы без послабления [16, т. 27, № 20506].

Примечательно, что самостоятельно «Проект Устава о лесах» от 11 ноября 1802 года действовал недолго. Через четыре года без каких-либо принципиальных изменений он послужил основой для главы 17 «О лесах заводских» другого проекта, теперь уже Горного положения (1806).

Заслуживает внимания и следующее обстоятельство. Если первоначально отмена и переписывание павловских указов и подзаконных актов по горной части осуществлялись именными указами императора, то с образованием министерств и подчинением Берг-коллегии Министерству финансов это ответственное дело уже выполнял министр финансов граф Алексей Иванович Васильев⁸. В силу того что отмена и переписывание указов непосредственно были связаны с его служебными обязанностями, ему же пришлось писать и новые указы по горной части, законодательно опираясь на манифест 1782 года о праве собственности и жалованную грамоту дворянству 1785 года. Вся законотворческая деятельность министра финансов первоначально была сведена к изданию, казалось бы, разрозненных и внешне никак не связанных между собой указов. Причем писались они

⁸ А. И. Васильев (1742–1807) при Екатерине II служил в Сенате (при Вяземском). Автор служебных записок «Свод законов по финансовой части», «Государственная окладная книга», «Наставления казенным палатам». С 1792 года директор Медицинской академии. При Павле I занимал должность государственного казначея (1796–1800). Снят с должности Павлом I по доносу Кутайсова. Восстановлен в этой же должности Александром I. С образованием министерств был министром финансов (1802–1807).

⁷

В заводских конторах металлургических заводов Южного Урала в 1773–1774 годах сгорело много архивных дел.

Указы правительства Александра I по горной части, составленные по праву собственности 1782 года и жалованной грамоте дворянству 1785 года, а также указы, не противоречащие этому праву (1802–1804)

Таблица 7

№ указа ПСЗ	Дата выхода Указа	Название указа	Название правительственного учреждения издавшего указ	Основные положения указа
20 406	08.09.1802	Об учреждении министерств	Манифест Александра I	Подчинение Берг-коллегии министерству финансов
20 506	11.11.1802	Проект устава о лесах	На основе утвержденного доклада министра финансов	Учреждение Лесного департамента и подчинение его министерству финансов. Владение лесами на основе манифеста 1782 г. о праве собственности и жалованной грамоты дворянству 1785 г.
20 680	23.03.1803	О постановлении цен железу и вещам с казенных заводов, привозимых для Присутственных мест	На основе утвержденного доклада министра финансов	«...Отпускать с казенных заводов железо из остающегося за удовольствием флота и артиллерии, при обращении которого в вольную... продажу, взимать с оногo в прибыльную сумму по 25 процентов, сколько... железа по заводам оставаться имеет, оноe доставлять в Петербургский порт и продавать всем желающим ниже вольных цен по 10 копеек с рубля...но за железо, которое доставляется сюда для продажи вольно-желающим... буде бы оноe потребовалось... в казенное место, надлежит получать ту же цену, по какой и вольно-желающим продавать велено...» [16, т. 27, с.508]
20 815	23.05.1803	О назначении непременных работников для замена крестьян, к заводам Уральского хребта приписанных	На основе утвержденного доклада министра финансов и внутренних дел	«...Здесь [в докладе] означить только главные правила... 1. Вместо приписных крестьян, заводы укомплектовать непременными работниками... 2. Число тех непременных работников определить по мере и действию каждого завода. 3. Работника полагать не старше 40 лет. 4. В число таковых непременных работников зачислить, прежде всего, селения, при заводах состоящие... 5. ...а остальных... оставить при селениях на помощь сим избранным в их хозяйстве и для укомплектования... в случае убыли. 6. ...освободить все оные селения от... податей и рекрутского набора. 7. ...недостающее число дополнить набором со всех приписных к заводам по тому краю крестьян, сколько оных по числу недостатка с каждой 1000 душ... будет. 8. ...излишним числом работников не отяготить крестьян и не обременить казну в напрасном... содержании. 9. По укомплектовании заводов полным числом непременных работников, остальных всех к сим заводам приписных крестьян освободить навсегда от заводских работ и поверстать их в число государственных крестьян... набранным в непременные работники с их семействами состоять в... управлении Горных начальств. 10. За освобождение свое повинны они только... избранным в непременные работники учинить подмогу в лошадях, повозках

				и строении... 11. Кто из партикулярных заводчиков пожелает таковых неперменных работников иметь, тем полагать оных не по действию завода, а по числу приписных к заводу крестьян, сколько с них, считая по 58 работников, с 1000 душ причтется. 12. Пока оно... исполнится, до тех пор приписным к заводам крестьян исправлять свои повинности по-прежнему» [16, т. 27, с.698]
20 867	27.07.1803	О порядке решения дел в Межевой канцелярии о землях, принадлежащих башкирцам	Сенат	«...Оренбургская Казенная... палата входит зашишение земель владельческих, каковы суть башкирские... Приказали: поелику о башкирских землях и правах производится в сенате особое дело, то до решения оно и до сделания о них положения... при приеме от них жалоб... были засвидетельствованы в гражданских присутственных местах...» [16, т. 27, с.804]
20 898	18.08.1803	Доклад... графа Васильева, с приложением Инструкции чиновникам, отправляемым для разбора и отделения казенных лесов от крестьянских особо	На основе утвержденного доклада министра финансов	«...О разделении лесов на лесосеки. 40. Оставшиеся в крестьянских дачах леса... разделить... на годовые лесочки и сдать в ведомство волостных правлений. 41. Приписанные к разным заводам леса разделить на годовые лесосеки обще с чиновником горной части сдать управляющим заводам. 42. Приписанные к фабрикам леса разделить на лесосеки обще с содержателями фабрик или с их поверенными, коим и сдать те леса» [16, т. 27, с.844]
Приложения 20439a	30.09.1803	О совершении купчих крепостей на фабрики и заводы и на крестьян к оным, не иначе, как со сведения Берг коллегии или ее Конторы или по предъявлении от покупателей, данных им на то... указов	Сенат	«...Некоторые гражданские начальства, в противность... указа 1798 г. марта 16, совершают купчие на продажу фабрик и покупку к оным крестьян без ведома Коллегии... Повелено: Берг и Мануфактур коллегиям с помощью губернского начальства... наблюдать, дабы... к заводам и фабрикам купленные деревни всегда были при заводах и фабриках неотложно... чтоб деревень... особо без заводов... не укреплять и к другим заводам и селениям по одиночке или семьями не переводить. Если кто похочет... деревни купно с заводами продать... брать на то позволение... от Берг или Мануфактур коллегии...» [16, т. 27, Приложения, с.10]
21 001	23.10.1803	О накоплении из остатков прибавочной на чугуны подати капитала для вспоможения	На основе утвержденного доклада министра финансов	«...Таблица показывает, что... прибавочной подати с начала установления (1799) по 1803 года вступило 621 401 руб. 66 ½ коп. Из того на определенные из нея расходы употреблено 252 853 руб. 80 коп. За тем оставалось бы 368 547 руб. 86 ¼ коп. Сумма,

№ указа ПСЗ	Дата выхода Указа	Название указа	Название правительственного учреждения издавшего указ	Основные положения указа
		горным казенным заводам		которая бы немалым подкреплением служила заводам, ежели бы ея обратить в капитал, но вместо того из остатков сих выдано по особым повелениям на разные другие... расходы 338 530 руб. 44 $\frac{3}{4}$ коп. Да сверх того в 1803 года надлежало быть еще в расход по таким статьям, которые в 1802 г. должно было выдать 54 745 руб. 44 коп. А всего 393 275 руб. 88 $\frac{3}{4}$ коп. Чрез что не только все оные остатки истощились, но еще вышло и на определенные расходы недостатка 24 728 руб. 2 $\frac{1}{2}$ копеек» [16, т. 27]. То есть, до казенных заводов не дошло ни копейки. Все это стало возможным, только при несамостоятельности Берг коллегии!
21 141	01.02.1804	О беспошлинном пропуске машин электрических, пневматических, паровых и для делания крючков к скребелям	Именной, объявленный сенату министром коммерции	«Е. И. В. ... повелеть соизволил: машины электрические, пневматические, паровые и машины, коими делаются крючки для скребел потребные, как вещи, служащие к познанию наук и художеств, пропускать беспошлинно» [16, т. 28, с.50]. Факт: в начале XIX столетия на заводах Петербурга было налажено промышленное производство паровых машин. Но этот Указ от 1 февраля 1804 года нанес вред машиностроению Петербурга. Англичане получили неограниченный доступ своим машинам в Россию
21 264	15.04.1804	О бытии заводам и фабрикам по-прежнему в ведении губернских начальств	Сенат	«Приказали:... Берг и Мануфактур коллегиям с помощью губернского начальства... наблюдать, дабы... к заводам и фабрикам купленные деревни всегда были при заводах и фабриках неотложно... чтоб деревень... особо без заводов... не укреплять и к другим заводам и селениям по одиночке или семьями не переводить. Если кто похочет... деревни купно с заводами продать... брать на то позволение... от Берг или Мануфактур коллегии... То, за назначением по... повелению 18 июля 1803, Мануфактур коллегии и ея Конторы к упразднению... и в особенности... указом 1798 марта 16, обязанностей, в рассуждении перехода фабрик и заводов от одного содержателя к другому... по правилам в... изданных 21 апреля 1785 года для дворянства грамот и Городовом положении изображенным, обратить по прежнему на губернские начальства, под наблюдением Гражданских Губернаторов...» [16, т. 28, с.269]
21 359	22.06.1804	Положение для пробы и приема железа, якорей и артиллерийских снарядов	Комитет?	Проба железа для военных заводов должна производится на точном основании Адмиралтейского регламента и заводских постановлений [16, т. 28, с.388–399]
21 372	30.06.1804	О ведомостях, какие о фабриках и заводах доставлять от губернаторов в МВД	Сенат	Сведения, нужные для МВД, служили в первую очередь для того, чтобы по ним проверять соблюдение прав собственности 1782 года. «...Приказали... и в особенности... указом 1798 марта 16, обязанностей, в рас-

суждении перехода фабрик и заводов от одного содержателя к другому... по правилам в... изданных 21 апреля 1785 г. для дворянства грамот и Городовом положении изображенным, обратить по прежнему на губернские начальства, под наблюдением Гражданских Губернаторов...» [16, т. 28, с.412]Примечательно, что приведенная выше формулировка повторяется с завидным постоянством из одного указа в другой без каких-либо изменений!

на протяжении двух лет, с 1802 по 1804 год, без привлечения каких-либо знающих и авторитетных горных чиновников, не говоря уже о частных уральских горнозаводчиках, опираясь лишь на пожелание императора⁹ и мнение Сената. Для наглядности наиболее значимые из них сведены в таблицу 7.

Итак, какие именно направления в законодательстве России интересовали министра финансов графа А. И. Васильева? При прочтении указов, собранных в таблице 7, нетрудно убедиться, что министра в первую очередь интересовало законодательное закрепление права владения лесами, крепостными и приписными крестьянами, заводами и землей, занятой заводами. Причем закрепление права владения не на основе Берг-привилегии и Берг-регламента, как это было до 1775 года, а исключительно на основе манифеста 1782 года о праве собственности и жалованной грамоты дворянству 1785 года со всеми вытекающими отсюда последствиями. То есть с подчинением по ряду важных положений горной части, включая частные металлургические заводы Южного Урала, уже не центральной и всемогущей Берг-коллегии, а губернским властям с их жадными губернскими и уездными чиновниками.

По поводу вопроса о башкирских землях и правах, затронутых в Указе от 27 июля 1803 года «О порядке решения дел в Межевой канцелярии о землях, принадлежащих башкирцам», следует отметить, что он рассматривался в Сенате отдельно не случайно. Связано это было с прошением башкирских депутатов, торжественно преподнесенным в 1793 году Екатерине II. «Земли, которые... пожалованы предкам нашим,— говорилось в прошении,— утвердить в непоколебимое, вечное и потомственное владение наше». Но из-за смерти первоначально самой импе-

ратрицы, а потом и Павла I оно надолго задержалось в Сенате в числе нерешенных дел. Тогда как в интересах не только самих башкир, но и частных горнопромышленников определенность в вопросе владения башкирскими землями в Оренбургской губернии (на Южном Урале) была крайне важна.

Из других представленных в таблице законодательных актов, не противоречащих праву собственности 1782 года, важно обратить внимание на указы от 23 октября 1803 года «О накоплении из остатков прибавочной на чугун подати для вспоможения горным казенным заводам» и от 1 февраля 1804 года «О беспрошльном пропуске машин электрических, пневматических, паровых...». Оба указа красноречиво свидетельствуют об отношении Александра I и его правительства к нуждам российского машиностроения и металлургической промышленности, как казенной, так и частной. Если вспомнить павловский указ от 27 октября 1799 года «О сборе с заводов, сверх платимой ими подати...», то нетрудно установить и то, куда планировал Соимонов потратить предполагаемую «прибыль», причем взятую исключительно у частных горнозаводчиков. Он просил у Павла I разрешения употребить полученные от прибавочной подати деньги «для снабжения горного училища... пособиями, для... рудоискательских издержек... для ободрения... изобретших, что-либо к пользе горной... для пенсий состарившимся в сем многотрудном роде службы верным... слугам твоим». А на что было потрачено в действительности? В Генеральной ведомости 1799–1803 годов, опубликованной в Указе от 23 октября 1803 года, показано, что по статье «На определенные из прибавочной подати расходы» было израсходовано 252 853 рубля 80 копеек. О каких именно «определенных расходах» идет речь, в ведомости не поясняется. По статье «На неопределенные расходы, как то: сверхштатным

9

Это пожелание известно: следовать законам монаршей бабки!

чинам, на Грузинскую Экспедицию, на пенсии, на покупку дома для Горного корпуса и в платеж долга Монетному департаменту и прочее» — 215 047 рублей 90 копеек. Также на счет Государственного казначейства для покупки провианта Нерчинским заводам ушло 123 482 рубля 54 ³/₄ копейки. Да из прихода 1803 года необходимо было заплатить за 1802 год еще 54 245 рублей 88 ³/₄ копейки. С учетом же общего долга Монетному департаменту — дополнительно 194 593 рубля 1/2 копейки. Тогда как в приходе за указанный период было получено всего 621 401 рубль 66 ¹/₄ копейки. Весь долг составил 219 321 рубль 3 копейки. То есть вместо того чтобы собранные деньги направить на оговоренные Соймоновым расходы, Министерство финансов потратило их куда угодно, но только ни на нужды Горного училища, ни на поиск полезных ископаемых, ни на изобретения и пенсии чиновникам горного ведомства. Так что самой производительной тратой оказалась покупка провианта для Нерчинских заводов.

Из всего вышеизложенного сам собой напрашивается вывод, что правительство Александра I вслед за правительством Екатерины II рассматривало частную металлургическую промышленность России вообще и Южного Урала в частности исключительно с точки зрения получения фискальных выгод, а не в интересах дальнейшего промышленного развития России. В сущности это был все тот же близорукий чисто фискальный подход и забота о сиюминутной казенной выгоде, что так или иначе приравнивается к продаже национальных интересов России, о которой в свое время открыто заявил директор Берг-коллегии Шлаттер.

В отношении указа «О беспошлинном пропуске машин электрических, пневматических, паровых...» дела обстояли не лучше. Общеизвестно, что к началу XIX века на Александровском пушечном заводе в Петрозаводске и литейно-механическом заводе Берда в Петербурге выпускались паровые машины. Также в Петербургском промышленном районе к началу XIX века были созданы благоприятные условия для организации промышленного производства электрических машин. Наличие Петербургской академии наук и тесных внешнеэкономических связей с такими промышленно развитыми странами, как Великобритания, Швеция, Голландия, сделали свое дело. Петербургский промышленный район уже в начале XIX века

заметно отличался от промышленных районов Среднего и Южного Урала. Для дальнейшего успешного его развития требовалась соответственная промышленная и таможенная политика государства. Тем не менее правительство Александра I вместо того чтобы ввести заградительные тарифы на ввоз импортных паровых и электрических машин и развивать отечественное машиностроение, заявило о беспошлинном пропуске заграничных, в первую очередь английских машин и механизмов в Россию. Тем самым машиностроение Петербурга и его промышленного района было законсервировано в зачаточном состоянии как минимум на период правления Александра I.

Продолжение подготовки нового проекта Горного положения и сам проект (1804–1806)

Спокойная дальнейшая подготовка нового проекта Горного положения была нарушена действительным статским советником А. С. Ярцовым, отправленным Александром I в 1802 году с поста начальника Главного заводов правления (Екатеринбург) в отставку. Являлся ли А. С. Ярцов оппонентом министра финансов графа А. И. Васильева в его преобразованиях горного законодательства, узнать из официальных правительственных указов не представляется возможным. Ясно одно — формальным поводом для создания «особого Комитета» при Минфине под наблюдением министра этого ведомства послужили «Начертания заводов Уральского хребта», которые Ярцов подал на имя императора. Сам же император от принятия какого-либо официального решения по поводу этих «Начертаний...» устранился, перепоручив все дела по этому вопросу графу А. И. Васильеву. Тот, в свою очередь, включив в состав комитета тайного советника Качку, действительных статских советников Ярцова и Соймонова, начальника Гороблагодатских и Пермских заво-

10

Дерябин А.Ф. Историческое описание горных дел в России с самых отдаленнейших времен до нынешних // Высочайше утвержденные доклады и другие сведения о новом образовании Горного начальства и управлении горных заводов : в 2 ч. Ч. 1. СПб., 1807. Тогда как «Начертания заводов Уральского хребта» (1803) и «Опытное рассуждение о вредных и полезных расположениях горнозаводских в Урале» (1804) А. С. Ярцова, по всей видимости, так и остались в рукописи. Не была опубликована и «Российская горная история» Ярцова, законченная им в черновиках перед своей смертью.

дов Дерябина, а также начальника Колывано-Воскресенских заводов Бегера и члена заводского правления Олонецких заводов Полторацкого, поручил им разработать новый порядок управления уральскими и подмосковными заводами. Дерябину же было поручено составить историческое описание горных дел в России, которое было опубликовано в 1807 году вместе с докладами о новом образовании Горного начальства и управлении горными заводами¹⁰.

Примечательно, что до создания «особого Комитета» граф Васильев не имел представления о причинах упадка уральской казенной промышленности и не был знаком со спецификой управления металлургическими заводами, не говоря уже обо всех тонкостях заводского производства. Тем не менее именно он руководил специалистами по горной части и принял окончательное решение по содержанию доклада «О порядке управления Горных заводов», утвержденному императором 21 сентября 1804 года [16, т. 29, № 21460]. В дальнейшем на его основании и был выработан проект нового Горного положения 1806 года. Поэтому знание Указа от 21 сентября 1804 года имеет значение для понимания не только самого проекта Горного положения, но и дальнейших событий, произошедших на Южном Урале в течение XIX века. Причем важно подчеркнуть, что в этом указе императором одобрен лишь планируемый порядок управления уральскими и подмосковными металлургическими заводами. Ключевым же требованием Александра I к новому порядку управления заводами оставалось его желание следовать законам Екатерины II.

«О порядке управления Горных заводов» (1804)

Указ от 21 сентября 1804 года начинался с признания заслуг Петра Великого в преобразовании горной части России. При этом главное внимание было обращено на то, что мудрый преобразователь России, отняв все влияние воевод и губернаторов на дела рудные, учредил особые Главное и местные горные начальства с независимым судом и расправой. Также во вступительной части указа признавался и вред горным делам, нанесенный уравнением их на одних правах и законах с делами гражданскими. «... Учреждение о Губерниях поставило горные дела на одних правах и узаконениях с гражданскими, — говорится по этому поводу в указе. — Сколь мало сей образ производ-

ства дел приличествовал Горному Управлению, Казна с крайним убытком дознала то опытом в течение немногих лет... Генерал-губернатор, губернатор, вице-губернатор, горный советник и вся Казенная палата управляли [казенными] заводами, но только на бумаге». И практически здесь же вопреки вышесказанному министр заявляет, что «главные черты, или основание... Учреждения о Губерниях действительно так образованы, что идут к управлению всех частей государственных, и могут быть, наилучшим образом приуровнены к делам Горным. На одном и том же основании должны быть воздвигнуты здания узаконений для дел гражданских и для дел Горных, но в разных видах и с разным расположением».

Это «приуровнение» граф Васильев предложил осуществить путем учреждения горных городов под управлением особенных начальников, подчинив им все заводские селения, с одновременным введением должности генерал-губернатора для двух губерний — Пермской и Вятской. Тогда, по его мнению, все предписания министерства и все отношения горных начальников, губернаторов и прочих гражданских властей будут направлены на одно лицо, то есть на генерал-губернатора. «Таким образом, — заключает министр финансов, — генерал-губернатор имеет в своем ведении все части на точном основании... Учреждения о Губерниях; Гражданская часть без всякой отмены остается, как и ныне, а Горная должна иметь некоторую перемену... для приуровнения ее к положению Учреждения о Губерниях...» Другими словами, он собрался приуровливать не «Учреждения о Губерниях» к горным делам, а путем изменений горной части к «Учреждению о Губерниях», где ключевую роль должен был сыграть пермский и вятский генерал-губернатор.

Именно для того чтобы не отступать от положения о губерниях и предложил граф Васильев учредить новое «присутственное место» в Перми на основании губернских правлений и прочих казенных палат с названием «Горное правление». С тем чтобы оно было подконтрольно генерал-губернатору, как и губернские правления с казенными палатами. «А как генерал-губернатор должен иметь главное... пребывание в Перми, — говорится по этому поводу в Указе от 21 сентября 1804 года, — как уже установленном губернском городе... то Горному Правлению надлежит быть уже не в Екатеринбурге, но в Перми; а для управления оного определить особенного Берг-Инспектора... как состо-

ит губернатор в губернском правлении, а в палатах председатели под ведением генерал-губернатора».

Как прямое следствие этого нового образования местные горные начальства — Екатеринбургское, Гороблагодатское, Пермское и Банковское, — только-только открытые в 1802 году, подлежали уничтожению.

По поводу устройства будущего Пермского горного правления министр финансов тоже не был оригинален. Это горное правление, так же как и Екатеринбургское горное начальство, по мнению А. И. Васильева, должно было состоять из двух департаментов: 1) для дел казенных, включая сбор всех податей с заводов частных и отчетов с оных; 2) для судопроизводства по казенным и частным делам. «Второй Департамент должен производить все судные дела между заводами казенными и партикулярными, — говорится далее в указе, — все споры между казною и частными людьми по предметам горным; все дела частных людей между собою, относящиеся до горного производства, и все споры и дела между частными заводами». Иначе говоря, этому ведомству вменялись те же обязанности, что и второму департаменту Екатеринбургского горного начальства, с той лишь разницей, что местом пребывания этого департамента назначалась Пермь, а не Екатеринбург.

И подытоживая все вышесказанное, министр заявил: «Как заводами частными казна не управляет, но имеет только присмотр, то оный возлагается... на... Берг-Инспектора, который... и обязан их объезжать. От Горного Правления, следовательно, и от Берг-Инспектора, а равно и от генерал-губернатора, будут зависеть все казенные и партикулярные заводы, состоящие в губерниях Пермской, Вятской, Казанской и Оренбургской, как сии последние и ныне зависят от 2-го Департамента Екатеринбургского Горного Начальства. Генерал-губернатор по Пермской и Вятской губерниям будет управлять сверх Горной и Гражданскою частью, на основании... Учреждения о Губерниях, а по Казанской и Оренбургской одною только Горною, на основании сего положения, как и ныне, управляет оными также один Горный Начальник, независимо от Гражданской части».

В заключение граф А. И. Васильев заверил императора, что с такой переменной перейдет вся существенная власть Берг-коллегии по управлению уральскими заводами в учреждаемое пермское Гор-

ное правление. Также он пообещал Александру I: «...буду иметь счастье поднести... особенное Положение и о том, какое должно быть учреждено в Санкт-Петербурге при Министерстве Финансов Управление взамен Берг-коллегии» [16, т. 29, № 21460].

В связи с чем и возникают как минимум несколько вопросов. Если вся существенная власть Берг-коллегии по управлению уральскими заводами перейдет пермскому Горному правлению, то зачем учреждать в Санкт-Петербурге, пусть и при Минфине, управление взамен Берг-коллегии? Какова будет его роль? Неужели ему достанется оставшаяся несущественная власть Берг-коллегии? А что произойдет с деятельностью департаментов учреждаемого Горного правления в Перми, если по каким-либо причинам пост генерал-губернатора окажется на значительное время вакантным? Задавал ли себе граф Алексей Иванович эти или иные подобные вопросы? Или у него была совершенно другая задача — во что бы то ни стало угодить императору Александру I, а там будь что будет?

После того как доклад министра финансов графа Васильева «О порядке управления Горных заводов 1804 г.» был утвержден Александром I, работа над проектом Горного положения продолжалась еще без малого два года. На должность же пермского и вятского генерал-губернатора был назначен тайный советник Карл Федорович Модерах, занимавший до этого (с 1796) должность гражданского губернатора Пермской губернии. Примечательно, что после того как в 1811 году К. Ф. Модерах подал прошение об отставке с этого поста и Указом от 22 марта 1811 года оно было удовлетворено, Пермского и Вятского генерал-губернаторства также не стало. «С увольнением от этой должности К. Ф. Модераха, — пишет по этому поводу в своих «Очерках из истории... Перми» А. А. Дмитриев, — и самое генерал-губернаторство, созданное как бы лично для него, было упразднено. Пермской губернией снова стали управлять губернаторы» [7, с. 133].

Сам проект, разработанный на пять лет (1807–1812), получил силу закона 13 июля 1806 года. Причем указ, его одобривший, был назван «Высочайше утвержденным докладом министра финансов и Проектом Горного Положения» [16, т. 29, № 22208]. Главный его составитель отмечал по этому поводу: «Несмотря на всю обширность сего Положения и принятые... меры... к совершенству его недостает еще весьма много. Боль-

шая часть сих недостатков зависит от будущих опытов и от общего государственного законоположения. Сие... заставило меня (графа Васильева.— В. С.) дать оному вид проекта Горного Положения... и утвердить оное только на пять лет, так чтобы действие его началось со следующего 1807 года и продолжалось по началу 1812 года» [16, т. 29, № 22208, с. 441–442].

Так что же представлял собой этот «Высочайше утвержденный доклад министра финансов и Проект Горного Положения 1806 г.»? Казалось бы, законодательно его утвердили всего на пять лет. Что было в нем такого, что он с небольшими видоизменениями остался в силе практически до конца XIX века?

«...Доклад министра финансов и Проект Горного Положения» 1806 года

По большому счету, его законодательные положения по своему содержанию подразделяются на два вида. Одни были обязательны к немедленному исполнению, другие нет, что и дало возможность графу Васильеву назвать Горное положение проектом. В связи с чем целесообразно начать его рассмотрение с положений, которые подлежали исполнению в первую очередь, то есть с 1 января 1807 года.

Все металлургические заводы России в «Проекте...» разделялись на пять отделений. К первому отделению были отнесены заводы Уральского хребта, ко второму — Замосковные, к третьему — Олонекские и Луганские, к четвертому — Грузинские, к пятому — Польские. «Предлагаемый... вид Горного Начальства,— говорится далее,— представляет оные Отделения под ведением Горного Департамента при Министерстве Финансов учреждаемого, вместо Берг-Коллегии, которая по новому плану, согласно с... существом дел Горных, будет уже место совершенно излишнее». И здесь же особо подчеркивается, что местное преобразование Горного начальства касается только заводов хребта Уральского и заводов Замосковных [16, т. 29, № 22208, с. 439].

В отношении Горного департамента надо сказать, что А. И. Васильев сдержал слово и представил на утверждение императору штат и проект положения о нем. «Нашел я нужным учреждаемый для управления дел Горных и заводских при министре финансов Горный Департамент составить из двух отделений,—

говорится по этому поводу в докладе графа Васильева,— первое для дел учредительных, законодательных, ученых, искусственных и художественных будет называться Горным Советом; а другое для дел хозяйственных и исполнительных будет носить имя Горной Экспедиции» [16, т. 29, № 22208, с. 440]. Причем Горный департамент задумывался графом Васильевым как структура при Минфине, которая должна была облегчить в первую очередь деятельность самого министра финансов.

Но в таком виде он просуществовал недолго. После ухода в начале 1811 года К. Ф. Модераха с поста пермского и вятского генерал-губернатора и упразднения самого генерал-губернаторства в конце этого же года произошла реорганизация департаментов Министерства финансов. Горный департамент, и ранее входивший составной частью в Министерство финансов, получил всю полноту власти над горнозаводской промышленностью России. Причем управление ею было предписано осуществлять по общеминистерским правилам. «Устройство департаментов и канцелярии, составление Совета при министре и общих присутствий в департаментах, порядок производства дел, формы письмоводства, ревизия и отчеты,— говорится по этому поводу в Указе от 25 июля 1811 года,— определяются Общим Министерств Учреждением» [16, т. 31, № 24688].

В силу того что в состав Горного департамента было передано и соляное дело, он получил название «Департамент горных и соляных дел» и нового директора. Им стал Андрей Федорович Дерябин, занимавший ранее пост начальника Гороблагодатских, Камских и Богословских железных, медных рудников и заводов. Другими словами, «приноровление» горных законов к «Учреждению для управления губерний...» от 7 ноября 1775 года посредством введения должности генерал-губернатора потерпело полное фиаско и заставило вновь вернуться к централизованному управлению металлургической промышленностью России из Петербурга. В связи с чем произвольно возникает вопрос о целесообразности ликвидации прежнего централизованного управления во главе с Берг-коллегией. Зачем?!

Указ «О порядке управления Горных заводов» от 21 сентября 1804 года стал основой проекта Горного положения 1806 года. Об этом однозначно было заявлено в докладе министра финансов. В нем гово-

рилось, что императору угодно было утвердить 21 сентября 1804 года главные черты управления горных дел и первые основания Горного положения. Доказательством служили отсылки «Проекта Горного положения...» на «Учреждения для управления губерний...» от 7 ноября 1775 года, на манифест «О распространении права собственности владельцев на все произведения земли на поверхности и в недрах ее содержащиеся» от 28 июня 1782 года, а также на жалованную грамоту дворянству от 21 апреля 1785 года. Во втором пункте четвертого раздела «Частные замечания на Горное Положение» говорится: «...в генерал-губернаторе сосредотачивается власть по всем отношениям полиции Горной и Гражданской... и он остается блюстителем выгод казны. То Горным Положением и определяется ему председательствовать в первом Департаменте, как в Губернском Правлении, но на второй Департамент он не имеет влияния, кроме того, какое предоставлено ему на Гражданскую и Уголовную палату. В сей части Горного Положения соблюдена вся сила и основания Высочайшего Учреждения о губерниях...» [16, т. 29, № 22208, с. 437, 443].

Когда же речь зашла о рудниках (шестой пункт того же раздела), то сразу последовало разъяснение, что «помещикам в их землях предоставлено право собственности не только на поверхности, но и в недрах земных, по силе... Манифеста 1782 г.» [16, т. 29, № 22208, с. 445]. А глава XVII «О лесах заводских» «Проекта Горного положения...» начинается с однозначного предписания, что «Горное Правление заведывает все леса, приграничные к заводам казенным и партикулярным, состоящим в его ведении, выключая собственных владельческих по праву Дворянства¹¹ принадлежащих» [16, т. 29, № 22208, с. 614–615]. Иными словами, все как в указе «О порядке управления Горных заводов» от 21 сентября 1804 года.

Прямым следствием этих законодательных установлений и стал процесс юридического оформления заводских округов на Урале. В силу того что раздел проекта «Учреждение Горных городов с округами»¹²

11
То есть по праву жалованной грамоты дворянству от 21 апреля 1785 года.

12
Первоначально в слове «округами» ударение ставилось на второй слог. И только со временем трансформировалось в емкое «округ» с ударением на первый слог.

являлся исходным законодательным положением, имеет смысл привести его дословно: «13. Селения при заводах и рудниках казенных, со стороны гражданского благоустройства, учреждаются на основании городов, получают имена Горных городов, и главные из них по заводам казенным, где пребывание свое имеют Горные начальники... суть как главные Горные города, в ведении которых состоят прочие заводы, или Горные города с их округами. 14. Купцы и мещане, живущие при заводах, имеют Ратуши или Городовые магистраты <...> учреждаются также Словесные суды, где будет в них надобность, и вообще города сии получают все права, учрежденные Городовым Положением, выключая тех, кои несовместны с правами и надобностями заводскими. 15. Всякий завод имеет свою округу, ограничивающуюся отводом лесов и земель ему принадлежащих, или к нему приписанных. Сия округу при казенных заводах составляет его округу, как Горного города» [16, т. 29, № 22208, с. 496].

Другими словами, межевые границы лесов и земель частных и казенных металлургических заводов, проведенные еще в XVIII столетии, в соответствии с проектом Горного положения 1806 года стали и административными границами.

Характерной особенностью проекта Горного положения 1806 года, причем кардинально отличающей его от Берг-привилегии, является то, что подавляющая часть законодательных положений этого проекта посвящена казенным уральским заводам. Тогда как Берг-привилегия и особенно Берг-регламент поощряли в горном деле инициативу только частных лиц. При этом самих казенных заводов на Среднем и Северном Урале тогда насчитывалось всего 19. На Южном Урале в 1806 году из трех десятков металлургических заводов казенным являлся только один — Миасский медеплавильный завод, да и тот, можно сказать, был насильно отнят у заводчика и именитого гражданина Кнауфа. Действующих же частных только чугуноплавильных заводов в одной Пермской губернии насчитывалось до 71. Общая же география размещения частных и казенных металлургических заводов в Пермской, Вятской, Оренбургской и Казанской губерниях наглядно показана в таблице, составленной М.Ф. Злотниковым.

Из таблицы 8 однозначно следует, что всех действующих частных металлургических заводов в Пермской, Оренбургской, Казанской и Вятской губернии

ях в 1806 году насчитывалось 122, а казенных — 20. Тем не менее составитель «Проекта...» «вспомнил» о частных заводах только тогда, когда речь зашла о сборе пошлин с выплавляемого ими металла. По этому поводу следует напомнить, что Указом от 27 октября 1799 года горнозаводчики, имевшие от казны пособие, обязывались платить сверх платимой ими подати по четыре, а не имевшие пособия — по две копейки с пуда выплавляемого чугуна. В итоге для первых попудный сбор составил 12 копеек, для вторых — 8 копеек. С медеплавильных заводов, построенных без казенного пособия, по указу 1794 года предписывалось собирать по 15 рублей со ста пудов меди. Тогда как построенные с пособием облагались двойной податью и обязаны были платить по 20 рублей со ста пудов меди.

В проекте Горного положения 1806 года не только сохранялась эта повышенная и неравная подать, но и вводились новые, более жесткие условия ее взимания. В соответствии со статьей 166, заводчики или их доверенные лица были обязаны под страхом взимания пени (10 рублей за каждый день про-

срочки) сообщать Горному правлению непременно к 1 сентября, в какое место они намерены внести попудные подати с выплавленного ими чугуна. А в соответствии со статьей 171, они обязывались (пени составляли 5 рублей за каждый день просрочки) присылать в указанный срок (к 1 марта) шнуровые книги, выдаваемые им от Горного правления. «Также, к 1 числу марта обязаны... за выплавленные металлы подать... взнести в Горное Правление или в то место, которое они сами назначили. Всякая просрочка наказывается пеней по 6 копеек с рубля,— говорится далее в статье 171,— и взыскание подати и пени производится правящем на установленном порядке, чрез нарочно посланных на счет заводчика».

По силе же статьи 174, внесенное неполное количество податей считалось просрочкой. Примечательно, что подати в наличных деньгах горнозаводчики или их приказчики при удаленности от Пермского горного правления могли вносить в ту или иную губернскую казенную палату. А та, в соответствии со статьей 168, в дальнейшем уже была обя-

География размещения русской горной промышленности (чугуноплавильные и железоделательные заводы) [8]

Таблица 8

№	Губерния	Количество заводов	Чугун и припасы (в пудах)	Железо (в пудах)	Сталь и уклад (в пудах)
1	Пермская	8 казенных 71 частных	824485 5261879	251011 2364280	3411 144
	Итого:	79	6086364	2615291	3555
2	Оренбургская	11 частных	1216158	285766	—
3	Вятская	2 казенных 10 частных	— 448162	271064 274319	— —
	Итого:	12	448162	445383	—

Медеплавильные заводы находились в следующих губерниях:

Губерния	Количество заводов	Медь (в пудах)
Пермская	9 казенных 11 частных	57088 41997
Итого:	20	99085
Оренбургская	1 казенный 13 частных	5028 63962
Казанская Вятская	3 частных 3 частных	5202 1154

зана не только беспокоиться о своевременном взносе этих податей, но и уведомлять Государственного казначея и Горное правление, с какого именно завода, за какой металл, какой год и сколько получено ею податей [16, т. 29, № 22208, с. 518–520].

На этом фоне ужесточения взимания повышенной подати с частных металлургических заводов весьма экзотично смотрится диаметрально иной подход, сформулированный в проекте Горного положения 1806 года, к производственной деятельности казенных металлургических заводов. Как известно, налоговые сборы с частных металлургических заводов взимались с прибыли, получаемой ими от продажи металлов на внутреннем и внешнем рынках. В соответствии же с новыми законодательными установлениями, сформулированными в проекте Горного положения, заводы, принадлежавшие казне, в отличие от частных, могли содержаться не для получения прибыли. «Хотя фабрики должны были бы давать большую сего прибыль, — говорится по этому поводу в “Частных замечаниях на Горное Положение” (пункт 8), — но как заводы железные содержат казна не для получения прибыли, но для снабжения флота, артиллерии, оружейных заводов и других казенных мест металлами, то и не можно... от них требовать прибылей так, как от других фабрик. А нужно... чтоб остатки металлов... не умножали при заводах мертвого капитала...» [16, т. 29, № 22208, с. 457].

Ввиду особого подхода к производственной деятельности казенных металлургических заводов и следуя положениям утвержденного доклада министра финансов от 21 сентября 1804 года, проект Горного положения 1806 года вводил на пять лет постоянные цены на все сорта железа¹³. «Установив, таким образом, постоянные цены за все металлы и изделия заводские, — говорится по этому поводу в докладе, — казна будет уже им платить за оные по сим ценам, следовательно, всегда знать, наверно, свои расходы и вести верный счет в отпущенных на действие заводское суммах» [16, т. 29, № 22208, с. 455].

13

С. Алексашенко: «...ключевой водораздел между плановой и рыночной экономикой — это фиксированная или свободная цена. Здесь нельзя остановиться посередине, любые попытки сделать половину цен свободными, половину — зафиксированными, приводят к тому, что в экономике возникает дисбаланс». Следует напомнить, что в царской России XVIII — начала XIX века на внутреннем рынке в широком ходу были свободные цены на все виды кричного и сортового железа.

В связи с вышеизложенным вырисовывается достаточно удручающая картина. Получается, что российское правительство периода правления Екатерины II, Павла I и Александра I, намеренно взимая с частных металлургических заводов повышенные налоговые сборы, тратило и продолжало тратить их куда угодно, вкладывая в том числе в заведомо убыточные казенные металлургические заводы! Причем осознано увеличивая их количество, порой насильственно отнимая тот или иной металлургический завод у частного горнопромышленника.

К законодательным положениям «Проекта...», которые никак не могли быть претворены в жизнь с 1 января 1807 года, можно смело отнести следующие: «О пенсии», «Об устройстве заводов», «О горных школах», «О госпиталях», «О богадельнях» и «О лесах заводских» и ряд других. По понятным причинам через полгода после публикации «Доклада...» и «Проекта...» отремонтировать старые, построить новые заводские цеха и фабрики, открыть в каждом уральском заводе госпиталь, школу, богадельню и провести разделение заводских лесов на лесосеки в принципе было невозможно. Как показывает практическое изучение заводской жизни Урала начала XIX века, полноценные здания госпиталей и школ в большинстве частных заводов были построены лишь через 15–20 лет после выхода «Проекта Горного положения» 1806 года. Лесостроительные работы требовали не только времени и денег, но и специально подготовленных людей, которых катастрофически не хватало в горных начальствах. Впрочем, как и врачей и учителей.

Также для претворения в жизнь ряда статей проекта Горного положения 1806 года помимо финансовых затрат требовалась и политическая воля императора. Именно по политическим соображениям ни ранее, ни в 1807 году не было создано и общество уральских горнозаводчиков. Тогда как даже в соответствии с «Учреждениями о губерниях» 1775 года оно должно было быть открыто уже как минимум лет двадцать назад.

Не менее характерной особенностью законодательных положений самого «Проекта...» является то, что среди необязательных статей и целых его подразделов были такие, которые носили исключительно декларативный характер. Чтобы убедиться в этом, достаточно непредвзято проанализировать подраздел «б» главы IV «Обязанности 1-го Департамента Горного

Правления». Так, в статье 233 однозначно заявлено: «На обязанности Горного Правления лежит (?) стараться не только отыскивать новые рудники... но и распространять металлические заводы, умножать их количество, вводить... разные, до сего относящиеся мастерства» [16, т. 29, № 22208, с. 527]. Тогда как доподлинно известно, что в Оренбургской губернии, занимавшей тогда практически всю территорию Южного Урала, Указом от 13 июля 1776 года строительство новых металлургических заводов было запрещено. Причем этот указ, как уже неоднократно подчеркивалось, был подтвержден манифестом «О распространении права собственности владельцев на все произведения земли на поверхности и в недрах ее содержащиеся» от 28 июня 1782 года и жалованной грамотой дворянству от 21 апреля 1785 года.

Другими словами, Пермское Горное правление в принципе не могло выполнить предписание статьи 233 в полном объеме и умножить количество металлургических заводов как минимум на половине территории Урала. В статье же 236 составителем «Проекта...» проявлена еще большая противоречивость. «Горное Правление, рассмотря просьбу... заводчика... на основании Берг Привилегии, Берг Регламента других, состоявшихся после того узаконений по сему предмету,— говорится в указанной статье,— и, приведя в ясность... возможность, завести просимый завод, ежели найдет оный полезным для казны, представляет со своим мнением на разрешение Министра финансов» [16, т. 29, № 22208, с. 527]. Что тут можно добавить? Только то, что составитель «Проекта...» не мог не знать, что Берг-привилегия и Берг-регламент были отменены манифестом о праве собственности 1782 года и жалованной грамотой дворянству 1785 года, а они, в свою очередь, подтверждены манифестом Александра I от 2 апреля 1801 года «О восстановлении жалованной дворянству грамоты». Именно поэтому статья 236 «Проекта...», невзирая на упоминание о Берг-привилегии, объявляла разрешительный, а не явочный, прописанный в Берг-привилегии и Берг-регламенте характер строительства металлургических заводов на Урале. Причем прерогатива выдачи разрешений принадлежала уже ни Пермскому Горному правлению, ни вновь учрежденному Горному департаменту, а министру финансов со всеми вытекающими отсюда последствиями. Иначе говоря, прописанное в «Проекте...» 1806 года законодательное положение о размноже-

нии частных металлургических заводов на Урале носило исключительно декларативный характер и не более того.

Главным же в проекте Горного положения 1806 года являлось законодательное подтверждение и закрепление сословного (неравного) характера налогообложения частных уральских и подмосковных металлургических заводов, причем неоправданно завышенного. Сам же «Высочайше утвержденный доклад министра финансов и Проект Горного Положения 1806 г.», в отличие от Берг-привилегии и Берг-регламента, не являлся основополагающим законодательным актом. Таковыми являлись манифест о праве собственности 1782 года, жалованная грамота дворянству 1785 года и «Учреждения о губерниях...» 1775 года, не имевшие к горнозаводскому делу никакого отношения, за исключением частного права владения недрами. Тем не менее именно на их основе графом Васильевым и была проведена работа по «приноровлению» ряда подзаконных актов горного права XVIII века в соответствии с требованиями и пожеланиями Александра I.

Таким образом, вполне обоснованно можно заявить, что проект Горного положения 1806 года, компилятивно составленный первоначально для управления металлургической промышленностью Урала и Подмосковья, стал основой уже иного горного законодательства России. Его отличительной особенностью по сравнению с российским горным законодательством XVIII века явилось то, что право владения земными недрами уже не принадлежало государству. Оно, в соответствии с манифестом о праве собственности 1782 года и жалованной грамотой дворянству 1785 года, было предоставлено частным землевладельцам-дворянам, причем потомственным.

Последствия высокого налогообложения частных металлургических заводов в 1800–1807 годах (по Ф. Вирсту)

Прямым следствием постоянного повышения налоговых сборов с частных металлургических заводов России вообще и южноуральских в частности, как уже неоднократно подчеркивалось, стал постоянный рост цен на все виды металла в России, в особенности на железо. Его цена возросла к началу XIX века значительно, что повлекло за собой

сокращение экспорта железа в Англию. Об этом достаточно внятно сказано Ф. Вирстом в его «Рассуждениях...»: «По таблице... цена железа на ассигнации поднялась в течение 20 лет около 100 процентов. На английские же деньги сей металл, сделавшись дороже только 60 процентов. Совместничество (?) шведского и английского железа было причиною, что по возвышению у нас цены на сей продукт, знатно уменьшился вывоз оного в течение последних семи лет. Прежде... вывозимо было железа из Петербурга по 10 летней сложности ежегодно 2 300 000 пудов. В последние же семь лет вывоз оного в сложности не простирался более 1 840 000 пудов, следовательно, сей отпуск уменьшился... на 20 процентов или на $\frac{1}{5}$ прежнего своего количества... Итак, торговый баланс государства уменьшился более нежели на 2 миллиона [рублей] единственно от уменьшившегося вывоза сего продукта». И, подводя итог сказанному, он делает вывод: «Если не будет определено награждения при отпуске железа, или, по крайней мере, уничтожена подать с добывания оного, то может статься, что в непродолжительном времени вывоз сего металла совсем остановится, и торговый баланс государства потерпит от того в сложности ежегодной убыли до 4 млн рублей... Итак, когда правительство хочет повысить достоинство денег, то нужно всеми способами споспешествовать вывозу и облегчить оной, а привоз, смотря по обстоятельствам, затруднить» [1, с. 78–81].

Этот вывод Ф. Вирста заслуживает внимания, особенно на фоне все повышающихся налогов на частные металлургические заводы. Надо сказать, что если тогда в промышленно развитых странах Европы существовала практика награждения частных промышленников при отпуске железа за границу, то в России до этого дело так и не дошло. А вот подать с выплавляемого частными заводами чугуна, как уже отмечалось, отменялась в России, и действовала эта отмена с 1754 до начала 1760-х годов, с тем чтобы «содержатели... заводов и фабрик свободный капитал, а находящиеся при тех заводах и фабриках работные люди довольное пропитание себе приобрести могли...» [16, т. 14, № 10205, с. 47]. Причем упоминание о свободном капитале не случайно. Его наличие у частных промышленников способствовало тогда дальнейшему, пусть и экстенсивному, росту металлургического производства в России. Правительство же Елизаветы

Петровны последним в XVIII веке не на словах, а на деле проявляло отеческую заботу об этом.

При восшествии на российский престол немки Софии Ангальт-Цербстской под именем Екатерины II налоговая подать с частных металлургических заводов была вновь восстановлена. Причем с тех пор правительства Екатерины II, Павла I и Александра I ее не только не отменяли, но даже не снижали, а лишь увеличивали. Отсюда и постоянный рост цен на российское железо, что в свою очередь значительно облегчало иностранцам конкуренцию. Поэтому-то Вирст и писал, что ради сохранения российского экспорта железа в Европу и особенно в Англию необходимо было как минимум отменить налоги. Доказательством его правоты служили статистические данные, опубликованные Кеппенем и Неболсиным. На них же ссылался и В. И. Покровский: «Затем отпуск железа за границу постепенно возрастал до конца XVIII столетия, после чего некоторое время оставался без движения и, наконец, стал клониться к полному упадку. Развитие отпуски железа из России в течение XVIII в. видно из следующих данных».

Отпуск железа из России

Таблица 9

в разные годы XVIII столетия [16, с. 235]

Годы	Тыс. пудов	Годы	Тыс. пудов
1762	1158	1773	2744
1763	1187	1776	2323
1764	1428	1779	3055
1766	2335	1782	3840
1769	2473	1793	2996
1772	1805	1794	3885

По данным М.Ф. Злотникова, за период с 1802 по 1806 год вывоз железа составил в среднем 2 225 885 пудов, что соответствовало лишь допугачевскому периоду и было значительно ниже периода 1780–90-х годов [8, с. 582]. Снижение экспорта железа в начале XIX века подтверждает и В. И. Покровский. У него этот показатель и того ниже — 1772 тысячи пудов, так как он приводит усредненные данные за первые 14 лет XIX века, которые включают период блокады (1808–1811) [18, с. 235]. Иными словами, вывод Ф. Вирста верен. Начальный

период замедления российского экспорта железа пришелся на первые годы правления Александра I, то есть на время еще до присоединения России к континентальной блокаде Великобритании.

Этой же точки зрения придерживается и М. Ф. Злотников в своей неопубликованной второй части книги «Континентальная блокада и Россия». По его мнению, доблокадный упадок производства чугуна и железа определялся не только статистическими данными, но и мерами, которые пытались предпринять правительство Александра I. В качестве доказательства Злотников ссылается на Указ от 16 января 1807 года. «В... ободрение и распространение промышленности и торговли... повелеваем,— говорится в этом указе,— Первое, при отпуске железа за границу во всех портах и таможенных без изъятия возвращать заводчикам две трети той подати, которую они в казну с чугуна платят. Второе, дозволить каждому заводчику, выплавлять чугуна столько, сколько по собственным его расчетам найдет он для себя полезным, не полагая для того никакой определенной меры. Третье, взимание в казну сверх десятичной подати половинной меди по семи рублей за пуд, отменить, и брать с заводчиков одну только по законам установленную подать» [16, т. 29, № 22430].

В сущности, указанные меры — возврат заводчикам во всех портах и на таможенных с 1 января 1807 года двух третей налоговой подати с выплавляемого ими чугуна, снятие ограничений на его выплавку и взимание с меди только десятичных денег, — с одной стороны, свидетельствовали о правоте выводов Вирста. С другой стороны, этого явно было недостаточно, чтобы предотвратить наметившийся кризис заводов черной металлургии России вообще и Южного Урала в частности. Причем заводов, принадлежавших исключительно частным лицам. На Южном Урале в указанный период, как неоднократно подчеркивалось выше, только один Миасский медеплавильный завод являлся казенным.

«Упадок металлургической промышленности обозначился еще до блокады,— говорится по этому поводу у Злотникова,— правительство принимало меры поддержки промышленности, впрочем, меры эти являлись паллиативом и устранить кризис не могли... Упадок русской металлургии железа обозначился тогда, когда стали сказываться результаты технической революции в более передовых странах.

Таблица 10

Данные о выплавке чугуна во второй половине XVIII — начале XIX века, пудов

Год	Россия	Англия
1740	6 100 000	1 080 000
1796	11 000 000	7 786 000
1800	13 725 000	9 836 000
1806	12 220 000	16 073 000

Как видно из таблицы, соотношение по выплавке чугуна изменилось в пользу Англии только в начале XIX века. Это явилось следствием технического переворота в Англии, начавшегося в 1780-е годы, ряда крупнейших технических усовершенствований в английской промышленности: применения машин, замены древесного угля коксом при плавке руды и введения пудлингования железа. Гобсон отмечает, что в Англии применение первых усовершенствованных Уаттом машин Ньюкомена (1769) повлекло за собой увеличение среднего количества железа, вырабатываемого печью, отапливаемой древесным углем. В 1750 году доменная печь вырабатывала в среднем 294 тонны¹⁴, а в 1788 году — 545 тонн. Однако большее значение в прогрессе английской металлургии в этот период имели замена древесного угля коксом и одновременное улучшение способов плавления. Это увеличило в 1788 году средний продукт, приготовляемый отапливаемой коксом печью, до 903 тонн. К этому времени (1784–1788) относится также изобретение Кортон пудлингования и вальцевания железа, которые революционизировали производство железа. Имело также огромное значение введение паровика Уатта с двойной силой (1788–1790). В 1796 году средняя выработка доменной печи дошла до 1048 тонн. По данным Кеппена, в Англии уже в 1788 году существовало только 24 доменных печей, действовавших на древесном угле и производивших ежегодно 812 500 пудов чугуна. Тогда как 53 доменных печи, действовавших на каменном угле, производили 3 040 000 пудов чугуна. В 1796 году почти не было плавок на древесном угле, а доменных печей насчитывалась уже 121 [8, с. 576–578].

Возвращаясь к действию первого пункта Указа от 16 января 1807 года о возврате заводчикам во

14

В одной тонне 61,0482 пуда.

всех портах и на таможенных двух третей налоговой подати с выплавляемого ими чугуна, следует отметить, что эта льгота имела юридическую силу в течение 1807 года. После подписания 7 июля 1807 года Александром I Тильзитского мира и присоединения России к континентальной блокаде (системе) экспорт российского железа в Великобританию через все балтийские порты и таможни, в соответствии с секретными соглашениями, подписанными в Тильзите, был запрещен. Так что уже некому было возвращать заводчикам эти две трети налога. Если еще учесть, что все морские торговые пути на Балтике находились под контролем военно-морского флота Великобритании, то вывоз железа из России был значительно затруднен и в другие страны Европы. Возможно, именно этот факт позволил Злотникову назвать авторский вариант своей рукописи «Континентальная блокада в России». Так как присоединение России под силовым давлением Франции к континентальной блокаде Англии было очень похоже на блокаду самой России, в особенности по отношению к балтийским портам.

Указ от 16 января 1807 года о возврате двух третей подати с выплавляемого чугуна при вывозе за границу действовал и после отмены блокады Великобритании в 1812 году. Тем не менее эта льгота не привела к каким-либо заметным результатам. Ее и отменили в 1834 году.

В итоге предпринятые в 1807 году царским правительством меры поддержки металлургической промышленности России и паллиативом-то назвать затруднительно.

По поводу второго пункта Указа от 16 января 1807 года о снятии с заводчиков ограничений на выплавку чугуна крайне важно подчеркнуть следующее. С учетом того, что практически весь выплавляемый на уральских заводах чугун шел на передел в железо, названный пункт указа подтверждает, что в России все-таки действовало правительственное постановление, которое ограничивало производство железа на частных заводах в соответствии с мнением Шлаттера. «Ограничить количество деваемого железа так, чтоб излишество и неумеренность оно не могли делать подрыва в ценах при продаже за море, — говорится в шестом пункте его мнений, — а, сколько в каждый год наделявать о том для наблюдения и постановлению препорций

иное количество железа. К примеру, при описании Катавского завода, на котором действовали три молота при одном запасном, эта формулировка выглядит следующим образом: «По указному положению на заводе сем должно быть выковано железа 24 000 пуд». Когда же речь зашла об Юрюзанском заводе с двумя молотовыми фабриками, в которых действовали шесть молотов, Лепехин уже пишет, что «по числу молотов должно выковано быть железа 48 000 пудов». Произведя нехитрые вычисления, можно сказать, что на один молот приходилось 8000 пудов железа [10, с. 250–251]. К сожалению, автор «Дневных записок...» не называет ни выходных данных, ни наименование указа, который предписывал выковывать на одном молоте эти восемь тысяч пудов чугуна в год. Указ же от 21 августа 1762 года, о котором говорит Крамаренков, пока выявить не удалось.

**Заводы Южного Урала
в предблокадный период
(1801–1807)**

А. С. Ярцов [23]

§ 58.

...л. 81

*Уфалейский именового
гражданина Губина завод...*

л. 82 об.

Завод держателя Ивана меньшого Мосолова на покупной и кортомленной башкирской земле по пяти купчим... в 1751, 1754, 1755 гг. башкирцами Китайской, Сыгринской и Шуралинской волостей, по смерти же Мосолова по последнему разделу... Мосоловыми... которыми в 1792 г. продан в вечное владение именитому московскому гражданину Михаилу Губину.

...при сем заводе строения:

1) Плотина длиной 90, шириною по верху 19 сажен, спрудная вода разливается в длину на 2 версты, в ширину на полверсты, однако для полного действия воды не достает.

2) Из двух прорезов... внешняя сливной мост, отсюда проведена вода трубами в 5-ть колодцев, из коих и происходит действие заводское цилиндрическими деревянными мехами. Все же фабрики деревянные кроме доменного корпуса.

3) Здесь одна доменная печь вышиною от лещади до колоши 16 аршин, ширины в колоше 3, в распаре или середине 4 аршина, а самой горн по ...препорции вышиною 3 аршина, засыпают... в колошу угля по одному коробу, руды при каждой засыпке полагается от 20 до 30 пудов, и по 2 пуда мелкого обожженного известного камня, а в сутки угля проходит от 26 до 27 коробов, руды от 754 до 810 пудов и от 50 до 54 пудов извести.

Из того количества

л. 83

выплавляется в сутки чугуна от 380 до 400 пудов, почему в полный беспрепятственной

год выплавляется чугуна до 245000 пудов, а иногда и много меньше.

4) Горновой камень добывается в заводской даче...

в 7 верстах от завода и почти из самого Урала... глина белая для мазки оною в горну покупается у екатеринбургских крестьян в Коневской волости по 70 пудов.

5) Руды и камень в заводской даче... в 7 и 15 верстах, лучшая руда содержит в 100 пудах 50 пуд чугуна... Угля же каждой короб обходится от 75 до 85 коп. ...который выжигается и в завод поставляется крепостными крестьянами; помянутый чугун стоит пуд от 55 до 66 коп., оной перековывается здесь в железо и отпускается сего же хозяина на Суховязский и Нижне-Уфалейский завод...

6) В двух же кричных или молотовых фабриках действует 5 молотов и 10 горнов, под которыми выковывается в год полосового железа около 35000 пудов, которое и отправляется ежегодно рекою Уфою, Белою и далее по водяному сообщению в самой Петербург... к порту... каждой пуд железа обходится при заводе от 89 до 90 коп.

7) Сверх того находится при заводе все нужные службы, как то пильная о двух рамах мельница, меховая, сарай для поклажи припасов, 6 амбаров, заводская контора, кладбищенская церковь, господский дом, и...

л. 83 об.

470 домов, составляют не малое селение, расположенное на косогористом увале, поелику около завода и по обе стороны реки Уфы продолжаются Уральского хребта немалые горные отрасли.

8) В тех же домах жительствует мужеска 1318 крепостных крестьян, покосов по реке Уфе... не малое число, хлеб же и... припасы

покупаются у приезжающих сюда крестьян и башкирцов... однако запасают муки ржаной в год от 25000 до 35000 пудов, овса от 2 до 3... тысяч пудов.

§ 59. *Суховязской завод...*

Мосолова, а ныне купца

Губина

В 2 верстах ниже Уфалейского завода на речке Суховязской железной завод, построен теми же Мосоловыми по указу Берг коллегии в 1778 г., а в 1792 г. ...содержательницей Анной Мосоловой продан... купцу Губину...

При нем строения:

1) Плотина между гор, с обеих сторон дерном обложена и глиною набита, длиной 50, шириною по поверхности 8 сажен. Прудная вода разливается на 350 сажен, а в ширину на 150 сажен. Из 2-х в плотине прорезов один ларь с 5-тью колодцами для действия мехов и молотов...

2) Здесь одна кричная фабрика з двумя молотами и 4 кричными горнами, под ними железа выковывается в год не более 10000 пуд, которое вместе с Уфалейским караваном по реке и отправляется далее...

Находится здесь кузница с 1 горном, амбар для хранения припасов и 6 обывательских домов...

А лесами пользуются из Уфалейских дач. При обоих же заводах выковывается в год железа до 45000 пудов.

§ 60.

л. 84

Нязепетровский железной полковницы Хлебниковой, а ныне Полторацкой завод. Нязепетровский завод построен по указу Берг коллегии балахонским купцом Петром Осокиным в 1747 г. на речке Нязе, текущей в правую сторону реки Уфы, в 1,5 верстах от оной, а ниже Уфалейского завода примерно 40 в., от

Екатеринбурга в 140 в. Вследствие заключенного... в 1747 г. в Оренбургской губернской канцелярии контракта на месте, отведенном под завод... во все стороны по 50 в., которое куплено им же Осокиным для завода и приисков же у башкирцов Китайской волости в расстоянии от завода во все стороны по 15 верст с платою в каждой год кортомы по 90 рублей.

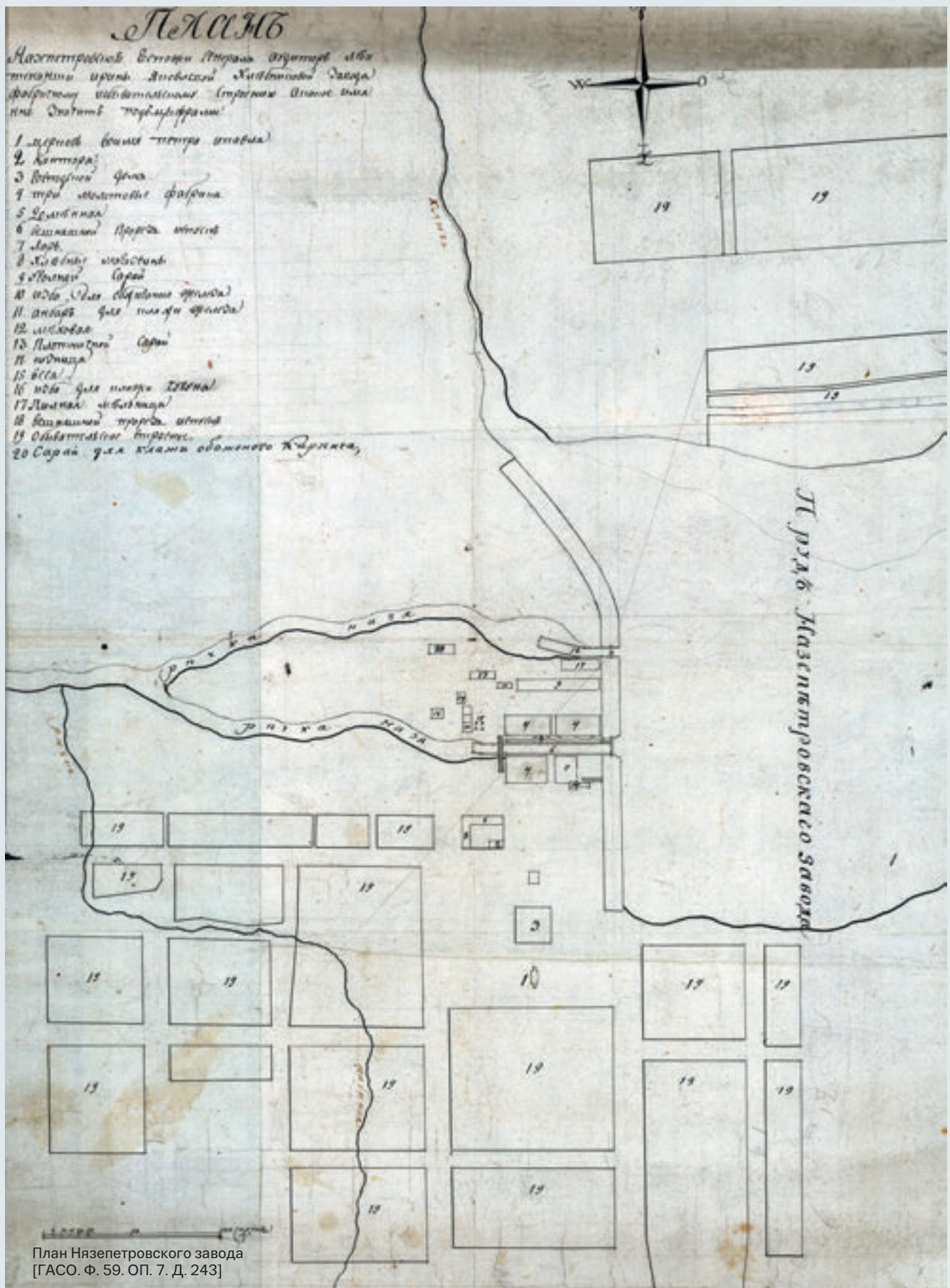
Осокин же продал, сей завод в 1751 г. тулянам заводчикам Мосоловым, которыми куплена у башкирцов в 1755 г. и остальная часть в число одного отвода земли. В 1762 г. перешел покупкою же во владение... купца Петрова обще с симбирским купцом Мясниковым. Сей же завод, после по указу Берг коллегии сдал ево одному Петрову. После смерти же ево получила в наследство дочь его, коя вышла за подполковника Хлебникова, за которым и отказан, сей завод, а ныне он числится з а дочерью сего Хлебникова, коя теперь в замужестве за коллежским советником Полторацким.

При... заводе строения:

1) Земляная плотина длиной 130, шириною по верху 7, а по отсыпи внизу 20 сажен. Спрудная вода поднимается выше порога на 5 аршин, разливается вверх же по реке на 5 в., в ширину на 150 сажен, но только в засуху и морозы воды не достает.

2) Доменный корпус с каменным двором покрыт железом, а в нем 1 доменная печь, глубиною 14 1/2 аршин, шириною в колоше 3 аршина, а в распаре 5 аршин. Горн же обыкновенной пропорции. Горновой камень или серой гранит добывается в 25 верстах от завода в Собино Енских (?) горах и своими людьми, который и стоит з добычею и провозом по 7 копеек пуд.

л. 84 об.

План Назепетровского завода [ГАСО. Ф. 59. ОП. 7. Д. 243]

глина белая привозится из 7 в. расстояния и обходится по 1,5 копейки пуд.

3) В сию домну проходит в сутки до 25 колош, угля 25 коробов, руды железной до 800, а флюсового песку до 100 пуд. Из того выплавляется чугуна в сутки от 300 до 400 пуд, а иногда и до 500 пудов, а в год от 90 000 до 100 000 пудов, который и выпускается из домны в обыкновенные печаные борозды. Из него же отливается опочная и фурмовая посуда, как то горшки, котлы, азиатские чаши и кунганы.

4) Штыковой же чугун на каждой пуд обходится при заводе по 45 коп. Большая часть оного перековывается в железо здесь же и на Благовещенском... медном заводе, для чего и сделано тамо один кричный молот, коего описание означат в своей в одной с ним части.

5) При Нязепетровском заводе 3 фабрики кричные, с 10 молотами о 16-ти горнах, под которыми при действии цилиндрических деревянных мехов выковывается в год железа от 60 000 до 70 000 пудов, ценою при заводе стоит 120 копеек. Отсюда оное отправляется по рекам Уфе, Белой, Каме и далее по Волге куда назначится. Уголь в завод доставляется расстоянием 15 и 20 верст, каждый короб стоит по 1 рублю.

6) Кроме сего находится здесь одна меловая печь и один стан для плющения железа, пильная о двух рамах и при ней мучная о 2-х поставах мельница, каменная с 5 горнами кузница, меховая, два припасных сарая и два амбара... [печь, 10 амбаров...]

л. 85
в 2-х... для хранения железа и отправляется в караване.

7) Деревянная 2-х этажная церковь, господский дом, заводская контора, коню-

шенный двор, школа для учения детей русской грамоте, больница, 363 обывательских дома. Жителей крепостных мастеровых 456 м. п. и 462 ж. п. Хлебом запасаются закупкою у красноуфимских и екатеринбургских крестьян.

8) К сему заводу считается действующих 4 рудника, неработающих 30 в расстоянии от 7 до 15 и до 50 верст. Иные же рудники добываются в дачах Уфалейских и Каслинских из самого почти Уральского хребта. Они лежат большею частью на возвышенных и инде и плоских местах, состоящих более в одном гранитном камне, окруженные красною охрою и глиною, гнездами твердого сложения... породе. Добываются они летом разносом, а зимою вывозятся с Успления. Оные руды содержат в 100 пудах чугуна от 40 до 47 пудов. В прочем же, при заводе сенных покосов и прочих угодей довольно число. А приписных крестьян здесь нет.

§ 61.

л. 85

Нижне-Сергинский заводчика Губина железный завод. От помянутого Нязепетровского завода верстах в 40 впадает в правую сторону реки Уфы река Серга, в вершинах же сей реки гораздо выше устья лежит Нижне-Сергинский завод в расстоянии от Екатеринбургга в 98 в., от Перми в 299 в. Он построен по указу канцелярии главного заводов правления дворянином Иваном Никитичем Демидовым на реке Серге в 1743 г. на купленных землях у башкирцев Терясской и Купейской волостей.

л. 85 об.

Дети его Петр и Иван, получивши по наследству, продали московскому купцу... Михайле Павлову сыну Губину в 1789 г.

При сем заводе строения:

1) Земляная плотина выложена снизу диким камнем длиною 95, шириною 17 $\frac{1}{2}$ сажень, а в высоту при коренных запорах 8 $\frac{1}{2}$ аршин. Имеет два прореза: вешняшной со сливным мостом и ларевой. Спруженная вода разливается в длину на 4 $\frac{1}{2}$, в ширину $\frac{3}{4}$ версты, но на полное действие воды не достает.

2) Важнейшее здесь заводское строение состоит из одной каменной церкви и каменной доменной фабрики крытой железом и еще 7 других деревянных фабрик.

3) В первой две доменные печи вышиною в 15 $\frac{1}{2}$ аршин, шириною в распаре 5 $\frac{1}{2}$ аршин. В оную для плавки помещается в сутки угля 32 короба, руды от 700 до 900, извести от 80 до 100 пудов. Горновой камень... добывается из Чирковской, что на Чусовой реке горы в 50 в. от завода и стоит с доставкою от 6 до 8 коп. с пуда. Глина же для мазки и достается в 1 в. от завода. Меха при действии употребляются цилиндрические. Чугуна в сутки выплавляется от 250 до 350 пуд, а в год от 65 000 до 80 000 пудов. Иногда и более 100 000 пудов.

4) Руда для сего завода употребляется вохристая разборная и разного вида, но большей части твердая, добываемая от завода от 20 до 200 верст в Шадринском уезде... Сии руды дают чугуна из 100 пудов [руды] — от 35 до 50 пудов.

л. 86

Извести вместе с рудами плавится от 13 до 14 пудов, добывается она в 7 верстах от завода. Угля на сие количество употребляется от 3 до 4 коробов. Каждый пуд чугуна обходится при заводе от 40 до 43 копеек, по перековке его здесь в железо. Остальной чугун

перевозится для того же в Верхне-Сергинский, Атигский, Козинский заводы.

5) В 3-х кричных фабриках 10 молотов при 20 горнах, под которыми выковывается в год железа от 60 000 до 82 000 пудов. Каждый пуд обходится оного от 79 до 85 коп. пуд. Все железо отправляется по водным сообщениям в разные места.

6) Кроме же сего здесь построена вновь шинная и листового железа фабрика с 2-мя печами и с 2-мя горнами для битья листов; выделяется шинного железа от 6 до 12000 пудов и листового от 400 до 650 (?) листов.

7) Имеется печь для отжигу железа, слесарная, меховая, сарай для поклажи 19 тыс. пудов угля, привозимый из 15 и 20 верстного расстояния. Каждой короб обходится от 55 до 67 коп., кузница с 12 горнами, 3 амбара для клажи железа и прочих припасов и кирпичной сарай.

8) Каменная о трех пределах крытая железом церковь, господский дом с конюшенным двором, контора и 412... домов, составляющих довольно обширное селение, в котором считается крепостных мастеровых 2494 души вместе с Верхне-Сергинским заводом.

9) Хлеб закупается в Екатеринбургге и других местах, а сена получают и дровосеках заготавливаются довольно число. В особый же магазин закупается хлеба от 40 до 50000 пудов, овса от 2 до 5000 пудов.

§ 62.

л. 86 об.

Верхне-Сергинский того же хозяина Губина завод. Верхне-Сергинский завод построен по указу канцелярии главного заводов правления в 1742 года тем же Демидовым на той же реке Серге 17 верст выше Нижне-

Сергинского завода, с котормым и продан вместе... Губину.

При нем строения:

- 1) Плотина, выкладенная снизу камнем, имеет длины 125, шириною 15 сажен, вышиною у запоров 10 аршин и два прореза вешняшной и ларевой. Спрудная вода разливается в длину на 2 версты, в ширину на 300 сажен. Чаше воды на весь год не достает.
  - 2) Из здешних фабрик в одной находится доменная печь высотой 13, в распаре $3\frac{1}{4}$ аршина, в которую вмещается 31 короб угля, руды от 700 до 800 пуд, извести от 70 до 80 пудов. Горновой камень и глина та же, что и при Нижнем заводе употребляется. Чугуна выплавляется в сутки от 300 до 400 пуд, а всего в год от 30 000 до 36 000, иногда более...
  - 3) Руды те же самые, что и при Нижнем заводе, уголь поставляется из 15 и 18-ти верстного расстояния. Каждый короб стоит от 63 до 66 коп.
  - 4) В трех кричных фабриках находится 8 молотов при 16 горнах, под которыми выковывается разных сортов железа в год от 50 000 до 70 000 пудов, из коих каждый пуд стоит при заводе от 70 до 85 копеек. В тех же фабриках вновь заведены шинная и резная. Кои выдвывают в год от 8000 до 19 000 пудов, которое [шинное и резное железо] вместе с полосовым и отправляется в караване водным сообщением в разные
- л. 87**
для продажи города.
- 5) Промеж сего находится здесь пильная о 2-х рамах мельница, меховая и слесарная, угольный сарай вмещает до 10000 угля коробов, печь для обжига железа, две кузницы с 8 горнами. Все те строения деревянные тесом крытые.
  - 6) Деревянная церковь

о двух пределах тесом обитая, два господских дома, заводская контора и 332 дома мастеровых. При обоих Сергинских заводах считается 2424 мастеровых., а женска 2431 души. Хлебом сей завод снабжается из тех же мест, как и прежний завод.

§ 63.

Атигский того же года Губина железный завод. Атигский того же коммерции советника года Губина железный завод им же построен в 1790 года на реке Атиге меж Верхним и Нижним Сергинскими заводами, вливающейся с правой стороны в реку Сергу на покупной у башкирцев и Пермских заводов надлежаще земле.

- 1) В нем плотина с вешняшным и ларевым прорезами длиной 80, шириною 12 сажен, вышины от порога 8 аршин, а спрудная вода разливается в длину на 2, а в ширину на $\frac{3}{4}$ версты.
- 2) В одной здешней фабрике под двумя молотами при 4-х горнах выковывается в год железа от 15 000 до 20 000 пудов. Каждый пуд стоит при заводе от 79 до 81 копейки. Меха здесь цилиндрические или из кадей деревянные, из коих воздух приводится к горнам трубами. Уголь поставляется из 10 и 15 верст, каждый короб стоит от 55 до $64\frac{1}{2}$ копейки. Прочие же заводские строения: господский дом, контора, сарай для поклажи 5000 коробов угля, анбар для железа и 42 обывательских дома. Живущие здесь мастеровые из тех же самых, кои причислены Пермским заводам.

§ 64.

л. 87 об.
Козинский того же Губина завод
Козинский завод построен тем же Губиным в 1801 г. на реке Коце и в покупных же

к Сергинским заводам землях. При нем:

- 1) плотина с вешняком, ларем и сливным мостом, длиной 100, шириною $9\frac{1}{2}$ сажен и 14 аршин вышины. Воды прудовой на 800 сажен в длину и 120 сажен в ширину, также на годовое действие недостаточно...
- 2) В одной здешней кричной фабрике под 4 молотами при 8 горнах выковывается в год железа около 10 000 пудов, каждый стоит по новости завода до 115 копеек. Тут построено: анбар для клажи железа, меховая, кузница и два обывательских, а ныне и более домов. Угля каждой короб из 12 и 15 верст, стоит здесь с поставкою от 63 до 65 копеек.
- 3) К Сергинским заводам принадлежит, построенная прежним владельцем Демидовым на реке Кубе пильная о двух рамах мельница в 1749 г. Коей плотина длиной 60, шириною 9 сажен, в высоту $9\frac{1}{2}$ аршин. Здесь только два обывательских дома.
- 4) Не вдалеке от завода Уфимская судовая пристань заведена тем же Демидовым в 1750 года при реке Уфе. Где есть господский дом, 4 амбара для клажи привозного железа и для нарузки в караван, одна кузница и 54 обывательских дома. Жители употребляют для строения судов, а частью в земледелии.
- 5) Половинная деревянная из 5 дворов состоящая, заведена тем же Демидовым в 1749 г. на покупной к Сергинским заводам земле, а жители употребляют в земледелии и скотоводстве.

§ 65.

л. 88
Бисертский Демидова железный завод (пропущен. — В. С.).

§ 66.

л. 88 об.
Артинский коммерции

советника купца Кнауфа железный завод.

Итак, пускаясь от означенного Бисертского завода по покатости... речки Бисерти до самой реки Уфы... от устья оной по Уфе и между устьем реки Сергии на половине на реке Арте, впадающей в реку Уфу с левой стороны, находится Артинский железный завод коммерции советника Кнауфа. Лежит [завод] от Екатеринбурга в 180 в., а от Перми в 240 в. Завод основан по указу Берг коллегии 1783 г., а построен оной тульским заводчиком Ларионом Лугининым в 1787 г. в землях, купленных им у графа Александра Сергеевича Строганова вместе с Саткинским, что в Оренбургской губернии ево же Строганова заводом, которые оные земли куплены у башкирцев Сибирской дороги. Оного Лугинина внук капитан Иван Лугинин продал ево по указу Сената и Берг коллегии вместе со Златоустовским, Троицко-Саткинским и Кусинским железными и Миасским медным заводом в 1799 г. Государственному Ассигнационному банку. Во владении, которого и состоял он по 30 сентября 1800 г. Тогда по высочайшему указу и по особому в Берг коллегии условию 6 сентября 1801 г. принял, сей Артинский и с помянутыми заводами в вечное и потомственное владение именитый купец Кнауф. А Миасский медный завод остался в казне по причине находимых около ево золотых руд. О коем впрямь будет писано.

л. 89
При сем Артинском заводе строения:

- 1) Плотина длиной на 208, шириною поверху 13 сажен, вышины на $9\frac{1}{2}$ аршин. В ней два прореза, вешняшная 7-ми сажен и со сливным мостом и ларевой.

Прудовая вода разливается на 4 1/2 версты, в ширину на 200 сажен.

2) В одной здесь кричной фабрике 11 молотов и столько же горнов с цилиндрическими мехами. Под ними выковывается полосового железа и часть сортового железа и часть сортового в год около 70 000 пуд.

3) Чугун сюда привозится вместе с другими припасами в летнее время по реке Аю, но по большей части зимою из Златоустовского, Саткинского и Кусинского заводов чрез 210 и 160 верст, почему и становится здесь со всеми расходами железо около 115 копеек.

4) Другие здесь строения: кузница с 6 горнами, меховая, три сарая, один для угля, 2-й для лесных припасов, 3-й для дела кирпича. л. 89 об.

Два анбара для поклажи железа и чугуна, а третий для провианта.

5) Здесь недавно построена каменная церковь 2-х этажная, из коих в нижнем, Покрова Пресвятой Богородицы, а в верхнем Николая Чудотворца... внутри... самой Башкирии.

Посреди же самого завода — заводская контора, господский дом с конюшненным двором... лазарет и 292 обывательских дома, составляющих немалое селение. В коем жительство мастеровых 649, женского полу — 655 душ.

6) В воскресенье и праздники съезжаются сюда... из русских, а более из башкирских селений с хлебом и прочими съестными припасами для продаж, а из здешних лесов пользуются дичью, также рыбою из пруда заводского.

7) А ниже сего завода тремя верстами... принадлежащая тому заводу мучная о 4-х поставах мельница и при ней пильная о 2-х рамах. Плотина при них длиною 170 сажен, прорез в 5 сажен шириной со сливным

мостом и ларем. Тут же построен анбар для клажи хлеба, а ниже мельницы на самом берегу реки Уфы строятся ежегодно коломенки для отправления по водяному сообщению железа.

8) Выше Артинского завода в 23 в. находится другая мушная в 3 постава и пильная о двух рамах мельница при плотине длиною 105, шириною в 10 сажен, высотой 9 аршин, укрепленная снизу камнями и фашинами с прорезом о 5 запоров, сливным мостом и ларем.

§ 67. л. 90

Каслинский дворянина Демидова железный завод. Продолжили мы описание заводов производить... около Уфалейского завода...

неподалеку отсюда на Восточном уральском скате, почти близ самого хребта лежит... Каслинский завод... при нем строения:

1) Плотина... длиною 68, шириною по верху 9 1/2 сажен, л. 90 об.

высотой 8 аршин, выложена с лица диким камнем, в ней один ларевой прорез шириной в 2 1/4 аршина, а сливной мост сделан при особой плотине. Пруд сего завода продолжается в длину на 11 верст, в ширину на 5,8 верст, она (плотина.— В. С.) запружает озеро Касли и другие с ним соединимые, как то Карень (Киреты.— В. С.), Усуль (Сунгуль.— В. С.) и Силач. Почему и довольно воды на все полное действие.

2) Здешний доменный корпус покрыт чугунными черепицами с одной доменной печью, вышиною в 13, а в распаре 4 аршина.

3) Горновой камень добывается из 69 и 70 верст по 7 коп. с пуда, а белая глина в 8 верстах. Руда из тех

рудников сюда доставляется, какие упомянуты при Кыштымском заводе. Уголь поставляется из 30. 35. 40 верстного расстояния, каждый короб обходится одного по 125 коп. Чугуна в сутки выплавляется около 350, а в год... до 120 тыс. пудов.

4) В двух каменных кричных фабриках, покрытым листовым железом и одной деревянной, действует 11 молотов и 4 запасных, при 21 горне. Под коими выковывается хорошего железа с несходным до 110 тыс. пуд. Каждый пуд одного обходится при заводе по 90 коп. Все железо (за употреблением на заводе) отправляется, как отсюда, так и с Кыштымских хозяина заводов, на Сорокинскую пристань, что при Уфе, для отправления далее по водному сообщению.

5) Здесь же находится и медеплавильная фабрика с двумя печами, но по недостатку медной руды состоит без действия с 1770 г. Из заводских строений замечается

л. 91 пильная о 2-х рамах мельница, под коей находится и мучная о 3-х поставах, кузница о 4-х горнах, 3 анбара в коих помещается до 45 тыс. пуд разного хлеба.

6) Каменная с колокольной церковью, контора, покрытая листовым железом, школа в которой мальчики обучаются русской грамоте и 420 обывательских домов, составляет завод немалое селение, в котором считается крепостных мастеровых 1456, а женского пола 1462 души.

7) Здешние обыватели... в селе Воскресенском высевают для себя в полях хлеба около 431. ржи, ячменя 11, овса 262 и пшеницы 83 четверти. Однако сего хлеба не достает, почему прикупается у приезжающих сюда каждое воскресенье

окольных русских обитателей. Пажитья места около сего завода и села Воскресенского с деревнями, составляют 598 квадратных верст. Так же и покотных мест весьма довольно.

8) В помянутом принадлежащем сему заводу селе Воскресенском с тремя деревнями, находится деревянная церковь, господский дом, две мучные о 4-х поставах мельницы и 178 крестьянских домов...

9) К сему же Каслинскому и дву Кыштымским заводам принадлежит и Сорокинская пристань, лежащая на правой стороне реки Уфы. При ней находится 46 обывательских домов. Сюда перевозится зимою через Уральский хребет железо и грузится в построенные здесь суда и отпускается водным сообщением в понизовые города и С-Петербург для продажи.

§ 68.

л. 91 об.

Верхне-Кыштымский завод дворянина Демидова. Оба Верхний и Нижний Кыштымские заводы дворянина Демидова лежат на речке Кыштыме, истекающей из самого Уральского хребта. Пруд, составляющий длину 7, шириною 3 версты, да сливающая во оной же... пруд, речка Сугомак и проведенные с юго-востока из великого озера Увильды и другие каналы, немалое делают воде приращение...

л. 92

1) При Верхнем Кыштымском заводе плотина, пресекающая речку Кыштым, выложенная с лица диким камнем или серым уральским гранитом,

л. 92 об.

длиною 58, шириною по верху 20 сажен, а вышины 11 1/2 аршин и один ларевой прорез шириною 5 1/2 аршин, а сливной мост построен при особой небольшой плотине шириною в 8 аршин (разлив

прудовой воды выше показан).

2) Доменная фабрика покрыта листовым железом, доменный корпус чугуною черепицею, с двумя доменными печами, которые вышиною от лещади 15 аршин, ширины в самом верху 3, а в середине или распаре внутри 4 $\frac{1}{2}$ аршина, вмещает в себя 650 пудов руды, 130 [пуд.] песку известного... 120 коробов угля. Горновой камень доставляется из 35 верст из здешних гор Зауралья, близь левой стороны реки Уфы собственными людьми с великою трудностью по причине горных к провозу ево мест. За провоз же его платят от 4 $\frac{1}{2}$, 5, 7 копеек с пуда, а белая глина... добывается от завода в 4-х верстах. Проплавается здесь... чугуна от 395 до 400, а в год 138 000 до 159 000 пудов, иногда и более.

3) Руды для плавки чугуна употребляются большою частью вохристые мягкие и добываются в 12, 30, 40 верстах от завода, а именно во многочисленных... приисках, лежащих в собственной земле... между озерами Иртяшем, Кызылташем и Глубокой речкой... в 12 верстах от завода; в Сугомакском руднике на северо-запад по правую сторону речки Сугомака, по правую сторону речки Сака Саги в 4 верстах, в земле отведенной заводской канцелярией, также и в 30 верстах в башкирской отведенной земле.

л. 93

Равно... в рудник[ах], лежащих (?) в горной стороне от завода в 50 верстах в собственной земле... Состоят из гранитно-известковой и других горных пород. Руда в них лежит жилами и гнездами. Главные жилы вглубь уходят отвесно от 2 до 5 сажен. Протяжение же оных руд продолжается

от 1 до 3 верст, а в ширину от $\frac{1}{2}$ до 1 версты. Длина и ширина самой большой жилы или пласта от 5 до 10 сажен, сопровождается каменистою известковою породою. Обрабатываются разносами и ямами, а потому укрепления не употребляются. Зимую гнездами и подкопами...

Все же те руды содержат чугуна в 100 пудах [руды] от 45 до 50 пуд; добавляется известного песку по 20 пудов, добывается он в 7 в. от завода; уголь обходится каждый короб по 117 коп., из 18, 20, 40 верстного расстояния; чугун выпускается три раза за сутки, а посуда здесь не отливается и со всеми расходами обходится пуд чугуна по 52 копейки.

4) В 3-х каменных кричных фабриках, крытых железом 9 молотов и 3 запасных, при 18 горнах. Под ними выковывается в год железа хорошего от 70 000 до 100 000 пудов. Несходного [железа] употребляется на заводские поделки от 10 до 19 тыс. пудов, ценою стоит при заводе по 98 копеек.

5) Две кузнечные фабрики и одна из них каменная с 8-ью горнами. В ней же помещен, молот с двумя горнами для делания уклада в небольшом числе, и для [ковки] небольших якорей, употребляемых в караване.

л. 93 об.

Другая же деревянная кузница о 4-х горнах для мелочных заводских вещей. Кроме сих имеется при заводе из камней строенная столярная, слесарная, а в деревянных меховая, сарай для лесных припасов, сарай для угля, кирпичича... (производят кирпич в год от 30 до 40 тыс. [шт.]), 3 анбара для провианта, куда помещается до 40 000 пудов муки ржаной.

6) Обывательских домов считается здесь 500, подле

пруда построена каменная с высокою колокольней дву престольная церковь, большой каменный 2-х этажный дом с каменными службами, обнесен вокруг каменною стеною. Все строения, как и каменная заводская контора, крыты листовым железом.

При оном доме сад, насажен здешними деревьями: липою, березою, рябиною, черемухой, смородиной, малиной и вишней.

Для господских мальчиков заведена здесь школа в каменном здании, где обучаются русской грамоте и арифметике.

7) Для годового содержания закупается здесь всякого хлеба до 58000 четвертей, который привозится сюда из русских и башкирских селений. Обширные около завода озера и заводские пруды доставляют жителям величайшее изобилие всякой рыбы, а окрестные леса — довольно количество дичи. Сена ставится около озер довольно число.

§ 69.

Нижне-Кыштымский завод сего хозяина.

Нижне-Кыштымский завод 4 в. ниже сего Верхнего, построен на той же речке Кыштыме, при нем плотина длиной 100, шириной 5 $\frac{1}{2}$ сажен, вышиною 7 аршин, также с лица выкладена камнем, как и Верхняя.

л. 94

Имеет ларевой прорез в 2 $\frac{1}{4}$ аршина, а при особой небольшой плотине вешняшный сливной мост в 13 аршин. Спрудная вода разливается в длину на 1, в ширину на $\frac{1}{2}$ версты. Важнейшие здесь строения:

2) Три каменные крытые железом кричные фабрики, в них действующих 9 молотов и 3 запасных при 18 горнах, под которыми выковывается в год железа от 60 000 до 80 000 пудов, несходного от 9 до 13 тыс. пудов.

Каждый пуд обходится по 98 копеек. Уголь поставляется чрез 22, 24 и 44 версты.

Каждый короб ценою стоит по 125 копеек. В одной из фабрик помещены... 4 печи для дела крышечного железа про заводской обиход.

3) Пильная о 2-х рамах мельница, под ней мучная о 3-х поставах. Кузница о 4-х горнах. Обывательских домов считается здесь только 47, да в Ирдягинской [даче] в 4-х деревнях крестьянских дворов 300, около коих пажитной земли считается 20 квадратных верст.

§ 70.

л. 94 об.

Златоустовский купца Кнауфа завод.

От мест Кыштымских и Каслинского завода восходим мы паки на ту ж самую Уральского хребта высоту, откуда источиваются первые вершины... на север по длине разреза Уральского протяжения реки Чусовой, оттоль на запад реки Уфалея...

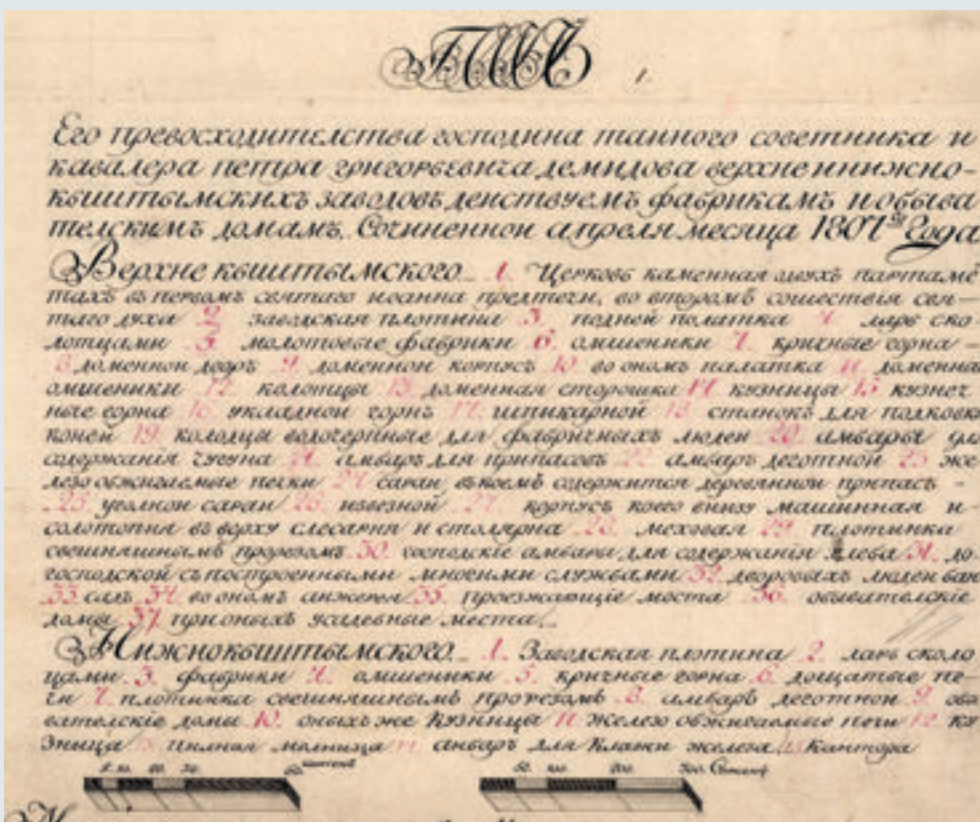
Итак, Златоустовский железный завод бывший купца Лугинина, потом Ассигнационного банка, от него по условию... именного указа, Берг коллегией отдан именитому московскому купцу Кнауфу. Оной основан в вершинах реки Ая, впадающей с левой стороны в реку Уфу, от Екатеринбурга 317, от Челябинца во 120, от Уфимска в 300 в.

л. 95

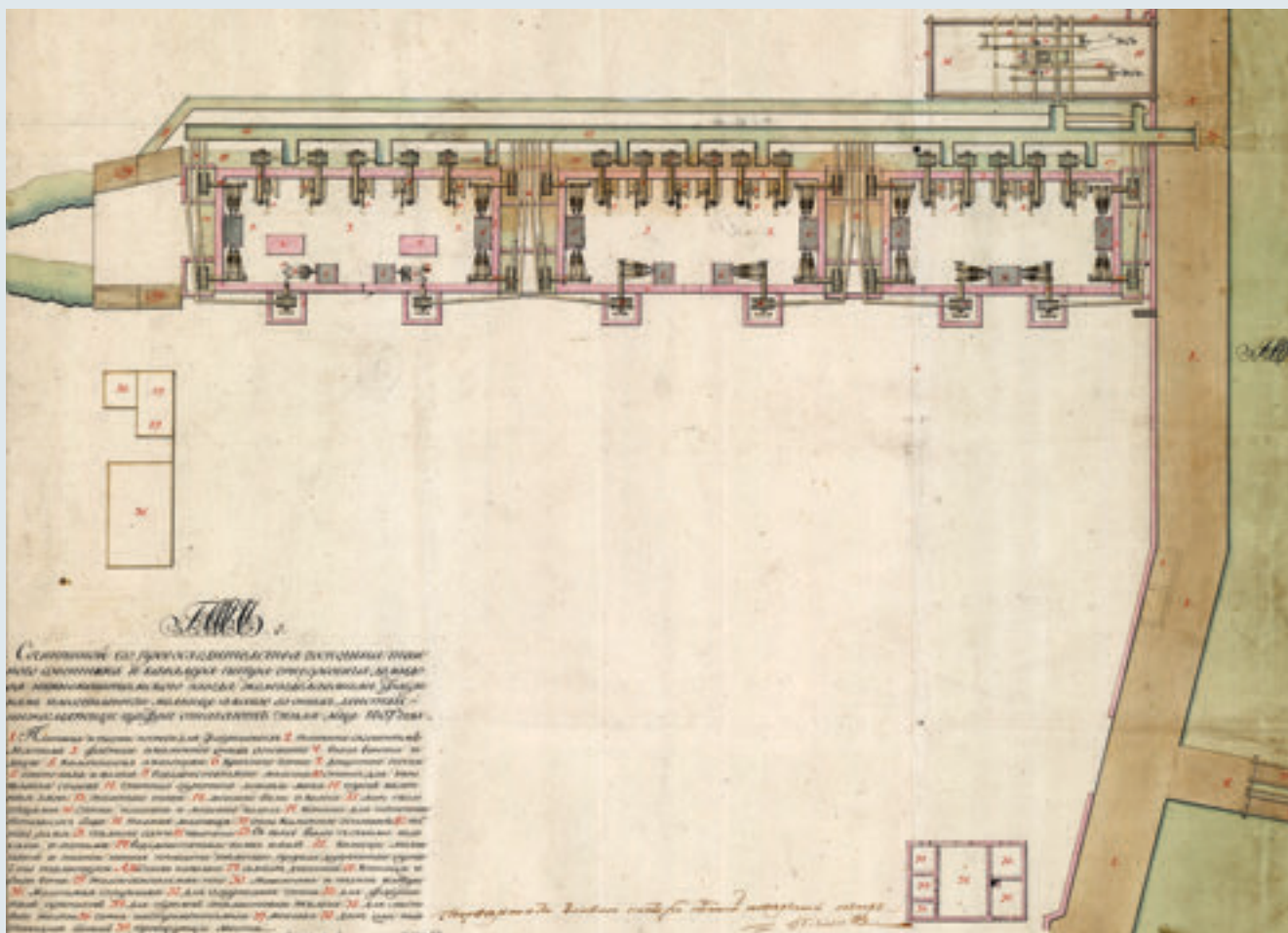
Сей завод построен в 1761 г. на покупной в 1754 г. земле у башкирцев разных волосей вообще Лугининым и Мосоловыми по заключенному ими в Оренбургской губернской канцелярии контракту в 1751 г. на реке Аю, как выше писано... При нем плотина длиною по верху 125, шириною 15 сажен, содержащая воды около 9 аршин, с подлежащими для полой воды прорезами и ларем. Фабрика каменная

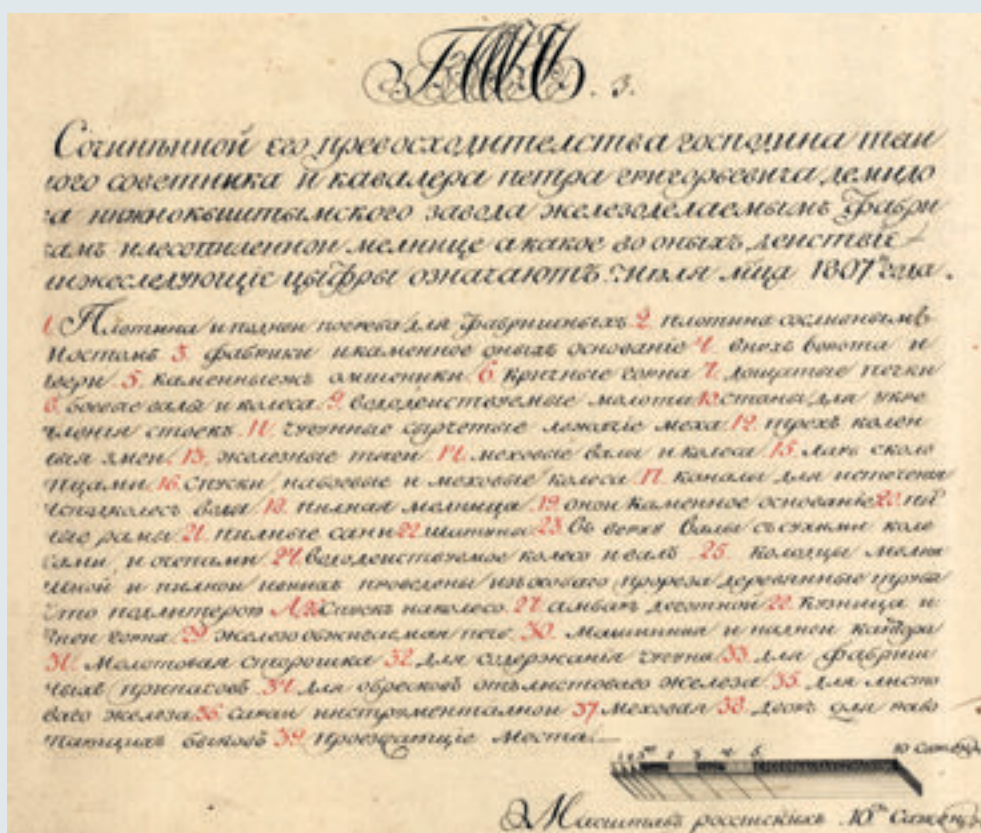
План Верхне-Кыштымского завода [ГАСО. Ф. 59. ОП. 7. Д. 946 (фрагмент)]

Описание к общему плану
Верхне-Кыштымского и
Нижне-Кыштымского заводов
[ГАСО. Ф. 59. ОП. 7. Д. 946
(фрагмент)]

План Нижне-Кыштымского завода. 1807 год [ГАСО. Ф. 59. ОП. 7. Д. 1735]

Описание плана Нижне-Кыштымского завода [ГАСО. Ф. 59. ОП. 7. Д. 1735 (фрагмент)]

доменная 1, молотовых [фабрик] 3, фурмовая 1, плющильная 1.

3) В первой фабрике доменных печей 2, каждая домна внутри вышиною 17, в колоше 3., а в распаре по 4 аршина. Горн обыкновенной пропорции. Горны и трубы выложены из серого здешнего гранита или видом песчано-твердого камня, а весь доменный корпус складен из красного кирпича. Меха же при оной чугунные цилиндрические, а при... (?) квадратные, т. е. из чугуна выполированные доски и с прокладкою сукна сложения¹⁵ винтами скрепленные. Мерию же цилиндрические в поперечнике 1 1/4, а вышиною обои в 2 1/2 аршина, в них ходят поршни, из них в горны сопла вставлены чугунные.

4) В каждой домне проходит в сутки колош до 40.

В каждую колошу руды железной кладется по 31, извести по 8 пудов, угля по 1 коробу. Чугун 3-мя выпусками всегда выпускается от 450 до 550 пудов. Во 100 пудах руды, чугуна содержится до 46 пудов. Здесь льются также горшки, котлы, треножки, и прочие припасы, а штыковой чугун употребляется на ковку железа. При обеих домнах обращается работников 54 человека.

5) В 3-х молотовых фабриках 20 кричных горнов и 20 молотов, которые железные и чугунные, весом от 19 до 20 пудов. Для отжигания полосового железа — обжигательная печь, один якорный горн, 4 колотушечные небольшие молоты, 1 станок плющильный, 3 катальных, 1 прорезной,

15
Из досок чугунных сложенные меха здесь для того сделаны, чтоб избежать застревания в полировке круглых цилиндров и бочек, потребно бывает водяная машина и не малое времени продолжение к отделке оных цилиндров.

гвоздильных горнов 4, стальной один горн с 1-м молотом, цементных печей для дела стали 3 (?), дощатых 6 молотов. Прорезного железа делается до 10 000 пудов. Кузнечных горнов — 18, слесарная, меховая, водяных колес 59.

6) При заводе господских домов 17, контора, обывательских и домов мастеровых 775, что составляет огромное селение. Во оных домах живет мастеровых при разных ремеслах 1238, да вольных работников от 200 до 250 человек.

Приписных крестьян нет.

7) Рудников считается в работе 4, неработающих 5, они находятся в угористых и плоских местах в расстоянии от завода от 3, 7, 15 до 50 верст. Горы состоят из разного рода гранитного камня, руды лежат жилами

л. 95 об.
и гнездами в желто-красной охристой земле и глине, длиною они простираются от 10. до 12 сажен, вглубь уходят от 6 до 7 аршин и далее. Рудная матка — из разных видов, более кровавикова. Работа производится разносами и ямами без всякого укрепления.

8) Лошадей при заводе господских 1089, волов 77, для заводских работ.

9) Выкованное железо отправляется по реке Аю, Уфе, Белой и далее по водному сообщению.

§ 71.

л. 96

Миасский бывший Лугинина, а ныне казенный медный завод, где золото досталось. Миасский медеплавильный завод, что в Оренбургской губернии, в расстоянии от Екатеринбурга 280 в., от Челябинска 90 в. Начат строением по указу Берг коллегии в 1778 г. в заводе лесном к Златоустовскому заводу...

Сей отвод, занимает все вершины реки Миасса,

текущей из Зауральского хребта на восточную Уральскую сторону. Выше в параграфе 66 при Артинском бывшего Лугинина заводе, было означено, как о поступлении сего же Миасского, Златоустовского, Кусинского заводов, сперва в Государственный Ассигнационный банк. От него в 1800 г. по особому условию... передан в вечное владение купцу Кнауфу, кроме Миасского завода по причине, оказавшихся при нем золотых руд. В именном указе того года 30 сентября Берг коллегии сказано: «...Из общих дач (Златоустовских) к Миасскому заводу отделить земли с лесами и со всеми угодьями по речке Атляне, впадающей в реку Миасс, до вершин хребта гор, с чебаркульскими лесами и сенокосами, прежде к тому заводу принадлежащими...»¹⁶

л. 96 об.

При сем заводе строения: Плотина длиною 85, шириною по верху 10., по отсыпи снизу 17 1/2 сажен, высоту 4 1/2 сажени. Сама же отсыпь, отсыпана плавильным соком, а снизу окладена диким камнем. В плотине два прореза, один для вешних вод 4 сажени, другой ларевой для действия заводского.

л. 97

На ларевом пороге содержится воды высотой 4 аршина 12 вершков. При сей плотине имеется пять фабрик — медеплавильная, золотопромышленная, лесопильная вместе с мучной и мусорная толчея.

2) В первой фабрике 8 медеплавильных печей в одной связи, и все печи

16

Далее идет более подробное описание лесного отвода, а также излагается проблема пользования лесными угодьями для чебаркульских казаков и крестьян, вознившая после отвода лесов казенному Миасскому заводу.

низкого сорту вышиною от 5 до 6 1/2 футов, внутренность же печей выкладывается гранитным камнем, а с ее передней части — белым кирпичом. На действие печей употребляется работных людей 48, кои меняются через 12 часов.

3) Медные руды в плавку [идут] одни легкоплавки, другие упорны и примешиваются к ним известкового песку и прибавляется [в рукописи слово не читается] шихта и содержит в себе от 120 до 150 пуд и каковых руд в сутки проплавляется от 100 до 200 пудов. Угля же на... шихту или однослойную часть употребляется от 3 1/2 до 4 1/2 коробов. Из них получается роштейна от 3 до 7 пудов, да медного чугуна

от 3 до 5 пудов, а вообще, получается, от 6 до 13 пудов.

Впрочем, строение печей принадлежащих к Solne [далее слово не читается] архитектуре, а плавку руд к химическим процессам, о чем будет сочинена особая часть о всех рядах плавильных печей и в них плавков, то читатели к той части и отсылаются.

4) Золото промывается... в вашгердах... кои действуют водою...

л. 97 об.

5) Затем пильная мельница о 2-х рамах, а мучная о 4-х поставах, кузница о 4-х горнах, меховая, слесарная, конюшенный двор, хлебные анбары 2-х этажные, припасных анбаров 9. Всего водяных колес 15.

6) Собственных мастеровых при заводе и рудниках считается по 5 ревизии всего... 345, женска 928. Из мастеровых находится при должностях заводских и малолетними 535 человек. Управляющего 2-х этажный дом, деревянных 2, домов мастеровых 197, госпиталь о 3-х светелах.

7, 8) ...Приписных крестьян не имеется. Лошадей при

План
Златоустовского завода.
1811 год [ГАСО. Ф. 59.
ОП. 3. Д. 3078. Л.1]

заводе и рудниках 65, волов 30.

9) Медных рудников к сему заводу, так и к Златоустовскому и Саткинскому приписанных, а Берг коллегией к Миасскому заводу утвержденных, работающих 5, выработанных 10, неразработанных в разных уездах около 200 и отстоят от завода от 5 до 120 верст. Сии рудники большею частью лежат в Уральских горах и сопках, в разных уклонах. В одном из них Поляковском рудоносная гора состоит из вапу, серпентина, рогового камня или кремния.

Над коими находятся следующие руды: красная медная руда, заключенная прожилками в роговом камне, более или менее медью проникнуты, соковидный малахит и медно-синий. Сверх того находится тут руда, состоящая из одной железной охры, более или менее окрашено медною зеленью. Положение оных наклонено плоское, толщиной от $\frac{1}{2}$ до 1 аршина. Работа в них [производится] шахтами, а из оных проходными штольнями и гезенками со внутренним лесным укреплением по горному искусству.

2) Княжеская гора состоит из мелкозернистого извезного камня, серпентина и порфира. Все последние руды находятся жилами... соковидные и лазуристые (?), они с горною железною породою немешивается, а последние заключая в себе жирной кварц, при сих находится и медный колчедан, толщиной до 1 аршина. Работы производятся штольнями и квершлагами со... укреплением. И еще близь сих оных есть работающие рудники, с помянутыми в рудах положением, только жаль того, что они... не положены вообще на карты по правилам подземной географии, через что и можно было прийти

до богатейших рудосложений.

А посему и стоят оные местоположения разыскания искуснейшими минерологами и соображения и положения подземною геометрией в рассуждении и жильных и гнездовых по сторонам света протяжением и перекрестиям, где руды по большей части соединяются в кучные гнезда или штокверки.

10) Что касается до золотых миасских руд, в 1803 г. из коих первой Степной рудник, расстоянием от завода в 30 в.

л. 98 об.
[Выплавлено] с 1800 по 1806 г., т.е. в 6 лет от 4 до 5 тысяч в год, а во все 5 лет всей меди до 30 тысяч пудов. Золото с 1803 со вновь открытого Степного рудника по 1806 г., т.е. в 3 года [добыто] около 10 фунтов. Ценою золото обходится по 1 руб. 39 $\frac{1}{2}$ коп.

§ 72.

л. 101 об.
Кусинский господина Кнауфа железный завод построен капитаном Лугининым по указу бывшей Уфимской казенной палаты в 1788 г. в той же губернии в принадлежащей к Златоустовскому заводу даче на 30 верстной лесной окружности.

При нем строения:

1) Плотина длиною 126, шириной по верху 11 сажен. Содержит воды вышиною 7 $\frac{1}{2}$ аршин. При ней фабрика доменная и молотовая.
2) В доменной фабрике 2 доменные печи вышиною по внутреннему действию 15 $\frac{1}{4}$ аршин, в колоше 3, в распаре или середине 4 аршина. Горн и прочее по обыкновенному размеру из твердого серого гранитного камня состоят. Меха же при сей домне чугунные из полированных досок с суконною прокладкою в 4-х угольном виде

и винтами скрепленные¹⁷.

л. 102
В домну же полагается в одну засыпь руды до 37 пудов, извести для флюсу по 8 пудов., угля по 1 коробу. Чугун выпускается [в сутки] по 3, 4 и до 5 раз. Каждый выпуск составляет от 520, 575 до 600 пудов. На оное количество чугуна руды переплавляется от 1130 до 1365 пудов, извести на то исходит до 21 $\frac{1}{2}$ пуда, угля полагается... по 2 короба и 17 решеток. 100 пудов руды содержит в себе чугуна от 38 до 46 пудов. При сем действии меха в минуту поднимаются 12 раз. Всех работников при одной печи находится 38, да рудобоев 16, а всех 54 человека¹⁸.

3) В молотовой фабрике кричных горнов 8, а молотов 8, все они чугунные от 20 до 22 пудов каждый. Меха подобные же доменным чугунные, а есть и деревянные цилиндрические калями. Каждый мастер в сутки выковывает полосового железа по 20, а вне дела от 80 до 85 пудов. Причем действует только три человека, т.е. мастер, подмастер, работник и из задельной платы.

Находится здесь кузница о 4-х горнах, мукомольная о 3-х поставах мельница, лесопильная о 2-х рамах. Всего же водяных колес считается 31. Делается здесь сталь уклад про заводской обиход.

4) При заводе имеется 10 господских домов, мастеровых и обывательских — 140. В них жительствует

л. 102 об.
мастеровых мужеска 295 человек, собственных крестьян 506, да вольнонаем-

¹⁷
Весьма плоховит человеческий разум...

¹⁸
Можно руду разбивать и рудобойным молотом, а не разбирать руками. При этом освобождается до 10 человек

ных от 170 до 200 человек. А приписных крестьян не имеется. Лошадей при заводе 383, быков при рудниках 30.

5) К сему заводу имеется отводных рудников, действующих 3 (?), недействующих 2, приисков 10, которые находятся в гористых и плоских местах... от завода в 10, 14 и 25 верстах.

Окружающие горы состоят из разного рода камня. В них руды жилами и гнездами, в разноцветной железистой глине и камне, смешанные с желтою железистой и синеватою охрой, длиною от 5 до 10 аршин, шириною не известно. Вглубь уходят от 5 до 6 аршин и далее. Работа производится разносами и без всякого укрепления и выносятся наверх в носилках. Иные же добываются кайлами и ломами... бурят и порохом, если где скапливается вода, то отливается ручными насосами.

6) Чугун при заводе стоит от 29 до 59 $\frac{1}{2}$ копеек, железо от 35 до 131 копейк.

§ 73. Саткинский... Кнауфа железный завод.

От помянутого завода, спускаясь по реке Аю вниз около 20 верст... у реки Сатки... от устья верстах в 30, сидит в горах Саткинский железный завод в расстоянии от Екатеринбургa 365 в., Уфимска 250, от Челябинска 168 в., от Оренбурга в 600 верстах. Сей завод, построен в 1758 года на покупной графа Александра Сергеевича Строганова у башкирцев земле по указу Берг коллегии на речках Большой и Малой Сатках. Леса к сему заводу принадлежат всякого северного рода.

л. 103
При Саткинском заводе строения.

1) Плотина длиною

по верху 152, шириною 20 сажен, поднимается на пороге 8 $\frac{1}{2}$ аршин. Фабрик при заводе — доменная 1, молотовых 3, фурмовых 2. В первой фабрике одна доменная печь, вышины от лещедного камня и колошею 15 $\frac{1}{2}$ аршин. Колоша — 2 аршина и 2 вершка, в распаре — 4 $\frac{1}{4}$ аршина. Горн такой же, как и при Кусинском заводе из серого песчаного камня. Меха чугунные цилиндрические. Колош проходит в сутки от 22 до 30. В каждой полагается руды по 35 пудов. Чугун выпускается по 4 раза, а в сутки одного, получается, от 450 до 540 пудов. А от 100 пудов выходит чугуна по 45 пудов. Здесь льются заводские припасы, котлы, чаши и прочее.

2) В молотовых фабриках кричных горнов 20, кричных действующих молотов 18, меха цилиндрические чугунные и деревянные 4-х угольные. Мастер выковывает в неделю полосового железа от 70 до 80 пудов. Есть здесь резной стан для пруткового железа и дела-ния стали, кузнечных горнов 8, слесарная 1, меховая, мукомольная мельница о 7-ми поставах. Колес водяных 30.

3) При заводе господских домов 26, мастеровых и обывательских домов 407. В них находится жителей для работ 414 человек, из собственных крестьян, кроме мастеровых, 621, да вольных работников от 150 до 200 человек. Приписных крестьян не имеется.

л. 103 об. лошадей при заводе господских 652, волов 38. 4) Рудников к сему заводу считается работающих 7, действующих 6, приисков 15. [Далее идет описание рудных мест, самих рудников, как и к Златоус-

товскому заводу.] § 74. Юрюзанский железный майорши Дурасовой завод. Мы переходим теперь от вершин реки Ая на вершины реки Юрюзани... Сидит Юрюзанский майорши Дурасовой железный завод в расстоянии от Екатеринбурга в 430 в., а от Оренбурга в 420 в. Сей завод, построен по указу Сената и Берг коллегии в 1758 г. прежде бывшими заводчиками... Твердышевым и Мясниковым., внутри Башкири на покупной у башкирцев Кудейской волости земле, которой в бывшее башкирское замешательство в 1773–1774 гг. сожжен. В 1776 г. вновь выстроен, а в 1782 г. по наследству и разделу между мясниковскими дочерьми достался майорше Аграфене Дурасовой.

л. 104 При... заводе строения. 1) Плотина длиною 120, поверху шириною 15 сажен. Вода на пороге поднимается на 4 $\frac{1}{2}$ аршина, вешняшный прорез шириною 5 сажен. Фабрика доменная 1, молотовая 1, якорная 1. 2) Доменных печей 2, вышиною обе внутри 18 аршин, вверху шириною 3 $\frac{1}{4}$, в середине 5 $\frac{1}{4}$ аршина. Горн из крепкого камня обыкновенной меры. Меха из вылитых полированных чугунных досок 4-х угольные. Руды кладется в каждую колошу от 20 до 30 пудов, кричного соку¹⁹ от 2 до 4, обожженной извести от 2 до 3 пудов, угля по 1 коробу. Колош в сутки проходит от 20, 25 до 30. В 100 пудах

19 «...В других заводах пробовано было ево с рудою плавить, но мало успеху в деле железа от сего происходило, поелику он из руд делаемом железу придает некую жесткость...»

руды чугуна содержится от 50 до 54 $\frac{1}{2}$ пудов.

3) В молотовой фабрике кричных горнов 9 и молотов 9, да запасных 3, молоты железные, меха цилиндрические чугунные, есть деревянные. Один молот для дела стали с одним горном; делается здесь и томленная или цементная сталь. Горнов якорных 2, для новых и починки старых молотов. Печь для пющения и резки пруткового железа в особой на то устроенной машине. Кузнечных горнов 4, меховая, лесопильная о 2-х рамах, мучная о 3-х и 5-ти поставах мельницы. Всего колес [водяных] 40.

4) Господский дом, мастеровых и обывательских [домов] 633. Мастеровых по 5 ревизии 450, женска 503 души. Да сверх того, купленных у разных помещиков крестьян 1372 души. Из оных употребляется в заводских работах 1005 человек. Приписных крестьян не имеется. Лошадей при заводе 25.

Рудников к Юрюзанскому заводу числится действующих 5, неработающих 14, они в Уральских горах по увалам... в расстоянии от завода в 8 и 50 верстах. [далее идет описание рудоположения...]

§ 75, 76.

л. 105 Катав-Ивановский Козицкой завод построен по указу Берг коллегии в 1755 года внутри Башкирии... 3) Плотин 2. Одна при оном заводе, другая при Усть-Катаве. Первая длиною 150, шириною 14 $\frac{1}{2}$ сажен, воды содержит вышины 7 аршин, вешняшный прорез шириною 5 сажен. При Усть-Катаве плотина длиною 190, шириною 10 сажен, воды содержит 4 $\frac{1}{4}$ аршин. При

костей находится и пристань, где коломенки для каравана строятся.

4) При первой плотине домен 2, одна из них запасная; каждая вышиною 17 $\frac{1}{2}$ аршин, шириною в колоше 3 $\frac{1}{4}$, в середине 5 $\frac{1}{4}$ аршин. Горн — обыкновенной пропорции. Меха чугунные, как при Юрюзанском заводе. В одну колошу помещается руды из 4–5 рудников от 22 до 30 пудов,

л. 105 об. соку кричного от 3 до 6 пуд, извести по 3–4 пуда, угля по 1 коробу. Чугуна в сутки выплавляется от 350 до 500 пудов. Из 100 пудов руды и кричного соку чугуна, получается, от 50 до 53 пудов. Отливается здесь чугунная посуда. В год чугуна выплавляется от 150 до 215 тыс. пудов, ценою от 32 до 38 копеек; железо — ценою от 80 до 87 копеек за пуд.

5) В молотовых фабриках обоих заводов кричных горнов 16, действующих молотов 14, запасных 2. Все сии молоты железные весом от 16 до 19 пудов. Меха... из чугунных досок, 4-х угольные, скрепленные винтами. Железо делается всех сортов...

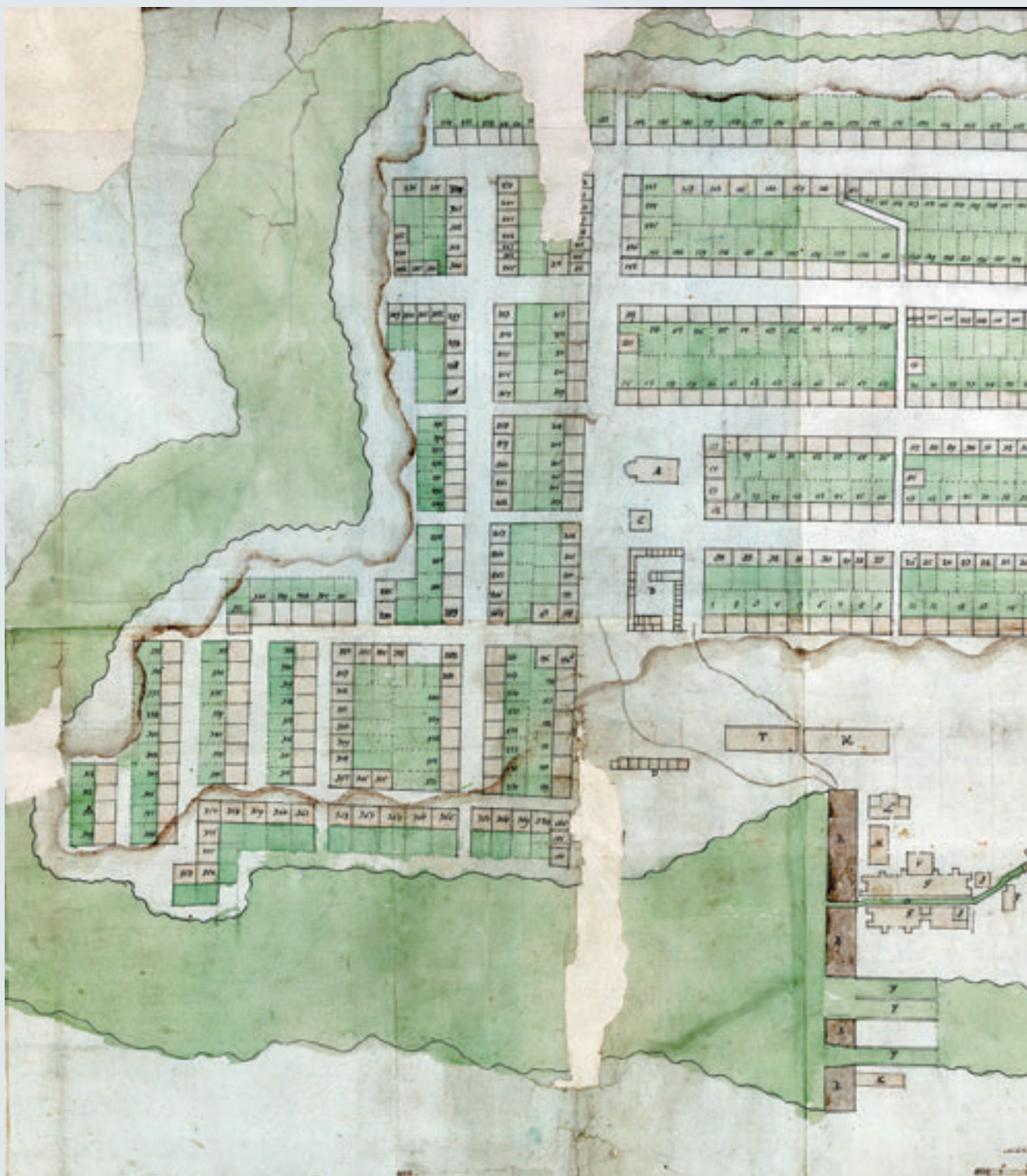
6) При сем заводе делается сталь, якорных горнов 2, кузнечных горнов 3, слесарная, меховая, пильная о 4-х рамах, мучная о 5-ти поставах мельницы. Водяных колес 51.

§ 77, 78.

л. 106 Симский подполковницы Бекетовой железный завод. От Катав-Ивановского завода мы переходим... по длине Уральского протяжения чрез 30 в. на вершине реки Сим... сидит Симский железный завод. Он построен в 1759 г. Твердышевым и Мясниковым в Уфимской округе... в 1774 г. выжжен башкирцами, а в 1777 г.

План Юрюзаньского завода.
1809 год [ГАСО. Ф. 59. ОП. 7.
Д. 394]

вновь выстроен. По смерти Твердышева и Мясникова в 1782 г. по наследству и разделу... достался нынешней содержательнице Бекетовой. В 1784 г. по указу Уфимской казенной палаты, ниже на сей же реке Симе, для отпуску по ней железа... устроена судовая пристань. Для дела железа построена молотовая фабрика; есть два якорных горна, 1 дощатый горн, кузница с 2-мя горнами, меховая, две мельницы: пыльная о 4-х рамах, мучная о 3-х поставах.

Строения при заводе:

2) Господский дом, домов мастеровых и обывательских 750. Мастеровых по 5 ревизии собственных — 470, женска — 520, из них в работу — 228. Сверх того при заводе находится собственных крестьян, кроме мастеровых, 190, покупных по разделу в 1785 г. — 647, переведенных заводчицы госпожи Бекетовой — 797. Из числа оных в работу употребляется 116.

3) Рудников отведенных действующих 6, не действующих 7, от завода в 20 и 112 верстах.

§ 79.

л. 110 об.

Белорецкий ассесорши Пашковой железный завод. **л. 111**
... сожжен в 1774 г., в 1776 году вновь выстроен.

Строений при заводе:

плотина длиною 381 сажень, шириною по верху 14 сажень, воды содержит 5 аршин 14 вершков. Внешняя шириною 22 сажени. Доменная фабрика 1, молотовая 1, фурмовая 1, якорная 1.

2) Доменных печей 2, из коих одна запасная; каждая высотой от лещади с колошей 17 аршин, в распаре... 5 аршин. Горн обыкновенной пропорции складен из белого дикого камня, а доменный корпус из красного кирпича, внутри из белого кирпича. Меха

старинные. В 1 колошу входит магнитной руды от 25 до 30 пудов, кричного соку от 4 до 5 пудов, извести от 3 до 4 пуд, угля по 1 коробу. Колош в сутки проходит от 20 до 30, а чугун выпускается два раза. Из 100 пудов руды чугуна выходит от 55 до 63 пудов.

3) В молотовой фабрике кричных горнов 11, молотов 10, запасных 3. Все молоты железные весом от 18 до 20 пудов. В [кричный] горн кладется чугуна по 12, а железа выходит по 8 пудов. Крица поспевает 7–8 часов. Каждый мастер выковывает в неделю железа по 80 пудов. В молотовых мастеров, подмастерьев, работников — 198 человек. При заводе делается сталь для своего обихода. Для этого имеется особый горн и молот.

Так же, в заводе имеются: якорный горн; горн для листового железа, а при нем два молота, один расковочный, другой гладильный; колотушечный горн с небольшим молотом; кузнечных горнов 4; меховая; пыльная о 3-х рамах, мучная о 3-х поставах мельницы.

4) Господский дом, домов мастеровых 760, самих мастеровых — 184, ж. п. — 178, покупных крестьян — 650. В деревне Ломовке — 1033, в деревне Березовке — 569.

§ 80.

л. 113

Демидова Узьянский железный завод. От Белорецкого завода вниз по реке Белой... верст через 50, впадает с левой стороны река Узьян, на которой лежит Узьянский Демидова завод, от Уфы 240 в., от Верхнеуральска 105 в. Основан по указу Берг коллегии 1753 г., а поострен в 1771 г. дворянином Евдокимом Демидовым. Завод достался ему по купчей 1760 г. от Козьмы Матвеева, а Матвееву

уступлен был в 1758 г. от начального основателя завода, графа Шувалова. По смерти же дворянина Демидова (онные заводы?) в 1783 г. достались наследнику ево дворянину Ивану Демидову, который им и ведает.

л. 113 об.

Доменных печей 2, одна запасная, каждая вышиною 13 1/2 аршин, в распаре 5 аршин, в колоше 3 аршина. Горн из крепкого камня, обыкновенный. Весь доменный корпус из кирпича. Меха деревянные большие старинного устройства, т. е. длиною 9 1/2, шириною 3 аршина, вышиною 1,5 аршина. Сопла в горну стоят от лещади 12 вершков. В одну колошу помещается руды одного сорта от 30 до 32 пудов, известного камня по 2 пуда. В каждой домне в выпуске, получается, от 140 до 150 пудов, а в сутки до 300 пудов. Из 100 пудов руды чугуна выходит по 41 пуду.

...5) Кузнечных 4 горна, меховая, слесарная, пыльная мельница о 2-х рамах, мучная об 1 поставе.

6) Господский дом, домов мастеровых 72, при рудниках казарм 10, мастеровых 165, ж. п. 233 души... Всего жителей при заводе 442.

§ 81.

л. 114 об.

Кагинский того же Демидова завод [пропущен...]

§ 82.

л. 115

Авзяно-Петровский имени того московского купца Губина завод. [пропущен...]

§ 83.

л. 116

Нижний Авзяно-Петровский завод... Губина... [пропущен]

§ 84.

л. 116 об.

Каноникольский капитанши Марии Мосоловой медеплавильный завод.

От Авзянопетровского завода спускаемся мы по реке Белой и верстах в 80 встречается на впадающей во оную река Кана, в вершинах которой сидит Каноникольский медеплавильный завод. Сей завод, основан в 1751 г. по заключенному в Оренбургской губернии (Оренбургской губернской канцелярии.— В. С.) контракту вообще с заводчиками Мосоловыми сей губернии взверх Уральской округи на башкирской кортомленной земле.

В 1760 г. по разделу достался капитану Мосолову. В 1768 г. та земля со всеми угодьями куплена у башкирцев в вечное владение. По смерти коего и достался нынешней содержательнице капитанше Марье Алексееве Мосоловой. Сей завод в бывшее замешательство в 1773 г. сожжен башкирцами до основания. А в 1777 г. паки вновь выстроен.

При сем заводе строения: 1) Плотина длиною 60, шириною по верху 10 сажень, воды содержит 8 1/4 аршина, при ней фабрика медеплавильная, сплейсофена, гармахерска и кузничка. В ней медеплавильных 6 печей, каждая вышины 3 аршина, внутри выкладено серым диким камнем. Фурма от мехов выставляется в них вровень с заднею стеною в горн и медеплавильна 1 градус. Горн же под фурмою набивается мусором и такой же, как при Пермских медных заводах. В каждую колошу руды пещаной полагается от 4 до 8 пудов, извести сыроточеной (?) до 1 пуда. В каждый раз выпуск бывает от 3 до 7 пудов. В набивке снаружи мусором ямы, верху остается и засыпается медистым чугуном, а внизу черная медь, которая снимается кругами.

План Белорецкого завода
[ГАСО. Ф. 59. ОП. 7. Д. 214
(фрагмент)]

Геометрический специальный план Оренбургской губернии Верхнеуральской округи Белорецкого чугуноплавильного железодельного завода, с принадлежащими к нему уступленными от башкирцев Кубеляцкой волости двумя отхожими дачами... [ГАСО. Ф. 59. ОП. 7. Д. 214].

Гармахерских и кричных горнов 4(?), на которых из чугуна выжигается черная медь, которой из 10 пудов чугуна выходит от 1 до 1,5 пуд. Сплайсофенная печь для очищения меди 1, да для разливки меди в штыки один горн. От 100 пудов руды получается чистой меди по 2 пуда. При том же один молот для разбивки известного камня и дела железных инструментов. Горнов кузнечных 3, мусорная толчея о 8-ми пестах, меховая и слесарная, пыльная об 1-й раме, мучная об 1-м поставе мельницы. Водяных колес 10. Строений при заводе. 2) Господский дом, мастеровых 108 домов, да при рудниках обывательских строений 50. Мастеровых по 5 ревизии 456, женска 476 душ. Собственных крепостных 391. Из них в работу — 152 человека. Приписных крестьян не имеется.

л. 117

3) Рудников медных к сему заводу числятся действующих 6, недействующих 94, выработанных 208, приисков 839. [Они] находятся в горах и на ровных местах во 100, 250 и 400 верстах от завода. Горы, окружающие их, большей частью степные (?) мягкие, состоят из серой синеватой глины, красного и серого песчаного камня. Как видно от Урала... сопки же, в коих руды лежат сверху означенной породы, а под рудами, глинистая песчаная вапвовая земля. Руды же окружены известко серого и синего посредственной твердости камня и попадают они жилами и гнездами. Светло-зеленые посредственной твердости жилы простираются от 1 до 3 четвертей, а пласты и гнезда от 1 до 5 аршин. Некоторые руды лежат [на] поверхности земли, а прочие вглубь уходят от 3 до 20 сажен и сопровождаются красною,

серою пешаной землей, красным, серым песчаным камнем, в подобие Пермских наносных положений (?) Добыча руд производится разносами и шахтами и [слово не читается] с лесным укреплением.

л. 117 об.

Из шахт поднимается валками и в кузовках или бадьями, вмещающих по 2 1/2 пуда, а для воды сделаны насосы. Из шахт поднимается людьми в день от 500 до 600 пудов, а вода лошадыми. Разбирается она на верху по сортам и содержит, одни от 4 до 5 пуд, а убожие от 2 до 3 пуд. Многие же рудные прииски изыскать не могут, ибо продавший и рудопромышленник купец Гордковской (?) показывает, о чем и в 1770 г. и дело Берг коллегии производится. На сем заводе меди выплавляется от 500 до 1250 пуд, ценою стоит пуд от 8 до 12 рублей. Коя сдается в казну десятина... до 120 пуд, да половинная идет в казну на денежное дело за цену, а прочая... на продажу. Платит же оброчных с печей денег в год по 60 рублей.

§ 85.

л. 118

Запустелый Вознесенский казенный завод. Построен графом фон Сиверсом в 1755 г. в Оренбургской губернии в башкирской волости на реке Иргизле, впадающей с левой стороны в реку Белую. В начале сего завода указом Сената приписано ему из казанских ясачных крестьян 1000 душ, расстоянием от завода в 500 в. Завод пущен в действие 1756 г., а около 1758 г. неизвестно по каким причинам сдан от графа в казну...

§ 86.

л. 120

Покровский графа Шувалова медный завод.

При оном Уральских гор переходе встречается нам вершины реки Ика, на которой сидит Покровский бывшей графа Александра Ивановича Шувалова, а ныне купца Гусятникова завод. Он числится в Уфимском уезде по Нагайской дороге в Куван-Кипчакской и Усергинской башкирских волостях на реке Большой Ик. Сии же земли графом у башкирцев кортомлены на 60 лет и заплачено по 10 рублей в год оброку. Строение сего завода основано графом в 1755 г., в котором он бунтующими башкирцами со всеми... припасами... сожжен. После же сего разорения он паки строением начат в 1756 г. с июля месяца и окончен... и в действие пущен в 1757 г., но большую внешнюю водою в сей же году, плотину его прорвало, фабрики и с машинами разбило и разнесло до основания. После чего он чрез... графа в 1757 г. нанимаемыми из разных уездов вольными людьми стройкою возобновляется и действительно окончен в 1759 г.

Строения.

л. 120 об.

1) При сем заводе плотина длиною 100 сажен, при ней фабрика одна плавильная о 7-ми печах. Гармахерских два горна, один молот для разбивки известного камня. Две толчеи, каждая по 6 пестов, одна для составления мусора и набивки печи, другая для толчеи плавильного соку и промывки из него медных крох²⁰.

2) При... заводе крепостных и приписных крестьян не имелось... Все работы отправлялись по пашпортам вольнонаемными людьми... В мастеровых при плавке медных руд 27 человек. Других работников бывает 20

Из сих крох... весьма не чистая выплавка здесь меди происходит...

по недостаточному числу. 3) ...Выплавка меди при сем заводе в 1760 г. показана — 4566 пудов 35 ф. На то употреблено... расхода... из каждого количества 29 102 рубля 34 коп., почему и обошлась она медь по 6 рублей 38 1/2 коп. Поставляется она в Екатеринбург на денежное дело по 6 рублей, да в другие места продаваться от 6 до 8 рублей. Она продается и до 20 рублей...

§ 87.

л. 121

Преображенский купца Гусятникова медный завод. От... Покровского завода в... верстах 50 под самыми Губерлинскими горами в башкирской земле на реке Урман-Зелаире, впадающей в реку Сакмару, а сия падает в реку Урал под самым Оренбургом, лежит Преображенский медеплавильный купца Гусятникова завод в расстоянии от Оренбурга в 200 в. Сей завод построен в 1750 г. по указу из Оренбургской губернской канцелярии бывшими умершими заводчиками Твердышевыми и Мясниковым. А нынешнему Гусятникову достался по купчей в 1789 г. на покупной же башкирской земле. При заводе строения. Плотина длиною 80, шириной по верху 13, по низу 19 сажен, содержит воды на 5 1/2 аршин, внешняя прорез шириною 6 сажен. При ней фабрики: медеплавильная, для меди расковочная, 2 кузницы и одна при руднике. В той [медеплавильной] фабрике 6 плавильных печей вышиной внутри по 6 аршин, внутри же круглые, как и при Пермских заводах, выкладены твердым красноватым песчаным камнем. Сии печи в подошве шириною 1 аршин, в середине 5, вверху три четверти. Мехи круглые деревянные стаканчатые; гнезда в печах обыкновенные мусорной

набивки. Руды полагается в одну колошу твердой и мягкой от 4 до 5 пуд с прибавлением для флюсу известного мелкого камня. В колошу идет угля по 6 решеток. Черная медь выпускается из печи в мусорное гнездо вместе с чугуном, который всегда от меди наверх отделяется, имея меди не больше как около 10-й части, иногда и менее. Сей чугун сперва снимается кругами вилками, как после кругами же и черная медь. Потом чугун на особом горну перечищается для того, чтоб получить из него и доплавливающую черную медь. Сия же, после очищается либо в гармахерском горну или в сплейсофенской печи. А потом на особом горну расплавляясь и... разливаются. Для чего и есть при заводе особая сплейсофенная печь и гармахерские или спельные (?) горны. Весь же таковой процесс будет описан в особой на то части. Находится при заводе особый горн и один молот для расковки дощатой меди. И еще кузнечных горнов 8. Мусорная толчея о 4-х пестах и один промывальный пест для медного того соку, да 2-а для разбивки флюсового песку. Пильная о 2-х рамах, мучная о 2-х поставах мельницы и меховая. Водяных колес 15.

3) Один господский дом, обывательских... домов 270, составляя в самой глухой Башкири довольно странное селение.

4) Мастерских по... 5 ревизии 110, и все они в работе, собственных крестьян 726, да переведенных от господ Лугининых из Ветлужской округи 375 душ, а часть, кроме мастерских, в заводских работах употребляется 601 душа. Приписных крестьян не имеется.

5)...

6) К сему заводу числятся

отводных рудников действующих 18, не действующих 74, приисков 4, да вообще с... другими заводами рудниками 1251.

7) Оные рудники находятся в степных и гористых местах на исходе Уральских отраслей в расстоянии от завода в 200 и 250 верстах. При сем заводе выплавляется в год меди от 10, 11 до 15 тысяч пудов. Десятина в казну таковая, как и прочих медных заводов. Ценою медь стоит на месте от 6 до 8 рублей пуд.

л. 122 об.
[Описание рудников, руд медных... пропущено...]

§ 88.

л. 123

Воскресенский медный ассесорши Дарьи Ивановны Пашковой завод. Чрез западное Уральское протяжение... на запустелый Вознесенский завод. Отсюда спускаясь по реке Белой около... (?) верст, встречается на впадающей речке Воскресенский медный завод ассесорши Дарьи Пашковой. Он лежит от Оренбурга во 170 в., от Уфы во 170 в., от Екатеринбург в 850 в., от Стерлитамака 80 в. Сей завод, построен в 1745 г. Иваном Твердышевым и Иваном Мясниковым на покупной у башкирцов Тамьянской волости земле... на реке Торе. А по скончании Ивана же Твердышева, владел брат его Яков Борисович Твердышев. По смерти же сего, достался нынешней содержательнице первого дочери, а последнему племяннице... Дарье Пашковой²¹.

При заводе строения.

1) Плотины: первая длиною 540, шириною сверху 3 сажени; вторая длиною 277, шириною 4 сажени; третья длиною 30, шириною 3 1/2 сажени; высотой первая 4 аршина, вторая 5 аршин, 21 Неразборчиво

третья 3 1/2 аршина. В каждой плотине по про-резу от 5 до 6 сажени. Медеплавильная фабрика — одна, о 4-х печах; печи вышиною по 5 аршин, внутри круглые из белого камня выложены. Шириною в печах внизу 2 3/4, в середине 3, сверху 2 фута... Гнезда в печах мусорные, как и в других заводах. Руд в колошу засыпается со всех рудников без разбору, жесткой руды от 6 и 7, мягкой от 10 до 12 пуд.

л. 123 об.
2) На 100 пудов руды кладется известного толченого камня от 26 до 30 пуд. Угля в каждую колошу от 6 до 8 решеток. В сутки колош проходит от 18 до 25. Черная медь обще с медистым чугуном выпускается и с одной в гнезде, чугун сверху, медь внизу и снимаются они кругами. Чугун пережигается на особых горнах, а медь очищается на сплейсофенах, для чего и построена особая сплейсофенная печь, в кою и полагается черной меди для очистки от 100 до 140 пудов.

3) Находится здесь также горн гармахерский и штыковой, ибо из сего уже в штыки медь разливается. Из 100 пудов руды получается чистой меди от 3 до 3 1/2 пудов.

4) Для расковки меди имеется один горн и молот, кузнечных горнов 4, меховая, слесарная, мусорная толчея о 6-ти пестах, другая толчея для промывки из мусора медных крох.

Мельниц: мучная о 3-х поставах, пильная о 2-х рамах. Водяных колес 10.

5) Господских домов 2, домов мастерских 841, да возле Александровой деревни 92 дома.

л. 124

6) При сем заводе мастерских людей по 5 ревизии м.п. собственных 76, вечноотданных 21. Да сверх того собственных... в рабочие 610, вечноотданных 78. Из коих

в работу обращается 646, да из Александровой деревни 225 душ. Приписных крестьян не имеется.

7)...

8) Рудников действующих 15, не действующих 125, приисков, принадлежащих по наследству заводам Твердышевых... всего 1178, да отведенных 79. Оные рудники находятся на увалах, сопках, ровных местах от завода во 100 и во 170 в. Горы их окружающие, безлесные, сухие и состоят из горнокаменных и песчаных пород, покрытые черною, большей частью красноватою землею. Руды обыкновенно добываются каменные, песчаные, иногда и шиферные, проникнутые медной зеленью. Рудные слои и гнезда простираются от 1-й четверти до 1,5 аршина, бывает до 2,5 аршин, вглубь уходят от 15 до 70 аршин. Обрабатываются большей частью шахтами и развалами, мягкие руды добываются ручными молотами и клиньями и кайлами,

л. 124 об.

а твердые на бур порохом... Неразработанные рудники ежегодно шурфуются...

8) Укрепления работ бывает частыми деревянными подставками и между ними закладывается пустая порода (камни, которые между рудами). Из 100 пудов добытой руды выходит чистой меди от 1,5 до 3,5 пуд; из шиферных руд меньше, а из каменных руд больше. А как для укрепления рудников нужен бревенчатый лес, то привозится туда из отводных заводских лесов, большею частью по летнему подножному корму, с таким распорядком, те, которые везут руды в завод, те из лесов одного обратно везут бревешки для укрепления гор, получая за них особую плату.

9) На сем заводе выплавляет-

ся в год меди от 8, 10 до 13 тыс. пудов, ценю стоит пуд от 6 до 7 1/2 рубля. С них платится в казну десятина, оброчных в год с печей до 70 рублей. От сего завода река Белая верстах в 10-ти.

§ 89. Верхнеторский майорши Дурасовой медный завод. На сей же реке Торе выше Воскресенского завода лежит Верхнеторский медный завод, от Оренбурга 180 в., от Стерлитамака 90 в. Завод построен в 1759 г. Твердышевыми и Мясниковым в Оренбургской губернии... внутри Башкирии на покупной у башкирцев вотчинников земле. По смерти Твердышевых в 1785 г. по наследству-разделу сестрами родными Пашковой, Бекетовой, Козицкой, достался нынешней заводчице майорши Дурасовой. При сем заводе строения.

1) Плотина первая длиною 320, шириною 10, вторая [плотина] длиною 234, шириною 10 сажен. Содержат воды, первая [плотина] 5 аршин, вторая 4 аршина. Обе с вешняшными прорезами. При [плотинах] фабрику: медеплавильная 1, для перечистки и расковки меди 1, кузница при заводе 1, при рудниках 1.

2) Медеплавильная с 5 печами, таковыми же внутри круглыми и той же меры, как при других заводах. Деревянные меха. В печи же мусорные гнезда, рудная засыпь та же... колош проходит столько же. Один сплейсофен для перечистки меди, один гармахерский и другой штыковой горн. Действуют точно так же, как и при нижнем заводе... Из руды получается меди от 3 до 3,5 пуд. Для расковки дощатой меди один горн с молотом, кузнечных горнов 4, мусорная толчея о 14 пестах, да для промывки медных крох толчея с 4-мя пестами и 4 молота, меховая,

лесопильная о 2-х рамах, мучная о 2-х поставах мельницы. Водяных колес 8. л. 125

3) При заводе господских домов 2, мастеровых домов 221. По ревизии мастеровых 78, да сверх сего крепостных заводских крестьян 541, в деревне Романовке 184 души. Вольных работников до 50 человек бывает.

л. 125 об. 4) Рудников при заводе работающих 9, неработающих 131, а прииски составляют вообще с Воскресенским, Преображенским, Богоявленским и Архангельским заводами всех 1251.

100 пудов руды дают выплавки меди от 2 до 5 пудов. Меди при заводе выплавляется от 8 до 13 тыс. пудов ценю от 6 до 8 рублей пуд.

л. 126 В казну платится десятина и половинная медь на дело монеты до 3507 пудов. Оброчных с печей в год — 50 рублей.

§ 90. Богоявленский Бекетова медный завод.

От Воскресенского завода река Белая идет почти прямо на север и проходя Стерлитамак, не доходя до Табынска, между которыми впадает с правой стороны речка Усоля, на которой сидит Богоявленский медный завод в расстоянии от Уфы 100, от Стерлитамака 50, от Оренбурга 260 верст. Сей завод, построен в 1752 г. по указу из Оренбургской губернской канцелярии в Стерлитамакской округе на покупной у разных башкирцев земле... Твердышевым и Мясниковым. По смерти его с 1779 по 1783 гг. Твердышева брат, а по смерти того, по наследству и разделу между сестрами родными, достался полковнице Бекетовой.

При нем строения. 1) Плотина длиною 400, шириною сверху 10 сажен,

одним 5-ти саженым прорезом. Одна медеплавильная фабрика, сплейсофенная и для расковки меди 2, кузница 1, а другая при рудниках.

2) В медеплавильной фабрике 6 печей, каждая вышины внутри 5 аршин, круглые, как и при других заводах, также как при Воскресенском и меха также устроены. Руды и угля засыпается то же число, так как руды одни такового рода... и добываются почти в одном месте.

л. 126 об. Из 100 пудов руды чистой меди выходит от 3 до 4 пуд. Пильная мельница о 2-х рамах, мучная об 1-м поставе. Колес водяных 43. ...4) Меди чистой выплавляется в год от 8 до 11 тыс. пудов, ценю пуд меди стоит от 7 до 20 рублей.

§ 91.

л. 127 Архангельский статской советницы Козицкой медный завод. ...От Оренбурга 220 в., от Уфы в 70 в., Стерлитамака 100 в.

Завод построен в 1753 г. по указу из Оренбургской губернской канцелярии коллежскими ассессорами Твердышевым и Мясниковым внутри Башкирии на покупной у башкирцев земле в Стерлитамакской округе на речке Аксын (?). Но по смерти... потом по наследству и разделу достался статской советнице Козицкой в 1785 г. При заводе строения. Плотина длиною 175, шириною сверху 6 сажен, воды содержит 5 1/2 аршин, вешняк шириною 7 сажен, при нем одна медеплавильная фабрика и кузница. 2) Медеплавильных печей 4, каждая вышины 6 аршин, квадратные внутри, выкладены белым кирпичом. В прочих мерах подобно другим заводам, меха

деревянные. В засыпь или колошу полагается твердой и мягкой от 4 до 5 пуд с прибавлением известного камня, угля употребляется по 6 решеток... в коробе по 40. Колош в сутки проходит от 40 до 45. Черной меди в выпуске выходит в сутки по 4 пуда. Очищается она в сплейсофенной печи и гармахерском горне, как и при прочих заводах. Из 100 пудов руды чистой меди выплавляется от 3 1/4 до 3 пудов 25 фунтов. Для расковки меди 1 горн с 1 молотом. Кузнечных горнов 2, мусорная толчея о 4 пестах, меховая, пильная о 2-х рамах, мучная о 3-х поставах.

3) Господский дом, мастеровых 182 дома. 4) Мастеровых и работных людей по 5 ревизии и с жительствующими при заводе крестьянами 369 человек. В деревнях... крестьян 385, прибывших 409, из числа коих в работу употребляется 645 человек. Приписных крестьян не имеется. 5) Рудников при заводе действующих 15, не действующих 113, выработанных 10, а приисков ко всем пяти заводам считается 946... Меди в год выплавляется от 8 до 10 тысяч 500 пудов, ценю стоит от 6 до 8 рублей. Десятины, половинной меди платится в казну, как при других заводах, оброку с печей в год — 40 рублей.

§ 92.

л. 128 об. Благовещенский Хлебниковой, а ныне Полторацкой медный завод. Завод находится от Уфы... в 40 верстах. Он построен генерал-майором Хлебниковым в 1756 г. по указу из Берг коллегии в Уфимской округе... на купленной у отставного вахмистра Уракова и у разных башкирцев земле, на речке Ушакле, впадающей справа стороны в реку Белую.

При нем строения.

- 1) Плотина длиною 70, шириною по верху 10 сажен, воды содержит 7 1/2 аршин. При ней медеплавильная фабрика 1, расковочная меди и железа 1, промывальня 1.
- 2) Медеплавильных печей 8, действующих, по количеству воды только 4. Печи вышиною 7 аршин, в прочих мерах и мусорная набивка подобных другим заводам. Руды в колошу полагается по 8 пуд. Плавка идет такая же на черную медь, коя вместе с чугуном выпускается. Черная медь перечищается... из чугуна медь выжигается на горну. Из 100 пудов чугуна выходит меди от 7 до 10 пуд. При перечистке черной меди на сплейсофене угару бывает с пуда от 4 до 5 фунтов, да при разливке меди в штыки, угару бывает из пуда 3/4 фунта. Такой же почти угар каргалинских пород разных рудников. Из 100 пудов [медной руды] выходит чистой меди от 3 1/2 до 4 1/2 пудов. Причем, есть горн для расковки меди и один молот, кузнечных горнов 4, толчея мусорная о 6 пестах, меховая, водяных колес 12, мельница мучная... о 4-х поставах, 3 конных машины для подъема руд и воды на рудниках.
- 3) Господский дом, мастеровых и обывательских 225 домов, крепостных 726, женска 759. Из числа оных находятся в работах 302 человека. Приписных крестьян не имеется, а лошадей при заводе 500.
- 4) Рудников отведенных к сему заводу числится действующих 6, не действующих 80, приисков 68. Находятся [они] в расстоянии от завода в 190 и 300 верстах. Окружающие горы состоят из серого и красного камня и мягкого серого песку с гальками, (что доказывает намытую от Урала землю), в коих лежат руды точно такого же сорта и с прерывающимися жилами и

пластами, как и при выше писанных стерлитамакских заводах.

Из 100 пудов руды выходит меди от 3 1/2 до 4 пудов. При заводе выплавляется меди в год от 3 до 5 тыс. пудов, ценю... пуд от 8 до 9 рублей. Оброчных... по 80 рублей в год.

§ 93.

л. 129

Верхне-Троицкий подполковника Ивана Осокина медный завод. Завод лежит... от Уфы во 150 в., от Бугульмы в 70 верстах. Сей завод, построен в 1754 г. на купленной от башкирцев земле по учиненному в Оренбургской губернской канцелярии контракту, в Бугульминской округе на реке Кидаш.

л. 129 об.

[По контракту было отведено] леса на 50 лет, а теперь неизвестно, на сколько леса станет, ибо вокруг сего и Нижнего завода облегли большей частью степные, однако, необходимые места...

При нем строения.

- 1) Плотина длиною 74, шириною 8 сажен, с прорезом, воды содержится на 5 аршин. Фабрик: медеплавильная 1, котельная и кузничка.
- 2) Медеплавильных печей 4, каждая вышины до колоши 7 аршин, выложены белым кирпичом, внутри круглые. Оные горны в почве шириною 18 вершков, в середине 1 аршин 6 вершков, вверху 1 аршин. В прочих все пропорции, а также и меха, как и при других заводах. Руд медных полагается в колошу от 2,5 до 3 1/4 пуд, да известного камня от 1 1/4 до 1,5 пуда, угля по 6 решеток. Колош в сутки проходит от 42 до 48. Черной меди из одной печи в сутки от 1 1/2 до 2 1/2 пуд. А чугун здесь против других очень медноватый и весьма жесток, почему и в обжиг не употребляется,

да способу к пережогу его сыскать не могут, то и состоящая в нем медь пропадает безвозвратно²².

При нем кузнечных горнов 5, одна меховая, колес водяных 4.

3) Один господский дом, мастеровых и обывательских домов 120. Мастеровых людей по 5 ревизии числится собственных 80, женска 72, но в работах находится мужеска до 150, женска до 10. Приписных же крестьян не имеется, а исправляются работы собственными, так и вольнонаемными людьми.

л. 130

4) Рудников отводных к сему заводу, так и к Нижне-Троицкому, Усень-Ивановскому заводам числится действующих 2, недействующих 100, выработанных 250, приисков 100 и находятся на ровных местах. Прииски чудские или древние болгарские копи от завода в 90 верстах. Гор около оных нет, руды находятся больше в породе серого и синего песков, кои... лежат на красном вапе. Руда находится по большей части пещаная... иногда пресекается... пещаные толщиной от 1 1/2 до 3 аршин, вглубь уходят от поверхности земли от 2 до 20 аршин и сопровождаются песками и вапом²³. Обрабатывается она верховыми развалами, внутри подкопами, т. е. штольнями и квершлагами, укрепляется обычными с боков стойками, сверху плахами. Для отливания, где есть вода ручными насосами, руда же находится разборная. От 100 пудов дает меди от 1 1/2 до 2 пудов и более. Вне действия рудники оставлены за неимением работных людей, ибо добыча производится по недостатку крепостных, вольнонаемны-

22

Примечание неразборчиво.

23

Вап есть самая тонкая плотно слежавшая красная глина...

ми людьми, кои больше занимаются хлебопашеством.

§ 94. Нижне-Троицкий того же Осокина медный завод. Нижне-Троицкий медный завод лежит от Оренбурга в 300 верстах, от Уфы в 155 в., Бугульмы в 70 в. Сей завод, построен в 1760 г. на башкирских землях вследствие учиненного в Оренбургской губернской канцелярии контракта в 1759 г., в Бугульминской округе на реке Кидаш, коя впадала в реку Мензелу, а сия в реку Каму. Леса, отведенные на 60 лет... липовые, березовые... коих 1798 г. предполагается на 20 лет.

При нем строения.

- 1) Плотина длиною 144, шириною 9 сажен, воды в половодье содержит 5 аршин. Фабрик: медная 1, гармахерска, кузничная.
- 2) Медных печей 4, мерою точно такие же круглые, и каковыми же в мехах и прочих машинах устроена, как и Верхний завод. Столько же руды засыпается в колошу. Руды содержат меди от 1 до 2,5 пудов. При ней имеется сплейсофенной и гармахерский горн, для расковки меди горн и молот, кузнечных горнов 4, мусорная толчея о 8 пестах, мучная мельница об 1-м поставе, колес водяных 8.
- 3) Господский дом, мастеровых и обывательских домов 97. Мастеровых людей по 5 ревизии — м. п. 92, все они в работы обращаются, да ежегодно вольных работников находится мужеска 130, а женска 8 человек. Приписных не имеется.

§ 95.

л. 131

Усень-Ивановский того же Осокина медный завод. Завод лежит от Оренбурга в 260, от Уфы в 120, от Бугульмы в 110 верстах. Сей завод, сидит в самых вершинах реки Мензели

План
Иштерьяковского
медеплавильного
завода
[ГАСО. Ф. 59.
ОП. 7. Д. 116]

неподалеку от Троицких заводов того же Осокина. Он построен в 1760 г. на купленной им по контракту в 1752 г. у башкирцев земле в Уфимской округе на речке Усень, впадающей в реку Мензелу. Лесов к нему было отведено Берг коллегией на 50 лет, а с 1798 г. считается только на 11 лет, а вдобавок ожидается лесная поросль.

- 1) При нем плотина длиною 70, шириною 8 сажен, содержит воды 5 аршин, фабрик медеплавильных 2, кузнечная 1.
- 2) В них медеплавильных печей 8, но по маловодью не более 2-х или 3-х печей действует. Фигурою и мерою оные печи со всеми приборами такие же, как и при прочих заводах. Засыпь руды и флюсу и угля в колошу такая же, а и выход из руды меди такой же, а чугуна маломедный не пережигается. Для очистки же медь возят на Троицкий ево же Осокина завод, где и гармахерский и штыковой горны состоят. Кузнечных горнов 2, мусорная толчея о 8 пестах. Колес водяных 5.
- 3) Господский дом, мастеровых домов 128, людей мастеровых 70, сверх того вольных работников ежегодно находится до 200 человек.
- 4) Рудники... числятся вообще ко всем... сего Осокина Троицким заводам.

§ 96.

л. 131

Запустелый Курганский графа Ягужинского медный завод.

Близь сего завода [Усень-Ивановского] на особой речке есть запустелый Курганский графа Ягужинского медеплавильный завод.

§ 97.

л. 131 об.

Иштыриковский купца

Иноземцева медный завод. ...От Троицкого Осокина завода вниз по реке Мензеле... около 50 в. ...от Мензелинска во 50, от Оренбурга в 580 верстах.

Сей завод, построен в 1751 года по указу Берг коллегии на покупной башкирской земле, города Мензелинска и Бирска волости... на речке Бакряшке²⁴ (?)...

При сем заводе строения.

- 1) Плотина длиною 45, шириною 10 сажен, воды содержится 4 аршина. При ней одна медеплавильная фабрика и кузница.
- 2) В фабрике медеплавильных печей 2, низкой пропорции вышиной внутри по 8 футов, внутри же выкладены белым кирпичом, 4-х угольные. Шириною в середине и вверху по 2, а длиною от шесточной доски до фурмы 5 футов. Фурма в печь наклонная 2 1/4 градуса, меха деревянные, водяное колесо обыкновенное, гнездо мусорное. В одну колошу полагается руды твердой и мягкой по 5 пуд и по 10 пуд.

На 50 пудов шихты полагается известного флюсу по 25 пудов, угля по 6 решеток, коих в коробе считается 30. На одной печи руды проплавляется [в сутки] по 30 и 33 колоши. Из оной получается черной меди по 1 1/2 и по 2 пуда, медистого чугуна по 2 1/4 пуда, а очищается она при Таишевском сего Иноземцева заводе, что за рекою Камою.

л. 132

Руды же... вообще содержат меди до 1 1/2 пуда [из 100 пудов]. Кузнечных горнов 2,

24

В «Башкирской энциклопедии» она называется «речка Байряш». На современных картах этого названия уже нет, но есть речка Иштыряковка, впадающая в Казанчинку, а последняя — в Ик с правой стороны.

меховая, мусорная толчея о 4-х пестах, водяных колес 2.

3) Господский дом, да мастеровых и обывательских домов 88. Мастеровых числится по 5 ревизии 85 душ, сверх того собственных крестьян 203, из числа коих, кроме мастеровых, употребляются в заводские работы 90 человек. Меди выплавляется, с небольшим по 500 пудов в год.

л. 132 об.

4) Рудников... отведенных к сему заводу, числится действующих 3, не действующих 58, выработанных 60 и находятся они от завода в 6 и 200 верстах. Увалы, окружающие оные, [состоят] из черной земли, серого и желтого песку, серого и белого камня, бурого и красного вапу. Рудные жилы, гнезда и слои лежат сверху между серых и желтых песков и черных флещов. Рудная матка состоит из песчаных флещов с мелкими прожилками руд, вглубь уходит от 1 до 4 аршин. Обрабатываются штольнями и квершлагами с внутренними укреплениями...

§ 100²⁵. Шилвинский [Шилвенский] завод.

От Иштыриковского завода, спускаясь по реке Мензеле, лежит от Мензелинска в 40 верстах, близь реки Камы Шилвинский купца Подьячева медный завод, от Казани в 240 верстах. Сей завод, построен по указу Берг коллегии в 1734 г. в Мензелинской округе, а на какой земле неизвестно. Ибо первый заводчик был купец Красильников, а нынешний Подьячев купил его в 1797 г. по дозволению Берг коллегии.

л. 133

25

Так в рукописи, причем эта часть имеет множество исправлений, включая нумерацию параграфов.

1) Плотина длиною 250, шириною 4 сажени, содержит воды 3 аршина, с вешняком. При ней одна медеплавильная фабрика.

2) Медеплавильных печей 4, такой же вышины и пропорции со всеми приборами, как и при Иштыриковском заводе, мусорная [толчея] о 4-х пестах. Руды содержат меди из 100 пудов 1,5 пуд иногда и более. При заводе также, имеется кузница об 1-м горне, слесарная, меховая, мучная мельница о 4-х поставках, водяных колес 3.

3) Господских домов 6, домов мастеровых 80. Мастеровых жителей 72, да сверх оных из крепостных крестьян 67 человек.

4) Рудников своих к сему заводу не имеется...

При сопоставлении описания металлургических заводов Южного Урала, сделанного А. С. Ярцовым в начале XIX века, с данными, полученными академическими экспедициями в конце 1760-х — начале 1770-х годов, однозначно следует, что в металлургическом производстве вышеуказанных заводов каких-либо принципиальных изменений не произошло. Для большей убедительности ниже приводится сравнительный анализ профилей доменных печей XVIII века с аналогичными характеристиками печей первой половины XIX века.

Представлено также описание медеплавильного производства первой половины XVIII века, сделанное по В. де Геннину. При сравнении рисунков медеплавильного производства XVIII века с аналогичными рисунками Екатеринбургского казенного завода 1804 года хорошо видно, что технология выплавки меди, основанная на использовании древесного угля, осталась прежней.

Бочка мехового вала
Кыштымского завода.
[РГАДА. Ф. 1267. ОП. 1.
Д. 238. Л. 291]

Чугуноплавильное производство XVIII — первой половины XIX века (сравнение доменных печей XVIII века с аналогичными печами первой половины XIX века)

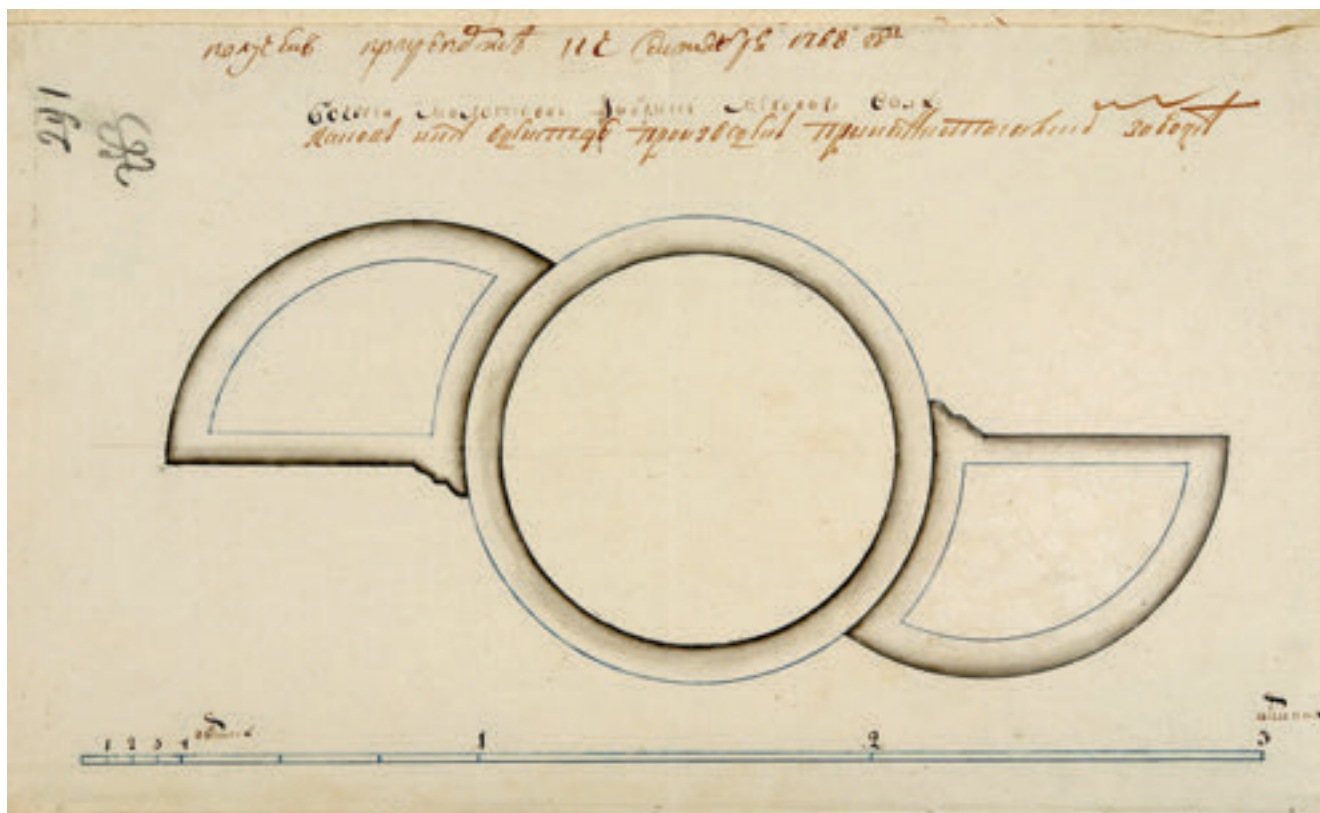
Домна Кыштымского завода (вторая половина XVIII века)

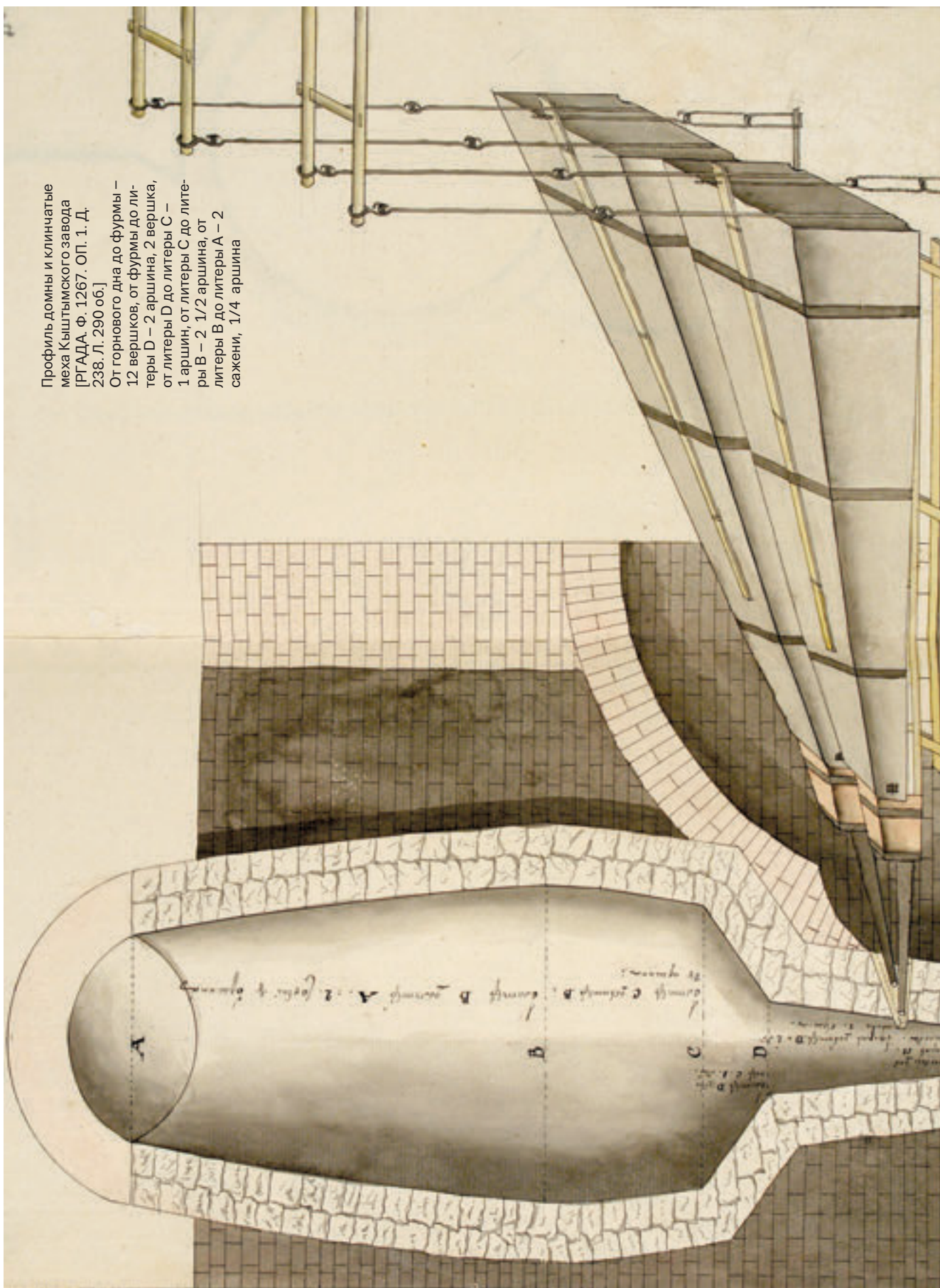
Для сравнения взята лишь одна доменная печь второй половины XVIII века, так как в силу унифицированного оборудования плавильных печей металлургических заводов того периода нет нужды сравнивать печи всех заводов Южного Урала. При этом выбор сделан совершенно произвольно.

Домна Златоустовского завода (первая половина XIX века)

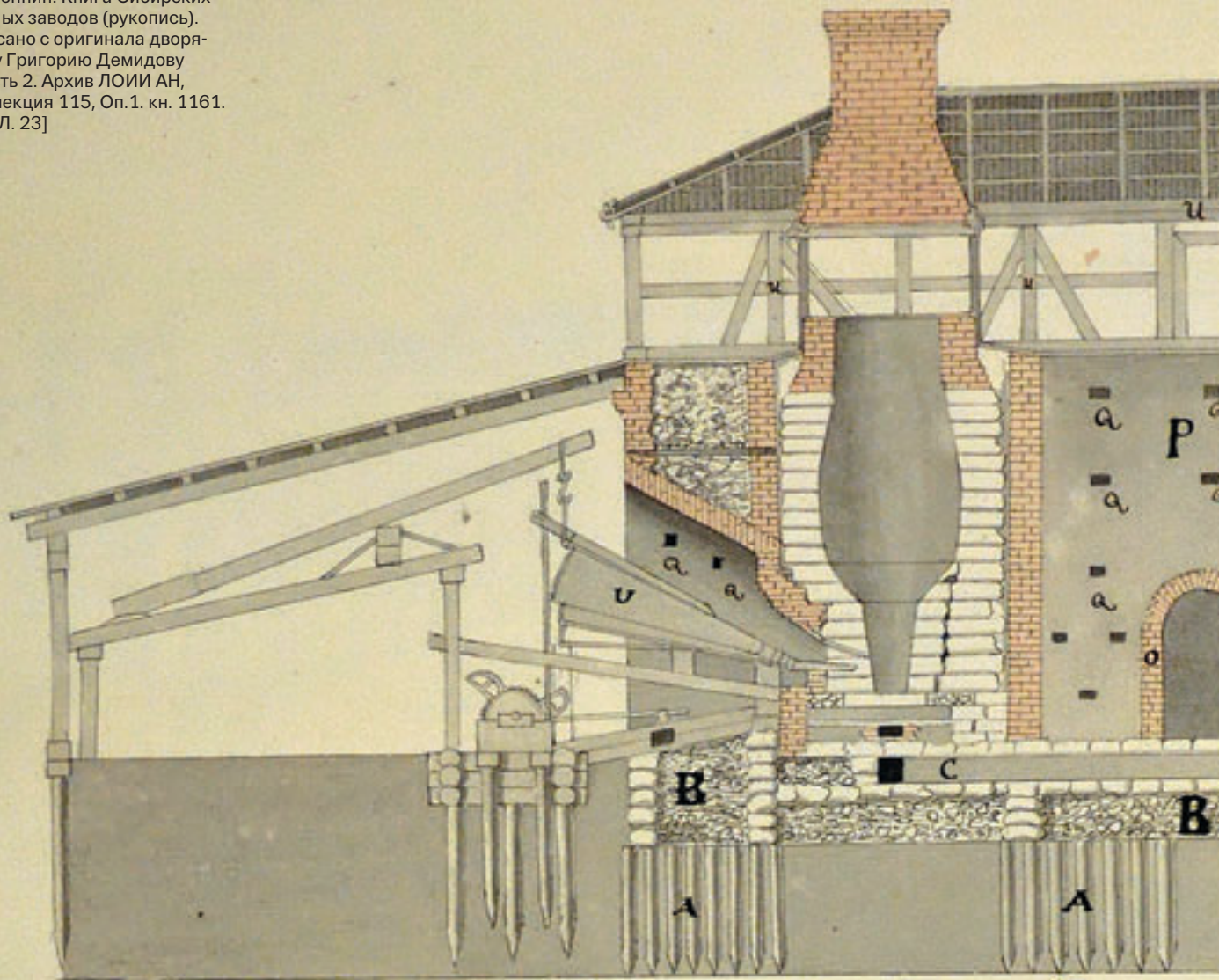
По той же причине, что указана выше, для сравнения взята лишь одна доменная печь первой половины XIX века. Выбор сделан совершенно произвольно.

Замена деревянных клинчатых мехов, широко используемых в XVIII веке, на цилиндрические меха, произошедшая на рубеже XVIII–XIX веков, никоим образом не повлияла на конструкцию самих доменных печей.

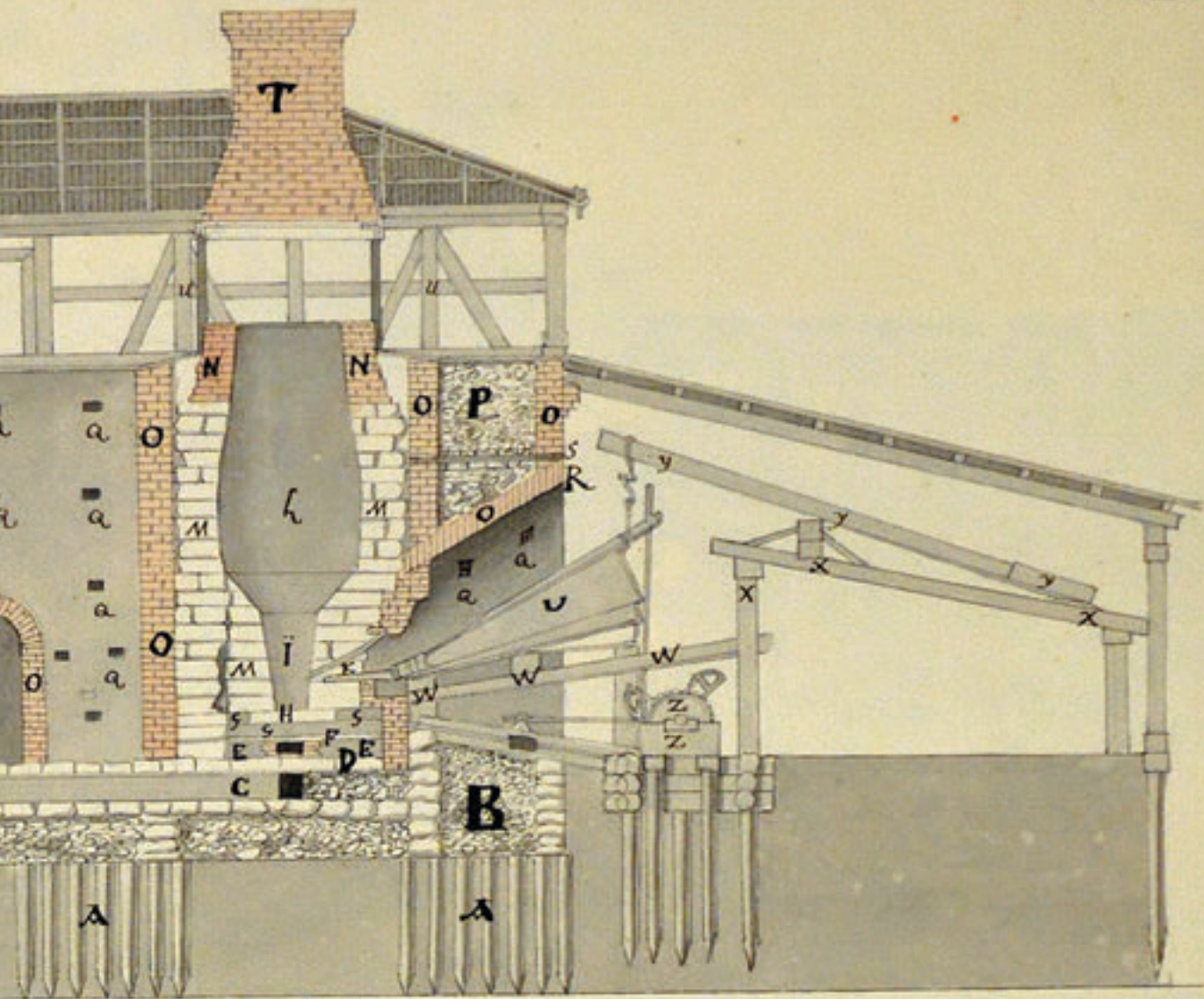
«Описание доменной печи первой половины XVIII века»
 Де Геннин. Книга Сибирских горных заводов (рукопись).
 Списано с оригинала дворянину Григорию Демидову
 [Часть 2. Архив ЛОИИ АН, коллекция 115, Оп.1. кн. 1161. Ч.2. Л. 23]

Описание доменной фабрики основанной на селѣ Чертежѣ.

А. спицы, **В.** наспаяхъ бѣтъ, **С.** дѣшники
 между бѣтъ вылазъ ваюцца пачемъ
Д. доша хужанная, потпорю топриваюцца
 дѣшники подгорнаи, а на ней белыя глины
 нахвѣртъ сирщина.
Е. дѣшники потпорю вылазъ ваюцца пачите
 и оцоло епо тесонъ
Ж. на оной дѣшники доша хужанная, а на ней
 белой глины на два вѣршина,
 у тесонъ на потпорю лѣхитъ, лѣшуръ,
 и оцоло оной тесонъ ЖЕ.

Н. лѣшуръ, **И.** горна
 мѣха, **К.** ваюцца, **Л.** тѣ
 горнашю потпорю ваюцца
М. пирити и белой глины
 ваюцца стоятъ, **О.** пирити
 потпорю стѣны и поуби
Р. мѣсца стѣнами бѣтъ
А. спицы желѣзные потпо
 порѣ доменнахъ тѣ
В. спицы мѣха, **С.** на
Т. тѣ потпорю на хужан

2 3 4
сажень в.

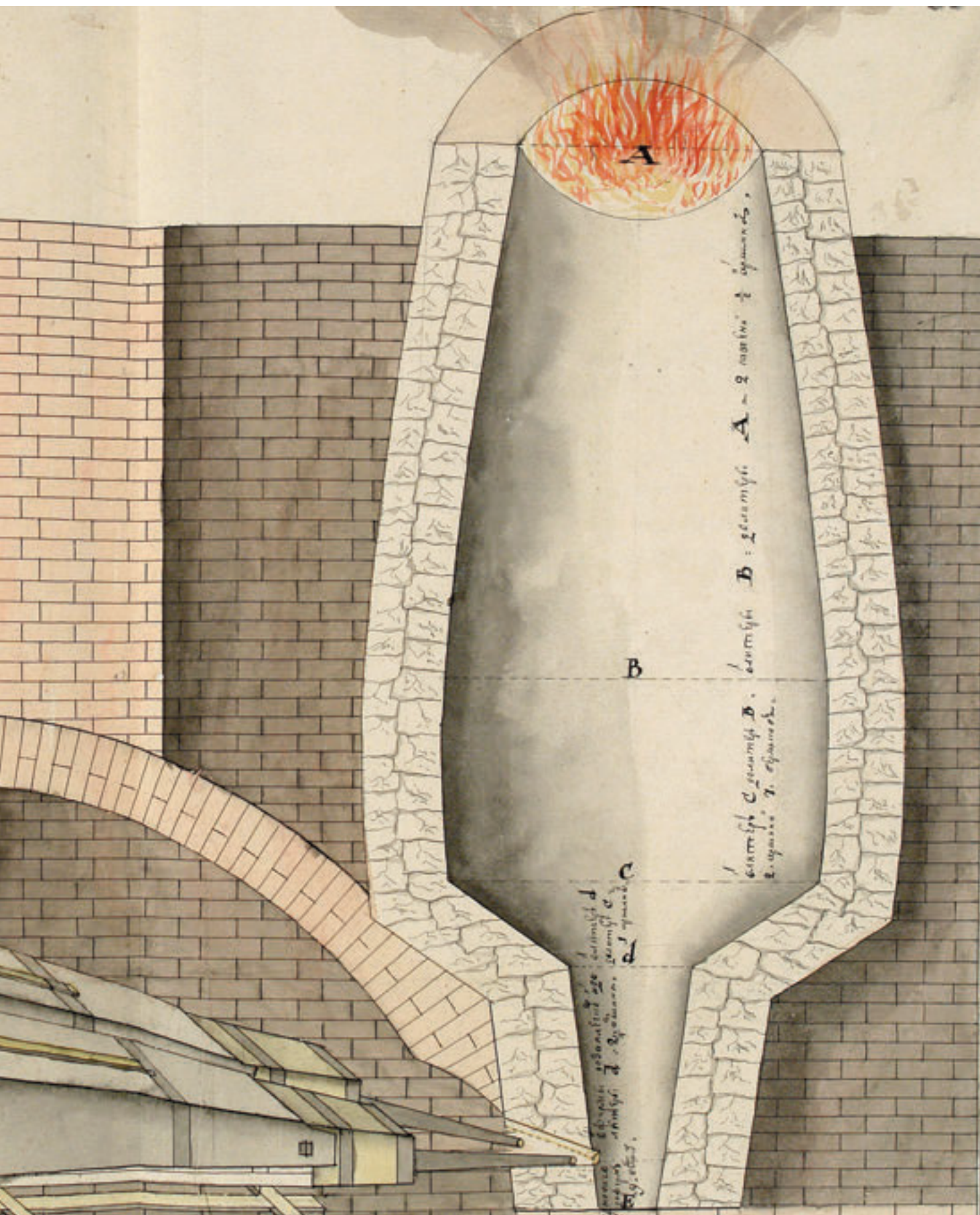
К. срублы в попоры
рубы. М. на мена
Жетъ прѣтно стпоят
попоры прѣтно рѣ
къ икисной глины
мазати. Ц. а.
длинной
рвы прѣтятъ все
сеи,
спорами трояхи
ны стпаяхъ стпоятъ

Ц. анбаръ мазанной 222 2206 ирѣдъ вромнѣ
сытлютѣ. У. мѣха. W. подмехами поитѣли
Х. подохетами поитѣли сѣ. у охетѣ.
Z. поухи на попоры хъ поухитни и
рюхнны, ананихъ шитѣ, попоры вѣалѣ
днѣрѣженѣ. тпандѣ итгалѣ о попорѣ
днѣженіе итѣтѣ мѣха итротѣса
нацъ осемъ итѣтѣца вѣдѣ, вттрорѣ
обоихъ доменныхъ трѣей.

Профиль домны
и клинчатые меха с валом
Кыштымского завода
[РГАДА. Ф. 1267. Оп.1.
Д. 238. Л. 292 об.]

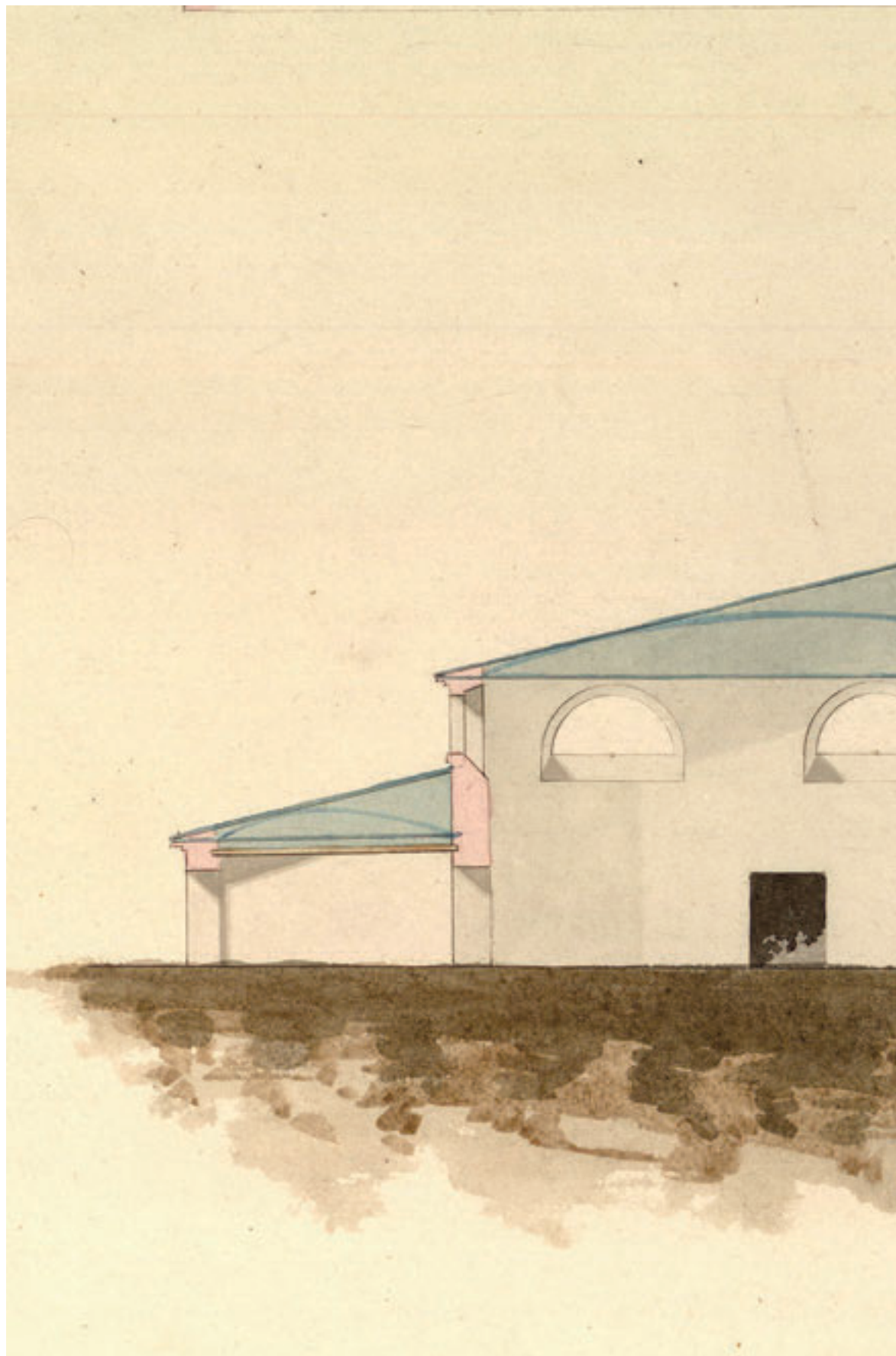

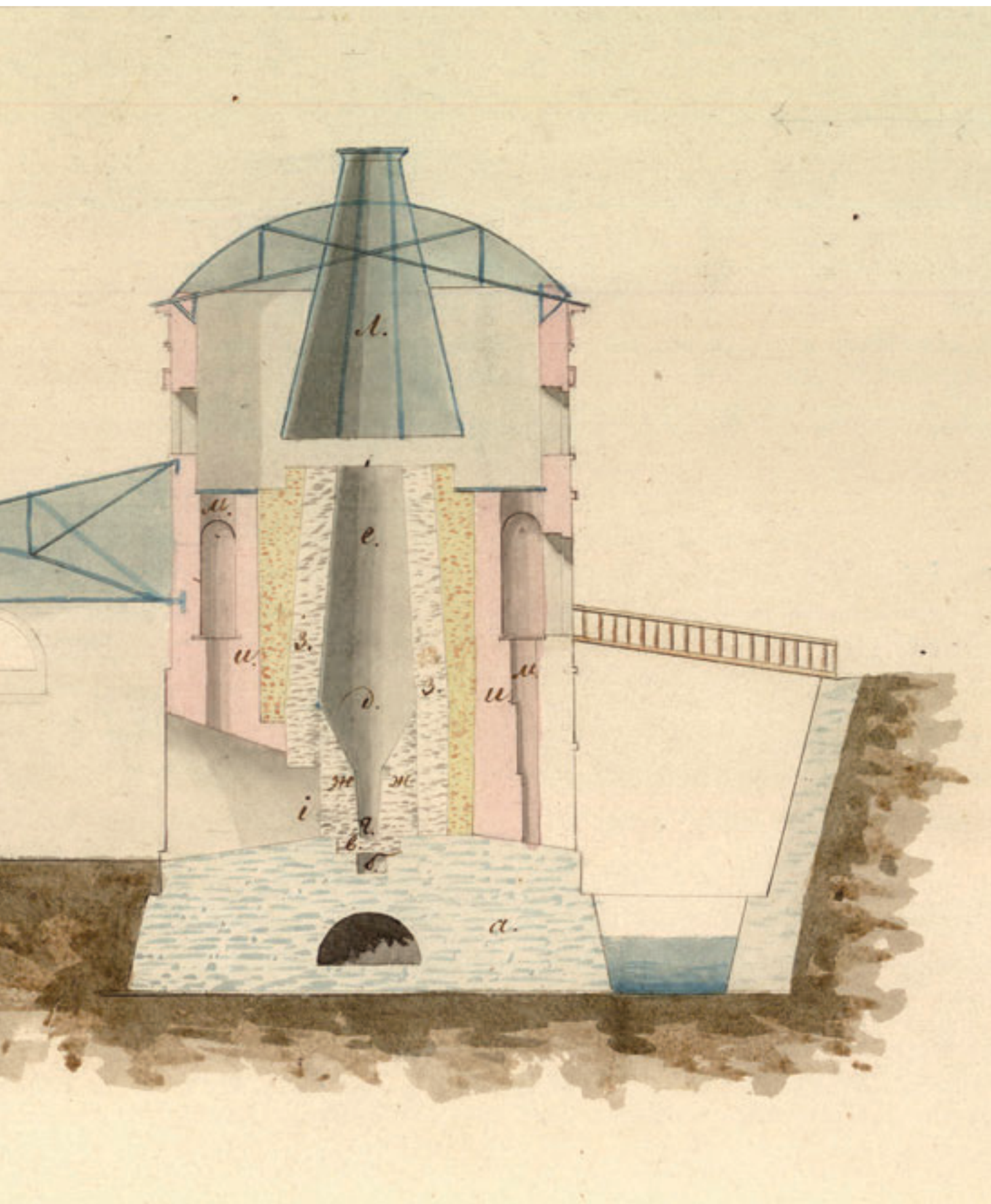

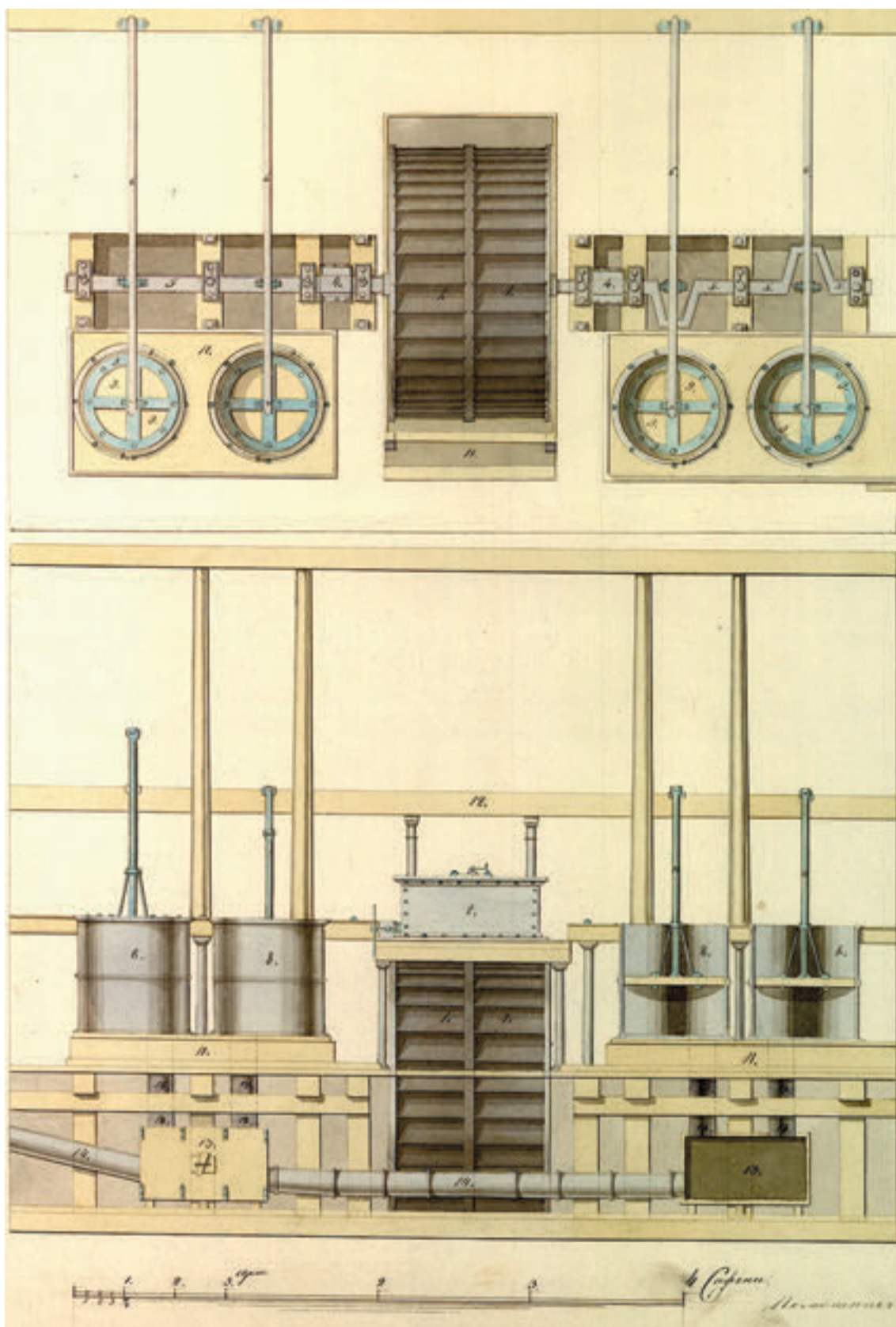
Профиль и фасад доменному корпусу Златоустовского завода 1842 года.

Доменная печь, в одной под литерою:
а) фундамент под горном из бутового камня,
б) канал мертвый под горном,
в) лещадь из горнового камня,
г) горн,
д) распар,
е) труба,
ж) плечи из кирпича огнепостоянного,
з) стены из талькового камня,
и) стены корпуса из красного кирпича,
й) отверстия для выпуска чугуна,
к) отверстия для сопла,
л) колпак над горном из листового железа,
м) пространство между стен [ГАСО. Ф. 59. ОП. 3. Д. 1661]

План и профили цилиндрических мехов при доменной печи Златоустовского завода.
1842 год

Описание медеплавильного производства первой половины XVIII века (по В. де Геннину)

Итак, по В. де Геннину, медное дело первой половины XVIII века сводилось, помимо добычи, к следующим основным технологическим операциям²⁶:

1. Обжиг и плавка медных руд на роштейн²⁷ (в некоторых случаях обжиг руды не требовался).

2. Обжиг и плавка роштейна на черную медь (в тех случаях, когда обжигалась руда, обжиг роштейна не производился)

3. Обжиг и плавка медных руд на черную медь.

4. Очистка черной меди и сплавка чистой (гармажерской) меди в штыки.

Другими словами, прежде чем получить чистую сплавленную в штыки медь, необходимо было выплавить черную медь, которая, в свою очередь, получалась или прямо из медной руды, или из роштейна. Последнее обстоятельство зависело от состава и свойств, медных руд. В. де Геннин объясняет это так: «Здесьние руды, а паче которые находятся в Кунгурском и Соли-Камском дистриктах, песочные²⁸

26
Указаны те операции, которые хоть как-то объяснены де Генниным. См.: Геннин В. Описание уральских и сибирских заводов 1735. М., 1937. С. 387–419.

27
Роштейн (сырой штейн) — продукт первой сырой плавки медной руды, обожженный и очищенный переплавкою только от части примесей.

28
Медистый песчаник («песочная» руда) — обломочная порода, песчаник или алевролит серого или зеленовато-серого цвета, сцементированный медными минералами. Эти породы широко распространены вдоль западного склона Урала, где они имеют пермский возраст. Медистые песчаники в виде двух полос шириной до 100 километров тянутся с севера на юг от Верхнекамья до Актюбинска на расстоянии более чем 1,5 тысячи километров. От Нолинска и Уржума по направлению к Оренбургу и Актюбинску протягиваются Вятско-Камская и Уфимско-Оренбургская группы месторождений. Рудная минерализация пермских медистых песчаников представлена главным образом малахитом, азуритом, халькозином, купритом, реже дигенитом, халькопиритом, борнитом, ковеллином и другими минералами. Основными рудными минералами ниже зоны выветривания являются халькозин, реже борнит, ковеллин. В зонах окисления в составе рудных тел отмечаются малахит, азурит, самородная медь, ковеллин, куприт, ванадат меди — фольбортит. Минералы меди слагают цемент конгломератов и песчаников, располагаются по трещинам и поверхностям мергелей, известняков и сланцев. Среднее содержание меди 1,5–2 %. В Прикамье на базе пермской группы медистых песчаников во II тысячелетии до н. э. существовал энеолитический гаринско-борский металлургический очаг [см. Харитонов Т. В. Медеплавильные заводы Пермского края XVII–XVIII вв. Пермь, 2011].

и в сером шифере обжигать не надлежит, и того они не требуют, ибо ежели их обжигать, то оно будет бес плода и работа произойдет напрасная. В Верхотурском и Екатеринбургском ведомствах многие найдутся руды с медным колчеданом, также и дерс, а колчеданной руды еще находится недовольно, и таковые сущего роштейна дать не могут, но надлежит к тому чинить прибавку, и того ради таких руд обжигать не надобно, разве таковую колчеданную руду прямо плавить на черную медь, а не на роштейн. То она обжигания требует».

Обжиг руды и роштейна производился в специальных обжигательных печах. По поводу их устройства и работы В. де Геннин отмечает: «...здесь в России делаются обжигательные печи на два манера, одни называются кальценир²⁹, а другие — простые³⁰;

29

«Новые, что называется кальценир, с кирпичным сводом кладутся нижняя часть из кирпича или плитного камня от земли до равного основания, высланного кирпичом, вышиною 1,25 аршина, длиною 3, шириною 2 сажень, а от подошвы, на которую кладется роштейн до середины свода 34 фута. На одной стороне оной подошвы делается чело, в которое имеет класться дрова, фашины и щепы и под тем железная решетка, сквозь которую б пепел и мелкой уголь сыпался, а в середине, впереди и на задней стене дыры или окна вышиною по одному, шириною по два фута, в которые насыпается в печь роштейн и при пережигании мешается долгими железными граблями и крюками. Подле оных окон делаются маленькие дыры, длиною и шириною по полуфуту, и для воздуха под подошвой, где лежит роштейн, делаются ж пустые каналы или отдушины, которые, закрыв железными крышечными досками, и обмазать глиною, дабы огонь лутче мог действовать» [Геннин В. Указ. соч. С. 408].

И как роштейн обожжется, то ...будет немного красноват и весьма вместе сольется, и будет являться местами медь» [Геннин В. де. Указ. соч. С. 409].

30

«...Простые обжигательные печи делаются из простого плитного камня или из кирпича, длиною 4, шириною 2, стены вышиною передняя 1,75, задняя дву с половиною аршин. Внутри ея подошву или под, набивать доброю глиной. И такие печи строятся в две линии печь против печи, и когда в одной печи роштейн обжигаться будет, во-первых, насыпать угольной пыли толщиной пальца на два или колотых головень, буде оных в то время достать можно, и несколько колотых же дров, и на те положить толстые дрова, а на них роштейна накласть крупными кусками, не моченного в котлах, 50 пуд или более, смотря по тому, сколько обжигательная печь снести может, и потом оные дрова зажечь. И когда выгорят и охладятся, тогда в другую порозжую печь, которая против той, припасать дров и на те дрова переменить из прежней печи жженой роштейн. И так оно переменять, пока весь роштейн по надлежеству обожжен будет. И тако в том зжении бывает оной от 13 до 20 огней, смотря по свойству роштейна, в котором имеет в себе более серы и железа, тому надлежит давать огней более, а другому менее...

из оных потребны к обжиганию роштейна кальцениром в Пермском дистрикте, ибо там в Пермии сыскано пробами, что такие обжигательные печи... меньше требуют дров и можно всякой хвои, сучье и щепье употреблять, а в прежние печи оные хвои, сучье и щепье, кроме добрых дров, употреблять невозможно. А простые печи удобны при Сибирских заводах».

Причем в инструкции обжигальщика роштейна в случае, когда обжиг производился дровами, а не хвоей, особо подчеркивалось, что «дров напрасно не жечь и смотреть, чтоб колоты были помельче». Другими словами, обжиг руды, роштейна осуществлялся без использования древесного угля. Тем не менее это совершенно не означает, что в других операциях древесный уголь не применялся.

Над всеми обжигательными печами делали широкие вытяжные трубы, с тем чтобы выгорающие из руды и роштейна сера и мышьяк могли свободно и беспрепятственно выбрасываться в атмосферу. Это было крайне важное устройство для сохранения здоровья рабочих. В. де Геннин объясняет так: «...чтоб обжигальщики от оных тяжелых воздушов не приняли скорби, как уже прежде сего... довольно были, что к ним от таких воздушов грудяные болезни приставали, и от того кровью харкали».

Плавка медной руды на роштейн и черную медь, а также плавка роштейна на черную медь, по де Геннину, на уральских казенных заводах XVIII века происходила в так называемых косых плавильных печах. Этот тип печей был заимствован из Германии, где они были известны под названием «крумофен». Однако это не было простым копированием. Заимствовав технологический принцип получения черной меди в указанных медеплавильных печах, российские металлурги вынуждены были, на первых порах с помощью тех же немцев, приспособлять их путем изменения пропорций и внесения улучшений в конструкцию к плавке уральских медных руд.

На уральских казенных заводах первой половины XVIII века косые плавильные печи имели следующие размеры: длина 8,5 фута³¹; ширина 2 фута; высота от горновой чугунной доски, стоящей перед печью, до верху 6 футов, а от фурмы — 3 фута; толщина боковых стен 2 фута; задней — 1,75 фута. Конструк-

31

Фут — единица длины в различных странах, в Англии и в России — до введения метрической системы мер. Один фут равен 12 дюймам или 0,3048 метра.

тивной особенностью таких печей являлась суженность их верхней части. «Оная узость зачинаетца от середины печи с трех сторон, кроме задней стены,— пишет по этому поводу В. де Геннин,— до верх пирамида или от середины клином кверху без уступу, а задняя стена, где фурма, строить перпендикулярно или прямо по отвесу, наверху печи строитца прибавка, которая называется шлап, высотой от верху печи 2,5 фута впереди з дугою, сквозь которую сыпь имеетца». Это позволяло повысить температуру плавки в печи, что в свою очередь приводило к ускорению процесса плавления, а значит, и к повышению производительности медеплавильного производства. В таких печах, по замечанию автора, лучше всего шла плавка роштейна на черную медь, при этом древесного угля требовалось меньше.

Во всем остальном косые печи не имели принципиальных отличий от других медеплавильных печей. В обязательном порядке внизу плавильного горна на так называемой подошве (камень с известью, сложенный на свайном фундаменте) выкладывались из плитного камня продушины. «Оные продушины бывают для того,— пишет В. де Геннин,— что при плавлении сырость снизу и горна и из мусора³² проходит сквозь в те продушины, а медь и роштейн, также и сок при плавке от нижней подземной сырости не стынет, и бес таковых продушин... медь плавить нельзя». Также по определенным правилам в печь ставились фурмы, через которые плавильные меха нагнетали воздух. Сам плавильный горн выкладывался из камня, изнутри обмазывался огнеупорной глиной с песком. Дно плавильного горна (или, как его называет В. де Геннин, подошва³³) набивалось в виде слоя шлака величиной с лесное яблоко и слоя желтой огнеупорной глины, каждый слой толщиной 1 фут. Перед тем как плавить руду или роштейн, вновь построенный горн в обязательном порядке сушился в течение десяти дней. Нагрев осуществлялся головнями и древесным углем.

32

Мусор — мелко истолченная смесь угольной пыли, глины, песка в определенных пропорциях, в зависимости от того, на что плавилась руда — на роштейн или медь; его изготовление осуществлялось в отдельном цехе — толчее с пестами. Мусор — обязательный компонент медеплавильного производства XVIII века, как древесный уголь, известь или флюс; смачивался водой и перемешивался до необходимой консистенции.

33

Эта «подошва» находилась внутри плавильного горна, она же называлась и подом печи. Не путать с подошвой, сложенной из камня с известью на фундаменте под самим плавильным горном.

Плавка медной руды на роштейн, а также медной руды и роштейна на черную медь начиналась только после того, как печь полностью остывала. В этом случае плавильный горн набивался через разлом в передней стене первоначально тяжелым мусором толщиной 2 фута, затем на него набивали до выпускного отверстия («до штиху или выпускной дыры») легкий мусор. «Вышеозначенное набивание слоями мусором делается для того, — поясняет В. де Геннин, — первое, что набиваетца тяжелым, дабы черною медью и роштейном не так скоро проедало горн, а наверх того лехгим, что на тот лехкой мусор медь, роштейн, железо и сок не так пристаёт, как на твердой и тяжелой мусор, (ибо ежели оной тяжелой мусор) набивать наверх лехкого, то оной от огня скоро трескаетца, и на оное медь и протчее пристаёт и из гнезда при выпуске медь или роштейн выбегает несвободно и стынет».

После набивки горна мусором и устройства стыха³⁴ и спура³⁵ разлом в передней стене закладывали кирпичом или плитным камнем, стойким к сильному жару, и, насыпав в горн угля (по пять решеток

34
Стых — «пространство, что оставляетца перед горном и выпускается во оной медь и роштейн» [Геннин В. де. Указ. соч. С. 401]. Автор подробно не разъясняет, что такое стых, но из текста следует, что это углубление, которое делали (вырезали, если говорить точнее) в легком мусоре с помощью стихгольца — устройства, которое Геннин описывает следующим образом: «...стихголец, круглое дерево с ручкою, которым вырезаетца стых, длиною оное имеет 2,5 фута (0,8м — В. С.), толщиной концы один 4, другой 6 дюлей, и в нем сквозная дыра, в которую вкладываетца железный пруток для того, когда оной стихголец положитца в мусор, то б оной можно вертеть и потом вынуть из мусора вон. На тот стых класть примету, которая бывает ис пары деревянных щеп, дабы тем можно было познать, сколь глубоко оной стых надлежит вырезать, и когда оное положено, будет, тогда набить мусором слоями к задней стене до фурмы, которая б была выше передней горновой стены 3 цоля» [Геннин В. де. Указ. соч. С. 401].

35
Спур — технологическое углубление в легком мусоре. В де Геннин называет его также «шпуром». В инструкции гитенмейстера об этом сказано так: «Смотреть, дабы шмельцеры, гармахеры и штыкарные плавильщики, врученные им плавильные печи и горны, также и шпур или гнездо набивали, как надлежит, смотря по свойству руд, а в гармахерских и штыкарных горнах ямы вырезаны были по пропорции и высушены по надлежащему, как о том ниже сего показано». Дословно описание спура (шпура, или гнезда) у де Геннина выглядит следующим образом: «Спур вырезать глубиной 3 цоля, шириной в один фут 8 дюлей, оставя при том под фурмою мусора шириною на ладонь. Также б и фурма на переднюю стену осталась шириною на 1 фут и 4 цоли, а подошва от шестка до фурмы покато вырезываетца и до половины печи поперек была ровна, а другая половина,

три-четыре раза), его нагревали. При этом смотрели, чтобы весь уголь прогорел полностью, а спур везде разогрелся докрасна. После этого в плавильный горн доверху засыпали древесный уголь и пускали меха. Нагнетаемый с помощью мехов воздух значительно ускорял процесс горения. Когда уголь прогорал до подкосины³⁶, приступали к засыпке рудной смеси и угля.

О составе рудной смеси (или правильнее будет сказать — шихты) де Геннин говорит в небольшом разделе «Об установлении и исправлении и смешивании шихт». Из него следует, что во избежание напрасной траты древесного угля шихту из пермских песочных руд (медистых песчаников) составляли, применяясь к тому, как плавил руды при Пыскорских заводах. Автор особо отмечает: «...ежели оные руды переplавятца с известью, то черная медь хотя и выдет, но будет иметь в себе железо, которое с великою трудностью и излишнюю тратою угля разделить выжечь надобно...» В связи с чем де Геннин предлагал следующий состав шихты: «...в плавке бывает григоровского или романовского шифера на шихт 50 пуд, к тому кладетца руды поповской или ереминской 15, семантинской или другой, которая в такой же доброты, 35 пуд...» Следует отметить, что центнер григоровского (романовского) шифера содержал один фунт³⁷ чистой меди; центнер руды поповской и ереминской — по 2,5 фунта меди, семантинской — 3 фунта чистой меди. В заключение указанного раздела автор делает вывод: «И тако во сте пудах руды имеет быть по той пробе меди 1 пуд, 8 фунтов, а ежели надлежит привести в роштейн, то к тому потребно быть в смес для свободной плавки песку варшннишного 30, извести 6 пуд».

При плавке роштейна на черную медь В. де Геннин настоятельно требовал от плавильного мастера, чтобы в центнере роштейна содержалось от 30 до 36 фунтов черной меди. В том случае (по де Генни-

якобы сводом, и когда руда будет в выпуске плавитца, то б шесток был глубиной один фут и 3 цоля» [Геннин В. де. Указ. соч. С. 402].

36
Подкосина — верхняя часть медеплавильного горна с колошей.

37
Отмененный в России в 1918 году 1 фунт равнялся 1/40 пуда, или 32 лотам, или 96 золотникам, или 9216 долям, или 0,4095 килограмма.

ну), если роштейн бывал богаче, то часть меди оставалась в железных крицах, в шлаке, и чистой выплавки не получалось.

Если содержание черной меди в роштейне находилось в пределах вышеуказанной нормы, а железо и шлак продолжали накапливать в себе медь, де Геннин предлагал дальше искать оптимальную пропорцию. «...Ежели где руды плавятца с колчеданом или сами в себе руды колчедану содержат, — пишет он по этому поводу, — то в смес прибавлять более колчеданных руд, а буде где смес бывает с простым кисом (?) или варнишным песком, то в тот смес прибавлять более кису или песку варнишного и искать той пропорции, чтоб роштейн пришел в свою против вышеписанного ординарную пробу, и как сыскана, будет, то смес содержать и поступать таковою плавкою и смесом»³⁸.

Когда роштейн содержал черной меди от 12 до 24 фунтов на центнер, он принимал в себя вместе меди железо, и медь выплавлялась железноватой. Данное обстоятельство (по де Геннину) приводило при очистке такой черной железноватой меди в гармахерской печи к ее чрезмерной убыли.

Также плавка считалась не прибыльной, если при плавлении на роштейн колчеданных руд, содержащих в себе больше «киса», нежели руды, эта руда не обжигалась. В. де Геннин отмечал: «...в таком роштейне, когда сера в рудах не выгорит, то более бывает в нем грязи, и за тем медь за малостию ея лежит меж собой редко».

При плавке медистого песчаника («песочной руды») с высоким содержанием кремния³⁹ на роштейн де Геннин рекомендовал плавильным мастерам добавлять флюса (варнишного песка) не 30 пудов, а 50–60 на 100 пудов руды.

Плавка вышеупомянутой твердой руды без флюса, то есть на черную медь, по мнению автора рукописи, могла быть произведена и с известью, но только необожженной. «...А егда такие руды плавить без флюсу, но с известью, — пишет В. де Геннин, — то взять на 100 пуд известного нежженого камня 80 пуд, ибо нежженная известь в плавке лутче, нежели как обожженная, понеже от того выходит черная медь нечиста, но смешиваетца з железом, також

и сок⁴⁰ густ и в нем бывает камню, галек и кремня довольно». При этом он особо подчеркивает, что если песочные твердые⁴¹ и мягкие⁴², а также глинистые руды⁴³, шифер плавить без флюса, но с известью, то есть на черную медь, то из одной печи переплавится руды в неделю только две трети от того количества, если бы плавка шла с флюсом. При этом автор вновь и вновь повторяет, как заклинание, что черная медь получается со смешением железа, а «сок будет выходить в той плавке густ, и угля держитца более, нежели когда плавить с песком». Создается впечатление, что В. де Геннин убеждает кого-то о преимуществе плавки руды с флюсом на роштейн и особо подчеркивает неэффективность плавки медистых песчаников на черную медь напрямую, без плавки на роштейн.

Замена деревянных клинчатых мехов, широко используемых в XVIII веке, на цилиндрические меха, произошедшая на рубеже XVIII–XIX веков, никоим образом не повлияла на конструкцию медеплавильных печей, сплейсофенов и гармахерских горнов.

40

«Сок, которой черной и плотен, тот за хороший почитаетца и в той печи рудное плавление идет хорошо, а сок которой красен, тот не годен и имеет в себе медь, которая напрасно нем пропадает, и оной вред бывает от того, когда...роштейн очень богат выходит и из богатых руд плавитца, то надобно исправить... также бывает и от фурмы, когда она не по свойству руд косину при плавке иметь будет, чего ради надлежит сыскать по свойствам руд, в какую косину фурму поставить. Также... красный сок бывает и от того, когда руды плавятся на черную медь без флюса, и тогда надлежит фурму исправить косиною, чтобы выше дула, а рудной сыпи убавить» (Геннин В. де. Указ. соч. С. 406–407).

41

«... Оной руды, которая смешана с флюсом, надлежит переправить чрез один крумофен в неделю от 900 до 1 000 пуд» (Там же. С. 406).

42

«... На другие песочные руды, которые мягче, класть в плавку на 100 пуд флюсу от 20 до 40 пуд и таковых переплавица в неделю 1200 пуд и больше» (Там же. С. 406).

43

«... В глиняную кунгурскую руду мешаетца на 100 флюсу ж 15 пуд, переплавитца оной в неделю в одну печь 1200 пуд» (Там же. С. 406).

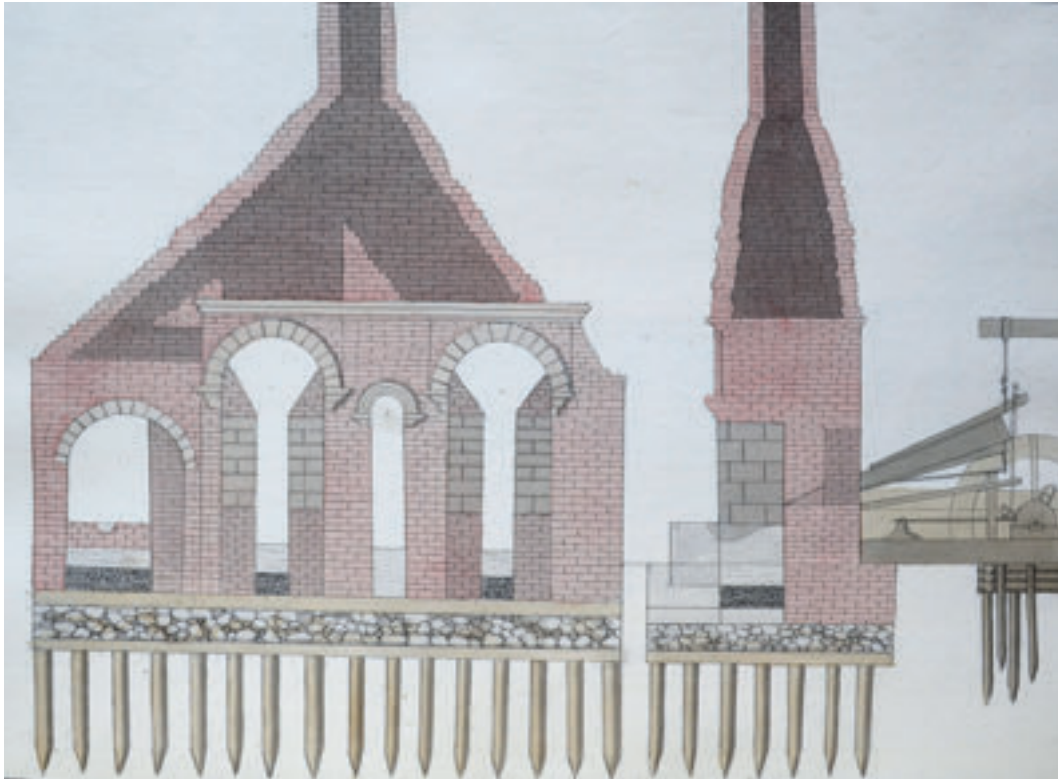
38

Этот процесс и есть «разубоживание руды»?

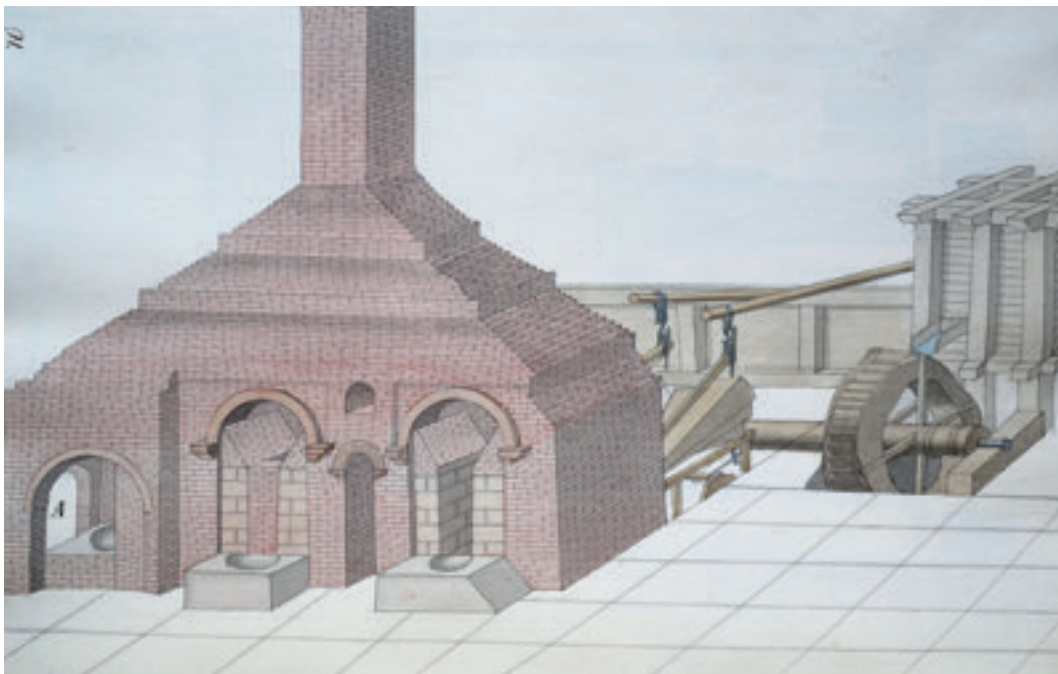
39

Такою руду В. де Геннин называл не иначе как «твердой».

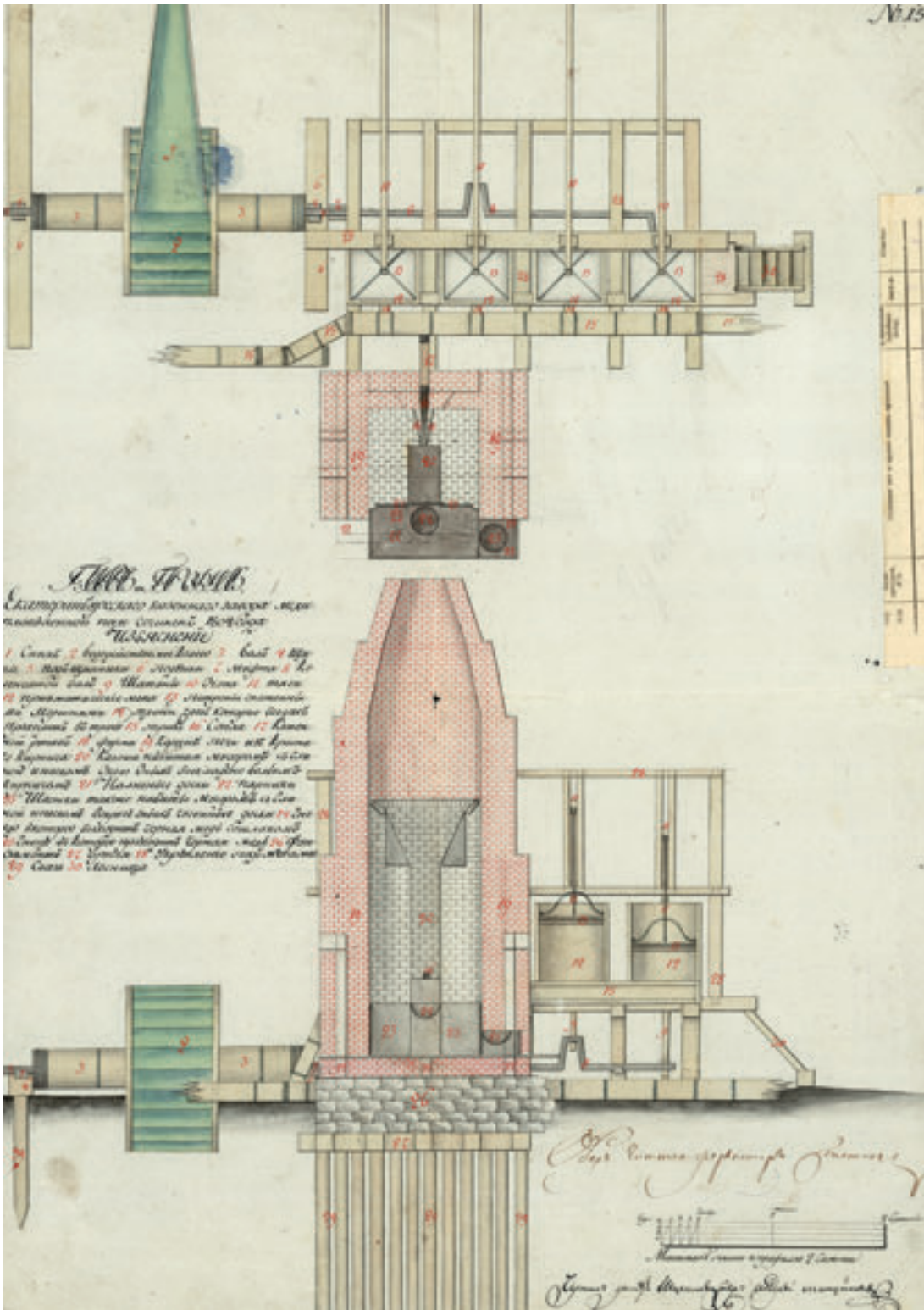

Широкий корпус (слева) гармахерского и сплейсофенного горнов. Корпус медеплавильной печи с клинчатыми мехами (справа) [Геннин В. (рукопись). Книга Сибирских горных заводов. Часть 2. Архив ЛОИИ. Ф. 115. ОП. 1. Д. 1161. Л. 74 75]

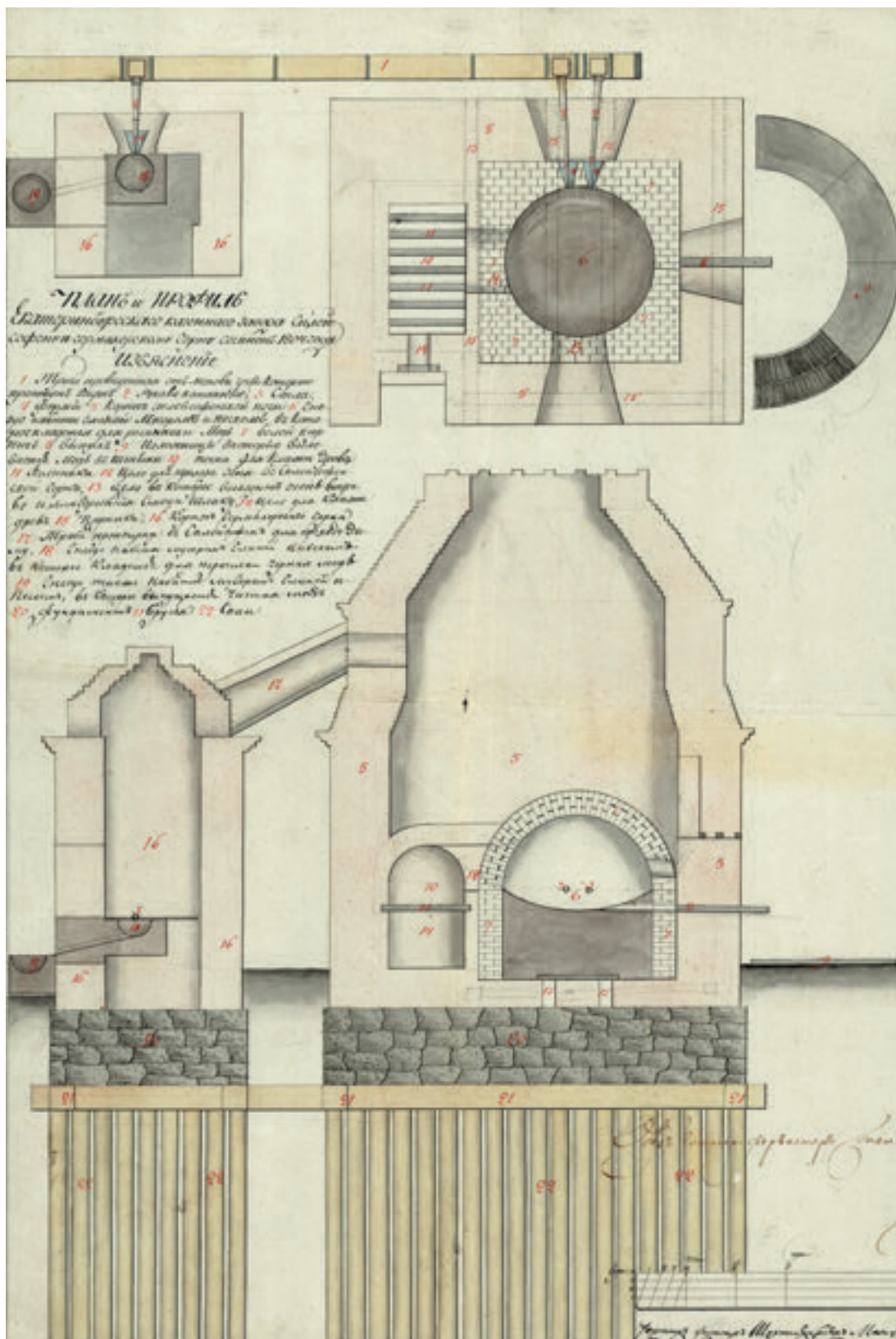
Гармахерский и сплейсофенный горны с клинчатыми мехами [Геннин В. (рукопись). Книга Сибирских горных заводов. Часть 2. Архив ЛОИИ. Ф. 115. ОП. 1. Д. 1161. Л. 75]

План и профиль медеплавильной печи 1804 года Екатеринбургского казенного завода. Изъяснения.

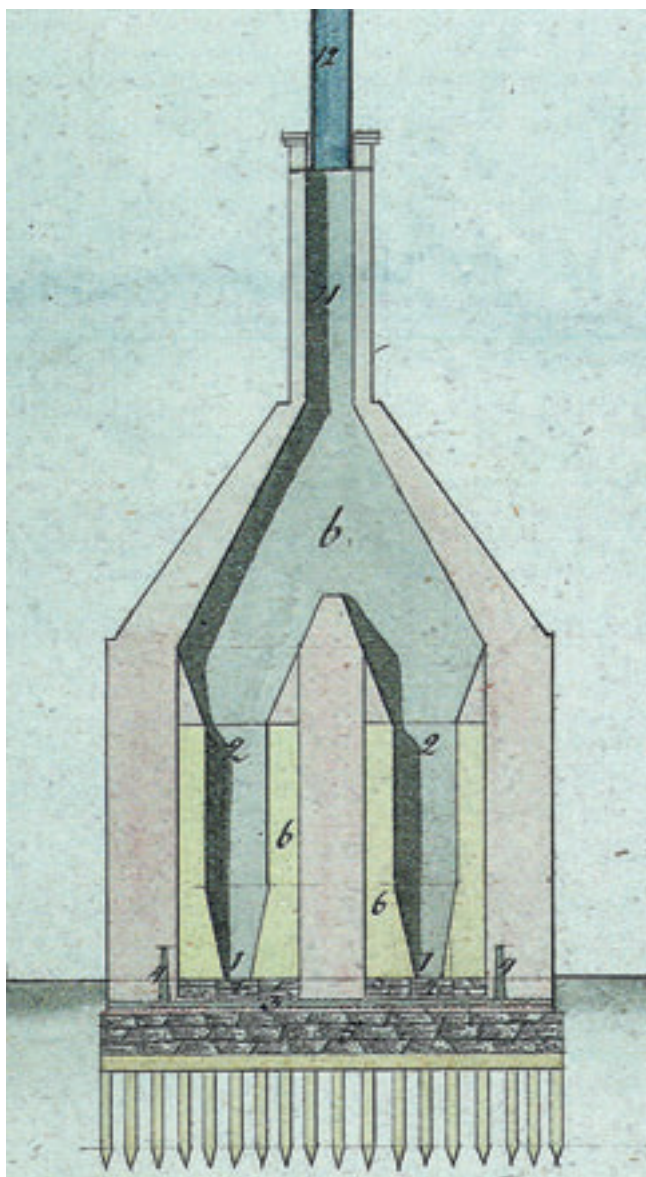
1. Спуск;
2. Вододействующее колесо;
3. Вал;
4. Шипы;
5. Подшипники;
6. Подушки; 7. Муфта;
8. Коленчатый вал;
9. Шатуны;
10. Очеп;
11. Тяги;
12. Призматические меха;
13. Патроны с кожаными поршнями;
14. Трубки, через которые воздух проходит в трубу;
15. Трубы;
16. Сопла;
17. Кожаный рукав;
18. Фурма;
19. Корпус печи из красного кирпича;
20. Колоша, набитая мусором, глиной и песком, около оных выложено белым кирпичом;
21. Наличные доски;
22. Парники;
23. Шестки, также набиты мусором с глиной и песком, вокруг оных чугунные доски;
24. Гнездо, в которое выходит черная медь со шлаком;
25. Гнездо, в которое проходит черная медь;
26. Фундамент;
27. Брусья;
28. Укрепления под мехами;
29. Сваи;
30. Лестница

[ГАСО. Ф. 59. ОП. 7. Д. 346]

План и профиль сплейсофену и гармахерскому горну Екатеринбургского завода казенного 1804 года

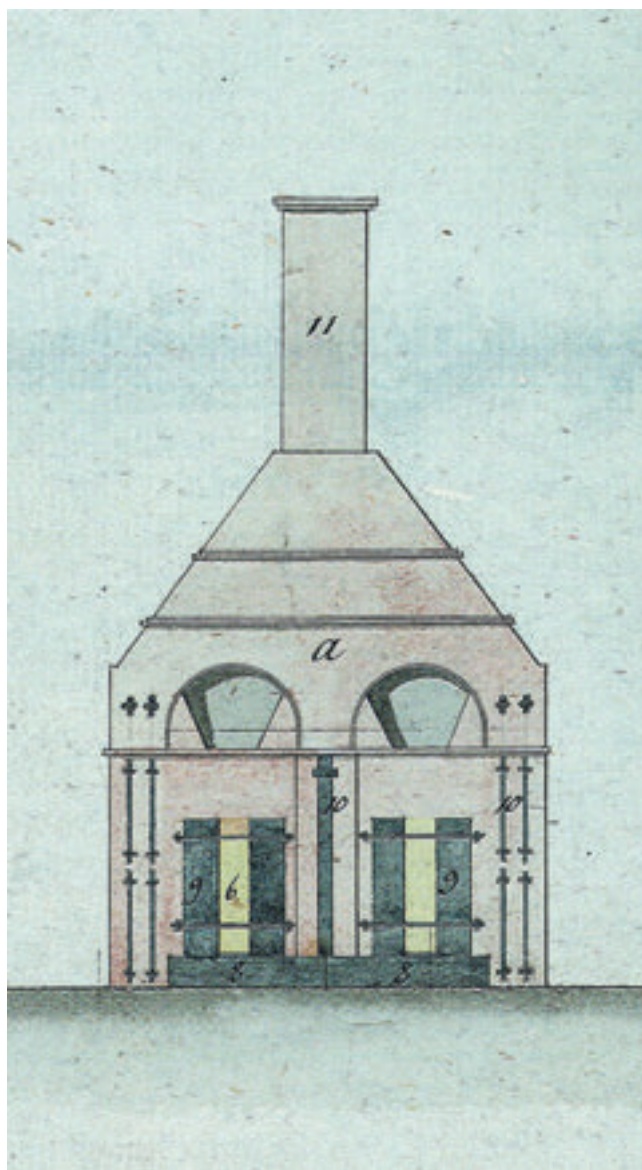
- Изъяснения.
1. Труба, проведенная от мехов, чрез которую пропущен воздух;
  2. Рукава кожаные;
  3. Сопла;
  4. Фурмы;
  5. Корпус сплейсофенной печи;
  6. Гнездо, набитое глиной, мусором и песком, в которое кладется для расплавки медь;
  7. Белый кирпич;
  8. Выпуск;
  9. Изложницы, в которые выливается медь в штыки;
  10. Печка для клажи дров;
  11. Колосники;
  12. Цело для прохода огня в сплейсофенской горн;
  13. Цело, в которое выходит огонь в трубу и для сгребания с меди шлаку;
  14. Цело для клажи дров;
  15. Парники;
  16. Корпус гармахерского горна;
  17. Труба пропущена в сплейсофен для прохода дыма;
  18. Гнездо, набитое мусором, глиной и песком, в которое кладется для перечистки черная медь;
  19. Гнездо, также набитое мусором, глиной и песком, в которое выпускается чистая медь;
  20. Фундамент;
  21. Брусья;
  22. Сваи
- [ГАСО. Ф. 59. ОП. 7. Д. 347]

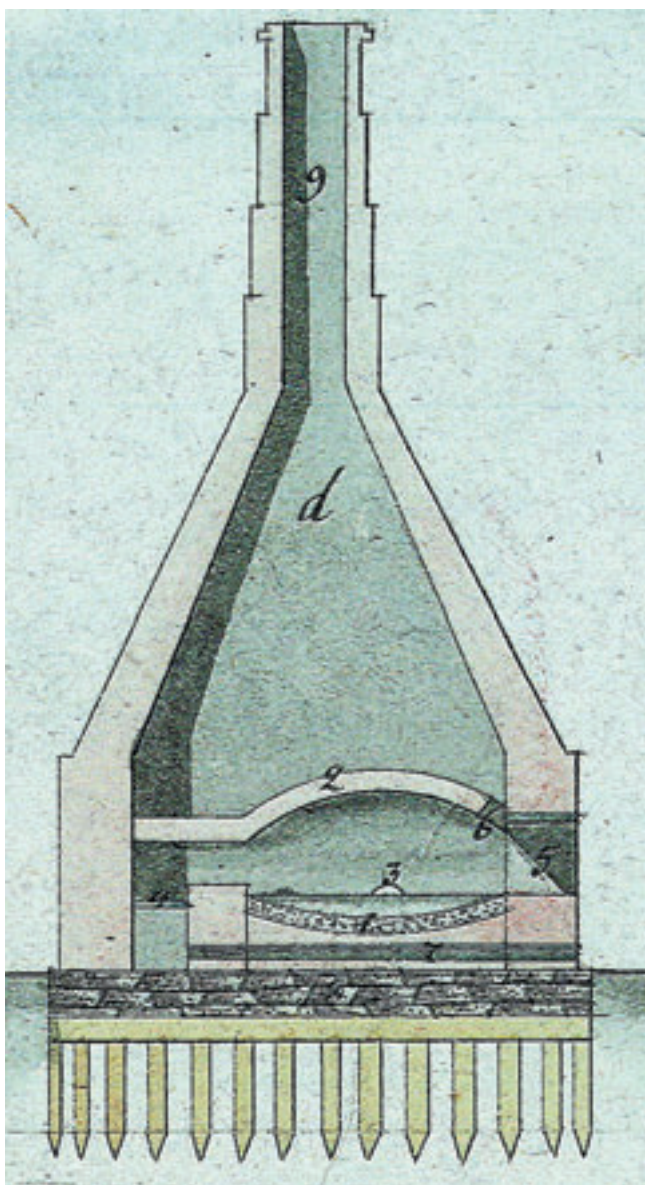
Медеплавильные печи
Златоустовского завода.
1811 год.

а. Медеплавильные печи
в фасаде;
б. В разрезе;

1. Горна;
2. Калоши;
3. Каналы под горнами для
проводу сырости;
4. Стоячие чугунные трубы,
в кои выходит сырость
из каналов;
5. Фундамент;

6. Около горнов выложено
белым кирпичом;
7. Лещадь горнового камня;
8. Шесточные чугунные доски
для укрепления набойки;
9. Наличные чугунные доски;
10. Связи;
11. Трубы;
12. Наставная железная труба
[Атлас Златоустовского
завода [ГАСО. Ф. 59. ОП. 3.
Д. 3078. Л. 14]

Сплейсофенная печь Златоустовского завода 1811 г. «Под литерою d – сплейсофенная печь; при ней: 1. Набойки; 2. Свод; 3. Сопло мехов; 4. Колосники; 5. Окно для посадки черной меди; 6. Отдушина для проходу дыма; 7. канал для выхода сырости; 8. Фундамент; 9. Труба» [ГАСО. Ф. 59. ОП. 3. Д. 3078. Л.14]

Медь в штыке Архангельского медеплавильного завода. Слиток найден около бывшего Архангельского медеплавильного завода. Ныне село Архангельское. Размеры слитка: 20,5x9 см на 17x6 см. Высота 6 см. Вес слитка 7,5 кг. В 1780 году на Екатеринбургском монетном дворе вес медного слитка-штыка составлял 13x14 фунтов (5,3–5,7 кг) («Практическое описание монетного производства в Екатеринбурге 1780 г.» в сообщении М. Н. Сперанского, 1907 г.)

Металлургическое производство на Урале в начале XIX века (краткий вывод)

Полосовое и сортовое железо по-прежнему получали кричным способом. Штыковой чугун переплавлялся в кричном горне при непосредственном соприкосновении с древесным углем и железистым шлаком, оставшимся от предыдущих плавок, до получения собственно железистой крицы (вот почему горн получил название «кричный»). Ее-то и проковывали в раскаленном виде под молотом для удаления шлака и получения кричной болванки. Замена кричных горнов на более экономичные контуазские горны произошла на частных металлургических заводах

Южного Урала лишь в 1840-е — начале 1850-х годов. Литейное дело также не претерпело изменений.

Причем все машины и механизмы уральских заводов продолжали действовать от силы падающей воды и были «привязаны» к тем или иным гидротехническим сооружениям с их короткой водопроводной системой.

Как и в середине XVIII века, на всех уральских заводах продолжал использоваться труд крепостных крестьян в сочетании с трудом наемных рабочих, в особенности при выполнении сезонных операций: на рубке дров, добыче и перевозке руды, угля на заводы и железа на судовые пристани. Лишь в отношении приписных крестьян произошли изменения. Указом от 15 марта 1807 года они были заменены

непременными работниками. «Число непременных работников для казенных заводов определить по мере и действию каждого завода, — говорится по этому поводу в указе, — для частных же по 58 человек с 1000 душ приписных к ним крестьян» [16, т. 29, № 22498]. В соответствии со статьями указа непременные работники выполняли прежние обязанности приписных крестьян, но могли использоваться и в заводских цехах. Десять месяцев они трудились на заводе, а два — на своих земельных участках. Все прочее осталось без изменений. Другими словами, о какой-либо модернизации металлургического производства на заводах Южного Урала в указанное время говорить не приходится.

Вне всяких сомнений, производительность южноуральских доменных и медеплавильных печей возросла к началу XIX века, но этот прирост был не сопоставим с производительностью аналогичных английских печей, работавших на минеральном топливе — коксе. К тому же к указанному времени выделка железа на южноуральских заводах в среднем продолжала оставаться на уровне 8000 пудов на один молот в год. Справедливости ради надо сказать, что на ряде заводов она доходила до 10000 и более пудов, но были и такие, которые выковывали в год на одном молоте лишь 2500 пудов. В силу того что действие машин и механизмов уральских заводов напрямую зависело от работы гидротехнических сооружений, металлургический процесс, помимо прочего, зависел также от смены времен года и погодных условий.

Тем не менее при всей важности указанных обстоятельств в сложившейся ситуации с частными металлургическими заводами России вообще и Южного Урала в частности главным было не то, с какой производительностью подошли они к началу XIX века. По свидетельству все того же Ф. Вирста, точка невозврата еще не была пройдена. При соответствующей налоговой и таможенной политике Россия тогда еще могла сохранить за собой емкий и богатый английский рынок металла. Важно другое! В условиях начавшейся промышленной революции в развитых странах Западной Европы во главе с Великобританией правительство России вместе с императором Александром I и его ближайшим окружением не только не предприняло решительных шагов в сторону облегчения налоговой нагрузки на металлургические заводы, но и в 1812 году в соответствии с указами от 11 и 27 февраля этого года все государственные подати, накладываемые на частные металлургические заводы, были

удвоены. «Все денежные пошлины (налоговые подати. — В. С.) частных горных заводов, как то по 8 копеек с пуда выплавляемого чугуна на заводах от казны пособия не имеющих, — говорится в указе от 27 февраля 1812 года, — по 12 копеек с пуда такового же чугуна на заводах, имеющих с домен по 200 рублей с каждой; с меди, остающейся за исключением десятины, по 3 рубля с пуда, и с медеплавильных печей по 10 рублей с каждой⁴⁴ должны быть с 1 января сего года удвоены» [16, т. 32, № 25011].

Справедливости ради необходимо признать, что указ об удвоении и так уже чрезмерно высоких налогов правительство Александра I отменило в декабре того же 1812 года, вернув их к величине, существовавшей до 1 января. «Из дошедших к Нам сведений усматривая ныне, что от удвоения сей подати, возвышение цен на металлы останавливает их распродажу, а потому уменьшить может и самую выработку, — говорится по этому поводу в указе от 29 декабря 1812 г., — признаем Мы нужным облегчить, сей налог, и... повелеваем: 1. с наступающего 1813 г. сей двойной пошлины не взыскивать, освободя от оной металлы, выплавленные в 1812 г., и впредь взимая с оных одне подати, до того времени существовавшие» [16, т. 32, № 25301].

По поводу вышеприведенного пункта указа следует добавить, что он, помимо прочего, содержал большую долю лукавства. Потому как забота правительства о том, чтобы производство металла не снижалось из-за повышения налогов, являлась по меньшей мере показной. Именно чрезмерно высокие налоги, налагаемые на частные металлургические заводы России и до периода континентальной блокады, привели и к повышению цен, и к трудностям в распродаже, и к сокращению производства железа.

Также необходимо особо подчеркнуть, что из содержания указа хорошо видно, что правительство Александра I прекрасно понимало пагубность высоких налогов, налагаемых на частную металлургическую промышленность. Тем не менее оно не только не стало вводить для нее премии за вывоз железа за границу и отменять подати с выплавляемого чугуна, но и сохранило высокие налоги, действовавшие и до

⁴⁴ Другими словами, по 12 копеек с пуда чугуна на заводах, имеющих пособия от казны!

Указа от 27 февраля 1812 года Что, в свою очередь, и послужило началом конца для большинства металлургических заводов Южного Урала XVIII–XIX веков.

Новоилецкий район: предыстория и события 1806–1811 годов

В 1737 году в канцелярию Оренбургской экспедиции обратились два яицких казака — Иван Никифоров Изюмский и Андрей Денисов Черкасов — с просьбой о дозволении построить на устье Илека городок. Что им и было дозволено особым указом от 5 февраля того же года. В силу этого указа они могли заселять городок уфимскими мещеряками, калмыками, татарами и другими инородцами, не положенными в подушный оклад; Изюмский был назначен атаманом, а Черкасов — есаулом [2, с. 270]. Причем Илецкий городок они заложили на степной стороне Яика, в том месте, где «прежде того бывали киргиз-кайсацкие воровские чрез оную реку перелазы, расстоянием от Яицкого городка со 145, а от Оренбурга 224 версты». Новоиспеченные илецкие казаки были ответственны за охрану границы вниз по течению Яика до Иртецкого форпоста и вверх по течению реки, до пикетов Рассыпной крепости Оренбургского казачьего войска. А службу несли «без жалованья хлебопашеством, звериными и рыбными ловлями, яко тут ко всему оному места способные» [17, с. 82–83].

С образованием Оренбургской губернии по ходатайству его первого губернатора И. И. Неплюева в 1753 году Илецкие соляные промыслы стали казенными. По указу Правительствующего сената 7 мая 1753 года в Оренбурге было открыто Соляное правление, под ведением которого и стала вырабатываться илецкая соль. Добыча производилась ссыльными каторжанами. В том же году сотник Оренбургского казачьего войска Алексей Углицкий подрядился на четыре года заготовлять и доставлять в оренбургские магазины (склады) илецкую соль. В следующем, 1754 году Углицкий обратился к губернатору за разрешением в месте солепромысла построить небольшую защиту — оплот с батареями для пушек, разместить тут же несколько жилых покоев и казарм для гарнизона и провиантский магазин. Крепостца была названа Илецкой Защитой, и в ней был размещен гарнизон, состоявший из одной полной роты Алексеевского пехотного

полка, который увеличивался или уменьшался по мере надобности — по назначению местного начальства [5, с. 161–162].

Со строительством Илецкой Защиты полностью решить вопрос о безопасности Илецких соляных промыслов и солевозных дорог не удалось. Каждый год для отражения нападений военных отрядов киргиз-кайсаков в помощь гарнизону Илецкой Защиты направлялись дополнительные силы. Так, в 1784 году от регулярных войск Черноярского и Оренбургского батальонов было откомандировано шесть рот на Нижнеуральскую дистанцию и шесть рот на пограничную линию от Верхнеозерной до Уртамызской крепостей. От иррегулярного войска на все дистанции и в Илецкую Защиту было направлено 770 казаков и 1500 башкир [11, с. 7].

Новоилецкий район (1806–1811)

В 1806 году правительство для лучшего устройства Илецкого соляного промысла разрешило отмежевать к промыслу из пустопорожних земель киргизской степи 6000 десятин наилучшей пашни и сенокосных лугов и 2000 десятин кустарников и леса, могущего вырасти в строевой [11, с. 87].

В 1810 году был заложен новый солевозный тракт: в августе утверждено предложение полковника Г. Н. Струкова о перевозке соли в Самару, а затем по Волге — в Нижний Новгород, не через Оренбург и Стерлитамак, а правым берегом Илека до Илецкого городка и оттуда в крепость Рассыпную. Тем самым путь укорачивался и шел по более ровной местности, оставляя справа горы Общего Сырта. Для обеспечения охраны возчиков от киргиз-кайсаков, кочевавших по Илеку, предложено было возвести вдоль реки форпосты и редуты с оренбургскими и уральскими казаками по вызову Г. Н. Струкова [11, с. 146].

Для безопасного провоза соли по новому тракту правительство в 1811 году и основало Илецкий район, позднее вошедший по Положению 1840 года в состав территории Оренбургского казачьего войска. Местность эта послужила основанием для Новоилецкой линии.

По Новоилецкому тракту, от Илецкой Защиты до Илецкого городка, длиной 131 верста, было запланировано выстроить четыре форпоста — Изобильный, Новоилецкий, Озерный и Затонный — на расстоянии по 27 верст между ними; от форпоста Затонно-

го до Илецкого городка было 20 верст. Губернатор Оренбургского края князь Волконский в своем уведомлении от 19 апреля 1811 года на имя военного министра Барклая де Толли писал, что необходимо учредить шесть форпостов. Поэтому к запланированным четырем были добавлены еще два — Угольный (Защитинский) и Мертвецовский. Однако предположение Струкова о вызове оренбургских и уральских казаков для расселения в возводимые укрепления не осуществилось, так как среди казаков не нашлось желающих добровольно покинуть насиженные места. Тем более противник создания Новоилецкой линии князь Волконский в том же своем уведомлении от 19 апреля сообщил, что «употребить же некоторое принуждение он не может никак допустить» [12, с. 270].

В 1811 году по новопроложенному тракту из Илецкой Защиты в Рассыпную для охраны солевозов было назначено сто казаков. Им предписывалось прибыть к 1 ноября в крепость Рассыпную [11, с. 115].

Дальнейшему обустройству новой пограничной линии помешали события, связанные с Отечественной войной 1812 года.

Участие казаков Оренбургского казачьего войска в войне с Турцией (1807–1812)

В начале ноября 1806 года военный губернатор Оренбургского края князь Г. С. Волконский получил письмо за подписью императора Александра I о необходимости сформировать во вверенном ему крае «полки из Оренбургского и Уральского казачьих войск, Башкиро-мещерякского войска, один Тептярский и Ставропольский калмыцкий полк». 3 декабря 1806 года Александр I подписал манифест «Об открытии войны с Францией». И уже к началу января 1807 года из состава Оренбургского казачьего войска было сформировано два шестисотенных полка. Полк № 1 (командир майор Н. Лысов) в первых числах января 1807 года «был выкомандирован из войска на службу» из Оренбурга, полк №2 (командир поручик В. Мельников) «8 января выступил в Москву» из Челябинска. Командование обоими полками в качестве командира бригады было возложено на командира Оренбургского Непременного полка полковника В. А. Углицкого. Маршрут полков пролегал «через Москву за границу, в Пруссию, где в это

время наша армия под начальством генерала Беннигсена, в союзе с прусскими войсками, вела борьбу с войсками Наполеона».

Принять участие в боевых крупномасштабных действиях 1-му и 2-му Оренбургским казачьим полкам в русско-французской войне 1806–1807 годов не пришлось, так как через неделю после прибытия их на «западный театр военных действий», 27 июня 1807 года, между Францией и Россией был заключен Тильзитский мир⁴⁵. К осени 1807 года «оренбургские полки вместе с донскими полками генерала М. И. Платова были направлены в Молдавскую (Дунайскую) армию для военных действий против Турции», где приняли самое активное участие во многих боях с турецкими войсками. Находясь в боевом походе с января 1807 года, и с осени этого же года «участвуя во многих сражениях русско-турецкой войны, казаки несли боевые потери». Кроме того, ввиду длительного нахождения в походе многие подлежали увольнению от службы «по болезни, увечью, старости или по расстройству домашнего хозяйства, смерти жен, детей». Поредевшим полкам требовалось подкрепление, и по предписанию князя Волконского от 5 мая 1811 года «на укомплектование казачьих полков, находившихся в Молдавской армии, было послано 330 казаков». В это число вошли и 28 казаков из Нагайбацкой станицы, через год они приняли участие в сражениях Отечественной войны 1812 года.

Из Оренбургского казачьего войска в действующую армию были «выкомандированы на укомплектование служащие казаки: крепости Нагайбацкой⁴⁶ — Василий Максимов Басков, Мирон Яковлев Слесарев, Борис Дмитриев Матвеев; крепости Бакалинской⁴⁷ — Федор Иванов Танаев, Алексей Иванов Ермухаметев, Степан Петров Настин; деревни Шерашели — Данила Васильев Тептеев, Андрей Никифоров Семёнов, Яков Прокофьев Евдокимов; деревни Иликовой — Харитон Тимофеев Федоров, Василий Павлов Ишимов, Иван Терентьев Данилов; деревни Умировой — Никита Игнатьев Юзеев, Антон Матвеев Леонтьев,

45

Заключен после поражения русской армии Беннигсена при Фридлянде, произошедшего 3 июля 1807 года.

46

В настоящее время — село Нагайбаково на реке Ик недалеко от административной границы между Башкирией и Татарстаном.

47

Село Бакалы в Башкирии, в 173 километрах к западу от Уфы.

Федор Иванов Прокопьев; деревни Килевой — Федор Яковлев Танаев; деревни Зияшевой — Афанасий Никифоров Михайлов, Иван Федоров Карсаков, Егор Степанов Карсаков, Прокофий Иванов Романов, Яков Арсеньев, Егор Данилов Леонтьев, Фома Данилов Петров, Андрей Трофимов Семенов, Иван Андреев Иванов; деревни Ново-Юзеевой — Степан Григорьев Захаров, Степан Ильин Биккулов; деревни Маты — Спиридон Яковлев Питеев».

По прибытии пополнения из Оренбургского края боевые действия русских войск Дунайской армии в основном происходили «в походах на правый берег Дуная» и «в боях с неприятелем во время переправы турок на левый берег р. Дуная».

В мае 1812 года в Бухаресте между Россией и Турцией был заключен мирный договор. Главную роль в заключении Бухарестского мирного договора в преддверии большой войны с наполеоновской Францией сыграл фельдмаршал М. И. Кутузов. Успешная военная кампания Молдавской (Дунайской) армии под руководством Кутузова в период с марта 1811 по май 1812 года заставила османскую Турцию отказаться от Бессарабии в пользу России.

Заключение мирного договора между воюющими сторонами не означало, что служба казака становилась легкой. Оренбургские казаки «занимали линию кордонов на турецкой границе по реке Пруту», несли службу на передовых постах, сопровождали транспорты с продовольствием и боеприпасами, участвовали в сопровождении высокопоставленных чинов Дунайской армии. Кроме того, казакам приходилось выполнять «хозяйственные различные работы» по жизнеобеспечению войск, дислоцировавшихся на присоединенной к России территории.

По окончании войны и подписания Бухарестского мирного договора между Россией и Турцией М. И. Кутузов, назначенный «главнокомандующим армией, действовавшей против французов», направляясь к главной армии, «взял с собой конвой из оренбургских казаков, которые сопровождали его на значительное расстояние, переменяя на каждой станции верховых лошадей, потому что князь Кутузов, ехавший на почтовых, конвою велел взять только седла».

Континентальная блокада (система) Великобритании и присоединение к ней России (1806–1811)

Отказавшись от политики морского вооруженного нейтралитета, объявленной Павлом I, молодой император Александр I в июне 1801 года, как отмечалось ранее, заключил с Великобританией конвенцию «О взаимной дружбе», причем на самых выгодных для англичан условиях. Вследствие этой «дружбы» британским дипломатам удалось в 1805 году втянуть Россию в войну с наполеоновской Францией, организовав Третью антифранцузскую коалицию⁴⁸ в составе Великобритании, Австрии и России (главные союзники). Боевые действия велись на территории Австрии. После поражения союзников в битве при Аустерлице 20 ноября 1805 года Австрия вышла из коалиции. В связи с чем, Третья антифранцузская коалиция распалась. Оставшиеся боеспособные русские войска под командованием М. И. Кутузова были отведены в Россию.

Кстати, всеми русскими войсками, находящимися в Австрии в 1805 году, командовал Кутузов, он же являлся главнокомандующим в битве при Аустерлице, но из-за того, что император находился при армии, Кутузов вынужден был выполнять его приказы, что, собственно, и привело к сокрушительному поражению русской армии. Война 1805 года завершилась Парижским миром, заключенным 20 июля 1806 года, но Александр I отказался от его ратификации, что неизбежно привело к продолжению войны с Францией.

Война 1806–1807 годов против Франции велась Россией в составе Четвертой антифранцузской коалиции на территории Пруссии. Коалиция была создана усилиями английской дипломатии 15 сентября 1806 года. В ее состав вошли Пруссия, Великобритания, Швеция, Россия и Саксония, но, как и все предыдущие коалиции, эта тоже просуществовала недолго. Первоначально французы нанесли сокрушительное поражение прусской армии, а 2 июня 1807 года под Фридландом разбили русскую армию, которой командовал Беннигсен.

После поражения русской армии под Фридландом император Александр I и вынужден был подписать 7 июля 1807 года крайне невыгодный для России Тильзитский мир. Договор о мире предусматри-

48

Русско-австрийско-французская война 1805 года.

вал секретный союзный договор, в котором содержались униженные условия для России. Главным же являлось то, что Россия брала на себя роль посредника в урегулировании отношений между Францией и Великобританией. В случае отказа англичан заключить мир с наполеоновской Францией Россия обязана была не только порвать с ней дипломатические отношения, но и до конца 1807 года присоединиться к континентальной блокаде Великобритании, объявленной Берлинским декретом Наполеона от 21 ноября 1806 года. Декрет налагал вето на любые контакты, включая торговые и почтовые, запрещал также принимать в портах европейских госу-

дарств морские суда под любым флагом, если они прибыли из Великобритании или ее колоний.

В ответ английское правительство, облегчив доступ иностранных судов в свои порты, предупредило нейтральные государства о запрете вести морскую торговлю с враждебными Британии странами. В связи с этим суда нейтральных государств обязаны были заходить в британские порты для уплаты пошлин, проверки грузов, выяснения пункта назначения. Другими словами, Великобритания сама объявила морскую блокаду Франции с ее союзниками. С подписанием Тильзитского мира Россия оказалась в их числе.

Металлургические заводы Южного Урала в период континентальной блокады 1808–1811 годов и Отечественной войны 1812 года

М. Ф. Злотников
[8, С. 582–608]

«Континентальная блокада оказала неблагоприятное влияние на чугуноплавильную и железоделательную промышленность России. Это была единственная отрасль, на которую блокада сказалась отрицательно. Однако Континентальная блокада только ускорила и усилила... процесс упадка железоделательной промышленности, который наблюдался в предблокадный период. Континентальная блокада закрыла для русского железа главный рынок сбыта — английский и затруднила вывоз его в другие страны, так как главный экспорт железа производился из портов Балтийского моря. Этим блокада отлучила заграничные рынки от русского железа и заставила... их искать этот продукт в другом месте или развивать производство железа в своих странах... Блокада значительно облегчила конкуренцию иностранному железу и содействовала вытеснению русского железа с некоторых иноземных рынков. Внутренний рынок

России не был еще столь емким... чтобы мог поглотить всю продукцию железа... и тем возместить потерю иностранного рынка. Экспорт упал в период блокады. Если в 1802–1806 гг. в среднем вывоз составлял 2 225 885 пудов, то в 1808–1812 гг. только 1 460 570 пудов. Таким образом, экспорт железа понизился почти на 35 процентов. Кризис сбыта повел... к падению цен на железо, вызвал также значительное сокращение производства... Выплавка чугуна сократилась на 3 014 691 пуд, что равнялось почти 25 процентов. При этом понижение выплавки падает... на частные заводы... Этот упадок производства в период блокады объясняется кризисом сбыта, закрытием для русского железа главного заграничного рынка, каким была Англия. Вывоз железа в Англию начал падать еще до блокады... но он сокращался постепенно, так как Англия нуждалась в высших сортах русского железа, несмотря на рост своего производства.

В годы же блокады вывоз прекратился, и русское железо лежало без движения... цены упали сильно. Так в 1803 г. пуд железа стоил 1 руб. 52 копеек серебром; в 1809 — 1 руб. 11 копеек серебром⁴⁹; в 1811 г. пуд железа стоил уже 55 копеек серебром. Таким образом, цены упали почти в 3 раза... по сравнению с 1803 г.

“Дело Кнауфа”
Прямым следствием кризиса сбыта русского железа на заграничных рынках и стало “Дело Кнауфа”. Департамент писал, что его железо самой превосходной работы большей частью продается в долги, без залогов с рассрочкой платежей, либо променивается на другие товары. У Кнауфа... в 1811 г. за невзнос платежей были отобраны казенные заводы... находящиеся у него “в содержании”. Из заявления Кнауфа (Государственному Совету) следует, что заводчик взял в 1800 г. “в содержание из ведомства ассигнационного банка Лугининские заводы”, оцененные в 1 780 000 руб-

лей (Златоустовский, Саткинский, Кусинский и Артинский заводы). Кнауф до 1808 г. исправно вносил платежи за право содержания по 100 000 рублей ежегодно, а с того времени прекратил уплату и задолжал казне 910 950 рублей. Кроме того, Кнауф приобрел в 1804 г. у Осокина три [металлургических] завода, и по ним оказался должен 130 266 рублей. Также имел в содержании завод Строганова, и по нему оказался должен 45 406 рублей. Общий же долг составил 1 477 140 рублей. Заводчик... в заявлении объяснил, что прекратил платежи “по причине несчастных по торговле обстоятельств и увеличения долгов от упадка [вексельного] курса и разных непредвиденных случаев”. Кнауф указывал, что мог бы уплатить недоимку в течение пяти лет, начиная с декабря 1812 г. При этом отмечал, что произвел на заводах многие усовершенствования, между прочим, он завел фабрику кос и выписал иностранных мастеров.

49
Данные за 1803 и 1811 годы
взяты у Шторха, Мордвинова.

Выплавка меди

В 1811–1812 гг. действовало 33 медеплавильных заводов, из них 7-мь казенных, 26 — частных...

Не смотря на то, что выплавка меди понизилась, ее экс-

порт значительно увеличился во время блокады по сравнению с предыдущим периодом. Так в 1802–1806 гг. вывоз меди составлял 2180 пудов в год, а в 1808–1812 гг. 26 000 пудов в год. Таким

Годы	Медь (в пудах)
1811	119 389
1812	97 631
1813	91 697

образом, экспорт меди вырос в 12 раз. Однако... по абсолютным размерам экспорт оказался невелик, равно как и выплавка его».

***

В продолжение «дела Кнауфа» крайне важно рассказать, пусть кратко, о самом Кнауфе и пояснить, о каких именно усовершенствованиях шла речь, и кто именно стоял у начала не только получения качественной стали на Урале, но и у истоков производства первых стальных кос-литовок в России.

Андрей Андреевич (Петер Андреас) Кнауф (1765–1835) родился и вырос в Германии. В Санкт-Петербург приехал вместе с двоюродным братом Г. Ф. Кнауфом в возрасте 19 лет в качестве подмастерья по ковке серебра. В 1788 году Андрей Кнауф нашел место в московской конторе голландской фирмы «Джон Тамес и Ко», где и заработал первоначальный капитал. В 1795 году совместно с англичанином Вильямом Доути открыл торговую фирму «Доути, Кнауф и К^о». В том же году, записавшись в купеческое сословие, А. А. Кнауф стал московским купцом пер-

вой гильдии, а в 1801 году — почетным московским гражданином. Именно в московский период жизни Кнауф получил от банкира К. А. де Гассельгрена и купца Шнейдера право на участие в управлении имением купца П. М. Гусятникова, владевшего на Южном Урале Преображенским (Зилаирским) медеплавильным заводом. Этот завод Гусятников купил у наследников Твердышевых в 1789 году. Здесь его внимание привлекли Златоустовский, Кусинский, Миасский и Артинский заводы, принадлежавшие тогда капитану И. М. Лугинину [13]⁵⁰.

Как уже отмечалось, производство стали и изделий из нее на железоделательных заводах Южного Урала во второй половине XVIII — начале XIX века

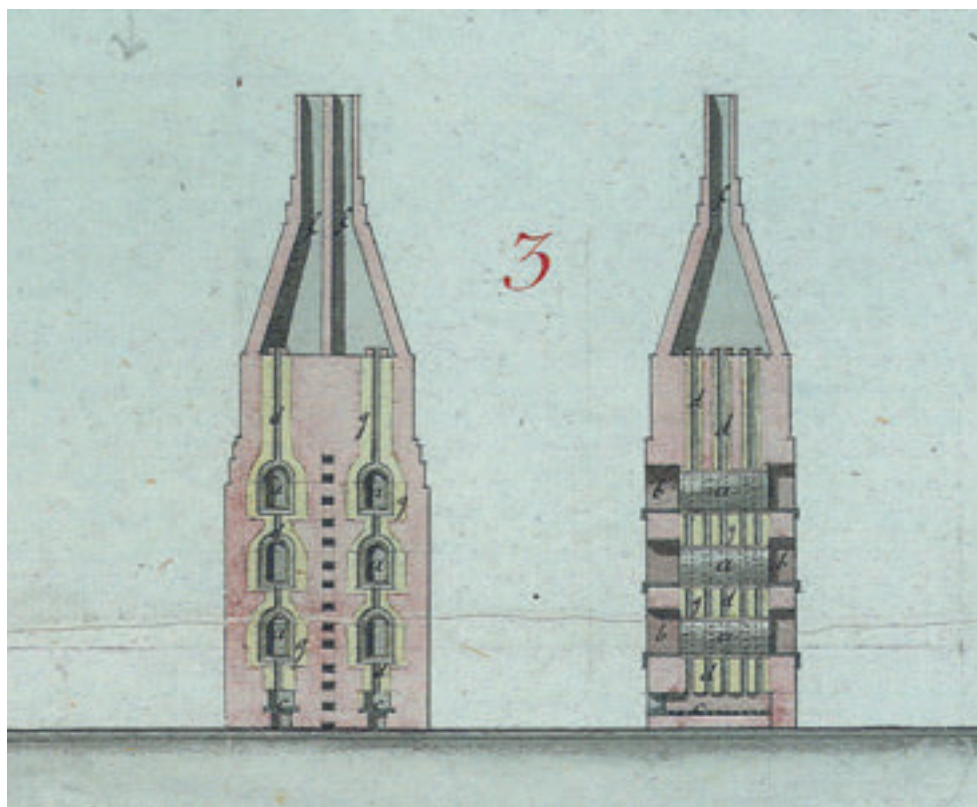
50

А. П. Моисеев ссылается на статью Андреаса Келлера (на немецком языке) «Немецко-русский предприниматель Петер Андреас или Андрей Андреевич Кнауф».

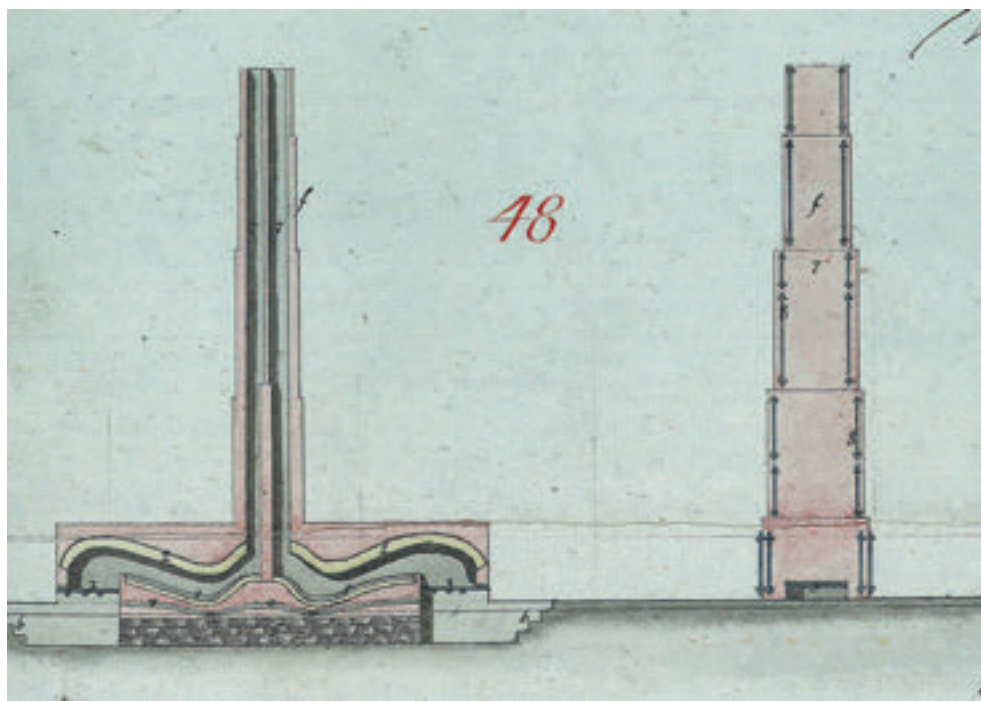

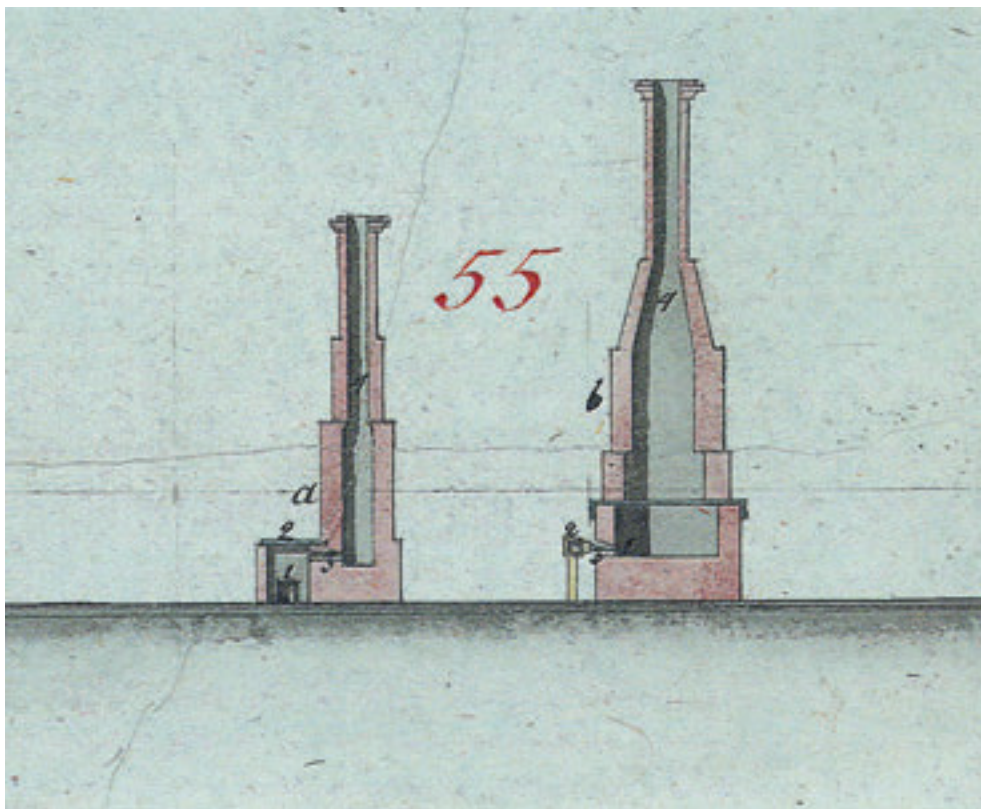
«1809 году основано производство кос на Артинском заводе»
[Uole-museum.ru/artinskij-istoricheskij-muzej/]

«3. Печь в разрезе с двух сторон, построенная во флигеле большого дома для цементования стали, при ней:
 а. Ящики огнепостоянной глины, в кои кладется для цементовки железа;
 б. Окна, кои во время действия закладываются белыми кирпичами;
 с. Колосники;
 д. Канал в кои проходит жар около ящиков;
 ф. Трубы;
 г. Около каналов и ящиков, где сильно действует жар, выложено белыми кирпичами»
 [ГАСО. Ф. 59. ОП. 3. Д. 3078. Л.14]

«1811 г. Атлас Златоустовского завода». «Под литерою f печи для расплавки чугуна на отливку разных припасов; при них:
 1. Набойки;
 2. Своды белого кирпича;
 3. Колосники;
 4. Каналы для провода сырости;
 5. Фундамент;
 6. Ступеньки для схода к колосникам;
 7. Трубы;
 8. Связи»
 [ГАСО. Ф. 59. ОП. 3. Д. 3078. Л.14]

«55. Печки для делания кос, из коих

а. Служит для отпуска и отсинки; при ней:

1. Канфор с жаром;
2. Чугунная доска, на которой отпускают косы;
3. Канал, проводящий жар в трубы;
4. Труба;

б. Для закалки кос, при ней:

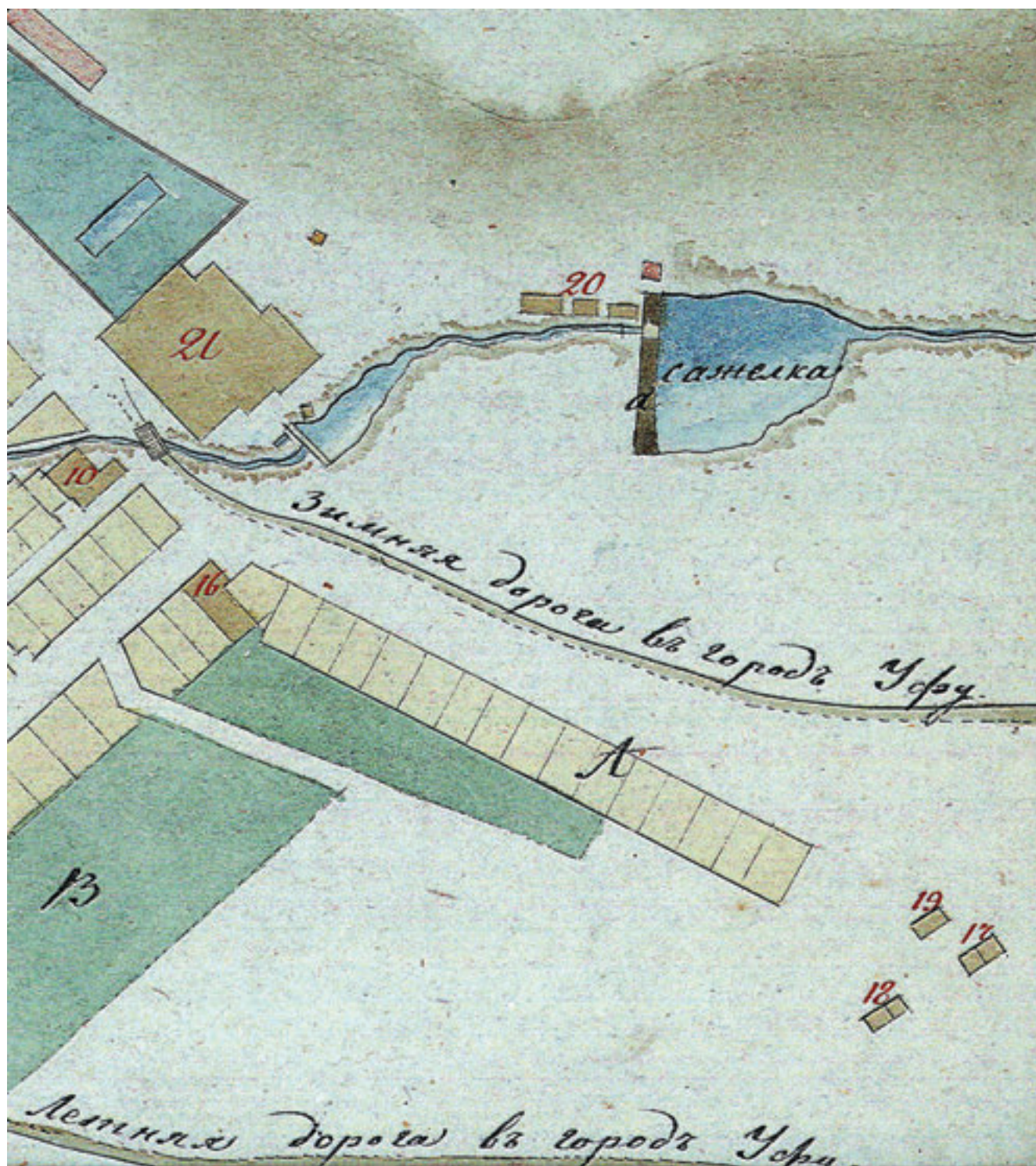
1. Горн;
2. Духовая труба, проведенная от мехов;
3. Железное сопло;
4. Труба» [ГАСО. Ф. 59. ОП. 3. Д. 3078. Л. 14]

было незначительным. К тому же сама сталь большинства заводов не отличалась высоким качеством и ее, как правило, использовали для внутривозовских работ. Только на Златоустовском заводе А. А. Кнауфа уже в предблокадный период действовал стальной горн с одним молотом и работала как минимум одна цементная печь для выделки стали [23, л. 95]. Кнауф же, столкнувшись с кризисом сбыта качественного железа в период блокады, предпринял поистине революционные шаги в производстве стали и изделий из нее. Видя, что европейский рынок железа закрыт для российских промышленников, и в то же время понимая потребности внутреннего рынка Российской империи, он построил в 1809 году на Артинском заводе с помощью иностранных мастеров первую не только на Урале, но и в России фабрику по производству стальных кос.

Кнауф также прекратил выплавку чугуна на Златоустовском заводе. Во избежание лишних затрат и ради экономии времени им в доменном корпусе Златоустовского завода были поставлены две (другие две еще строились) медеплавильные, одна сплейсофенная печи и печь «для расплавки чугуна на отливку разных припасов». Также на Златоустовском заводе с помощью все тех же иностранных мастеров были постро-

ены две печи для производства стальных кос. Доказательством вышесказанного служит атлас Златоустовского завода 1811 года, составленный в период передачи завода в казенное управление.

Часть иностранных специалистов по выделке железных и стальных изделий Кнауф перевел с казенного Ижевского завода. Место проживания иностранцев отмечено на общем заводском плане из атласа 1811 года. Первоначально два деревянных дома для них и кузница со слесарней были построены на окраине Златоустовского завода, между зимней и летней дорогами в Уфу.

«17, 18, 19. Два деревянных
вновь построенных дома,
одна кузница со слесарною
для иностранных мастеров»
[ГАСО. Ф. 59. ОП. 3. Д. 3078.
Л. 1]

Смена владельцев Каслинского, Верхне-Кыштымского, Нижне-Кыштымского, Нязепетровского заводов (1808–1809)

Период присоединения России к континентальной блокаде Великобритании (1808–1811) и период английской блокады балтийских портов России (1807–1809) ознаменовался не только принудительным переводом Златоустовских заводов в казну, но и сменой владельцев ряда частных южноуральских металлургических предприятий.

Еще до покупки в 1809 году Каслинского и двух Кыштымских заводов вольский купец первой гильдии Лев Иванович Расторгуев купил 12 февраля 1808 года у вдовы генерал-лейтенанта И. Я. Хлебниковой Нязепетровский завод за 650 тысяч рублей. За два года (1808–1809) он приобрел еще три завода (Каслинский, Верхне-Кыштымский, Нижне-Кыштымский), а также лесную дачу под Шемахинский завод. Они обошлись ему в 700 тысяч рублей. При сопоставлении цены Нязепетровского завода с той, во что были оценены три демидовских завода с Шемахинской лесной дачей, становится очевидным, что П. Г. Демидов просто избавлялся в самый разгар кризиса сбыта русского железа от заводов, доставшихся ему по наследству от дяди. Причем осуществить эту сделку купцу Расторгуеву удалось при финансовой поддержке все того же П. Г. Демидова, у которого Расторгуев взял займы 1251 тысячу 500 рублей ассигнациями сроком на семь лет и десять месяцев с обязательством расплатиться к 1817 году.

В итоге, воспользовавшись кризисной ситуацией в металлургической промышленности Южного Урала, Л. И. Расторгуев не только забрал все заводы дворянина Н. Н. Демидова в свои руки, но и стал владельцем обширной Нязепетровской дачи вместе с заводом. Старообрядец-беспопoveц, причем, в отличие от дворянина Н. Н. Демидова, не скрывавший приверженности к своей вере, оказался собственником огромного заводского округа. На данный факт мало кто в отечественной историографии обращает внимание, тогда как в действительности старообрядческий фактор является ключевым моментом в понимании истории частной металлургической промышленности Урала XVIII–XIX веков в целом.

Вольский купец первой гильдии Лев Иванович Расторгуев. Владелец (с 1809) Каслинско-

го, Нижне-Верхне-Кыштымских, Нязепетровского заводов

Благодаря покровительству Л. И. Расторгуева, а потом Г. Ф. Зотова и П. Я. Харитонova в первой четверти XIX века в Каслинском и Кыштымском заводах образовался один из значительных центров уральского старообрядчества. В Каслях при поддержке Л. И. Расторгуева была выстроена старообрядческая часовня. А в 1811 году на озере Сунгуль основан монастырь, ставший для старообрядцев Каслей и Кыштыма местом, куда по большим церковным праздникам совершались крестные ходы. Из рассказов старообрядцев, записанных в 1990-е годы Виктором Ивановичем Столбиковым, известно, что крестные ходы совершались в день памяти пророка Илии (Ильин день) и в день святых правоверных апостолов Петра и Павла (Петров день). Сунгульский скит за четверть века существования приобрел широкое влияние среди старообрядцев не только Урала. Пожертвования стекались как из Европейской России, так и из Сибири. Число скитников доходило до нескольких десятков.

В силу того что старообрядцы проживали при большинстве заводов Южного Урала с момента их

основания [4, с. 115.], процессы укрепления старообрядческих общин во всех южноуральских заводах были идентичны. При поддержке заводовладельцев, как тайных, так и явных покровителей старообрядчества, в заводских поселках строились и освящались часовни, молитвенные дома, домовые церкви, а в труднопроходимых горах Южного Урала возникали старообрядческие скиты (Юрма, Таганай, Ильмены). Строились скиты и по берегам озер Ильмены, Чебаркуль, Тургояк, Кысыкуль. В качестве примера могут служить две фотографии конца XIX – начала XX веков женского старообрядческого монастыря под Миасским заводом на берегу озера Кысыкуль. Росли численность и влияние старообрядческих общин и на территории Башкирии. Елена Сергеевна Данилко отмечает: «В конце XVIII в. вырастает целый куст русских деревень на севере Уфимской провинции (северо-восточные районы современного Башкортостана). Документы говорят о наличии в здешних селах Тастубе, Дуване, Метелях, Ярославке, Вознесенке, Рухтино, Сикиязе... “раскольников поморской, федосеевской и австрийской сект”» [4, с. 116].

Для того чтобы ослабить влияние старообрядчества на ту часть заводского населения, которая придерживалась официального православия, правительство Александра I и особенно Николая I впервые по отношению к заводскому населению Урала и предприняло ряд радикальных мер. Причем основной удар был нанесен не столько по рядовым старообрядцам, хотя пострадали и они, сколько по их покровителям.

От полной остановки частных металлургических заводов в период континентальной блокады спасло то, что правительство Александра I под угрозой полного коллапса финансовой системы России вынуждено было принять меры по организации нейтральной и транзитной морской торговли, а также по размещению военных заказов на частных металлургических заводах России. Также в целях ускоренного формирования государственного золотого запаса в 1812 году была разрешена добыча золота частным лицам. Дело в том, что в начале XIX века золото добывалось при трех (?) уральских казенных и серебряноплавильных Колывановском и Нерчинском заводах. В 1806 году, то есть еще до континентальной блокады, на трех уральских заводах золота было добыто 16 пудов 26 фунтов 11 золотников [8, с. 605–608].

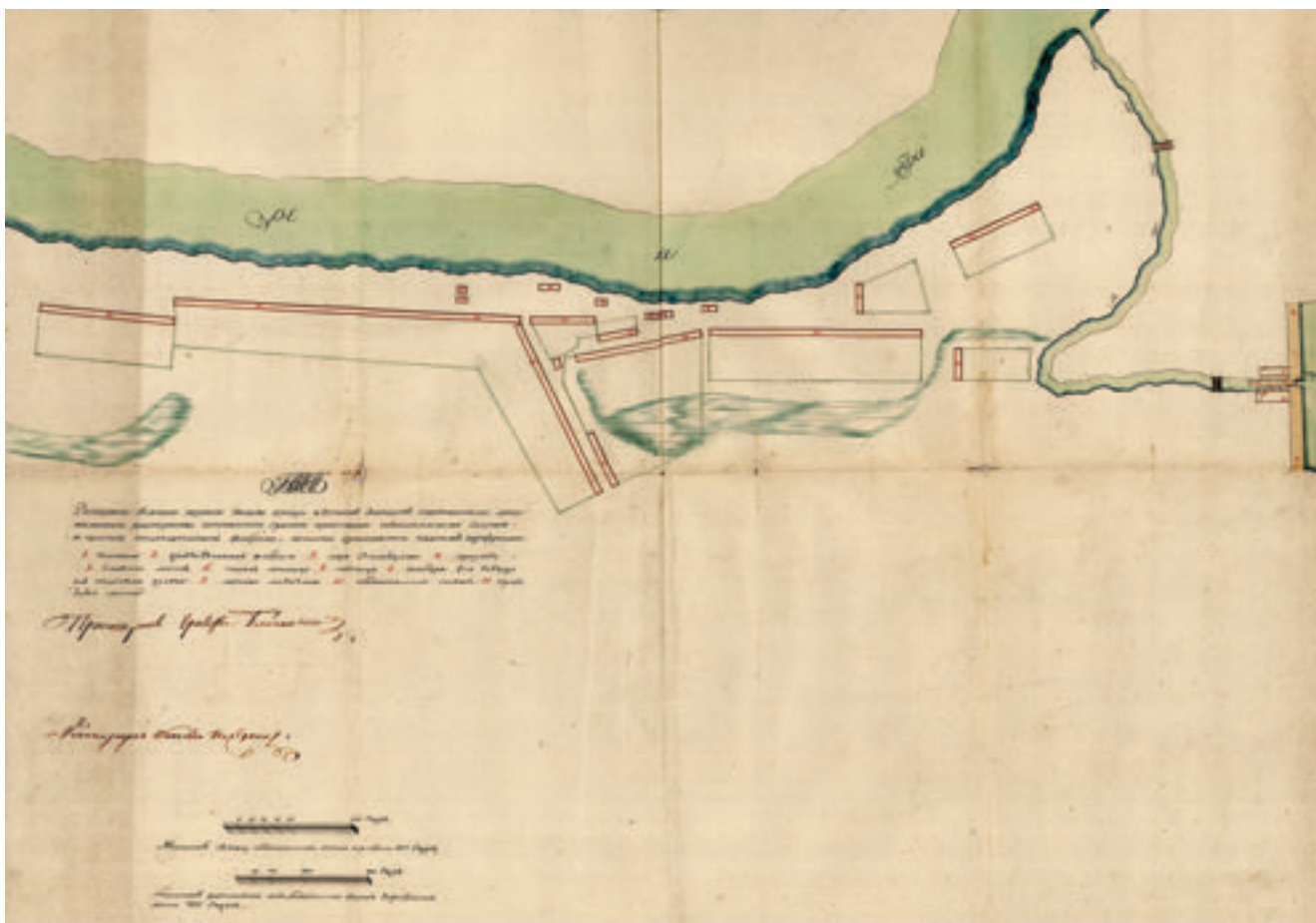
По этому поводу М. Ф. Злотников отмечает, что «застойное положение этой отрасли промышленности заставило в годы блокады принять меры к ее развитию... давшие увеличение добычи этого драгоценного металла. В 1812 г. было разрешено всем русским подданным разрабатывать золотые и серебряные руды с платежом в казну податей натурой. С этого периода и началась развиваться частная золотодобывающая промышленность. В 1825 г. добыча золота составила уже 247,5 пуда [22, с. 292–293]. Причем Чупин отмечает, что закона, запрещавшего разработку золота и серебра частным лицам, не существовало и ранее, однако на практике разработкой занималась только казна, а частные люди даже преследовались» [8, с. 605–608].

28 мая 1812 года вышел сенатский указ «О предоставлении права всем Российским подданным отыскивать и разрабатывать золотые и серебряные руды, с платежом в казну подати». В нем содержались два важных принципиальных положения: 1) заводосодержателю предоставлялось полное право производить добычу золота и серебра в дачах его заводов при условии, что «заплатя с них узаконенную подать, все остальное количество, ежели казна будет требовать... обязывается поставлять на Санкт-Петербургский Монетный двор»; 2) всем российским подданным предоставлялось право отыскивать, разрабатывать золотые и серебряные руды с платежом в казну с добытого золота и серебра подати натурой, точно так же как и с выплавляемой меди [16, т. 32, № 25119].

Учитывая тот факт, что на Южном Урале в начале XIX века практически все частные владельцы заводов являлись или тайными, или явными старообрядцами, практически все золотые россыпи, открытые в их заводских дачах, оказались в руках промышленников-старообрядцев. А предоставленным частным лицам правом отыскивать и разрабатывать золото и серебро в Российской империи в первую очередь и в полной мере воспользовались екатеринбургские купцы-старообрядцы.

На данный факт как в советской, так и в постсоветской историографии мало кто обращал и обращает внимание, тогда как в действительности старообрядческий фактор имел наиважнейшее значение для частной золотодобычи в Урало-Сибирском регионе на всем протяжении XIX — в начале XX века. В особенности решающую роль старообрядческий капи-

План Шемахинского железодельного завода и Сорокинской судовой пристани [ГАСО. Ф. 59. ОП. 7. Д. 945]

тал сыграл в разведке и разработке рудных месторождений золота Кочкарской системы Южного Урала. Впрочем, как и в развитии всей металлургии Южного Урала XVIII–XIX веков.

Александр Васильевич Дмитриев — один из немногих историков-исследователей, кто изучил указанную проблему в полном объеме, полагаясь при этом исключительно на документы региональных архивов Урала. Весьма симптоматично, что Дмитриеву удалось опубликовать часть своей научной работы, изложенной в форме публицистического очерка, только в литературно-художественном журнале «Урал», причем без указания каких-либо архивных источников и без иллюстративного материала [6]. Тем не менее там весьма убедительно рассказано о создании купцами-старообрядцами «Екатеринбургской компании», положившей начало частной золотодобыче в Сибири и на Южном Урале⁵¹. В качестве ее организаторов

51 В частности, речь идет о Кочкарской золотоносной системе. Ее название дано по казачьей станице Кочкарь. В настоящее время — с. Кочкарь Пластовского района Челябинской области.

А. В. Дмитриев называет Якима Меркурьевича Рязанова, Ивана Лукича, Савву Лукича, Аникея Лукича Тарасовых. Их компаньонами являлись екатеринбургские купцы-старообрядцы Фома Казанцев, Алексей, Степан и Диомид Баландины, Иван Верходанов, Владимир и Гавриил Казанцевы, Полиевкт Коробков, Ермолай и Артамон Подвинцевы. Также в качестве компаньонов названы «молодые Харитоновы, Блохины, Нуровы».

А. В. Дмитриев особо подчеркивает, что «на сверхприбылях золотой добычи необычно похорошел Екатеринбург в 30–40-х гг. XIX в.». Часть особняков того периода сохранилась в Екатеринбурге. В настоящее время добротные и оригинально выстроенные купеческие особняки XIX века украшают проспекты и улицы города, придавая им своеобразный и колоритный вид.

В самый разгар кризиса сбыта русского (точнее, уральского) железа новый министр финансов Д. А. Гурьев, занявший этот пост 1 января 1810 года, разработал и представил на рассмотрение Госсовета проект нового тарифа. Этот проект, получивший

Старообрядческий
женский монастырь.
Озеро Кысыкуль

название «Положение о нейтральной торговле на 1811 г. в портах Белого, Балтийского, Черного и Азовского морей и по всей западной сухопутной границе», был утвержден царем 19 декабря 1810 года [16, т. 31, № 24464]. Новый таможенный тариф значительно повысил пошлины на большинство импортных товаров. М. Ф. Злотников назвал его самым запретительным и протекционным из всех тарифов, какие издавало русское правительство в XVIII–XIX веках. На данный факт следует обратить особое внимание, так как буквально через несколько лет, в 1816 году, все тот же министр финансов Гурьев отменил его, приняв другой тариф, теперь уже более разорительный для русской национальной буржуазии. Эта борьба между сторонниками и противниками протекционизма продолжалась с 1812 по 1822 год. Только с принятием тарифа 1822 года русские промышленники добились закрепления протекционной системы в России.

Англичане, убедившись в своем полном и безоговорочном превосходстве на море, не стали мешать нейтральному мореплаванию. Под прикрытием нейтрального флага и поддельных документов они начали отправлять свои товары в Россию. 26 апреля 1809 года Британский совет отменил свои постановления 1807 года о встречной морской блокаде побе-

режья Балтики. Данное обстоятельство было особенно важно для нейтральной русско-американской торговли, поскольку она осуществлялась через порты Петербурга, Риги, Архангельска, которые испытывали наибольшие неудобства от режима блокады. Именно на американских судах вывозилось тогда большинство русских экспортных товаров: парусина, холст, пенька, железо.

Таким образом, секретные пункты Тильзитского мирного договора не сумели полностью закрыть английский рынок, хотя и вызвали серьезные трудности. Особенно болезненно они сказались на тех владельцах металлургических заводов, которые в силу разных обстоятельств не имели прочных и долговременных торгово-экономических связей с англичанами. Именно таким промышленникам и пришлось первыми уйти с английского рынка металлов. Тогда как заводчики Демидовы относительно благополучно пережили блокадный период. Их главная петербургская контора, ведавшая всеми экспортными операциями через ряд крупных зарубежных фирм в соответствии с вовремя заключенными контрактами, сумела остаться на английском рынке железа еще на некоторое время.

В том же 1810 году опять-таки Государственным советом было принято во многом судьбоносное ре-

Скитницы и скитники

шение о размещении военных заказов на частных металлургических заводах России. В силу того, что оно весьма значимо для ряда металлургических заводов Южного Урала, имеет смысл остановиться на нем подробнее. Дело в том, что к началу XIX века на некоторых южноуральских заводах чугунолитейное производство находилось, мягко говоря, в зачаточном состоянии. Из-за того что их основная специализация была связана с производством железа всех сортов, литейных мастеров, способных производить высокоточную отливку артиллерийских снарядов, не говоря уже об артиллерийских орудиях, порой просто не было. Поэтому важно знать, как происходило становление этого вида чугунного и бронзового литья и как это сказалось в дальнейшем на судьбе того или иного завода.

По данным В. В. Данилевского, на все частные заводы Урала тогда были возложены три наряда. По первому наряду на 1811 год необходимо было отлить снарядов 293 027 пудов, по второму, данному на 1812 год, — 180 207 пудов, по третьему, на 1813 г., — 292 383 пудов. В общей сложности уральские частные заводы обязаны были отлить за 1811–1813 годы порядка 760 000 пудов артиллерийских снарядов. Их сортамент включал: бомбы 5- и 2-пудовые; ядра 36, 30, 24, 18, 12, 6 и 3-фунтовые; гранаты 20, 10 и 6-фун-

товые; книшпели 36-фунтовые; брандскугели 30, 20, 18 и 12-фунтовые; картечь № 1–8.

Более подробно распределение военных заказов по металлургическим заводам Южного Урала представлено ниже в специальной росписи (по В. В. Данилевскому).

Из росписи следует, что в отливке артиллерийских снарядов принимали участие как минимум двенадцать частных чугуноплавильных заводов Южного Урала. Примечательно, что из числа вышеуказанных только Златоустовские заводы Кнауфа получили заказ на отливку артиллерийских орудий. Тогда как Нязепетровский и Катав-Ивановский заводы, где ранее отливались также чугунные горшки, котлы, треножники и прочие литейные припасы, не получили таковых. То есть артиллерийские чиновники, распределявшие военные заказы по частным металлургическим заводам, всецело доверяли А. Кнауфу в его возможности выполнить отливку артиллерийских орудий. Иначе говоря, забирать у него заводы в казенное управление из-за боязни невыполнения государственного заказа не было никакой причины.

Из архивных документов Златоустовского завода однозначно следует, что в период континентальной блокады и наступившего кризиса сбыта железа Кна-

Современный вид малой
усадьбы купцов Рязановых.
Екатеринбург,

улица Куйбышева, 63.
Фото: В. Свиствунов

уф не опустил руки, а взялся за подлинную модернизацию предприятия. Как уже отмечалось, для этого он перевел с казенного Ижевского завода в Златоуст иностранных мастеров-литейщиков, там же построил две медеплавильные печи, одну печь для переплавки чугуна, две печи для выделки кос-литовок. В Артинском заводе, где ранее действовало лишь кричное производство, в 1809 году была пущена косная фабрика. На Юговском заводе построена первая на Урале паровая машина. Главным же поступком Кнауфа в решении кадрового вопроса явилось приглашение в 1811 году прусского ученого, металлурга Александра фон Эверсмана (1759–1837), ставшего позднее первым директором казенной Златоустовской оружейной фабрики. В соответствии с заключенным контрактом Эверсман должен был управлять всеми заводами А. А. Кнауфа в течение четырех лет, с 1 января 1811 по 1814 год включительно [13]. Тем не менее заводы отобрали, но уже по причине невнесения арендной платы. Причем выбрали момент, когда подлинная модернизация Златоустовского завода шла полным ходом и там много чего уже было сделано. Почему?

Если ответить коротко на этот вопрос, то причи-

на перехода Златоустовских заводов в казенное управление была исключительно политической. Дело в том, что решение Госсовета от 19 мая 1800 года и сам Указ от 30 сентября 1800 года «Об отдаче Лугининских... заводов купцу Кнауфу в вечное содержание» являлись частью замысла императора Павла I по дальнейшему экономическому развитию России. Причем развитию не только в военнополитическом, но и в экономическом союзе с Пруссией. Иными словами, купец Андрей Кнауф был если не доверенным лицом императора Павла I, то его, так сказать, назначенцем, как и статский советник Н. А. Львов. К тому же в окружении молодого императора Александра I находились такие сановники, которые предпочитали развивать в России земледелие, а не частную металлургическую промышленность.

Большая усадьба купцов
Рязановых с садом.
Екатеринбург,
Сибирский проспект [ГАСО,
фотография из музея
революции (Екатеринбург)]

Современный вид
большой усадьбы купцов
Рязановых.
Екатеринбург,
улица Куйбышева, 40.
Фото: В. Свистунов

Особняк, флигель
Баландиных.
Екатеринбург,
улица Чапаева (бывшая
Архиерейская), 7

Усадьба Баландиных.
Екатеринбург,
улица К. Либкнехта
(бывший пр. Вознесенский), 38

«Мнение Государственного Совета. О мерах, приемлемых к заготовлению орудий и артиллерийских снарядов, нужных Военным Департаментам»

(утверждено 3 октября 1810 года)

«Государственный Совет... находит, что казенные заводы, сколько бы действия их усилены ни были, не могут выполнить требуемого Военными министрами на будущий 1811 г. и последующие годы количества орудий и снарядов; а потому... мнением полагает: 1. Все то количество орудий и артиллерийских снарядов, какое казенные заводы к назначенному времени приготовить не успеют, расположить на заводы частные по мере настоящей выплавки чугуна и по соображению бывшей на оных отливки снарядов в 1788 и 1789 гг.; 2. Цену за снаряды, включая и доставку оных до заводских пристаней, определить: по заводам Уральским ведения Пермского горного правления в полтора, а Замосковным вдвое против цен, постановленных Екатеринбургским заводам, а именно: первым за пуд в ядрах по 90 копеек, в бомбах и других снарядах по 1 рублю 5 копеек; последним за пуд в ядрах по 1 рублю 20 копеек, в бомбах и прочих снарядах по 1 рублю 40 копеек, и деньги выдавать тотчас по предъявлении квитанции о приеме снарядов; 3. Если частные заводчики будут требовать от правительства вспомоществования в искусных людях к отливке снарядов, то оказать им оное, принятием от них на заводы казенные людей для научения, и посылкою на их заводы мастеров с заводов казенных; 4. Тем из заводчиков, кои добровольно примут на себя

отливку снарядов, и таковое приемлемое количество составлять будет двойную пропорцию противу того, что по вышеприведенному размеру должно бы быть им предоставлено, производить по сдаче ими снарядов на пристанях заводских плату: по заводам Уральским двойною ценою против установленной для Екатеринбургских заводов, а по Замосковным по цене Олонецкого и Луганского казенных заводов, то есть: по заводам Уральским ведения Пермского горного правления, выдавать за ядра по 1 рублю 20 копеек, за бомбы и прочие снаряды по 1 рублю 40 копеек с пуда, Замосковным за ядра по 1 рублю 50 копеек, а за прочие снаряды по 2 рубля с пуда, о чем и обвести заводчиков предварительно; 5. Как отливка орудий и снарядов требует больших заведений, большого числа людей и большого искусства... то буде кто из частных заводчиков примет оную на себя, в таком случае оказать им пособия, каких они испрашивать будут; 6. Цену орудиям назначить: по заводам Уральским за пушки по 3 рубля, за мортиры и единогоги по 3 рубля 50 копеек с пуда, Замосковным же заводчикам, где чугун и все вещи обходятся дороже, прибавить сверх того по 50 копеек за пуд, то есть: дать за пушки по 3 рубля 50 копеек, а за мортиры и единогоги по 4 рубля с пуда; 7. Распространить и вновь устроить надлежащие по усмотрению Министерства Финансов заведения на Гороблагодатских заводах. На каковой конец возратить им с Ижевского завода людей излишне поступивших на оный при передаче его в ведомство департамента Военного министерства... 8. Сделать при Гороблагодат-

ских заводах опыт отливки орудий, и если чугун окажется хорош, то устроить при одном из них и нужное заведение для литья орудий... С тем вместе испытать там все роды чугуна с казенного с Николаепавдинского завода и с окрестных заводов партикулярных, дабы после, когда найдется самый лучший чугун для орудий, можно было к отливке оных на казенном заводе сделать должное устройство, а партикулярному заводу или дать в таком случае возможное пособие к литью орудий, или покупать из оного чугуна на заводы казенные, особенно Луганский, который по близости к южному краю, сколько ни необходим, но без сей помощи не может существовать за неимением собственных руд⁵²... 11. Чтобы сколько возможно более приблизиться к двухгодичному сроку выполнения наряда, назначаемому министром Военных Сухопутных сил, расположить на первый год количество снарядов на заводы частные до 350 000 пуд; на другой же год будет в обязанности Горного департамента увеличить, или уменьшить оное, смотря по усиленному действию заводов казенных и Демидовского и по надобностям обоих Военных министров; 12. Орудия и снаряды, по сему распорядку отливаемые, принимать с казенных и вольных заводов в Артиллерийское ведомство

52

Данное утверждение является ложным, так как Карл Гаскрин нашел железную руду, на которой мог работать Луганский завод, причем плавка там предусматривалась исключительно на минеральном топливе — коксе.

не инако, как по точной силе инструкции 30 апреля и 18 августа 1808 г. ...конфирмованных; и таких орудий и снарядов, которые будут иметь пороки там описанные, в прием не достаивать, и денег за оные не платить...

Список губерниям, в которых... имеют отливаться артиллерийские снаряды по партикулярным заводам сверх казенных. Губернии: Пермская, Оренбургская, Вятская, Тамбовская, Орловская, Рязанская, Вологодская, Калужская, Нижегородская, Владимирская, Тульская, Пензенская» [16, т. 31, № 24368].

**«Расписание заводов, на кои... возлагается на 1812 года
отливка артиллерийских снарядов» [21]**

	Название снарядов	Счет	Вес	Общий вес		Итого	
				Пуды	Фунты	Пуды	Фунты
Пермской губернии Кыштымский, Каслинский, Нязепетровский купца Расторгуева	Ядер	457	26	297	2		
	24	514	20	257	—		
	18	1 071	13	348	3		
	12	4 572	7	800	4		
	6	4 290	31/2	375	10		
	3						
	Бомб			2 077	19		
	5 пуд	500	5	2 500			
	2 пуда	800	2	1 600			
	Гранат			594	10		
10	2 377	10	567	18			
6	3 783	6					
Картечь							
№1	28 572	8 ¾	65	4			
2	11 4286	10	297	25			
6	14 286	34 ½	128	14			
8	13 211	48	165	5			
				5916	38	7 995	19
Уфалейский, Н.-Сергинский, В.-Сергинский коммерции советника Губина	Ядер	457	26	297	2		
	24	400	20	200	—		
	18	1 500	13	487	20		
	12	4 286	7	750	2		
	6	6 500	3 ½	568	30		
	3						
	Бомб			2 303	14		
	5 пуд	420	5	2 100			
	2 пуда	1 000	2	2 000			
	Гранат						
20 ф.	952	20	475				
Картечь							
№7	57 144	44	654				
				5230	31	7 534	5
Оренбургской губернии Авзяно- Петровский коммерции советника Губина	Ядер	457	26	297	2		
	24	514	20	257	—		
	18	735	13	238	35		
	12			792	37		
	Бомб						
	5 пуд	50	5	250	—		
	2 пуда	500	2	1 000			
	Гранат						
	20	360	20	180			
					1 430		2 222
Узянский дворянина Демидова	Ядер	857	26	557	2		
	24	514	20	257	—		
	18						
	Бомб	200	5	1 000	—		
	2 пуда	100	2	200	—		

	Гранат 20	543	20	271	20		
				1471	20	2285	22
Катав-Ивановский княгини Белосельской- Белозерской	Ядер 24	1 500	26	975	30 30		
	18	200	20	100			
	6	3 570	7	624 1 699			
	Бомб 5 пуд	540	5	2 700			
	2 пуда	200	2	400			
	Гранат ½ пуда	1 330	20	665			
				3 765	—	5 464	30
Юрюзань- Ивановский бригадира Дурасова	Ядер 24	1 500	25	975	—		
	18	300	20	150 1 125			
	Бомб 5 пуд	500	5	2 500			
	2 пуда	150	2	300			
	Гранат 20 ф.	2 000	20	1 000			
				3 800		4 925	
Симский полковницы Бекетовой	Ядер 24	857	26	557	2		
	18	343	20	171	20		
	12	3 399	13	1 104 1 833	27 9		
	Бомб 5 пуд	497	5	2 485	—		
	Гранат ½ пуда	1 184	20	592	—		
				3 077		4 910	9
Белорецкий подполковника Ивана Пашкова	Ядер 24	300	26	195	—		
	18	1 000	20	500	—		
	12	2 300	13	747 1 442	20 20		
	Бомб 5 пуд	500	5	2 500	—		
	2 пуда	100	2	200	—		
	Гранат ½ пуда	2 000	20	1 000	—		
				3 700		5 142	20
Златоустовский, Саткинский, Кусинский купца Кнауфа	Орудий 24	25	212	5 300	—	12 675	
	18	20	159	3 180	—		
	12	10	101	1 010	—		
	6	65	49	3 185	—		

Участие казаков Оренбургского казачьего войска в Отечественной войне 1812 года и заграничных походах русской армии 1813–1814 годов

С началом Отечественной войны, в конце июня 1812 года, Молдавская армия во главе с адмиралом П. В. Чичаговым, заступившим на должность командующего армией вместо «отбывшего из армии М. И. Кутузова», выступила из Молдавии в Белоруссию на Волынь «на соединение с 3-й Резервной армией генерала А. П. Тормасова». Соединенная армия под общим командованием адмирала Чичагова должна была отбросить австрийские и саксонские войска наполеоновской армии с территории Белоруссии на «территорию герцогства Варшавского». Целью же стратегического плана императора Александра I было «полное истребление французской армии», и действовавшие во флангах армии (Чичагова — с юга, Витгенштейна — с севера) должны были на реке Березине преградить путь отступления Наполеона из России.

В первое боевое столкновение с неприятелем оренбургские казаки вступили 17 и 18 сентября у местечка Любомль. Далее оренбургские казачьи полки в составе соединенной армии П. В. Чичагова участвовали в захвате Брест-Литовска, освобождении Минска и в боях под городом «Борисовым и взятии его». Принимали участие в операции на Березине, в ходе которой хоть и не удалось в полной мере осуществить задачу, поставленную императором Александром I, но «Великой армии» Наполеона было нанесено окончательное поражение; после сражения отступление французов превратилось в беспорядочное бегство. Крупный последний бой оренбургских казаков в Отечественной войне 1812 года произошел 22 и 23 ноября при местечке Молодечно. По окончании Березинского сражения оренбуржцы были снова переведены в Молдавию — нести охрану на турецкой границе. Домой в родные станицы казаки 1-го и 2-го Оренбургских казачьих полков вернулись в 1819 году, пробыв в походе почти 12 лет.

Высочайший манифест о нашествии Наполеона на Россию император Александр I подписал 6 июля 1812 года, а в конце июля он был объявлен по всему Оренбургскому краю, в том числе, естественно, и в станицах Оренбургского казачьего войска. Военный губернатор края Г. С. Волконский предпри-

сал: «...чтобы все казаки, служащие и не служащие, кои только могут действовать оружием, тотчас же приготовились стать на оборону Отечества, поэтому должны иметь неусыпное попечение, чтобы у каждого находилась в готовности одна лошадь, которую и не употреблять ни в какую тяжелую работу, дабы не изнурять ее и не привести в неспособность, в случае нужды, действовать на ней противу неприятеля; чтобы у каждого была исправная пика длиною не менее 4-х аршин, с трехгранным копьём, сабли, ружья и пистолеты, чтобы были тоже исправны».

Гражданский подвиг самоотверженного служения Отечеству совершил атаман станицы Нагайбацкой Яков Серебряков. В своем донесении от 20 августа 1812 года он писал в войсковую канцелярию: «...приготовил в поход 194 служащих казака, 41 отставного казака и 97 казачьих малолетков, что из числа 20 отставных и 33 малолетка не могли самостоятельно вооружиться по своей бедности своей служебной исправностью. Я при таковых нужных обстоятельствах, жертвуя для защиты Отечества и государства, продал свой дом, некоторое имение, и неимущих бедных собственностью вооружил отставных и малолетков 53 человека. Из числа оружия сабли искупил я через посланного чиновника есаула Исаева в губернском городе Уфе, а по неимению там ружей и копий, здесь оные искупил у частных людей, а всего суммою на триста рублей». О патриотическом поступке атамана Якова Серебрякова было объявлено по всем станицам войска. Император Александр I через князя Волконского «объявил Серебрякову свое Высочайшее благоволение», что являлось благодарностью всей России. Было в то время атаману станицы Нагайбацкой «чиновнику 14 класса Якову Серебрякову» всего 29 лет.

В начале августа 1812 года на основании решения правительства началось формирование трех оренбургских казачьих полков пятисотенного состава каждый. Местом формирования полков была избрана крепость Бакалинская, входившая в состав станицы Нагайбацкой. Станица располагалась в северо-западной части губернии, в 400 верстах от Оренбурга и в 208 верстах от Уфы, рядом проходила Новомосковская дорога, связывающая Оренбург с Казанью «на ровном и всякими угодами привольном месте». Все эти обстоятельства и способствовали избранию

места для быстрого сбора и формирования полков с обширнейшего Оренбургского края.

На основании Высочайшего повеления 8 августа 1812 года управляющий военным министерством князь Горчаков объявил губернатору края князю Волконскому и наказному атаману войска полковнику Углицкому «из приготовленных в Оренбургском войске трех полков приказано сформировать и командировать в армию два». Но при этом один полк получил наименование «Атаманский тысячный полк». Полк этот был двойного состава и состоял из «33 штаб и обер офицеров и 1141 нижнего чина». В поход Атаманский полк повел майор Авдеев. Второй полк формировался под номером 3. Командиром 3-го Оренбургского казачьего полка был назначен майор Беляков. Полк состоял из «17 штаб и обер-офицеров, 20 урядников, одного писаря и 500 казаков». В Атаманском полку были «чины Непременного полка», местом постоянной дислокации которого был пригород Оренбурга, а также «часть казаков ближайших редутов: Каменного, Нежинского, Донгузского, Елшанского, Рассыпного, Миасской» и других. Третий Оренбургский казачий полк был сформирован из казаков Миасской, Еткульской, Еманжелинской, Челябинской, Санарской, Кичигинской, Чебаркульской, Уйской, Ключевской, Красноуфимской, Уфимской, Нагайбацкой, Новосергиевской, Каргалинской, 1-й и 2-й Зубочистенских, Чесноковской, Сорочинской, Тоцкой и Мочинской станиц.

Всего же в Отечественной войне 1812 года и заграничных походах русской армии 1813–1814 годов приняли участие 116 казаков из станицы Нагайбацкой. Двадцать восемь казаков с 1811 года проходили службу в 1-м и 2-м Оренбургских казачьих полках и приняли участие в Отечественной войне 1812 года. В составе Атаманского полка в осаде Данцигской крепости «был один нагайбак». В 1813 году на пополнение в действующую армию были направлены из деревни Иликовой «служащий казак Илья Юдин Ишменев, из деревни Шерашели служащий казак Корнила Егоров Яковлев». На новое пополнение в 1814 году были направлены из деревни Килевой «служащий казак Ефим Яковлев Тимиркеев и из деревни Ново-Юзеевой служащий казак Леонтий Сафронов Петров».

Таким образом, в 3-м Оренбургском казачьем полку из 538 (по другим данным, 566) человек личного состава полка 83 казака были из Нагайбацкой

станицы. Вот список казаков станицы Нагайбацкой — участников заграничных походов русской армии 1813–1814 годов в составе 3-го полка:

«Нагайбакской крепости» — служащий казак Степан Борисов, служащий казак Асаф Сергеев Федоров, служащий казак Иван Афанасьев Тимиркеев, служащий казак Григорий Васильев 2-й Бородин, служащий казак Григорий Васильев Башкирцев;

Бакалинской крепости — служащий казак Герасим Егоров Уразметев, служащий казак Афанасий Егоров Уразметев, служащий казак Герасим Данилов Ишпахтин;

деревни Костеевой — служащий казак Павел Григорьев Юлдашев, служащий казак Ефим Иванов Никитин;

деревни Осы — служащий казак Иван Яковлев Тугульбаев, служащий казак Егор Антонов Никитин;

деревни Шерашли — служащий казак Егор Васильев Юскин, служащий казак Герасим Евдокимов Юскин, служащий казак Андрей Михайлов Ивике-ев, служащий казак Феофан Савельев, служащий казак Максим Семенов Яковлев, служащий казак Захар Никифоров Семенов, служащий казак Дмитрий Егоров Данилов, служащий казак Тимофей Осипов Савельев, служащий казак Федот Лаврентьев Аитов, служащий казак Андрей Юдин Иванов;

деревни Балыклы — служащий казак Семен Петров Батраев, служащий казак Яков Алексеев Маркин, служащий казак Осип Алексеев Васильев, служащий казак Николай 1-й Федоров Алексеев, служащий казак Василий Федоров Чулаков;

деревни Ахмановой — служащий казак Андрей Васильев 1-й Сапожников, служащий казак Александр Иванов Уржумцев, служащий казак Степан Семенов Утешев, служащий казак Григорий Васильев Урсаев, служащий казак Иван Федоров Камаев;

деревни Иликовой — служащий казак Яков Иванов Ишимов, служащий казак Тимофей Иванов Гуреев, служащий казак Василий Федоров Мрясов, служащий казак Василий Артемьев Максимов, служащий казак Филипп Егоров Ульмясов, служащий казак Тимофей Григорьев Исмагулов, служащий казак Ефим Егоров Бектеев, служащий казак Филипп Иванов Алексеев;

деревни Умировой — служащий казак Яков Семенов Мукаев, служащий казак Назар Иванов Васильев, служащий казак Иван Дмитриев Айтуганов, служащий казак Никифор Иванов Васильев, служа-

ший казак Антон Максимов Мукаев, служащий казак Гаврила Петров Досманов, служащий казак Ефим Васильев Досманов, служащий казак Игнат Васильев Ишкинин;

деревни Зияшевой — служащий казак Тимофей Степанов Карсаков, служащий казак Кузьма Васильев Тугалев, служащий казак Антон Михайлов, служащий казак Данила Маркин Прокопьев, служащий казак Максим Данилов Тимеев, служащий казак Емельян Алексеев Биккинин, служащий казак Николай Антонов Алексеев, служащий казак Кузьма Андреев Алексеев, служащий казак Архип Семенов Тюкинеев, служащий казак Егор Тимофеев Иванов, служащий казак Евдоким Николаев Кириллов;

деревни Ново-Юзеевой — служащий казак Григорий Ефимов Дмитриев, служащий казак Тимофей Васильев Клявлин, служащий казак Василий Федоров Андреев, служащий казак Семен Иванов Семенов;

деревни Маты — служащий казак Игнатий Лукин Степанов, служащий казак Иван Григорьев Ирзигитов, служащий казак Яков Никитин Юзеев, служащий казак Иван Михайлов Юзеев 2-й, служащий казак Александр Васильев Курчеев, служащий казак Данила Гаврилов Танаев, служащий казак Федор Иванов Ислангулов, служащий казак Иван Карпов Иштеряков, служащий казак Евдоким Николаев Кириллов».

Перед отправкой в поход войсковой атаман Углицкий провел смотр полка, и 21 октября 1812 года он выступил в поход. Путь полка лежал «через города Чистополь, Лаишев и Чебоксары в Нижний Новгород».

Во второй половине июля 1812 года император Александр I для мобилизации людских резервов на пополнение армии подписал манифест об организации округов ополчения; Нижний Новгород являлся пунктом сбора 3-го округа ополчения с восточных и южных губерний России. Командующим 3-м округом ополчения был назначен генерал-лейтенант граф П. А. Толстой.

1 января 1813 года 3-й Оренбургский казачий полк выступил из Нижнего Новгорода вместе со всеми войсками ополчения. Во время похода полку была поставлена задача охранять штаб-квартиру командующего округом генерал-лейтенанта Толстого. Маршрут полка пролегал через города «Муром, Касимов, Спасск, Пронск, Михайлов, Епифань, Ефремов, Новосил, Курск, Льгов, Глухов, куда прибыли

3 марта». Из Глухова путь полка лежал в Киев, где «8 апреля 3-му Оренбургскому казачьему полку был проведен смотр». После Киева войска ополчения, а вместе с ними и 3-й Оренбургский казачий полк, последовали на западную границу России. Части 3-го округа ополчения были включены в состав Польской армии генерала от кавалерии Л. Л. Беннигсена. В конце августа 1813 года Польская армия перешла реку Одер у города Бреславля (в настоящее время это польский город Вроцлав, являющийся столицей Нижнесилезского воеводства; в период наполеоновских войн входил в состав Прусского королевства под немецким названием Бреслау).

Во второй половине сентября армия генерала Беннигсена прибыла к городу Кульму, где соединилась с главной армией. Далее путь полка в составе главной армии лежал в Германию, через Дрезден к Лейпцигу. 7 октября 1813 года 3-й Оренбургский казачий полк под Лейпцигом принял участие в самом крупном сражении XIX века, известном под названием «Битва народов». В этом бою с французской стороны приняли участие от 180 до 200 тысяч солдат, со стороны антинаполеоновской коалиции войск было в полтора раза больше. Потери убитыми и ранеными у французов составили до 80 тысяч. Союзные войска потеряли до 54 тысяч человек, из которых 22,6 тысячи были русскими.

С августа по конец октября 1813 года 3-й Оренбургский казачий полк находился в составе корпуса легендарного казачьего атамана, героя Отечественной войны 1812 года М. И. Платова. В составе корпуса Платова оренбургские казаки участвовали в освобождении немецких городов Веймар и Ганау, в боях в окрестностях Франкфурта-на-Майне. Далее корпус генерала Платова перешел к Висбадену. В середине декабря 1813 года 3-й Оренбургский казачий полк был передан в «летучий» казачий отряд генерала А. Г. Щербатова. В ночь с 19 на 20 декабря 1813 года отряд Щербатова перешел на левый берег Рейна, тем самым начав боевые действия «в пределах Франции». В составе отряда оренбуржцы участвовали в боях при местечке Линьи, у замка Бриенн и городка Ла-Ровьер. За сражение под Бриенном князь А. Г. Щербатов был награжден одним из самых почитаемых орденов Российской империи — «военным орденом Святого великомученика и Победоносца Георгия» 2-го класса.

Затем 3-й Оренбургский казачий полк был передан в отряд генерал-майора А. Н. Сеславина, на ко-

торый была «возложена задача — уничтожение тыловых коммуникаций противника и ведение разведки передвижения сил противника». С февраля 1814 года партизанский отряд Сеславина начал действовать на коммуникациях противника в его тылу между Орлеаном и Парижем, что привело к прекращению подвоза продовольствия населению Парижа и войскам, действовавшим против войск коалиции. Во второй половине февраля — начале марта отряд участвовал в боях в окрестностях Невиля, Бре, Арси-Сюр-Об и 11 марта был направлен на Фер-Шампенуаз — «селение во Франции на дороге из Витри в Париж». 13 марта 1814 года под Фер-Шампенуазом прошло последнее крупное сражение французских войск и войск коалиции перед падением Парижа. В бою со стороны французов участвовали 23 тысяч человек при 84 орудиях, со стороны союзников — 16 тысяч кавалерии и 94 орудия. Потери французов составили до 11 тысяч человек, коалиционных сил — до 2 тысяч. Поражение французских войск под Фер-Шампенуазом «было последним действием при окончании войны, заключенной овладением горделивою столицею Франции и свержением с престола необузданного её властителя Наполеона Бонапарта».

После Фер-Шампенуазского сражения 14 марта 1814 года 3-й Оренбургский казачий полк в составе «летучего» отряда генерала Сеславина был послан в город Провень. На следующий день, 15 марта, полк получил приказ идти впереди всех союзных войск вдоль берега реки Сены к Парижу. 17 марта полк принял участие в сражении под Парижем на левом фланге атакующей армии. В день падения Парижа, 18 марта, 3-й Оренбургский казачий полк в составе отряда Сеславина был направлен к городам Гин и Монтеро «для наблюдения за французскими войсками, сосредотачивающимися у Фонтенбло», где «Наполеон предполагал идти к Парижу».

19 марта 1814 года в покоренный Париж торжественно въехали монархи союзной коалиции, вместе с ними и «некоторые части войск вступили в город и заняли караулы». В составе войск, вступивших в столицу Франции в торжественно-парадном строе, казаков 3-го Оренбургского казачьего полка не было, им пришлось накануне довольствоваться лишь окраинами Парижа. Отряд Сеславина продолжал боевые действия и «23 марта занял г. Мелен с боя». 25 марта 1814 года в Фонтенбло Наполеон отказался от императорского пре-

стола и «подписал акт отречения за себя и за своих наследников».

После окончания войны 3-й Оренбургский казачий полк был отправлен на границу герцогства Варшавского и нес службу между городами Гродно и Брест-Литовск. В 1816 году был переведен на охрану новой западной границы между Россией и Пруссией. Домой полк вернулся только в 1820 году, пробыв в боевом походе восемь лет.

Атаманский полк, прибывший, как и 3-й Оренбургский казачий полк, в Нижний Новгород, получил приказ следовать оттуда в Санкт-Петербург. В последний день ноября 1812 года полк выступил в поход «по маршруту через города Балахну, Крывец, Кинешму, Кострому, Ярославль, Весъегонск, Устюжну, Тихвин, Новую Ладугу и Шлиссельбург». По прибытии в Петербургский уезд полк расположился в Рыбачьей слободе. В начале марта 1813 года полк получил приказ выступить «в действующую армию по маршруту: Стрельна, Ямбург, Нарва, Дерпт, Рига, Митава до местечка Тауроген на границу с Пруссией». В конце марта был получен новый маршрут следования — «через Кенигсберг до крепости Данциг» в состав блокадного корпуса. Крепость Данциг (Гданьск) с 1807 по 1812 год была занята французами под предводительством генерала Раппа. За это время бастионы крепости были значительно усилены, построены новые форты. С декабря 1812 года Данциг находился на осадном положении, генерал Рапп собрал в крепости около 40 тысяч человек — личного состава французских войск. Первоначально Данциг был обложен семитысячным казачьим отрядом атамана Платова, задачей которого было прежде всего наблюдение за крепостью.

В начале февраля 1813 года на место казачьего отряда Платова прибыл осадный корпус в количестве 18,8 тысячи человек при 72 орудиях. Первоначально русские войска несли значительные потери, так как французы предпринимали крупные вылазки своих войск, доходивших одновременно до 10 тысяч человек. В дальнейшем в русские войска стали прибывать новые подкрепления, в том числе в конце марта — начале апреля Атаманский полк Оренбургского казачьего войска. С моря к крепости подошла русская эскадра. С июня 1813 года начались активные действия русских и союзных осадных войск. Крупные штурмы крепости происходили 17, 21 и 23 августа, 5 и 29 сентября, 21, 22 и 25 октября и в на-

чале декабря 1813 года. Активные действия русских и союзных войск заставили гарнизон крепости сдаться. 16 декабря 1813 года, после более чем 11-месячной осады, крепость Данциг капитулировала.

Атаманский полк в конце декабря 1813 года получил приказ возвращаться на родину, в пределы Оренбургского казачьего войска. Так закончили свой ратный поход 1812–1814 годов наши предки — казаки славного Оренбургского казачьего войска, в том числе и казаки станицы Нагайбацкой. В своих заграничных походах 3-й Оренбургский казачий полк потерял половину личного состава. Из казаков Нагайбацкой станицы не вернулись десять. В 1812–1814 годах почти половина казаков Оренбургского казачьего войска, несмотря на его малочисленность, находилась в походах: «До трех тысяч находились на западном театре военных действий» и «до двух тысяч человек для охранения границы с киргизской степью». К большому сожалению, не сохранилось ни легенд, ни песен нагайбакских казаков о европейских походах первой четверти XIX века.

Примечание. При подготовке раздела использована следующая литература: сочинения генерал-лейтенанта М. Богдановича; Военно-историческое исследование В. Харкевича; сборник «Деяния Российских полководцев и генералов ознаменовавших себя в достопамятную войну с Францией в 1812, 1813, 1814 и 1815 годах»; «Энциклопедия Военных и военно-морских наук»; труды историков оренбургского казачества XIX века: полковника П. И. Авдеева, войскового старшины Ф. М. Старикова, есаула М. Л. Юдина; современных авторов: «Иррегулярные войска Оренбургского края» (В. А. Кузнецов); «Губернаторы Оренбургского края» [В. Г. Семенов, В. П. Семенова, а также «История казачества азиатской России».

Новоилецкий район: события 1817 — начала 1830-х годов

К прерванному Отечественной войной 1812 года предложению Струкова вернулись только в 1817 году, когда оренбургским военным губернатором стал П. К. Эссен. В октябре 1818 года уездный землемер Ястребов представил генерал-лейтенанту Эссену геометрическую четырехверстную карту земель между реками Урал и Илек и большой дороги из Оренбурга в Илецкую Защиту. Теперь уже территория, отводимая под Новоилецкий район, составляла 547 347 десятин 1230 сажень.

Генерал-лейтенант Эссен сообщал в Санкт-Петербург министру финансов, что желающих переселиться на Новоилецкую линию из оренбургских казаков не оказалось ни одного человека, а из уральских —

только 20 человек. Посему он, генерал Эссен, считает необходимым приступить к заселению линии принудительным порядком. Далее Эссен сообщал, что учредит форпост Мертвецов на Илеке против самой Илецкой Защиты, а Защитинский форпост — выше Илецкой Защиты, при впадении в Илек речки Сухой. Представляя карту присоединяемой земли, генерал-лейтенант Эссен просил министра переселить казаков из Красноуфимской станицы в Защитинский, Мертвецовский, Изобильный и Новоилецкий форпосты, а уральских казаков — в Озерный и Затонный [12, с. 297–298].

23 февраля 1820 года министр финансов граф Гурьев сообщил генералу Эссену, что высочайше разрешено переселить казаков Красноуфимской станицы на Илецкую линию. В начале мая 1820 года генерал Эссен предписал уездному землемеру Ястребову отмежевать в пользу переселявшихся из Пермской губернии на Новоилецкую линию казаков десятиверстную полосу земли по всему течению Илека [12, с. 374–375].

19 марта 1821 года министр финансов сообщил, что 15 февраля того же года комитет министров решил выдать красноуфимским казакам-переселенцам (225 домам) по 150 рублей, а остальным переселяемым на Оренбургскую линию — по 75–100 рублей на дом, всего 49 355 рублей.

4 мая 1821 года генерал Эссен предписал войсковой канцелярии безотлагательно сделать распоряжение, чтобы служащие чиновники и казаки Красноуфимской станицы переселились в назначенные им места с наступлением удобного летнего времени.

21 мая войсковой атаман рапортовал генералу Эссену, что отставным чиновникам и казакам предписано переселиться на линию в течение 1822 года. Однако составленное войсковой канцелярией по указанию военного губернатора генерала Эссена расписание переселения казаков Красноуфимской станицы в указанные сроки не было выполнено. Повременный красноуфимских казаков отставной казак Баранников подал прошение на Высочайшее имя об освобождении его с доверителями от предполагаемого переселения [12, с. 418–419].

Начавшееся с прошения на Высочайшее имя несогласие постепенно переросло в открытое противостояние. В результате ярые противники переселения были строго наказаны (телесно) и переведены в солдаты. Все протестные действия казаков

лишь растянули процесс переселения, но не остановили его. К началу 1830-х годов казаки упраздненной Красноуфимской станицы основали на Илеке крепости Изобильную, Буранную, Новоилецкую, Линевскую, Угольную и Ветлянскую, а на реке Бердянке — одноименную крепость с редутом Ханским [20, с. 78].

Златоустовские заводы в начальный период казенного управления (1812–1825)

После перехода в конце 1811 года заводов Кнауфа в казну их первым главноуправляющим стал Михаил Иванович Клейнер. Ему сразу было предписано, чтобы «отлитые при управляемых им заводах орудия доставляемы были на Лаишевскую пристань за 1812 года и за следующие годы... для Киевского департамента пушек 12-ти фунтовых — 38, единорогов одного пуда — 67, полупудовых — 26, мортир двухпудовых — 14, а всего 145» [21, с. 75]. По сведениям, которые приводит А. П. Моисеев, под этот заказ на Златоустовском заводе было освоено литье из бронзы. В конце 1812 года златоустовцы отлили 93 бронзовые пушки, а за 1812–1814 годы — 398 орудий. Кусинский завод, по данным Моисеева, отливал ядра и гранаты, а Саткинский завод — шрапнель [13]. Клейнер также должен был заботиться о немецких мастерах стального дела, выписанных Кнауфом, с тем чтобы, удержав их при заводах, готовиться к приему новых специалистов из Золингена.

М. И. Клейнер управлял Златоустовскими казенными заводами до 1815 года. После него на эту должность был назначен Антон Федорович (Фридрих) Фурман, подчинявшийся по Указу от 3 июля 1815 года «впредь до особого положения» Департаменту горных и соляных дел [16, т. 33, № 25895]. Фурман управлял заводами в 1815–1820 годах на основе специально утвержденного «Проекта Положения для Златоустовских заводов на то время, пока устраиваемая фабрика будет состоять в дирекции Эверсмана». Сам по себе проект достаточно объемный, но на два его раздела следует обратить особое внимание.

Итак, когда в «Проекте Положения...» речь зашла о распределении заводских изделий, в соответствии с параграфом 19, выплавляемую медь при заводах разрешалось поставлять на Екатеринбургский монетный двор по цене 24 рубля за пуд. Тогда как

частные медеплавильные заводы Южного Урала получали по семь рублей за пуд, да и то не всегда. В случае штрафных санкций цена меди снижалась.

Не менее содержательным является параграф 22 раздела о доходах. Златоустовские заводы освобождались от всех податей с металлов и печей, какие только платили частные заводы. Также они освобождались от выплаты подушных, оброчных и рекрутских денег за мастеровых и рабочих людей. Весьма примечательно, что «Проект Положения...» разрешал не выплачивать 110 тысяч рублей, которые отдавал А. Кнауф за право владения Златоустовскими заводами. Также проектом было разрешено оставлять в заводском капитале по шесть процентов годовых с 435 000 рублей, отпущенных заводам из Государственного казначейства [16, т. 33, № 25895]. О таких налоговых льготах частные горнозаводчики тогда могли только мечтать.

Златоустовская оружейная фабрика

Александр фон Эверсман, как уже отмечалось, был назначен первым директором казенной Златоустовской оружейной фабрики, когда еще самой фабрики не было и в проекте. В сущности, Клейнер выполнил предписанные ему указания и удержал немцев в Златоусте. Первоначально, когда шли подготовка проекта и строительство фабрики, немецкие мастера выполняли различные казенные заказы в приспособленных для этого помещениях. При этом часть их продукции продавалась в Москве, а также на Макарьевской, Ирбитской, Троицкой и Уфимской ярмарках. В статье, посвященной иностранцам Златоуста начала XIX века, по этому поводу говорится: «...среди “немецких изделий” значатся: пилы лесопильные железные, тиски слесарные, щипцы орешные, сахарные, клещи, плоскогубцы, циркули, стамески, ножницы для бумаги, коромысла, утюги, замки амбарные и комодные, ружья... карнизы, ножницы для резки железа, лопатки железные, сундуки...»⁵³ То есть выпускались изделия, которые, как правило, не производили металлургические заводы Урала.

Сам же Эверсман, заключив новый контракт на пять лет (1812–1817), помимо проектных работ активно занимался вербовкой немецких специалистов.

⁵³

Поименный список см. по ссылке «Иностранные специалисты в Златоусте в начале XIX в.» (www.chelmuseum.ru/nauka)

Именно для этой цели он специально приезжал в Золинген в 1813 году и лично беседовал с мастерами. Благодаря Эверсману в 1814 году в Златоуст и приехала первая партия оружейников с семьями — всего 114 человек; 35 из них — специалисты по выделке белого холодного оружия: кузнецы клинков, мечей, перочинных ножей, литейщики, шлифовальщики, наборщики, забойщики напильников и молотобоец. Также в их числе были мастера по изготовлению ножей, ножниц, вилок, позолоты, хирург, школьный учитель. Причем вышеперечисленные мастера приехали не только из Золингена, но из других немецких городов. В их числе были Мершайд, Вальд, Хешайд, Дорп, Ремшайд.

Только после их приезда в Златоуст Указом от 3 июля 1815 года был утвержден «Проект положения оружейной фабрики, устраиваемой при Златоустовском заводе на то время, пока она будет состоять в дирекции г. Эверсмана». Причем в соответствии с четвертым параграфом «Проекта...» помощником Эверсмана назначался начальник Златоустовских заводов. Сам же директор оружейной фабрики состоял «в непосредственном ведении Департамента горных и соляных дел» [16, т. 33, № 25895].

Период строительства цехов казенной Златоустовской оружейной фабрики в основном завершился в 1817 году, тогда же поступил первый заказ на 30 тысяч экземпляров холодного белого оружия. Полностью же фабрика была достроена лишь в 1818 году. По данным, приводимым А. П. Моисеевым, на строительство фабричных цехов только в 1816–1817 годах ушло до 600 тысяч рублей [13]. И это не считая оплаты иностранным мастерам и их семьям переезда, выплат по контрактам, финансовых затрат на строительство жилых домов, госпиталя, немецкой школы, клуба и кирхи. Другими словами, Златоустовская оружейная фабрика по производству белого оружия, построенная исключительно на казенные деньги, обошлась государственной казне в довольно-таки круглую сумму. Причем ее подлинную величину никто из царских чиновников назвать не решился. И это не удивительно, ведь речь шла о государственном престиже России в международных европейских делах, именно такой статус был придан оружейной фабрике в Златоусте. Тут уж никто не считал деньги на ее возведение и пуск. Тем более что строительство оружейной фабрики, переезд немецких специалистов на Южный Урал и пер-

вая продукция — все находилось под пристальным вниманием императора Александра I.

Одним из важнейших условий контракта иностранных мастеров по выделке белого оружия являлось обязательство обучать «без утайки» русских рабочих. Этот пункт контракта также был выполнен с немецкой педантичностью. Наиболее характерным примером в этом отношении стало обучение «местных отроков» искусству создания украшенного холодного оружия. Его первоначальная история неразрывно связана с именем Вильгельма-Николая Шафа и его сына Вильгельма-Людвига. Старший Вильгельм Шаф являлся лучшим рисовальщиком по металлу среди немецких мастеров, а младший Шаф ни в чем не уступал отцу. Причем оба работали под одним клеймом — «Шаф и сын». Они-то и обучили приданных им работников мастерству рисунка на стальных клинках.

Весной 1818 года с караваном ушла в столицу партия украшенного оружия. Она примечательна тем, что содержала 12 клинков, изготовленных учениками-граверами. В сущности, это была их экзаменационная работа, после сдачи которой они были зачислены в цех вытравки и позолоты, где и проработали под началом Шафа-старшего до его отъезда в 1823 году в Петербург. В настоящее время в документах Златоустовского городского архива сохранились имена первых русских граверов того времени: Ивана Бояршинова, четверых братьев Тележниковых (без имен), Федора Стрижева, Алексея Лепешкова, братьев Ивана и Ефима Бушуевых [13].

По поводу принудительного перевода заводов Кнауфа в казну следует особо подчеркнуть, что ни правительство Александра I, ни тем более правительство Николая I не остановились на этом. Под разными предложениями на всем протяжении XIX века над частными металлургическими заводами Урала висела, как дамоклов меч, угроза взятия их под государственный контроль, вплоть до принудительной продажи с публичных торгов.

Каслинский завод в послевоенный период (1815–1817)

После того как спала острая нужда в боеприпасах для русской армии, на Каслинском заводе, продолжавшем выполнять военный заказ до 1817 года, начался перевод литейного производства на выпуск чугуновой (опойчатой) посуды: котлов, чаш, латочек, тре-

ножников, рукомои́ников и т. п. Качественные формовочные пески природного происхождения сыграли в этом немаловажную роль. На освоение этого вида продукции ушло почти два года. Постоянное производство чугунной (опойчатой) посуды началось в октябре 1815 года. В рапорте Каслинской заводской конторы за период с 10 октября по 7 ноября 1815 года в разделе «Чугуна в расход» указывалась принципиально новая строка: «В ручную доменку на отливку опойчатой посуды». Тогда было израсходовано 615 пудов. Из этого же документа следует, что производство чугунной посуды отлаживали выпитые с другого завода литейщики (в отчете нет названия завода). В расходной его части говорится: «...посторонним литейщикам за разное объяснение в отливке означенной посуды... 299 рублей 83 копейки». Массовое производство чугунной (опойчатой) посуды продолжалось до 1914 года. Во время Первой мировой войны завод вновь перешел на отливку гранат (по английскому образцу) и чугунных мин для 58-миллиметрового миномета системы ФР.

В отношении ручных доменок следует сказать, что они проработали на Каслинском заводе до 1840 года.

Переход и дробление металлургических заводов Южного Урала по праву наследования в период царствования Александра I

Не меньшим злом для металлургической промышленности Южного Урала на всем протяжении XIX века стал переход частных металлургических заводов в руки все возрастающего числа наследников с неизбежным дроблением некогда крупных горнозаводских хозяйств на мелкие горнозаводские округа. К примеру, во владении Евдокима Никитича Демидова состояли Верхний Авзяно-Петровский, Нижний Авзяно-Петровский, Узьянский и Кагинский заводы⁵⁴. После его смерти в 1782 году они были поделены между его сыновьями — Василием и Иваном. Василию Евдокимовичу отошли Авзяно-Петровские, а Ивану Евдокимовичу — Кагинский и Узьянский заводы. Василий продал Авзяно-Петров-

54

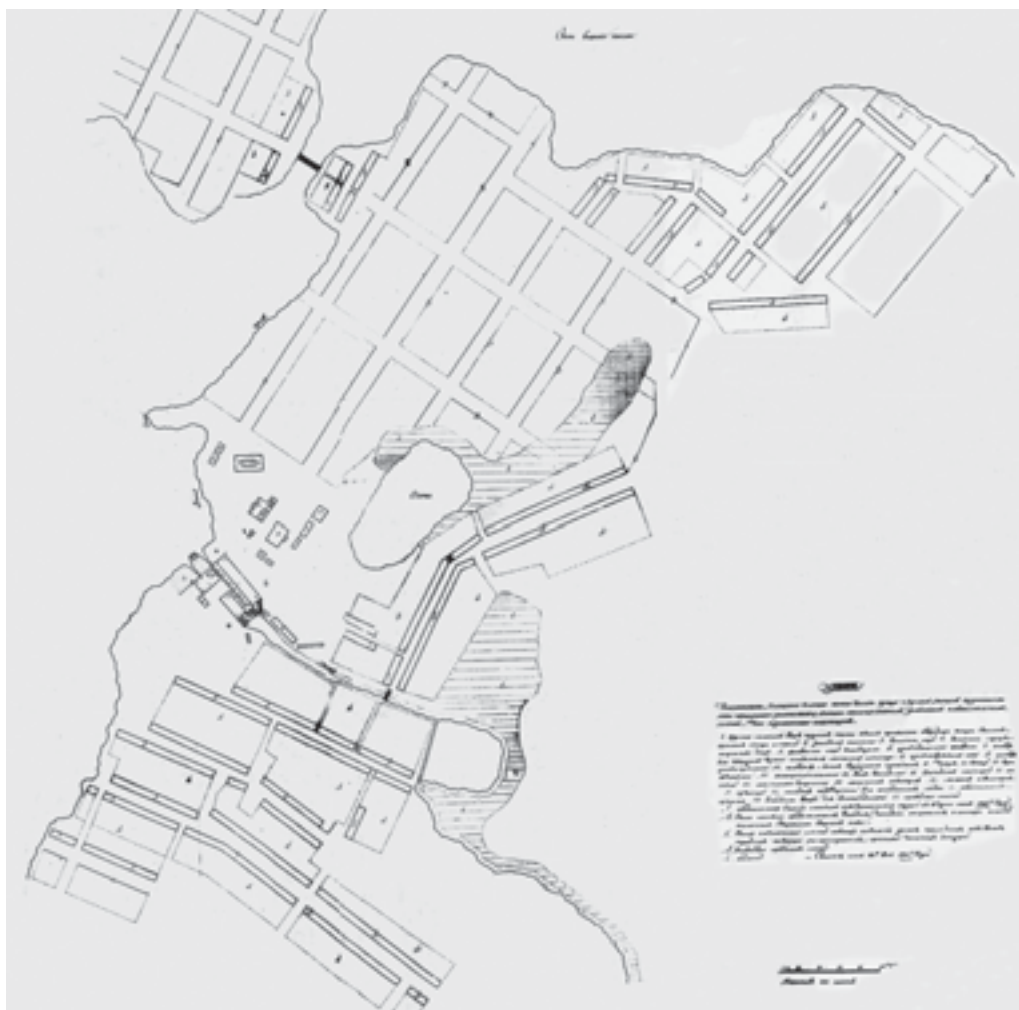
У его отца статского советника Никиты Никитича Демидова (1688–1758) во владении находилось одиннадцать металлургических заводов. В 1758 году они были поделены между его сыновьями Василием, Евдокимом, Иваном, Никитой и Алексеем.

ские заводы в 1796 году именитому купцу Михаилу Павловичу Губину, а Иван владел своими заводами до самой смерти в 1823 году. Причем умер он бездетным, что и послужило причиной судебных разбирательств и споров между наследниками.

Наследственные разделы металлургических заводов Южного Урала периода 1750-х годов — XIX века стали следствием как минимум двух указов — от 17 марта 1731 года и от 20 апреля 1762 года. Причем первый отменил петровский указ «О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах» от 23 марта 1714 года, а второй, по сути, подтвердил эту отмену.

Тогда как в именном Указе Петра I от 23 марта 1714 года вполне доходчиво разъяснялось, что «разделением имений после отцов детям недвижимых, великой есть вред в государстве нашем, как интересам государственным, так и подданным и самим фамилиям падение» [16, т. 5, № 2789]. Заботясь о сборе податей, составитель указа приводит такой пример: «...кто имел тысячу дворов и пять сыновей, имел дом довольный, трапезу славную... когда по смерти его разделится детям его, то уже только по 200 дворов достанется, которые помня славу отца... и честь рода, не захотят сирот жить... то уже с бедных подданных будет пять столов, а не один, и 200 дворов принуждены будут едва не то же нести, как 1000 несли (а государственные подати), отчего не разореньяль суть людям и вред интересам государства? Ибо податей так исправно не могут платить 200 дворов в казну и помещику, как 1000 дворов» [16, т. 5, № 2789].

Достаточно красноречиво и следующее рассуждение: «...ежели недвижимое будет всегда одному сыну, а прочим только движимое, то государственные доходы будут справнее, ибо с большего всегда господин довольнее будет, хотя по малу возьмет, и один дом будет, а не пять... и может лучше льготить подданных, а не разорять». Исходя из вышеприведенных рассуждений, Петр I и предписал: «Всем недвижимых вещей, то есть родовых, выслуженных и купленных вотчин и поместий, также и дворов, и лавок не продавать и не закладывать, но обращаться оным в род таким образом: 2. Кто имеет сыновей... единому из оных дать недвижимое чрез духовную, тому в наследие и будет. Другие же дети обоего пола да награждены будут движимыми именьями, которые должен отец их или мать разделить

План Каслинского завода.
1815 год [ГАСО. Ф. 59.
ОП. 7. Д. 944]

им при себе, как сыновьям, так и дочерям, колико их будет по своей воли, кроме одного, который в недвижимых наследником будет». И далее в указе рассматривались ситуации, возникавшие при получении наследства. Но все они сводились к одному — недвижимое имение не должно разделяться. Оно должно передаваться только одному (одной) наследнику (наследнице)» [16, т. 5, № 2789].

Указ же от 17 марта 1731 года⁵⁵ «О именовании поместий и вотчин недвижимым имением и о разделе оных между детьми по Уложению», отменив принцип единого наследия, вводил вновь раздел недвижимого имения по владельческим долям, как это и было прописано в Соборном уложении 1649 года. Причем главным аргументом составителей указа являлось желание предотвратить якобы постоянно возникавшие ссоры и ненависть при следовании принципу, прописанному в петровском Указе от

23 марта 1714 года. Тогда как практика разделов XVIII–XIX веков показывает, что отмена Указа от 23 марта 1714 года «О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах» никоим образом не погасила ссоры и ненависть при разделах наследства. Так как статьи Соборного уложения 1649 года только и могли, что делить имение умершего на паи. А как разделить один-единственный действующий металлургический завод между несколькими находящимися между собой общего языка наследниками, там не сказано ни слова.

Указ от 20 апреля 1762 года, признав заводы и фабрики за недвижимое имение, а единый завод — за неделимую часть, в то же время не запрещал раздел нескольких заводов на наследственные доли. «Буде же заводов много, а не один,— говорится по этому поводу в Указе от 20 апреля 1762 года,— и наследники согласятся на подлежащую часть [наследства] целый завод, или несколько целых заводов отдать, то не запрещается, ибо тог-

55

Принят в первый год правления Анны Иоанновны.

да раздробления заводу нет» [16, т. 15, № 11511].

Таким образом, Указ Петра III от 20 апреля 1762 года подтверждал отмену единонаследия и позволял разделять металлургические заводы, построенные и действующие как единый производственный комплекс, на более мелкие и менее производительные заводские округа. Особенно это было вредно и крайне невыгодно для металлургических заводов Южного Урала, находившихся в малонаселенных местах, вдали от обжитых районов Европейской России.

1802 год. Богословский медеплавильный завод на реке Кичуй. Построен в 1759 году симбирским купцом Герасимом Ивановичем Глазовым в 60 верстах северо-западнее Бугульмы. Перешел по наследству к его сыну корнету Андрею Герасимовичу. В 1802 году Богословский медеплавильный завод по завещанию А. Г. Глазова унаследовали его сыновья — коллежский асессор Петр Андреевич, капитан Иван Андреевич и «не служивший» Александр Андреевич Глазовы. Братья владели заводом нераздельно. Все заводские дела в течение почти двадцати лет вел Петр Андреевич Глазов [9]. В 1821 году завод был остановлен и бездействовал тридцать лет.

1803 год. Белорецкий чугуноплавильный и железоделательный, Воскресенский, Верхоторский медеплавильные заводы. Прежде чем переходить к собственно разделу названных металлургических заводов в 1803 году, необходимо кратко ознакомиться с их предысторией. Всеми заводами Твердышевых и Мясникова при полном согласии компаньонов единолично управлял Иван Борисович Твердышев. После его смерти по разделу 1782 года четыре чугуноплавильных железоделательных завода — Юрюзань-Ивановский, Катав-Ивановский, Симский и Белорецкий — перешли в собственность четырех дочерей Ивана Семеновича Мясникова. Брат же покойного, Яков Борисович Твердышев, унаследовал пять медеплавильных заводов: Преображенский, Воскресенский, Верхоторский, Богоявленский и Архангельский. После его кончины в 1783 году произошло еще два раздела. По первому, от 29 апреля 1784 года, вдова покойного получила Преображенский завод, а остальные четыре медеплавильных завода перешли в совместное владение сестер. По второму разделу, состоявшемуся в 1785 году, старшей сестре Ирине Ивановне Бекетовой (ее муж — Петр Афанасьевич) отошел Симский (при нем новый

Владелица Катав-Ивановского, Усть-Катавского и Архангельского заводов. Екатерина

Ивановна Козицкая (1746-1833). художник Ф. Рокотов

Владелец Белорецкого, Тирлянского заводов Иван Александрович Пашков (1758-1828)

Владелец Воскресенского, Верхоторского медеплавильных заводов Василий Александрович Пашков (1764-1838). Автор неизвестен

Миньярский) и Богоявленский заводы. Белорецкий (потом и Тирлянский) и Воскресенский заводы получила Дарья Ивановна Мясникова, вышедшая замуж за Александра Ильича Пашкова. Аграфена Ивановна Дурасова (ее муж — Алексей Николаевич)

унаследовала Юрюзаньский (с 1800 года еще и Минский) и Верхоторский заводы. Младшая Екатерина Ивановна Мясникова ставшая владелицей Катав-Ивановского, Усть-Катавского и Архангельского заводов, вышла замуж за Григория Васильевича Козицкого. Вступая с ним в брак, она перешла в официальное православие. Данный факт, отмеченный в воспоминаниях А. Давыдова⁵⁶, подтверждает, что Иван Семенович Мясников, будучи сам старообрядцем, передал свою веру и дочерям. Причем старшая из сестер, Ирина Ивановна Бекетова, была самой стойкой в отцовской вере.

Примечательно, что факт проживания старообрядцев на заводах Твердышевых и Мясникова с момента их основания неоднократно отмечали чиновники при составлении различных рапортов: «Появление раскольников в Верхнеуральском уезде относится ко времени первоначального заселения заводов Твердышевым и Мясниковым». Такого же рода записи имеются в сведениях о Белорецком заводе и многих других [4, с. 115].

В 1803 году Дарья Ивановна Пашкова купила у племянника Николая Алексеевича Дурасова Верхоторский завод. В том же году был произведен предварительный раздел имения Пашковых. По жребью старшему сыну, подполковнику Ивану Александровичу, выпали Белорецкий и Тирлянский заводы. Средний сын, генерал-майор Василий Александрович, получил Воскресенский и Верхоторский заводы. Младшему сыну Алексею Александровичу достались вотчины в Тамбовской, Симбирской и Тульской губерниях. После смерти Дарьи Ивановны Пашковой в 1808 году они вступили в полное наследование заводами и вотчинами [14, с. 163–178].

1808 год. Троицкий Верхний (Троицкий), Троицкий Нижний, Усень-Ивановский медеплавильные заводы. Троицкий завод был построен Иваном Гавриловичем Осокиным в 1754 году. После пуска Нижнетроицкого в 1760 году он получил название «Троицкий Верхний». Причем Нижнетроицкий и Усень-Ивановский (1761) медеплавильные заводы строил Иван Петрович Осокин, ставший после смерти Ивана Гавриловича владельцем указанных трех заводов.

Как отмечалось ранее, промышленники Осокины, в отличие от Демидовых, открыто исповедовали ста-

рую веру, что неизбежно сказалось на контингенте рабочих Нижнего Троицкого, Верхнего Троицкого и Усень-Ивановского заводов. Практически все рабочие и крестьяне указанных заводов были старообрядцами-беглопоповцами, выходцами из Балахнинского уезда Нижегородской губернии [4, с. 115].

Когда же скончался сам Иван Петрович (1808), его заводы унаследовала вдова Елизавета Ивановна и два сына — гвардии прапорщик Гаврила и коллежский ассессор Петр. В 1809 году вдова передала свою часть наследства сыновьям, а Гаврила Иванович выдал доверенность брату Петру на управление заводами.

После неожиданной смерти в 1810 году Петра Ивановича Осокина вышедший в отставку Гаврила Иванович Осокин вступил в управление заводами [14, с. 328].

1809 год. Архангельский (Шаранский) медеплавильный завод. Построен в 1754 году тульским купцом Григорием Семеновичем Красильниковым. При наследниках Петра Григорьевича Красильникова остановлен (1795). В 1809 году недействующий завод выставлен на торги, которые закончились в 1833 году (по истечении срока кортома башкирских земель). Завод так никто и не купил. В 1836 году вышел правительственный указ, по которому леса, отведенные под заводскую дачу, предполагалось вернуть башкирам [14, с. 372–387].

Владелица Катав-Ивановского, Усть-Катавского заводов княгиня Анна Григорьевна Белосельская-Белозерская (1773-1846) «Princess Anna... Belosselsky-Belozersky nee Kozitsky. Museum of Fine Art Boston»

Владелица Архангельского медеплавильного завода Александра Григорьевна Лаваль. П. Герен. 1821 год

Дом графини Александры Григорьевны Лаваль (С-Петербург, Английская набережная, 4). Дом по Английской набережной 4 построен

в 1790-х годах архитектор А. Н. Воронихин. Тома де Томон его перестроил в начале 1800-х годов

1810 год. Катав-Ивановский чугуноплавильный и железодельный, Усть-Катавский железодельный, Архангельский медеплавильный заводы. В 1810 году Катав-Ивановский, Усть-Катавский и Архангельский заводы перешли по духовному завещанию двум дочерям Екатерины Ивановны Козицкой. Старшая дочь Александра Григорьевна (ее муж — Жан-Франсуа Лаваль) получила Архангельский медеплавильный завод. Примечательно, что в ее владении он находился сорок лет.

Анна Григорьевна Козицкая унаследовала Катавские заводы. Замуж она вышла за князя Александра Михайловича Белосельского-Белозерского. Для него это был второй брак. Их дети — княжна Екатерина, князь Эспер. Эспер Александрович был женат на Елене Павловне Бибиковой. Дети Эспера — Елизавета, Ольга, Константин.

1813 год. Каноникольский медеплавильный завод. После принудительного раздела в 1760 году Каноникольский завод достался Ивану Алексеевичу и Григорию Алексеевичу Мосоловым, а затем перешел в единоличное владение капитана Ивана Алексеевича. После его смерти в 1798 году завод унаследовала вдова Марья Алексеевна Мосолова (капитанша Мосолова). После ее кончины (1813) Каноникольский завод перешел в общее владение ее сыновьям — генерал-майору Федору Ивановичу и лейб-гвардии прапорщику Петру Ивановичу Мосоловым. Причем Петр Мосолов по доверенности от брата и управлял

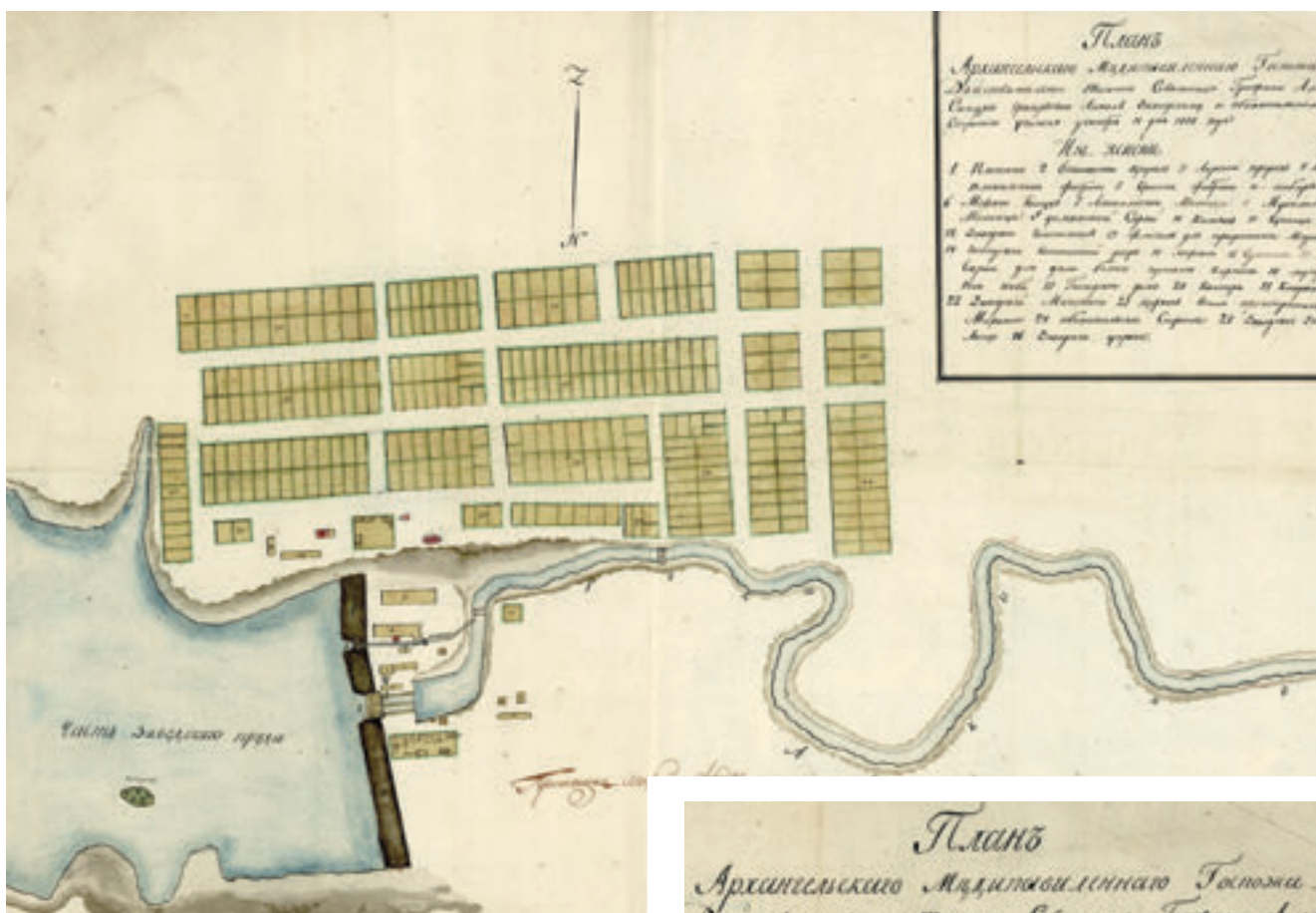
заводом. В течение 1817 года завод находился в частном казенном управлении, но с декабря был возвращен братьям в частное владение.

1815–1817 годы. Юрюзаньский чугуноплавильный и железодельный, Минский железодельный заводы. Юрюзаньский и Минский заводы перешли к Анне Григорьевне Белосельской-Белозерской в 1815–1817 годах от двоюродного брата Николая Алексеевича Дурасова после выкупа у купца Н. А. Старкова (Дурасов запродаст Старкову, Анна в принудительном порядке их выкупила у него). В ее владении заводы находились до 1830 года.

1816 год. Преображенский медеплавильный завод. Построен в 1750 году заводчиками Твердышевыми и Мясниковым. По купчей 1789 года владельцем стал Петр Михайлович Гусятников. После его смерти в 1816 году завод перешел к наследникам — вдове Наталье Ивановне, сыновьям Петру, Владимиру и Дмитрию, которые владели им до 1838 года нераздельно.

1817 год. Шилвинский медеплавильный завод. Построен в 1734 году казанскими купцами Небогатовыми. В 1763 году продан тульским купцам Красильниковым, в 1797 году — уфимскому купцу Алексею Матвеевичу Подъячеву. После его смерти (1817) перешел по завещанию вдове Пелагее Дмитриевне Подъячевой и сыну купца от первого брака Николаю Алексеевичу Подъячеву. В 1818 году между мачехой и Николаем начались споры из-за владения заводом. С 1824 года заводом управлял сын Николая Алексеевича — Николай Николаевич Подъячев [14, с. 372].

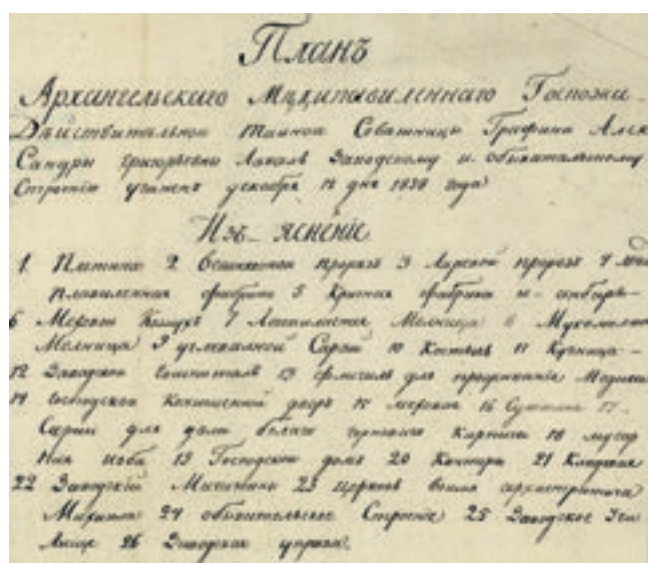
1818 год. Сергинско-Уфалейские, Авзяно-Петровские чугуноплавильные и железодельные заводы. Московский именитый гражданин Михаил Павлович Губин (1740–1818) владел десяти чугуноплавильных, железодельных заводов (Верхнего и Нижнего Сергинских, Атигского, Козинского, Михайловского, Верхнего и Нижнего Уфалейских, Суховязкого, Верхнего и Нижнего Авзяно-Петровских). В XVIII веке их лесные дачи входили в состав Оренбургской губернии. Шесть заводов М. Губин купил (четыре у Демидовых, два у Мосоловых) в период с 1789 по 1796 год, а четыре завода — Атигский, Козинский, Нижнеуфалейский железодельные, Михайловский листопрокатный — построил сам в период с 1790 по 1813 год. При-

План Архангельского
медеплавильного завода
[ГАСО. Ф. 59. ОП. 7. Д. 750]

чем на Нижнеуфалейском заводе предположительно в 1818 году им были построены еще две доменные печи. Данный факт никоим образом не противоречит Указу от 13 июля 1776 года о запрещении строительства заводов в Оренбургской губернии ради сохранения лесов, так как все они были построены в лесных дачах, отведенных к Сергинским и Уфалейскому заводам еще до выхода запрещающего указа. К тому же строительство Нижнеуфалейского завода предполагалось еще Мосоловыми, и для этого ими была отведена лесная дача, вошедшая в раздельную роспись. Но Иван-Меньшой Мосолов, получивший ее по разделу заводского имения Мосоловых, из-за недостатка денежных средств так и не смог построить завод на Нижнем Уфале: восстановление сожженных башкирами заводов летом 1774 года окончательно подорвало его финансовую состоятельность.

Также важно отметить, что М. П. Губин — один из немногих заводчиков, кто воспользовался разре-

шением Павла I покупать крепостных к уральским заводам и переселил в Уфалейский завод крепостных крестьян из Костромской и Нижегородской губерний. И, пожалуй, последнее, что необходимо отметить — Михаил Павлович Губин в уральской историографии более известен как московский именной гражданин, но в самой первопрестольной у него была иная история. Он дважды избирался на должность московского городского головы, входил в депутацию московских купцов, принятую Павлом I

Особняк Михаила Губина в Москве (фасад), Петровка, 25. Здание особняка построено в 1793 – 1799 годах по проекту архитектора Матвея Казакова.

С 1999 – Московский музей современного искусства – Moscow museum of modern Art. Фото Sergi Shaugashvili 2010 год

в Грановитой палате во время коронационных торжеств в Москве в 1797 году.

Являлся ли М. П. Губин тайным или явным покровителем старообрядчества? Из архивных документов известно, что на Нижнеуфалейском заводе, построенном им в начале XIX века, образовалась крепкая старообрядческая община. Впрочем, как и на всех Сергинско-Уфалейских заводах.

В соответствии с проектом Горного положения 1806 года дачи указанных заводов образовали два округа — Сергинско-Уфалейский и Авзяно-Петровский.

После смерти Михаила Павловича Губина в 1818 году заводы перешли по наследству к двум его сыновьям — Константину и Павлу Губиным. До 1838 года Сергинско-Уфалейские и Авзяно-Петровские заводы находились в их нераздельном владении [14, с. 312].

1823–1825 годы. Переход заводов Расторгуева к его наследницам и взятие их в «казенный при-смотр». В период с 1809 по 1819 год в окрестностях Каслинского и Кыштымского заводов были найдены значительные по своим запасам золотые россыпи. В Каслинской заводской даче золотоносными речками оказались Большой, Малый, Средний Маук с большинством притоков, район озер Аракуль, Большой и Малый Каган. В Кыштымской даче богатые золотые россыпи были найдены по речкам Борзовка, Сугомак, Сак-Элга. После выхода Указа от

28 мая 1812 года, разрешившего частным лицам золотодобычу, здесь началась интенсивная промывка золотоносных песков. К началу 1820-х годов владелец Каслинского, Кыштымского, Нязепетровского и Шемахинского заводов Л. И. Расторгуев стал еще и богатейшим золотопромышленником. Его первые прииски, такие как Соймоновский, Березовский и Ольховский, начали приносить все возрастающую прибыль. Наиболее золотоносной оказалась долина реки Сак-Элга, в настоящее время известная под названием «Соймоновская долина», названная в честь председателя Горной комиссии сенатора Соймонова. «По случаю открытых в Уральском хребте в значительном количестве золотосодержащих песков была учреждена... временная в Екатеринбурге Горная комиссия,— говорится по этому поводу в Указе от 9 сентября 1824 года,— для рассмотрения на месте сих признаков Государственного богатства» [16, т. 39, № 30056].

В этот же период, в начале 1820-х годов, среди мастеровых и работных людей Каслинского и Кыштымских заводов произошли крупные волнения, которые закончились ссылкой многих мастеровых на казенные заводы. Имели они роковое последствие и для заводовладельца Л. И. Расторгуева.

В 1819 году в Южном Зауралье случилась большая засуха, хлеб не уродился. Засуха, как часто бывает в Зауралье, продолжалась несколько лет подряд — до 1821 года. Хлебные запасы в заводских магазинах были исчерпаны, да и купить его заводским людям было не на что, так как заработная плата не выдавалась по несколько месяцев. Управляющий Я. С. Ра-

Григорий Федотович Зотов. Негласный управляющий заводами наследниц Л. И. Расторгуева в период с 1823 по 1837 годы. За отказ

перейти в Единоверие в 1837 году по решению Николая I лишен всех гражданских прав и отправлен в ссылку

сторгуев и приказчики просили мастеровых и заводских крестьян переждать лихолетье и обещали в будущем щедрое вознаграждение. Но терпение рабочих кончилось, события стали приобретать стихийный характер. Мастеровые и работные люди 18 февраля 1822 года подали заводскому исправнику прошение, в котором жаловались, что они «не только надлежащей платы, но и пайкового провианта» не получают, так что не имеют себе «дневного пропитания». И просили исправника, чтобы «к выдаче следующей по положению платы и пайкового провианта... кого следует законным порядком понудить и тем отвлечь терпимую обществом бедность или совершенный голод».

Не получив удовлетворения своего прошения, в начале марта 1822 года группа из 54 рабочих, самовольно оставив заводские цеха, направилась в Екатеринбург для подачи жалобы на невыдачу продовольствия и задержку заработной платы.

Горное правление, признав справедливость требований, приняло дело к рассмотрению. В Петербурге же на эти события взглянули под другим углом.

По представлению министра финансов Гурьева, утвержденного императором 1 августа 1822 года, заводчику Расторгуеву было предписано «в непрерывную обязанность давать заводским людям такую за работу плату, чтобы они, невзирая на нынешнюю... дороговизну, могли содержать и пропитывать себя с семействами безбедственно». Заводчику также было объявлено, что в случае неисполнения этого распоряжения правительство возьмет его заводы под «свой присмотр». Одновременно предписывалось четырех «главных зачинщиков своевольства и непокорности» (У. Дайбова, Т. Устинова, Назарова и А. Рыбина) предать суду, а 98 наиболее активных участников волнений вместе с их семействами выслать на казенные Богословские заводы.

Однако исполнить массовое выселение мятежных мастеровых на Богословские заводы и переселить часть мастеровых на свой Шемахинский завод, как предполагал сам заводчик, оказалось делом трудно-выполнимым. Заводские жители не подчинились властям. Тогда-то Горное правление и направило в начале февраля 1823 года на заводы Расторгуева воинский отряд, состоящий из Пермского, Верхнеуральского гарнизонных батальонов и тысячи сабель башкирской конницы.

Участники волнений были жестоко наказаны. Климентий Косолапов и его 12 помощников («мирская изба») были арестованы и закованы в кандалы. Сам Косолапов в сентябре 1823 года бежал из Екатеринбургского острога, скрывался в горах и в июне 1824 года был застрелен при задержании. Активные участники волнений были подвергнуты «полицейскому исправлению» — получили по 25 ударов палками, 83 из них были высланы на Богословские заводы.

Мастеровых и работных людей силой заставили приступить к заводским работам. Для поддержания порядка в заводах была оставлена часть Пермского батальона под командованием князя Уракова и полковника Костырко, которые находились там два года.

Во время карательной экзекуции 10 (12) февраля 1823 года в Екатеринбурге от апоплексического удара скончался Л. И. Расторгуев, его заводы перешли в казенное управление. Формальной причиной этого стала «неспособность заводовладельца предотвратить

Петр Яковлевич Харитонов. Управляющий (официально) заводами наследниц Л. И. Расторгуева в период с 1823 по 1837 годы.

За отказ перейти в Единоверие в 1837 году по решению Николая I лишен всех гражданских прав и отправлен в ссылку

нужду заводских жителей» и возникшие на заводах волнения. Истинные же причины замалчивались.

Наследницы купца Л. И. Расторгуева (вдова и две замужние дочери) уговорили Григория Федотовича Зотова, бывшего управляющего заводами Яковлева, взять управление их заводами в свои руки. Весной 1823 года Г. Ф. Зотов приступил к выполнению своих обязанностей. При нем производство постепенно стало приходить в норму, а рабочие — получать зарплату.

Летом 1823 года заводской поверенный Блинов подал прошение министру финансов Е. Ф. Канкрину об освобождении заводов наследниц Расторгуева от казенного управления. Прошение не было удовлетворено, а на заводы назначен горный чиновник берггауптман Тетюев, который два года, как и военная команда, жил на заводах. Несмотря на присутствие чиновника, рычаги управления фактически находились у Г. Ф. Зотова. Период его управления

продолжался до 1837 года. Знаменательно, что официально Г. Ф. Зотов не занимал никакой должности. Формально с 1 апреля 1823 года всеми заводскими делами ведали по общей доверенности мужа наследниц Л. И. Расторгуева — Петр Яковлевич Харитонов и Александр Григорьевич Зотов (сын нового управляющего).

Сам Г. Ф. Зотов оставался в тени, но именно он управлял заводами. Благодаря его заслугам по Высочайшему повелению 1 октября 1825 года заводы наследниц Расторгуева были возвращены в частное владение, отданы в полное распоряжение наследниц Расторгуева. Произошло это после того, как император Александр I во время путешествия по Уралу в 1824 году посетил Екатеринбург. Именно в Екатеринбурге Г. Ф. Зотов и был удостоен встречи с государем. Наиболее достоверным описанием его разговора с Александром I являются записки лейб-хирурга Д. К. Тарасова «Воспоминания моей жизни».

Вечером 25 сентября император прибыл в Екатеринбург и остановился в приготовленном для него великолепном доме Расторгуева-Харитонова. Утром 26 сентября Александр I встречался с главным начальником Уральских горных заводов и чиновниками горного ведомства, а также с владельцами и управляющими частных горных заводов. Среди них был и Г. Ф. Зотов.

Лейб-хирург Д. К. Тарасов вспоминал: «Наружность и осанка Григория Зотова при первом взгляде обличали в нем светлый натуральный ум, сильный характер... Орлиные глаза его выказывали необыкновенную проницательность... Высокий рост, атлетическое сложение, окладистая борода, курчавые с проседью волосы и особенно приличие в обращении — невольно возбуждали к нему особенное внимание и уважение».

В 7 часов вечера 27 сентября 1824 года барон Дибич представил Г. Ф. Зотова императору. Он пробыл у государя полтора часа. Г. Ф. Зотов рассказывал К. Д. Тарасову: «...сегодня Бог благословил меня величайшим счастьем в жизни моей... Император спросил, кто я и откуда родом.

Ответ: ...Родился и вырос здесь, на заводе, был кричным мастером, старался практически изучать горное дело, приобрел доверенность заводских людей... владельца, который поручил мне главное управление всеми заводами.

Император: Чем ты теперь занимаешься?

Ответ: Некоторыми собственными делами, но в особенности восстановлением упавших заводов Расторгуева, доставшихся в наследство двум его дочерям, на одной — меньшей, — женат мой сын.

Император: Я слышал, что ты держишься раскола и упорствуешь в нем?

Ответ: Не смею скрывать перед Вашим Величеством, что я старообрядец. Но в нашем обряде ничего нет вредного, а тем более противного православной церкви. К нам перешло это от отцов наших. Из усердия к церкви мы построили для служения каменный храм, отделали и украсили его, но нам не позволяет Епархиальное начальство поставить святые кресты на главы этого храма.

Император: Я позволю Вам поставить кресты на главах храма Вашего.

Государь простил и повелел возвратить на заводы Расторгуева высланных... в Сибирь 90 человек заводских людей. Я поручился за доброе поведение этих несчастных, которые по возвращении всю жизнь будут благословлять имя великого... Монарха».

1823 год. Узьянский (Верхне-Узьянский) чугуноплавильный железодельный, Кагинский железодельный заводы. Их первоначальная история неразрывно связана с двумя Авзяно-Петровскими заводами, которые построили в 1755–1756 годах граф Петр Иванович Шувалов и Козьма Матвеев. В 1758 году Нижний Авзяно-Петровский и Верхний Авзяно-Петровский заводы перешли во владение к Матвееву, который в 1760 году продал их Евдокиму Никитичу Демидову. Тот, в свою очередь, в 1769 году построил Кагинский, а в 1777 году — Узьянский заводы. После его смерти в 1782 году они перешли по наследству к двум его сыновьям — Василию и Ивану.

В 1784 году братья разделили заводы: Василий Евдокимович получил Авзяно-Петровские, а Иван Евдокимович — Кагинский и Узьянский. В 1796 году гвардии прапорщик Василий Демидов продал Авзяно-Петровские заводы Михаилу Павловичу Губину.

Во владении Ивана Евдокимовича Демидова Кагинский и Узьянский заводы находились до его смерти в 1823 году. Как отмечалось ранее, у Ивана Демидова не было детей, поэтому после кончины горнозаводчика над всем его недвижимым и движимым имуществом была учреждена опека, но из-за большого количества наследников (первоначально во-

семь), раздел заводского имения затянулся на тридцать лет.

1823–1824 годы. Симский чугуноплавильный, железодельный, Миньярский железодельный, Богоявленский медеплавильный заводы. После смерти Ирины Ивановны Бекетовой в 1823 году Симский, Миньярский и Богоявленский заводы, не без споров, унаследовали ее сыновья — Иван Петрович и Петр Петрович Бекетовы. Раздел состоялся в 1824 году, Ивану отошли Симский и Миньярский, а Петру — Богоявленский заводы. В 1830 году Иван Петрович Бекетов продал Симский и Миньярский заводы своему зятю Александру Дмитриевичу Балашову.

В 1827 году по Высочайшему повелению Московское губернское правление учредило опеку над всем заводским имением действительного камергера Петра Петровича Бекетова. Период опеки длился пять лет, и в 1832 году ее сняли [14, с. 165–167]. В 1834 году П. П. Бекетов продал Богоявленский завод двоюродному брату В. А. Пашкову. Завершение сделки произошло уже после смерти В. А. Пашкова, последовавшей в этом же 1834 году.

***

Итак, что же произошло с металлургическими заводами Южного Урала за период правления Александра I, исходя из логики петровского указа «О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществях» от 23 марта 1714 года?

В силу того что законодательство не требовало от дочерей-наследниц сохранять за заводами, доставшимися им по наследству, фамилию отца или его компаньонов, произошло «падение двух фамилий» — Твердышевых и Мясниковых. Прямым следствием этого «падения» и стало дробление некогда большого горнозаводского хозяйства, состоявшего в конце XVIII века из девяти металлургических заводов, на наследственные доли из одного, от силы двух заводов. Уже после 1816 года на девять заводов Твердышевых и Мясникова приходилось 12 наследниц с наследниками. Причем у этих последних подрастали свои дети-наследники. А заводов чугуноплавильных и медеплавильных как было девять, так столько же и оставалось! Железодельные заводы Минский, Миньярский, Тирлянский и Усть-Катавский здесь не учитываются по той причине, что

Дом владельца Узянского и Кагинского заводов Ивана Евдокимовича Демидова в Уфе

являлись частью доменных Юрюзаньского, Симско-го, Белорецкого и Катав-Ивановского заводов.

В отношении заводов Евдокима Никитича Демидова — Нижнего Авзяно-Петровского, Верхнего Авзяно-Петровского, Узянского и Кагинского — следует сказать, что «падение фамилии» произошло только в отношении двух Авзяно-Петровских заводов. Они после продажи перешли к Михаилу Губину. Узянский чугуноплавильный и Кагинский железоделательный заводы после смерти бездетного Ивана Евдокимовича Демидова в 1823 году, хотя и оказались под опекой, но эти заводы пытались унаследовать другие ветви рода Демидовых. У наследников Ивана Евдокимовича образовалась та же проблема, что и у наследниц Твердышевых и Мясникова, — один чугуноплавильный завод и восемь претендентов на получение наследства, а в течение тридцати лет, пока тянулся раздел, их еще прибавилось.

Заводы Нижне- и Верхне-Кыштымские и Каслинский после смерти в 1804 году бездетного дворянина Н. Н. Демидова по завещанию 1786 года получил его племянник Петр Григорьевич Демидов. Он и продал их за бесценок в период континентальной блокады купцу Л. И. Расторгуеву.

Тем не менее часть заводладельцев, получивших наследство в период с 1802 по 1823 год, не стали ни продавать, ни делить между собой заводы, а продолжили нераздельное владение ими. Так, Нижний Троицкий, Верхний Троицкий, Усень-Ивановский медеплавильные заводы Осокиных, Богословский медеплавильный Глазовых, Преображенский медеплавильный Гусятниковых, десять

Сергинско-Уфалейских и Авзяно-Петровских чугуноплавильных и железоделательных заводов Губиных и пять заводов наследниц Расторгуева (Верхне- и Нижне-Кыштымские, Каслинский, Нязепетровский, Шемахинский) находились в нераздельном (совместном) владении. Причем братья Петр, Владимир, Дмитрий Гусятниковы, братья Константин и Павел Губины совместно владели своими заводами до 1838 года, а наследницы Расторгуева (Мария Львовна Харитонова и Екатерина Львовна Зотова) — до 1841 года.

В период царствования Павла I и Александра I из всех частных металлургических заводов Южного Урала были остановлены два медеплавильных — Архангельский (Шаранский) в 1795 году и Богословский на реке Кичуй в 1821 году. Остальные продолжали работу. Причем если для железоделательных заводов из-за падения экспорта железа в Англию условия их деятельности ухудшались, то для медеплавильных заводов из-за возможности экспортировать медь с 1807 года на европейский рынок значительно улучшились.

В силу того что статистических данных об экспорте железа и меди в Европу по отдельным заводам Южного Урала нет в открытых источниках, сейчас невозможно сказать, какие именно заводы и когда конкретно лишились возможности вывозить железо за границу. Но данные об общероссийском экспорте железа во второй половине XVIII — первой четверти XIX века известны. Если в 1794 году отпуск железа из России составлял 3885 тысяч пудов, то в послеблокадный период, с 1814 по 1824 год, в сред-

нем отпускалось только 1252 тысяч пудов. Таким образом, к концу царствования Александра I вывоз железа в Европу сократился в три раза. Тогда как меди было вывезено из России в период с 1821 по 1825 год значительное количество — 292 тысячи пудов. Дальнейшее увеличение ее экспорта в Европу сдерживали, как и падение вывоза железа в Великобританию, чрезвычайно высокие налоги на выплавку чугуна и меди в России. Не говоря уже об отсутствии беспощинного вывоза металла за границу и наличии премии за экспорт. В отношении Южного Урала сдерживающим фактором являлся и запрет на строительство металлургических заводов.

И последнее, что необходимо особо отметить. В России первой половины XIX века непрерывно действовали запретительные или почти запретительные тарифы на ввоз иностранного чугуна, железа, стали и меди. Даже самые либеральные тарифы 1816 и 1819 годов, разорившие легкую промышленность России, не сделали никаких уступок по отношению к импорту иностранного металла. Что и позволяло металлургическим заводам Южного Урала продолжать работу, находя места сбыта своей продукции на внутреннем рынке. Особенно это было важно для чугуноплавильных железоделательных заводов, терявших английский рынок железа. Тем не менее процессы, запущенные указом 1731 года, отменившим единонаследие, продолжали с каждым новым поколением наследников усложнять управление частными металлургическими заводами в России вообще и на Южном Урале в частности.

Экспорт железа в Северную Америку не мог заменить экспорт в Англию. В 1828–1830 годах в общероссийском экспорте на долю США приходилось лишь 4,5 процента. США имели потенциальные возможности для расширения собственного производства, и спрос на русские товары (железо, парусину) был ограничен [15]. Причем экспорт железа в североамериканские штаты имел весьма кратковременный период.

Список источников и литературы

1. Вирст Ф. Г. Рассуждения о некоторых предметах законодательства и управления финансами и коммерциею Российской империи : пер. с нем. СПб., 1807. 511 с.
2. Витевский В. Н. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 года : в 3 вып. Вып. 1. Казань, 1897.
3. ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 411.
4. Данилко Е. С. Ранняя история старообрядчества на Южном Урале: Особенности распространения и субконфессиональный состав // Вестн. Башк. гос. ун-та. 2006. Т. 11, № 3. С. 120–124.
5. Дебу И. Топографическое и статистическое описание Оренбургской губернии в нынешнем его состоянии. М., 1837.
6. Дмитриев А. В. Дом на Тарасовской. Семейная хроника одного купеческого рода // Урал. 2002. № 8.
7. Дмитриев А. Очерки из истории губернского города Перми с основания поселения до 1845 года. Пермь, 1889.
8. Злотников М. Ф. Континентальная блокада и Россия : в 2 ч. Ч. 2 : [рукоп.] // СПбФ АРАН. Ф. 908. Оп. 1. Д. 93.
9. Кулбахтин С. Н. Горнозаводское предпринимательство симбирского купца Г. И. Глазова на Южном Урале // Вестн. Башк. ун-та. 2013. Т. 18, № 2. С. 566–571.
10. Лепехин И. Продолжение Дневных записок путешествия академика и медицины доктора Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1770 году : в 2 ч. Ч. 2. СПб. : Имп. акад. наук, 1802.
11. Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. 4–5. Оренбург, 1905.
12. Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. 8. Оренбург, 1907.
13. Моисеев А. П. Немцы на Южном Урале. Челябинск : Изд-во Игора Розина, 2013.
14. Неклюдов Е. Г. Уральские заводчики в первой половине XIX в.: владельцы и владения. Ниж. Тагил, 2004.
15. Пак Чжи-Бэ. Российский экспорт в Великобританию в 1760–1825 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2005.
16. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830.
17. Рычков П. И. Топография оренбургская : в 2 ч. Ч. 2. СПб., 1762.
18. Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России. Т. 1 / под ред. В. И. Покровского. СПб., 1902.
19. Семенов В. Г., Семенова В. П. Губернаторы Оренбургского края. Оренбург, 1999.
20. Стариков Ф. М. Краткий исторический очерк Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1890.
21. Урал в Отечественной войне 1812 года / под ред. В. В. Данилевского. Свердловск, 1945.

22. Чупин Н. К. Записка о горном управлении и горном промысле на Урале в царствование Александра I // Горн. журн., 1878. Т. 3.
23. Ярцов А. С. Российская горная история : в 8 т. Т. 4, кн. 3 : [рукоп.] // Главная библиотека Санкт-Петербургского горного университета.

Лесостепь.
Фото: С. Арканов

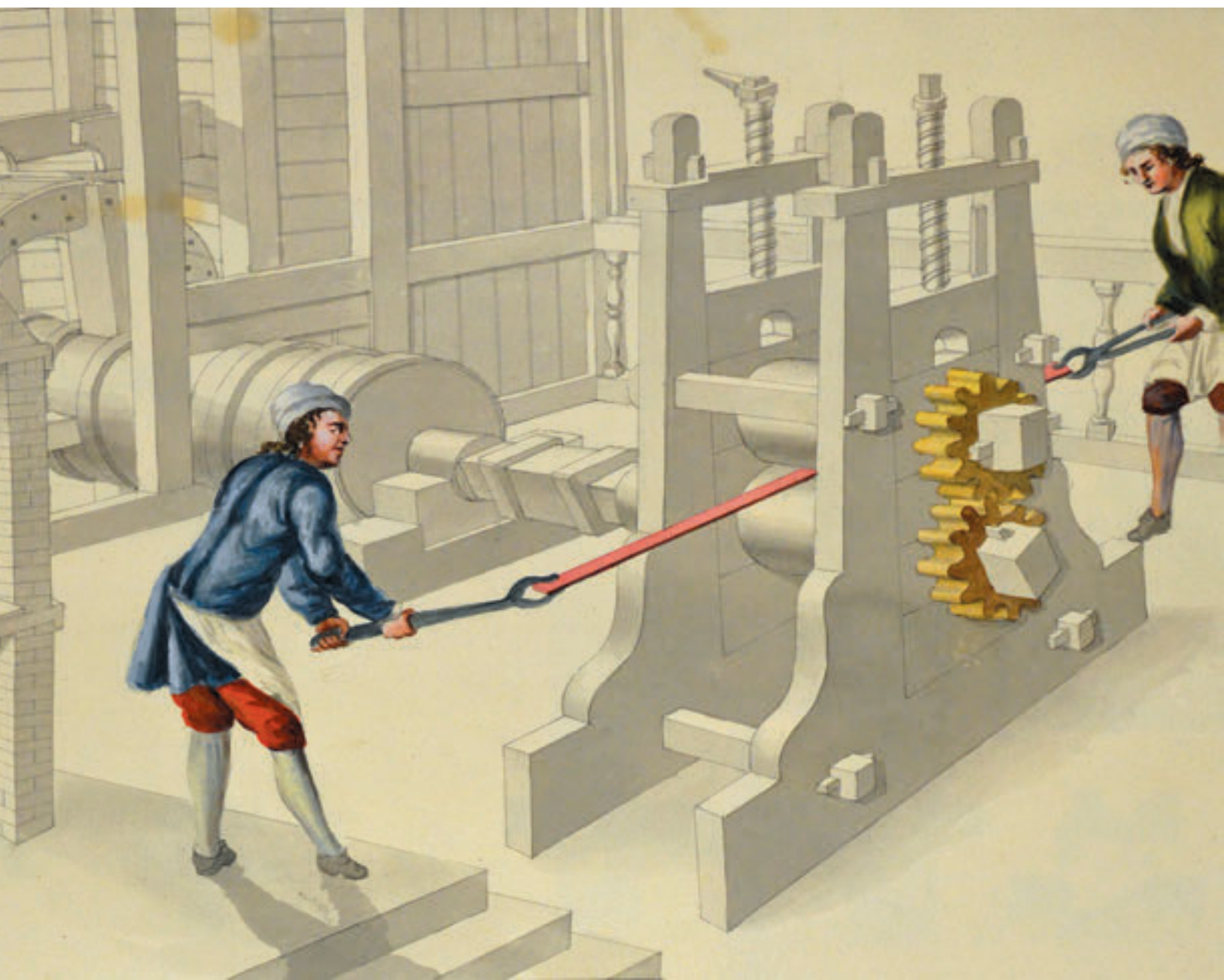

История Южного Урала

Том
Глава

ЦАРСТВОВАНИЕ
НИКОЛАЯ I
(1825–1855)

Глава 7. ЦАРСТВОВАНИЕ НИКОЛАЯ I (1825–1855)

При восшествии 14 декабря 1825 года на российский престол Николая I министр финансов граф Егор Францевич (Георг Людвиг) Канкрин, назначенный Александром I на этот пост в 1823 году, остался при своей должности. Учитывая, что металлургическая промышленность России во главе с Департаментом горных и соляных дел состояла в ведомстве министерства финансов, с приходом нового монарха каких-либо принципиальных изменений в ее структуре и управлении не произошло. Справедливости ради следует сказать, что попытка придать Департаменту горных и соляных дел с подотчетными ему горными правлениями статус самостоятельного министерства предпринималась в начале царствования Николая I. Но император, прислушавшись к мнению министра финансов, ограничился, как и его монарший брат, полумерой.

По предложению графа Канкрина была учреждена новая должность — главный начальник горных заводов Уральского хребта. «Цель назначения Главного начальника заводов Уральского хребта есть та,— говорится по этому поводу в Указе от 22 ноября 1826 года,— чтоб привести в лучшее устройство горную часть Уральского края вообще, сохранить единство в управлении заводами и иметь... надзор... по всем частям горного устройства, впредь до окончания пересмотра... Горного положения» [12, 1826, т. 1, № 687]. Причем в указе не было названо ни одной кандидатуры на эту должность. Если еще учесть, что пе-

Протяжка железных полос под большими валками для получения сортового железа [Де Геннин, Книга Сибирских горных заводов (рукопись).

Списано с оригинала дворянину Григорию Демидову. Часть 2. Архив ЛОИИ АН коллекция 115. Оп. 1. Кн. 1161. ч. 2. л. 23]

Николай I. Литография
М. А. Алофа по оригиналу

О. Верне. Середина XIX века
[Родина. 1993, №1, С.123]

ресмотра проекта Горного положения и через шесть лет не произошло, то становится очевидным, что должность главного начальника над всеми уральскими заводами учреждена была для иных целей. Изданный в 1832 году «Свод Устава Горного» об этом красноречиво свидетельствует. В нем сохранены все принципиальные положения проекта Горного положения 1806 года, изложенные графом Васильевым. [11, Т. XXIX, № 2208]

Егор Францевич (Георг Людвиг) Канкрин (1774 – 1845). Художник Георг Ботман (фрагмент). Министр финансов Российской империи с 1823 по 1844 год

В начале 1827 года на должность главного начальника заводов Уральского хребта Николай I назначил боевого генерала Александра Андреевича Богуславского. Его послужной список свидетельствует, что он в период с 1791 по 1816 год участвовал во всех главных сражениях русской армии. При Аустерлице был ранен, а за проявленную храбрость в Бородинском сражении награжден золотым оружием.

В чине генерал-майора 21 апреля 1827 года Богуславский приступил к исполнению своих обязанностей. Руководством к действию для боевого генерала стало утвержденное царем «Наставление», опубликованное в Указе от 22 ноября 1826 года. В его заключительном 52-м параграфе прописано, что «Главный начальник по особому поручению министра финансов, должен служить главным орудием на месте, представляя свои соображения и делая примечания к изготовляемым проектом новых постановлений, о коих ему сообщено будет» [12, 1826, т. 1, № 687].

Другими словами, императору Николаю I на Урале требовался «облеченный доверием правительства чиновник», который бы смог сохранить, не только «единство в управлении заводами», но и «иметь надзор по всем частям Горного устройства», включая сбор сведений о старообрядцах. Декабрьские события 1825 года, связанные с расстрелом восставших, следствие по «Делу 14 декабря», суд и казнь организаторов восстания предопределили дальнейшие шаги правительства Николая I. В поисках тайных заговорщиков вольно или невольно император и его сановники обратили особое внимание на старообрядческие общины, первоначально Петербурга и Москвы, а потом и Екатеринбурга с его частными металлургическими заводами.

Следует помнить, что при должности главного начальника уральских заводов Указом от 22 ноября

1826 года был утвержден и штат из восьми человек его личной канцелярии, причем с полным правом разбора дел, минуя Горное правление. Этим же указом в подчинение главного начальника заводов Уральского хребта были переданы и казенные Златоустовские заводы вместе с «тамошной оружейной фабрикою» [12, 1826, т. 1, № 687].

С самых первых дней царствования Николая I его правительство принимало меры к правильному исчислению раскольников. 26 февраля 1826 года было вынесено высочайшее повеление губернаторам, в котором предписывалось доставлять министру внутренних дел ежегодно к 1 января ведомости о численности раскольников разных сект и согласий [18, с. 463]. В дальнейшем, в 1830–40-е годы, была предпринята попытка всестороннего изучения раскола. Для этой цели был привлечен профессор Московского университета Николай Иванович Надеждин [Там же, с. 462]. В 1838 году его перевели в Петербург, где он начал службу в Министерстве внутренних дел в качестве чиновника по особым поручениям. Также с целью объединения духовной и светской власти в борьбе со старообрядчеством повсеместно были открыты секретно-совещательные комитеты. А в местах проживания старообрядцев был наложен запрет на старообрядческие часовни, скиты, иконы и книги.

Особенно изощренные меры «увещевания» были предприняты по отношению к богатым и влиятельным старообрядцам-беспоповцам. В их числе, как известно, были и те, кто владел крупными торговыми компаниями, золотыми промыслами и металлургическими заводами. При этом правительственные чиновники, убеждая беспоповцев перейти в единоверие, стремились нанести им наибольший экономический урон, совершенно не считаясь с тем, что вредят всей торгово-промышленной деятельности в России. Понимая всю пагубность своих действий, царские чиновники следствия по старообрядческим делам не возбуждали. Они находили другие нарушения, вплоть до уголовных («недоимки горному правлению», «неуплата податей», «жестокое обращение с рабочими», «хищение золота», «убийство беглых»), и уже по ним старались привлечь беспоповцев к административной или уголовной ответственности. Причем следствие по таким делам могло длиться годами. И все это по той простой причине, что правительственные чины и сам император Николай I «видели в раскольниках не столько церковных отце-

пенцев, нарушающих мир церкви, сколько тайных мятежников вообще, угрожающих нарушением государственного спокойствия» [18, с. 463].

Возобновление следственных дел на заводах наследниц Л. И. Расторгуева

На следующий год после смерти Александра I было возобновлено следствие по делам, начатым в 1822–1823 годах. В июле и августе 1826 года на заводах наследниц Расторгуева работала комиссия под руководством статского советника Пашенко, разбиравшая факты хищения золота на приисках. До этого, в 1823 году, после подавления волнений здесь действовала комиссия по крестьянским жалобам.

В 1827 году на заводы наследниц Расторгуева для ведения следствия Николай I командировал флигель-адъютанта полковника графа А. С. Строганова. В докладной записке императору Строганов отметил, что при управлении заводами Г. Ф. Зотовым весьма усилена добыча золота и усовершенствована выковка железа. Но при этом он пояснял: «Ни введение новых машин, ни особенные средства, заменяющие силы человеческие, не содействовали в том. Для увеличения доходов и ненасытного корыстолюбия стали работы возлагать без всякой соразмерности с силами человеческими, и вскоре засим строгая взыскательность обратилась в жестокость и тиранство».

Мастеровые и работные люди при допросах показали графу Строганову, что управляющий заводами, смотритель и приказчики «жестoko наказывают, домогаясь признания в краже золота, и за маловажные проступки секут розгами и кнутьями, бьют по лицу, топчут и содержат в железзах по несколько недель. От каковых истязаний были они больны от 2 недель до 4 месяцев и более». Жалобы рабочих подтвердились: при осмотре наказанных мастеровых и работных людей на их спинах были обнаружены засохшие черные полосы и рубцы от ударов плетью и палками. И это не удивительно, так как телесные наказания крестьян тогда еще не были отменены в России.

Экономическое и финансовое положение заводов наследниц Расторгуева при управлении Г. Ф. Зотова действительно значительно улучшилось. «Плавильное производство заводов Кыштымских,— говорится по этому поводу в одной из статей “Торного журнала” за 1832 год,— можно поставить в при-

мер всем прочим заводам империи. Полезно знать... какими средствами доведена на сих заводах плавка до такого совершенства, что на каждый пуд угля проплавляется два пуда руды и выплавляется более пуда чугуна. Между тем, как 25 лет тому назад на короб угля (25 пудов.— В. С.) проплавлялось на сих заводах 25–35 пудов руды и выплавлялось от 10 до 12 ¹/₂ пудов чугуна». В заключении статьи говорилось: «Не оспаривая, что введение березового угля содействует к выгодной плавке Кыштымских заводов, должно приписать улучшение оной одному и тому же лицу (Григорию Зотову.— В. С.), которое, доведя заводы Яковлева до настоящей степени совершенства, преобразовало столь выгодно заводы наследниц Расторгуева. Плавильное дело сих последних заводов, будучи прежде гораздо ниже первых, имеет ныне большое преимущество перед оными».

Несмотря на заметные успехи в металлургическом производстве, улучшение заводской жизни в целом, следствие не прекращалось весь зотовский период управления. Петру Яковлевичу Харитонову и Григорию Федотовичу Зотову ставилось в вину жестокое обращение с рабочими, хищение золота, убийство беглых и т. п. «Когда тянулось их дело,— говорится в архивном документе,— то из Перми приезжали губернатор и архиерей сговаривать их перейти в Единоверие, обещая прекращение процесса. Но уговоры не подействовали» [5, л. 2]. В 1837 году по высочайшему повелению Николая I старообрядцы-беспоповцы Харитонов и Зотов были сосланы в Финляндию (город Кексгольм). Петр Харитонов умер в Кексгольме 30 ноября 1838 года в возрасте 44 года. Точная дата и место смерти Григория Зотова пока не установлены.

Подготовка и утверждение нового положения об Оренбургском казачьем войске. Новолинейный район (1831–1844)

Генерал-лейтенант Петр Кириллович Эссен, назначенный Александром I на пост оренбургского военного губернатора в начале 1817 года, оставался в этой должности до 1830 года. Генерал Эссен, как и его предшественники, одновременно являлся управляющим гражданской частью Оренбургской губернии и командиром отдельного Оренбургского корпуса. Несмотря на оказанное доверие со стороны императора Николая I и продолжительный срок пребы-

вания на посту генерал-губернатора, при П. К. Эссене дело реформирования Оренбургского казачьего войска далее переименования гарнизонных батальонов в линейные так и не пошло. «Все гарнизонные батальоны... трех корпусов (Оренбургского, Сибирского, Кавказского), также Ставропольский и горные батальоны, переименовать линейными батальонами,— говорится в Указе от 19 апреля 1829 года,— присвоить им номера особо в каждом корпусе по порядку, начиная с батальонов, расположенных по крепостям с правого фланга. Эполеты у офицеров и погоны у нижних чинов иметь линейным батальонам: в Оренбургском корпусе светло-синие с № 26... на киверах иметь... установленную гренаду из белой жести с прорезным номером батальона» [12, 1829, т. 4, № 2825]. Всего было сформировано 16 оренбургских линейных батальонов, которые в соответствии с высочайше утвержденным 2 декабря 1830 года распоряжением и образовали четыре бригады.

Только с назначением оренбургским военным губернатором генерал-лейтенанта Павла Петровича Сухтелена процесс преобразования Оренбургского казачьего войска был запущен. 12 ноября 1831 года им была подана в главный штаб пространная записка по поводу составления нового положения для оренбургских казаков. По его мнению, для успешного реформирования войска необходимо было определиться как с войсковыми землями, так и с разными категориями населения, имевшими какое-либо отношение к казакам. В связи с чем он и предлагал: «1. Переименовать в казаки наличных нижних чинов четырех линейных батальонов — 4, 6, 8 и 10-го; 2. Причислить к войску всех белопахотных солдат, солдатских малолетков и шляхтичей, живущих на самой линии и внутри губернии; 3. Зачислить в казаки тех иноверцев, которые на линии и на 15-верстной линейной полосе и не пожелают переселиться вовнутрь губернии; 4. Причислить к войску слободы и поселки малолетков, шляхтичей и отставных казаков, причисляемых в казаки» [8, с. 177–178].

Записка, представленная генералом П. П. Сухтеленом, была изучена комитетом для рассмотрения проектов преобразования военной части в Оренбургском крае. 12 января 1832 года комитет постановил причислить к войску 4, 6, 8 и 10-й линейные батальоны, белопахотных солдат, солдатских малолетков и шляхтичей, которые пожелают поступить в казачье звание; отцов и детей лиц, перечисляемых к войску;

переселять на линию тех из них, кому недостает земли; включить в состав войска тех иноверцев, которые не согласятся на получение других земель и на переселение внутрь Оренбургской губернии [8, с. 222].

Дальнейшее преобразование Оренбургского казачьего войска под руководством П. П. Сухтелена было прервано его внезапной смертью. Генерал Сухтелен скончался 20 марта 1833 года и был погребен в ограде военной Петропавловской церкви Оренбурга [16, с. 81].

Поэтому дальнейшее практическое решение проблемы выпало уже на долю генерал-майора Василия Алексеевича Перовского, в срочном порядке назначенного на пост оренбургского военного губернатора. Причем В. А. Перовский по прямому указанию императора был наделен чрезвычайно широкими полномочиями, что и позволило ему продолжить начатое П. П. Сухтеленом реформирование оренбургского казачества.

Новолинейный район (1833–1844)

Проект новой оборонительной линии, составленный под руководством В. А. Перовского, был одобрен военным министром А. М. Чернышевым в 1834–1835 годах. Проект предполагал строительство между Орской крепостью и Березовским редутом по прямой через степь новой пограничной линии. В дальнейшем внутренние земли получили соответствующее название — «Новолинейный район». Его территория представляла собой треугольник, сторонами которого являлись две старые оборонительные линии — по реке Урал от Орской крепости на север, за Верхнеуральск, до Карагайского отряда (около 350 верст) и по реке Уй до Березовского редута (тоже около 350 верст) [1, с. 54]. По замыслу устроителей, как на месте в Оренбурге, так и в столице жителями новолинейных крепостей и укреплений должны были стать непременно казаки, которые при необходимости могли самостоятельно защитить от кочевников свои жилища. Поэтому в возводимые по Новой линии укрепления предполагалось переселить казаков из крепостей старой линии и из внутренних кантонов. Как уже упоминалось, в «казачье звание» были переведены солдаты «4, 6, 8 и 10-го оренбургских крепостных батальонов, размещавшихся в Верхнеуральской, Таналыцкой, Магнитной и Степной крепостях» [7,

Наследнинская (Наследницкая) крепость. 1835 год

Николаевская крепость. 1836 год

с. 15]. Их также предполагалось расселить по крепостям и редутам Новой линии.

По плану, протяженность Новой линии должна была составлять около 500 верст. Она делилась на пять дистанций, на каждой из которых возводилось полевое укрепление, обнесенное валом и оборудованное артиллерийскими позициями. Между крепостями планировалось построить редуты и летние пикеты.

Непосредственное строительство оборонительных укреплений началось в середине лета 1835 года одновременно со стороны Орска и со стороны Троицка. Вслед за строителями на линию стали прибывать и ее «поселяне». К осени того же года были основаны крепости Императорская, Наследнинская и Михайловская. На следующий год построено еще 12 полевых укреплений и крепостей: «Ниже-Озерная, Елизаветинская, Марининская, Атаманское, Екатерининская, Константиновское, Княжинское, Николаевское, Елининская, Надеждинская, Веринская, Варваринская». В 1837 году возведено еще 13 укреплений (крепостей): «Кумакское, Петровское,

Павловское, Андреевское, Анинская, Георгиевское, Ольгинская, Владимирское, Александровская, Софийская, Натальинская, Алексеевское и Кирилловское» [8, с. 177–178]. Из перечисленных 28 названий подавляющее большинство даны в честь царствовавших особ, великих князей и княгинь «большого дома Романовых». По мнению А. Н. Беликова, автором идеи присваивать такие названия военным укреплениям на Новой линии являлся оренбургский военный губернатор В. А. Перовский [2, с. 113].

Внутренняя же территория «треугольника» (Новолинейного района) была застроена станицами, причем только после выхода в свет «Высочайше утвержденного положения об Оренбургском казачьем войске» от 12 декабря 1840 года. Его реализация привела к кардинальным переменам практически во всех областях жизни и службы казаков. По новому положению «коренному изменению подверглось военно-административное устройство» [17, с. 153]. Войско было поделено на два военных округа, которые в свою очередь делились на десять полковых округов. Но в первую очередь по «Положению» решался земельный вопрос. На основании первого параграфа войско получало сплошную территорию земли на всем протяжении Оренбургской линии, от границ Сибири до пределов Уральского казачьего войска [17, с. 3]. В эту сплошную территорию и вошли земли Новоилецкого и Новолинейного районов. Принадлежавшие же казакам земли, дарованные им в XVI–XVIII веках, согласно второму параграфу, в состав определяемых войску земель не вошли. Все они передавались в ведомство Министерства государственных имуществ [12, т. 15, 1840, № 14041].

Строительство станиц в Новолинейном районе осуществлялось в 1842–1844 годах. Его территория заблаговременно была разделена на 32 участка. При этом преследовалась цель, чтобы «такие участки... могли обеспечивать средства к жизни и чтобы новые поселения восстановили ближайшие пути сообщения жителям двух линий для удобнейшего управления полковыми округами, охранения границы и облегчения во взаимных сношениях к развитию торговой и сельской промышленности» [14, л. 10–10 об.].

Во вновь возводимые станицы расселялись казаки 3-го и 5-го внутренних кантонов Оренбургского казачьего войска, поверстанные в казачье сословие белопахотные солдаты и солдатские малолетки, проживавшие в Бузулукском, Бугурусланском, Бугуль-

минском и Мензелинском уездах Оренбургской губернии, казаки упраздненного Ставропольского калмыцкого войска, государственные крестьяне, разночинцы, «башкирцы и мещеряки», «переселившиеся на войсковые земли». Первоначально предполагалось, что переселению на «Войсковые линейные земли» подлежат только те казаки, «которые сами пожелают остаться в Оренбургском казачьем войске». Однако вскоре добровольность была отменена и всем казакам внутренних кантонов предписывалось остаться с потомством своим навсегда в войске [3, л. 253–254].

Казаки 3-го кантона из станиц Уфимская, Табынская, Бакалинская и Нагайбацкая подлежали в массе своей переселению в Новолинейный район. На участке, отведенном 5-му полковому округу, переселенцы из станицы Уфимской основали станицу № 5 (Великопетровскую), из Табынской – станицу № 6 (Полтавскую). Казаки же из станиц Нагайбацкая и Бакалинская основали пять новых станиц: № 1 (Кассель), № 2 (Остроленскую), № 3 (Фершампенуаз), № 4 (Париж), № 8 (Требия). Всего в Новолинейном районе за период с 1842 по 1844 год казаками-переселенцами были построены 32 станицы.

Станица № 1 Кассель (ныне поселок Кассельский Нагайбакского района Челябинской области). названа в память о заграничном походе русской армии 1813–1814 годов. В результате дерзкого рейда казаков под командованием генерал-адъютанта графа А. И. Чернышева 1 октября 1813 года был освобожден от французов город Кассель (столица Вестфальского королевства, территория современной Германии). В составе отряда Чернышева в рейде участвовали казаки 3-го Оренбургского казачьего полка, сформированного в Бакалинской крепости Нагайбакской станицы 3-го кантона Оренбургского казачьего войска. В настоящее время — Бакалинский район Республики Башкортостан.

Станица № 2 Остроленская (поселок Остроленский Нагайбакского района Челябинской области) названа в память о разгроме русскими войсками под командованием генерала И. Дибича-Забалканского войска польских мятежников в ходе подавления Польского восстания 1830–1831 годов. В результате Остроленского сражения 26 мая 1831 года главные силы мятежников были разбиты. В подавлении восстания участвовали и казаки Оренбургского казачьего войска.

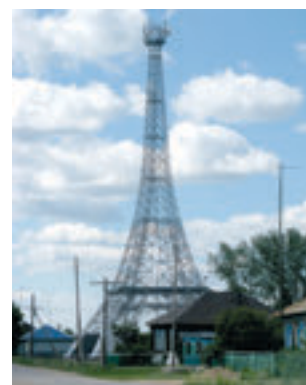
Станица № 3 Фершампенуаз (село Фершампенуаз Нагайбакского района Челябинской области) названа в память о заграничном походе русской армии 1813–1814 годов. При городке Фер-Шампенуаз 25 марта 1814 года произошло одно из последних крупных сражений союзных войск антифранцузской коалиции с армией Наполеона. Здесь были полностью разбиты войска наполеоновских маршалов Мармона и Мортье, а также дивизии Национальной гвардии под командованием Пакто и Аме. За ходом сражения наблюдал император Александр I, который вместе со своим конвоем въехал в гущу сражения, чтобы прекратить избиение казаками, уланами, драгунами и гусарами отступавших французов. В сражении принимал участие и 3-й Оренбургский казачий полк.

Станица № 4 Париж (село Париж Нагайбакского района Челябинской области) названа в память о походе русской армии 1813–1814 годов. Союзные войска 30 марта 1814 года в результате общего наступления захватили предместья Парижа. На следующий день столица Франции капитулировала. В штурме Парижа приняли участие и казаки 3-го Оренбургского казачьего полка.

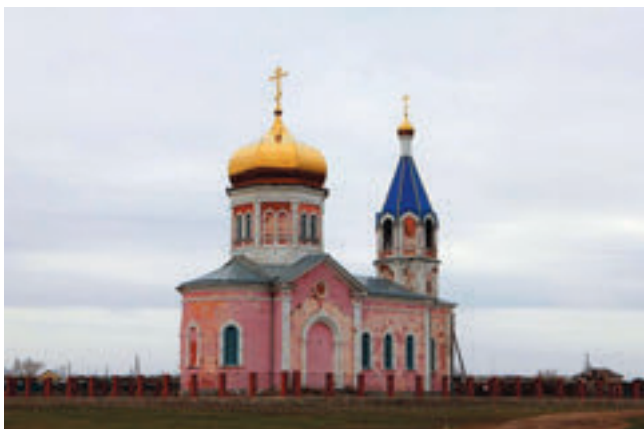
Станица № 5 Великопетровская (село Великопетровка Карталинского района Челябинской области)

Вывеска Фершампенуаз при въезде в село

«Эйфелева башня» в селе Париж. Челябинская область

Село Великопетровка
Церковь апостолов Петра
и Павла

названа в память о Петре I. В примечании к параграфу 4 «Правил переселения...» указано, что «станции, в которой построена, будет церковь, пожалованная императором Петром Великим Ставропольскому калмыцкому войску, называться Велико-Петровскою». Походную церковь во имя Воскресения Христова в 1725 году Петр I пожаловал калмыцкому владельцу Тайши (Петру Петровичу Тайшину) в память о принятии им крещения. В сопроводительном рапорте оренбургского военного губернатора В. А. Обручева к проекту о переселении от 30 ноября 1842 года на имя военного министра указано: «Прочим же станциям, предположенным к устройству между новой и старой линиями, не благоугодно ли будет разрешить дать наименование тех сражений, где российские войска в особенности отличились...»

Станица № 6 Полтавская названа в память о разгроме 8 июля 1709 года Петром I армии шведского короля Карла XII в сражении под Полтавой. (В 1914–1915 годах в ходе строительства участка железной дороги Троицк — Орск рядом со станцией Полтавской возник поселок Карталы, впоследствии слившийся со станцией. В 1944 году поселок Карталы получил статус города.)

Станица № 7 Елизаветпольская (село Елизаветпольское Карталинского района Челябинской области) названа в честь императрицы Елизаветы Алексеевны — супруги Александра I. В ходе Русско-персидской войны 1804–1813 годов 15 января 1804 года русские войска под командованием генерала П. Д. Цицианова штурмом овладели Гянджем (столица Гянджинского ханства, территория современного Азербайджана). После присоединения ханства

к России город Гяндж был переименован в Елизаветполь.

Станица № 8 Требия (поселок Требиятский Нагайбакского района Челябинской области) названа в память о битве русско-австрийской армии под командованием А. В. Суворова с французской армией Макдональда во время Итальянского похода 1799 года. Битва произошла в долине реки Треббии 15–20 июня 1799 года. Итальянский поход являлся частью войны Второй коалиции (в нее входили Великобритания, Австрия, Неаполитанское королевство, Россия и Турция) против Франции в 1799–1802 годах.

Станица № 9 Кацбахская (поселок Кацбахский Кизильского района Челябинской области) названа в память о походе русской армии 1813–1814 годов против наполеоновской Франции. Битва на реке Кацбах (Силезия) произошла 26 августа 1813 года между союзной русско-прусской армией под командованием прусского генерала Блюхера и французской армией под командованием маршала Макдональда.

Станица № 10 Полоцкая (село Полоцкое Кизильского района Челябинской области) названа в память об Отечественной войне 1812 года. Под Полоцком (Республика Беларусь) произошло два сражения между русскими и французскими войсками (17–18 августа и 18–20 октября 1812 года). И в первом, и во втором сражениях французским войскам противостояли русские войска под командованием генерал-лейтенанта Витгенштейна. В первом сражении основной задачей русских войск было не допустить продвижение французов к Санкт-Петербургу, что и было выполнено. Второе сражение происходило 19 октября 1812 года, когда армия Наполеона покидала Москву. В результате второго сражения русским войскам удалось освободить Полоцк от французов, что создало угрозу для путей снабжения войск Наполеона.

Станица № 11 Нови (поселок Новинка Кизильского района Челябинской области) названа в память о крупнейшем сражении во время Итальянского похода А. В. Суворова у городка Нови 15 августа 1799 года. Битва при Нови была одним из самых продолжительных и кровопролитных полевых сражений под командованием русского полководца.

Станица № 12 Рымникская (поселок Рымникский Брединского района Челябинской области) на-

звана в память о сражении 22 сентября 1789 года при реке Рымник (Румыния) во время Русско-турецкой войны 1787–1791 годов. В тот день в очередной раз проявился полководческий талант А. В. Суворова и было доказано превосходство русского военного искусства. Более чем сотысячная армия главного визи́ря Османской империи Юсуфа-паши была полностью разбита 25-тысячной русско-австрийской армией. Суворов был возведен в графское достоинство с наименованием «Рымникский» и награжден орденом Святого Георгия первой степени.

Станица № 13 Бреда (поселок Бреды, административный центр Брединского района Челябинской области) названа в память о походе русской армии 1813–1814 годов. Летучий отряд под командованием генерал-майора А. Х. Бенкендорфа 9 декабря 1813 года взял крепость Бреда и освободил территорию Нидерландов от французов.

Станица № 14 Аландская (село Аландское Кваркенского района Оренбургской области) названа в память о героическом переходе по льду Ботнического залива русских войск под командованием князя Багратиона. Во время Русско-шведской войны 1808–1809 годов 12-тысячный корпус Багратиона за три дня, с 3 по 6 марта 1809 года, пройдя по ледяным торосам 90 верст, занял главный остров Аландского архипелага (Финляндия). В ходе этого военного маневра было взято в плен более 2200 солдат противника и захвачены большие трофеи, в том числе зимовавшие во льдах шведские корабли. Ранним утром 7 марта передовой отряд казаков и гусар под командованием Я. П. Кульнева, за восемь часов преодолев еще 40 верст морских торосов, захватил шведский городок Грислегами. По окончании военной кампании Аландский архипелаг был присоединен к территории Российской империи.

Станица № 15 Бриенн (село Бриент Кваркенского района Оренбургской области) названа в память о заграничном походе русской армии 1813–1814 годов. У французского города Бриенн 29 января 1814 года Наполеон предпринял попытку разгромить Силезскую армию союзников под командованием прусского генерала Блюхера, рассредоточенную вокруг Бриенна. Стойкое сопротивление русских и прусских войск позволило 1 февраля 1814 года союзным войскам одержать победу. В сражении у Бриенна в казачьем отряде князя Щербатова был и 3-й Оренбургский казачий полк.

Станица № 16 Кваркен (село Кваркено, административный центр Кваркенского района Оренбургской области) названа в память о переходе по льду Кваркенского пролива шириной сто километров отряда численностью 3200 человек под командованием генерал-лейтенанта Барклая-де-Толли. В 300 километрах севернее маршрута корпуса Багратиона в период Русско-шведской войны 1808–1809 годов ранним утром 8 марта 1809 года вышел на лед Ботнического залива и отряд Барклая-де-Толли. Через 18 часов, преодолев морские торосы, пургу и метровый снег, отряд ступил на шведский берег. 10 марта 1809 года отряд Барклая-де-Толли захватил шведский город Умео.

Станица № 17 Адрианополь (поселок Адрианополь Кваркенского района Оренбургской области) названа в память о сдаче без боя 20 августа 1829 года численно превосходящего гарнизона турецкой крепости Адрианополь (город Эдирне, Турция) русским войскам под командованием генерала И. Дибича. За успешные действия в 1829 году генерал Дибич получил чин генерал-фельдмаршала и титул Забалканского. Русско-турецкая война 1828–1829 годов завершилась подписанием Адрианопольского договора.

Станица № 18 Кульм (село Кульма Кваркенского района Оренбургской области) названа в память о походе русской армии 1813–1814 годов. Под Кульмом (Хлумец, Чехия) 29–30 августа 1813 года была разбита армия французского генерала Вандамма. Сам главнокомандующий попал в русский плен. В сражении принимал участие 3-й Оренбургский казачий полк.

Станица № 19 Измаильская (поселок Измайловский Кизильского района Челябинской области) названа в память о взятии 22 декабря 1790 года генерал-аншефом А. В. Суворовым известной турецкой крепости Измаил (Украина) в ходе Русско-турецкой войны 1787–1791 годов.

Станица № 20 Браиловская (поселок Браиловский Кизильского района Челябинской области) названа в память о взятии 19 июня 1828 года турецкой крепости Браилов на реке Дунай (Брэилов, Румыния). После капитуляции Браилова в течение недели русским войскам сдались еще четыре турецкие крепости, расположенные на берегах Дуная. В составе русских войск воевали и казаки Оренбургского казачьего войска.

Станица № 21 Наваринская (поселок Наваринка Агаповского района Челябинской области) названа в память о взятии турецкой крепости Наварин (Пилос, Греция) морским десантом в 300 матросов с помощью корабельной артиллерии, бившей с двух линейных кораблей и одного фрегата, входивших в состав русской эскадры под командованием Г. А. Спиридова. Эти события произошли в ходе Первой Архипелагской экспедиции — похода кораблей Балтийского флота в Средиземное и Эгейское моря во время Русско-турецкой войны 1768–1774 годов. Осада крепости длилась с 10 по 21 апреля 1770 года.

Станица № 22 Варшавская (поселок Варшавка Карталинского района Челябинской области) названа в память о взятии Варшавы русскими войсками под командованием генерала И. Ф. Паскевича 6–8 сентября 1831 года в ходе подавления Польского восстания 1830–1831 годов. За взятие Варшавы И. Ф. Паскевич был удостоен княжеского титула князя Варшавского.

Станица № 23 Краснинская (поселок Краснинский Верхнеуральского района Челябинской области) названа в память о сражении Отечественной войны 1812 года у села Красного под Смоленском 3–5 ноября 1812 года, где русские войска под командованием генералов Милорадовича, Тормасова и Голицына нанесли значительный урон отступающей армии Наполеона. В сражении французы потеряли убитыми шесть тысяч человек и пленными 26 тысяч, а также практически всю артиллерию. Главнокомандующий русской армией М. И. Кутузов за сражение под Красным был удостоен титула князя Смоленского.

Станица № 24 Арси (поселок Арсинский Нагайбакского района Челябинской области) названа в память о походе русской армии 1813–1814 годов. Сражение при французском городке Арси-Сюр-Об главной союзной армии под командованием австрийского фельдмаршала Шварценберга с остатками наполеоновской армии произошло 20–21 марта 1814 года. Это была последняя битва, где Наполеон лично командовал войсками. Союзная армия, отбросив французов за реку Об, двинулась к Парижу. В сражении при Арси-Сюр-Об принимали участие и казаки 3-го Оренбургского казачьего полка.

Станица № 25 Березинская (поселок Березинский Чесменского района Челябинской области) на-

звана в память о сражении Отечественной войны 1812 года на реке Березине (Белоруссия) 26–29 ноября 1812 года. В составе Южной армии адмирала Чичагова в боях с французами в районе Березины принимали участие и казаки 1-го и 2-го Оренбургских казачьих полков.

Станица № 26 Бородинская (село Бородиновка Варненского района Челябинской области) названа в честь победы русских войск над французскими в Бородинском сражении 7 сентября 1812 года.

Станица № 27 Чесменская (село Чесма, административный центр Чесменского района Челябинской области) названа в память о полном разгроме турецкого флота в Чесменской бухте 5–7 июля 1770 года в ходе Русско-турецкой войны 1768–1774 годов.

Станица № 28 Тарутинская (село Тарутино Чесменского района Челябинской области) названа в память об Отечественной войне 1812 года. Сражение войск фельдмаршала М. И. Кутузова и французского маршала Мюрата в районе села Тарутино произошло 18 октября 1812 года (Тарутинский бой). В ходе него французские войска понесли значительные потери. Этот бой подтолкнул Наполеона ускорить вывод войск из Москвы, отступление началось 19 октября 1812 года.

Станица № 29 Лейпциг (село Лейпциг Варненского района Челябинской области) названа в память о походе русской армии 1813–1814 годов. Битва под Лейпцигом 16–19 октября 1813 года — крупнейшее сражение союзных войск России, Австрии, Пруссии и Швеции против армии Наполеона. После завершения битвы, принесшей французской армии большие потери, Наполеон отвел свои войска на территорию Франции.

Станица № 30 Варна (село Варна, административный центр Варненского района Челябинской области) названа в память о взятии турецкой крепости Варна (Болгария) в ходе Русско-турецкой войны 1828–1829 годов. Крепость была осаждена с суши и с моря. На первоначальном этапе операцию воз-

Село Лейпциг. Церковь Иконы Казанской Божией Матери

главлял генерал-лейтенант П. П. Сухтелен. В осадной эскадре Черноморского флота под командованием адмирала А. С. Грейга на корабле «Париж» находился император Николай I. В осаде Варны принимал участие и В. А. Перовский [9].

Станица № 31 Куликовская (поселок Куликовский Нагайбакского района Челябинской области) названа в память о Куликовской битве 8 сентября 1380 года.

Станица № 32 Берлин (поселок Берлин Троицкого района Челябинской области) названа в память о походе русской армии 1813–1814 годов. Ранним утром 4 марта 1813 года летучий казачий отряд генерал-майора А. П. Чернышева вошел практически без боя в оставленный неприятелем Берлин (столица Пруссии).

***

Кроме того, казаки из Бакалинской и Нагайбацкой станиц были заселены в Кундравинскую станицу на территории 7-го полкового округа в количестве «350 душ мужского пола». Их расселили наряду с изъявившими желание вступить «в казаки» крестьянами из поселков Краснокаменский, Болотово и 2-я Ключевка «Лягушино тож». В Верхнеуевельскую станицу было перемещено «140 душ м. п.», которых расселили среди «новоприборных» казаков в поселках Варламово (Верхнеуевельский) и Попово [9].

Переход и дробление металлургических заводов Южного Урала по праву наследования в период царствования Николая I (1826–1855)

Узянский (Верхне-Узянский) чугуноплавильный и железодельный, Кагинский железодельный заводы. В 1823 году свои права на Узянский и Кагинский заводы заявили вдова Аграфена Семеновна (единственная прямая наследница), родные братья покойного — генерал-майор Григорий Евдокимович, бригадир Аммос Евдокимович Демидовы, племянник статский советник Никита Васильевич Демидов, двоюродная внучка Екатерина Михайловна Хомутова и племянники (сыновья умершего Петра Евдокимовича Демидова) Дмитрий, Николай, Владимир и Петр Демидовы.

После смерти в 1826 году Григория Евдокимови-

ча Демидова его часть унаследовала вдова Амалия Христофоровна и дети Петр и Анна Демидовы.

После смерти в 1827 году Никиты Васильевича Демидова его часть наследства в Узянском и Кагинском заводах получили вдова Мария Петровна, дети покойного — совершеннолетние девицы Татьяна и Клавдия и малолетние Виктор, Прасковья и Никита Демидовы.

Таким образом, число наследников достигло 17, что еще больше усложнило раздел заводского имени, который по причине «неразрешенности долговых обязательств между наследниками» был отложен до 1830 года [10, с. 134]. Но и в этом году раздел вновь отсрочили, из-за того что некоторые наследники продали свои доли генерал-майору Андрею Ивановичу Пашкову. В 1834 году Сенат признал акт покупки А. И. Пашковым наследственных долей незаконным и отменил сделку, а Кагинский и Узянский заводы постановил взять «для предохранения от совершенного упадка» в казенное управление «по примеру заводов Кнауфа» [10, с. 135]. Генерал Пашков не смирился с потерей уже частично выкупленных долей наследства и подал встречный иск, который выиграл. В 1836 году Сенат пересмотрел свое прежнее решение и утвердил А. И. Пашкова в правах владения. А вместо казенного управления учредил на заводах казенный присмотр. Причем передача Узянского и Кагинского заводов в частное управление должна была состояться 1 мая 1837 года. Но и она не состоялась, а конфликт, теперь уже между А. И. Пашковым и Горным правлением, разгорелся с новой силой.

Споры и разного рода судебные разбирательства закончились со смертью Андрея Ивановича Пашко-

Андрей Иванович Пашков (1793 – 1850) «...скан из сборника биографий кавалергардов». Совладелец Белорецкого и Тирлянского заводов. Единолично управлял заводами с 1826 по 1850 годы

План Минского
железодельного завода
[ГАСО. Ф. 59. ОП. 7. Д. 425]

Дворец Белосельских-Белозерских у Аничьего моста на углу Невского проспекта № 41 и Набережной Фонтан-

ки. Архитектор А. И. Штакеншнейдер по заказу князя Эспера Александровича перестроил дворец в 1847 – 1848

годах, когда самого заказчика уже не было в живых. Автор: George Shuklin – собственная работа. Март 2008 год

ва в 1850 году, а его наследственные доли Кагинского, Узьянского и Белорецкого заводов перешли двум его дочерям — Евдокии Андреевне Рихтер и Александре Андреевне Пашковой. Тогда-то Государственный Совет и принял окончательное решение выставить Кагинский и Узьянский заводы на публичную продажу. Официальной причиной стали долги Демидовых и А. И. Пашкова в 300 тысяч рублей серебром, тогда как цена заводам была установлена в 64 797 рублей. Торги, назначенные на 1853 год, не состоялись «по неявке желающих торговаться». Лишь на повторных торгах в 1855 году Кагинский и Узьянский заводы купил петербургский купец второй гильдии М. Ф. Гротен.

1828, 1853 гг. Белорецкий чугуноплавильный и железоделательный, Тирлянский железоделательный заводы. После смерти Ивана Александровича Пашкова в 1828 году Белорецкий и Тирлянский заводы перешли по праву наследования вдове Евдокии Николаевне, четырем сыновьям — Андрею, Егору, Николаю, Сергею, и незамужней дочери Александре Пашковым. Еще при жизни Ивана Пашкова по его назначению с 1826 года заводами управлял вышедший в отставку генерал-майор Андрей Иванович Пашков. Это единоличное управление, но не владение было подтверждено «раздельным фамильным актом 1827 года» и продолжалось 22 года.

В период управления А. И. Пашкова в 1830 году Сенат принял решение перевести Белорецкий и Тирлянский заводы с владельческого на посессионное право владения. Но активное заступничество высокопоставленных чиновников повлияло на принятие окончательного решения в 1834 году, и заводы были оставлены на владельческом праве. В 1836 году из-за банковских недоимок Белорецкий и Тирлянский заводы находились в казенном присмотре, однако после их уплаты возвращены в частное управление, но ненадолго. В 1837 году был учрежден повторный казенный присмотр с правом «участвовать во всех частях управления». В 1840 году казенный присмотр по повелению императора заменили опекуномским управлением. Причем с такой формулировкой: «...впредь до окончания, производящегося между Пашковыми о разделе дела». Иными словами, все эти переводы из частного в казенное, из казенного в частное управление были связаны с разногласиями между наследниками. Они же являлись, помимо прочего, и причиной образования разного рода за-

долженностей, неуплаты процентов, отсутствия оборотных средств у заводов.

После смерти А. И. Пашкова в 1850 году Белорецкий и Тирлянский заводы по раздельному акту 1853 года перешли в общее владение его родных братьев — Николая Ивановича и Сергея Ивановича Пашковых. После официального утверждения раздела в 1854 году опека с заводов была снята [10, с. 174].

1830 год. Юрюзаньский чугуноплавильный и железоделательный, Минский железоделательный заводы. В 1830 году Анна Григорьевна Белосельская-Белозерская (Козицкая) отказалась от владения и управления «беспокойными Юрюзанскими заводами».

Анна Григорьевна, ее сын Эспер Александрович и дочь Екатерина Александровна Сухозанет¹ учинили «с общего между собой согласия отдельную записку». Вместо предназначенной Е. А. Сухозанет указной части наследства покойного родителя князя А. М. Белосельского-Белозерского мать отдавала

1

Ее муж Иван Онуфриевич Сухозанет (1788–1861) с 1819 года командир артиллерии Гвардейского корпуса. После расстрела декабристов на Сенатской площади 14 декабря 1825 года — генерал-лейтенант.

Екатерина Александровна Сухозанет (урожденная княжна Белосельская-Белозерская) (1804 – 1861). «...литография – скан» Владелица с 1830 года Юрюзань-Ивановского и Минского заводов

Иван Онуфриевич Сухозанет (1788 – 1861). Рисунок – Workshop of Джордж Дюу. Доверенное лицо Анны Григорьевны Белосельской-Белозерской и своей жены Екатерины Александровны по управлению Юрюзанским и Минским заводами

ей Юрюзань-Ивановский и Минский заводы с Кубовской и Картавлинской дачами и 2540 ревизских душ крепостных. Брат уступал ей псковское имение с 354 ревизскими душами и наличный капитал в миллион рублей. Со своей стороны Екатерина Александровна отказывалась за себя и своих наследников «от всякого притязания после смерти матери на получение какого-либо наследства». «Запись на выдел» утверждена Петербургской гражданской палатой 23 февраля 1831 года [10, с. 185].

Издание свода учреждений и уставов горного управления (Свод устава горного 1832 года)

Прежде чем переходить к характеристике «Свода Устава Горного» 1832 года, необходимо хотя бы кратко описать его предысторию. Само появление названия «Свод Устава Горного» всецело обязано «Второму отделению» собственной Его Императорского Величества канцелярии. Это отделение было образовано 4 апреля 1826 года вместо Комиссии составления законов (1796–1826) при Государственном Совете. Главной задачей «Второго отделения» являлось составление «Свода законов Российской империи». В отличие от Комиссии составления законов оно занималось тем, что приводило в порядок только действующие законы — то есть кодификацией. Фактическим руководителем кодификации являлся «главноуправляющий» «Вторым отделением» Михаил Михайлович Сперанский.

В силу того что в период царствования Николая I продолжал действовать «Проект Горного положения» 1806 года, его и привели чиновники «Второго отделения» в порядок под названием «Свод учреждений и уставов Горного управления», получивший в просторечии название «Горный устав 1832 года». Другими словами, даже с формальной точки зрения, это все тот же «Проект Горного положения» 1806 года, только без размытого рассуждения о должности пермского и вятского генерал-губернатора.

В «Своде Устава Горного» 1832 года однозначно сказано, что «горные промыслы и заводы состоят в ведении Министерства финансов». А восьмая статья подтверждала, что «министр финансов управляет ими посредством Департамента Горных и Соляных дел и местных их начальств» [15, ст. 7, 8]. Это возвращение централизованного управления ураль-

ской промышленностью было закреплено еще Указом от 25 июля 1811 года «Учреждения министерства финансов».

Так как это были действующие законы на момент кодификации, они и нашли свое отражение в «Своде учреждений и уставов горного управления 1832 г.». А все рассуждения графа Васильева по поводу неэффективного управления уральскими заводами из Петербурга независимой от Минфина Берг-коллегией являлись чистой воды инсинуацией. Высшим сановникам во главе с Александром I нужен был централизованный орган управления промышленностью, но только полностью подотчетный министру финансов. Данное пожелание Указа от 25 июля 1811 года исполнил третий министр финансов России Дмитрий Александрович Гурьев. Кодификация 1832 года это только подтвердила.

«Свод Устава Горного 1832 года» содержал статьи, которые еще как-то регламентировали тающий вывоз железа на европейский рынок, особенно в Великобританию. «Металлы и минералы могут быть отпускаемы и за границу,— говорится по этому поводу в статье 222,— когда сие не воспрещается... Тарифом» [15, ст. 222]. При этом подробно расписана только процедура оформления вывоза железа и стали. Причем роспись эта начиналась с предписания возврата 2/3 подати с выплавляемого чугуна при отпуске железа первоначально по азиатской границе [Там же, ст. 223]. И только потом речь зашла о морской торговле железом. При этом ее регламентировали более десятка статей. Данный факт свидетельствует, что на тот момент она еще что-то значила для российской внешней торговли [Там же, ст. 223–237]. Но, как показали дальнейшие события, ненадолго.

5 июля 1834 года вышел Указ «О дополнениях к Таможенному Уставу по Азиатской торговле». Его четвертый пункт предписывал: «Отпуск за границу железа, стали и изделий из оных производить впредь без пошлин чрез все Таможни и Заставы: Оренбургского, Сибирского и Астраханского округов, а с тем вместе возврат доменных податей отменить» [12, 1834, т. IX, № 7251]. Примечательно, что этот четвертый пункт и вошел без каких-либо поправок в следующие редакции Устава горного 1842 и 1857 годов. Причем он был единственным, кто регулировал вывоз железа и стали за границу и только через таможни и заставы Оренбургского, Сибирского и Астра-

ханского округов. Статьи, регулирующие морскую торговлю железом, уже не были включены в Устав горный 1842 и 1857 годов по причине ее отсутствия [15, ст. 536].

Нашло свое подтверждение в «Своде Устава Горного 1832 года» и высокое неравное налогообложение частных металлургических заводов Урала. Оно основывалось на том, что частные горные промыслы и заводы подразделялись, по действующему законодательству, на посессионные и владельческие (статьи 4, 5, 6 Устава 1832 года). «Владельцы посессионных заводов обязаны платить в казну по 15 процентов со всех... металлов и минералов. Подать сия взимается с золота, серебра, платины и меди в натуре, — говорится в статье 183 устава, — с чугуна деньгами по 12 копеек за пуд. Сверх сего, с доменных и медеплавильных печей взыскиваются оброчные деньги... с домен по 200 рублей с каждой, с медеплавильных печей по 10 рублей с каждой» [15, ст. 183].

В отношении владельческих заводов статья 265 предписывала: «Заводы владельческие платят в казну подать на том же основании, как состоящие на праве посессионном, но со следующей разностью: с золота, серебра, платины и меди в натуре вместо 15-ти по 10 процентов, а с чугуна деньгами, вместо 12 коп., по 8 коп. за пуд» [Там же, ст. 265].

Если чем и отличался «Устав горный 1832 года» от проекта устава 1806 года графа Васильева, так это еще большим ужесточением наказания за неплатеж горных податей. «За неплатеж горных податей всякого рода в установленные сроки, взыскивается пеня единовременно по 6 процентов со всей неоплаченной суммы, — говорится по этому поводу в его статье 214. — В случае, если мера сия окажется недействительною, надлежит секвестровать из наличных или, находя, в разных местах металлов и изделий, неисправному заводу принадлежащих, такое количество, какое на выручку податей и пени достаточно, быть может, предоставя самому содержателю завода продажу оных за наличные деньги. Если же таковых металлов и изделий, полагая те и другие по истинным заводским ценам, на уплату недоимок доставать не будет, тогда должно приступить к продаже самих заводов с публичного торга без... отлагательства, и из вырученных денег удовлетворить казну» [15, ст. 214].

11 ноября 1836 года вышел Указ «О казенном управлении, разделе и продаже частных горных заво-

дов», значение которого для понимания сложившейся в XIX веке ситуации с дроблением металлургических заводов трудно переоценить. В нем, что называется, сошлись и запоздалое реагирование на трудно разрешимые проблемы разделов горных заводов, и долги горному правлению, банкам, частным лицам, и, как следствие, крайние меры государственного контроля над горными заводами. Весь указ по-стаетейно анализировать не имеет смысла. Но остановиться на двух статьях, вошедших одна в Уставы горные 1842 и 1857 годов, а другая в пояснение к «Своду Законов гражданских», крайне важно! «Сверх определенных в законах обеспечительных мер... — говорится в дополнении к «Своду Устава Горного», — казенного присмотра, секвестра металлов и изделий и установления опеки, может на частных горных заводах учреждаемо быть и казенное управление, но не иначе, как по каким либо особенным уважениям, когда на то будет предварительное согласие министра финансов и воспоследует Высочайшее разрешение» [12, 1836, т. 11, № 9699]. По поводу «обеспечительных мер» сразу надо пояснить, что это не что иное, как инструмент выбивания казенных податей, налагаемых на металлургические заводы. Также эта статья развязывала руки высшим российским сановникам во главе с императором Николаем I в борьбе со старообрядчеством. Тот же инструмент, но теперь уже по принуждению старообрядцев-беспоповцев к переходу в единоверие. Он был применен в 1837 году по отношению к совладельцу Петру Яковлевичу Харитонову и негласному управляющему заводами наследниц Расторгуева — Григорию Федотовичу Зотову. После отказа П. Я. Харитонova и Г. Ф. Зотова перейти в единоверие они были лишены всех гражданских прав и отправлены в ссылку, а заводы наследниц в 1842 году взяты в казенное управление. Причем формальным поводом для взятия в казенное управление стали «накопившиеся долги Горному правлению».

В пояснении к статье 815 «Свода Законов гражданских» подтверждался указ Петра III от 20 апреля 1762 года, который, признав заводы и фабрики за недвижимое имение, а единый завод — за неделимую часть, не запрещал раздел нескольких заводов на наследственные доли. «При разделах как посессионных, так и на владельческом праве состоящих горных заводов, — говорится в Указе от 11 ноября 1836 года, — не воспрещается из общей оных массы выделять один и

Михаил Васильевич Пашков (1802 – 1863). Автор Клиндер Александр Иванович. Совместно с братьями Александром и Иваном Пашковыми владел с 1835 года Воскресенским, Верхоторским, Богоявленским медеплавильными заводами

более заводов, но токмо таких, кои, по засвидетельствованию Горного правления, продолжать могут действие свое независимо от прочих, и без которых остальные из разделенных заводов совершенно обойтись в состоянии» [12, 1836, т. 11, № 9699, ст. 5].

Таким образом, дальнейшее дробление горных заводов Южного Урала на наследственные доли из «одного завода и более» было predetermined. Случайно или нет, но в 1838 году произошел крупный раздел десяти Сергинско-Уфалейских и Авзяно-Петровских заводов между Павлом и Константином Губинными. Причем после этого раздела у заводоладельцев и начались проблемы как в управлении заводами, так и во владении арендными башкирскими землями. В этом же 1838 году наследники Петра Михайловича Гусятникова, совместно владевшие Преображенским заводом, продали его Михаилу Васильевичу Пашкову.

Переход и дробление металлургических заводов Южного Урала по праву наследования в период царствования Николая I (продолжение)

1834–1835 годы. Воскресенский, Верхоторский, Богоявленский медеплавильные заводы. Генерал-майор Василий Александрович Пашков, получивший по разделу 1803 года Воскресенский и Верхоторский заводы, владел ими более четверти века. В 1834 году он купил у Петра Петровича Бекетова Богоявленский медеплавильный завод. После его смерти в том же году заводы унаследовала его вдова Екатерина Александровна Пашкова (урожденная графиня Толстая). После ее смерти, последовавшей в 1835 году, Воскресенский, Верхоторский и Богояв-

ленский заводы перешли в общее владение отставному генерал-майору Александру Васильевичу, гвардии ротмистру Михаилу Васильевичу и отставному гвардии штаб-ротмистру Ивану Васильевичу Пашковым.

1835 год. Благовещенский медеплавильный завод. Три родные замужние сестры братьев Пашковых, получившие приданое, в совместном владении Воскресенским, Верхоторским и Богоявленским заводами не участвовали. Только младшая Елизавета Васильевна, вышедшая замуж за Дмитрия Васильевича Дашкова, купила независимо от братьев у А. П. Полторацкой Благовещенский медеплавильный завод, которым и владела до 1890 года.

1838 год. Преображенский медеплавильный завод. Аналогично поступил и Михаил Васильевич Пашков, купивший вне совместного владения у наследников Петра Михайловича Гусятникова Преображенский медеплавильный завод, причем вместе с банковским долгом. М. В. Пашков владел заводом до своей смерти, последовавшей в 1863 году [10, с. 175–178].

1837 год. Симский чугуноплавильный и железоделательный, Миньярский железоделательный заводы. После смерти Александра Дмитриевича Балашева в 1837 году «по завещанию и раздельному акту» заводы унаследовали его сыновья от брака с Еленой Петровной Бекетовой (1779–1823) — Петр Александрович, Иван Александрович (штабс-капитаны), капитан Александр Александрович Балашевы. После гибели на Кавказе в 1841 году бездетного Ивана Александровича его наследственная часть в заводах перешла в общее владение братьев. Их совместное владение Симским и Миньярским заводами продолжалось до 1845 года.

Александр Дмитриевич Балашев (1770 – 1837). Джордж. После смерти второй жены Елены Петровны Бекетовой (1799 – 1823) стал владельцем Симского и Миньярского заводов. В 1837 году эти заводы и перешли по наследству его сыновьям Петру, Ивану и Александру Балашевым

План Нижне-Уфалейского завода с назначением правильного расположения

новых кварталов для будущего их заселения. 1842 год [ГАСО. Ф. 59. ОП. 7. Д. 941]

1838 год. Авзяно-Петровские, Сергинско-Уфалейские чугуноплавильные и железодельные заводы. Чугуноплавильные и железодельные заводы Верхний и Нижний Сергинские, Атигский, Козинский, Михайловский, Верхний и Нижний Уфалейские, Суховязский, Верхний и Нижний Авзяно-Петровские находились в нераздельном владении братьев Павла и Константина Губиных с 1818 по 1838 год. В апреле 1838 года ими был подписан акт «миролюбивого раздела».

Старшему брату Павлу Михайловичу Губину достались два Авзяно-Петровских завода, Успенская бумажная и Спасская миткалевая фабрики, каменный дом и торговые лавки в Москве. Константин Михайлович Губин получил Верхний и Нижний Сергинские, Атигский, Козинский, Михайловский, Верхний и Нижний Уфалейские, Суховязский заводы.

Издание «Свода учреждений и уставов горного управления» («Свод Устава Горного 1842 года»)

«Свод Устава Горного 1842 года» каких-либо принципиальных отличий от «Проекта горного положения 1806 года» и «Устава Горного 1832 года» не имел. Даже введение Указом от 1 января 1834 года в состав Минфина военизированного корпуса горных инженеров [12, т. 9, 1834, № 6685] не внесло изменений в характер управления горными заводами [15, ст. 9–52]. Тем не менее там было несколько дополнений к статьям о податях, о башкирских и войсковых землях, о праве наследования заводов, о которых необходимо рассказать подробнее.

Указ от 9 ноября 1839 года предписывал перевести с 1 января 1840 года все государственные доходы, расходы и платежи в серебро [12, т. 14, 1839, № 12867]. Эти изменения и нашли свое отражение в «Уставе Горном 1842 года» в разделе о податях. Владельцы посессионных заводов помимо платы в казну 15 процентов натурой с золота, серебра, платины и меди обязаны были вместо 12 копеек с пуда выплавленного чугуна платить по $3\frac{3}{4}$ копейки серебром. Соответственно с доменных и медеплавильных печей оброчные деньги взыскивались: с домен — по 60 рублей серебром (вместо 200 рублей); с медеплавильных печек — по три рубля серебром (вместо 10 рублей). «Заводы владельческие платят в казну подать на том же основании, как состоящие на праве посессионном, — говорится в статье 563 «Устава Горного 1842 года», — вместо 15 процентов с золота, серебра, платины и меди по 10 процентов, а с чугуна деньгами вместо $3\frac{3}{4}$ копейки [серебром] по две копейки с половиною серебром за пуд» [15, ст. 563]. Эти две с половиною копейки соответствовали восьми дореформенным копейкам.

В связи с началом интенсивной частной золотодобычи на Южном Урале правительство вынуждено было определиться и с башкирскими землями. Указом от 10 апреля 1832 года «о правах Башкирцев на принадлежащие им земли в Оренбургском крае» правительство признало башкирских вотчинников владельцами всех тех земель, какие им тогда бесспорно принадлежали. Этим же указом был отменен запрет на продажу башкирских земель. «Прекратить действие указа 11 октября 1818 года, — говорится по этому поводу в его второй статье, — коим воспреще-

на была продажа Башкирских земель». А его седьмая статья разрешала башкирам отдавать земли во временное содержание посторонним людям [12, т. 17, 1832, № 5287]. Все вышеуказанные положения и вошли в статью 442 «Устава Горного 1842 года» [15, ст. 442].

Следующая статья 443 горного устава 1842 года регулировала правила недропользования на землях Оренбургского казачьего войска. «Взамен благородных металлов... открытых или вновь могущих открыться в недрах войсковой земли, — говорится по этому поводу в статье 443, — которые поступают в принадлежность казны, отпускается ежегодно из государственного казначейства 42 857 рублей $14\frac{1}{4}$ копеек серебром. Для разработки рудников медных, чугунных и других... войсковому начальству предоставляется входить с частными лицами об отдаче... участков земли в условия с взысканием... оброчной платы» [15, ст. 443].

Статьи 476, 477 и 478 «Устава Горного 1842 года» полностью подтверждали положения Указа от 11 ноября 1836 года «О казенном управлении, разделе и продаже частных горных заводов». Если говорить точнее, то они были на его основе и составлены. «Правила, изложенные в статье 477 о праве наследников или участников в посессионных горных заводах продавать свое в оных участие, — говорится по этому поводу в статье 562 Устава горного, — и в статье 478 о выделе наследникам из общей массы посессионных горных заводов при разделах одного или более завода, распространяются в равной степени и на заводы, состоящие на полном праве владельческом» [15, ст. 562].

Таким образом, дальнейшее дробление горных заводов Южного Урала на наследственные доли из «одного завода и более» было закреплено и в «Уставе Горном 1842 года».

Переход и дробление металлургических заводов Южного Урала по праву наследования в период царствования Николая I (продолжение)

1840–1852 годы. Попытка раздела и взятие заводов наследниц Расторгуева в казенное управление. Со смертью П. Я. Харитоновой и удалением от дел Г. Ф. Зотова в 1840 году М. Л. Харитоновой и Е. Л. Зотова сделали на имение раздельную запись, по которой горные заводы отходили Екатерине Зотовой, а недвижимое в разных местах и 700 000 рублей серебром — Марии Харитоновой. По случаю залога горнозаводского имения в Государственный заемный банк эта запись была представлена на утверждение министру финансов, но министр не дал согласия, и разделение имущества не состоялось. Тогда М. Л. Харитоновой, отказавшись от разделения горнозаводского имения, вступила вновь в общее с сестрою владение им.

В июне 1841 года М. Л. Харитоновой выдала особую доверенность на управление заводами купцу Расторгуеву (родственнику Л. И. Расторгуева). Но этому в категоричной форме воспротивилась Е. Л. Зотова. Тогда-то для заводов округа вновь наступили нелегкие дни. Заводское хозяйство и финансы из-за безвластия пришли в полное расстройство. Из донесения заводского исправника видно, что рабочим людям было выдано в ноябре 1842 года только восемь тысяч рублей ассигнациями, тогда как им следовало получить более 86 тысяч рублей серебром. По предложению горного начальника от 14 декабря 1842 года заводы наследниц Расторгуева снова были взяты в государственное управление. По постановлению Уральского горного правления от 17 декабря 1842 года, с целью постоянного пребывания в этих заводах был командирован титулярный советник Закожурников, снабженный соответствующими инструкциями.

Становление художественного литья из чугуна на Каслинском заводе в период казенного управления (1843–1852)

Как выше было сказано, ручные доменки проработали на Каслинском заводе до 1840 года. В 1841 году их демонтировали, а взамен построили ваграночную печь, превосходившую их по производительности.

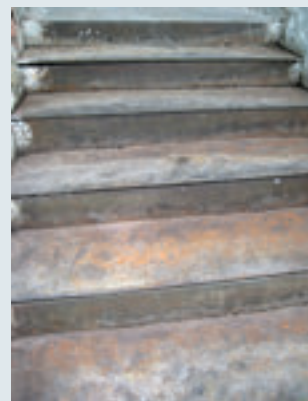
Заслуга внедрения ваграночного производства всецело принадлежит управляющему заводами наследниц Расторгуева — Федору Егоровичу Петрову.

С пуском первой вагранки завод не только увеличил выпуск чугунной (опойчатой) посуды, печного литья, но и расширил сортамент ваграночной продукции. По тем же заводским отчетам и рапортам отчетливо прослеживается, что в 1843–1845 годах начался выпуск декоративно-прикладных изделий, или, как указывалось в заводских документах, «кабинетных вещей». Первоначально это были подсвечники, «узорчатые тарелочки», тарелочки для марок. Также было налажено производство парково-садовой мебели (двух- и четырехместных диванов и чугунных кресел) и увеличен выпуск чугунных плит для пола. Их отливка, как и чугунной (опойчатой) посуды, производилась в сырые песчаные формы. Причем художественное литье продолжительное время не выделялось в отчетах в отдельную строку, а шло в списке «посуда чугунная». Такая запись продолжалась до конца 1870-х годов. И если смотреть только годовые отчеты, то невозможно найти никаких следов промышленного производства художественного литья.

Только благодаря мелкой отчетности удалось обнаружить небольшие партии как подсвечников, декоративных тарелочек, так и чугунной мебели. Например, за ноябрь 1844 года было отлито 36 подсвечников, 19 тарелочек. В декабре 1844 года было отлито 500 пудов 20 фунтов посуды, в том числе художественные вещи — 52 подсвечника и 17 тарелочек. Из парково-садовой мебели в декабре отлили пять диванов. Другими словами, в 1840-е годы счет выпускаемых художественных вещей шел на шуточки, а в заводской отчетности они никак не выделялись из общей массы ваграночного литья.

Таким образом, вполне определенно можно сказать, что в первой половине XIX века Каслинский завод хорошо освоил лишь чугунное литье в сырые песчаные формы. С помощью этого метода производилась отливка артиллерийских снарядов, чугунной (опойчатой) посуды, чугунных плит для пола, парково-садовой мебели и декоративно-прикладных (кабинетных) вещей, таких как подсвечники, «узорчатые» тарелочки, тарелочки для марок.

По поводу внешнего вида чугунных плит для пола как простейшего изделия архитектурного литья следует отметить одну важную особенность. Вопреки

Чугунные плиты на ступенях парадного крыльца не имеют орнамента.
Фото: В. Свистунов

Надгробие на могиле Д. Горбуновой.
Фото: В. Свистунов

Общий вид парадного крыльца заводского госпиталя в Каслях. Фото: В. Свистунов

Надгробие на могиле А. Трутнева.
Фото: В. Свистунов

Общий вид решетки парадного крыльца заводского госпиталя в Каслях.
Фото: В. Свиштунов

Место крепления решетки и перил к колонне крыльца. На фотографии просматривается массивность и тяжеловесность решетки и самих

перил. В начале XX века этот тип изделия уже не числился в модельном ряду Каслинского завода.
Фото: В. Свиштунов

Клеймо формовщика Дунаева.
Фото: В. Свиштунов

Памятник-часовня.
Фото: В. Свиштунов

Вид на уцелевшую северную часть балкона колокольни Вознесенской церкви в Каслях. Решетка отлита, вероятнее всего, по модели № 19 Каслинского завода.

Столбики больше похожи на модель № 12, которая к началу XX века имела более упрощенное навершие в виде шара.
Фото: В. Свистунов

Уцелевшая западная часть балкона. Сравнение решетки балкона колокольни с решеткой парадного крыльца заводского госпиталя в Каслях демонстрирует, как далеко

шагнули каслинские литейщики в своем мастерстве. В данном случае использованы более совершенные модели архитектурных решеток и столбиков. Фото: В. Свистунов

широко распространенному мнению об их узорчатом изначальном характере на Каслинском заводе эти чугунные плиты первоначально отливались без какого-либо узора. Подтверждением сказанному могут служить прямоугольные плиты-ступени парадного крыльца заводского госпиталя в Каслях. Отлитые из чугуна в 1829–1830 годах, они не имеют даже намек на какой-либо узор. У них совершенно гладкая поверхность. Основанием для датировки чугунных ступеней служит год окончательной постройки каслинского заводского госпиталя — 1830-й².

Предположительно, в конце 1840-х — начале 1850-х годов на Каслинском заводе началась отливка чугунных надгробий и архитектурных решеток. Примером могут служить две чугунные надгробные плиты и памятник-часовня, сохранивши-

2

Эта дата взята из архивных документов дореволюционного периода, тогда как в паспорте Бюро технической инвентаризации (БТИ) указан 1825 год.

ся на территории Вознесенской церкви в Каслях. Отливка памятника-часовни, исходя из содержания эпитафии, датируется 1851 годом. Конструкция памятника проста и изящна. Текст эпитафии, помещенный с трех сторон основания, образуя затейливую вязь, служит украшением памятника. На надгробных плитах даты производства нет, но, судя по идентичности компоновки христианской символики-голгофы с текстом-эпитафией, они могли быть отлиты в конце 1840-х — начале 1850-х годов. На одной чугунной плите, помимо заводского клейма «КАС. З.», поставлено личное клеймо формовщика «Г. ДУНАЕВ». Образцами отливаемых архитектурных решеток могут служить решетки парадного входа заводского госпиталя в Каслях и балкона колокольни той же Вознесенской церкви в Каслях. О более раннем производстве подобных архитектурных отливок Каслинского завода пока нет никаких сведений, но их производство вероятно.

Документальным подтверждением того, что 1840-е годы являлись периодом становления художественного литья из чугуна (причем только в сырые песчаные формы) в Каслинском заводе, служит рапорт начальника Златоустовских заводов, поданный им 15 января 1849 года в Главное правление горных заводов в Екатеринбурге. Там однозначно говорится, что «господин Петров (управляющий Кыштымским горным округом.— В. С.) хотя согласился принять в Каслинском заводе отливку орнаментов и украшений к... памятнику [Александру I на одноименном золотом прииске], но вслед за тем от 4... декабря за № 128 отозвался, что по большому числу украшений в рисунке для памятника назначенных и требующих в работе своей большой отчетливости, нельзя обойтись без резчика и чеканщиков, которых там нет, а заводы Златоустовские снабдить ими не могут, то по этим обстоятельствам, не имея возможности исполнить заказ, он должен от приготовления украшений для колонны и вообще от памятника отказаться» [4]. Искусный резчик по дереву, а равно и художник, говоря словами управляющего Ф. Е. Петрова, были необходимы для того, чтобы «составить и расположить шаблоны и рисунки орнаментам и украшениям в настоящую их величину, сняв оные по масштабу с чертежа памятника» [Там же].

Из указанного документа однозначно следует, что в 1848–1849 годах Каслинский завод не имел квалифицированных резчиков по дереву, чеканщиков и художников, не говоря уже о скульпторе, которые могли бы самостоятельно изготовить сложные деревянные и металлические модели. Отсутствие таких мастеров в штате Каслинского завода наглядно демонстрирует уровень развития художественного литья, существовавший до прихода Г. В. Дружинина на должность поверенного со стороны М. Л. Харитоновой в управление Кыштымским горным округом. Причем как вышеуказанные, так и другие выявленные документы убедительно свидетельствуют, что в 1840-е годы формовщики Каслинского завода еще не освоили кусковую формовку всухую. Это означает, что завод еще не отливал круглую (объемную) скульптуру.

Кананикольский медеплавильный завод (1841–1848)

После смерти Петра Ивановича Мосолова заводские дела ухудшились, и завод 21 августа 1841 года перешел в опекуновское управление. Поводом стало беззаботное управление, при котором Кананикольский завод несколько лет не работал, и на нем накопилось 7787 рублей недоимок. В довершение ко всему после двух лет опекуновского управления возник конфликт между представителями опеки и Горным правлением.

После смерти генерал-майора Федора Ивановича Мосолова в 1844 году Петербургская гражданская палата признала его наследницами родную сестру Елизавету Ивановну Шешукову (вдова вице-адмирала Н. И. Шешукова) и в «законной части» вдову Ольгу Николаевну Мосолову (урожденную Бороздину). Адмиральша, получив права на владение наследством, выдала доверенность на управление заводом своему сыну от первого брака Александру Петровичу Загряжскому.

Пытаясь снять опеку, А. П. Загряжский начал подавать прошения на имя министра финансов Ф. П. Вронченко. В прошениях Загряжский утверждал, что «опекунское управление доселе не представило выгодных результатов ни для владельца, ни для казны». По замечанию представителя опеки Тимашева, было «невыгодно по требованию дворянской опеки отправлять медь в Оренбург дорогостоящим сухим путем и продавать там по мелочам и низким ценам» [10, с. 284–285].

В 1845 году, используя свои связи в высших кругах Петербурга, наследницы получили под залог Кананикольского завода ссуду в Государственном заемном банке. Из полученной ссуды в 120 тысяч рублей

Федор Иванович Мосолов
(1771 – 1844)

серебром был вычтен долг Горному правлению, и опеку сняли.

В 1848 году по добровольному согласию между наследницами Кананикольский завод перешел к сестре Ф. И. Мосолова Елизавете Ивановне Шешуковой. Она владела единолично заводом до своей смерти в 1864 году. По доверенности матери все это время заводом управлял ее единственный сын и наследник А. П. Загряжский. Годы его владения перед закрытием завода проходили под постоянной угрозой дворянской опеки [10, с. 285–292]. Кананикольский завод был остановлен в 1869 году, окончательно закрыт в 1871 году.

Введение двойного управления на заводах наследниц Расторгуева

Через девять лет, 23 февраля 1852 года, Совет министра финансов подтвердил согласие всех наследников и снял казенное управление. Заводы перешли к наследницам Екатерине Львовне Зотовой и Марии Львовне Харитоновой. Но в силу непримиримых противоречий между ними пришлось вводить двойное управление. Управляющим со стороны Е. Л. Зотовой стал титулярный советник Лев Николаевич Деханов, со стороны М. Л. Харитоновой — надвор-

Усть-Катавский завод.
Вид с горы Шихан

ный советник Дмитрий Филимонович Аверьянов. Оба управляющих имели равные права, один мог отменить в любой момент распоряжение другого, что порой приводило к полной дезорганизации управления заводами.

1845 год. Симский чугуноплавильный и железоделательный, Миньярский железоделательный заводы. В 1845 году между братьями Петром и Александром Балашовыми состоялся раздел имущества, по которому Симский и Миньярский заводы отошли камергеру Петру Александровичу Балашову. После его смерти, последовавшей в том же 1845 году, заводы унаследовали два его малолетних сына от брака с графиней А. И. Паскевич-Эриванской —

Князь Александр Федорович Голицын (1796 – 1864).
Неизвестный художник.
Опекун малолетних Николая и Ивана Балашовых

Николай и Иван Балашовы. Братья были взяты в опеку действительным тайным советником князем А. Ф. Голицыным [10, с. 166].

1846, 1861 годы. Катав-Ивановский чугуноплавильный и железоделательный, Усть-Катавский железоделательный заводы. После смерти в 1846 году Анны Григорьевны Белосельской-Белозерской (Козицкой) Катавский и Усть-Катавский заводы перешли по наследству князю Эсперу Александровичу Белосельскому-Белозерскому. После его смерти, произошедшей в том же году, заводы унаследовала его вдова Елена Павловна, вскоре вышедшая замуж за Василия Викторовича Кочубея, малолетний Константин и незамужние Елизавета и Ольга Белосельские-Белозерские. До совершеннолетия Константина заводы находились в совместном владении. В 1861 году Катав-Ивановский и Усть-Катавский заводы перешли во владение к Константину Эсперовичу Белосельскому-Белозерскому. Сестры получили «выдел деньгами».

1847 год. Богословский медеплавильный завод. Дворянин Петр Иванович Шелашников в 1834 году купил в Бугульминском уезде Оренбургской губернии имение коллежского асессора

Князь Эспер Александрович Белосельский-Белозерский (1802 – 1846). Умер в один год с матерью Анной Григорьевной Белосельской-Белозерской (урожденной Козицкой)

П. А. Глазова вместе с не действовавшим 12 лет Богословским заводом. Завод числился в Горном правлении, потому что прежние владельцы на его базе открыли производство селитры. После смерти П. И. Шелашникова в 1847 году недействующий завод по наследству перешел к вдове Варваре Степановне и трем сыновьям — Степану, Николаю

и малолетнему Валентину. По отдельному акту Богословский завод с деревнями достался младшему сыну, но до его совершеннолетия находился в общем владении у наследников. В 1851 году наследники Петра Ивановича Шелашникова возобновили на Богословском заводе медеплавильное производство. В 1853 году во владение заводом вступил коллежский советник Валентин Петрович Шелашников.

1848–1859 годы. Нижний и Верхний Авзяно-Петровские заводы. Авзяно-Петровские заводы не имели собственных лесов, поэтому с момента основания предприятий заводладельцы арендовали их у башкир. Данный факт дал повод Государственному Совету принять, мягко говоря, вредное для Павла Михайловича Губина решение. «Никакая часть башкирских земель... не может быть отобрана от них безвозмездно, — говорится в решении Госсовета от 9 марта 1842 года, — а условия кортома должны определяться не по грабительским договорам между заводами и башкирами, а по усмотрению правительства» [10, с. 323].

Через пять лет, 6 января 1847 года, было утверждено мнение Государственного Совета по его же решению от 9 марта 1842 года. Авзяно-Петровским заводам предоставлялось право выкупить часть занятых ими башкирских земель из расчета 15 десятин на ревизскую душу по 2 рубля 20 копеек, а сверх того откортомить для заводов леса с арендной платой по 10 копеек серебром в год за десятину. В случае уклонения Губина от платежей предписывалось заводы подвергнуть опекуному управлению, а при безуспешности оно — продаже с публичных торгов [Там же, с. 324]. Тогда-то Павел Михайлович Губин и предложил принять его заводы в казенное управление и продать для уплаты долга башкирам. В прошении он сообщал Горному правлению, что «заводы своими средствами не могут уплачивать ежегодно назначенные деньги». А в заключение просил его самого «от всех хозяйственных распоряжений, ответственности и самих взысканий... отстранить» [Там же, с. 324]. В 1758 году с разрешения Сената П. М. Губин продал сыну наказного атамана Оренбургского казачьего войска Н. Е. Тимашеву Нижний и Верхний Авзяно-Петровские заводы, а тот в 1859 году перепродал их Д. Е. Бенардаки.

1848–1858 годы. Сергинско-Уфалейские заводы. Верхний и Нижний Сергинские, Атигский, Ко-

Анастасия Иосифовна
Ушакова (урожденная Кони)
(1824 – 1902)

зинский, Михайловский, Верхний и Нижний Уфалейские, Суховязский заводы во владении Константина Михайловича Губина находились до 1848 года. После его смерти в 1848 году они перешли по завещанию от 1841 года к вдове Анастасии Иосифовне Губиной и малолетним детям — Анатолию, Евгению, Александре и Зинаиде. Анастасия Иосифовна вышла замуж за полковника Павла Петровича Ушакова. До 1858 года Сергинско-Уфалейские заводы оставались в полном ее владении [10, с. 313–316].

Дружинины и каслинское художественное литье

Как уже было отмечено, до конца 1840-х годов Каслинский завод еще не отливал круглой (объемной) скульптуры. Ее промышленное тиражирование, первоначально небольшими партиями, однозначно увязывается с приходом к управлению округом в 1853 году Григория Васильевича Дружинина. В заводском годовом отчете за 1853 год одним из первых встречается понятие «кабинетные вещи» и говорится о производстве «шпилек для коней», «винтов в диваны, решетки, в подсвечники, коней в постаменты». Эти названия свидетельствуют, что в Каслях началась отливка круглой (объемной) скульптуры.

Технология изготовления скульптуры, невзирая на ее сложность и многоступенчатость, делится на два больших этапа. Помимо авторской работы (лепка, резьба, обработка твердых материалов) важную роль играет вспомогательный труд формовщиков, литейщиков и чеканщиков. При промышленном тиражировании круглой скульптуры в бронзе, чугуне, драгоценных металлах указанная схема видоиз-

меняется. Между авторской работой скульптора и литейным производством, условно говоря, возникает третья сила, значимость которой трудно переоценить. Так как именно она, соединив замысел скульптора с квалифицированным трудом литейщиков, создает отрасль художественной промышленности. Причем роль этой третьей силы должен играть человек или группа лиц, владеющие не только крупным капиталом и литейным заводом, но и значимой, постоянно пополняющейся коллекцией антиквариата и круглой скульптуры. Только при соблюдении указанных условий и может состояться ее промышленное производство.

Общеизвестно, что существуют две разновидности скульптуры: круглая, свободно размещающаяся в пространстве (статуи, группы, статуэтки, бюсты) и рельеф, в котором объемное изображение располагается на плоскости. В свою очередь скульптуры делятся по своему назначению на мемориальные (памятники, монументы), мемориально-декоративные (атланты, кариатиды и т. п.), садово-парковые (статуи, группы) и станковые. Следует особо подчеркнуть, что произведения станковой скульптуры имеют самостоятельный характер, то есть свободны от утилитарных функций и не предназначены для вхождения в ансамбль в качестве его составной части. Особым видом станковой скульптуры является скульптура малых форм. Ее размеры по высоте могут быть до метра (в Каслинском художественном литье — до 70 сантиметров). Причем скульптура малых форм и декоративно-прикладное искусство (вещи, задуманные как бытовые, утилитарные), включая мелкую пластику, при определенных условиях образуют симбиоз, точно так же, как архитектура здания с украшающей его скульптурой создают единый ансамбль. Примером такого симбиоза в искусстве и служит каслинское художественное литье. Но необходимо знать и помнить, что его образование не происходило само по себе, это был осознанный и управляемый процесс.

Каслинское художественное литье, изначально развиваясь как отрасль художественной промышленности, оставалось в дореволюционный период частью частного чугунолитейного производства Каслинского завода. Что бы ни говорили и не писали в советское и постсоветское время о каслинском литье, как бы ни старались приравнять его к народным промыслам, оно было и остается отраслью художественной про-

мышленности. А идейным вдохновителем и организатором художественного литья из чугуна в Каслях, вопреки лживым утверждениям советских искусствоведов, был Григорий Васильевич Дружинин. В сущности, он и сыграл роль той самой третьей силы, о которой сказано выше. Первоначально его идея тиражирования в чугуне станковой скульптуры (скульптуры малых форм) вызывала по меньшей мере недоумение и расценивалась не иначе, как напрасная трата сил, времени и денег. Мало кто верил тогда, что из его затеи может получиться что-либо стоящее.

При Дружининых (Григории, его детях — Александре, Михаиле, Василии) дальнейшее развитие получили все виды архитектурно-художественного литья, возникшие ранее в Каслях, но наибольший успех и мировое признание завоевало кабинетное литье. Почему? Ответ на этот вопрос кроется как в биографии Г. В. Дружинина, так и в самом главном увлечении его жизни — коллекционировании предметов искусства и древностей. По поводу художественной коллекции Дружининых архивные документы Кыштымского горного округа не дают прямого ответа. И это понятно, так как речь идет о частной коллекции предметов искусства, никогда не принадлежавшей заводам этого округа. Доказательство существования коллекции Дружининых надо искать в других письменных источниках.

Поиски ее следов и привели к дневнику писателя и литературного критика Александра Васильевича Дружинина, родного брата Григория. Несмотря на то что дневник содержит только отрывочные и очень краткие сведения о предметах искусства, художниках и скульпторах, он воссоздает общую картину формирования коллекции самого А. В. Дружинина, а также служит документальным подтверждением существования художественной коллекции Григория. Это принципиально важный аспект, так как после смерти А. В. Дружинина в 1864 году и матери братьев Марии Павловны в 1871 году Григорий Дружинин унаследовал не только родовое Гдовское имение, но и коллекцию картин, скульптуры, фарфора, бронзы, собрание древностей и библиотеку А. В. Дружинина. Этот факт подтверждается архивными документами, что, в свою очередь, дает возможность говорить о художественной единой коллекции и библиотеке братьев Дружининых.

Из содержания дневника следует, что братья Дружинины являлись подлинными коллекционерами, увле-

ченными собирателями древностей. От их внимания не ускользали, казалось бы, малозначительные вещи, называемые Александром Васильевичем «белендрясами». К сожалению, вся эта «мелочевка» никак не описана в дневнике, но назван ряд громких имен мастеров живописи и скульптуры. Имеет смысл назвать эти имена и при возможности указать художественные произведения, с тем чтобы по этим предметам (картинам, скульптуре) показать уровень художественного вкуса и знание живописи и скульптуры, которыми обладали братья Александр и Григорий Дружинины.

В дневнике имеется запись от 2 февраля 1854 года: «...Григорович купил для брата картину Брегеля³, а мне статуэтку, но статуэтка оказалась плоха...» [6, с. 272]. Названия картины, статуэтки и имени ее автора не указано в дневнике.

В истории голландской живописи XVI века известны Питер Брейгель Старший (отец), Питер Брейгель Младший (сын) и Ян Брейгель Бархатный (сын), причем отец и сыновья относятся к числу «великих голландцев». Ввиду того что в дневнике нет названия подаренной картины, имеет смысл назвать некоторые картины Питера Брейгеля старшего: «Пейзаж с падением Икара» (1555–1558), «Битва Масленицы и Поста» (1559), «Детские игры» (1559–1566), «Триумф смерти» (1562–1563), «Безумная Грета» (1563), «Охотники на снегу» (1565).

Достаточно информативна следующая дневниковая запись от 8 февраля 1854 года: «...я (А. В. Дружинин. — В. С.) приехал к Аничкову мосту, пробрался в бедную квартиру с вонью и запыленными картинами, нашел старуху в состоянии идиотизма и уехал ни с чем. Только на стенах видел две прелестные картины: Мадонну и Мальчика, того самого, что срисован Кипренским для Эрмитажа. Это может быть дуплет, но никак не простая копия» [6, с. 275].

Творчество О. А. Кипренского (17821–1836) не нуждается в особом представлении. Это выдающийся художник XIX века, непревзойденный мастер портрета. У него есть две картины, которые могут подойти под название «Мальчик»: «Портрет мальчика А. А. Челищева», «Садовник» или «Молодой итальянский мальчик». Вне всякого сомнения, указанные портреты превосходны, а характеристика, данная А. В. Дружининым в дневнике, как никогда точна⁴. Также кисти Кипренского принадлежит «Порт-

рет датского скульптора Бертеля Торвальдсена⁵ (1831). В дневнике нет никаких записей о самом портрете, но упоминается статуэтка скульптора. А. В. Дружинин купил ее вместе со старым серебром в «магазине Палацци». Как всегда, название статуэтки не указывается, но автор, вольно или невольно, подсказал, что работы Торвальдсена могли быть протиражированы в каслинском художественном литье. При более тщательной сверке выяснилось, что статуэтка № 127 (раздел «У») «Венера с яблоком» в альбоме-каталоге Каслинского завода за 1913 год — это работа Торвальдсена. В мраморе она выглядит следующим образом.

В дневниковой записи А. В. Дружинина от 19–21 февраля 1854 года отмечено: «... между делом с Языковым сходил поглядеть картинную галерею Юсуповых⁶, видел мраморы и оригинал Кановы “Амур и Психея”». Будучи весной 1854 года в Москве, Дружинин побывал в знаменитой картинной галерее Мосоловых на Лубянке. «Смотрел галерею Мосоловых, — говорится в записи от 22 марта 1854 года, — из картин полюбились мне берег моря Клод Лоррена⁷ и несколько фламандских вещиц» [6, с. 284]. Галерея Мосоловых на Лубянке действительно была знаменита в до-революционной Москве. Начало этой галереи положил Федор Семенович Мосолов, внук владельца Верхне-Уфалейского завода на Урале Ивана Перфильевича (меньшого) Мосолова⁸.

Упоминания А. В. Дружинина о частных коллекциях не случайны. Дружинины (Александр, Григорий, сын Григория — Василий), являясь страстными коллекционерами предметов искусства и собирателями

4

У Кипренского есть «Мадонна», но та ли?

5

Бертель Торвальдсен (1770–1844) — ярчайший представитель позднего классицизма, один из самых плодотворных скульпторов в истории искусств.

6

По всей вероятности, речь идет о галерее в юсуповском дворце на Мойке (Санкт-Петербург).

7

Клод Лоррен (1600–1682) — легендарный французский живописец XVII века. К названию «Берег моря» более подходят его «Похищение Европы» и «Вид берега Делоса с Энеем».

8

Верхне-Уфалейский завод находился в собственности этой ветви Мосоловых до 1793 года. В советский период галерею Мосоловых национализировали и раздали государственным музеям. Какую-то часть коллекции советское правительство продало за границу.

3

Брейгеля.

«Венера с яблоком»
Бертеля Торвальдсена

древностей, мечтали обладать не меньшими шедеврами и редкостями, чем Юсуповы или Мосоловы. Александр Васильевич не скрывал своих устремлений, чему в дневнике имеется подтверждение: «...я (А. В. Дружинин. — В. С.) приехал домой к обеду, обедали у нас Дрентельи, Олинька и Павел В. Анненков. Я показал Анненкову свои картины и редкости, обещаясь, что у меня со временем выйдет нечто похожее на музей аббатсфорский»⁹ [6, с. 295]. Забегая вперед, необходимо сказать, что нечто похожее вышло, но не у Александра, а у брата Григория и его детей. Особое старание на этом поприще проявил сын Григория — Василий. Но обо всем по-порядку.

⁹ Аббатсфорд — имение английского писателя Вальтера Скотта, где находилась большая коллекция картин и древностей.

Для пополнения своей коллекции и Александр, и его брат Григорий часто обращались к антикварам и были постоянными покупателями практически во всех антикварных магазинах Петербурга. Не пропускали они и художественные аукционы. В своем дневнике А. В. Дружинин часто упоминает магазин Палацци, где он покупал старинные фарфор, бронзу, серебряные изделия (кружки, медальоны, часы, вазы и т. п.). «Ездил к Палацци, — говорится в дневниковой записи от 30 января 1857 года, — как водится с давних времен, разорился на 100 руб., купил часы, две вазы, гарнитур для камина...» [6, с. 402]. К сожалению, ни описания, ни названия гарнитура в дневнике нет. В то же время известно, что подобные изделия, причем нескольких видов, выпускал Каслинский завод. Наиболее тиражируемые до сих пор гарнитуры для каминов — «Собака с арапником», «Цапля с распущенными крыльями и рыбкой».

С владельцем антикварного магазина Палацци у Дружининых сложились не только деловые, но и дружеские отношения. «Бедный продавец древностей», как его однажды назвал А. В. Дружинин, был вхож в его дом. Подтверждением сказанному служит следующее замечание Александра Васильевича: «...заходил еще Палацци, расхваливал многие из наших картин; Мадонна с семьей шпагами, по его мнению, писана Гарофало¹⁰. Порок с добродетелью¹¹ заслужил похвалы. Заказал несколько рам на картины...» [6, с. 289]. К сожалению, дальнейшую судьбу картины «Мадонна с семьей шпагами» пока не удастся проследить. Осталась ли она в России или продана советским правительством за границу? Неизвестно.

Про художественные полотна, которые А. В. Дружинин купил на аукционе Энтговена в Петербурге, известно, что это были картины «фон Остада»¹², «Моленара», «одна Кальфа»¹³, «портрет школы фон

¹⁰ Гарофало — прозвище итальянского художника Бенвенуто Тизи (1481–1559). Известно, что пять его картин были куплены императором Николаем I для Эрмитажа.

¹¹ Похожие названия картин есть у Джотто Ди Бондоне и Батони Помпео.

¹² Адриан ван Остаде (1610–1685) — нидерландский художник. Его картина «Странствующий музыкант» в настоящее время находится в Эрмитаже.

¹³ «Десерт» или «Натюрморт с рогом, раком и стаканами» Виллема Кальфа.

Братья Дружинины (слева направо): Андрей, Григорий, Александр. Рисунок П. А. Федотова. 1840 год. Акварель. Русский музей, Санкт-Петербург [А. В. Дружинин Повесть. Дневник. М., 1986]

Дика»¹⁴. По поводу Моленара автор дневника сделал особую запись: «С трепетом торговался на картину Моленара “Зима” и приобрел ее за 30 руб.» [6, с. 379–380]. Таким образом, мы узнаем не только имя художника и название картины, но и отношение А. В. Дружинина к его творчеству.

К сожалению, автор дневника не указал ни названий, ни имен авторов картин, купленных Григорием Дружининым на аукционе Негри в Петербурге. «Вчера был на аукционе Негри, — гласит запись от 24 октября 1854 года, — брат (Г. В. Дружинин. — В. С.) накупил несколько картин и фарфора» [6, с. 324].

Художественная коллекция и собрание древностей Дружининых пополнялись и за счет подаренных вещей. Причем им дарили не только работы известных и знаменитых художников и скульпторов, но и произведения декоративно-прикладного искусства, холодное оружие неизвестных мастеров. В этом случае мерилom их ценности являлись «изящество исполнения и древность». В качестве примера могут служить записи в дневнике, помеченные октябрем 1854 года: «...обедала Обольянинова с дочерью... причем, я (А. В. Дружинин. — В. С.) получил подарок: древнюю турецкую чернильницу для моей коллекции...» [6, с. 317]; «...увез новое приобретение —

старинный охотничий нож, подаренный Мейером» [Там же, с. 319]. Следует особо подчеркнуть слова А. В. Дружинина о «древней турецкой чернильнице для его коллекции». Они говорят о том, что в середине XIX века коллекция декоративно-прикладных вещей у Дружининых уже имела.

Известно, что в альбомах-прейскурантах Каслинского завода к 1913 году в разделе «Ц» («Чернильницы») указывались изделия 42 наименований, причем половина из них — это собственно чернильницы, а другая часть — лоточки, подставки под перья. Все они, как чернильницы, так и лоточки с подставками, относятся к совершенно разным художественным стилям, и у большинства изделий не указан автор. Только в четырех случаях названо имя скульптора (две работы Р. И. Баха, одна Напса, одна Микешина).

Существовал еще один способ пополнения художественной коллекции, который использовали Дружинины (Александр, Григорий, Василий), — непосредственное обращение с частными заказами к художникам и скульпторам Санкт-Петербурга и Москвы. Некоторые художники были для Дружининых не просто приятелями или хорошими знакомыми,

¹⁵ Андрей Васильевич Дружинин — средний из братьев. Умер в 1852 году, как и П. А. Федотов.

¹⁶ Ульям Хогарт (1697–1764) — английский художник, основатель и крупный представитель национальной школы живописи.

¹⁴ Антонин ван Дейк (1599–1641) — фламандский живописец, ученик Рубенса. Автор картины «Карл I в трех ракурсах».

а настоящими друзьями. Эта дружба зачастую была проверена многолетней военной службой в гвардейском полку, где понятия чести и полкового братства — не пустой звук.

К таким друзьям-однополчанам, вне всякого сомнения, относился Павел Андреевич Федотов. Судьба свела с ним братьев Дружининых (Григория, Андрея¹⁵, Александра) в лейб-гвардии Финляндском полку. Александр Васильевич вспоминал: «...мое первое свидание с Федотовым произошло в 1838 г., Павлу Андреевичу было тогда 23, а мне 12–13... Помню очень хорошо, что мои братья и другие сослуживцы Павла Андреевича в этот день шутили по поводу каких-то походов в Галерной гавани... В это время Павел Андреевич уже ходил по вечерам в академию» [6, с. 673]. Не случайно после смерти П. А. Федотова в 1852 году его архив оказался у Дружининых. Вне всякого сомнения, и эта часть творческого наследия художника оказала влияние на процесс коллекционирования предметов искусства и собирания древностей. Закономерно, что Александр Дружинин не единожды пересматривал «федотовскую тетрадь картин Гогарта¹⁶» [6, с. 231].

Из содержания дневника следует, что А. В. Дружинин хорошо знал художников Ге, Жемчужникова, следил за их творческими успехами. В то же время это не помешало ему оставить в дневнике достаточно едкую характеристику увиденных новых работ этих художников. «Бродил по выставке Академической,— пишет автор 18 октября 1854 года,— а между тем смотреть решительно нечего в залах Академии... Ге, Жемчужников, мои знакомые... несомненно, умные, образованные,— выставили дрянь совершенную. У Ге еще есть мысль, хотя слабо выполненная, а Жемчужников погряз в каком-то псевдо-реализме...» [6, с. 323].

Из московских мастеров живописи и ваяния в дневнике А. В. Дружинина отмечены художник М. И. Скотти и скульптор Н. А. Рамазанов. На эти и другие подобные факты следует обратить особое внимание еще и потому, что многие поездки и визиты Александр Васильевич совершал по заданию старшего брата Григория.

Список источников и литературы

1. Авдеев П. И. Историческая записка об Оренбургском казачьем войске. Оренбург, 1904.
2. Беликов А. Н. Заселение Южноуральских степей в XVIII–XIX вв. : [рукоп.] // Чесменский краеведческий музей. Приложение № 1.
3. ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5273.
4. ГАСО. Ф.43. Оп. 2. Д. 1307.
5. ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 840.
6. Дружинин А. В. Повести. Дневник. М., 1986.
7. Кобзов В. С. Новая линия // Вестн. Челяб. гос. ун-та. История. 1992. Вып. 1, № 1 (3). С. 12–26.
8. Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. 9. Оренбург, 1903–1915.
9. Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. 12. Оренбург, 1915.
10. Неклюдов Е. Г. Уральские заводчики в первой половине XIX в.: владельцы и владения. Нижний Тагил, 2004.
11. Полное собрание законов Российской империи. 1-е изд. СПб., 1830.
12. Полное собрание законов Российской империи. 2-е изд. СПб., 1830–1884.
13. Полное собрание законов Российской империи. 3-е изд. СПб., 1881–1913.
14. РГВИА. Ф. 405. Оп. 6. Д. 5304.
15. Свод законов Российской империи. Т. 7, ч. 3. СПб., 1857.
16. Семенов В. Г., Семенова В. П. Губернаторы Оренбургского края. Оренбург, 1999. С. 81.
17. Стариков Ф. М. Краткий исторический очерк Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1890.
18. Шумилов А. В. Репрессивная политика Николая I в отношении старообрядчества // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск, 2015. С. 461–466.

Южноуральские просторы.
Фото: С. Арканов

История Южного Урала

7
8

Том
Глава

ЦАРСТВОВАНИЕ
АЛЕКСАНДРА II
(1855–1881)

Глава 8. ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСАНДРА II (1855–1881)

В первые девять лет правления императора Александра II сменились три оренбургских и самарских генерал-губернатора — граф Василий Алексеевич Перовский (1851–1857), Александр Андреевич Катенин (1857–1860), Александр Павлович Безак (1860–1864), — прежде чем на эту должность был назначен генерал от артиллерии Николай Андреевич Крыжановский. К этому времени подготовительный период завоевания Средней Азии, заключающийся как в строительстве военных Сырдарьинской и Новой Сибирской линий, так и в изучении среднеазиатских государств, был закончен. Три русскими миссиями — научной под руководством Н. В. Ханыкова, дипломатической (посольство Н. П. Игнатъева) и торговой во главе с Ч. Ч. Валихановым — были собраны необходимые сведения для составления плана военной кампании по завоеванию среднеазиатских государств¹. К моменту вступления генерала Крыжановского в свою должность 2 февраля 1865 года² [10, с. 104–105] военные дей-

¹ История России. XIX век [Электронный ресурс]. URL: https://histerl.ru/lectures/19_vek/

² В. Г. Семенов и В. П. Семенова отмечают, что за неделю до того, как состоялось это назначение, Самарская губерния была изъята из ведения начальника Оренбургского края. Поэтому из определения должности был исключен и титул «самарский».

Металлические и деревянные детали механизмов кричного производства (по Де Геннину) как пример унифицированного металлургического производства XVIII – первой половины XIX веков [Де Ген-

нин. Книга Сибирских горных заводов (рукопись). Списано с оригинала дворянину Григорию Демидову. Часть 2. Архив ЛОИИ АН коллекция 115. Оп. 1. Кн. 1161. Ч. 2. Л. 34]

Александр II. Литография
В. Валькиевича. Середина XIX века
[Родина. 1993, №1, С.133]

ствия по захвату кокандской линии крепостей с переменным успехом шли уже в течение года. После взятия Ташкента в июне 1865 года военным отрядом под командованием М. Чернова возникла реальная возможность создания нового южного рубежа российского влияния в Средней Азии. В том же году при деятельном участии Н. А. Крыжановского в состав Оренбургской губернии была включена Турке-

станская область, которая в 1867 году отдельным указом преобразована в самостоятельное Туркестанское генерал-губернаторство. В это новое военно-административное образование и вошли Сырдарьинская и Семиреченская области. Кокандское же ханство (то, что территориально от него осталось) сохранило политическую независимость до 1876 года.

Первым генерал-губернатором Туркестана Александр II назначил генерал-адъютанта Константина Петровича Кауфмана, который и подчинил России Бухарского эмира и Хивинское ханство. После взятия русскими военными отрядами в 1867 году Самарканда между Россией и Бухарой в 1868 году был подписан мирный договор, по которому эмират, сохранив свою государственность, стал политически зависим от России. В итоге же хивинского похода 1872 года и взятия Хивы в пользу России отошли земли по правому берегу Амударьи. Хивинское ханство, сохранив свою автономию, так же как и Бухарский эмират, превратилось в зависимое от России государство. Кокандское ханство в ходе ожесточенных сражений с русскими военными отрядами окончательно потеряло свою независимость в 1876 году и было переименовано в Ферганскую область, ставшую частью Туркестана.

После того как пограничные рубежи России на Южном Урале в 1865 году были отодвинуты далеко на юг, в Оренбургской губернии, превратившейся во внутренний регион империи, новоназначенный военный губернатор Н. А. Крыжановский приступил к осуществлению радикальных, взаимно увязанных преобразований.

Южный Урал: отмена кантонной системы и переселенческое движение 1860–90-х годов

На основании утвержденного Александром II «Положения...» от 5 мая 1865 года на Южном Урале были вновь образованы две административно-территориальные единицы — Уфимская и Оренбургская губернии. В Уфимскую губернию вошли Уфимский, Стерлитамакский, Белебеевский, Бирский, Мензелинский и Златоустовский уезды. В состав последнего вошла часть Троицкого уезда, а Златоустовскому заводу придан статус уездного города с названием Златоуст. В силу того что территория Оренбургской губернии была поделена по Уральско-

му хребту, западную часть Верхнеуральского уезда местные власти распределили между Уфимским и Стерлитамакским уездами. Город Уфа остался губернским, но теперь уже центром Уфимской губернии. Зауральские Оренбургский, Верхнеуральский, Троицкий, Челябинский и Орский уезды и земли Оренбургского казачьего войска вошли в состав Оренбургской губернии. Оренбург вновь стал губернским городом, а Орской станице придали статус уездного города с названием Орск. Бывшая крепость Илецкая Защита, в которой находилось управление Илецкого соляного промысла, по «Положению...» от 5 мая 1865 года стала безъездным городом. «Оренбургскому казачьему войску, входящему в состав населения Оренбургской губернии,— говорится в документе,— состоять по прежнему под управлением Наказного атамана, в лице которого соединяется и звание оренбургского губернатора. Главное же управление как Уфимскою, так и Оренбургскою губерниями оставить по-прежнему за Главным начальником Оренбургского края» [6, 1865, т. 40, № 42058].

Вслед за административно-территориальными изменениями на Южном Урале была отменена и кантонная система. Указом от 2 июля 1865 года башкиры переводились из военного в гражданское ведомство. «Сельские обыватели, управляемые на основаниях, определенных в Положении о башкирах... утвержденном 14 мая 1863 г. (39622), передаются из военного в гражданское ведомство,— говорится по этому поводу в Указе от 2 июля 1865 года.— Упомянутые сельские обыватели... поступают в заведывание общих губернских и уездных, а также местных по крестьянским делам учреждений. Вследствие чего отменяются: ст. 4 Положения о башкирах и Правила об особом управлении башкирами... утвержденные 14 мая 1863 г. (39622, 39623) и упраздняются... 1) Кантонные управления и 2) Общее управление башкирами». Следует особо подчеркнуть, что вместе с башкирами гражданское устройство получили мещеры, тептяри и бобыли [6, 1865, т. 40, № 42282].

Таким образом, с отменой кантонной системы управления инородческим населением края полностью упразднялось и Башкирское войско.

Также важно отметить, что башкиры-вотчинники в соответствии с разделом указа «О правах по имуществу» получили право продажи своих вотчин-

ных земель. «Общественные земли (ст. 15) предоставляется башкирским обществам продавать и отдавать в оброчное содержание,— говорится по этому поводу в статье 17 Указа от 2 июля 1865 года,— с тем... чтобы у них самих оставалось не менее законенного по числу душ количества». Статьи 18–20 предоставляли право раздела общественных башкирских земель между домохозяевами, вплоть до выделения причитавшихся им участков земли в частную собственность [6, 1865, т. 40, № 42282].

Это право продажи вотчинных башкирских земель в полной мере вступило в силу после выхода Указа от 10 февраля 1869 года «О размежевании башкирских дач для наделения землею башкир-вотчинников и их припущенников, и о порядке продажи и отдачи в оброчное содержание общественных башкирских земель». К числу припущенников статья 3 указа отнесла башкир (безземельных), мещеряков, тептярей, бобылей, государственных и удельных крестьян. При этом указ предписывал наделение земель производить лишь в тех дачах, где припущенники не имели законных актов, «определяющих пространство их владения» [6, 1869, т. 44, № 46750, с. 148].

Также Указ от 10 февраля 1869 года определил размеры земельных наделов для многоземельных и малоземельных дач и, предписав создание фонда «запасных земель», разрешил представителям всех сословий покупать землю в собственность. «Башкиры-вотчинники, за отделением на души последней ревизии по 15 десятин удобной земли,— говорится по этому поводу в разделе указа “О продаже земли”,— на остальное... количество земли, находящееся в их владении... получают от мирового посредника свидетельство, в коем описываются границы участка, который должен оставаться во владении вотчинников и количество свободной за душевым наделом земли. Отделенная таким образом свободная земля может быть... продаваема и иным законным способом отчуждаема лицам всех состояний» [6, 1869, т. 44, № 46750, с. 153].

После чего собственно и последовала в Оренбургском крае ширококомасштабная скупка башкирских земель по заниженным ценам, получившая в уральской историографии название «земельная горячка». Среди скупщиков были не только частные лица из купцов и чиновников всех уровней, но и сама казна [8]. Скупщики, как правило, покупали землю для ее последую-

щей перепродажи крестьянам-переселенцам, которые буквально хлынули на территорию Уфимской и Оренбургской губерний в пореформенное время.

Особенно усилился стихийный переселенческий поток после выхода Указа от 10 февраля 1869 года, разрешившего крестьянам-переселенцам покупать землю в собственность. Большинство переселенцев являлось «самовольцами», поскольку они на свой страх и риск переселялись на новые места. Существовавшее тогда законодательство препятствовало легальной миграции. Переселенцы проникали на Южный Урал различными способами: водным и гужевым транспортом, пешком, позже по железной дороге. Переселенческий поток шел из районов Черноземья, Поволжья и Среднего Урала. Наиболее интенсивный характер переселенческое движение приобрело в 1891–1895 годах, когда неурожай и голод буквально вытолкнул значительную массу крестьян из Европейской России на Восток [9, с. 12]. Тем не менее к концу 1890-х годов переселение крестьян в Уфимскую и Оренбургскую губернии пошло на спад и постепенно сравнялось с обычным движением населения в России. Этому обстоятельству способствовал, помимо прочего, и Указ от 20 апреля 1898 года. «Относительно продажи и сдачи в аренду... башкирских земель... соблюдаются следующие правила,— говорится в его четвертом пункте.— Земли сии могут быть продаваемы только в казну и сельским обывателям. Ограничение это не распространяется на продажу сих земель под разработку ископаемых и под постройку горных заводов» [7, 1898, т. 18, № 15278].

По материалам Первой всероссийской переписи 1897 года, в уездах и городах Уфимской губернии было зарегистрировано не менее 176 000 переселенцев, а в Оренбургской губернии — 250 000. В Уфимской губернии переселенцы оседали преимущественно в южных и центральных районах с невысокой плотностью населения. В Оренбургской губернии — в центральных и северо-восточных районах [9, с. 12].

По вероисповедному признаку перепись 1897 года дала следующие цифры: только в Уфимской губернии православных и единоверцев насчитывалось 961 727 человек, старообрядцев — 34 011, почти поровну в каждом уезде (в Уфимском — 8876, в Белебеевском — 7913, в Стерлитамакском — 7488, в Златоустовском — 6586). Исключением явились Бирский (2406 человек) и Мензелинский (742) уезды.

Причем некоторая фальсификация сведений в переписи была заложена изначально. Единоверцы, духовное тяготение которых к старообрядчеству являлось очевидным, объединялись в одну графу с представителями официального православия. Таким образом, количество последних искусственно увеличивалось. Кроме того, настороженное отношение старообрядцев к переписи также отражалось на ее объективности [1].

Строительство частной Самаро-Оренбургской железной дороги (1874–1876)

Новая сеть железных дорог в России была утверждена Александром II в начале 1870 года. В нее вошла Самаро-Оренбургская железная дорога. За ее строительство взялось частное акционерное общество. «Для сооружения железной дороги от правого берега реки Волги у станции Батраки Моршанско-Сызранской железной дороги, через город Самару до города Оренбурга, с ветвью к пристани в городе Самаре и мостом через реку Волгу... — говорится в его уставе, утвержденном 22 февраля 1874 года, — образуется акционерное Общество под названием: “Общество Оренбургской железной дороги”, которому предоставляется и эксплуатация этой дороги». В уставе особо оговаривалось, что «половина всего назначенного для дороги количества паровозов, весь прочий подвижной состав, рельсовые скрепления и все телеграфные принадлежности... для сооружения дороги, должны быть русского производства». Также русского производства должны были быть все материалы, механизмы и машины, включая паровозы, предназначенные для ремонта дороги [6, 1874, т. 49, № 53169, с. 213, 217].

Акционеры брали на себя обязательство приступить к строительству «не позже шести месяцев со дня своего образования и открыть движение по дороге, не позже трех лет, считая с того же дня». Другими словами, железную дорогу от Самары до Оренбурга необходимо было построить к маю 1877 года, так как «общество считалось образовавшимся со времени публикации о нем, учиненной в Сенатских Ведомостях» [6, 1874, т. 49, № 53169, с. 213].

Строительство шло успешно, каких-либо непреодолимых преград не встречало и было завершено

раньше намеченного срока. Торжественное открытие Оренбургской железной дороги и здания вокзала состоялось 31 декабря 1876 года. В частном владении дорога находилась только до 1892 года. После постройки казенной Самаро-Златоустовской железной дороги и продления ее до Челябинска, в марте 1893 года было принято решение о соединении двух дорог с выкупом частной Оренбургской железной дороги в казну. Соединенная линия получила название «Самаро-Златоустовская железная дорога с Оренбургской ветвью» [4].

***

Оренбургскую железнодорожную ветвь правительство неоднократно пыталось продолжить до Ташкента, с тем чтобы приблизить ее к пределам Индии, но военно-политическая обстановка, сложившаяся в Средней Азии к концу 1870-х годов, требовала решения совсем иных задач. Все попытки заключить торговый договор с текинской Туркменией закончились неудачей, как и военный поход отряда генерала Ломакина в 1879 году. Штурм крепости Геок-Тепе, причем еще не достроенной, привел к большим потерям, и отряд генерала Ломакина ночью тихо ушел из под ее стен.

Тогда-то Александр II и направил в Красноводск генерала М. Д. Скобелева, перед которым была поставлена задача — во что бы то ни стало взять крепость текинцев. Прибыв в Красноводск и осмотревшись на местности, генерал Скобелев принял весьма нетривиальное решение: для регулярного снабжения экспедиционного корпуса продовольствием и боеприпасами проложить в песчаной пустыне железную дорогу. Для этой цели им был сформирован из русских солдат и офицеров 1-й Закаспийский батальон, а руководителем строительных работ назначен генерал-лейтенант М. Н. Анненков.

Все подробности боевых действий, штурм Геок-Тепе и строительства железной дороги в песках, в окружении текинцев, ведущих партизанскую войну, — тема для отдельного рассказа. Сейчас же важно отметить, что регулярное движение на участке Красноводск — Кизил-Арват было открыто 20 сентября 1881 года, то есть буквально через полгода после взятия крепости Геок-Тепе. Этот участок и положил начало Закаспийской военной железной дороге [12].

Итогом Ахалтекинской экспедиции 1880–1881 годов под командованием генерала М. Д. Скобелева,

помимо прочего, стало продолжение железной дороги до Амударьи и Самарканда на 1100 верст. Самый трудный участок дороги по безводным и летучим пескам пустыни Каракум был закончен в ноябре 1886 года, когда строители дошли до Амударьи. В Самарканд железная дорога пришла 15 мая 1888 года. Все расходы по строительству и эксплуатации Закаспийской военной железной дороги взяла на себя казна.

Строительство железной дороги Оренбург — Ташкент началось только в 1900 году. Регулярное прямое железнодорожное сообщение между Оренбургом и Ташкентом было открыто 1 января 1906 года.

О горной подати. Передача металлургических заводов в Министерство государственных имуществ

При всей важности «великих реформ» Александра II, включая отмену крепостного права в России, для металлургических заводов Южного Урала и в 1860-е годы большее значение имели такие прозаические вещи, как горная подать с частных заводов и таможенная политика правительства. Немаловажное значение имела и сеть железных дорог или, точнее, чрезвычайно долгое ее отсутствие. Удорожание рабочей силы для горных заводов Урала, связанное с освобождением крестьян, хоть и сказалось на большинстве уральских предприятий, но не было столь критично, чтобы из-за этого останавливать производство.

Величина горной подати в России на протяжении всей первой половины XIX века была самой высокой в Европе. Если английские промышленники платили от 0,5 до 1 % дохода, французские — 5 %, прусские — 2 %, австрийские — 11 %, то русские отдавали государству от 10 до 15 % горной подати с меди и с выплавленного чугуна. И это еще помимо подушной подати, рекрутской повинности и земских сборов, которые также взимались с горнозаводчиков со всей строгостью закона [1, с. 83]. Тем не менее в условиях избирательной протекционистской политики, проводимой Александром I и Николаем I, когда ввоз иностранного чугуна и железа был практически запрещен, металлургические заводы Южного Урала, хотя и с трудом, но еще как-то сводили концы с концами.

С воцарением Александра II эта величина горной подати мало того что была подтверждена Горным

указом 1857 года без каких-либо изменений. И только Указом от 29 мая 1869 года ее уменьшили. Причем если для чугуноплавильных заводов уменьшение было значительным, то для медеплавильных — недостаточным. С пуда выплавленного чугуна на владельческих заводах начали брать по 1,5 копейки, а с посессионных — по $2\frac{3}{4}$ копейки. С пуда же выплавленной меди на владельческих заводах взималось по 50 копеек для коренных месторождений и по 25 копеек для осадочных месторождений на западном склоне Урала. С пуда выплавленной меди на посессионных заводах — по 1 рублю для коренных месторождений и по 75 копеек для осадочных на западном склоне Урала [6, 1869, т. 44, № 47149].

По поводу издания «Свода учреждений и уставов горного управления» 1857 года следует особо подчеркнуть, что он не имел никаких принципиальных отличий ни от Проекта горного положения 1806 года, ни тем более от горных уставов 1832 и 1842 годов. Разумеется, вопрос о пересмотре «Свода Устава Горного» был поднят и обсуждался в самых высоких правительственных кабинетах, даже была создана специальная комиссия, но ни окончательного, ни промежуточного вариантов при Александре II так и не было принято. Это исторический факт, с которым крайне важно считаться. Единственное при Александре II знаменательное событие в области управления металлургической промышленностью России вообще и Южного Урала в частности — ее выведение из подчинения Министерству финансов. «Все части горного ведомства и заведывающая ими учреждения, а именно: Горный департамент, Горный Совет, Горный Институт, Горный Ученый комитет и подчиненные им местные управления... — говорится в Указе от 21 декабря 1873 года, — передать из Министерства финансов в Министерство Государственных имуществ» [6, 1869, т. 48, ч. 2, № 52910]. На этом реорганизация управления горным ведомством была прекращена.

После поражения в Крымской войне 1853–1856 годов все сомнения высших правительственных кругов во главе с императором Александром II по поводу целесообразности строительства железных дорог в России отпали сами собой. Также стало очевидно, что дальнейшее экономическое развитие Российского государства невозможно без полноценной сети железных дорог. Поэтому 26 января 1857 года и вышел указ об учреждении «Главного общества

российских железных дорог» для постройки и эксплуатации первой железнодорожной сети длиной 4000 верст. «Сеть эта будет простираться от Санкт-Петербурга до Варшавы и прусской границы от Москвы до Нижнего Новгорода, от Москвы через Курск в низовье Днепра до Феодосии и от Курска или Орла через Динабург до Либавы,— говорится по этому поводу в январском указе 1857 года,— и таким образом непрерывным через 26 губерний железным путем соединятся взаимно: три столицы, главные судоходные реки наши, средоточие хлебных наших избытков и два порта на Черном и Балтийском морях, почти весь год доступные» [6, 1857, т. 32, ч. 1, № 31448].

Как видно из описания основных направлений железнодорожных магистралей, все они проходили по территории исключительно Европейской России. Самая ближайшая к Уралу станция изначально планировалась в Нижнем Новгороде. Почему главный на тот момент уральский промышленный район по производству чугуна и железа остался вне этой сети, остается только предполагать. Внятного ответа на этот вопрос ни дореволюционная, ни тем более советская историография не дает. Первые проекты строительства железной дороги от Москвы до Нижнего Новгорода относятся к 1830-м годам. Сама же магистраль построена только в период с 1858 по 1862 год.

Металлургические заводы Южного Урала в условиях действия таможенных тарифов 1857, 1859 и 1868 годов

Заводы чугуноплавильные и железоделательные

Расширение морского привоза чугуна и железа было достигнуто в тарифе 1857 года. С этого времени правительство Александра II первоначально перешло к системе умеренного покровительства по отношению к железу, а потом почти на четверть века сделало ввоз его во всех видах почти свободным. Но для поощрения чугуноплавильной промышленности на юге России ввоз иностранного чугуна и железа по Черному морю был разрешен только в Одессу.

В 1859 году пошлина на чугун была понижена, уничтожена также разница в обложении железа, привозимого морским и сухим путем. Все это значительно облегчило поступление в Россию иностран-

ного чугуна и железа, но было недостаточно для того, чтобы удешевить эти металлы. С наступлением периода усиленного железнодорожного строительства потребовалось очень много железа, особенно рельсов. Поэтому в 1859 году Главному обществу российских железных дорог и были дарованы льготы по беспошлинной выписке из-за границы чугуна и железа. Такие же льготы в 1860-е годы получили и новые железнодорожные общества. Вслед за Высочайше утвержденным 8 мая 1861 года мнением Государственного Совета последовали значительные выписки из-за границы беспошлинного чугуна и железа. Число заведений, которым это было разрешено, достигло в 1864 году — 50, в 1870-м — 164. «Все означенные льготы, значительно облегчившие доступ в Россию иностранному железу,— говорится по этому поводу в статистическом сборнике В. И. Покровского,— встречали сильное неудовольствие со стороны владельцев частных чугуноплавильных и железоделательных заводов» [5, с. 230].

По поводу замечания В. И. Покровского о неудовольствии владельцев частных чугуноплавильных заводов установленными льготами необходимо отметить, что это еще мягко сказано. Так как конкуренция со стороны дешевого иностранного чугуна и железа на внутреннем российском рынке, особенно в период с 1857 по 1869 год, образовалась жесточайшая.

В силу того что оборот капиталов частных уральских заводов в отсутствие железных дорог, как и в XVIII веке, занимал от одного до двух лет, горнозаводчикам приходилось брать государственные кредиты под залог металлов. Эта мера позволяла снабжать заводы оборотными средствами, но при условии, что среди заводоладельцев царило полное согласие как в управлении заводом, так и в распределении прибыли. Уральская историография полна примеров, когда разногласия, ссоры и откровенная вражда между заводоладельцами приводили к банкротству и продаже предприятий с публичных торгов.

Так после установления в 1858 году над Сергинско-Уфалейскими заводами дворянской опеки опекуном над малолетними детьми был назначен их отчим Павел Петрович Ушаков. В 1862 году заводы поступили в управление старших наследниц, достигших совершеннолетия. Заводы, принятые от опеки, оказались обременены казенными и частными долгами в размере более чем два миллиона рублей серебром. Оказалось, что ближайшие родственники

малолетних наследников буквально обворовали заводской округ, изъяв оборотный капитал.

Летом 1865 года директор Горного департамента генерал-майор Рашет лично обследовал состояние Сергинско-Уфалейского горного округа и нашел его положение кризисным. Заводы задолжали Петербургской сохранный казне 137 655 рублей, Государственному казначейству — 968 908 рублей, Екатеринбургской банковской конторе — 1 124 988 рублей, Горному правлению — на 52 100 рублей горных податей и губернских повинностей. Всего долгу за малолетними наследниками Анатолием и Евгением Губиными числилось 2 283 654 рубля. Тогда же инспектирующий сам составил расчеты погашения долгов на 37 лет с 6 % годовых [11, с. 82]. Однако проблема с долгами оказалась значительно серьезней, и министр финансов распорядился продать заводы с торгов для возмещения казенных долгов. Но по просьбе наследников в 1866 году округ снова был возвращен в их управление под поручительство почетного гражданина С. И. Кони. Но и этот поручитель недолго управлял заводами. В 1868 году С. И. Кони, продав на Нижегородской ярмарке металлы и взяв из караванной конторы 267 тысяч рублей, пытался бежать за границу, но был пойман с деньгами и отстранен от дел³.

В 1869 году опекуном над заводами был назначен В. Ф. Грассман. К этому времени Сергинско-Уфалейские заводы находились в совершенно безвыходном положении. Новый опекун то закрывал некоторые из них, то вновь открывал [11, с. 83].

Смена опекунов, переходы округа под разные формы государственного контроля имели один результат — растущую задолженность Сергинско-Уфалейских заводов. Так продолжалось практически до конца царствования Александра II. В 1870 и 1876 годах заводы выставлялись на продажу, но на торги никто не явился. И не удивительно — в 1870-е годы действовал разрешительный тариф 1868 года на ввоз дешевого иностранного чугуна и железа. При изучении общей картины управления заводами наследников К. М. Губина в период с 1858 по 1881 год складывается устойчивое убеждение, что их преднамеренно толкали к полному банкротству.

Не лучшее положение в начале 1860-х годов было и у Белорецкого чугуноплавильного и Тирлянского железодельного заводов. Бесконечные споры между Николаем Ивановичем и Сергеем Ивановичем

3

Подлинная причина бегства Семена Ивановича Кони пока неясна.

Белорецкий завод. Берег реки Белой

чем Пашковыми, как между собой, так и с Горным правлением, с опекунами и кредиторами, привели к тому, в 1864 году заводы были взяты в дворянскую опеку. Братья Пашковы энергично этому сопротивлялись и просили вернуть заводы в их личное управление. Но в Сенате 19 декабря 1870 года было принято решение прошение Пашковых «оставить без последствий» и передать их имущество конкурсному управлению. В 1872 году Белорецкий и Тирлянский заводы перешли в конкурсное управление.

Тогда кредиторы (родственники Пашковых) объединились с обанкротившимися владельцами для поиска выгодного покупателя. И такой покупатель был найден. Им стал немецкий торговый дом «Вогау и Ко». Для покупки и дальнейшей эксплуатации заводов было организовано в 1874 году акционерное общество Белорецких заводов. Купив «в полную собственность» у конкурсного управления Белорецкий и Тирлянский заводы с лесной дачей, общество обещало уплатить казенные долги «в том количестве, какое будет указано министром финансов». Обществу разрешалось «приобретать в собственность и устраивать вновь или арендовать и другие заводы, залежи руд, земли и леса». В составе учредителей акционерного общества состоял сын Сергея

Ивановича Пашкова — Владимир Сергеевич Пашков [3, с. 158].

Но по этому поводу заблуждаться не нужно: контрольный пакет акций находился у немецкого торгового дома «Вогау и Ко», и деньги на развитие производства шли, что называется, из его кармана. С 1874 года у Белорецкого и Тирлянского заводов началась другая история, и самое главное — подлинная модернизация производства. Два десятка лет немцы вкладывали в развитие Белорецкого завода огромные средства. Полностью было модернизировано доменное производство, в 1882 году запущен прокатный цех (крупносортовый, мелкосортный и проволочный станы). На Тирлянском заводе налажено листопрокатное производство.

Испытали на себе действие разрешительных тарифов 1857, 1859 и 1868 годов и Узянский чугуноплавильный железодельный, и Кагинский железодельный заводы. Как известно, в 1860 году петербургский купец М. Ф. Гротен перепродал заводы купцам Ф. П. Никифорову и А. В. Татарину. Но первоначально прорыв плотины на Узянском заводе остановил работу заводов. Они бездействовали с 1862 по 1865 год. После ремонта плотины и пуска доменного производства на Узянском заводе, прора-

ботав до 1868 года, предприятия были вновь остановлены, на этот раз надолго.

Аналогичная судьба постигла и Юрюзанский чугуноплавильный и Минский железодельный заводы. После смерти в 1861 году Ивана Онуфриевича Сухозанета и его супруги Екатерины Александровны заводы перешли по наследству к его сыну отставному поручику Александру Ивановичу Сухозанету и дочери Анне, вышедшей замуж за действительного статского советника Н. А. Безобразова. «Раздельную запись» брат и сестра совершили в этом же 1861 году, по ней Юрюзанский и Минский заводы поступили в единоличное владение А. И. Сухозанета. Заводы, проработав до 1868 года, были остановлены.

Нижний и Верхний Авзяно-Петровские заводы, находясь во владении Д. Е. Бенардаки с 1859 по 1870 год, были частично модернизированы. По крайней мере заводоладелец успел до своего разорительного лишения винных откупов в 1862 году заменить кричное производство пудлингованием. Заводы, проработав до 1868 года, остановились. После смерти Д. Е. Бенардаки в 1870 году они перешли по наследству трем его сыновьям — Николаю, Леониду и Константину. С 1875 по 1897 год заводы находились под опекой.

Из всех заводов Южного Урала в период царствования Александра II стабильно работали, пожалуй, только два чугуноплавильных — Симский и Катав-Ивановский. Последний, находясь с 1861 года в единоличном владении у Константина Эсперовича Белосельского-Белозерского, благодаря его влиятельнейшим покровителям был по-настоящему модернизирован. С началом строительства железных дорог в Европейской России Константин Эсперович взял казенную ссуду в 45 миллионов рублей на десять лет под залог Катавского и Усть-Катавского заводов и наладил производство рельсов. В 1879 году на его заводах рельсов было произведено более 500 тысяч пудов. В конце 1870-х годов на Катав-Ивановском заводе была построена бессемеровская фабрика — вторая на Урале и третья в России. Успешная работа Катавских заводов и позволила в 1873 году взять в аренду Юрюзанский и Минский заводы.

В 1878 году Департамент государственной экономики, находя ненормальным положение русской железодельной промышленности при существующих льготах, поднял вопрос о полной отмене беспошлинного привоза из-за границы металлов и предложил министру финансов не расширять льготы, а также не распространять их на новые заводы.

Симский завод. Доменная гора

Симский завод. Общий вид

Катав Ивановский завод.
Заводской пруд и плотина

Высочайше утвержденным 3 июля 1880 года мнением Государственного Совета беспошлинный привоз из-за границы чугуна и железа был отменен. Пошлина на чугун сохранялась в размере 5 копеек золотом на пуд, на железо — от 20 до 50 копеек золотом на пуд, сталь была уравнена по размеру пошлины с железом. Но ни этот, ни следующий (1881 года) тарифы не удовлетворили представителей русской горной промышленности. Вновь посыпались жалобы и ходатайства. Только в тарифе 1887

года пошлина на чугун была установлена в 25 копеек золотом с пуда для привозимого морем и в 30 копеек для привозимого по западноевропейской сухопутной границе металла. Железо и сталь полосовая и сортовая и рельсы по тарифу 1887 года несли пошлину в размере 50, железо и сталь листовая и тонкосортная — 70 копеек золотом с пуда [5, с. 231].

Таким образом, только в 1880-е годы, при Александре III, защита частных горных заводов от ино-

странного чугуна, железа и стали была восстановлена.

Заводы медеплавильные

Для того чтобы было понятнее, о чем пойдет речь в дальнейшем, необходимо привести краткие данные по трем тарифам — 1822, 1841 и 1850 годов.

По тарифу 1822 года медь красная и зеленая в штыках, плитах, листах, палицах и ломе оплачивалась пошлиной в 5 рублей серебром с берковца, а на все составные металлы налагалось запрещение.

По тарифу 1841 года пошлина была увеличена до 5 рублей 80 копеек серебром с берковца. В таком же размере она стала взиматься и с латуни, остальные составные металлы к привозу не допускались.

В тарифе 1850 года определены были два оклада пошлины: на медь красную и зеленую в штыках, палицах и опилках, а также на латунь в слитках, свертках и старую в ломе — в 58 кредитных копеек с пуда. На томпак, аржантин, принц-металл, британский металл и прочие составные металлы в слитках и кусках пошлина назначалась в размере 1 кредитного рубля с пуда.

По тарифу 1857 года на все эти товары устанавливался один общий оклад — 60 копеек с пуда. Во время его действия сначала медленно, а потом быстро стал возрастать привоз меди и различных сплавов. Первоначально это было связано с развитием производства медных и латунных изделий, а затем с возникшей потребностью в латунных патронах, на изготовление которых поступили большие заказы от артиллерийских ведомств. Медь шла также на изготовление корабельных обшивок, дымогарных труб и другой корабельной оснастки.

При пересмотре тарифа в 1867 году уральские заводчики ходатайствовали о возвышении пошлины с меди до размера платимой посессионными заводами горной подати, а именно до 1 рубля 50 копеек с пуда. Еще и до пересмотра тарифа от уральских заводчиков неоднократно поступали в правительство петиции и разного рода просьбы о полной отмене горной подати. Члены экспертной комиссии, со своей стороны, также полагали, что вопрос о таможенном обложении меди тесно связан с вопросом о горной подати. Тогда экспертная комиссия высказалась за взимание обоих этих налогов в одинаковых размерах, что соответствовало справедливому решению вопроса. При высокой горной подати необходим как

минимум высокий размер таможенной пошлины, что, собственно, и наблюдалось в период действия тарифов 1822, 1841 и 1850 годов. Тем не менее тарифная комиссия 1867 года пришла к заключению, что упадок производства меди в России зависит не от таможенной охраны, а от других причин, и потому в тарифе 1868 года был удержан оклад пошлины на медь в размере 60 копеек с пуда. Здесь следует напомнить, что до 1869 года подать с посессионных медеплавильных заводов России взималась натурой по 15 % с пуда выплавленной меди, а с владельческих — 10 %. После выхода указа 1869 года с пуда выплавленной меди на владельческих заводах стали брать деньгами по 50 копеек для коренных месторождений, по 25 копеек — для осадочных, а на посессионных заводах — по 1 рублю для коренных и по 75 копеек для осадочных месторождений.

Прямым следствием введения тарифа 1868 года стал все увеличивающийся привоз дешевой иностранной меди. Процесс не прекращался даже после 1877 года, когда пошлины стали взиматься в золотой валюте [5, с. 242].

Быстрое понижение цен на медь во второй половине 1860-х годов было вызвано активным развитием медного производства в Чили, Австралии и Северной Америке (США). Тогда как вся Европа выплавляла около миллиона пудов меди, одна республика Чили стала давать до 2 1/2 миллиона пудов этого металла. О стремительных темпах роста производства меди в Чили свидетельствуют следующие данные. Если в 1850 году выплавка меди в этой стране составляла 887 тысяч пудов, то в 1870 году ее уже было выплавлено 1 миллион 872 тысячи пудов, а в 1880 году — 2 миллиона 282 тысячи пудов. Тогда как в России меди было выплавлено: в 1850 году — 394 тысячи, в 1870-м — 308 тысяч, а в 1880-м — 196 тысяч пудов [5, с. 241].

Характерным примером владения частным медеплавильным заводом на Южном Урале в конце 1850-х годов является ситуация с Кананикольским заводом. Его владелец Александр Петрович Загряжский проживал в Петербурге, на Урале бывал наездами, а заводом управлял вольнонаемный приказчик. «Выплавка меди за прошедший год составила всего 750 пудов на продажу, 470 пудов отдано податей,— говорится в одном из его многочисленных прошений.— Если бы мой завод был на том же положении, как и прочие, тогда бы я выдавал прови-

ант работающим крестьянам под заработку и плата им приходилась бы за их труд. А теперь я плачу, подати за них, содержи лекаря, госпиталь, местного священника, исправника, заводскую и горную конторы до 80 человек на жаловании, оплачиваю проценты по займу Государственного банка, покупаю провиант... без вознаграждения... худо ли, хорошо ли работают, заработок им идет, а доходу никакого не получаю» [2, с. 287]. (Для справки: средняя производительность Кананикольского завода составляла около 3 тысяч пудов меди, а в лучшие времена доходила и до 10 тысяч пудов в год.)

На момент подачи прошения в 1859 году в Россию за период с 1856 по 1860 год было завезено дешевой иностранной меди 16 тысяч пудов. Когда же в 1869 году производство Кананикольского завода остановилось, ее привоз составлял за пятилетие 176 тысяч пудов. На момент закрытия Кананикольского завода в 1871 году меди было завезено в Россию (за период с 1871 по 1875 год) уже 338 тысяч пудов [5, с. 241].

Итак, случайно или нет, но Кананикольский медеплавильный завод, находясь во владении А. П. Загряжского, был остановлен в 1869 году и окончательно закрыт в 1871-м.

Нижний и Верхний Троицкие, Усень-Ивановский медеплавильные заводы находились во владении Дмитрия Егоровича Бенардаки с 1837 по 1866 год. В силу того что после отмены винных откупов в 1862 году Бенардаки остался должен казне значительную сумму (несколько миллионов), расплачиваться ему пришлось своим недвижимым имуществом, в том числе заводами. В их числе оказались и два Троицких, а также Усень-Ивановский заводы. Примечательно, что правительственных чиновников, оформлявших сделку, интересовали не сами медеплавильные заводы, а земля и леса, к ним отведенные. К тому же Нижний Троицкий завод в 1862 году был уже остановлен. Когда 19 марта 1866 года казна вступила во владение приобретенными землями и лесами, производство меди на Верхнем Троицком и Усень-Ивановском заводах было остановлено [3, с. 418]. Более Нижний и Верхний Троицкие и Усень-Ивановский медеплавильные заводы свою работу не возобновляли.

Богословский медеплавильный завод, находясь во владении у коллежского советника Валентина Петровича Шелашникова, проработал до начала 1860-х

годов. По сведениям правления, до остановки завода в 1863 году там ежегодно выплавлялось «по пятилетней сложности» до 170 пудов меди и вываривалось до 140 пудов селитры. За эти годы удалось ликвидировать долги по прежним займам, «бездоимочно» исполнялись владельцем и обязанности по раздельному акту. По долгу службы В. П. Шелашников жил в Петербурге и часто выезжал за границу, но заводами управлял самостоятельно, без посредников [3, с. 452]. Тем не менее в 1863 году Богословский медеплавильный завод был остановлен и окончательно закрыт.

Как отмечалось ранее, с 1824 года Шилвинский медеплавильный завод находился в единоличном владении у Николая Николаевича Подъячева. Сам владелец постоянно проживал при заводе и, не смотря на все трудности, выпавшие на его долю, обеспечивал жизнедеятельность завода на протяжении более сорока лет. Средняя производительность завода составляла 1,5 тысячи пудов меди в год.

В 1847 году из-за накопившихся казенных долгов завод был назначен в публичную продажу, но в следующем году торги отменили, а на выплату долгов дали рассрочку на десять лет. После того как срок рассрочки истек, новоназначенный министр финансов А. М. Княжевич принял весьма неожиданное решение в отношении владельца Шилвинского завода. В 1859 году, в связи с тем что «злоупотребления Подъячева достигли крайних пределов», министр финансов распорядился не только взять завод в опекуновское управление, но и самого заводчика сослать в Архангельскую губернию. В итоге Н. Н. Подъячев был отправлен в Пинегу в ссылку, которая продолжалась более трех лет, а завод взят в опекуновское управление.

И вот здесь, пожалуй, начинается ключевой момент всей этой дикой истории. Назначенные опекуны своим неумелым управлением в условиях безжалостной конкуренции на российском внутреннем рынке меди довели Шилвинский медеплавильный завод «до совершенного расстройтва». Все последующие действия по спасению завода освобожденно из ссылки Н. Н. Подъячева уже не дали никакого результата. В 1869 году выплавка меди на Шилвинском заводе была прекращена. В 1875 году завод закрыли и разобрали [3, с. 437–450].

Подводя краткий итог деятельности металлургических заводов в период царствования Алек-

сандра II, следует отметить одну важную особенность. Если частные чугуноплавильные и железодельные заводы Южного Урала в силу действия разрешительных тарифов 1857, 1859 и 1868 годов и останавливались, даже на продолжительное время, они, тем не менее, не закрывались окончательно. Чугуноплавильные заводы, как правило, или путем аренды, или через продажу переходили к другим, более состоятельным владельцам, но продолжали работу. Особенно это стало заметно, когда в 1869 году правительство значительно снизило подати с выплавленного чугуна. Как результат, произошел заметный рост выплавки чугуна на уральских заводах — с 14 миллионов пудов в 1869 году до 18 миллионов пудов в 1875-м. Более наглядную картину дают следующие цифры: в 1875 году на Урале выплавлялось 72 % общего количества чугуна, в Центральной России — 14 %, на юге — только 2,5 %.

В то же время частные медеплавильные заводы в буквальном смысле были брошены на произвол судьбы, и это еще мягко сказано. Складывается впечатление, что их сознательно доводили до полной остановки и закрытия, с тем чтобы освободившуюся заводскую землю и леса перевести в казенный оборот.

В итоге за период царствования Александра II на Южном Урале было остановлено и окончательно закрыто еще шесть медеплавильных заводов: Нижний Троицкий, Верхний Троицкий, Усень-Ивановский, Богословский, Кананикольский, Шилвинский.

Список литературы

1. Данилко Е. С. Ранняя история старообрядчества на Южном Урале // Вестн. Башкир. гос. ун-та. 2006. № 3.
2. Неклюдов Е. Г. Уральские заводчики в первой половине XIX в.: владельцы и владения. Нижний Тагил, 2004.
3. Неклюдов Е. Г. Уральские заводчики во второй половине XIX — начале XX века: владельцы и владения. Екатеринбург, 2013.
4. Оренбургская железная дорога [Электронный ресурс] // Бердская слобода : сайт. URL: <http://berdskasloboda.ru/orenburgskaya-zheleznaya-doroga/>
5. Покровский В. И. Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России : в 2 т. Т. 1. СПб., 1902.
6. Полное собрание законов Российской империи. 2-е изд. СПб., 1826–1884.

7. Полное собрание законов Российской империи. 3-е изд. СПб., 1881–1913.

8. Самородов Д. Башкирский король. Н. А. Крыжановский [Электронный ресурс] // Проза.ру : сайт. URL: <https://www.proza.ru/2016/07/17/575>

9. Самородов Д. Русское крестьянское переселение в Башкирию в пореформенный период 60–90-х гг. XIX в. : автореф. дис. ... канд ист. наук. Уфа, 1993.

10. Семенов В. Г., Семенова В. П. Губернаторы Оренбургского края. Оренбург, 1999.

11. Черных В. Завод на речке Уфалей. Челябинск, 2006.

12. Шеманский А. Д. Ахалтекинская экспедиция 1880–1881 гг. [Электронный ресурс] // PLAM.ru : онлайн-библиотека. URL: http://www.plam.ru/hist/istorija_russkoi_armii_tom_tretii/p3.php

Степь возле реки Урал,
Кизильский район.
Фото: С. Арканов

История Южного Урала

7
Том
Глава

ЦАРСТВОВАНИЕ
АЛЕКСАНДРА III
(1881–1894)

Глава 9. ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСАНДРА III (1881–1894)

После убийства 1 марта 1881 года Александра II на российский престол взошел его сын Александр III. С его воцарением произошли значительные перемены в промышленной политике России. В первую очередь была пересмотрена таможенная политика. Не сразу, но введены заградительные тарифы на иностранные чугун, железо и сталь. Произошло повышение пошлин и на привозную медь. 20 августа 1890 года ставки тарифа 1887 года были увеличены еще на 20 % и почти в этих размерах вошли в тариф 1891 года. По нему пошлина на чугун, кроме марганцового, достигла 35 копеек золотом с пуда, на марганцовый — 50 копеек, на железо и сталь — от 60 копеек до 1 рубля золотом с пуда.

Правда, означенные ставки продержались недолго. Начавшаяся таможенная война с Германией закончилась заключением с ней договора от 29 января 1894 года. Согласно этому договору, ставки пришлось несколько снизить. Пошлина на чугун, кроме марганцового, была уменьшена до 30 копеек золотом (по тарифу 1891 года — 35 копеек золотом), а на железо и сталь — до 50, 65 и 80 копеек золотом с пуда (вместо 60, 85 и 100 копеек золотом) [5, с. 231]. Эти ставки на привозные чугун, железо и сталь применялись и по отношению к ввозу из других стран как минимум до начала XX века.

Имела значение и поддержка Высочайшего повеления 1866 года о том, чтобы все правительственные заказы по железным дорогам производились внутри России невзирая ни на какие затруднения и сложности. Также в соответствии с указом 1876 го-

Западный участок Транссиба.
Фрагмент карты путей

сообщения Азиатской России
1901 года

Александр III.
Гравюра А. Вегера. 1880-е годы
[Родина. 1993, №1, С.151]

да о попудной премии на производство в России стальных рельсов правительство Александра III поддерживало металлургические заводы юга России щедрыми государственными заказами и продолжило выдавать им премии. Всего же с 1878 по 1893 год попудной премии было выдано свыше 23 миллионов рублей, не говоря уже о крайне высоких ценах, по которым делались заказы. Поэтому южные заводы и приняли сразу форму крупных промышленных предприятий, устроенных соглас-

Железнодорожный мост
у города Уфа через реку
Белую

Златоусть.—Zlatoust. № 12.
Вокзалъ.

Самаро-Златоустовская
железная дорога (Утес)

Железнодорожный вокзал
в Миасском заводе

но с последними требованиями техники [6, с. 233]. Другими словами, пусть и через семьдесят лет, но исполнилась мечта Павла I об отечественных металлургических заводах, работающих на минеральном топливе.

Строительство западного участка Транссибирской железнодорожной магистрали (1885–1892)

Самое главное, что произошло в период царствования Александра III, — это начало строительства Транссибирской железнодорожной магистрали. Для Южного Урала наиважнейшее значение имел ее западный участок — от Самары через Уфу, Златоуст, Челябинск. Строительство началось в 1885 году от станции Кинель, которая входила тогда в состав частной Самаро-Оренбургской железной дороги (строилась с 1874 по 1876 год). В сентябре 1886 года участок Кинель — Уфа был сдан в эксплуатацию. В августе 1890 года произошла стыковка участков Самара — Уфа и Уфа — Златоуст. Они то и образовали Самаро-Златоустовскую железную дорогу. Строительство участка дороги от Златоуста до Челябинска было завершено осенью 1892 года. Вся железная дорога от Самары до Челябинска на момент ее сдачи в эксплуатацию была однопутной. Строительство второго пути началось в 1897 году, то есть в царствование Николая II.

Выемка около Златоуста
(железная дорога
однопутная)

Строительство западного участка Транссибирской железнодорожной магистрали в период с 1885 по 1892 год сыграло решающее значение для дальнейшей судьбы чугунолитейных и железоделательных заводов Южного Урала. В сущности, этот факт трудно переоценить. С 1880-х годов для них наступил, без преувеличения, период возрождения. На Южный Урал потянулся капитал не только российских промышленников, но и международных торговых домов и банков. Ибо сочетание рудных запасов Южного Урала с возможностью поставлять по железной дороге коксующийся уголь и кокс для частных заводов черной металлургии открывало колоссальные перспективы.

Чугуноплавильные и железоделательные заводы Южного Урала в условиях действия таможенных тарифов 1881, 1887 и 1891 годов

Вслед за торговым домом «Вогау и К^о», который купил в 1874 году от конкурсного управления Белорецкий и Тирлянский заводы, образовав для этого акционерное общество, на Южный Урал пришел капитал торговых домов «Э. М. Мейер и К^о», «И. Е. Гинзбург и К^о» и анонимного общества «Русский и французский банк». О торговом доме «Э. М. Мейер и К^о» известно, что его учредил в Петербурге в 1860 году подданный Великобритании

Эдвард (Эдуард) Мейер, который занимался финансовой деятельностью и торговыми операциями.

В 1881 году для покупки и дальнейшей эксплуатации Сергинско-Уфалейских заводов ими было образовано «Товарищество Сергинско-Уфалейских горных заводов». Его устав был утвержден 6 ноября 1881 года. Все заводы — Верхне-Сергинский, Нижне-Сергинский, Верхне-Уфалейский, Нижне-Уфалейский, Суховязский, Атигский, Козинский, Михайловский — товарищество купило от конкурсного управления над имениями наследников Губина. После чего на заводах была проведена широкомасштабная модернизация производства. Директорский пост товарищества Сергинско-Уфалейских горных заводов занимал сын основателя торгового дома «Э. М. Мейер и К^о» — М. Э. Мейер.

Обо всех достижениях иностранного капитала на уральской земле рассказывать долго, тем не менее о некоторых сказать надо. Первое, что сделали иностранные специалисты, — перевели доменные печи товарищества на горячее дутье. К примеру, на Верхне-Уфалейском заводе действовала доменная печь шотландской системы, для нагрева поступающего в дому воздуха служили три аппарата Массика и Крука. (Для справки: еще в 1870 году на Урале большинство чугуноплавильных заводов работали на холодном дутье, поглощая втрое больше топлива, чем его требовалось при горячем. А в 1882 году из 103 доменных печей на холодном дутье работали 69.)

На Верхне-Уфалейском заводе было построено также шесть пудлинговых печей — две печи Сименса и четыре обыкновенных. Действовали два прокатных стана, приводимые в движение паровой машиной в 60 лошадиных сил. Кроме небольших паровых котлов, отопляемых газом из пудлинговых печей, на заводе действовал паровой котел Шухова.

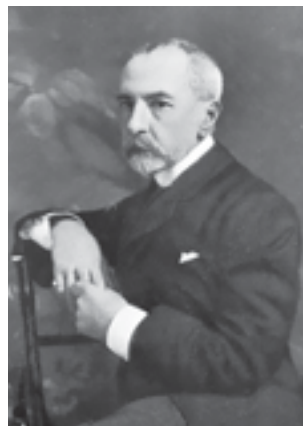
В 1888 году на Нижне-Сергинском заводе была построена настоящая мартеновская фабрика с двумя десятитонными печами, а в 1894 году построена третья печь на 12–15 тонн. В сущности, Нижне-Сергинский завод стал одним из первых заводов на Урале, который ввел мартеновское производство. Первая мартеновская печь, построенная Мортимером в 1884 году на Верхне-Сергинском заводе, носила опытный характер [11, с. 176].

Торговый дом «Вогау и К^о» после ободряющего тарифа 1881 года, расширяя свою деятельность на

Южном Урале, выкупил в 1882 году из Петербургской сохранный казны недействующие Узьянский чугуноплавильный и Кагинский железодельный заводы. Особую роль в модернизации как Белорецкого, Тирлянского, так и Узьянского и Кагинского заводов сыграл Гуго Марк Вогау, который с 1870 по 1917 год руководил торговым домом «Вогау и К^о».

В 1884 году на Кагинском заводе немцы начали строительство доменной печи, которая заработала в 1886 году, а в 1887 году ими построены проволочная и гвоздарная фабрики. Доменное производство Узьянского завода также подверглось модернизации. После того как все производственные мощности Кагинского и Узьянского заводов были обновлены, их передали в 1897 году Обществу Белорецких заводов.

Симский чугуноплавильный и железодельный, Миньярский железодельный заводы находились до 1886 года в совместном управлении братьев Николая Петровича и Ивана Петровича Балашовых. В 1886 году произошел раздел между братьями, по которому Симский и Миньярский заводы остались во владении Николая Балашова, а Иван Петрович получил половину стоимости заводов — 750 тысяч рублей. В пореформенное время заводы успешно работали.

Николай Петрович Балашов (1840 – 1931).
М. Л. Левинсон –
Государственный совет.
С-Петербург: Типография
«Россия», 1907

Иван Петрович Балашов (1842 – 1924). Кондаков С. Н.
Юбилейный справочник
императорской Академии
Художеств 1764 – 1914.
СПб 1914

В период царствования Александра III Катав-Ивановский завод, находясь в единоличном владении Константина Эсперовича Белосельского-Белозерского, оставался главным чугуноплавильным пред-

Верхне-Кыштымский завод

приятием. Там действовали четыре доменных печи на горячем дутье, которое обеспечивали воздухонагревательные аппараты системы «Витвель Коупера» (три на все четыре домны). В 1880-е годы на Катавских заводах было полностью ликвидировано кричное производство.

В те же 1880-е годы на Катав-Ивановском заводе построили мартеновскую фабрику с одной печью, двумя действующими и двумя запасными генераторами. Сталь отливалась по мере надобности: твердая — на выкатку рельсов, мягкая — на выделку крупносортового железа и рельсовых скреплений. Действовали три рельсопрокатных стана.

Продолжалось производство бессемеровской стали с двумя ретортами. Чугун употреблялся расплавленный, прямо из доменных печей. Бессемеровская сталь шла по преимуществу на выделку рельсов. Стальные отливки составляли только долю процента. Рельсы готовились для Сибирской железной дороги по цене 1 рубль 63 копейки с доставкой на ближайшую железнодорожную станцию.

При заводе работали литейная, кузнечная, механическая фабрики. Все машины-двигатели, станки, паровые котлы и прочее оборудование были приобретены за границей. Инструментальная сталь тоже была заграничной. Электричество применялось только для освещения цехов.

В литейное производство шел штыковой чугун, выплавляемый на Юрюзанском заводе. Этот завод вместе с Минским железодельательным в 1891 году перешел в единоличное владение к купившему их князю Константину Белосельскому-Белозерскому [4].

По поводу Усть-Катавского завода следует сказать, что он производил исключительно кричное кованое железо. Но в 1837 году были введены пудлингование и сварочно-прокатное производство, и завод стал выделять среднесортное железо (мелкосортное железо — с 1877 года).

С 1892 года отправка готовой продукции Катавских заводов стала осуществляться по железной дороге прямо к местам назначения.

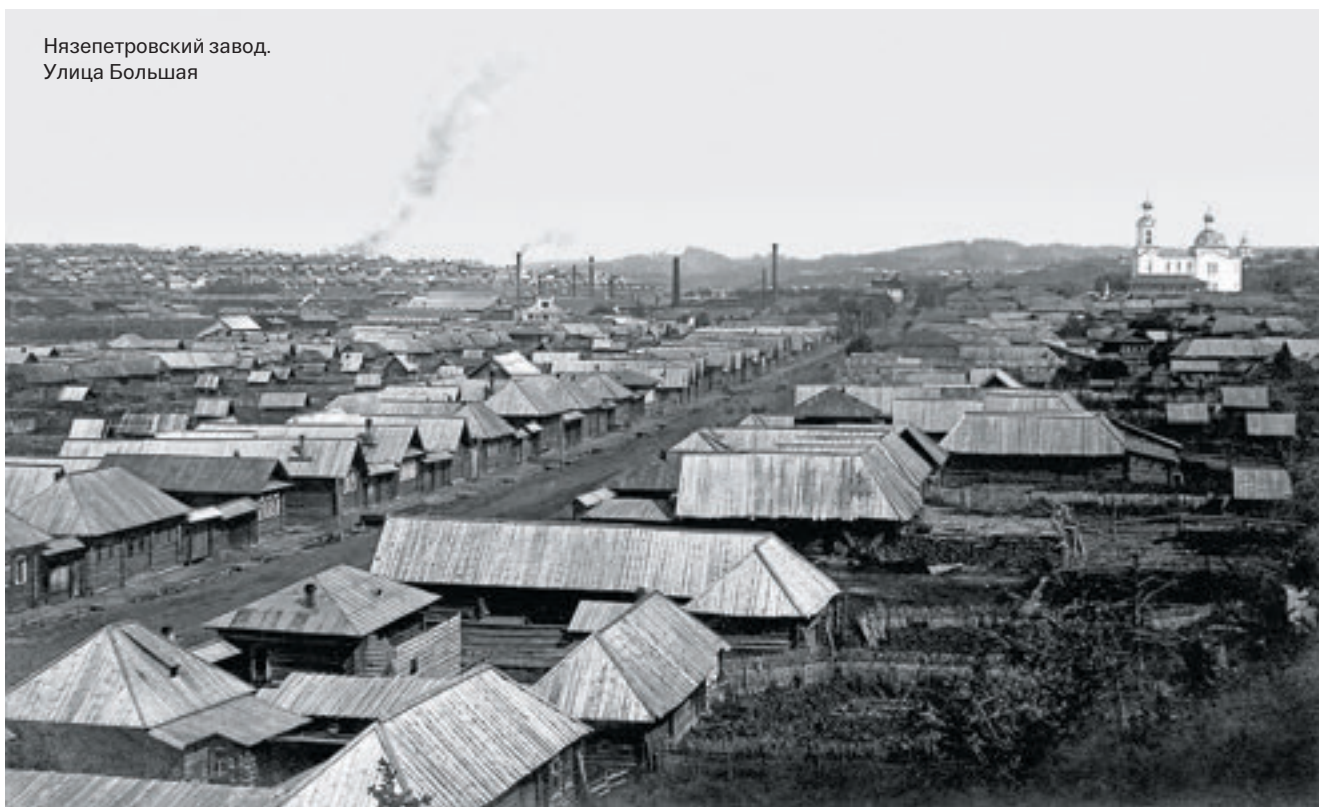
Таким образом, Катав-Ивановский, Усть-Катавский, Юрюзаньский и Минский заводы с 1891 года вновь действовали как единый горнозаводской комплекс.

***

Перед наследниками Л. И. Расторгуева — владельцами Нижне-Кыштымского, Верхне-Кыштымского, Каслинского, Нязепетровского, Шемахинского заводов — уже давно встал вопрос модернизации заводского хозяйства, но в условиях двойного управления, когда большая часть времени уходила на согласование даже второстепенных вопросов, проведение реконструкции было практически невозможно.

Нязепетровский завод.
Улица Большая

Каслинский завод. Вид на
фабрики

Правление Кыштымским горным округом во главе с заводладельцами О. П. Дружининой, М. Г. Дружининым и главным управляющим П. М. Карпинским. Верхне-Кыштымский завод

Нязепетровский завод.
Вид на фабрики и плотину

Павел Михайлович
Карпинский

Михаил Григорьевич
Дружинин

В окончательный тупик предприятия попали в 1880-е годы, когда было введено тройное управление.

Со смертью в 1889 году Г. В. Дружинина вопрос об изменении характера управления встал с новой силой. Доверенность на право управления заводами, выданная ему еще М. Л. Харитоновой в 1853 году, позднее подтвержденная ее дочерью-наследницей Ольгой Петровной Дружининой, потеряла силу. Новым поверенным во всех заводских делах со стороны О. П. Дружининой стал ее второй сын Василий Григорьевич Дружинин.

Наследники, понимая, что дальнейшее дробление неизбежно и что оно неблагоприятным образом сказывается на управлении заводами, приняли решение об учреждении общего управления Кыштымскими горными заводами. В декабре 1890 года было подано прошение на имя министра государ-

ственных имуществ об учреждении общего управления заводами с приложением проекта об управлении общим имением. «Положение об управлении общим имением» 14 ноября 1891 года получило высочайшее утверждение. На общем собрании владельцев 27 февраля 1892 года в члены Главного правления были выбраны потомственный почетный гражданин Николай Александрович Зотов, отставной гвардии корнет барон Владимир Владимирович Меллер-Закомельский, титулярный советник Василий Григорьевич Дружинин. Главное правление помещалось в Санкт-Петербурге на Сергиевской улице в доме 45. Главноуправляющим Кыштымским горным округом был утвержден Павел Михайлович Карпинский.

В 90-е годы в Верхне-Кыштымском заводе постоянно проживал третий сын Ольги Петровны Дружининой – Михаил Григорьевич Дружинин, который

в отсуствии П.М. Карпинского исполнял обязанности управляющего заводами.

Дружинины и расцвет каслинского художественного литья

Со временем частные заказы Дружининых к скульпторам стали носить откровенно коммерческий характер. Дело в том, что производственный участок художественного литья на Каслинском заводе требовал все новых и новых образцов скульптуры для тиражирования в чугуне. Как уже было отмечено, особо видимых успехов в этой сфере деятельности удалось достигнуть сыну Григория — Василию.

Василий Григорьевич Дружинин, выполняя многочисленные заказы, обращался практически ко всем скульпторам Петербурга. Только из одного письма Н. К. Буха к Василию Дружинину следует, что тот заказал мастеру несколько скульптурных произведений. Причем среди них были как неоплаченные, так и неоконченные вещи [8, л. 1]. Заказ относился к осени 1891 — весне 1892 года. Анализ альбома художественных вещей Каслинского завода за 1913 год подтверждает, что в Каслях действительно тиражировались работы Н. К. Буха. К примеру, точно установлено, что статуэтка № 70 («У») «Солдат, стреляющий с колена» — это его работа. Подтверждением служит подпись на постаменте: «РАБ. БУХ». С большой долей вероятности можно утверждать, что и другая статуэтка — № 69 («У») «Солдат пляшет с бубном» — это также работа Н. К. Буха.

В центральных и частных архивах в России хранятся подлинные письма скульпторов и художников из Петербурга, Москвы, адресованные Дружининым. К примеру, в РГАЛИ выявлены, помимо письма Н. К. Буха, письма Р. И. Баха, Н. А. Лаврецкого, М. Л. Диллон, В. М. Беклемишева, а также художника С. К. Маковского. Из этого эпистолярного наследия буквально по крупницам собирается общая мозаика формирования художественной коллекции Дружининых, а также эталонной комнаты Каслинского завода, где хранились бронзовые модели, по которым отливались художественные вещи из чугуна.

Учитывая, что до 1876 и после 1885 года в Каслинском заводе не было своего скульптора, Дружининым (Григорию, сыну Василию) приходилось присылать художественные произведения для тиражирования только после того, как они «разрезались» под

модель в Петербурге. Одним из исполнителей этой работы являлся скульптор Роберт Иванович Бах. «Милостивый государь Василий Григорьевич, — писал Р. И. Бах в одном из писем Дружинину, — в настоящее время я занят разрезкою приобретенных Вами моделей для их формовки. Надеюсь окончить работу в начале будущей недели и приехать к Вам в четверг 20 или в пятницу 21... Р. Ив. Бах» [7, л. 1].

С покупкой той или иной художественной вещи, будь это скульптурная группа или лоточек под перья, В. Г. Дружинин приобретал и право тиражирования ее в чугуне на Каслинском заводе. К примеру, за год до открытия Всемирной выставки в Париже по распоряжению В. Г. Дружинина от 23 марта 1899 года на заводе были введены в производство художественные вещи по новым моделям: «Вожатый с медведем» (работа Баха); подсвечники высокие («А»): № 32 «Женщина с дельфином» (работа Пашенко), № 33 «Женщина с урной» (Пашенко), № 34 «Сирена» (Линда); пресспапье: № 62 «Лисица» (работа Баха), № 65 «Тетерев токующий» (Баха); статуэтки: № 139 «Киргиз на лошади» (работа Яковлева), № 143 «Ребенок с яйцом» (Орловой), № 146 «Амур хромой» (Баха) [3, л. 14].

В это же время в Каслях началась отливка выставочной витрины для Парижской выставки 1900 года. Ее проект был заказан петербургскому архитектору Е. Е. Баумгартену. Выполнением этого заказа, как и покупкой новых образцов скульптуры малых форм, декоративно-прикладных вещей, вплотную занимался В. Г. Дружинин. Его вклад в дело тиражирования кабинетных вещей трудно переоценить, а перечень приобретенных произведений станковой скульптуры при желании можно продолжить.

Таким образом, опираясь на дневниковые записи А. В. Дружинина и выявленные архивные документы и письма, обоснованно можно утверждать, что попадание художественных моделей в Каслинский завод не было случайным. Это был осознанный и управляемый процесс, руководимый фактически совладельцами Кыштымского горного округа Дружиниными. Заслуга же в формировании стиля каслинского художественного литья в разделе «Кабинетные вещи» принадлежит не каким-то мифическим мастерам художественного литья, а вполне конкретному историческому лицу — отставному генералу, увлеченному коллекционеру и собирателю древностей Григорию Васильевичу Дружинину. Именно Г. В. Дружинин,

изначально занимаясь подбором станковой скульптуры (скульптуры малых форм) и декоративно-прикладных вещей для промышленного тиражирования в чугуне, добился своеобразия каслинского художественного литья.

Общеизвестно, что заформовать и отлить в металле можно любую скульптуру. В то же время формовщики, специалисты-литейщики хорошо знают, что не всякая станковая скульптура технологична по своей природе. Поэтому искусство выбора скульптуры для промышленного тиражирования в чугуне и заключается в поиске той золотой середины, когда художественные достоинства и оригинальность исполнения авторской работы оптимально сочетаются с технологичностью ее производства (приемлемое количество разъемных кусков при формовке, легкость обработки при чеканке, легкость нанесения красочного слоя и т. п.). Этим искусством в совершенстве овладел Г. В. Дружинин. Продолжателям его дела только и оставалось, что следовать выбранному стилю художественного литья. Впоследствии практически все искусствоведы сойдутся во мнении, что основными его особенностями являются четкость силуэта, тщательность отделки деталей, передача фактуры различных материалов, качественная черная (маговая) окраска.

Дружинины не остановились только на технической стороне дела. Разумеется, надо отдать должное каслинским формовщикам, литейщикам, чеканщикам, резчикам по дереву и мастерам окраски художественных изделий. Со временем они приобрели высочайшую квалификацию и могли отлить в чугуне наисложнейшие художественные произведения. Доказательством могут служить два выставочных павильона 1896 и 1900 годов и наградные медали всероссийских, международных и всемирных выставок II половины XIX века. Но при этом не надо забывать, что в дореволюционный период, то есть при Дружининых, от рабочих цеха художественного литья не требовали выполнения постоянно возрастающих производственных норм и не срезали расценки на эти нормы. На тот период их не применяли при производстве художественного литья. Каждому рабочему цеха художественного литья полагался оклад в зависимости от его квалификации. Размер оклада квалифицированного рабочего позволял прокормить семью из пяти-семи человек. Единственным мерилom производственной деятельности являлось качество выпускаемых изделий.

Мало кто знает, что в конце XIX — начале XX века на заводах Кыштымского горного округа его администрация по настоятельному требованию заво-

Нижегородский павильон 1896 года. Архитектор Ширшев А. В. Фотоархив Института материальной культуры (ЛОИА) АН Санкт-Петербург

довладельцев всерьез боролась за культуру производства. Это напрямую касалось рабочих цеха художественного литья Каслинского завода. К примеру, от рабочих требовали, чтобы доставляемый из карьера формовочный песок не был перемешан с обычной землей, а отливаемые художественные вещи соответствовали весу, указанному в торговом прейскуранте. Именно поэтому художественное дореволюционное литье, как и обычная чугунная (опойчатая) посуда, имело тонкие стенки. Тонкостенность отливок, а значит, их легкость были возведены в абсолют. Подтверждением того, что заводладельцы требовали от рабочих цеха художественного литья Каслинского завода высокого качества отливок, а не гнались за количеством, служит тот факт, что в 1897 году кабинетных вещей было отлито 600 пудов, а всей заводской ваграночной продукции — 145 000 пудов. О серьезности намерений администрации округа свидетельствует и тот факт, что в заводах были введены денежные

штрафы за матерные слова, употребляемые рабочими на производстве.

Добиваясь качества кабинетного литья, Дружинины уделяли не меньшее внимание художественной стороне выпускаемой станковой скульптуры. Обладая обширными знаниями как в живописи, так и в русской и европейской скульптуре, Григорий Дружинин выбрал беспроектный вариант ее промышленного производства. Как правило, в тираж шли только высокохудожественные произведения скульптуры малых форм знаменитых, очень известных и подающих большие надежды европейских, петербургских и московских скульпторов. Достаточно назвать следующие имена: П. К. Клодт, Е. А. Лансере, А. Л. Обер, Н. И. Либерих, Р. И. Бах, Н. Р. Бах, Р. Р. Бах, Н. А. Лаврецкий и другие. В каслинском художественном литье были протиражированы работы выдающихся европейских (в большинстве французских) скульпторов: Э. Фальконе, Г. Аллегрена, П.-Ж. Мена, Морелли, Бюро, Э. Б. Люсьена, Ж. Бюлье, Вангена, Й.-П. Молина, М. Клодиона, Э. Левека, К. Кисса, Ж.-Л. Готье, А. Моро, Ж. Болона, Э. Буре, П. Финелли и др. Работы местных скульпторов-самоучек (В. Ф. Торокина, Д. И. Широкова), являясь исключением из выбранного правила, только подтверждали его. Если проанализировать альбом Каслинского завода за 1913 год, то можно увидеть, что бюстов, групп, статуэток в нем насчитывается 265 наименований, что составляет третью часть общего количества художественных вещей. При этом надо помнить, что отсылались из Петербурга в Касли только модели или копии, сами же оригиналы станковой скульптуры пополняли художественную коллекцию Дружининых. Поэтому когда мы рассматриваем тот или иной альбом с художественными вещами, выпускавшимися Каслинским заводом, мы невольно знакомимся и с коллекцией станковой скульптуры (скульптуры малых форм), некогда принадлежавшей Дружининым. В сущности, все вышесказанное и является ответом на вопрос, что стало залогом успеха каслинского художественного литья.

В заключение имеет смысл привести выдержку из письма художника Сергея Константиновича Маковского, адресованного В. Г. Дружинину. «Милости-
«Exlibris В. Г. Дружинина
в книге Н. Чупина из Нью-
Йоркской публичной
библиотеки»

Медаль выставки Вольно-экономического общества. 1860 год. Золото. Диаметр 57 мм.
© Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2019

Наградная медаль Всемирной выставки в Париже. 1867 год. Медальер Понсакарм. На оборотной стороне в прямоугольнике, который держат ангелы, указывалось имя, получившего награду. В советский период медаль была передана в Свердловский областной краеведческий музей. ALMANACH DE L'EXPOSITION ILLUSTREE

Подлинную медаль мануфактурной выставки 1870 года в Петербурге, полученную наследницами Расторгуева, до сих пор выявить не удалось, но ясное представление о награде может дать изображение серебряной и медной

медалей 1870 года, идентичные золотой. Медаль... от Всероссийской мануфактурной выставки 1870 года (лицевая сторона). Серебро. Диаметр 54 мм.
© Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2019

Медаль наградная за Всероссийскую мануфактурную выставку. 1870 год. Медь. Диаметр 5,4 см. На оборотной стороне — чистое поле для того, чтобы выбить имя награжденного. Самарский областной историко-краеведческий музей имени П. В. Алабина

Медаль Московской политехнической выставки. 1872 год. [Иверсен Ю. Медали, выбитые в царствование императора Александра II. СПб, 1880. Таблица XII, № 5]

Медаль «Преуспения» (Dem Fortschritte-medal). За качественное железо, чугун, ваграночное литье по I группе (горное дело и металлургия). © Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2019

вый Государь Василий Григорьевич! Позвольте мне, обратиться к Вам с покорной просьбой в качестве члена комитета выставки “Старые годы”,— писал Маковский в письме от 11 декабря 1908 года,— с согласия выставочного комитета “Старых годов” я убедительно прошу Вас разрешить мне выставить в “Салоне” Ваши превосходные картины...» [10].

Дальнейшая судьба художественной коллекции Дружининых в советский период ничем не отличается от судьбы других частных коллекций дореволюционной России. В конечном итоге она была национализирована и роздана по государственным музеям Петербурга и Москвы. Какая-то часть хранится в Эрмитаже. Что-то советским правительством было продано за границу частным коллекционерам или передано в провинциальные музеи страны. Поиски ее следов — тема отдельного исследования. Можно добавить только, что книги из библиотеки Дружининых исследователи находят в библиотеках Гарварда (на них стоит пометка «30 центов за том») и Нью-Йорка (NYPL).

***

Итак, в период царствования Александра III на Южном Урале в ходе наметившегося экономического подъема, был начат и процесс постепенного объединения ранее раздробленных по праву наследования чугуноплавильных и железоделательных заводов. Так, с покупкой у Петербургской сохранный казны в 1882 году обремененных долгами Узьянского и Кагинского заводов торговый дом «Вогау и К^о» стал владельцем четырех заводов (вместе с Белорецким и Тирлянским). У князя К. Э. Белосельского-Белозерского на праве полного владения с 1891 года состоялось уже не два, а четыре завода (Катав-Ивановский, Усть-Катавский, Юрюзаньский и Миньярский).

Также крупную покупку совершили торговые дома «Э. М. Мейер и К^о», «И. Е. Гинзбург и К^о» вместе с анонимным обществом «Русский и французский банк», выкупив у конкурсного управления в 1881 году восемь Сергинско-Уфалейских заводов.

Таким образом, в период с 1874 по 1894 год определились три будущих крупные центра черной металлургии Южного Урала начала XX века — Бело-

Почетная наградная медаль выставки в Филадельфии. 1876 год. Медальер Митчелл. © Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2019

Медаль в память Сибирско-Уральской научно-промышленной выставки в Екатеринбурге. 1887 год. Серебро. Диаметр 42 мм. © Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2019

Наградная медаль Всемирной Колумбовой выставки в Чикаго была присуждена наследникам Л. Расторгуева. 1893 год. Медь. Диаметр 76 мм. Свердловский областной краеведческий музей

рецкий, Сергинско-Уфалейский и Катав-Ивановский. Причем процессы централизации шли вопреки действующему горному законодательству.

По поводу деятельности на Южном Урале торгового дома Вогау следует особо отметить, что образованное ими акционерное общество Белорецких заводов являлось ничем иным, как прикрытием купли-продажи «упавших» металлургических заводов.

Но на тот момент они нужны были правительствам и Александра II, и Александра III, поэтому покупка обремененных казенными долгами горных округов прошла успешно.

Когда во время Первой мировой войны начались черносотенные погромы немцев, проживавших в России, именно царские власти вынудили торговый дом «Вогау и Ко» свернуть здесь свою деятельность. К нем-

Медаль художественно-промышленной выставки в Стокгольме. 1897 год. Ее изображение экспоненты имели право использовать на выставках, этикетках, товарных ярлыках.
© Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2019

Медаль Всемирной выставки в Париже Кыштымским металлургическим заводам. 1900 год. Медь. Диаметр 6,35 мм (копия, вероятно всего, изготовленная модельщиком Каслинского завода К. Д. Тарасовым). Свердловский областной краеведческий музей

Медаль Всемирной выставки в Париже Кыштымскому заводу. Медь. Диаметр 6,35 мм. 1900 год. По поводу именной надписи «Кыштымскому заводу» надо сказать, что помимо орфографической ошибки, допущенной в слове «Кыштымскому», на наградной медали выбито название, используемое в просторечии. Официально в Кыштымском горном округе не было завода с таким названием, там находились «Верхне-Кыштымский чугуноплавильный железодельный и Нижне-Кыштымский железодельный заводы». Выставочный чугунный павильон, получивший в Париже высшую награду, отливался на Каслинском заводе. Свердловский областной краеведческий музей

цам были применены те же приемы, что и по отношению к старообрядцам-беспоповцам: унижительные и вредные указы и запреты, фактическая конфискация паевых капиталов в отраслях, имеющих хоть какое-то отношение к военной промышленности, вынужденная продажа активов, запрещение банковской деятельности, введение государственного надзора.

Медеплавильные заводы Южного Урала в условиях действия таможенных тарифов 1882, 1885, 1886 и 1891 годов

Новый тариф вступил в действие 1 июля 1882 года. В нем было установлено два оклада пошлины: на медь (и сплавы) в штыках, слитках, стружках, опилках и ломе — 66 копеек золотом с пуда; на медь в листах, полосах и прутьях, составляющую главную часть привоза, — 1 рубль золотом с пуда.

С 1882 года привоз меди начал сокращаться. В 1881 году было ввезено 590 тысяч пудов, в 1882-м — лишь 214 тысяч пудов. Тем не менее заводчики ходатайствовали о повышении пошлин на медь штыковую до 2 рублей, на листовую — до 3 рублей золотом с пуда. Владельцы же заводов, перерабатывающих медь, предлагали оклады на 50 копеек меньше.

Тариф 1885 года представлял собой компромисс между этими требованиями и устанавливал следующие оклады: на медь штыковую — 1 рубль 50 копеек золотом, на листовую медь — 2 рубля золотом с пуда. Привоз упал до 205 тысяч пудов.

Между тем необыкновенно усилился приток на европейские рынки американской меди, и цена ее за границей понизилась до 4 рублей 35 копеек за пуд, тогда как стоимость выплавки одного пуда меди в России составляла тогда от 5 до 11 рублей. Это обстоятельство послужило заводчикам мотивом для того, чтобы выступить с новым ходатайством об ограждении отечественного производства от могущего последовать наплыва иностранной меди. Они просили повысить пошлину на медь штыковую до 3 рублей, на листовую — до 4 рублей золотом с пуда.

Тариф 1886 года удовлетворил их требования, хотя и не в полной мере. Пошлина на штыковую медь была определена в 2 рубля 50 копеек, на листовую — в 3 рубля 10 копеек с пуда.

В 1890 году последовала 20-процентная надбавка, и оклады ставок возросли до 3 рублей на штыковую и до 3 рублей 72 копеек золотом с пуда на листовую медь. Привоз меди начиная с 1886 года еще более уменьшился. Так что в среднем за пятилетие (1886–1890) поступало всего около 133 тысяч пудов в год. Особенно сократился привоз листовой меди, спустившись в среднем до 22 тысяч пудов в год.

Тариф 1891 года возвратился снова к окладам 1886 года, и с 1892 года привоз меди быстро стал возрастать, почти удвоился привоз листовой меди. Большую часть иностранной меди Россия получала из Германии и Англии (по 35–40 % ввоза) [5, с. 242–243].

Воскресенский и Преображенский медеплавильные заводы во владении английской компании «Русская медь». Как уже было сказано, Воскресенский, Верхоторский и Богоявленский заводы в 1835 году перешли в общее владение к Александру Васильевичу, Михаилу Васильевичу и Ивану Васильевичу Пашковым. В 1836 году братья поделили заводы между собой «по предварительному соглашению»: Верхоторский отошел к Ивану Васильевичу, Воскресенский — к Михаилу Васильевичу, Богоявленский — к Александру Васильевичу. Но официально заводы остались в общем владении.

Причем Михаил Васильевич Пашков, помимо этого, купил еще Преображенский медеплавильный завод, которым владел единолично до своей смерти в 1863 году. В 1866 году из-за неоплаченного долга Преображенский завод перешел во временное владение к К. Э. Белосельскому-Белозерскому.

После оплаты долга Преображенский завод вслед за Воскресенским перешел по наследству к вдове Марии Трофимовне и детям Николаю, Юлии, Марии, Александру, фрейлинам Екатерине, Леонилле и Ольге Пашковым. Они-то и продали через опекуна в 1870 году заводы англичанам А. Бродгену и Д. Ланкастеру, организовавшим на Южном Урале компанию «Русская медь».

На Воскресенском заводе англичане расширили прокатную фабрику для выделки листовой меди, на Преображенском увеличили количество печей. На рудниках установили механические подъемники, насосы, проложили рельсовые пути для откатки руды. В итоге на Воскресенском заводе выплавка меди увеличилась с 5808 пудов в 1870 году до 19 260 пудов в 1880-м.

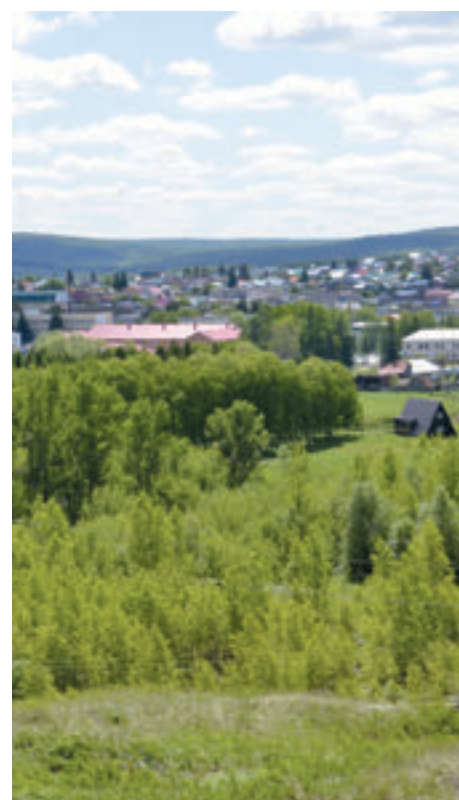
Василий Александрович Пашков (1831 – 1902) . Владелец с 1868 года Богоявленского, с 1869 года Верхоторского, с 1891 года Преображенского и Воскресенского медеплавильных заводов. С 1884 года находился в вынужденной эмиграции

Богоявленский медеплавильный завод перед закрытием (1,2).

Богоявленский стекольный завод начала XX века (3)

Преображенский завод, до этого бездействовавший, в 1872 году возобновил работу и выплавлял в среднем 1,6 тысячи пудов меди в год.

Тем не менее у англичан возникли проблемы непреодолимой для них силы. Опыт британского инженера показал, что «в здешнем крае не только развитие промышленности или какого-либо нового предприятия, но и удовлетворительное существование прежних производств невозможно без особого содействия правительственной администрации и местных начальственных лиц в побуждении рабочих к выполнению своих обязательств» [3, с. 487–490].

В 1884 году Преображенский медеплавильный завод вновь был остановлен. Компаньоны жаловались горному начальству на высокую заработную плату, сложности с рабочими, возрастающие налоги, обеднение руд и конкуренцию с заграничной медью. Все вышесказанное и побудило англичан прекратить свою деятельность на Урале, а заводы выставить на продажу.

Только в 1891 году доверенные лица англичан нашли покупателя — родственника бывших владельцев Василия Александровича Пашкова.

Преображенский медеплавильный завод во владении В. А. Пашкова бездействовал в 1890-х годов и окончательно закрылся в 1908-м.

Воскресенский медеплавильный завод во владении В. А. Пашкова прекратил производство меди в 1896 году.

Богоявленский медеплавильный завод. В 1868 году Богоявленский завод перешел к наследникам Александра Васильевича Пашкова — сыну Василию Александровичу Пашкову и двум дочерям. После того как Василий Александрович выкупил доли сестер, он владел заводом до его закрытия единолично. В 1887 году Богоявленский медеплавильный завод был остановлен и закрыт. После остановки медеплавильных печей владельцы Богоявленского завода в 1893 году открыли на его территории стекольное производство. В советский период Богоявленский стекольный завод переименовали в Красноусольский стекольный завод, который проработав весь XX век, был остановлен и закрыт в 2006 году.

Архангельский медеплавильный завод (на реке Аксын). После смерти графини Александры Коссаковской в 1886 году Архангельский завод перешел по наследству к ее сыну Казимиру-Августу Коссаковскому. В 1891 году Архангельский медеп-

Вид на закрытый (2006) Красноусольский стекольный завод. Территория бывшего

пруда бывшего Богоявленского медеплавильного завода». Фото А. Таирова, 2019 год (4)

План заводской дачи Архангельского медеплавильного завода тайной советницы графини Александры Ивановны Коссаковской. Составлен 30 ноября 1859 год [ГАСО. Ф. 59. ОП. 7. Д. 333]

лавильный завод был остановлен и закрыт.

Благовещенский медеплавильный завод. После смерти Елизаветы Васильевны Дашковой (1890) Благовещенский завод, проработав еще девять лет, в 1899 году прекратил выплавку меди.

Верхоторский медеплавильный завод. После смерти бездетного Ивана Васильевича Пашкова в 1869 году его наследниками были объявлены Ва-

сий Александрович Пашков и коллежский ассessor Николай Михайлович Пашков. После того как Н. М. Пашков получил 750 тысяч рублей наличными, Верхоторский завод остался во владении у Василия Александровича Пашкова. Причем это был единственный из его медеплавильных заводов, который проработал до начала XX века.

Фасад бывшей медеплавильной фабрики Богоявленского завода.
Фото: В. Свистунов, 2019 год

Вид с горы Куштякла на пруд и плотину бывшего Архангельского медеплавильного завода. Справа от плотины (где зеленая поляна) находи-

лась медеплавильная фабрика. В настоящее время – футбольное поле.
Фото: А. Таиров, 2019 год

***

Как видно из вышеприведенных данных, при Александре III еще три медеплавильных завода — Преображенский в 1884 году, Богоявленский в 1887-м и Архангельский в 1891-м — остановили выплавку

меди. И это несмотря на то, что тарифы 1882, 1885, 1886 годов и 20-процентная надбавка в 1890 году значительно сократили привоз иностранной меди. Тем не менее в общем объеме и это количество привозной меди оказало сильное влияние на внутрен-

Архангельский медеплавильный завод 1859 год [ГАСО. Ф. 59. ОП. 7. Д. 333 (фрагмент с плана заводской дачи)]

Вид на производственную площадку бывшего Архангельского медеплавильного завода с левого берега реки (Аксын) Аскын. Футбольное поле устроено на месте медеплавильной фабрики. Вокруг футбольного поля, от плотины до места съемки – заросшие травой шлаковые отвалы. За плотиной и прудом возвышается заросшая лесом гора Куштякла.
Фото: В. Свистунов, 2019 год

ний рынок, что и заставило владельцев медеплавильных заводов первоначально остановить производство, а потом и полностью закрыть предприятия. Другими словами, стремление правительства Александра III защитить российских производителей меди одним только введением повышенных пошлин, без снижения величины подати с выплавленной меди, не принесли положительных результатов. Тем более что с введением тарифа 1891 года приток иностранной меди вновь усилился, что и предопределило судьбу оставшихся трех действующих медеплавильных заводов Южного Урала.

В 1896 году Воскресенский, а в 1899-м Благовещенский медеплавильные заводы остановили производство меди. Последним был закрыт в 1913 году Верхотворский завод.

Список источников и литературы

1. Бочкарева Е. С. Формирование Златоустовского горнозаводского округа в период владения рода Лугининых (1769–1799 гг.) : дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2017. 224 с.
2. Неклюдов Е. Г. Уральские заводчики в первой половине XIX в.: владельцы и владения. Нижний Тагил, 2004.
3. Неклюдов Е. Г. Уральские заводчики во второй половине XIX — начале XX века: владельцы и владения. Екатеринбург, 2013.
4. ОГАЧО. Ф. И-172. Оп. 1. Д. 710.
5. Описание Катав-Ивановских чугуноплавильных, железоделательных и литейных заводов князя Белосельского-Белозерского. СПб., 1896.
6. Покровский В. И. Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России: в 2 т. Т. 1. СПб., 1902.
7. Полное собрание законов Российской империи. 1-е изд. СПб., 1830.
8. РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 70.
9. РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 110.
10. РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 334.
11. Уральская железная промышленность в 1899 г. СПб., 1900.

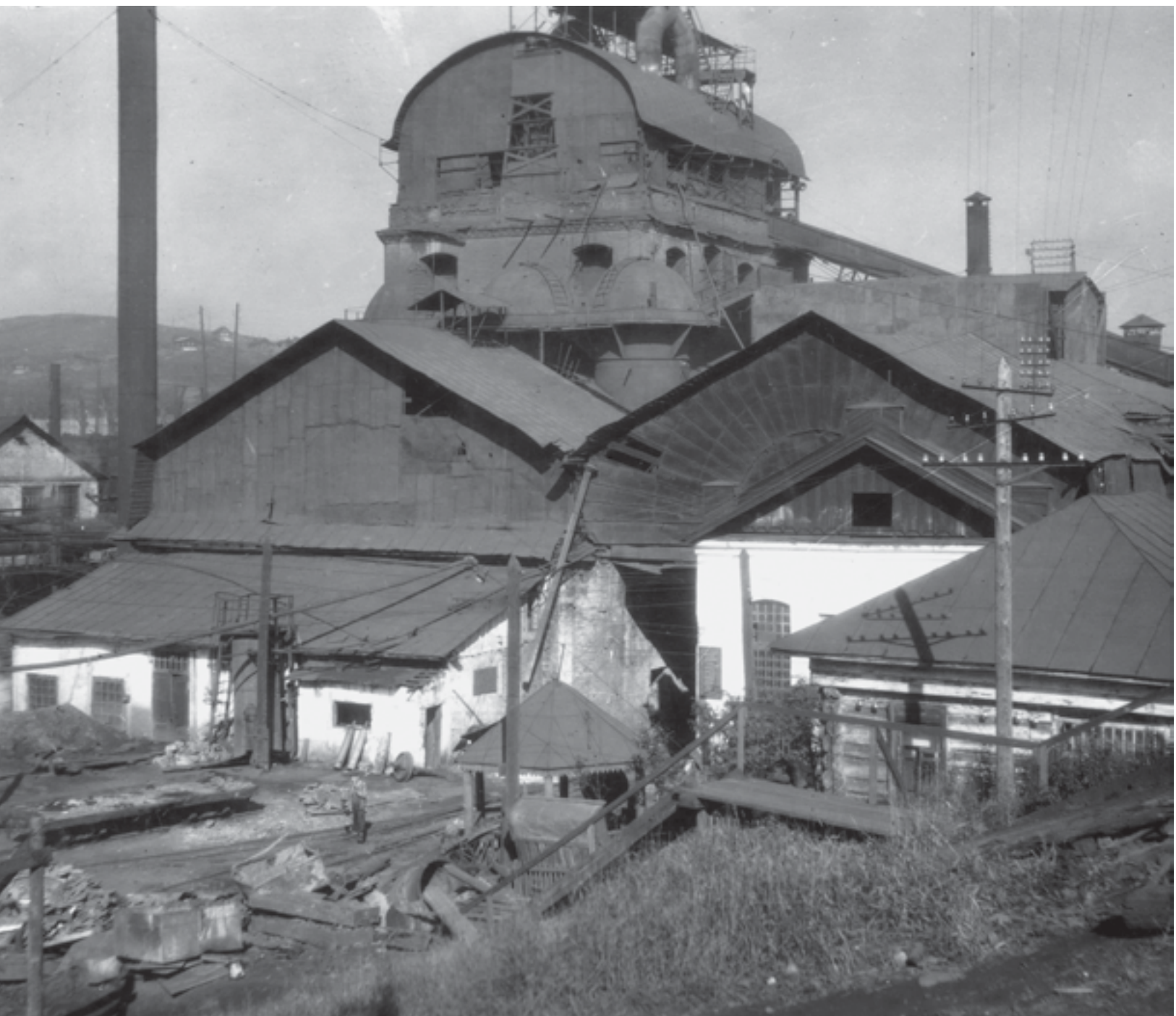

Куватал.
Таежный поселок старателей.
Фото: С. Арканов

История Южного Урала

7
Том
Заключение

ЗАКЛУЧЕНИЕ

Подводя общий итог переходам и дроблению металлургических заводов Южного Урала по праву наследования путем долевого раздела, следует особо подчеркнуть, что число заводладельцев только в первой половине XIX века увеличилось с 50 до 190. В то же время количество чугуноплавильных и медеплавильных заводов на Южном Урале не только не возросло, но и, наоборот, уменьшилось. Как уже было сказано, в 1795 году остановился Архангельский (Шаранский), в 1821-м — Богословский (на реке Кичуй) медеплавильные заводы. В конце царствования Николая I в 1851 году сгорел и больше не восста-

навливался Таишевский, а вслед за ним закрылся и Иштерьяковский медеплавильные заводы. Кто-то может сказать, что это были маломощные заводы, значит, туда им дорога. Но все дело в том, что они изначально задумывались купцами-первостроителями таковыми, то есть исключительно для производства меди на местный внутренний рынок! Причем ряд таких заводов строился в период царствования Елизаветы Петровны, когда разрешалось заводчикам, не вывозившим железо и медь за границу, торговать и железом, и медью внутри России беспошлинно, не платя попутных сборов с выплавлен-

Бакальский железный рудник.
Вывоз руды

Типичный вид доменной фабрики уральского металлургического завода конца XIX — начала XX веков

ного металла. В качестве компенсации за предоставляемые таможенные и налоговые льготы тогда государство требовало, чтобы «сделанное на... заводах железо на здешний расход обывателям продавать против прежнего со уменьшением; також, когда в казну медь потребна будет, тогда им заводчикам оную ставить и отдавать по 5 рублей пуд».

Иными словами, следуя логике петровского указа 1714 года о единонаследии, эти 190 новых владельцев при всем своем желании никак не могли жить и процветать за счет заводских доходов. «А когда от тех пяти по два сына будут,— говорится по этому поводу в Указе от 23 марта 1714 года,— то по 100 дворов достанется, и тако далее уменьшаясь, в такую бедность придут, что сами однодворцами застать могут, и знатная фамилия, вместо славы, поселения будут. Как уже много тех экземпляров (образов.— В. С.) есть в российском народе». В случае же с переходом и дроблением металлургических заводов Южного Урала по праву наследования путем долевых разделов их заводовладельцы к середине XIX века превратились в своеобразных однодворцев, только вместо одного двора владели одним заводом, и то не все. Причем процесс дробления заводов продолжался, так как горные уставы XIX века потворствовали этому. В конечном итоге это и привело к полному упадку как чугуноплавильных, так и медеплавильных заводов Южного Урала в период царствования Александра II. Но если большинство заводов черной металлургии благодаря строительству Транссибирской железной дороги и притоку иностранного капитала вышли из кризиса, то медеплавильные заводы все до единого закрылись.

В заключительной же третьей сентенции содержится мораль всей преамбулы Указа от 23 марта 1714 года «О порядке наследования...». «Сверх сих вредительных дел,— говорится в пункте «о Непотребности»,— еще и сие есть, что каждый, имея свой даровой хлеб, хотя и малой, ни в какую пользу государства без принуждения служить... не будет, но ищет всякой уклоняться и жить в праздности, которая (по Святому писанию) материю есть всех злых дел. Напротиву того... ежели недвижимое будет всегда одному сыну, а прочим только движимое, то государственные доходы будут справнее... фамилии не будут упадать... прочие не будут праздны, ибо принуждены будут хлеба своего искать службою, учением, торгами и прочим... И то все, что оные сделают вновь для сво-

его пропитания, государственная польза есть».

Начиная с периода царствования Николая I на Южном Урале происходили события, не характерные для второй половины XVIII — начала XIX века. Так, если при Павле I только наследники Лариона Лугинина выставили Златоустовские заводы на продажу, то только в период с 1825 по 1855 год уже три группы заводовладельцев продали свои заводы, что называется, в «чужие руки». В данном случае речь идет о наследниках Андрея Герасимовича Глазова, продавших в 1834 году Богословский завод Петру Ивановичу Шелашникову; о Гавриле Ивановиче Осокине, который в 1837 году продал Нижний, Верхний Троицкие, Усень-Ивановский заводы вместе с банковским долгом Дмитрию Егоровичу Бенардаки; и, конечно, о Павле Михайловиче Губине, сыне Михаила Губина, предложившем в 1848 году взять его Нижний и Верхний Авзяно-Петровские заводы в казну. Он же с позволения Горного правления в 1855 году продал Авзяно-Петровские заводы, находившиеся уже в государственном управлении, Н. Е. Тимашеву, который в 1859 году перепродал их Д. Е. Бенардаки. Нельзя не упомянуть о продаже по решению Государственного Совета в 1855 году Кагинского и Узьянского заводов петербургскому купцу второй гильдии М. Ф. Гротену, который в 1860 году перепродал их Ф. П. Никифорову и А. В. Татаринину. Драматизм этих «сбрасываний заводов» заключался в том, что продавали свои предприятия опытные промышленники, знающие горное дело, а покупали с целью перепродажи купцы или дворяне, мало что понимавшие в этом производстве. В конечном итоге целые горнозаводские округа, такие как Белорецкий, Кагинский (Узянский), Сергинско-Уфалейский, оказались или в конкурсном управлении, или в Петербургской сохранный казне.

По поводу продажи Лугининными своих Златоустовских заводов следует особо подчеркнуть, что все заводовладельцы Южного Урала тяжело пережили разграбление и сожжение заводов башкирами в 1774 году, а Ларион Лугинин — особенно. На восстановление Златоустовского, Саткинского чугуноплавильных и железоделательных и строительство Миасского медеплавильного заводов он потратил практически все свои капиталы. О величине своих финансовых потерь лучше всего сказал сам заводовладелец: «Разорение сие поглотило, так

сказать, почти все то, что нажито было с покойным отцом моим и мною больше, нежели в 50 лет от дел торговых».

Случай же с лишением всех гражданских прав старообрядцев-беспоповцев П. Я. Харитонова и Г. Ф. Зотова и их ссылкой иллюстрирует ключевой момент внутренней политики Николая I на Южном Урале. В запале борьбы со старообрядчеством, в стремлении к его искоренению император показал старообрядческим промышленным и торговым кругам Урала, да и всей России, свою готовность разорить промышленные и торговые капиталы. А самых эффективных заводских управляющих, будь они хоть семи пядей во лбу, он готов был отправить в ссылку только за то, что они проявили стойкость и преданность вере своих отцов и не перешли в единоверие. Со стороны Николая I это демонстрировало, по меньшей мере, негосударственный подход к управлению промышленным Уралом. Тогда как царь Петр I, столкнувшись со старообрядческим протестом на Урале и в Западной Сибири (вплоть до актов саможжения), обозвав старообрядцев дураками и обложив двойной подушной податью, оставил их в покое. И эта политика принесла свои плоды. Старообрядческий капитал в XVIII веке, хоть и не сразу, но начал перетекать из торговли в металлургическую промышленность Урала, исполнив тем самым мечту царя о русских частных промышленных «кумпаниях».

В XIX веке начался обратный процесс, и старообрядческий капитал ушел из металлургической промышленности Южного Урала в золотодобычу, легкую и химическую промышленность. В большей степени этому способствовала внутренняя политика Николая I, направленная на полное искоренение старообрядчества.

Детальное сопоставление российского горного законодательства XVIII века с проектом Горного положения 1806 года, действовавшим на всем протяжении XIX столетия позволяет заключить, что это два совершенно разных блока законов. Основопологающие акты горного права XVIII века (Берг Привилегия 1719, Берг Регламент 1739 годов), были направлены на развитие черной и цветной металлургии в России. Причем, с широким привлечением частного, как торгового, так и промышленного капитала. И здесь важно подчеркнуть, что Берг Привилегия и Берг Регламент разрешали покупку земли, перевод крепостных и приписку государ-

ственных крестьян к заводам не только дворянам, но и купечеству. Причем, в Берг Привилегии, Берг Регламенте и связанных с ними подзаконных актах, покупка земли, лесов под заводы, как и обеспечение, их рабочей силой, трактованы как полезное общенародное дело, а не как подачка в виде пособия. Следствием этого полезного для государства дела и стал принцип равного налогообложения, как для дворян, так и для промышленников недворянского происхождения. После отмены горной подати в 1754 году помимо единовременных выплат, в соответствии с горным законодательством XVIII века, горнозаводчики продолжали платить башкирским вотчинникам двухпроцентные деньги – природную ренту. Эти выплаты продолжались до тех пор, пока они, эти основополагающие акты горной свободы (Берг Привилегия и Берг Регламент) не были отменены в 1782 году. Тогда как горные уставы XIX века, покоящиеся на проекте Горного положения 1806 года, преследовали исключительно фискальные интересы казны, не имевшие ничего общего с экономическим процветанием России.

Сам же проект Горного положения 1806 года не являлся основополагающим актом горного права. Его статьи были составлены графом Васильевым на основе манифеста Екатерины II от 28 июня 1782 года «О распространении права собственности владельцев на все произведения земли на поверхности и в недрах ее содержащиеся» и жалованной грамоты дворянству от 21 апреля 1785 года. Что, в свою очередь, и предопределило в дальнейшем сословный (неравный) характер налогообложения металлургических заводов России вообще и Южного Урала в частности. Именно сословный (неравный) характер налогообложения металлургических заводов России и позволил ввести, как в проект Горного положения 1806 года, так и в Горные уставы XIX века такие понятия как «без всякого от казны пособия», «заведены частными людьми с пособием от казны». Прямым следствием проекта Горного положения 1806 года и стало появление в XIX веке такого имущественного права как посессионное, ставшее еще одним подлинным препятствием в развитии металлургической промышленности Южного Урала в XIX веке.

Том **7**
История
Южного Урала

ГОРНОЗАВОДСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ И ЗАВОДЫ ЮЖНОГО УРАЛА (1734–1900)

Печатается по решению
Ученого совета Южно-
Уральского государствен-
ного университета.
Протокол № 4
от 29.12.2018 г.

Вячеслав Михайлович Свистунов, Александр Григорьевич Тептеев

ГОРНОЗАВОДСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ И ЗАВОДЫ ЮЖНОГО УРАЛА (1734–1900)

Научное иллюстрированное издание

В издании использованы документы, рукописи, планы и карты из фондов центральных (РГАДА, Санкт-Петербургский филиал АРАН) и региональных (ОГАЧО, ГАСО, ГАОО) архивов, общедоступные ресурсы из сети Интернет, авторские фотографии С. Арканова.

Авторы издания приносят искреннюю благодарность руководителям, научным сотрудникам Объединенного государственного архива Челябинской области, Государственного архива Свердловской области и Государственного архива Оренбургской области за содействие в исследовательской работе. Выражаем особую благодарность директору главной библиотеки Горного университета Санкт-Петербурга Светлане Олеговне Никиташиной за предоставленную возможность снять копию с рукописной книги А. С. Ярцова.

Составитель, научный редактор
кандидат исторических наук В. М. Свистунов
Редактор, ответственная за выпуск Н. О. Иванова
Корректор И. Н. Козырева
Фотохудожник С. М. Арканов
Верстка В. Н. Чеснокова
Дизайн: Р. Я. Шарапов

История
Южного
Урала

серия
из 8 книг

Формат 60×90 1/8
Усл. печ. л.
Печать офсетная. Бумага мелованная
Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано в ОАО «ИПП "Уральский рабочий"»
620990 г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13

Седьмой том 8-томной «Истории Южного Урала» посвящен событиям периода русской колонизации Южного Урала 1734–1900 годов. Комплексный анализ архивных документов и российского горного законодательства XVIII–XIX веков позволил найти ответы на вопросы о причинах подъема металлургического производства на Южном Урале в XVIII веке и его кризисного состояния в XIX веке.

История Южного Урала